ЛМ
Ф 36
т 2

СИДНЕЙ ФЕЙ

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

том
II

ОГИЗ

Государственное
Социально-Экономическое Издательство
Москва—Ленинград
1934

ДМ
ф 36

СИДНЕЙ ФЕЙ

306

ПРОИСХОЖДЕНИЕ МИРОВОЙ ВОЙНЫ

Том II

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО Б. ЖУХОВЕЦКОГО

С ПРЕДИСЛОВИЕМ А. ЕРУСАЛИМСКОГО

145693.
Т.3(22)

ГОСУДАРСТВЕННОЕ
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1934

Ф е й — Происхождение мировой войны, т. II (т. I недавно выпущен Соцэкгизом) — посвящен событиям, относящимся непосредственно к началу империалистской войны — сараевскому убийству и кризисным дням. Как и в первом томе, автор дает большой конкретный фактический материал, обстоятельно документируя свое изложение и снабжая его большой библиографией в примечаниях.

Предисловие А. С. Ерусалимского дает марксистский анализ собранного у Фея материала, частично дополняя его новейшими публикациями (прежде всего советскими), внося тем самым необходимый корректив в изложение автора, политически тенденциозное и методологически беспомощное.

Книга предназначается в первую очередь для преподавателей и для студентов-историков.

Государственная публичная
библиотека
145693

Редактор **Н. Рубинштейн.** Технический редактор **Л. Кошутина.**

Сдано в набор 20/V 1934 г. Подписано к печати 27/VII 1934. Формат 62×94/16. Печ. л. 25. Зн. в печ. л. 52 000. № Огиза 1359. Заказ 2621. Тираж 10 000. Уполномоченный Главлита Б-37009.

1-я Образцовая тип. Огиза РСФСР треста «Полиграфкнига». Москва, Валовая, 28.

ПРЕДИСЛОВИЕ

I

В 1917 году Ленин высказывал сожаление по поводу того, что широкие народные массы не имеют возможности читать книги по истории дипломатических отношений [1]. Можно предположить, что в данном случае Ленин имел в виду не только книги, трактующие вопросы дипломатической истории в подлинно-научном духе революционного марксизма, но и те работы буржуазных историков по истории дипломатических отношений, которые, выражая буржуазную концепцию, дают богатый фактический материал. Так Ленин в годы мировой империалистской войны указывал например на работы Мореля [2].

Оставаясь либералом во всех вопросах политического и экономического характера, Морель, английский буржуазный пацифист, разоблачал свое правительство, опираясь на факты глубокого политического значения, и делал в этом отношении полезное дело. «Питая нелюбовь к абстрактным теориям, гордясь своим практицизмом, англичане, — писал по этому поводу Ленин, — нередко п р я м е е ставят политические вопросы, помогая таким образом социалистам иных стран находить реальное содержание под оболочкой всякой... словесности»[3]. Факты, как известно, упрямая вещь, и задача заключается в том, чтобы сделать из них соответствующие революционные выводы.

Американский историк Фей также гордится своим практицизмом.

Фактами, конкретным дипломатическим материалом богата его работа, получившая широкую известность в США и в Западной Европе. Вышедшая в 1928 г., переизданная в 1932 г., она могла использовать значительную часть новых публикаций. Конечно не обошлось без пробелов — невольных и вольных, — не говоря уже о том, что автором не могли быть использованы те публикации, прежде всего советские, которые появились уже после издания книги Феем.

Как и Морель, Фей — либеральный пацифист, — правда более консервативного склада. Как и Морель, Фей разоблачает тайную дипломатию, правда в более сдержанных тонах. Как и Морель, Фей хочет убедить в том, что он доискивается «правды», хотя он не столь яростно негодует по поводу официальной лжи европейских правительств. Как и Морель, — Фей хочет выяснить вопрос об ответственности за возникновение войны, хотя и более сдержан в своих морализующих сентенциях.

Таких сентенций он пытается избежать, очевидно считая это несовместимым с холодным объективизмом научного исследования. Но его «объек-

---

[1] Л е н и н, Соч., изд. 2-е, т. XX, стр. 357.
[2] Л е н и н, Соч., изд. 2-е, т. XVIII, стр. 140. E. D. M o r e l, The Outbreak of the War.
[3] Там же, стр. 141.

тивизм» не имеет ничего общего с подлинно-объективным исследованием причин мировой войны, порожденной глубочайшими и острейшими противоречиями капиталистической системы, достигшей в своем развитии стадии загнивания, стадии империализма. И в этом Фей ничем не отличается от Мореля, как впрочем и от всех остальных историков и публицистов буржуазного лагеря. Как и Морель, Фей отрицает неизбежность мировой войны, считая последнюю результатом таких неблагоприятно сложившихся обстоятельств, которые могли бы быть предотвращены.

Впрочем, в отношении общих выводов современный американский либеральный пацифист Фей значительно уступает Морелю — этому английскому пацифистски настроенному в годы войны либералу, о котором Ленин говорил, что он «исключительно честный и смелый... буржуа».

Эти качества чужды нашему американскому историку. Фей—буржуа, который в своем понимании происхождения войны не поднимается даже до уровня буржуазных классиков. «Политика, — писал Клаузевиц, — является тем лоном, в котором развивается война: в политике в скрытом виде уже намечены контуры войны как свойство живых существ в их зародышах» [4]. Фей, исследователь вопросов мировой политики, в своем глубоком американском провинциализме не воспринял даже самого отдаленного влияния европейского корифея буржуазной военно-политической теории, и гениальная мысль идеалиста-диалектика Клаузевица о том, что «война есть просто продолжение политики другими (именно насильственными) средствами», совершенно чужда работе Фея.

Фей ставит перед собою задачу огромного исторического значения— выяснить происхождение и общие условия возникновения мировой войны. Но он принципиально отвергает «значение экономического империализма как одной из основных причин войны». Он считает, что это значение по меньшей мере преувеличивается. «Часто можно слышать например,—пишет Фей, — что промышленное развитие Германии и та подозрительность, с которой его наблюдала Англия, делали войну между обеими странами рано или поздно неизбежной». Фей решительно отвергает эту точку зрения. Он считает, что «значение экономического соперничества преувеличивается» и что эти преувеличения можно объяснить, — однако историку не следует поддаваться их влиянию. Объяснение он видит в том, что экономическое соперничество «является предметом, затрагивающим карманы широких слоев общества, а потому охотнее обсуждается и лучше понимается, нежели другие вопросы». Экономические вопросы, по его мнению, часто раздуваются на страницах прессы из эгоистических интересов крупными промышленниками, коммерсантами или редакторами газет. Этим живет та огромная безличная масса, которую Фей называет «широкой публикой» и которая, по его мнению, не может разбираться в более тонких и более сложных вопросах милитаризма, национализма и секретных договоров. Задачу историка он видит в том, чтобы разъяснить значение всех этих вопросов, опираясь при этом только на фактический материал, «а когда читаешь дипломатическую переписку за годы, предшествовавшие войне,— пишет Фей, — видишь, что ею придается относительно скромное значение этому экономическому соперничеству, которое так усиленно преследует мысль

[4] Цит. по «Ленинскому сборнику», XII, стр. 403.

среднего делового человека или издателя газеты». И отсюда Фей делает заключение, что «не столько экономическое соперничество, сколько вопросы престижа и границ, армии и флота, вопросы равновесия сил держав и возможные сдвиги в системе союзов, — вот что вызывает кипы дипломатической корреспонденции и поднимает температуру дипломатических канцелярий до опасной точки».

Фей, таким образом, не поднимается выше самого плоского эмпиризма, и, великолепно зная весь опубликованный материал дипломатической переписки, серьезно думает, что, подобно тому как Афродита родилась из пены морской, мировая война порождена бумажными кипами этой переписки. В накоплении и привлечении нового материала Фей видит конечное условие, позволяющее более глубоко и объективно разрешать проблему возникновения мировой войны 1914—1918 гг.

И вывод, к которому он приходит, гласит: «война вызвана в конечном счете системой международной анархии, выражавшейся в союзах, вооружениях и тайной дипломатии».

Высказывая столь пренебрежительное отношение к обычным буржуазным воззрениям, Фей вместе с тем сам является их выразителем и проводником. Его практицизм сказывается не только в сухом прагматизме буржуазного историка, но и в разрешении другой задачи конкретного характера, — в определении своей позиции по вопросу о «виновниках войны». Войну готовили живые люди и «задача будущих историков, — поучает Фей, — выяснить политические, экономические, психологические мотивы, побуждавшие этих лиц действовать так, как они действовали». Это значит, что Фей хочет не только выяснить причины войны, но и дать оценку тем силам, которые играли ту или иную роль при возникновении этой войны. И тут оказывается, что он вовсе не является столь беспристрастным ученым-педантом, каким он хочет себя изобразить или каким он возможно сам себя считает. Свои суждения, оценки и выводы он хочет обосновать на фактическом материале, но материал требует анализа и следовательно исходных методологических положений.

В поисках этих положений Фей и обратился к седой старине: вместе с древне-греческим историком Фукидидом Фей считает прежде всего, что нужно различать более отдаленные или глубокие причины войны от обстоятельств, являющихся ее ближайшими причинами. И Фей посвящает специальный том своей работы раскрытию этих ближайших, более непосредственных причин мировой войны 1914—1918 гг.

Как указывалось выше, краеугольным камнем его исторической концепции являются ветхие фукидидовские воззрения, не слишком глубокие и потому достаточно удобные для американского буржуазного прагматика. Отделяя в своем анализе возникновения мировой войны причины отдаленные от причин более близких и непосредственных, работа Фея представляет собою один из наиболее ярких образцов того поверхностного и буржуазно-вульгарного представления, над которым так зло всегда издевался Ленин: в политическом поводе войны Фей усматривает фактор первостепенного значения и в его анализе ищет объяснения возникновения войны.

Но где проходит грань и где завязываются узлы общих нитей между этими отдаленными и непосредственными причинами мировой войны,— на этот вопрос автор ответа не дает. Если система секретных договоров

и тесно связанный с этой системой милитаризм являются, по мнению Фея, наиболее глубокой причиной мировой войны, и если, как показывает Фей, эта система действительно существовала, — то отсюда все же должно было следовать признание неизбежности этой войны. Однако Фей и это отрицает столь же непоследовательно, сколь и нерешительно. «Автор этих строк, — пишет он про себя, — не разделяет мнения, что война была «неизбежна», но он готов признать, что из всех крупных столкновений интересов, которыми обосновывается ее неизбежность, балканские проблемы менее всего поддавались разрешению мирным путем». Это заключительное замечание Фея (в первом томе его работы) чрезвычайно характерно для всей его концепции происхождения мировой войны. Оно характерно как для его понимания основных антагонизмов, приведших к этой войне, так и для его понимания вопроса о ходе развязывания этой войны — вспыхнувшей летом 1914 г. на австро-сербской границе и охватившей весь мир.

Этой непоследовательностью и нерешительностью характеризуется его позиция и дальше, в центральном по существу пункте его работы — вопросе о виновниках войны.

Ожесточенную борьбу вокруг этого вопроса, развернувшуюся с большой силой и имеющую, как всякому ясно, политический характер, Фей считает лишь логической путаницей, происходящей, по его мнению, от непонимания того, что «ответственность за отдаленные причины не всегда совпадает с ответственностью за ближайшие причины». Детальное рассмотрение его конкретно-исторического повествования показывает, что расположение и анализ материала, его отдельные замечания и заключения по каждому частному вопросу подчинены определенным политическим идеям. Эти идеи заставляют Фея нагромождать большой фактический материал, в одних случаях для того, чтобы их иллюстрировать, в других случаях для того, чтобы их затушевать. Они же заставляют его вскрывать одни контроверзы и скрывать от читателя другие. Наконец, они же заставляют его производить любопытные экскурсы, основанные на большом знании литературы и исторических источников, по вопросам весьма детального характера, и они же заставляют его проходить мимо таких вопросов, которые материал сам выдвигает даже перед человеком, вовсе неискушенным в области исторического исследования.

Ленин в свое время приветствовал Мореля, этого «честного и решительного буржуа», который своими фактами помогал разоблачать правительство империалистской Англии. Буржуазный историк Фей, даже в пределах своего примитивного эмпиризма, в известных случаях не останавливается перед тем, чтобы произвести насилие даже над материалом, который он приводит и который он так великолепно знает. Фей не замечает, что в его работе иногда одни факты опровергаются другими и что в своих оценках, суждениях и выводах он слишком часто противоречит сам себе.

II

«Европейская война, которую в течение десятилетий подготовляли правительства и буржуазные партии всех стран, разразилась,— писал Ленин в конце 1914 г.— Рост вооружений, крайнее обострение борьбы за рынки в эпоху новейшей империалистической стадии развития капитализма

передовых стран, династические интересы наиболее отсталых, восточноевропейских монархий неизбежно должны были привести и привели к этой войне. Захват земель и покорение чужих наций, разоружение конкурирующей нации, грабеж ее богатств, отвлечение внимания трудящихся масс от внутренних политических кризисов России, Германии, Англии и других стран, разъединение и националистическое одурачение рабочих и истребление их авангарда в целях ослабления революционного движения пролетариата — таково единственное действительное содержание, значение и смысл современной войны» [5].

В этой ленинской формуле сконцентрирован глубочайший научный анализ сложнейшего вопроса о происхождении мировой войны. Той же теме Фей посвятил целых два тома своей работы, ни в малой степени не приблизившись при этом к действительному разрешению вопроса.

В полном соответствии со всем своим пониманием того, что он называет непосредственными причинами войны, исходным пунктом второй, и притом вполне самостоятельной половины работы Фея, является вопрос об убийстве в Сараеве австрийского престолонаследника Франца-Фердинанда. Это убийство, как известно, послужило поводом для австро-сербского конфликта, переросшего в конфликт мирового значения. Фей высказывает убеждение, что если бы убийство в Сараеве не состоялось, мировая война могла бы не возникнуть или во всяком случае она разразилась бы несколькими годами позже. Совершенно естественно вытекает отсюда вопрос: какие же силы заинтересованы были в устранении австрийского престолонаследника и какие силы заинтересованы были в использовании этого конфликта для развязывания мировой войны?

Вопрос об убийстве Франца-Фердинанда может представлять интерес с точки зрения понимания места австро-сербского конфликта в развязывании мировой империалистской войны. История возникновения войны в эпоху империализма, в эпоху борьбы за передел мира показывает, что в каждом конфликте местного значения действуют пружины основных противоречий. Концентрируя внимание исключительно на противоречиях местного значения, буржуазия с ее централизованным и отлично налаженным аппаратом пропаганды тем самым стремится прикрыть истинные цели войны.

Не поднимаясь в своей проблематике над уровнем соответствующей буржуазной литературы, Фей, собрав огромный материал, ставит перед собою задачу, — «сделать окончательные выводы относительно того, как распределяется ответственность за убийство, послужившее непосредственным поводом для мировой войны». Как и ко всей проблеме возникновения мировой войны, и к вопросу о причинах сараевского убийства Фей подходит то как адвокат, то как прокурор. Он анализирует вопрос так, как сделал бы это судебный следователь. Он изучает источники так, как будто учиняет допрос свидетелям, и нужно сказать, что допрос он производит отнюдь не беспристрастно.

В оценке роли австрийского и германского империализма в создании обстановки для сараевского убийства Фей выступает как адвокат, старательно подбирающий даже мельчайшие факты, которые, хотя бы с натяжкой могут быть истолкованы в пользу его клиента. В оценке

[5] Ленин, Собр. соч. т. XVIII, стр. 61.

роли русского империализма он выступает как строгий, но не вполне беспристрастный судебный следователь. В отношении сербского правительства он выступает как прокурор, который предъявляет обвинение в непреднамеренном содействии убийству.

Одним из мотивов сараевского убийства он считает националистическую экзальтацию и психопатическое состояние заговорщиков. Война таким образом могла бы быть предотвращена своевременным арестом группы сербской экзальтированной молодежи и пополнением ею белградских клиник по нервным болезням. Таков вывод, к которому приходит Фей, отказываясь признавать значение «экономического империализма». Отсюда его апофеоз Франца-Фердинанда, которого он считает повергнутым ангелом мира, хотя на самом деле, как известно, «покойный эрцгерцог... являлся сторонником... разрешения спорных вопросов, если не мирным путем, то при помощи сильной армии и флота» [6]. То, что в планах развязывания войны определялось как п р е д л о г, Фей считает б л и ж а й ш е й п р и ч и н о й, являющейся однако случайным результатом неблагоприятно сложившихся обстоятельств, которые могли бы быть при некотором усилии воли предотвращены. В условиях крайнего обострения и переплетенности империалистских противоречий предлогов было достаточно. Создание и использование предлогов для всех капиталистических правительств являлось делом политической целесообразности и политической борьбы. Для Фея — это дело в значительной степени случая и моральной ответственности. Но и такое историческое понимание имеет также определенную классово-политическую основу.

Теперь совершенно ясно, что июльский кризис, который последовал после сараевского убийства, вовсе не был громом среди ясного неба, как это старается изобразить Фей. Грозовые тучи войны уже покрыли европейский небосвод весной 1914 г. Греко-турецкий конфликт из-за Эгейских островов явно клонился к своему разрешению вооруженным столкновением, и эта искра, попав в балканский пороховой погреб, также угрожала вызвать мировой пожар. Предполагаемое внезапное нападение Греции на турецкий дредноут, строившийся в Англии, означало бы начало греко-турецкой войны, а это повлекло бы закрытие проливов, и далее военное выступление царской России против Турции. «Но не станет ли тогда Германия на сторону Турции? В возможном вмешательстве Германии император Николай видит главную опасность новых осложнений» [7]. Не менее остро стоял албанский вопрос. И все же эти осложнения не состоялись, ибо вся обстановка, и особенно обстановка международно-политическая, не была еще соответственно подготовлена, и в частности греко-турецкий конфликт, как исходный пункт маршрута развязывания войны, затруднил бы выступление основных империалистских антагонистов — Англии и Германии. Тот сербский офицер, близкий к кругам организаторов сараевского убийства, сетования которого приводит Фей в доказательство того, что в Сербии считали момент для начала войны неподходящим, уже в то время несравненно более правильно чем Фей оценил политическую ситуацию, когда сказал, что «не в нашей власти выбирать этот момент».

[6] «Международные отношения в эпоху империализма»; Комиссия при ЦИК СССР по изданию документов эпохи империализма. Серия III, т. IV (в дальнейшем МО) № 47. Письмо Шебеко Сазонову, 1 июля 1914 г.

[7] МО, т. II, № 298, тел. Палеолога.

Кто же выбирал этот момент для того, чтобы приступить к развязыванию войны? Не случайно Фей уклоняется от ответа на этот вопрос, логически вытекающий из всего хода его исторического повествования.

Буржуазная литература очень много занимается вопросом о значении сараевского убийства или о роли мобилизации для возникновения войны. Этим она оставляет в тени вопрос о том, что империалистская война подготовлялась в течение ряда лет и даже десятилетий.

«Вся экономическая и дипломатическая история последних десятилетий, — писал Ленин в начале 1915 г. — показывает, что обе группы воюющих наций систематически готовили именно такого рода (империалистскую — *А. Е*) войну. Вопрос о том, какая группа нанесла первый военный удар или первая объявила войну, не имеет никакого значения при определении тактики социалистов» [8].

Но Фей не может не признавать того политического значения, которое этот вопрос имеет в капиталистических странах, где легенды об оборонительном характере войны преподносятся массам, для того чтобы эти массы обмануть и бросить в огонь войны, чуждой их классовым интересам. «В 1914 г.,— говорит Фей, — в странах Согласия внушили убеждение в невинности Сербии». Он не говорит, что это внушение производилось капиталистическими правительствами в отношении народа. Он хочет разрушить этот империалистский миф, но разрушая, он создает другой миф, такой же империалистский.

Свои удары Фей направляет прежде всего против тезиса о непричастности Сербии к сараевскому убийству. Он скрупулезно рассматривает каждую деталь, сопоставляет различные материалы и сводит основные данные о деятельности сербских организаций, стоявших за спиной непосредственных исполнителей террористического акта, произведенного в Сараеве.

Вся его аргументация направлена к тому, чтобы доказать отсутствие каких бы то ни было провокационных замыслов в отношении Сербии у австрийских организаторов сараевских маневров. В своем стремлении доказать это свое недоказуемое положение он идет так далеко, что ссылается на то, будто даже сербские участники убийства австрийского эрцгерцога, отправляясь из Белграда в Сараево, не опасались нападения на Сербию. Известно, что один из главных организаторов сараевского убийства — начальник осведомительного отдела сербского генерального штаба и фактический руководитель тайной великосербской террористической организации «Черная рука», полковник Драгутин Димитриевич,— впоследствии утверждал, что убийство Франца-Фердинанда имело своей целью предупредить войну. У Фея анализ взаимоотношений между «Черной рукой» и сербским правительством направлен к доказательству почти юридического положения: белградское правительство, зная о подготовленном покушении, несет ответственность за небрежность, выразившуюся в том, что оно своевременно не арестовало заговорщиков.

Если первая тема — обвинение Сербии, то вторая тема — реабилитация Германии и в известной мере Австрии.

Фей не дает никакого анализа напряженной политической борьбы, происходившей в Австро-Венгрии, и без этого анализа вся его аргумента-

[8] Ленин, Собр. соч. т. XVIII, стр. 125.

ция при опровержении версии о попустительстве в убийстве Франца-Фердинанда со стороны некоторых руководящих кругов двуединой монархии оказывается построенной на зыбких и противоречивых основаниях. Весь сложный переплет классовых противоречий и национальных отношений двуединой монархии остался совершенно непонятным Фею. Отношение между Габсбургами и боснийским крестьянством Фей рисует в лубочных красках и идиллически-патриархальном духе. Поездку австрийского наследника в столицу Боснии-Герцеговины он объясняет стремлением закрепить «узы общего языка и общих интересов», хотя, как известно, язык был совсем не общий. С другой стороны, всего лишь несколькими строками ниже Фей сам указывает, что правительству приходилось бороться с влиянием агитаторов на крестьянское население Боснии, и таким образом сам же косвенно признает отсутствие этих общих интересов.

Не нужно быть сторонником версии о том, что сараевское убийство было тщательно подготовлено некоторыми австро-венгерскими кругами (эта версия одно время имела широкое распространение в странах Антанты), чтобы признать, что вся эта полная социальной фальши идиллическая картина, изображающая австрийского эрцгерцога в качестве истинного друга и покровителя боснийского крестьянства, еще более настоятельно требует анализа политической борьбы, протекавшей внутри правящих классов двуединой монархии в связи со славянской политикой Франца-Фердинанда. План Франца-Фердинанда о создании триединой (австро-венгро-славянской) монархии, преследовавший в значительной степени династические интересы, вызвал, как известно, сильное недовольство, в частности среди венгерских магнатов, возглавляемых Тиссой. На Конопиштском свидании Франц-Фердинанд горько жаловался своему германскому другу — кайзеру Вильгельму на то, что Тисса, сделавшись фактическим диктатором в Венгрии, хочет покорить своему влиянию и Австрию: «Уже теперь,— говорил он — как только Тисса собирается в поездку, Вена начинает дрожать, и как только Тисса прибывает в Вену, — все ложатся перед ним на живот»[9]. В качестве характерной черточки напряженности этой политической борьбы в Австро-Венгрии любопытно отметить одно замечание Гитлера, который пишет, что узнав 28 июня 1914 г. об убийстве, совершенном в Сараеве, он был уверен, что это дело рук немецких студентов, недовольных славянской политикой эрцгерцога.

Фей особенно подробно останавливается на вопросе о Конопиштском свидании германского императора и австрийского престолонаследника, — свидании, состоявшемся незадолго до поездки последнего на сараевские маневры. И все это имеет определенную цель — доказать полное отсутствие каких бы то ни было признаков военной подготовки на Балканах со стороны австро-германского империализма. В частности он решительно полемизирует с английским писателем Стидом, который в свое время доказывал, что именно в Конопиште разрабатывался план превентивной войны против Сербии. Фей доказывает, что нет никаких данных, которые бы опровергали германскую версию о том, что визит Вильгельма в Конопиште был вызван желанием посмотреть редчайшую расцветку роз

[9] «Die grosse Politik», XXXIX» № 15736.

и познакомить австрийского престолонаследника с адмиралом Тирпицем, — желание, которое наш автор считает вполне естественным. Более чем возможно, что версия Стида создана была в качестве исторического аргумента для антигерманской политической пропаганды. Но в данном случае интересно то, что Фей, говоря о Конопиштском свидании, отрывая его от общих линий международно-политической ситуации, пытается создать впечатление об отсутствии каких бы то ни было агрессивных тенденций в политике австро-германского империализма.

Фей стоит здесь по существу на одних принципиальных позициях со своими противниками, версии которых он подвергает тщательному критическому анализу. Официальные историки стран бывшей Антанты утверждают, что в Конопиште состоялся «заговор» против Сербии и ее русской покровительницы, и на этом основании возлагают «ответственность за войну» на Германию и ее австрийскую союзницу. (Не случайно коллекция английских документов[10] начинает с освещения как раз этого момента австро-германской политики.) Разбивая эту версию, Фей тем самым хочет проделать встречный путь, для того чтобы снять эту «ответственность».

Не понимая сложного механизма развязывания империалистской войны, подготовляемой в течение предшествующих десятилетий, Фей всецело занят рассмотрением того, что он называет непосредственными и ближайшими причинами войны, и поэтому он проходит мимо таких, даже им самим упоминаемых фактов, которые являются составным элементом в общем процессе подготовки войны и которые хронологически очень близки к его «ближайшим причинам». Можно указать, как на один из многих возможных примеров, на встречу Конрада фон Гетцендорфа и Мольтке, начальников австрийского и германского генерального штаба, в Карлсбаде (12 мая 1914 г.). Конопиштская встреча, как на это между прочим указывают и сведения британской дипломатии, имела связь с этим свиданием военных в Карлсбаде, которому Фей не придает никакого значения только потому, что оно являлось, по его мнению, вполне естественным для руководящих работников генеральных штабов союзных стран.

Конечно, подготовка войны является для генеральных штабов капиталистических стран делом вполне «естественным» и даже германская пресса комментировала Конопиштское свидание, как имеющее огромное значение с точки зрения подготовки к войне: указывалось на необходимость усиления морских сил Австро-Венгрии в Средиземном море с целью отвлечения туда в будущей войне части флота Франции и Англии, а также с той целью, чтобы затруднить Франции перевозку войск из Северной Африки на Европейский материк и тем самым облегчить Германии военные операции на ее западном фронте. «Следует иметь также в виду,—сообщал в связи с этим русский военно-морской агент в Берлине Беренс, — что в Германии давно недовольны медленным и недостаточным усилением австрийских вооружений, как на суше, так и на море. Ей постоянно ставится в укор, что она опирается в достижении своих политических целей почти исключительно на германскую силу... На этот раз быть может Австрия заставит в свою очередь понести несколько более чувствительные расходы на военную силу с целью

[10] British Documents of the origin of the War, 1898—1914, v. XI.

отвлечь в Средиземное море часть английского флота и этим облегчить положение Германии по отношению к нашему появляющемуся флоту».

В Конопиште рассматривался также вопрос о том, насколько царская Россия подготовлена к войне. И тут, по мнению Франца-Фердинанда, не было оснований опасаться царской России: «внутренние затруднения слишком велики, чтобы разрешить этой стране вести агрессивную внешнюю политику». С этой оценкой, очевидно, вполне согласился и германский император, который посоветовал своим австрийским союзникам воспользоваться создавшейся ситуацией, чтобы крепким ударом по Сербии предотвратить национальное объединение южного славянства и окончательно утвердить свое влияние на Балканах. Для германского империализма это рисовало перспективу неимоверного укрепления экономического и политического влияния, охватывающего огромный территориальный комплекс от Гамбурга до Персидского залива. Это означало вытеснение политического влияния русского империализма и финансово-экономического влияния французского империализма на Балканском полуострове, а также в Малой Азии. Но это означало, что на карту ставился вопрос о войне. И этот вопрос был поставлен австро-германским империализмом, рассчитывающим опереться при этом на Балканский блок в составе Болгарии и Турции, с возможным привлечением сюда Греции и Румынии. Но царская Россия, опираясь на содействие французской дипломатии и парижской биржи, не только не собиралась уступить дорогу своему империалистскому сопернику, но и сама готовилась к дальнейшим захватам и к борьбе, подготовляя свое собственное орудие в виде блока балканских государств.

Таким образом, если бы Фей не был так загипнотизирован рассмотрением «ближайших причин», то он увидел бы, что большая дипломатическая активность обеих политических группировок являлась выражением резкого обострения империалистских противоречий и что все эти бесконечные встречи, беседы и визиты, столь, по его мнению, естественные, являлись составной частью в проведении общих практических мероприятий по подготовке войны, вызванной основными антагонизмами эпохи.

В условиях резкого обострения классовых антагонизмов, о которых Фей не упоминает почти ни одним словом, и антагонизмов империалистских политическая и дипломатическая активность европейских правительств свидетельствовала о том, что весной 1914 г. в Европе разносился не только великолепный аромат редчайших роз Конопиштского замка, но и запах того пороха, который наполнял огромные арсеналы всех капиталистических стран и который должен был взорваться, как только будут для этого созданы соответствующие условия. «Здешние арсеналы, — доносил, например из Болгарии русский посланник Савинский, — работают днем и ночью, даже по воскресеньям. За май арсеналом получено 25 вагонов военных припасов из Германии и 40 из Австрии» [11].

Попытка Фея доказать ссылкой на некоторые события предвоенных лет, что германское правительство не поддерживало агрессивной политики Австро-Венгрии, крайне неудачна и является лишь выражением общей политической линии его работы — попытки реабилитации германского империализма: в данном конкретном случае его примеры являются лишь

[11] МО, т. V, № 253. Тел. Савинского, 29 июля 1914 г.

показателем самостоятельных интересов германского империализма на Балканах, — интересов все усиливавшихся в годы, предшествовавшие войне. При этом военная и политическая подготовка на Балканах, проводимая австро-германским империализмом, была не менее активна, нежели соответствующая подготовка, проводимая противоположной империалистской группировкой, — союзом французской буржуазии и русского военно-феодального империализма.

Эта ожесточенная борьба двух группировок (при наличии некоторых крупных противоречий внутри каждой из них) шла в основном за расстановку сил в подготовляемом вооруженном столкновении. Если царская Россия в своей балканской политике опиралась на Сербию, то австро-германский империализм особенно энергично пытался внедрить свое финансово-экономическое и военно-политическое влияние в Болгарии, которую он хотел превратить в форпост своей экспансии на Балканском полуострове, учитывая ее огромное стратегическое значение для продвижения в Переднюю Азию. Еще задолго до предвоенного кризиса, ясно было, что соперничество за вовлечение балканских стран в сферу империалистского влияния — это борьба за вовлечение вспомогательных сил в подготовляемое вооруженное столкновение. Всячески стараясь «не допустить финансового, а следовательно, и политического закабаления Болгарии Германией и Австрией» [12], пытаясь в свою очередь закабалить Болгарию русскому царизму при помощи французской биржи, Савинский еще в самом начале 1914 г. раскрыл смысл происходящей борьбы, когда писал, что «отдача Болгарии на съедение австро-германцам... предрешает, само собой разумеется, взаимоотношения между Болгарией и Сербией, что в случае европейских осложнений уже прямо касается интересов России, а равно парализует то значение, которое может и должна иметь для нас более и более обрисовывающаяся группировка остальных православных балканских государств — Сербии, Греции и Румынии» [13]. Несколько позднее, — но также до начала действия «ближайших причин», — тот же Савинский, еще яснее указывал на австрийские планы расправиться с Сербией руками Болгарии, — чтобы тем самым усилить позиции германского империализма на Балканах в ущерб интересам царской России. Противопоставляя этому русский план, Савинский заметил: «Насколько наше положение будет выигрышнее, если в момент подобных осложнений мы будем в состоянии твердо рассчитывать на активное содействие Сербии и Болгарии!» [14]. На выбор этого «момента» и ориентировались империалистские правительства, которые вынуждены были в некоторых случаях не только подталкивать свою балканскую креатуру к выступлению, но и ввиду тех или иных неблагоприятных условий задерживать начало столкновения. Известно, что еще в самом начале февраля 1914 г. сербское правительство испрашивало в Петербурге «совершенно необходимое количество ружей и пушек к будущей весне» [15]. «Для Сербии мы сделаем все»—повторно заверял Пашича Николай II; и все же, однако, русское правительство под различными предлогами задерживало выдачу

[12] МО, т. III, № 22. Тел. Извольского, 18 мая.
[13] МО, т. I, № 275.
[14] МО, т. III, № 238. Письмо Савинского, 14 июля 1914 г.
[15] МО, т. I, № 101. Письмо Пашича, 2 февраля 1914 г.

просимого оружия из опасения, как бы оно не было пущено в ход слишком преждевременно с точки зрения его собственных интересов [16]. Оружие было Сербии отпущено, но только после сараевского убийства, когда война была поставлена Австрией в порядок дня и царское правительство наперед знало, что в этой войне оно примет широкое участие.

Советские публикации документов по истории мировой войны, как те, которые были использованы Феем (он их ценит очень высоко и считает одним из основных источников для изучения вопроса), так и те, которые вышли в свет в самое последнее время, уже после появления его работы, дают конкретную картину этой подготовки и развязывания мировой войны 1914—1918 гг. Отлично зная все детали различных версий относительно истории сараевского убийства, Фей ни одним словом не затронул вопроса о связи организаторов этого убийства с царским правительством. В руководящих кругах сербских террористов уже в конце 1913 г. убийство Франца-Фердинанда рассматривалось как пролог к войне с Австрией. В весенние месяцы 1914 г. русское правительство еще удерживало сербов от выступления. Если организаторы покушения, как это показало все последующее развитие кризиса, были уверены с самого начала в русской поддержке, то естественно напрашивается вопрос: на чем покоилась эта уверенность? И тут оказывается, что Фей замалчивает все данные, указывающие на существование нитей ведущих от «Народной Одбраны» и «Черной руки» в Петербург.

Теперь можно считать установленным, что если австрийское правительство хорошо знало о существовании «Черной руки» и внимательно следило за ее деятельностью (хотя в своем ультиматуме, вероятно из тактических соображений, обрушилось только на «Народну Одбрану»), то русское правительство не только знало о существовании этого тайного общества, но и поддерживало с ним через своих агентов связи.

«Общество это действует негласно, правительством игнорируется, но и не преследуется... Нельзя не признать, что нынешние настроения многих сербских офицеров чреваты всякими последствиями. Трудно сказать, каково будет их поведение в ближайшем будущем, но, очевидно, что они сохранят за собой господствующую роль во всех событиях, в которых развернется то, что ныне происходит на почве сербско-черногорского объединения, албанских дел и— last but not least— отношений Сербии к Австро-венгерской монархии» [17]. Это писал в Петербург через несколько дней после сараевского убийства русский посланник в Черногории, который, сидя в своей захудалой балканской провинции, не мог конечно знать что сведения его являются по меньшей мере запоздалыми.

Между тем еще в 1910 г. царское правительство выдало через «Международный коммерческий банк» субсидию в размере 4 млн. франков сербской офицерской организации «Задруга», о деятельности и организационно-политических связях которой дает достаточно полное представление не кто иной, как русский военный агент в Сербии полковник Артамонов [18]. «Надо вообще заметить,— сообщает он в генеральный штаб 17 июня 1914 г., — что управление и фактический контроль «За-

[16] Oesterreich-ungarische Aussenpolitik.

[17] МО, т. IV, № 105. Письмо А. Гирса, 6 июля 1914 г.

[18] МО, т. V, Приложение № 9. Секретный рапорт полк. Артамонова, 17 июля 1914 г.

други» организованы плохо; чрезмерно большую роль играет управляющий, чиновник Ч. Иованович, находящийся в теснейшей связи с группою офицеров, известной под кличкой «Черная рука». Трудно сказать,как велик действительно дефицит «Задруги» и куда именно израсходованы недостающие суммы. Однако несомненно, что в ведении дел допущено много неправильностей, что известные суммы расходовались на патриотические великосербские цели, на поддержание великосербского журнала «Пьемонт» и т. д. Многое очевидно, делалось с молчаливого согласия или указаний воеводы Р. Путника и даже может быть с одобрения наследника королевича Александра. (Как мне весьма доверительно сообщил посланник, осведомленный Н. Пашичем, перед ревизией «Задруги», вексель генерала Путника на 9 тыс. франков, полученных им из «Задруги», был погашен королевичем Александром из личных средств)». Из другого секретного рапорта (от 20 мая 1914 г.) становится совершенно очевидным, что все политические симпатии полковника Артамонова были на стороне «Черной руки» [19]. Получив деньги в долг и тратя их «на патриотические великосербские цели», сербские офицеры вероятно, и не предполагали, что царское правительство, рискуя подорвать свое политическое положение в Сербии, когда-либо затребует эти деньги обратно. Срок погашения этого займа давно истек, и лишь в начале 1914 г. Коковцев, председатель Совета министров и министр финансов, под нажимом Международного банка решился напомнить об этом «Задруге». Вскоре, однако, Коковцев вынужден был уйти в отставку, ибо, как оказывается, ему ставили в вину то, «что он всегда подчиняет общую политику и внешнюю политику финансовым интересам. Ни г. Коковцев, ни г. N. N. не являются людьми действия, а между тем в восточном кризисе понадобятся люди активные или по крайней мере решительные» [20]. Хорошо осведомленный в политических настроениях руководящей верхушки царской России французский посол Палеолог уже 14 февраля 1914 г. доверительно сообщает в Париж, что «дело как будто касается не только отказа от финансовой системы г. Коковцева... но и новой ориентации в общей политике», и указывал на возросшее влияние великого князя Николая Николаевича (который являлся, как известно, главой так называемой «военной партии»), а также Гартвига, русского посла в Сербии и фактического руководителя политики белградского правительства [21]. О направлении этого нового политического курса дает представление только что опубликованный документ, — полное неподдельного испуга письмо Савинского от 4 февраля, из которого мы приведем большую выдержку.

«Позволяю себе, — писал Савинский Сазонову, — беспокоить вас настоящими строками, предназначенными исключительно для вашего личного сведения, ввиду того, что в них мне придется затронуть ряд личных вопросов, касаться которых всегда тяжело, и я постарался бы этого избежать, если бы не считал своим прямым долгом. Во время моей остановки в Белграде я имел несколько длинных бесед с Гартвигом, кото-

---

[19] МО, т V, Приложение № 7. Секретный рапорт полк. Артамонова, 20 мая 1914 г.
[20] МО, т. I, № 250. Тел. Палеолога, 13 февраля 1914 г.
[21] МО, т. I, № 256. Тел. Палеолога, 14 февраля 1914 г.

рый повидимому надеялся быть вызванным вами в Петербург к приезду туда сербского престолонаследника и Пашича. Видя что неполучение от вас на это разрешения ему очень неприятно, я спросил его, о чем именно он собирался говорить в Петербурге. На это он мне ответил, что об очень многом — и главное о выдаче сербам ружей и патронов, для чего он предполагал видеться и с министром финансов, и с военным министром. Из дальнейшего разговора я убедился, что мысль Гартвига, натравить Сербию на Австрию. Конечно, не мне судить о степени опасности такой политики[22] в настоящую минуту, и я считаю только долгом сообщить вам о вышеизложенном». Эти последние данные не были известны Фею тогда, когда он писал свою работу.

Но у Фея были достаточно материалов, чтобы уяснить читателю ту обстановку напряженности противоречий и взаимно перекрещивающихся провокаций, в которой раздался сараевский выстрел. В частности, он знал материалы, свидетельствующие, что в Конопиште были переговоры о том, чтобы воспользовавшись создавшейся ситуацией, когда царская Россия слаба, а Франция еще не успела увеличить контингенты своей армии, крепким ударом по Сербии окончательно утвердиться на Балканах.

Он знал также, что одновременно с австро-германскими переговорами в Конопиште — состоялись русско-румынские переговоры в Констанце, где Сазонов, за две недели до Сараева, говорил о вооруженном столкновении между Россией и Австрией, о том, что это столкновение приведет к европейской войне, — и с том, что это столкновение может возникнуть «в том случае, если на почве албанского вопроса или под каким либо другим предлогом Австрия пожелает напасть на Сербию»[23].

Уже самый факт австро-венгерских маневров, устроенных возле Сараева, вблизи от сербской границы, являлся ничем иным как вызовом и провокацией в отношении сербского национализма. Первые сведения о намечающихся сараевских маневрах были восприняты в Белграде как показатель того, что австро-венгерская монархия угрожает бронированным кулаком и готовится к немедленному нападению на Сербию и к ее разгрому. Прибытие на маневры самого эрцгерцога Франца-Фердинанда, который только что вел в Конопиште секретные переговоры с германским императором, накладывало на всю эту провокационную затею особый политический отпечаток тем более, что день въезда Франца-Фердинанда в Сараево приурочен был к 28 июня, к дню сербского национального траура — «Видовдан» — в память поражения сербов на Коссовом поле в 1328 г. Все это привело в огромное возбуждение сербскую демократически и националистически настроенную молодежь, за спиной которой действовали тайные великосербские военно-патриотические организации Белграда. Австрийская провокация столкнулась со встречной провокацией, организованной «Черной рукой» («Единение или смерть»), руководимой начальником осведомительного отдела сербского генерального штаба полковником Драгутином Димитриевичем, по прозвищу — Апис.

---

[22] МО, т. V, Приложение № 2. Письмо Савинского, 4 февраля.
[23] МО, т. III, № 339. Докладная записка Сазонова, 24 июня 1914.

Деятели этой законспирированной организации играли видную роль в политической жизни страны и накануне войны вызвали серьезный конфликт с правительством Пашича. Последний, узнав о готовящемся покушении и понимая значение подготовляемых событий, отдал приказ о задержке заговорщиков, которые переходили через сербскую границу в Боснию. Уверенная в поддержке царской России, уверенная, что сербское правительство не решится назвать в Вене имена тех, кто взял на себя исполнение террористического акта, «Черная рука» довела свое дело до конца и на провокацию ответила встречной провокацией.

Создание условий для этих перекрещивающихся провокаций подготовлено было той внутренней политической борьбой, которая протекала в Австро-Венгрии, где некоторые придворные группы и особенно венгерские помещики были крайне недовольны Францем-Фердинандом. Во всяком случае никакой охраны в Сараеве не было: из Будапешта были присланы всего лишь три филера, — и для организации охраны больше ничего не было сделано под предлогом отсутствия денежных ассигнований. Таким образом, возможно не без провокационного умысла, создалась такая обстановка, которая могла только способствовать или благоприятствовать развязке взаимных австро-сербских провокаций.

Что дело идет о создании предлога для разжигания войны европейского масштаба, это уже тогда было совершенно ясно руководящим политическим деятелям и генеральным штабам обоих лагерей. Но это до сих пор осталось неясным Фею, для которого вопрос о действительных причинах и виновниках войны подменяется вопросом о том, кто «начал» войну, причем раскрытие личных мотивов тех, кто создал повод к войне, для него бесконечно важнее раскрытия той глубокой тайны, в которой империалистская война рождается.

III

В давно прошедшие времена феодальные противники начинали войну так: они размахивали своими огромными шляпами с привешенными к ним перьями и церемонно приглашали: «Рыцари Франции, стреляйте первыми». Эти времена безвозвратно прошли.

«Войны не будут больше объявляться, но, как тропические грозы, будут наступать при внезапном затмении солнца, за чем немедленно последует буря, — пишет известный английский военный теоретик Фуллер — объявление войны может считаться безумием...» Форма внезапного начала войны без формального и предварительного ее объявления не представляет собою чего-нибудь нового — она имеет свои исторические прецеденты.

Так например в 1904 г. Япония без формального объявления войны предприняла военные действия против царской России. В Англии лорд Фишер носился с планами «копенгацировать», т. е. внезапным нападением, без объявления войны, пустить ко дну германский флот и. т. д.

«Открытие военных действий без объявления войны не должно мучить нашу совесть», — пишет современный итальянский военный теоретик Бастико, имея в виду условия возникновения будущей империалистской войны.

Конечно и накануне прошлой мировой войны эти вопросы не «мучили» буржуазную совесть. Уже тогда этот вопрос рассматривался исклю-

чительно с точки зрения политической целесообразности. «Объявление войны, — указывал в 1914 г. Кюльман в своей книге «Прикрытие», — может предшествовать или следовать за приказом о мобилизации, — но может также совершенно отсутствовать. Это имеет малое значение. Важно лишь убеждение, — заключает он, — что как императорская Германия, так и республиканская Франция не смогут начать войну без поддержки общественного мнения».

При самом развязывании империалистской войны, капиталистическому правительству приходится решать вопрос о выборе наиболее благоприятного момента для выступления против своих империалистских соперников, напрягать усилия, чтобы обеспечить нейтралитет своих других противников и своевременное содействие союзников, и при этом разрешать огромной сложности проблему — подавления революционного противодействия масс.

Методы дипломатического развязывания войны всецело определяются той конкретно-исторической расстановкой классовых и империалистских сил внутри страны и на мировой арене, в условиях которой буржуазия приступает к вооруженной борьбе за передел мира. С этой точки зрения изучение предвоенного кризиса 1914 г. представляет значительный интерес, ибо позволяет на основании имеющегося обширного, впервые опубликованного материала рассмотреть сложный механизм дипломатического развязывания войны, те методы тайной буржуазной дипломатии, которые призваны обмануть народные массы лозунгом об оборонительном характере войны, создать легенду о том, что эта война была неожиданной для подготовивших ее правительств и была вынужденной угрозой нападения со стороны коварного противника. «Причиной войны, — пишет Гарольд Ласвель, американский специалист по технике военной пропаганды, — не должны выставляться ни мировая система управления международными делами, ни тупость и недоброжелательность правящих классов, но исключительно хищнические инстинкты неприятеля». «Для возбуждения в народе ненависти к противнику пропагандист, — указывает далее Ласвель, — должен позаботиться, чтобы циркулировало все, что устанавливает исключительную ответственность неприятеля» [24].

Этот обман и фразеология о собственных миротворческих усилиях нужны буржуазии для прикрытия бесперебойной работы всего огромного мобилизационного механизма.

Повторяя этот буржуазный обман, социал-демократия проводила свою предательскую политику гражданского мира в целях обеспечения классового тыла империализма.

Под гипнозом этой фразеологии находится и Фей. Не объективное классовое содержание кризиса, предшествовавшего непосредственному вооруженному столкновению империалистских государств, а поиски мотивов, направлявших деятельность руководящих политических фигур предвоенной эпохи, — вот что стоит в центре внимания Фея. И тут, если не считать некоторых оттенков, Фей изображает позицию каждого из империалистских правительств в дни предвоенного кризиса весьма близко к тому, как сами эти правительства пытались изобразить занятую ими тогда позицию.

---

[24] Гарольд Ласвель, Техника пропаганды в мировой войне, 1929.

Изображение позиции каждого из правительств обоих воюющих лагерей явно противоречит одно другому и конечно не соответствует объективному положению дела. Все это в своей совокупности и нашло свое выражение в концепции Фея: для него все течение и кровавая развязка предвоенного дипломатического кризиса — всего лишь результат какого-то грандиозного недоразумения, конечный итог известного количества недомолвок, неопределенного разномыслия, а также индивидуальных психических особенностей некоторых более или менее влиятельных политических деятелей, — наконец результат отдельных крупных и малых ошибок, допущенных этими лицами. Представление «будто бы войну когда-нибудь можно рассматривать как простое нападение, нарушающее мир, и затем восстановление этого нарушенного мира», Ленин называл обывательским [25]. Именно исходя из этих представлений, Фей выступает не с обличениями буржуазных методов дипломатической подготовки войны, а лишь с осторожной критикой этих методов.

Не понимая значения противоречий между Англией и Германией, которые наряду с русско-германскими противоречиями являлись теми основными империалистскими противоречиями, которые привели к мировой войне, Фей не понимает и места австро-сербского конфликта в развязывании этой войны. Небывалое по своему значению, размерам и результатам вооруженное столкновение основных империалистских соперников эпохи — Англии и Германии — Фей изображает как следствие какого-то исторического недоразумения, которое создалось помимо воли обеих сторон, вовлеченных в побоище общей сумятицей, начавшейся в Европе после сараевского убийства. Таким путем Фей пытается облегчить себе реабилитацию политики Германии и одновременно реабилитацию политики ее империалистского соперника — Англии. Несмотря на жонглерские попытки сохранить равновесие в этой своей внутренне-противоречивой позиции, Фей не может на ней удержаться и потому сплошь и рядом противоречит сам себе и тому большому фактическому материалу, которым он столь неудачно пытается аргументировать. Впрочем как раз эти противоречия и неудачи Фея помимо его собственной воли помогают лучше уяснить «реальную обстановку того, как велика тайна, в которой война рождается» [26].

Мы видели, что Фей совершенно недостаточно затрагивает вопрос о возможной роли австрийской провокации в сараевском убийстве и обошел молчанием вопрос о связях организаторов убийства с политическими и военными кругами царской России. Изображая следующий этап в развитии предвоенного кризиса — историю австрийского ультиматума, Фей делает попытку не столько объяснить, сколько оправдать или по крайней мере преуменьшить влияние германского правительства. Правда, он отвергает официальные версии обеих сторон, будто ни одна из них — ни германское правительство, ни правительства стран Антанты — не имела никаких предварительных сведений о характере грозного австрийского ультиматума, который, как достаточно известно, составлялся с таким расчетом, чтобы Сербия при всех условиях вынуждена была его отвергнуть. Фей констатирует ложность, соответствующих заявлений Ягова и Эдуарда

[25] Ленин, Новые статьи и письма, стр. 35.
[26] Ленин, Собр. соч., т. XXVII, стр. 372.

Грэя — германского и английского статс-секретарей по иностранным делам, которые создавали эту версию, и сокрушенно замечает: «К несчастью такая дипломатическая ложь не представляла монополии какой-нибудь страны в 1914 г.»

Но он конечно не в силах раскрыть политическую цель подобных дипломатических увертюк и не замечает, что своей трактовкой позиции, в частности Германии и Англии, он сам как бы оправдывает эти цели. Он всячески подчеркивает, что германское правительство сдерживало австрийскую агрессивность, вступая тут в противоречие с фактами и даже не пытаясь поставить вопрос о том, что означала политически эта германская позиция. Фей всячески восхваляет Тиссу, считая его столпом мира в австро-венгерской политике, но оказывается, что и тут пацифизм венгерского аристократа немногим отличался от воинственной политики графа Берхтольда, изображенного бесхарактерным политическим дилетантом: и Тисса высказывался за войну, однако считал, что ее нужно начать в более благоприятной обстановке, и даже высказывался за расчленение Сербии. Фей идет еще дальше и готов утверждать, что эта программа Тиссы, которую он характеризует как мирную, и которая по существу являлась программой будущей, лишь несколько отсроченной войны, встретила бы одобрение в Берлине, если бы германское правительство было своевременно о ней осведомлено. Этот домысел вызывает у Фея сожаление об одной неиспользованной возможности сохранения мира. Однако материал, — и тот, которым пользуется Фей, и тот, которым он не пользуется, — свидетельствует как раз об обратном.

«Работу приходится начинать сначала, — сообщал из Вены русский посол Шебеко через три дня после сараевского выстрела, передавая настроение руководящих политических кругов Австро-Венгрии в связи с убийством Франца-Фердинанда,—и перспектива эта повидимому вызывает большое раздражение у германского представителя в Вене, напрягающего все силы, дабы надлежащим образом использовать печальное событие для возбуждения общественного мнения страны против Сербии и России» [27].

Известно, что, занимаясь этим «возбуждением», германский посол в Вене Чиршки требовал от своих австрийских союзников осторожности; он говорил о германской поддержке, но предлагал предварительно выработать такой план действий, который не оттолкнул бы Румынию и Италию в противоположный лагерь. Известно также, что даже скромное требование Чиршки об осторожности вызвало сильное недовольство в Берлине и навлекло на него сокрушительный гнев самого кайзера: «Кто его уполномочил на это? Очень глупо! Это его совершенно не касается, так как это исключительно дело Австрии думать о соответствующих шагах. После скажут, когда дело пойдет скверно — «Германия не хотела!» Пусть Чиршки оставит этот вздор! С сербами надо покончить — и именно сейчас. В(ильгельм)» [28].

Стремление оправдать позицию германского империализма и заставляет Фея нагромождать объяснения, противоречащие одно другому и тому материалу, который он сам приводит и который хорошо известен. Фей

---

[27] МО, т. IV, № 47. Депеша Шебеко, 1 июля 1914 г.
[28] Die deutschen Dokumente, Bd. 1, № 7.

подробнейшим образом опровергает легенду о Потсдамском коронном совете, но вместе с тем пытается свести до минимума политическое значение потсдамских переговоров, подчеркивая, что до Сараева Германское правительство сдерживало агрессивность Австро-Венгрии. Это последнее обстоятельство Фей приводит в качестве лишнего аргумента для обрисовки миролюбивого характера берлинской политики. Но факты суть факты, а они говорят о том, что в тот самый день — 5 июля 1914 г., — когда австро-венгерский посол Сапари в Петербурге «в самых миролюбивых выражениях говорил о полном отсутствии у Австрии каких-либо намерений обострить свои отношения с Сербией» [29], в Потсдаме велись секретные австро-германские переговоры о выступлении против Сербии, — переговоры, в которых Германия не только со всей решительностью заявила о поддержке австрийских планов, но и подталкивала Австрию к скорейшему осуществлению этих планов, считая для себя сложившуюся международную политическую обстановку благоприятной.

Эту позицию германского империализма Фей пытается объяснить тем, что Вильгельм II был оскорблен в своих монархических идеях революционным актом убийства австрийского престолонаследника и причастностью к этому сербского правительства. Именно отсюда, по Фею, вытекала уверенность кайзера в том, что солидарность монархических интересов заставит и русского царя согласиться с австрийским решением произвести экзекуцию над Сербией. Конечно это объяснение ни в какой мере не соответствует подлинным политическим расчетам Германии, определившим ее позицию в предвоенном кризисе.

Цитируемое Феем известное донесение Сегени свидетельствует со всей несомненностью о том, что Германия не только развязала руки своей австрийской союзнице, толкая ее тем самым к выступлению против Сербии, но и отлично понимала, что за спиной Сербии стоит царская Россия, что Франция последует за своей союзницей и что австро-сербская война означает развязывание европейской войны. Но чтобы вызвать в этом сомнения у читателя, Фей при анализе позиции Германии выискивает расхождение в документах Бетман-Гольвега и Сегени, создает версии о том, что последний приписал германскому правительству несуществующие намерения, которые помимо ведома Берлина еще более усилили стремления австрийских руководящих кругов «укоротить» Сербию. Объяснением служит тут Фею предположение, что Сегени, будучи дряхлым стариком, не расслышал или ничего не понял в том, что ему говорили в Берлине, и потому он передал в Вену те сведения, которые созданы были его собственной, уже отказывающейся работать, головой, — недурной пример для характеристики политических деятелей буржуазии!

Между тем вся «осторожность» германского империализма заключалась в том, чтобы удержать Австрию от слишком грубой игры, которая могла затруднить и внутреннее и международное положение Германии. Когда австрийцы начали говорить сейчас же после Сараева о своих планах расчленения Сербии, в Берлине ничего не возразили по существу, а только посоветовали держать язык за зубами, так как эти сведения через различные каналы, например через Италию, могли бы слишком преждевременно дойти до держав Антанты и тем самым дать им лишний козырь для прикры-

[29] МО, т. IV, № 272. «Поденная запись», 5 июля.

тия их собственных захватнических целей в подготовляемой войне. Эта «осторожность» заключалась далее в том, что в течение всего предвоенного кризиса германское правительство неутомимо доказывало своей австрийской союзнице необходимость предварительно договориться с Италией, которая, в силу обострения соперничества с Австрией на Балканах, уже тогда заметно отошла от центральных держав, несмотря на существование союзных обязательств. В Вене однако не согласны были следовать германским предостережениям, понимая, что за итальянскую поддержку нужно заплатить, а платить объектами своих собственных империалистских вожделений на Балканах никакой склонности не было.

Некоторые расхождения между Австрией и Германией в тактике развертывания политического кризиса и дипломатической подготовки войны Фей пытается использовать для характеристики основной политической позиции, занятой в самом начале кризиса каждой из союзных держав Центральной Европы. Но после того как мы знаем во всех деталях позицию, занятую австро-германским империализмом в закулисных переговорах 5 и 6 июня, интересно сопоставить ее с тем, как она была представлена для широкого обозрения в официозной печати. «В статьях европейской прессы, — гласила инспирированная заметка в «Norddeutsche Allgemeine Zeitung» вечером 6 июня, т. е. тотчас же после окончания потсдамских переговоров, касательно существующей натянутости австро-сербских отношений — все более преобладает мнение, что стремление Австрии внести в них известную ясность является справедливым. Мы так же, как многие, надеемся, что своевременной уступчивостью сербского правительства будет устранен серьезный кризис. Во всяком случае в интересах Европы..., чтобы всякие пререкания, которые могут возникнуть по настоящему поводу между Австрией и Сербией, остались локализированы» [30]. Так обрисована была позиция германского империализма для масс после того, как накануне Австрия получила carte blanche для своей подготовленной против Сербии экзекуции, после того как установлено было, что Россия, несмотря на свою неподготовленность, все же может выступить против Австрии, и наконец за четыре дня до того, как в Берлине начали подсказывать своей австрийской союзнице, «какие можно было бы поставить Сербии требования, приемлемость которых была бы совершенно исключена». «Очистить Санджак! Тогда свалка немедленно налицо» [31].

Этих указаний Вильгельма Фей не приводит.

Основная задача при развязывании войны, по соображениям внутренней и внешней политики, не могла однако быть разрешена одним ударом кулака, и подлинное значение соответствующей дипломатической подготовки этого удара отчетливо выразил граф Тисса, которого Фей считает чемпионом австрийского миролюбия. «Ультимативная нота, — указывал Тисса, очевидно восприняв берлинские советы, — будет так редактирована, что Сербия почти наверняка не сможет ее принять... При составлении ноты надо будет обратить внимание на то, чтобы она была понятна для широкой публики, особенно в Англии, и чтобы вина была ясно и определенно взвалена на Сербию». И когда ответ Сербии на австрийский ультиматум, неприемлемость которого была заранее тщательно обеспечена

[30] МО, т. IV, № 296. Тел. Броневского, 20 июля.
[31] Die deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, Bd. I, № 29.

его составителями, был получен в Берлине, «Бюро Вольфа, — как сообщил об этом Броневский, — не напечатало сообщенный ему текст сербской ответной ноты, и пока таковой полностью не появился ни в одной из здешних газет, повидимому, не желающих давать ему место на своих столбцах в сознании того отрезвляющего впечатления, которое он бы произвел в германских читающих кругах» [32].

Фей, который занят поисками «ответственности», не замечает того, что все европейские правительства пребывали в напряженных поисках исключительно чужой ответственности в течение всего предвоенного кризиса. Для них этот вопрос имел огромное политическое значение: одним из существенных элементов предвоенного кризиса являлось стремление каждого из правительств, вступающих в войну, перебросить ответственность на своего противника, чтоб тем самым, создав видимость оборонительного характера войны, прикрыть свои собственные империалистские цели. Подлинное объективное значение дипломатических усилий сохранить мир и одновременно перенести ответственность за их неудачу на своего противника с предельной ясностью формулировала в России специальная секретная военная комиссия еще в 1912 г.: «Будет представляться выгодным завершить концентрацию войск, не начиная военных действий, для того чтобы не лишать противника окончательной надежды на возможность еще избежать войны. Наши мероприятия в данном случае должны быть замаскированы умными дипломатическими переговорами, для того чтобы по возможности усыпить бдительность противника». Именно так поступили все империалистские правительства в дни так называемого предвоенного кризиса.

Если германское правительство, за кулисами поддерживая и подталкивая Австрию, приняло ряд демонстративных мероприятий (морская прогулка Вильгельма и др.), чтобы усыпить бдительность своих противников и прежде всего России, — то, с другой стороны, о возбуждении бдительности этой последней усиленно заботился английский империализм в лице ответственного руководителя его внешней политики сэра Эдуарда Грэя. «Его (Грэя.—*А. Е.*),—писал еще задолго до начала кризиса Бенкендорф,—постоянно беспокоит вопреки всем видимостям именно угроза германской гегемонии. Он с тревогой следит за некоторыми ее успехами. Не думайте, что он слеп, — это далеко не так. Он гораздо больше кажется нерешительным, чем это есть на самом деле... Он не любит угрожать..., если только нет твердых решений относительно дальнейшего образа действий, и в особенности до тех пор, пока Тройственный союз очевиднейшим образом не поставит себя в положение явно виновного, что необходимо для английского общественного мнения. Он уже близок к тому, чтобы поставить ловушку» [33].

Разразившийся конфликт между Сербией, — а тем самым стоявшей за ее спиной Россией и Австрией,—а тем самым стоявшей за спиной Австрии Германией, — создавал условия, которые позволяли английскому империализму поставить ловушку сразу для двух зверей: и для германского соперника и для русского друга, «сердечное соглашение» с которым успело к этому времени дать серьезную трещину. Обострение англо-рус-

[32] МО, т. V, № 165. Тел. Броневского, 28 июля.
[33] МО, т. I, № 328.

ских противоречий, главным образом в Персии, достигшее к лету 1914 г. кульминационного пункта, не нашло отражения у Фея. Между тем конфликт, назревший в недрах самой Антанты, внутри которой шла своя борьба за передел мира, явился толчком к ускорению темпов развязывания войны.

Обострение англо-русских противоречий зашло столь далеко, что Бенкендорф считал их «самыми серьезными из всех возникавших между нами и Англией по вопросу Персии»[34] ... «Рост (русского влияния),—указывал Грэй, — создаст для английского правительства очень большие и очень серьезные затруднения, и на него постоянно указывается противниками англо-русского согласия в Англии и его врагами в Германии». Грэй заключал это многозначительным замечанием: «Если дело зайдет слишком далеко, то положение может измениться» [35].

И действительно дело зашло столь далеко, что обе стороны должны были вступить в переговоры о ревизии условий англо-русского соглашения 1907 г., «дабы струна не только не натягивалась чрезмерно, но ослабла»[36]. «Надо, — писал Сазонов в Лондон,— чтобы англичане, пропитанные своим островным недоверием, не теряли из виду непреодолимой необходимости, которая заставит их принять активное участие в борьбе против Германии в тот день, когда эта последняя предпримет войну, целью которой будет лишь нарушение, к своей выгоде, европейского равновесия» [37]. «В общественном мнении, — отвечал Бенкендорф, — германские усилия достигли бесспорных успехов, но в глазах рядового обывателя единственная война, которая была бы и осталась бы популярной, это война с Германией» [38].

25 июля русский империализм вынужден был признать необходимость хотя бы временного отступления в Персии. «В настоящую минуту все касающееся Персии отступает на второй план перед осложнениями, вызванными обострением австро-сербских отношений» [39]. «Это отступление перед британским империализмом в Персии определилось тем, что царская Россия тотчас же после начала австро-сербского конфликта начала готовиться к активному выступлению в Европе. Но и тут действовали великолепно замаскированные батареи британской дипломатии. Задолго до австрийского ультиматума, а именно 9 июля, британский империализм крайне осторожно начал подталкивать своих русских друзей к выступлению. В переговорах с Бенкендорфом Грей так ставил вопросы, что русскому собеседнику оставалось только сделать соответствующие политические выводы. «Для начала, — сообщает Бенкендорф, — Грэй сказал мне, что известия, получаемые из Вены, ему не нравятся, что общественное настроение сильно накаляется... Указывая на то, что он ничего не знает о подготовляющемся в Вене тексте ультиматума, Грэй вместе с тем проявил удивительную осведомленность, намекнув, «что желают (очевидно в Германии — *А. Е.*) побудить Берхтольда действовать». Этого намека (Грэй даже слова «Германия» не произнес) было совершенно

[34] МО, т. III, № 188.
[35] Там же, № 207.
[36] МО, т. IV, № 2.
[37] МО, т. II, № 224.
[38] Там же, № 363.
[39] МО, т. IV, № 47.

достаточно, чтобы Бенкендорф немедленно раскрыл карты и заявил, что «если Австрия попытается извлечь пользу из содеянного убийства, общественное мнение России не останется равнодушным». Но так как этот ответ показался Грэю недостаточным, Бенкендорфу пришлось уклончиво формулировать позицию России в том смысле, что «Германии еще предстоит сказать свое слово». Нужно было тотчас рассеять эти возможные иллюзии царского правительства, и Грэй сразу стал многоречив. Он заявил, что «его впечатления относительно намерений Берлина... являются в общем не особенно благоприятными... что рассчитывать на Германию было бы неблагоразумно». И далее он приступил к прямому подталкиванию царской России к войне с германским империализмом: «Грэй сказал мне еще, — сообщает Бенкендорф, — что он знает из очень серьезных военных источников, что в глазах Германии центр тяжести военных операций перемещается довольно быстро с запада на восток», что для Германии главным противником становится Россия. И далее, чтобы не осталось никаких сомнений в том, как следует поступать царской России, Грэй многозначительно подчеркнул, что «военное положение видоизменяется в невыгодную для Германии сторону» [40].

Германия готовится начать войну, она готовит удар против России, и последней следует считать момент для себя благоприятным и сделать отсюда все практические выводы, — таков политический смысл этого далеко идущего английского внушения.

С другой стороны, весь этап англо-германских отношений, непосредственно предшествовавший началу июльского кризиса, внушал в руководящих кругах германского империализма иллюзии, что британский империализм, по крайней мере на первых порах военного столкновения австро-германского союза с франко-русским, будет сохранять нейтралитет. Эти иллюзии покоились на некоторых реальных основаниях: с одной стороны — несомненные признаки англо-германского сближения на почве достигнутого соглашения по вопросу о Багдадской железной дороге, о разделе португальских колоний, переговоры по морским вопросам, а с другой стороны — обострение англо-русских противоречий, достигших, как указывалось, столь значительных размеров, что они начали подтачивать одну из главных основ Антанты: англо-русское соглашение 1907 г. Поддерживая эти германские иллюзии и подталкивая Россию к выступлению, британский империализм занимал ключевую позицию в развязывании мировой войны.

По сведениям русского правительства, «Австрия накануне своего выступления в Белграде считала себя вправе надеяться, что ее требования не встретят со стороны Англии возражений, и этим расчетом до известной степени было обусловлено ее решение» [41].

С другой стороны, Англия пользовалась каждой возможностью, чтобы подчеркнуть перед Петербургом свою предупредительность, а также и уверенность в неизбежности войны [42]. Эта политика имела огромное влияние на решения, принятые царским правительством, в том числе и на

---

[40] МО, т. IV, № 146.

[41] МО, т. V, № 48.

[42] «Английский генеральный штаб уверен, что Австрию толкает на войну Германия, так как Берлин полагает обстановку благоприятной», — такие сведения поступали из Лондона в Петербург с подозрительной настойчивостью.

решение о мобилизации, принятое при полной поддержке Франции и с молчаливого согласия Англии.

Фей очень детально, но совершенно неправильно освещает историю русской мобилизации. Подход Фея к вопросу о русской мобилизации чисто формалистический: он рассматривает этот вопрос изолированно, не увязывает с вопросом о тех военно-мобилизационных мероприятиях, которые принимались еще до решения о русской мобилизации и в Германии, и во Франции, и в Австро-Венгрии. Еще 12 июля например германское правительство рекомендовало своей австрийской союзнице сугубую осторожность при проведении секретной мобилизации. А главное — Фей обходит молчанием тот несомненный факт, что, при существовавшей в Германии системе милитаризма и возможности быстрого перехода с мирного положения на военное, Германия фактически была мобилизована до формального объявления мобилизации. Но в связи с вопросом о проведении мобилизации он подходит — единственный раз в двухтомной работе—к вопросу о том, что правящие классы обоих лагерей пытались предотвратить войной назревающий революционный кризис. Он приводит чрезвычайно интересное свидетельство Камбона о том, что некоторые круги германской империалистской буржуазии «желают войны... по соображениям социального порядка, т. е. для того, чтобы выдвинуть интересы внешней политики, которые одни только могли бы предупредить или задержать захват власти демократическими или социалистическими массами». Наконец, он констатирует, что в решении царского правительства предпринять всеобщую мобилизацию также сыграл большую роль страх перед развернувшейся волной революционных выступлений питерских рабочих.

Однако и тут вопрос о классовом, реакционно-буржуазном, империалистском характере войны, одной из задач которой являлось «стремление пресечь революционное движение пролетариата и демократии внутри стран» [43] — не встает перед Феем. Для него в данном случае все сводится лишь к известному совпадению двух конкретно-исторических моментов — русской мобилизации и рабочих волнений в Петербурге.

В полном соответствии со всей своей умеренно-пацифистской концепцией, согласно которой система политических блоков и милитаризм являются главнейшими причинами войны, Фей особенно подробно останавливается на анализе всех моментов, оказавших влияние на то, что мобилизационная машина царской России была приведена в действие. Только этот педантизм собирателя фактического материала, а не что либо более общее и теоретически-принципиальное — заставил его затронуть вопрос о бурном росте революционного движения среди пролетариата России накануне мировой войны.

Политическую позицию французского империализма, который без всяких колебаний и решительно взял курс на поддержку России, а также картину французских военных мероприятий Фей представляет в достаточно ясном свете, поскольку это позволяет наличие материалов: известно, что французские документы, относящиеся к предвоенному кризису, до сих пор еще не опубликованы. Некоторые дополнительные материалы, опубликованные уже после появления работы Фея, только

[43] Ленин, Собр. соч., т. XVIII, стр. 44.

подтверждают имеющиеся данные о позиции, занятой французским правительством, которое, как радостно констатировал Извольский с самого начала проникнуто было «твердой и спокойной решимостью оказывать нам полнейшую поддержку и избегать малейшей возможности разногласия с нами» [44]. «Во Франции все возможное сделано, и в министерстве спокойно ждут событий» [45], сообщил русский военный агент из Парижа 29 июля. На следующий день, дополнительно сообщая о том, что «все военные мероприятия... принимаются в строгой и спокойной последовательности», что все пограничные корпуса «находятся уже почти в боевом составе», — тот же русский военный агент, имевший свободный доступ во все отделы французского генерального штаба, отмечал наблюдающееся и поразившее его «общее спокойствие, удовлетворенность своей работой — плодом мирной подготовки — и нескрываемую радость воспользоваться выгодною, по мнению французов, стратегической обстановкой» [46]. «Демонстрациям против войны, — сообщается тут же, — не придается никакого значения», однако для их предотвращения все же, оказывается, пришлось произвести многочисленные аресты.

Осуществление всей системы подготовительных к войне мероприятий французское правительство провело под покровом переговоров о предотвращении войны — и провело столь блестяще, что пыталось, как известно, этот свой опыт передать русской союзнице, когда рекомендовало ей публично заявить о своем согласии «в высших интересах мира... замедлить мобилизационные мероприятия» и вместе с тем «продолжать и даже усилить военные приготовления» [47]. Фей, который, когда он говорит о Франции, вовсе не склонен называть белое черным и наоборот, и тут умудряется искать такие мотивы, которые, по его мнению, могли бы задержать развязывание военного конфликта. Но это корнями своими уходит в его общее понимание значения июльского кризиса.

Вместо анализа дипломатических методов развязывания войны Фей как бы ищет неизведанных путей, которые могли бы эту войну предотвратить. В связи с этим он весьма подробно рассматривает все многочисленные, поступившие с разных сторон варианты сохранения мира. Не вскрывая политических целей этих предложений, каждое из которых все более и более запутывало империалистские противоречия, Фей дает этим предложениям своеобразную, но весьма характерную классификацию: одни, по его мнению, «имели особое значение или, казалось, обладали наибольшими шансами на успех», другие «не вполне ясно понимались» и только потому очевидно не имели успеха. Фей высказывает убеждение, что война 1914 г. была бы предотвращена, если бы собралась международная конференция, — но так как, подготовляя и развязывая войну, капиталистические правительства не имеют возможности заглянуть в пацифистские книги, к тому же написанные много лет спустя,— то Фею остается только отправиться в поиски тех добрых намерений сохранения мира, которые привели к войне.

В своих поисках неиспользованных возможностей сохранить мир Фей прежде всего обращается к Англии. Позицию британского импе-

[44] МО, т. V, № 129.
[45] Там же, № 236.
[46] Там же, № 296.
[47] Там же, № 291.

риализма он изображает так, как будто в Лондоне и находилась цитадель пацифизма.

Известно, что из дипломатического арсенала британского правительства исходило большое количество всяких предложений. Некоторые из этих предложений Фей считает не вполне ясными: несомненно однако, что даже в такой форме они отражали ясно осознанные интересы британского империализма. Прежде всего эту неясность сознательно поддерживал сам Эдуард Грэй. Достаточно хорошо известно, как усиленно Английское правительство поддерживало в Берлине иллюзии о своем нейтралитете, но одновременно заверяло русское правительство, что «характер его разговоров с Берлином никоим образом не позволяет им (немцам — *А. Е.*) сделать заключение об английском нейтралитете на случай войны» [48]. Бенкендорф, который хорошо знал стиль дипломатической работы Грэя, не слишком был уверен в подлинности этих английских заверений и высказывал предположение, что Германия не поняла «слова Грэя так, как Грэй хотел бы, чтобы они были поняты». «Я повторяю это Грэю ежедневно и на все лады. Он прячется за надеждами на переговоры». И тут же Бенкендорф указывает, что заставила Грэя не открывать перед всем миром свои намерения именно неподготовленность сознания масс к войне:«... то, что Англия может быть в нее втянута, не проникает еще в медлительное сознание англичан... Ясно, что у Foreign office глаза открываются быстрее, чем у других». И чтобы помочь британскому империализму в его кампании по обработке сознания масс, перед которыми войну следовало изобразить как войну вынужденную и оборонительную, Бенкендорф призывает царское правительство к «умеренности языка и осторожности, с которой вы намечаете порядок наших дальнейших действий. Это чрезвычайно необходимо, абсолютно необходимо, чтобы обеспечить нам английское сотрудничество» [49]. «Я еще не теряю надежды заставить Грэя приподнять маску в ближайшие дни», — писал Бенкендорф в этом же письме 26 июля. У Бенкендорфа не случайно сорвалось слово «маска», ибо подлинную позицию британского империализма он понял гораздо лучше, чем ее теперь изображает Фей. Еще 25 июля, даже не ознакомившись с полным текстом сербского ответа на австрийский ультиматум, и за несколько дней до пресловутой русской мобилизации Грэй занял такую позицию, что Бенкендорф передавал в Петербург уже совершенно определенные заверения относительно позиции Англии. «Хотя я не могу представить вам никакого формального заверения о военном сотрудничестве Англии, — писал он, — я не наблюдал ни одного симптома ни со стороны короля, ни со стороны кого-либо из лиц, пользующихся влиянием, указывающего на то, что Англия серьезно считается с возможностью остаться нейтральной. Мои наблюдения приводят к определенному впечатлению обратного порядка» [50]. Известно, что британский посол в Петербурге Бьюкенен в самом начале кризиса, в общем плане только что начатой игры воздерживался еще от того, чтобы давать определенные гарантии о готовности Англии к военному выступлению. Австро-серб-

[48] МО, т. V.
[49] Там же, № 91.
[50] Там же.

ский конфликт, — заявил Бьюкенен, — не затрагивает существенных интересов Англии.

Узнав об этом, Бенкендорф поспешил успокоить царское правительство, указав, что дело идет лишь о маршруте развязывающейся войны и что этот маршрут, благоприятный с точки зрения военного вмешательства Англии, в Лондоне уже предусмотрен.

Борьба идет вовсе не по вопросу о судьбе Сербии, писал Кроу, один из ближайших сотрудников Эд. Грэя, борьба идет за мировую гегемонию: «В этой борьбе... в которой Германия добивается своей цели утвердить свое политическое превосходство в Европе, — ... в этой борьбе наши интересы переплетаются с интересами Франции и России» [51], писал Кроу 25 июля, в тот момент, когда еще не было формально известно, примет ли Сербия или отвергнет предъявленный ей ультиматум. И тут оказывается, что политика британского империализма разрешала вопрос не о предотвращении войны, а о наиболее эффективных методах ее развязывания.

Английская буржуазная пресса неустанно доказывала, что австро-сербский конфликт не имеет никакого касательства к политике Англии. И под прикрытием этой кампании, под покровом дипломатической тайны английское правительство, исходя из своих собственных интересов, уже приступило к рассмотрению вопроса о выборе момента для своего вступления в войну. «Если война вспыхнет и Англия в нее не вступит, — тогда это приведет к следующему:

а) Или побеждают Германия и Австрия; они раздавливают Францию и укрощают Россию. Французский флот уничтожается, Германия овладевает каналом при содействующей или противодействующей кооперации Голландии и Бельгии; каково будет тогда положение Англии, лишенной друзей?

б) Или Франция и Россия побеждают. Какую они тогда займут позицию в отношении Англии? И как тогда будет обстоять дело с Индией и Средиземным морем». Исходя из этой альтернативы Кроу и предлагал 25 июля принять решение о немедленной мобилизации флота — и об этом решении поставить в известность французское и русское правительство. С этим последним предложением Грей не согласился, ибо, если бы оно было принято, — английскому правительству трудно было бы изобразить перед народными массами развязываемую войну, как войну оборонительную. Уверенное в безусловной поддержке царское правительство повело бы грубую и откровенную игру, которая только мешала бы тактике английской дипломатии.

«Британское правительство не может предпринять войну, — пишет Бенкендорф, — поскольку кризис остается австро-сербским. Но Грэй прекрасно знает, что Россия не может остаться нейтральной. Он этому нисколько не удивляется. Он знает, что русское выступление повлечет за собой выступление германское и французское — случай, к которому слова Бьюкенена уже больше не приложимы. Здесь вступают в силу слова Грэя, что с этого момента создалось бы положение, когда все державы оказались бы заинтересованными» [52].

---

[51] British Documents, № 101.
[52] МО, т. V, № 56.

В том, что царская Россия твердо взяла курс на войну, в этом в Лондоне не было, да и не могло быть никаких сомнений уже с первого момента кризиса. Нужно было однако убедиться в том, как далеко идут политические планы австро-германского империализма: не заключает ли в себе позиция Австрии и Германии «известную долю блефа». И тут английская дипломатия выступает с одним из своих первых посреднических планов, предложенных очевидно еще до ознакомления с сербским ответом на австрийский ультиматум. Английское предложение сводилось к тому, чтобы «задержать другие мобилизации — кроме русской и австрийской».

Ни в Австрии, ни в России мобилизация в это время формально еще не была объявлена. Таким образом это великолепное английское посредничество о мире, санкционируя мобилизацию, прямой дорогой вело к войне как раз по тому маршруту, о котором говорилось выше и который наиболее соответствовал планам британского империализма и Антанты в целом.

Фей уверяет, что все эти и последующие предложения Лондона не были эффективны с точки зрения поддержания мира, в одних случаях благодаря нерешительности Грэя, в других случаях благодаря несвоевременности его выступлений или благодаря неясности его предложений. Между тем эти предложения имели совершенно иное политическое значение, чем то, которое придает им Фей. Грэй сам меньше всего склонен был рассматривать свое предложение о задержке всех других мобилизаций кроме русской и австрийской, как направленное к предотвращению войны; во всяком случае сам он «мало рассчитывал на действительность придуманного средства». Гораздо в большей мере он в данном случае преследовал иные цели: своим предложением он хотел «нащупать пульс Германии». «Он сомневается, — он признался мне в этом совершенно конфиденциально, — сообщает Бенкендорф, — чтобы Германия отказалась от выгод чрезвычайной быстроты своей мобилизации». Но английские расчеты в данном случем шли еще дальше: они имели в виду сохранить «шансы на мир», но при условии, чтобы Германия ослабила хотя бы временно свои узы с Австрией [53]. Таким образом британский империализм добивался поражения своего германского соперника еще до начала первого сражения. Политическое зондирование показало, что «пульс Германии», уверенной в английском нейтралитете, бьется достаточно бодро и подобные предложения его еще более усиливали. Вся напряженная политическая борьба, протекавшая между обеими европейскими империалистскими группировками с целью прикрытия мобилизационных мероприятий и подготовки к ним, ставила своей задачей создать для масс видимость вынужденной войны.

Секретные документы раскрывают смысл всей этой борьбы в дни предвоенного кризиса и истинное значение этих мирных предложений.

«Германское правительство придает величайшее значение тому, чтобы Англия в данный момент не пошла за одно с Россией и Францией». И, чтобы не портить своих отношений с Англией, германское правительство передавало в Вену эти посреднические предложения мирного улажения конфликта, одновременно конфиденциально предупреждая свою австрийскую союзницу, что оно «совершенно не стоит за принятие англий-

[53] Там же.

ского предложения, несмотря на свое выступление в роли посредника». Для каждого из правительств дипломатическая трудность заключалась в том, чтобы ответственность за срыв различных предложений о сохранении мира, которые в изобилии появились, когда вопрос о начале войны был предрешен, перебросить с себя и своих союзников на своих противников.

Борьба вокруг посреднических предложений о поддержании мира являлась в таких условиях составным элементом всего механизма развязывания войны. Смысл ее раскрыл Бетман-Гольвег, когда писал: «Вследствие нашего отказа от всякого посредничества весь мир сделал бы нас ответственными за всеобщий пожар и изобразил бы нас настоящими зачинщиками войны. Это поставило бы нас в невозможное положение и в нашей собственной стране, где мы должны делать вид, что вынуждены воевать». Аналогичный политический расчет определяет позицию правительства стран Антанты: «Мне кажется более выгодным, чтобы проект Грэя был отвергнут не нами, а правительствами Тройственного союза» [54]. Мирные посреднические предложения британского империализма, обостряя предвоенный кризис, имели своею целью, несмотря на проведение ряда подготовительных военных мероприятий, обработать сознание английских народных масс и убедить их в том, что до последнего момента Англия боролась против войны. Вплоть до 29 июля британский империализм поддерживал в Германии иллюзии относительно своего нейтралитета.

В этот день британский империализм впервые приподнял свою маску перед своим германским соперником, что естественно вызвало негодование Германии: «Англия открывает свои карты, — возмущенно писал венценосный вождь германского империализма, — в тот момент, когда ей кажется, что мы загнаны в тупик и находимся в безвыходном положении! Гнусная торгашеская сволочь пыталась обмануть нас банкетами и речами».

31 июля Грэй уже «отлично понимает положение и смотрит на дело совершенно ясно». Однако еще далеко не все трудности развязывания войны были английским империализмом разрешены. Предстояло еще поймать в ловушку войны и свои собственные народные массы. «Правительство не может двинуться вперед, не подготовив общественного мнения». Соответствующая кампания, поднятая в прессе, еще не давала своих результатов. «Кризис наступит только в тот день, когда обнаружится европейский характер вопроса вследствие опасности нападения на Францию» [55]. Все это задерживало военное выступление Англии. «Дело Сербии, — констатировал Грэй, — нисколько не захватывает общественное мнение... но новые события могут легко изменить настроения умов; нужно их выждать» [56]. Неуклюжие германские попытки «купить английский нейтралитет за компенсацию», главным образом в Персии [57], успеха естественно не имели. 4 августа, в день англо-германского разрыва, Бенкендорф высказывал еще предположение, что «если бы Германия совершенно отступила, война была бы на время избегнута. Однако

[54] МО, т. V, № 125.
[55] Там же, № 351.
[56] Там же, № 352.
[57] Там же, № 487.

воинственное настроение и вражда с Германией станут очевидно столь общими, что я считаю (конфликт) почти неизбежным. Грэй заботится о непосредственном достижении своей цели. Но нужно предоставить ему свободу и выбор средств»[58].

Эти средства, примененные дипломатией Англии и других европейских стран, Фей по существу не пытается разоблачать. С внешней стороны Фей как будто не следует за европейской буржуазной историографией обоих принимавших участие в войне лагерей, представители которых занимаются разоблачением только своих противников и соперников. Вопрос о происхождении войны эта официальная историография разрешает довольно просто: война сознательно вызвана противником.

Фей это разрешение вопроса отвергает тем более легко, что вопрос о позиции Соединенных штатов он вовсе не затрагивает. Фей убежден, что ни одно капиталистическое правительство войны не хотело. Объективных условий борьбы за империалистский передел мира он тоже не видит, и не случайно в его большой двухтомной работе о происхождении мировой войны колониальная проблема не нашла ни малейшего освещения. И Фей недоуменно стоит перед вопросом: как это могло получиться, что, ведя политику мира, европейские правительства привели к войне; что стройное здание дипломатического равновесия привело к чудовищному военному взрыву; что, желая избежать революционных потрясений и предотвратить их войной, европейские правительства оказались перед фактом Октябрьской революции и огромного размаха революционного движения во всем мире; что колониальное господство капиталистических стран оказалось подорванным небывалым ростом национально-освободительного движения?

На все эти вопросы Фей не в состоянии дать членораздельный ответ, ибо как историк и идеолог буржуазии он пытается опровергнуть что мировая война порождена империализмом и империалистским соперничеством. Он считает, что капитализм в конце концов, не так плох и во всяком случае не имеет никакого касательства к возникновению войны.

Ни одно из правительств, т. е. господствующие классы, по его мнению, войны не хотело. Эта политическая апология ставит его в противоречие даже с тем конкретно-историческим материалом, который он сам приводит.

А. Ерусалимский.

[58] МО, т. V. № 534.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ЭРЦГЕРЦОГ ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД

Эрцгерцог Франц-Фердинанд, после смерти своего отца Карла-Людвига в 1896 г. ставший наследником австрийского престола, был при жизни и остался после смерти одной из самых загадочных политических фигур. Сами австрийцы высказывают самые противоречивые взгляды относительно предполагаемых намерений и влияния этого сфинкса. Многие считали его главою австрийских милитаристов, добивавшихся превентивной войны против Италии или Сербии; другие, наоборот, полагали, что его непосредственное влияние на австрийскую политику было невелико. Находились и такие, которые считали, что наследник престола был чуть ли не пацифистом. Такое же расхождение наблюдалось и в отношении его взглядов на внутреннюю политику. Обыкновенно считали, что он ненавидел мадьяр и склонен был покровительствовать сербам. Ему приписывали намерение возрождения монархии путем предоставления славянским национальностям таких же политических прав, какими немцы пользовались в Австрии и мадьяры в Венгрии. Другими словами, его считали сторонником федералистической организации монархии на началах так называемого «триализма», вместо существовавшего дуализма. Но фанатически настроенные сербы питали к нему слепую ненависть как к могущественному и решительному врагу и угнетателю и считали, что его следует убить во имя создания «Великой Сербии». И действительно, на процессе сараевских убийц в 1914 г. Габринович, который бросил бомбу, откровенно заявил: «Наследник престола был человеком действия, — я знал, что на Бальплаце существовала клика, именуемая военной партией, целью которой было завоевание Сербии. Во главе ее стоял наследник престола. Я полагал, что, избрав его объектом мести, я отомщу им всем»[1]. А Принцип, произведший роковые выстрелы, вызывающе заявил на суде: «Я нисколько не жалею, ибо я устранил препятствие с нашего пути. Он был немцем и врагом южных славян». Русские тоже считали его своим врагом и были рады, что царь избавился от него благодаря сараевскому убийству. «Не только в печати, но и в обществе приходится слышать почти одни враждебные отзывы об убитом эрцгерцоге; указывают, что Россия потеряла в его лице ожесточенного врага» — доносил германский посол из Петербурга. Между тем германский император написал на полях этого доклада одну из тех пометок, в которых он свободно выражал свои сокровенные мысли и непосредственные впечатле-

[1] Pharos, Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajevo (Berlin 1918), стр. 11, 13, 30. Представление, что Франц-Фердинанд возглавлял военную клику и был врагом сербов, совершенно неправильно, как это будет показано ниже.

ния; «Эрцгерцог был лучшим другом России, он желал возродить союз трех императоров» [2].

Но ошибочные и противоречивые суждения об эрцгерцоге, распространенные при его жизни, ничто в сравнении с тем, что высказывали о нем после его смерти. Говорили, что он затевал заговор с целью свергнуть с престола своего дядю, что он в союзе с императором Вильгельмом хотел разрушить двуединую монархию, захватить Польшу и Венецию и создать два новых государства, которыми должны были править впоследствии его сыновья; зато немецкая Австрия должна была отойти к Германской империи в награду за услуги, оказанные императором Вильгельмом. Делались темные намеки, что его трагическая смерть была вызвана попустительством со стороны австрийских властей, которые желали предотвратить осуществление этих пугавших их намерений или по крайней мере хотели скомпрометировать Сербию и таким образом получить предлог для уничтожения соседнего королевства. По другим слухам, его убийство было вызвано тем, что, будучи ревностным католиком, он собирался напасть на Италию и восстановить светскую власть папы. Один весьма популярный германский автор посвятил полглавы своей книги доказательству того, что убийство эрцгерцога было решено масонами шотландской ложи, которая это свое постановление проводила в жизнь через масонскую ложу в Белграде [3]. Где же среди этих противоречивых сплетен и слухов правда об этом таинственном человеке, смерть которого послужила искрой, зажегшей европейский пожар? [4]

Франц-Фердинанд родился 18 декабря 1863 г. и был старшим сыном

---

[2] Пурталес — Бетман - Гольвегу 13 июля 1914, К. Д. 53.

[3] Reventlow, Politische Vorgeschichte des grossen Krieges, Berlin 1919, стр. 28—38; см. ниже гл. II, прим. 103.

[4] Удовлетворительной и полной биографии Франца-Фердинанда не имеется. Из старых биографий, написанных при его жизни, следует отметить Paulvon Falkenegg, Erzherzog Franz-Ferdinand von Oesterreich-Este (Wien 1908) и H. Heller, Franz-Ferdinand (Wien 1911). По случаю пятидесятилетия со дня его рождения 18 декабря 1913 г. журнал «Oesterreichische Rundschau» выпустил специальное иллюстрированное издание, содержащее интересные, хотя и поверхностные, статьи Хлумецкого, Сосновского, адмирала Миртля, профессора Мицельского и др., характеризующие Франца-Фердинанда как военного, моряка, путешественника, охотника, коллекционера и т. д. Книга Franz-Ferdinands Lebensroman (Stuttgardt), по утверждению автора, основана на дневнике одного из преподавателей и близких друзей эрцгерцога. Анонимный автор ударился в романтику, но повидимому сообщает много достоверных фактов. Мемуары Конрада фон Гетцендорфа (Conrad von Hötzendorf, Aus meiner Dienstzeit, 5 т. 1921—1925) проливают много света на личность эрцгерцога, которого автор прекрасно знал. Барон фон Маргути, личный адъютант Франца-Иосифа, имел возможность близко знать отношения между престарелым императором и его племянником. В его интересных воспоминаниях (Margutti, Vom alten Kaiser (Wien 1921) глава, посвященная эрцгерцогу, воспроизводит враждебные ему венские сплетни. Противовесом ей служит книга Никич-Баулеса (Paul Nikitsch-Boulles, Vor dem Sturm, Erinnerungen an Erzherzog Thronfolger Franz-Ferdinand, Berlin 1925); она написана на основании близкого знакомства с эрцгерцогом его личным секретарем, занимавшим эту должность в течение 12 лет и безусловно ему преданным. Доброжелательную оценку дает эрцгерцогу также его военный адъютант барон фон-Бардольф (Bardolf) в статье «Franz-Ferdinand», напечатанной в июле 1927 г. в KSF, V, 599—608; см. также благожелательный отзыв Чернина (Czernin, In the «World War», New-York, 1919) гл. II и более подробную биографию, напечатанную в «Neue Oesterreichische Biographie» (автор — Horstenau); ср. указания в G, P., XL, 45. Менее благоприятную оценку дают R. W. Seton-Watson, Sarajewo (London, 1926), гл. IV; и Eugène Bagger, Francis Joseph (New-York 1927), стр. 524 сл.

Карла-Людвига, брата императора Франца-Иосифа. Его чахоточная мать, дочь Фердинанда II, последнего короля обеих Сицилий из династии Бурбонов, умерла, когда он был еще ребенком, но его с большой любовью воспитала его мачеха, португальская принцесса. Когда он был молодым, на него не смотрели, как на возможного наследника престола, пока трагическая смерть кронпринца Рудольфа в Меерлинге в 1889 г. не оставила Франца-Иосифа без прямого наследника по мужской линии. Поэтому Франц-Фердинанд сначала не получил никакой подготовки в политических вопросах. Как большинство австрийских эрцгерцогов, он был определен в армию и предназначался для военной карьеры. Он никогда не отличался особенно крепким здоровьем, может быть вследствие предрасположения к чахотке, унаследованного им от матери. Порою это предрасположение принимало угрожающий характер, и ему не раз приходилось проводить по нескольку месяцев в Бриони или в Мирамаре, на теплых берегах Адриатики. Здесь он сильно заинтересовался проблемой создания австрийского флота. Для поправки здоровья он ездил также в Швейцарию в Давос, а в 1892—1893 гг. предпринял продолжавшееся 10 месяцев кругосветное путешествие. В роковую весну 1914 г. некоторые предсказывали, что престарелый император, которому минуло 84 года, еще переживет своего племянника, только что перешагнувшего за 50 лет.

Больные легкие повидимому повлияли до некоторой степени на образ жизни и характер Франца-Фердинанда. Болезненное состояние не действовало смягчающе на его нрав. Ему казалось, что судьба обошлась с ним несправедливо, и это развило в нем стремление избегать общества. Нескрываемая поспешность, с которой многие, особенно из придворного круга, покинули эрцгерцога, когда он серьезно заболел и казалось, что он уже не сумеет занять престол, ожесточила его, хотя и без того по природе он не был приветлив. У него еще более развилось недоверие к окружающим и презрение к людям вообще. Возможно также, что болезненное состояние еще укрепило его глубокую преданность католической церкви, особенно после того как он женился на ревностной католичке. И это усилило в нем железную решимость преодолеть все препятствия и подготовиться к делу управления государством Габсбургов. Он изучил языки национальностей, которыми ему предстояло управлять. Он слушал также лекции ученых по разным областям знания и с течением времени из его коллекций по естествознанию и искусству образовался довольно внушительный музей. Вопросами организации и усовершенствования армии, а впоследствии и создания флота он занимался с настойчивой энергией и проявлял недюжинные способности в этой области.

После того как эрцгерцог женился и должен был заботиться о семье, он значительную часть года проводил в Конопиште, где создал образцовое хозяйство, которое, подобно Валленштейну, вел с довольно большой для себя выгодой. Возможно, что эта твердая решимость жить способствовала тому, что за последние годы его здоровье несколько окрепло. Но ему никогда не удавалось освободиться от желания держаться подальше от общества и от широкой публики. У него было очень мало близких друзей, он и не пытался приобретать их. В этом отношении весьма характерно замечание, высказанное им Конраду фон Гетцендорфу. Речь шла о том, как следует организовать производство офицеров в армии. Начальник главного штаба сказал что считает нужным держаться хорошего мнения

о человеке, пока не узнает о нем что-нибудь порочащее его, и что поэтому иногда слишком опрометчиво давал повышения молодым офицерам. Эрцгерцог ответил на это: «Мы держимся разных взглядов. Вы начинаете с того, что считаете каждого человека ангелом, и потом вас ждет печальное разочарование. Я считаю всякого, кого вижу в первый раз, самым посредственным субъектом и жду, пока он сделает что-нибудь такое, чем мог бы заслужить у меня лучшее мнение» [5]. При таком отношении к людям трудно было конечно приобрести друзей, и этим отчасти можно объяснить враждебные и злорадные сплетни, так широко циркулировавшие в Вене относительно эрцгерцога и его жены и повторявшиеся во многих донесениях представителей держав согласия. Но те немногие друзья, с которыми он был близок, которые видели его сидящим на полу и играющим с детьми, как его секретари или император Вильгельм, были глубоко ему преданы.

ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД И АРМИЯ

Франц-Фердинанд сосредоточил все свои заботы на армии, флоте и семье; наряду с этим он увлекался охотой, коллекционерством и управлением своим имением.

С 1906 г., с тех пор как личным адъютантом эрцгерцога был назначен майор Брош, эрцгерцог стал непосредственно входить в дела армии. Брош был чрезвычайно умным и способным офицером; он стремился усилить свое собственное влияние, а также и влияние эрцгерцога на военные дела. После долгого сопротивления ему удалось добиться устройства собственной военной канцелярии (Militärkanzlei) эрцгерцога подобно той, какую имел император. С этого времени все важнейшие военные документы, а также донесения военных атташе представлялись в двух экземплярах, и Франц-Фердинанд получал свой экземпляр одновременно с императором; таким образом, племянник был так же осведомлен, как и дядя. Вскоре он стал принимать более деятельное участие в военных реформах и в реорганизации армии, чем сам император. О его активности в этой области свидетельствует то, что штат его военной канцелярии очень скоро разросся, увеличившись с 2 до 14 человек, так что он был только на 2 человека меньше, чем канцелярия самого императора [6].

Франц-Фердинанд рассматривал австро-венгерскую армию как важное орудие политического объединения, способное противодействовать разлагающим элементам внутри двуединой монархии, и защитить ее в случае войны с внешним врагом. Он настаивал, чтобы в армии был один общий язык командования — немецкий, по крайней мере для всех офицеров, с тем чтобы офицеры в полках других национальностей владели также тем языком, на котором говорили их солдаты. Одной из главных его задач было усиление и увеличение армии. Этим объясняется ненависть, с которой он относился к мадьярским политикам, не желавшим вотировать испрашиваемые военные кредиты и требовавшим, чтобы в венгерской части армии командовали на мадьярском языке [7]. Как остро ощущал Франц-Фердинанд необходимость увеличения армии,

---

[5] Conrad I, 338.

[6] Nikitsch-Boulles, стр. 60 и сл.

[7] Резюме его докладной записки императору от 5 января 1909 г. дает Conrad. I, 134. Конрад был приблизительно того же мнения (см. там же, стр. 3135—138 и 27—334).

видно из характерного письма его Конраду фон Гетцендорфу, где он жалуется на отказ мадьяр вотировать новые налоги на увеличение числа венгерских рекрутов: «Вы можете себе представить, дорогой Конрад, в какое состояние бешенства и отчаяния это меня привело, в особенности в связи с позицией, занятой военным министром [Шейнахом] и общими их [австрийским и венгерским] правительствами! С одной стороны, они возвещают всему миру, что у них есть излишек в 200 млн. крон, ассигнуют 20 млн. гражданским чиновникам и столько же железнодорожным служащим, но не могут дать каких-нибудь жалких 9 млн. бедным армейским офицерам. И все это из-за нескольких изменнически настроенных венгерских политических болтунов. Ясно, что все это только предлог. Главная причина в том, что монархия — в руках евреев, масонов, социалистов и венгерцев, которые ею правят. Все эти элементы стараются возбудить в армии и среди офицеров недовольство, оскорбляют их для того, чтобы в тот момент, когда армия понадобится мне, я бы не мог на нее рассчитывать... Знаете, что я сделаю, когда стану императором? Я позову к себе Векерле, Бека, Зикгарта и Шейнаха и скажу им: «Я вас всех к чорту пошлю, если в течение недели не будет увеличено число рекрутов и жалование офицерам моей армии». И я ручаюсь, что я получу все это в 24 часа»[8].

Наиболее важным шагом в энергичных усилиях Франца-Фердинанда, направленных на улучшение армии, было поставленное им в 1906 г. требование о назначении нового начальника генерального штаба. Бека, который в то время занимал это место, военные специалисты считали совершенно непригодным для такой должности. Это был сморщенный старичок, принадлежавший к тому же поколению, что и престарелый император. Время, когда он мог быть полезен, давно уже миновало, но Франц-Иосиф по своему мягкосердечию ни за что не хотел его уволить. «Можно было видеть, как он прогуливается по улицам Вены. Он напоминал наружностью добродушную маленькую обезьянку и представлял собой воплощение полного военного бессилия» [9]. Но Бек был честный, прямой офицер и чрезвычайно симпатичный человек; с ним легко было иметь дело, и он пользовался известной популярностью. Он и тщательно подобранный им офицерский корпус воплощали рыцарское достоинство и корпоративный дух лучшего старого венского общества. Франц-Иосиф считал их главной опорой своего трона, унаследованного от предков. Забота о достижении практических результатов не нарушала их спокойствия и рутины, их идеалом было: «постепенное развитие оборонительных сил Австрии в их естественной эволюции». Благодаря взаимному доверию и дружеским отношениям с императором Бек смог удержаться во главе австрийского генерального штаба в течение 24 лет. Несмотря на преклонный возраст, можно сказать — даже дряхлость, Бек все еще оставался ревностным служакой. У себя на родине, в Бадене, он был воспитан в духе германской пунктуальности. Его осторожная консервативная политика бездействия в известной мере благоприятствовала делу европейского мира. Поэтому никто не решался настаивать

[8] Conrad, I, 565.

[9] Kanner, Kaiserliche Katastrophen-Politik, стр. 153. Благосклонную, но справедливую оценку достоинств и недостатков Бека дает Margutti, Vom alten Kaiser, стр. 282—291.

на отставке старого начальника генерального штаба, пока Франц-Фердинанд не потребовал, чтобы на его место назначили другого. Император в конце концов уступил, и в ноябре 1906 г. в военном управлении в Вене появился новый начальник генерального штаба — Конрад фон Гетцендорф.

Назначение Конрада на высший пост в австрийской армии совпало с переменами в министерстве иностранных дел. Робкий поляк граф Голуховский был заменен честолюбивым аристократом, бароном Эренталем. Вскоре стало ясно, что в австрийской внешней политике началась новая эра более агрессивных и смелых выступлений.

У власти стали люди, которые считали, что Австрия последовательно идет к распаду и что в наступивший грозный одиннадцатый час нужно приложить отчаянные усилия, чтобы влить новые силы и жизнь в ее политический организм и парализовать тенденции к распаду, порождаемые вожделениями национальностей, находившихся в подчиненном положении. Указывали, что Австрия находится в состоянии такого же упадка, как и Турция. Не правительство Оттоманской империи, а империя Габсбургов оказалась «больным человеком Европы». Конрад и Эренталь очутились в роли докторов, которым предстояло испробовать радикальные средства для того, чтобы спасти пациента от смерти. К несчастью больного, доктора коренным образом расходились в диагнозе и методах лечения, как это часто бывает с врачами, и недолюбливали друг друга.

Назначение Конрада на должность начальника генерального штаба, совершившееся по настоянию наследника и с согласия императора, в сущности было не по душе Францу-Иосифу. Престарелый монарх чрезвычайно гордился старой армией, во главе которой сражался так много лет и теперь он испытывал недовольство по поводу стремительных перемен и реформ, которые вводил Конрад. Последний с большой самоуверенностью настаивал на том, что маневры должны по возможности приближаться к условиям настоящей войны, а также желал воспользоваться первой возможностью для превентивной войны с Италией и Сербией. На рождество 1906 г., всего лишь через месяц после назначения Конрада, престарелый император с неудовольствием заметил: «Конрад — неугомонный организатор. У него нет достаточного опыта. Это видно по всему, что он делает, и кроме того мне кажется, что у него несчастливая рука» [10].

С течением времени недоверие, которое испытывал император по отношению к новым порядкам, вызвало отчуждение между ним и армией, с которой он был связан всю свою жизнь. Это еще больше омрачило последние годы жизни этого самого одинокого и несчастного представителя династии Габсбургов. Тактика Конрада — проводить ежегодно большие «маневры, приближающиеся к условиям настоящей войны», без заранее тщательно подготовленных планов и с предоставлением офицерам возможности проявить инициативу и самодеятельность — часто приводила к самым печальным результатам. Главное значение придавалось быстрому наступлению, и солдат буквально доводили до изнеможения форсированными переходами.

Нередко они приходили к месту назначения совершенно вымотан-

[10] Margutti, p. 293.

ными, в полном беспорядке, слишком утомленные и голодные, чтобы обращать внимание на что бы то ни было, даже на своего короля и императора. Проезжая по полю, Франц-Иосиф видел сотни солдат, лежавших смертельно утомленными в канавах вдоль дороги; кавалерия и пушки были разбросаны по полям, оттого что лошади легли от изнеможения. Весь этот режим, заведенный Конрадом, коренным образом отличался от декоративных и полных достоинства маневров старого Бека, у которого императора приветствовали тщательно выстроенные ряды солдат, почтительно салютовавшие ему, когда он объезжал фронт. Престарелого императора чрезвычайно огорчало то, что он видел, и хотя он не склонен был находить ошибки и критиковать, тем не менее однажды, при посещении им германского императора в 1909 г., он дал волю своим чувствам. Перед ним как раз проходил германский полк в идеальном порядке, со строжайшим соблюдением дисциплины. Франц-Иосиф обернулся к одному из своих офицеров и резко сказал: «Почему это совершенно невозможно у нас?» Офицер пожал плечами, а император еще более огорченным тоном продолжал: «ну конечно, из-за нелепых приемов, которые теперь у нас завелись, я и мечтать не могу о таком параде» [11].

Конрад действительно вызвал отчуждение между армией и императором. После 1909 г. Франц-Иосиф утратил охоту бывать на маневрах, которые раньше доставляли ему всегда особенное удовольствие. Вместо себя он посылал своего племянника. В качестве такого представителя Франц-Фердинанд и отправился в 1914 г. в Сараево, чтобы присутствовать на маневрах нескольких армейских корпусов [12].

То обстоятельство, что Конрада выбрал Франц-Фердинанд, который добился его назначения и поддерживал с ним интимные отношения, было одной из причин, почему между императором и наследником престола не могли установиться сердечные отношения. Это было также одной из причин, почему — особенно враги Австрии — полагали, что Франц-Фердинанд придерживался таких же милитаристских взглядов, как и Конрад, который во всеуслышание провозглашал их в своих докладных записках, в интервью и в разговорах в кафе. Правда, наследник, если не считать случайных вспышек раздражения, всегда поддерживал Конрада, невзирая на критику и завистливую оппозицию, которую встречал новый

[11] Margutti, p. 298.

[12] Ряд фактов и анекдотов, свидетельствующих о недоверии императора к системе Конрада и о его постоянном беспокойстве и дурных предчувствиях как до войны, так и во время войны, приводит Margutti, Vom alten Kaiser, стр. 291—306; 391—452. Alfred Kraus, Die Ursachen unserer Niederlage (München, 1921) дает суровую, но нельзя сказать, чтобы несправедливую оценку Конрада. Автор — крупный военный специалист, служивший в австрийском генеральном штабе. Резкая характеристика, которую дает Конраду Каннер (Kanner, Kaiserliche Katastrophen-Politik, стр. 151—173) не утрачивает своего значения от того обстоятельства, что агенты Конрада пытались закрыть издававшуюся в Вене газету Каннера «Die Zeit». Лучшей, хотя и неубедительной защитой Конрада являются написанные им самим пять увесистых томов «Aus meiner Dienstzeit», которые содержат чрезвычайно ценные документы всякого рода. Новак, являющийся одним из его поклонников и, по его словам, имевший возможность познакомиться с его архивом, посвятил ему написанные в панегирическом тоне книги: Nowak, Der Weg zur Katastrophe (Wien 1920) и Hötzendorfs Lager (Wien 1921), сравни также написанные в дружественном тоне биографии Ludwig Pastor, Conrad (Wien 1926) François, Conrad, Baron de Hötzendorf (Berne 1916) и Unser Conrad, von einem Oesterreicher (Wien 1915) ср. также General Auffenberg. Komarow, Aus Oesterreichs Höhe und Niedergang, München 1921, passim.

начальник генерального штаба. Когда в ноябре 1911 г. Конрад оказался вынужденным подать в отставку вследствие столкновений с Эренталем и Шейнахом по вопросам внешней и военной политики, Франц-Фердинанд добился в следующем году его возвращения на этот пост [13].

Вследствие отсутствия достоверных сведений публика естественно склонна была отождествлять покровителя с его протеже. Но было бы неправильно причислять Франца-Фердинанда к австрийским милитаристам и полагать, что он разделял взгляды начальника генерального штаба относительно маневров, превентивной войны и агрессивной внешней политики. Эрцгерцог безусловно не одобрял того напряженного темпа, в котором проходили маневры у Конрада. Он воспользовался своим влиянием для того, чтобы внести некоторую умеренность в это дело после печальных результатов маневров в Мезерице в 1910 г., когда он воскликнул: «Нет надобности учить солдат умирать, маневры меньше всего предназначены для этого!» [14] Когда аннексионный кризис достиг своего максимального напряжения и Австрия и Сербия готовились к войне, более осторожный наследник престола оказывал противодействие австрийским милитаристам, добивавшимся немедленной войны с Сербией, что могло повлечь за собой войну с Россией. Он стоял за мирную ликвидацию кризиса [15]. Впоследствии, во время первой балканской войны, когда панслависты и военная партия в России заняли весьма угрожающую позицию по отношению к Австрии, Конрад, как всегда, настаивал, на том, чтобы немедленно рассчитаться с Сербией, не останавливаясь даже перед риском войны с Россией. Но Франц-Фердинанд решительным образом воспротивился этому и настаивал, чтобы в интересах мира военные силы Австрии были сокращены. «Он ни в коем случае не желает войны с Россией и ни за что не согласится на нее; он не желает отнять у Сербии ни одного сливового дерева, ни одной овцы; он слышать об этом не хочет» [16]. Германскому военному атташе он сказал: война с Россией была бы полной нелепостью, потому что для нее нет никакого основания, и она ничего не может дать. Он сказал также, что он против конфликта с Сербией и что, по его мнению, внутренние проблемы Австро-Венгрии более настоятельно требуют разрешения, чем внешние [17].

В беседе с Конрадом эрцгерцог подчеркнул, что руководящей идеей должно быть сотрудничество Германии, России и Австро-Венгрии, прежде всего в силу монархических интересов. И он добавил: «Возможно, что придется предпринять какие-нибудь шаги против Сербии, но только для того, чтобы ее наказать; ни в коем случае не следует аннексировать хотя бы один километр... Войны с Россией надо избегать, потому что Франция

---

[13] G. P. XXX, 525 сл.; Margutti, p. 302; Kanner, 157 сл; Conrad, II, 218 сл; 373 сл; Pribram, Der Konflikt Conrad, Aerenthal-«Oesterreichische Rundschau», август 1920.

[14] Margutti, стр. 303; ср. также Conrad II, 323—328.

[15] Conrad, I, 146, 153, 155; Nikitsch-Boulles, стр. 118 сл.

[16] Из письма полковника Бардольфа, личного секретаря эрцгерцога, Конраду 22 февраля 1913; Conrad III, 127; там же, стр. 129, приведены слова Берхтольда, сказанные Конраду: «Я не могу дать свою подпись для войны с Россией, эрцгерцог Франц-Фердинанд решительно против войны».

[17] Донесения графа Каренека (Kageneck) от 17 декабря 1912 и 26 февраля 1913; Brandenburg, стр. 372; ср. G. P. XXXIII, 473 сл., XXXIV, 229, 250 сл., 309 сл., 18 сл., 323, 415 сл., 426 сл.

к ней подстрекает, особенно французские масоны и антимонархисты, которые стремятся вызвать революцию, чтобы свергнуть монархов с их тронов!» Он обратил внимание Конрада на письмо германского императора, который высказывал такое же мнение; поэтому он твердо решил — «никакой войны!» [18] Из этого видно, что эрцгерцог и германский император — оба были против войны с Россией и склонялись к старой политике лиги трех императоров для обороны против Франции и для защиты монархических интересов.

Месяц спустя Франц-Фердинанд послал к Конраду полковника Бардольфа — предупредить его, чтобы он перестал склонять Берхтольда к войне. Ответ Конрада показывает, до какой степени неправильно общераспространенное представление, будто германский император всегда поддерживал австрийскую агрессивную политику на Балканах. «Я хочу, чтобы эрцгерцог сам не так поддавался влиянию германского императора. Он удержал нас в 1909 г., а теперь он снова хватает нас за руку. Это результаты нашей совершенно безуспешной политики по отношению к Турции. Я убежден, что немцы равнодушны к нашим интересам, но нам нужно о них думать. Германия спокойно использует нас, потому что этим она лучше обеспечивает себя против Франции, которой она боится больше всего, но в случае надобности она готова пожертвовать нами» [19]. Поэтому Конрад подумывал даже о том, чтобы отказаться от поста начальника генерального штаба, не желая нести ответственность за упущенную возможность покончить с Сербией.

Осенью 1913 г., когда Сербия и Чехо-Словакия бросили вызов державам, отказавшимся признать албанскую границу, установленную на Лондонской конференции, Конрад снова настаивал на военном выступлении Австрии в защиту Албании. Берхтольд медлил. Тогда Конрад переговорил с Форгачем: граф Форгач согласился с тем, что решительная интервенция была бы самым лучшим выходом из положения, но он уже не надеялся, что этого можно добиться: «Император и наследник престола — сказал он, — против этого, а Берхтольд не станет их принуждать» [20].

К Италии Франц-Фердинанд всегда питал сильную антипатию и глубокое недоверие: отчасти это вызывалось политической неприязнью к стране, которая захватила его фамильные земли в Модене и Эстэ, отчасти тут действовала ханжеская религиозная антипатия к государству, которое лишило папу светской власти и которым, казалось, управляли масоны и антиклерикалы; отчасти действовало и то, что он — не без основания — подозревал итальянскую дипломатию в двуличии. Тем не менее он отказался поддержать Конрада в его неоднократных попытках затеять превентивную войну с Италией, сначала в 1907, а потом в 1911 г., когда Италия начала войну с Турцией.

Совершенно неправильно изображать Франца-Фердинанда как неукротимого представителя крайнего австрийского милитаризма. Это

---

[18] Разговор происходил 27 февраля 1913, Conrad III, 155 сл.; ср. также стр. 236, 324, 329.

[19] Там же, стр. 169.

[20] 6 октября 1913; там же, стр. 462. Несколько дней спустя Чернин тоже сказал Конраду: «у нас в Австрии мы должны считаться с императором и наследником престола, которые не склонны к войне, особенно наследник; он безрассудно цепляется за мир». Там же, стр. 464; ср. также стр. 597.

легенда, возникшая уже после начала войны. Эрцгерцог принадлежал к числу тех, которые следовали правилу: si vis pacem, para bellum (если хочешь мира, готовь войну). Но в отличие от многих сторонников этого правила он не принадлежал к числу людей, которые могли поддаться желанию затеять войну и пустить в ход военную машину, созданную для сохранения мира. Барон Силаси, либеральный венгерский магнат, занявший в декабре 1913 г. пост австрийского посла в Афинах, писал: «За два дня до моего отъезда эрцгерцог Франц-Фердинанд пригласил меня к себе и обсуждал со мной международное положение. Он повидимому был настроен так же миролюбиво, как и его дядя, император, и желал соглашения с Россией. Вполне возможно, что он желал в будущем осуществления югославянских стремлений в рамках монархии и сурово критиковал политику Тиссы, который делал невозможным улучшение отношений с Сербией и Румынией» [21]. Если бы в июле 1914 г. Франц-Фердинанд был жив, он, весьма возможно, использовал бы свое влияние и свой авторитет для того, чтобы помешать Конраду и Берхтольду вести ту безумную политику, которая привела к мировой войне.

ФРАНЦ-ФЕРДИНАНД И ФЛОТ

Был еще один вопрос, в котором Франц-Фердинанд и Конрад не сходились во взглядах, — это вопрос об австрийском флоте. К концу XIX столетия у Австрии почти не было флота. Франц-Фердинанд благодаря своей огромной энергии и проявленному им интересу создал совершенно новый флот: он надеялся, что австрийский флот будет служить противовесом итальянскому в Адриатическом и Средиземном морях. До него господствовало мнение, что интересы Австрии — чисто континентального характера и что всякое столкновение с иностранной державой будет в конечном счете разрешено сухопутной армией. Поэтому деньги надлежало тратить на армию, а не на флот, который рассматривался как роскошь. Считали, что монархия Габсбургов не располагает достаточными средствами, чтобы содержать надлежащую армию и в то же время создать флот, который был бы в состоянии помериться силами хотя бы с итальянским, не говоря уже о крупных морских силах, которые сосредоточили в Средиземном море Франция и Англия. Конрад придерживался старого образа мыслей. При той болезненной подозрительности, которую он питал в отношении Италии, он конечно приветствовал бы развитие австрийского флота, если бы только оно могло совершаться без всякого ущерба для интересов армии. Но когда парламент чинил затруднения при ассигновании средств и приходилось выбирать между абсолютно необходимыми, с его точки зрения, требованиями армии и вполне похвальным желанием создать флот, — он обыкновенно использовал все свое влияние в пользу армии. Точно так же он ревниво сопротивлялся набору рекрутов для флота за счет армии [22].

Император Франц-Иосиф обнаруживал еще меньше интереса к вопросу о флоте. В последние годы своей жизни он, правда, посещал верфи, присутствовал на морских маневрах, но делал это формально, только потому,

[21] Baron J. von Szilassy, Der Untergang der Donau Monarchie (Berlin 1921), стр. 259. Ср. Czernin, In the World War, стр. 43.

[22] Conrad I, 357—360.

что это входило в его обязанности монарха. Он мог простаивать чуть ли не часами на капитанском мостике и не поднести ни разу морского бинокля к глазам. Он делал вид, что с интересом следит за маневрами, но люди, близкие к нему, отмечали, что он ни разу не задал ни одного нужного вопроса, касающегося морского дела, никогда не проявлял никакого энтузиазма по отношению к флоту и никогда не носил морской формы; у него ее даже и не было, хотя он располагал обширным и весьма дорого обходившимся гардеробом, заполненным всевозможными военными мундирами. Огромные военные суда XX столетия с их сложным соединением стали, пара и электричества были для него чужды и непонятны. Он и Бисмарк принадлежали к более старому поколению, которое чувствовало себя хорошо в генеральской форме и понимало, для чего нужна армия. Император Вильгельм и Франц-Фердинанд были людьми нового века, которые верили, что «будущее на воде». И действительно интерес к морскому делу был одним из тех моментов, которые сблизили германского императора с наследником австрийского престола [23]. Несмотря на оппозицию, или, по крайней мере, отсутствие всякого энтузиазма со стороны Конрада и императора, Францу-Фердинанду удалось к 1909 г. довести австрийский флот до довольно внушительных размеров. Хотя по мощности он и был вдвое слабее итальянского, но хорошо держался во время войны и показал, что дух адмирала Тегетгофа еще не окончательно исчез.

ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ ФРАНЦА-ФЕРДИНАНДА

В своих взглядах на внешнюю политику Франц-Фердинанд был солидарен с дядей и подобно ему считал двойственный союз с Германией краеугольным камнем австрийской политики. Это убеждение укреплялось у него еще больше личным уважением к Вильгельму II, который завоевал симпатию эрцгерцога большим тактом, проявленным по отношению к его жене. С Румынией Франц-Фердинанд старался укрепить лояльные союзные отношения. И он и жена его были очарованы приемом, который оказали им король Карл и королева Кармен-Сильва в июле 1909 г. Им чрезвычайно понравился простой образ жизни, который румынская королевская семья вела в своем летнем дворце в Синае и который так резко отличался от чопорного церемониала и душной придворной атмосферы венского двора. Эрцгерцог был тронут также тем искренним доброжелательством, с которым румынская королева старалась развлечь его графиню, приглашая ее на прогулки верхом и угощая чаем у себя на ферме. Он долго еще вспоминал об этом визите как об одном из самых счастливых моментов своей жизни [24].

Зато к Италии эрцгерцог относился с глубоким недоверием, однако считал неблагоразумным предпринимать превентивную войну для того, чтобы разоблачить сомнительную лояльность Италии по отношению к Тройственному союзу. Наоборот, он желал сохранить мир с Италией и по возможности поддержать с ней прочные отношения. Как к наследнику Моденского герцога Франциска V к нему в 1875 г. перешло состояние фамилии Эстэ, но он ничем не обнаруживал желания восстановить герцогскую власть, уничтоженную в 1859 г. Не желая задевать

[23] Margutti 125 сл.; 306—311.
[24] Nikitsch-Boulles, стр. 129 сл.

Савойскую династию, правившую в Италии, он никогда не носил ордена Черного орла династии Эстэ, хотя к нему перешло по наследству от Франциска V звание гроссмейстера этого ордена.

С Россией Франц-Фердинанд желал поддерживать дружественные отношения. Будучи сам по натуре автократом, он восхищался самодержавным строем России в том виде, как он существовал до русско-японской войны и русской революции 1905 г., которые пошатнули царский трон. Зато впоследствии он разочаровался в прочности положения Николая II. Это может быть явилось одной из причин, почему он стремился установить более близкие личные отношения с императором Вильгельмом и Карлом румынским. По отношению к французам он не скрывал своей антипатии; он никогда не мог забыть унижения, причиненного Австрии Наполеоном I, и считал Наполеона III ответственным за унижение Австрии в XIX столетии. К Великобритании он, наоборот, относился с уважением, и одно время ходили даже слухи, что он не прочь был жениться на принцессе Марии.

Таковы были взгляды на внешнюю политику, приписываемые Францу Фердинанду людьми, хорошо его знавшими. У нас нет основания сомневаться в правильности их сообщений [25].

Что касается взглядов Франца-Фердинанда на внутренние и национальные проблемы империи Габсбургов, то здесь трудно сказать что-нибудь определенное. Люди, близкие к нему, например майор Брош [26] и его личный секретарь Никич-Баулес [27] были убеждены, что если эрцгерцог взойдет на трон, то он освободит угнетенные национальности и попытается организовать монархию на федеративных началах, заменив существующий «дуализм» системой «триализма». Такое же мнение высказывалось почти во всех некрологах, посвященных эрцгерцогу в австрийской и германской прессе [28]. Кое-какие признаки говорили в пользу такого предположения: энергичный характер эрцгерцога и его склонность к реформам, его отношения с императором Францем-Иосифом, внимательное изучение им национального вопроса и некоторые его проекты, опубликованные впоследствии.

Хотя Франц-Фердинанд во многих отношениях был консерватором, как этого и следовало ожидать от человека, выросшего в традициях католической церкви, тем не менее свойства его характера делали его человеком, безусловно способным предпринять реорганизацию монархии. У него не было склонности сохранять учреждения только потому, что они давно существуют. Наоборот, он больше смотрел в будущее, чем оглядывался на прошлое и был более склонен проводить реформы, соответствующие требованиям времени, чем сохранять то, что имеет за собой почтенную давность. При своей неугомонной энергии и железной воле он не выносил традиционного церемониала венского двора и устарелых методов австрийского административного аппарата, которым управляли преимущественно старцы, принадлежавшие скорее к поколению Франца-Иосифа, чем к XX веку. Для его реформаторских тенденций было показательно, что под

---

[25] Margutti, стр. 126—138; Conrad, I—IV, passim; Czernin, In the World War, гл. II.

[26] Seton-Watson, Sarajewo, стр. 83 сл.

[27] Nikitsch-Boulles, Vor dem Sturm, стр. 58, 62 сл.

[28] Исключение составляла «Vossische Zeitung» ср. Schwertfeger, Belgische Documente, IV, 97 сл.

его влиянием престарелый Бек был заменен на посту начальника генерального штаба Конрадом; это же влияние сказалось в организации армии и флота. Всюду, где он имел власть, он обнаруживал свое умение модернизировать и улучшать ту организацию, которая существовала до него. Это особенно ярко проявилось в преобразовании, которое он произвел в своих владениях в Конопиште: он превратил их в цветущие имения, а его садоводство славилось своими розами по всей Европе. Он любил делать все быстро, широко пользовался телеграфом и телефоном и выражал недовольство своим секретарям, если какое-нибудь дело оставалось незаконченным у него на столе дольше суток. Во всем этом он был полной противоположностью своему престарелому дяде.

Франц-Иосиф был монархом божьей милостью в полном смысле этого слова. Он все еще правил или хотел править в патриархальном духе. Одним из его величайших недостатков было то, что он сам занимался всякими мелочами. Голова у него была до такой степени забита ими, что он не охватывал широких интересов монархии. Как это естественно в его возрасте, он был склонен больше жить прошлым , чем заглядывать в будущее. Он не решался производить никаких перемен в рутине старого габсбургского правительственного аппарата, даже если ему разъясняли, какие выгоды можно получить при применении современных методов.

Контраст между дядей и племянником проявился в одном инциденте, который имел место в 1911 г. и был связан с управлением некоторыми семейными имениями Габсбургов, унаследованными от императрицы Марии-Терезии. Имущества эти управлялись на основании регламента, составленного еще полтораста лет назад и уже совершенно непригодного для современных условий. Эрцгерцог тщательно занялся этим вопросом и позволил себе вручить императору пространную докладную записку, в которой указывал, как необходимо реорганизовать управление этим фамильным имуществом. Административный персонал был слишком многочислен и нередко состоял из лиц неспособных, а иногда и нечестных. Эрцегерцог обстоятельно доказал, что сахарный завод в Гединге ежегодно теряет 200 тыс. крон вследствие нелепого контракта. Другое имение сдавалось в аренду из расчета 47 крон за акр, тогда как легко можно было получить от 70 до 80 крон; это тоже давало убыток приблизительно в 100 тыс. крон в год. «Значительная часть семейных доменов сдается в аренду на большие сроки и за арендную плату, которая могла бы быть приемлема 40—50 лет назад, но которая сейчас просто смешна», — писал эрцгерцог. Поэтому он просил монарха рассмотреть весь вопрос в целях проведения хозяйственных реформ, соответствующих требованиям XX века. Император в течение нескольких недель не отвечал на это письмо. После того как ему несколько раз напомнили о нем, он наконец дал следующий характерный ответ: «Я тщательно рассмотрел этот вопрос со всех сторон и пришел к выводу, что, как ответственный хранитель этого семейного имущества, я не могу допустить, чтобы с ним производились эксперименты, способные разрушить давно испытанную административную систему, которая так много лет действовала на пользу нашего имущества, не вызывая никакой критики» [29]. Этот пример хорошо

[29] Письма Франца-Фердинанда и Франца-Иосифа, цитируемые Никич-Буллесом, стр. 49—57.

показывает, как император Франц-Иосиф противился всяким новшествам и как, с другой стороны, его племянник обнаруживал склонность к энергичному проведению административных и политических реформ.

Франц-Фердинанд был хорошо осведомлен — в гораздо большей степени, чем император — о том, какое резкое недовольство существует среди угнетенных национальностей империи. У него была одна характерная черта, весьма ценная у правителя, — он был готов и даже желал знакомиться с фактами, как они есть, хотя бы они были и неприятны. Хотя он обладал весьма раздражительным характером, но был более склонен изливать свое раздражение на людей, которых подозревал в попытке обмануть его, чем на тех, которые говорили ему приятные истины. Он старательно читал оппозиционные газеты и был поэтому хорошо осведомлен о настроении общественных кругов чехо-словаков, трансильванцев, хорватов и сербов, входивших в монархию Габсбургов. Он понимал, какие опасности угрожают в будущем, если не будут приняты меры для удовлетворения требований этих национальностей. Было хорошо известно, что он решительным образом осуждал угнетательскую политику, которой держались мадьярские магнаты, правившие Венгрией. Но об этом еще будет сказано несколько дальше, когда мы будем говорить о свидании в Конопиште. Господствующие мадьярские и немецкие клики порицали его за стремление оказать поддержку малым нациям. Этот упрек делает честь уму и чувству справедливости эрцгерцога. И в этом он опять-таки отличался от престарелого императора. Франц-Иосиф склонен был к полумерам и компромиссам. Он считал себя самого автором австро-венгерского компромисса 1867 г. и не помышлял об изменении его. Наоборот, Франц-Фердинанд повидимому считал дуалистическую организацию империи несчастной ошибкой, потому что она привела к сосредоточению огромной власти в руках венгерских магнатов. Поэтому он видимо был склонен при восшествии на престол допустить «замену дуализма» 1867 г. какой-нибудь разновидностью «триализма». Он старательно изучал вопрос возможной реорганизации государственного строя на федеративных началах. Он обдумывал предложения известных австрийских писателей, вроде Ламмаша, Тецнера и Штейнакера; он с большим интересом прослушал также изложение американской федеральной системы, сделанное профессором Колумбийского университета Берджесом. Берджесу предложили вновь посетить Вену, чтобы сообщить дополнительные сведения по этому вопросу, и он уже собирался отправиться в Европу, когда вдруг произошло убийство эрцгерцога.

Дальнейшим доказательством намерений Франца-Фердинанда провести реформу государственного строя в целях обуздания власти венгерских магнатов и расширения политических прав малых национальностей служат различные проекты, которые были опубликованы на основании оставшихся после него бумаг [30]. Одним из наиболее поздних проектов является набросок манифеста, который он собирался опубликовать в случае, если периодически повторявшееся бронхиальное недомогание старого императора внезапно вызовет его смерть и откроется путь для нового режима. Манифест, хотя и составленный в несколько неясных и слишком общих выражениях, показывает, что наследник престола был

[30] Ср. Seton-Watson, Sarajevo, стр. 84, прим. 1.

подлинным другом хорват и боснийских сербов и что он собирался, прежде чем присягнуть венгерской конституции, провести важные конституционные реформы в интересах всех малых национальностей. Приводим выдержки из этого манифеста.

«Ввиду того что всемогущему богу было угодно призвать к себе после долгого и чрезвычайно счастливого царствования моего высокочтимого дядю...

Мы настоящим торжественно заявляем всем народам монархии о нашем восшествии на престол...

Ко всем народам монархии, к людям всех рангов, ко всем, кто выполняет свой долг на службе государству, к какой бы расе и вероисповеданию они ни принадлежали, — мы питаем одинаковую любовь. Знатные и простые , бедные и богатые — все будут равны перед нашим троном...

Мы намерены уважать и твердо охранять установленный государственный строй и судебную систему государства, при которой каждый гражданин имеет одинаковые права перед законом. Для благополучия и процветания всех народов во всех частях монархии мы считаем нашим первейшим долгом провести концентрацию в одно большое целое и создать гармоничную кооперацию, построенную на правильных принципах.

В конституции империи должны быть устранены все противоречия между законами Австрии и законами Венгрии относительно общих интересов монархии, которые делают невозможным принесение предписываемой законом присяги конституции, так как законы эти не согласуются между собой. Поэтому в залог исполнения нами наших священнейших обязанностей правителя мы намерены подтвердить торжественной присягой при коронации все ясные по мысли постановления конституции, равно как и основные права и привилегии всего населения монархии. Наше правительство безотлагательно проведет мероприятия, необходимые, чтобы сделать это возможным...

Ввиду того что все народы, находящиеся под нашим скипетром, должны пользоваться одинаковыми правами в смысле участия в общих делах монархии, необходимо, чтобы каждой нации было гарантировано ее национальное развитие в рамках общих интересов монархии и чтобы людям всех рас, рангов и классов было доступно обеспечение их справедливых интересов посредством справедливых избирательных законов повсюду, где это еще не осуществлено» [31].

Представляется однако сомнительным, действительно ли у Франца-Фердинанда было уже определенное решение относительно того, в какой форме надлежало провести реорганизацию. Граф Чернин, который был ближе, чем многие, знаком с идеями Франца-Фердинанда, говорит: «Эрцгерцог был решительным сторонником программы Великой Австрии. Он имел намерение превратить монархию в довольно большое число независимых национальных государств с общей центральной организацией в Вене для всех важных и абсолютно необходимых дел. Другими словами, он

[31] Напечатано бароном Эйхгофом в «Berliner Tageblatt», № 152 от 31 марта 1926 г. и перепечатано в переводе в Нью-йоркской «Nation» от 26 мая 1926.

хотел заменить дуализм федерализмом. Однако у него было много противников, которые решительно возражали против раздробления государства с целью поставить на его место что-то новое и, надо полагать, лучшее, а император Франц-Иосиф был слишком консервативен и слишком стар для того, чтобы согласиться на осуществление планов своего племянника. Этот прямой отказ осуществить план, который лелеял эрцгерцог, чрезвычайно обидел его, и он нередко горько жаловался, что император обращает на него так же мало внимания, как на последнего лакея в Шенбрунне. В Австро-Венгрии была сильно распространена совершенно ложная мысль, будто эрцгерцог выработал программу своей будущей деятельности. Этого не было. У него имелись весьма определенные и резкие идеи относительно реорганизации монархии, но эти идеи никогда не претворялись в конкретный план. Это скорее были наброски программы, которая осталась неразработанной в деталях» [32].

Много дебатов вызвали два проекта, тесно связанные с идеей создания федерации. Один из них был предложен эрцгерцогу Конрадом в письме от 14 декабря 1912 г.: «Объединение югославянского народа представляет собой одно из тех явлений, определяющих историю наций, которые нельзя игнорировать и нельзя предотвратить. Вопрос только сводится к тому, должно ли объединение совершиться под контролем двуединой монархии, т. е. за счет независимости Сербии, или оно должно совершиться под покровительством Сербии за счет монархии. Последнее означало бы для нас потерю югославянских земель и тем самым почти всего побережья. Такая утрата положения и престижа низвела бы монархию до уровня мелкого государства» [33].

Конрад неоднократно настаивал на мирном включении всех югославян в империю Габсбургов. В июне 1913 г., накануне второй балканской войны, австрийский военный атташе в Белграде доносил, что там имеется партия, сочувствующая этому проекту. Сущность его заключалась в том, что Австро-Венгрия должна была уступить Сербии южных славян, а Румынии — родственное ей население в Трансильвании, и затем сербское и румынское королевства, расширенные таким образом, должны были быть включены в федеральную империю Габсбургов и занять в ней приблизительно такое же положение, какое занимают королевства Баварское и Саксонское в Германской империи. Но притом все признавали, что такое мирное включение Сербии и Румынии в австрийскую империю неосуществимо, потому что оба эти королевства никогда не согласятся пожертвовать своей полной независимостью. Аналогия с Саксонией и Баварией была невполне уместна, потому что население этих государств принадлежит в своей главной массе к той же национальности, что и остальная часть Германской империи. Между тем Румыния и Сербия не только резко отличаются по национальности от немцев в Австрии и мадьяр в Венгрии, но привыкли относиться к ним с глубокой враждой. К этому присоединяется еще то, что Вена и Будапешт взирают на Белград и Бухарест с аристократическим презрением сверху вниз, как на представителей иной низшей цивилизации. Также и Тройственное согласие решитель-

---

[32] Czernin, In the World War., стр. 41 сл., 49.

[33] Conrad II, 380; барон Конрад неоднократно повторял это мнение: III, 43 сл., 362 сл., 419 сл., 456, 461, 729 сл.

ным образом возражало бы против такого явного усиления Австрии, а тем самым и Германии.

Другой план, который считался многими практически более осуществимым, носил совершенно иной характер и находился в полном противоречии с мнением Конрада относительно неизбежности объединения южных славян. С этим планом в течение долгого времени носился граф Эренталь [34]. Он сводился к тому, чтобы противопоставить хорватов сербам и таким образом расколоть южных славян, следуя старому правилу: «разделяй и властвуй». По этому плану намечалось создание «Великой Хорватии» как третьей единицы наряду с Австрией и Венгрией в regnum tripartitum (триедином государстве). Франц-Фердинанд был весьма благосклонно настроен по отношению к хорватам: они были католиками и помогли Габсбургам сохранить их власть во время революции 1848 г. «Великая Хорватия», состоящая из славянских элементов — Хорватии, Славонии, Далмации и Боснии и Герцеговины — и наделенная одинаковыми политическими правами с остальными частями федерации — с Австрией и Венгрией, — могла бы образовать надежный оплот против пропаганды «Великой Сербии». План этот имел много ярых сторонников среди самих хорватов, и если принять во внимание те злосчастные конфликты, которые имели место между сербами и хорватами после войны, вряд ли можно назвать его совершенно утопичным. Необходимо было только осуществить его своевременно. Но как раз в годы, предшествовавшие войне, антагонизм между сербами и хорватами быстро испарялся, вследствие притеснений со стороны германских и мадьярских властей, а также вследствие активной пропаганды, которую развивала южнославянская интеллигенция. Барон Музулин, наблюдательный сербский дипломат и секретарь министерства иностранных дел, который сам был родом из Хорватии, посетил в 1913 г. свою старую родину и с тревогой отметил перемену, которая совершалась там быстрым темпом: переход от хорватской лойяльности к югославянской агитации. Барон Музулин полагал, что хорватский крестьянин еще остался верен Габсбургам и что, усилив хорватские настроения, можно еще помешать югославянскому движению к объединению хорватов и сербов в «Великую Сербию» [35]. Мнение барона Музулина повидимому подтверждается одним инцидентом, который имел место на сараевском процессе и который показывает, что поверхностная югославянская агитация оказалась не в силах справиться со старой, вошедшей в плоть и кровь антипатией хорватов к сербам. На суде допрашивали некоего Садило.

Вопрос. Кто вы по вашим политическим убеждениям?
Садило. Я принадлежу к правой хорватской партии.
Вопрос. Любите ли вы сербов?
Садило. Да, когда я их не вижу (смех) [36].

---

[34] Musulin, Das Haus am Ballplatz, München 1924, стр. 205 сл. Ср. также G. P. XXVI, 28, 47.

[35] Musulin, стр. 195—210; ср. также Stephan Count Burian, Austria in Dissolution, New-York, 1924, стр. 358—371 о конфликте между хорватскими и югославянскими устремлениями.

[36] Pharos, стр. 154. Эти страницы были написаны до убийства хорватов сербами в сербском парламенте 20 июля 1928. О стремлениях хорватов см. [Dr Pilar], Die Südslawische Frage und der Weltkrieg, Wien 1918.

Это создание великой Хорватии, может быть под историческим наименованием «Иллирии», пожалуй скорее всего привело бы к мирному разрешению австро-сербского конфликта. Австро-Венгрия превратилась бы в таком случае в федерацию, состоящую по крайней мере из трех частей, и перестала бы представлять собой нечто вроде сиамских близнецов, из которых один упорно желал угнетать все немадьярские области. Но это означало полный переворот в конституции и несомненно вызвало бы резкую оппозицию со стороны немцев и мадьяр. К числу великих вопросов, на которые история не дала ответа, относится и вопрос: действительно ли Франц-Фердинанд сделал бы попытку заменить «дуализм» «триализмом», если бы он вступил на престол, и могла ли бы такая попытка увенчаться успехом?

Во всяком случае не подлежит сомнению, что ему обычно приписывали весьма широкие планы по реорганизации и усилению двуединой монархии; об этом говорит граф Чернин, на это указывалось и в большинстве некрологов. Опасение, что он это сделает, было одним из факторов, побудивших фанатически настроенных сербов организовать заговор с целью его убийства. И бесспорно, по этой же причине многие венские и будапештские государственные деятели облегченно вздохнули, когда узнали о событии в Сараеве.

БРАК ФРАНЦА-ФЕРДИНАНДА

Одним из наиболее роковых обстоятельств в жизни эрцгерцога был его брак. В начале 90-х годов в Вене ходили слухи, что он ухаживает за эрцгерцогиней Марией-Христиной, старшей дочерью эрцгерцога Фридриха и эрцгерцогини Изабеллы. Он часто посещал их в Пресбурге, иногда по два раза в неделю, и родители стали льстить себя надеждой, что дочь их со временем будет императрицей. Но в действительности Франц-Фердинанд сильно влюбился в одну из фрейлин их двора, графиню Софию Хотек. Это была красивая, высокая, гордая женщина, со сверкающими глазами и стремительной походкой. Она происходила из старинного обедневшего чешского аристократического рода. В течение года их любовь оставалась тайной и не возбуждала подозрений. Когда они временно расставались, то каждую неделю обменивались письмами при посредстве одного из офицеров, пользовавшегося доверием эрцгерцога. Но потом произошла катастрофа. Однажды, переодеваясь после игры в теннис в Пресбурге, Франц-Фердинанд забыл свои часы, и лакей принес их к эрцгерцогине Изабелле. Она открыла брелок, по всей вероятности рассчитывая найти там фотографию своей дочери, но вместо нее там оказалась фрейлина. Можно себе представить чувство разочарования, охватившее мать. Графиня София была немедленно уволена со всеми знаками немилости и должна была в ту же ночь покинуть дом [37].

В австрийской столице стали усиленно распространяться сплетни. Но Франц-Фердинанд с решительностью и упорством, которые ему были свойственны, заявил, что он женится на графине Хотек. Вся его габсбургская родня протестовала на том основании, что она только графиня,

[37] Nikitsch-Boulles, стр. 26 сл.

а не принцесса, не принадлежит к правящему дому и поэтому не может вступить в равный (ebenbürt g) брак с эрцгерцогом. Для престарелого императора Франца-Иосифа весть о решении его племянника была страшным ударом. Он считал это позором, не заслуженным его семьей. Для него это было последней каплей, переполнившей чашу горечи и семейных неприятностей: его брат Максимилиан был расстрелян в Мексике, а жена брата от горя сошла с ума; его собственный единственный сын Рудольф умер насильственной смертью при весьма подозрительных обстоятельствах — вероятно он покончил самоубийством: его жена, императрица Елизавета, была убита в 1898 г. итальянским анархистом. Племянник его жены, душевно больной Людвиг Баварский, утонул в Штарнбергском озере, куда он бросился , увлекая за собой пытавшегося его спасти спутника. Его младший племянник Отто, брат Франца-Фердинанда, вел распутный образ жизни, нажил себе этим болезнь и неоднократно причинял неприятности престарелому императору, оскорбляя в нем чувство достоинства и приличия. А теперь его прямой наследник желал пренебречь европейскими традициями и испанским этикетом его двора и жениться на какой-то обедневшей графине. у которой к тому же предполагалась неблагополучная психическая наследственность. И окружающие слышали, как император бормотал про себя: «Неужели и это не могло меня миновать?» [38].

В течение месяца Франц-Иосиф решительным образом сопротивлялся браку, но когда он увидел, что это только усиливает упорство его племянника и что Франц-Фердинанд предпочтет отказаться от прав на престол, чем от руки любимой женщины, старый формалист пошел наконец на компромисс. Брак мог состояться, но это должен был быть только морганатический брак. 28 июня 1890 г. в малом зале совещаний в венском дворце, в присутствии императора, эрцгерцогов и важнейших сановников было торжественно зарегистрировано оглашение брака. Одновременно с этим эрцгерцог огласил торжественный «акт об отречении», который был скреплен подписями и печатями в двух экземплярах на немецком и мадьярском языках. Отречение это гласило:

«Наш брак с графиней Хотек является не равным, а морганатическим браком и должен считаться таковым отныне и навсегда. Поэтому ни супруга наша, ни дети, которыми, надеемся, благословит господь наш брак, ни их потомки — не будут пользоваться правами, титулами, привилегиями и т. д., принадлежащими женам эрцгерцогов и их потомкам от равных браков. В частности, мы еще раз признаем и заявляем, что поскольку дети от нашего вышеупомянутого брака и их потомки не будут членами высокого эрцгерцогского дома, они не пользуются правом престолонаследия».

Акт об отречении должен был стать источником невероятных огорчений и неприятностей в будущем, потому что те, кто был для эрцгерцога дороже всего, оказались лишенными прав и почестей, на которые они могли бы рассчитывать, если бы не существовали ограничительные правила феодального закона и испанского этикета. 28 июня было роковым днем. Ровно через 14 лет, тоже 28 июня, револьвер убийцы, не признававший никакого различия по праву рождения, объединил в смерти обоих

[38] Margutti, стр. 139.

людей, жизнь которых в браке была омрачена морганатическими узами. 28 июня, 19 лет спустя, тоже в годовщину отречения эрцгерцога был подписан Версальский договор, зафиксировавший трагический результат войны, непосредственным поводом к которой послужила смерть эрцгерцога.

После свадьбы графиня Хотек указом Франца-Иосифа была повышена в ранге и получила титул герцогини Гогенберг. Но, несмотря на это, она все же считалась по рангу ниже самой младшей из эрцгерцогинь. Судьба ее была далеко незавидная: «Величие куплено дорогой ценой» говорят, призналась она как-то за год до смерти одному из своих близких друзей. Члены императорской семьи часто подвергали ее жестокому унижению. Ходило много рассказов о чрезвычайно резких сценах, имевших место между Францем-Фердинандом и его родственниками из-за обид, причиненных его жене. В конце концов дошло до того, что наследник и герцогиня Гогенберг предпочитали совершенно уклоняться от всяких придворных церемоний [39].

Так как Франц-Фердинанд видел, что жену его оскорбляют и унижают в Вене, то он был особенно признателен императору Вильгельму, который держался по отношению к ней несравненно более благородно. Это отчасти объясняет тесное сближение, происшедшее за последние годы перед войной между германским императором и эрцгерцогом. При своем первом посещении Берлина Франц-Фердинанд, как и многие друзья кайзера, был пленен живостью императора, его умственными интересами и желанием угодить ему. В ноябре 1908 г. германский император провел два дня с Францем-Фердинандом на охоте в Экартзау на Дунае. Здесь их отношения приняли более дружеский характер. В следующем году эрцгерцог получил приглашение приехать в Потсдам, причем это приглашение относилось также и к герцогине Гогенберг. Ее приняли со всеми почестями, полагающимися эрцгерцогиням. Такт, проявленный кайзером, находился в резком противоречии с тягостным этикетом Вены. При австрийском дворе во время обедов герцогиня Гогенберг вынуждена была сидеть далеко от своего мужа, в конце стола, позади всех австрийских эрцгерцогинь. В Потсдаме остроумно избегли этого неприятного положения и вместо того чтобы сажать ее за длинным столом позади всех персон более высокого ранга, там расставили целый ряд маленьких столиков. Германский император с императрицей, эрцгерцог и его жена обедали за одним столом, а другие гости за другими маленькими столами. Таким образом не создали никакого прецедента, и нельзя было сказать, что германский

[39] Ср. клерикальную «Reichspost», газету, считавшуюся личным органом Франца-Фердинанда, от 17 января 1911: «Нам неизвестны причины отсутствия высочайшей четы, но нам понятно, если положение, занимаемое по действующему придворному церемониалу супругой наследника престола, будет сочтено крайне тягостным и ничем не оправдываемым. Согласно этому церемониалу жена наследника значится по рангу не только ниже замужних дам императорского дома, но даже ниже самой молодой из принцесс. Мы припоминаем неприятную сцену на придворном балу два года тому назад, когда члены императорского дома появились в бальной зале, причем каждый из принцев императорского дома вел под руку даму соответствующего ранга, тогда как жена наследника престола должна была войти в зал одна. В нынешнем году несколько молодых эрцгерцогинь в первый раз выезжают на придворный бал, и жесткость соблюдавшегося до сих пор церемониала, пожалуй, еще резче бросится в глаза. Можно вполне понять, если герцогиня София фон Гогенберг пожелала избежать тягостного положения хотя бы уже ради его высочества, своего супруга.

двор оказал герцогине предпочтение перед какой-либо из принцесс королевской крови. Впоследствии при посещении Вены германский император неизменно делал визит лично герцогине Гогенберг и всячески выражал ей свое почтение. Эрцгерцог был тронут этим, и поведение кайзера явилось одной из причин к тому, что между ними установились более интимные отношения и они часто обменивались визитами. Когда кайзер отправлялся на остров Корфу, эрцгерцог всегда старался устроить так, чтобы встретиться с ним и чтобы австрийский флот его приветствовал, или он приглашал его к себе в Бриони или Миромар [40]. В порядке обмена визитами явилось и приглашение кайзера посетить Франца-Фердинанда 12 июня 1914 г. в его великолепной вилле в Конопиште в Богемии.

СВИДАНИЕ В КОНОПИШТЕ — ЛЕГЕНДА И ФАКТЫ

По официальным сообщениям австрийской печати, свидание в Конопиште носило совершенно частный характер: «Император желал посмотреть замечательные розы эрцгерцога, когда они находятся в полном цвету». Действительно садоводство было одним из любимых занятий эрцгерцога, и он отдавался ему с большим увлечением. Он купил имение в Конопиште в 1886 г. и потратил несколько лет труда и много денег для того, чтобы разбить там один из лучших парков в Европе. Для этого снесли сахарный и пивоваренный заводы и ряд крестьянских домов, вырыли искусственное озеро, посадили редкие и красивые растения, так что из каждого окна дворца открывался самый очаровательный вид. Франц-Фердинанд знал в Конопиште каждое дерево и каждый кустик. Цветы сажались на грядках по его точным указаниям; особенно он любил розы [41]. Но то обстоятельство, что Вильгельм явился в сопровождении адмирала фон-Тирпица и что на другой день после отъезда императора в Конопишт прибыл австрийский министр иностранных дел Берхтольд, — вызывало в газетах того времени подозрение, что свидание преследовало более серьезные цели, чем только посмотреть розы. Через несколько недель после убийства эрцгерцога и таинственных событий, связанных с его смертью и погребением, стали ходить самые дикие слухи о соглашении, которое было затеяно в Конопиште и которое вызвало мировую войну. Поэтому необходимо несколько подробнее остановиться на этом свидании и на порожденных им слухах.

По сообщению корреспондента лондонского «Times» Уикгема Стида, который основывался на сведениях, полученных от лица, «заслуживающего особого внимания ввиду занимаемого им положения», германский император нарочно старался приобрести симпатии Франца-Фердинанда и, оказывая внимание его жене, преследовал политические цели, которые и получили реализацию в «Конопиштском соглашении». Стид старался уверить нас, что «кайзер нарисовал эрцгерцогу Францу-Фердинанду великолепные перспективы и развил перед ним грандиозный план, который давал возможность немедленно поставить его сыновей Максимилиана и Эрнеста во главе двух больших государств Восточной и Центральной Европы». Предполагалось спровоцировать Россию на войну, к которой Германия и Австрия были готовы. Францию хотели несколькими сильными ударами

[40] Nikitsch-Boulles, стр. 114 сл.; 143 сл.
[41] Там же, стр. 188—197.

привести в состояние полного бездействия. Невмешательство Англии считали обеспеченным. В результате войны должно было получиться полное преобразование Европы. Предполагалось восстановить древнее королевство Польское с Литвой и Украиной и с границами от Балтийского моря до Черного. Оно должно было стать наследственным владением Франца-Фердинанда, а после его смерти перейти к старшему сыну. Для младшего сына создавалось под руководством отца новое государство, обнимающее Чехию, Венгрию и югославянские земли, включая сюда Сербию, Далмацию и Салоники. Если верить этому рассказу, Францу-Фердинанду сулили троны для его сыновей, а София Хотек уже видела себя матерью королей. Император Вильгельм, со своей стороны, собирался отдать новому польскому государству часть Познани, а за это компенсировать себя включением в Германию нового государства, обнимающего немецкую Австрию и Триест. Им должен был управлять племянник Франца-Фердинанда эрцгерцог Карл-Франц-Иосиф. Таким образом Германия получила бы давно желанный выход к Адриатическому морю и расширила бы свою территорию присоединением нового государства, по значению не уступающего Баварии. Между расширенной Германской империей, восстановленным королевством Польским и новым Чешско-венгерско-югославским государством должен был быть заключен тесный и вечный экономический союз. Этот союз должен был стать вершителем судеб Европы: в его распоряжении находились бы Балканы и путь на Восток.

Таковы были условия соглашения, по сообщению Уикгэма Стида. Он полагает, что эти сведения дошли до членов австрийской императорской семьи, и что этим объясняется, почему Франца-Фердинанда и его жену после сараевского убийства хоронили без всяких церемоний. Стид делает туманные намеки, что австрийский двор сам является участником убийства. Затем он в стиле газетной сенсации всячески преувеличивает и раздувает ряд других обстоятельств, для того чтобы произвести на читателя впечатление, что убийство эрцгерцога произошло при соучастии австрийских властей и что Сербия в данном случае не несет никакой ответственности. «Генерал Потиорек, сидевший в автомобиле эрцгерцога, остался цел. Ни он, равно как и никто другой из высших военных и гражданских чинов не понесли наказания за то, что не сумели оградить жизнь своих гостей. Генерал Потиорек оставался губернатором и командовал боснийской армией во время первого похода на Сербию. После поражения его войск он был лишен командования, объявлен сумасшедшим и помещен в сумасшедший дом... Когда император Франц-Иосиф посетил Сараево в июне 1910 г., там было больше тысячи полицейских и по всей вероятности еще вдвое больше тайных агентов. Между тем, когда в этот город прибыл наследник престола, полицию убрали. До сих пор не приведено никаких доказательств относительно участия сербского правительства в заговоре с целью убийства эрцгерцога... Несомненно, что агенты австро-венгерской тайной полиции вполне могли создать заговор в Белграде или Сараеве... для того чтобы «устранить» нежелательных лиц или создать предлог для войны» [42].

Подробно описав, как неприлично были организованы похороны убитой супружеской четы, и указав, что «вряд ли менее удивительны

[42] Steed, The Pact of Konopischt, стр. 265 сл., см. ниже прим. 45.

сами обстоятельства убийства», Стид в качестве усугубляющего вину обстоятельства приводит еще факт первоначального сообщения, что германский император будет присутствовать на похоронах, но второго июня из Берлина сообщили, что вследствие легкого недомогания германский император отказался от поездки в Вену. Тем не менее в этот день у него были обычные аудиенции. Стид даст понять, что германский император и другие государи получили указание из Вены не присутствовать на похоронах. По его мнению, это является лишним доказательством того, что убийство эрцгерцога совершилось при участии австрийских властей за то, что он задумал в Конопиште раздел австрийских земель с целью добыть короны своим сыновьям. Но в действительности отсутствие императора на похоронах было вызвано не указаниями, последовавшими из Вены и продиктованными желанием лишить эрцгерцога и его жену даже после их смерти подобающих им почестей: Вильгельм II отказался от намерения отправиться в Вену вследствие предостережения, полученного от германского консула в Сараеве, что сербы могут совершить покушение и на него. Его канцлер отказался взять на себя ответственность за разрешение императору рисковать своей жизнью. В телеграмме Бетмана-Гольвега, германскому послу в Вене, от 2 июля мы читаем:

«В результате предостережений, полученных из Сараева, из коих, правда, первое относится еще к апрелю этого года, я был вынужден просить его императорское величество отказаться от посещения Вены. В этом решении меня утвердило то обстоятельство, что поездка эта не являлась актом политической необходимости, а вызывалась добровольным проявлением дружеских чувств, не требуемым этикетом. По-видимому в основе сараевского убийства лежит широко разветвленный заговор, и известно, что убийства оказывают заражающее влияние на уголовные элементы. В силу этих соображений я не могу взять на себя ответственность за опасность, которой его величество подверглось бы без всякой надобности в чужой стране.

Для широкой публики отказ от визита мотивируется физическим недомоганием его величества. Однако его величество желает, чтобы подлинная причина была сообщена лично его императорскому величеству Францу-Иосифу» [43].

Точно так же и все прочие обстоятельства, на которых Стид и его последователи строят теорию соучастия Австрии, в действительности объясняются весьма простыми и естественными причинами совершенно иного порядка и, как мы сейчас увидим, не заключают в себе ничего сенсационного. Не имеется и тени доказательства, что эрцгерцог затевал какой-то заговор в Конопиште или что австрийские власти организовали его убийство.

Тем не менее, изумительная теория Стида получила широкое распространение среди бывших противников Австрии. Сербы, разумеется, радостно ухватились за нее, потому что она снимала с их страны всякую ответственность за преступление [44]. Эту теорию с некоторыми оговорками и

[43] K. D., 6 B, и предостерегающая телеграмма из Сараева, K. D., 6 A.

[44] Сеферович, югославский генеральный консул в Монреале, приводит обильные цитаты из Стида, для того чтобы доказать, что «заговор для убийства эрцгерцога был

дополнениями широко распространяли также многие не в меру подозрительно настроенные французские писатели: Раймон Рекули, известный газетный корреспондент и сотрудник ряда журналов; Альфред Дюмен, который был французским послом в Вене, но который повидимому в то время ничего подобного не знал; Шопен в своей монографии о сараевском убийстве и даже такой трезвый историк, как профессор Дебидур [45].

К счастью недавно были опубликованы документы, которые вполне точно и достоверно показывают, что́ в действительности имело место в Конопиште, и это заставит всех, серьезно изучающих настоящий вопрос, отнести сенсационную теорию Стида к области пропагандистской военной мифологии [46]. Одним из таких документов является официальный отчет, отправленный германскому министерству иностранных дел на другой день после свидания бароном фон Трейтлером, состоявшим при Вильгельме II [47]

В этом донесении хорошо изложено содержание разговоров, происходивших между Вильгельмом II и Францем-Фердинандом. Во-первых, они коснулись положения на Балканах ввиду тревожной телеграммы, полученной из Афин и сообщавшей, что греки мобилизовали свои морские резервы и по слухам собираются напасть на Турцию. Франц-Фердинанд и его гость решили позондировать короля Карла румынского для того, чтобы посмотреть, не согласится ли он использовать свое влияние в интересах мира и сохранения статус кво, установленного Бухарестским договором. Оба они выразили свое недовольство Фердинандом болгарским.

организован в Австрии и преследовал двоякую цель: во-первых, устранение эрцгерцога как наследника, а во-вторых, — создание предлога для нападения на Сербию, к чему Австрия стремилась уже давно». См. также его статью «The Blame for the Sarajewo murder plot» в «New-York Times», «Current History», дек. 1925, стр. 385.

[45] H. Wickham Steed, «The Pact of Konopischt», в «Nineteenth Century and After», II, т. 79, стр. 253—273 (февраль 1916). Как передают, Стид много месяцев спустя в частной беседе признал, что он уже не верит в эту фантастическую историю. Тем не менее он повторяет ее в сокращенной форме в своей интересной, но мало правдивой книге «Through Thirty Years», London 1924, т. I, стр. 396—403, где она несомненно будет продолжать вводить в заблуждение тысячи доверчивых читателей, вроде Сеферовича. Из французских писателей, которые, не задумываясь, усвоили его теорию и стали распространять ее дальше в разных вариантах, назовем Jean Pozzi, «Les Roses de Konopischt» в «Le Correspondant» de 10 juin 1921; Recouly, Les Heures Tragiques d'Avant-Guerre (Paris 1922), стр. 173—194 и в «La Revue de France» от 1 апреля 1922, стр. 598—610; Dumaine, La Dernière Ambassade de France en Autriche (Paris 1921), стр. 126 сл.; Debidour, Histoire Diplomatique de l'Europe (Paris 1918), т. II, 229; Jules Chopin (псевдоним Шопена, лектора пражского университета, который разделяет характерную для чехов враждебность к Габсбургам). Шопен подводит следующий итог: «Несомненно, что свидание в Конопиште было устроено с совершенно иной целью, чем обмен любезностями и охота за дичью в парке эрцгерцога. Мы полагаем, что его единственная цель заключалась именно в том, чтобы найти предлог для войны, которого недоставало в 1914 г., а также в том, чтобы тщательно разработать дипломатические и военные мероприятия для всей этой милитаристической затеи».

[46] Даже Сэтон-Ватсон, которого никто не обвинит в чрезмерной снисходительности к Австрии, под конец признал («Sarajevo», стр. 111): «Не было приведено никаких доказательств, которые хотя бы сколько-нибудь заслуживали этого названия (он имеет в виду версию об участии в убийстве венских и будапештских правящих сфер), и каждая из многих подозрительных подробностей может быть объяснена более просто и менее сенсационно». Приблизительно то же самое на стр. 114 и 287.

[47] «Deutsche Politik», 14 мая 1920; G. P. XXXIX, 365 сл. и перепечатано у Montgelas, The Case for the Central Powers, стр. 232—235. Точность передачи Трейтлером первого пункта, затронутого в беседе, подтверждается телеграммой, отправленной австрийскому посланнику в Афинах 12 июня; напечатана у Conrad, III, 660 сл.

Франц-Фердинанд дал волю своим подозрениям относительно mala fides (недобросовестности) Италии в Албании и во всех других вопросах. Германский император пытался устранить его подозрения и выразил надежду, что если Франц-Иосиф встретится с итальянским королем на обычных германских осенних маневрах, то это даст возможность установить более сердечные личные отношения между Виктором-Эммануилом и наследником габсбургского престола.

Но главной темой разговоров в Конопиште, так же как и в беседе Вильгельма II с Францем-Иосифом в Вене тремя месяцами раньше [48], были вопросы внутренней австрийской политики, а именно: политика Тиссы по отношению к румынам в Трансильвании и ее опасные последствия в смысле влияния на общественное мнение Румынии. Франц-Фердинанд резко нападал на господствовавшую в Венгрии и пытавшуюся господствовать также и в Австрии совершенно анахроническую мадьярскую олигархию, возглавляемую Тиссой: в Вене, — говорил он, — начинают уже дрожать, когда Тисса еще только собирается туда. А когда Тисса выезжает в Вену, то все уже лежат ничком на брюхе. Император Вильгельм возражал на это, что Тисса — человек настолько сильный и незаурядный, что его не следует просто выбрасывать за борт, а надо держать в крепких руках и использовать его ценные качества. Эрцгерцог жаловался, что именно на Тиссу падает вина за то, что интересы Тройственного союза недостаточно принимаются во внимание, потому что Тисса вопреки его обещаниям, данным в Шенбрунне, дурно обращается с румынами в Венгрии. В заключение эрцгерцог просил его величество, не согласится ли он дать инструкцию Чиршки, германскому послу в Вене, чтобы тот при всяком удобном случае напоминал Тиссе, что не следует упускать из виду необходимость привлечь к себе румын умеренной политикой в отношении их братьев, живущих в Венгрии. Его величество обещал, что он велит Чиршки постоянно повторять Тиссе: «Помни о румынах». Эрцгерцог отнесся к этому чрезвычайно одобрительно. Из разговоров с секретарем эрцгерцога Трейтлер вынес впечатление, что, по мнению Франца-Фердинанда, и кайзер и берлинское министерство иностранных дел слишком склонны смотреть на то, что совершается в Австро-Венгрии, через венгерские очки, вследствие того что в течение нескольких десятилетий двуединая монархия была представлена в Берлине венгерским послом. Действительно Франц-Фердинанд конфиденциально сообщил Вильгельму II, что существует намерение заменить венгерца Сегени австрийцем, князем Гогенлоэ. В конце беседы Франц-Фердинанд выразил мнение, что опасаться России не приходится; ее внутренние затруднения слишком велики, чтобы позволить ей вести агрессивную внешнюю политику.

Донесение Трейтлера, свидетельствующее, что главной темой беседы в Конопиште была политика Тиссы по отношению к румынам, подтверждается еще и с австрийской стороны. На следующий день после отъезда германского императора из Конопишта туда был вызван Берхтольд, который по возвращении в Вену сообщил германскому послу резюме разговоров, которые он вел. Об этом Чиршки доносит следующее:

«После отъезда его величества императора эрцгерцог Франц-Фердинанд пригласил в Конопишт графа Берхтольда. Сегодня министр

[48] G. P. XXXIX, 333 сл., 358 сл. Montgelas, ст. 229—231.

сообщил мне, что эрцгерцог выразил ему свое чрезвычайное удовольствие по поводу визита императора. Он беседовал с императором подробно о всевозможных вопросах и мог убедиться, что взгляды их вполне совпадают.

Эрцгерцог повторил также графу Берхтольду то, что он сказал императору о политике графа Тиссы, и в частности — о его политике по отношению к немадьярским национальностям. «Румынам, — заметил эрцгерцог, — граф Тисса говорит хорошие слова, но дела его не соответствуют этим словам». Одной из главных ошибок венгерского премьера является то, что он не предоставил румынам в Трансильвании парламентских мандатов.

Граф Берхтольд сообщил мне, что он неоднократно и настойчиво пытался воздействовать на графа Тиссу с целью побудить его к более значительным уступкам румынам, но его усилия были тщетны. Граф Тисса утверждал, что он уже уступил румынам все, что возможно.

Я, со своей стороны, тоже,—как я это делал и до сих пор в соответствии с директивами императора, — буду при каждом удобном случае указывать венгерскому премьеру на необходимость завоевать симпатии румын» [49].

В виду наличия этих совершенно бесспорных и относящихся к тому времени документов, можно спокойно отнести в область легенды все фантастические рассказы Уикгема Стида и французских авторов о том, что Вильгельм II и Франц-Фердинанд собирались перекроить карту Европы или затевали европейскую войну, которая должна была быть спровоцирована маневрами эрцгерцога у сербской границы в Сараеве. Угнетение мадьярами трансильванских румын и вызываемое этим негодование среди подданных короля Карла, создававшее опасность, что Румыния перестанет лойяльно соблюдать свой тайный договор с державами Тройственного союза, были достаточно серьезным основанием для того, чтобы помимо роз и личной дружбы явилась необходимость свидания в Конопиште. В связи с этим весьма показательно, что румынскому вопросу и его зна-

[49] Чиршки — Бетману, 17 июня 1914 г.; K. D., 4. На этом донесении император сделал пометку на полях: «Он (Тисса) не должен с в о е й в н у т р е н н е й п о л и т и к о й, которая в румынском вопросе влияет на в н е ш н ю ю п о л и т и к у Т р о й с т в е н н о г о с о ю з а, создавать затруднений для этой последней».

Относительно дальнейших подробностей свидания в Конопиште и тех вопросов, которые там могли обсуждаться, см. донесение русского посла в Вене Сазонову (напечатана в «Kriegsschuldfrage», III, стр. 169, июнь 1925). Посол утверждает, что Франц-Фердинанд обсуждал с адмиралом Тирпицем австрийскую морскую программу ввиду опасности, что Россия поднимает вопрос о проливах. Краткий меморандум Тирпица, составленный немедленно по возвращении его в Берлин (там же, III, стр. 561 сл., сентябрь 1925), рассказывает, главным образом, о светских развлечениях и садоводстве в Конопиште, которое произвело на него сильное впечатление. «Кроме беседы императора с эрцгерцогом, политики почти не касались». Император упомянул Францу-Фердинанду о возможности посылки германского флота в Средиземное море в случае войны, «ибо морские маневры показали, что из-за подводных лодок мы не можем достичь больших результатов в Северном море. Относительно морской конвенции, заключенной Тройственным союзом 23 июня 1913 г. и устанавливавшей условия морского сотрудничества в Средиземном море, см. P r i b r a m, I, 282 сл. Конрад (C o n r a d, III, 36 сл.) передает разговор с Францем-Иосифом, имевший место 5 июня 1914 г. Император сказал: «Я поручил Францу-Фердинанду осведомиться у германского императора в Конопиште, можем ли мы и в будущем безусловно рассчитывать на Германию. Германский император уклонился от этого вопроса и ответа не дал».

чению для германской и австрийской политики уделено много внимания в документах, опубликованных недавно Конрадом фон Гецендорфом и германским правительством [50].

Неуверенность в лойяльном поведении Румынии и в связи с этим желательность решительного поворота в балканской политике Тройственного союза, как мы увидим дальше, составляли главную тему большого доклада по вопросу о сохранении мира на Балканах, составленного Тиссой весной 1914 г. Доклад этот как раз перерабатывался в австрийском министерстве иностранных дел, когда последовало убийство Франца-Фердинанда.

То обстоятельство, что германский император прибыл в Конопишт в сопровождении адмирала фон-Тирпица, обратило на себя внимание и способствовало распространению легенды, будто в Конопиште затевались большие дела. Но присутствие Тирпица в Конопиште по всей вероятности, в достаточной мере объясняется, как утверждал впоследствии Ягов [51], интересом, который проявлял эрцгерцог к созданию и реорганизации австрийского флота, составлявшего предмет его особых забот. Оно может объясняться также и тем, что император и германское министерство иностранных дел были несомненно очень встревожены слухами о морском соглашении между Россией и Англией. Последнее действительно обсуждалось в то время. Франция и Россия дополнили весной 1912 г. военную конвенцию двойственного союза аналогичной морской конвенцией. В ноябре того же года Франция добилась от сэра Эдуарда Грэя, письменного обещания, что французские и британские морские и военные специалисты будут продолжать свои совещания, учитывая возможность войны. Британский и французский флот были реорганизованы таким образом, что французы увеличили свои силы в Средиземном море для защиты здесь как британских, так и французских интересов, а англичане, со своей стороны, сконцентрировали свой флот в Северном море для защиты северных берегов Франции от нападения Германии. Наконец весной 1914 г. Пуанкаре, Извольский и Сазонов всячески старались добиться морского соглашения между Англией и Россией, которое объединило бы морские силы Антанты против Германии. Разумеется, императору хотелось обсудить с Францем-Фердинандом и своим собственным главным адмиралом, какое значение имеют эти переговоры и чем можно предотвратить морское «окружение», которое как будто намечалось.

Но, пожалуй, самым главным результатом свидания в Конопиште было влияние, оказанное им на психологию императора. Убийство эрцгерцога сильно подействовало на его впечатлительную и склонную к неожиданным вспышкам натуру еще и потому, что здесь был убит друг, которого он посетил в его домашней интимной обстановке всего за несколько дней перед этим. Револьверные выстрелы в Сараеве прогремели, когда еще свежо было воспоминание о розах в Конопиште, и это особенно усилило тот ужас, с которым Вильгельм всегда относился к террористическим убийствам. Если до того он удерживал Австрию от резких выступлений против Сербии, то теперь Сербия стала представляться ему

[50] Conrad, III passim; G. P. XXXIII—XXXIX, passim.

[51] Jagow, Ursachen, стр. 181, прим. 2: «Статс-секретарь Тирпиц сопровождал императора в Конопишт по специальному желанию эрцгерцога, который хотел ознакомиться с мнением адмирала относительно типа конструкции судов».

каким-то гнездом убийц, и он неблагоразумно предоставил графу Берхтольду полную свободу действовать против нее так, как это сочтут уместным в Вене.

ПОЕЗДКА В САРАЕВО

Роковая поездка эрцгерцога в Боснию, в Сараево в июне 1914 г. была решена несколькими месяцами раньше. 16 сентября 1913 г. эрцгерцог говорил об этом с Конрадом на маневрах австрийской армии в Богемии. 29 сентября Конрад говорил на эту тему в Вене с генералом Потиореком, губернатором Боснии. Последний сказал, что эрцгерцог намерен посетить Боснию в качестве престолонаследника, присутствовать на маневрах 15-го и 16-го армейских корпусов, причем он желает воспользоваться этим случаем, чтобы привезти с собой свою жену [52]. Эта беседа указывает на троякую цель поездки в Сараево и объясняет некоторые не совсем обычные детали, связанные с ней.

С политической точки зрения представлялось чрезвычайно желательным, чтобы член императорской семьи побывал в только что аннексированных провинциях. Впечатлительное простое крестьянское население Европы относилось до войны с глубочайшим почтением к королевской власти и по традиции было преисполнено лойяльности к личности правителя. Ничто не могло в большей степени способствовать усилению этих чувств, чем такие официальные визиты принцев. Это льстило местному патриотизму. Простые крестьяне любили пышное великолепие принцев. Им приятно было видеть своих правителей и убеждаться, что это такие же человеческие существа, наделенные плотью и кровью, как и они, что это люди, которые ходят, ездят верхом и едят по три раза в день. Уже одно то, что правителей можно было видеть и слышать, как они говорят, способствовало восстановлению человеческих связей, общности языка и интересов. Это наблюдалось на протяжении всей истории от Генриха IV и Фридриха Великого в прошлом до принца Уэльского в настоящем. Все популярные принцы и правители обыкновенно совершали такие путешествия и этим укрепляли узы, связывающие правителей с управляемыми [53]. В этих целях император Франц-Иосиф посетил Боснию в 1910 г., и с этой же целью барон Музулин убеждал в 1913 г. Франца-Фердинанда в необходимости стать более популярным в Хорватии. Он рекомендовал членам габсбургской семьи наезжать туда для более длительного пребывания, чтобы противодействовать тем самым пропаганде югославских агитаторов среди лойяльного крестьянства [54]. Возможно, что

[52] Conrad, III, 445. Неясно, исходила ли первоначальная мысль об организации поездки от самого эрцгерцога, как это обыкновенно предполагают, или поездка состоялась по просьбе боснийского губернатора генерала Потиорека, что мне представляется более вероятным. Конрад говорит (Conrad, III, 702) «Я не знаю, кто был инициатором поездки наследника и кто организовал ее. Но мне казалось вполне естественным и соответствующим интересам династии, что имперский принц наконец снова посетит Боснию, как это делал прежде кронпринц Рудольф; тем более, когда поездку совершит сам наследник престола». Никич-Баулес, сопровождавший жену эрцгерцога, указывает, что эрцгерцог поехал в Боснию скорее против своей воли, потому что он не выносил жары. Он дает понять, что поездка была предпринята в угоду генералу Потиореку и офицерам армии.

[53] О политическом значении того, чтобы крестьяне знали в лицо своих монархов, ср. умные замечания H. Fisher, The Republican Tradition in Europe, Boston 1911, стр. 322—324.

[54] Musulin, стр. 206—210.

его советы оказали некоторое влияние на решение эрцгерцога посетить Боснию и Герцоговину. Такое посещение должно было укрепить положение католических и других лойяльных элементов и создать противовес югославской революционной пропаганде и агитации сербов за создание «Великой Сербии». Такова была политическая сторона этой поездки, и этим отчасти объясняется, почему эрцгерцог не пожелал, чтобы его защищали полчища солдат и тайной полиции, а предпочел разъезжать в открытом автомобиле. В 1909 г., когда он проезжал по Венгрии для того чтобы посетить короля Карла румынского, он был крайне возмущен тем, что гражданские власти оцепили железнодорожные станции полицейскими кордонами и не подпускали близко толпы крестьян, которые размахивали шапками и платками, приветствуя эрцгерцогскую чету [55].

Но главной целью поездки было желание эрцгерцога присутствовать на маневрах 15-го и 16-го армейских корпусов, которые постоянно стояли в Боснии. Как главный инспектор армии он за последние годы обычно присутствовал на таких маневрах в качестве представителя императора. Враждебные Австрии авторы обыкновенно изображают боснийские маневры 1914 г. как «своего рода репетицию военных действий против Сербии» [56]. Сербский посланник в Вене Иованович говорит: «План заключался в том, чтобы устроить маневры в районе между Сараевым, Романиджей и Ганписесак, на восток от Сараево, — как раз против сербской границы. При таких маневрах неприятелем являлась конечно Сербия... Маневры должны были происходить в Боснии, у реки Дрины, как раз у самой границы Сербии» [57]. Все это совершенно неверно. Все мероприятия, имеющие отношение к военным действиям против Сербии, были задуманы совершенно иначе, они изложены бароном Конрадом в мобилизационном плане «Б» (балканском). По этому плану предусматривались действия не только двух корпусов, расположенных в Боснии, но еще пяти корпусов, которые должны были быть стянуты из других мест Австро-Венгрии, так что вообще в военных действиях должна была участвовать почти половина всей армии [58]. По этому плану действительно намечалось непосредственное наступление в сторону реки Дрины, образующей границу между Боснией и Сербией. План этот был выработан во всех деталях Конрадом и его генеральным штабом и, как мобилизационные планы всех государств, всегда находился наготове в генеральном штабе. Но в маневрах, на которых должен был присутствовать эрцгерцог в Боснии, принимали участие только два армейских корпуса, и маневры эти представляли собой часть обычной муштры, которой регулярно подвергалась армия. Они не были связаны ни с какими военными приготовлениями, и главной их задачей было просто упражнение военных сил в продвижениях по сравнительно трудному и разнообразному плацдарму. Кроме того эти маневры происходили не в Романидже, на восток от Сараева у реки Дрины как раз против Сербии, как это утверждает Иованович, а напротив, приблизительно в 30 километрах на юго-запад от Сараева в Тарчинском округе. Они ни в какой степени не представляли

[55] Nikitsch-Boulles, стр. 130.
[56] Seton-Watson, Sarajevo, стр. 115.
[57] Письмо Йована Йовановича в «Neues Wiener Tageblatt» № 177, 28 июня 1924.
[58] Conrad, I, 361—423, IV, 112—124. О размещении австрийских военных сил см. ниже в конце гл. VII.

собой теоретического нападения на Сербию в восточном направлении, а намечались как раз в обратном направлении как теоретическая защита Сараева против наступления с запада, со стороны Адриатики. «Голубая» защищающая армия удерживала позиции на юго-запад от Сараева; она должна была помешать наступлению «красных» со стороны Монастыря с Запада и не дать овладеть Ивановским ущельем, которое является ключом к дороге от Адриатики на Сараево [59]. Для того чтобы ознакомиться с этой частью Боснии, как раз наиболее отдаленной от Сербии, эрцгерцог отправился в Сараево через Фиуме и Адриатическое море и затем по железной дороге через Меркович и Монастырь. Жена же его отправилась одна по железной дороге из Вены на Будапешт и встретилась с ним только в Элидзе около Сараево [60].

Поскольку вообще можно говорить о какой-нибудь непосредственной цели, которая преследовалась боснийскими маневрами, то цель эта заключалась в том, чтобы познакомить офицеров не с плацдармом, на котором будет происходить война с Сербией, а с плацдармом для защиты Албании или Боснии против войск, которые произвели бы высадку на Адриатическом побережьи [61].

Так как поездка эрцгерцога носила в первую очередь военно-инспекционный характер, то все относящиеся к ней детали были разработаны в его военной канцелярии при содействии барона Конрада и генерала Потиорека. Билинский, который в качестве австро-венгерского министра финансов ведал гражданской администрацией Боснии, не был привлечен к этому делу. После сараевского убийства Билинский и генерал Потиорек пререкались относительно ответственности за эту трагедию [62]. Билинский в своих мемуарах [63] настаивает, что он не несет никакой ответственности, потому что его самого и его подчиненных систематически игнорировали во время подготовки к поездке эрцгерцога. Он даже утверждает, что он совсем не знал программы поездки эрцгерцога в Боснию, пока не прочел ее в «Neue Freie Presse» приблизительно часов в 11 утра в роковое воскресенье, когда он собирался сесть в автомобиль, чтобы отправиться в церковь. Он говорит, что он был тогда неприятно поражен, так как впервые узнал , что в программе эрцгерцогской поездки предусмотрен торжественный въезд в Сараево, тогда как император вначале дал свое согласие на поездку военно-инспекционного характера [64]. Утверждение

---

[59] Подробности о маневрах см. «Neue Freie Presse» NN 17901—2 от 27 и 28 июля 1914.

[60] Conrad, III, 700—702; IV, 13; Nikitsch-Boulles, стр. 209—214.

[61] Например итальянцев, которым эрцгерцог особенно не доверял и королю которых он отказался сделать визит, хотя, как сообщает Конрад (Conrad, III, 502 сл., 626), кому-нибудь из членов Габсбургского дома давно уже следовало сделать ответный визит королю Италии. В 1908 г. германские, и, надо полагать, австрийские власти получили сообщение, что итальянский военный атташе в Белграде выработал для сербского генерального штаба план кампании для осуществления программы «Великой Сербии» и составил для них также план операций, которые Италия должна была предпринять для помощи сербам; G. P. XXVI, 18. Это соответствовало соглашению, заключенному в Ракконидже год спустя.

[62] Билинский — Потиореку, 3 июля; Gooss, стр. 96 сл.; Потиорек — Билинскому, 6 июля; Conrad, IV, 64—67.

[63] Leon Bilinski, Wspomnienia i Dokumenty (Воспоминания и документы) 2 т., Варшава 1924/25, I, 273—277.

[64] Bilinski, I, 276.

Билинского, что он совершенно не знал о намерении эрцгерцога посетить Сараево, вряд ли соответствует действительности. Дело в том, что «Neue Freie Presse» от 28 июня совершенно не содержит никакой программы поездки эрцгерцога в Боснию, а только описывает происходившие там маневры. Больше того: тремя неделями раньше, 4 июня, эта газета уже напечатала общий план поездки эрцгерцога, включая сюда и предполагавшееся посещение Сараева. Билинский вряд ли мог не видеть этой статьи. Кроме того 24 июня для осведомления должностных лиц была напечатана в частном порядке подробная программа поездки [65]. Билинский допускает, что экземпляр этой программы был доставлен ему кем-нибудь из его подчиненных [66].

Непривлечение Билинского к выработке программы поездки было широко использовано авторами, которые стараются возложить ответственность за убийство на «свору убийц», поджидавших эрцгерцога, на преступную небрежность австрийской полиции, на высокомерное поведение Потиорека и крайнее упорство Франца-Фердинанда, игнорировавшего австро-венгерского министра финансов [67]. Пытаясь, таким образом, возложить ответственность на австрийскую власть, эти авторы затушевывают действительный заговор, организованный в Белграде. В качестве одной из главных причин того, что приготовления к поездке были поручены Потиореку, а не Билинскому, они указывают желание эрцгерцога отстранить от этого дела придворных чинов, которые могли бы создать препятствия для поездки в Сараево жены эрцгерцога. Если даже допустить это, то во всяком случае император повидимому не возражал против ее участия в поездке, когда эрцгерцог говорил с ним об этом 4 июня [68].

Вообще эрцгерцог повидимому предпринял эту поездку скорее повинуясь чувству долга, чем руководствуясь, как это обыкновенно утверждают, желанием, предоставить своей жене возможность быть принятой с королевскими почестями, путешествуя вместе с ним. Как уже было указано, они отправились в Сараево по разным маршрутам. В последнюю неделю перед поездкой он вообще сомневался, стоит ли ему ехать ввиду состояния своего здоровья и жары. Он говорил об этом с императором, который ему сказал: «Делайте, как хотите» [68a]. Его частный секретарь записал несколько заметок, свидетельствующих о том, что Франц-Фердинанд относился к этой поездке совсем без всякого восторга. 23 июня специаль-

---

[65] Margutti, стр. 146; ср. Seton-Natson, стр. 107, прим. 2.

[66] Bilinski, I, 274 сл.

[67] Seton-Watson, Sarajevo, стр. 106—117; Wickham Steed в «The Nineteenth Century and After», LXXIX, 253—273; Recouly, Les Heures Tragiques, стр. 180—182; Chopin, Le Complot de Sarajevo, стр. 89—100; Margutti, стр. 145 сл., стр. 396 сл.

[68] Conrad, III, 700 Билинский получил, аудиенцию у императора в тот же день («Neue Freie Presse», № 17878, 4 июня, стр. 2) и имел полную возможность представить возражения против намечавшейся поездки эрцгерцога; но нет никаких указаний, что он это сделал. Только уже после сараевской трагедии он и его чиновники стали настойчиво указывать, как они были недовольны поездкой и как они осуждали этот план. Сэтон-Ватсон цитирует утверждение Муссе, взятое последним из вторых рук, относительно того, что Билинский послал в Сараево распоряжение позондировать местные власти относительно поездки и те будто бы отказались взять на себя ответственность, Но Муссе, хотя и считается авторитетом по сербской истории, все же не вполне надежный автор, так как он относится к Австрии крайне враждебно.

[68a] Conrad, III, 70.

ный вагон, в котором он обыкновенно ездил, испортился вследствие того, что у него перегорела букса, и эрцгерцогу вместе с женой пришлось ехать в обыкновенном отделении I класса, оставив своих трех детей в Хлумеце. По этому поводу Франц-Фердинанд саркастически заметил: «Многообещающее начало для путешествия!» [69]. Несколько позже, когда ему сообщили, что поезд, в котором он с женой собирался выехать из Сараева 29 июня, отойдет в 5 часов утра вместо 6 часов, как первоначально предполагалось, он воскликнул: «Скажите полковнику Бардольфу, что если он поведет дело так, чтобы с каждым днем поездка в Боснию становилась для меня все отвратительнее вследствие неожиданных затруднений и неприятностей, то он может устраивать маневры без меня! Я совсем туда не поеду!» Секретарь добавляет к этому, что утверждение, будто эрцгерцог желал предпринять поездку в Боснию с целью превратить ее в триумфальное путешествие, является чистейшей выдумкой» [70].

Однако, несмотря на все эти неприятности и то обстоятельство, что в поезде, с которым эрцгерцог ехал из Вены в Триест, погасло электричество, путешествие его во всех остальных отношениях проходило великолепно и он был в превосходном настроении. Его с энтузиазмом приветствовали на железнодорожных станциях по пути от Адриатического моря к Сараеву, и 25 июня пополудни он встретился с женой в Элидзе, приятном маленьком местечке в 12 милях от Сараева, где они и жили все время. Маневры протекали весьма удовлетворительно, несмотря на сильные дожди, и эрцгерцог выражал свое удовольствие генералу Потиореку по поводу духа и выправки войск [71].

В пятницу 26 июня пополудни, возвращаясь с маневров, которые начались в этот день, Франц-Фердинанд с женой поехали на автомобиле в Сараево и делали разные покупки на базаре. Городской голова уже выпустил прокламацию, в которой выражал чувства лойяльности населения к Францу-Иосифу и удовольствие по поводу того, что он прислал своего наследника посетить Боснию. Населению предлагалось украсить лавки и дома флагами и цветами, что и было сделано. Повсюду в окнах были выставлены портреты эрцгерцога.

В этот день Франц-Фердинанд был в форме, и его повсюду узнавали и приветствовали громкими криками «живио!» Толпа была так густа, что сопровождавшие его офицеры с трудом ее расталкивали, чтобы дать эрцгерцогу пройти из одной лавки в другую [72]. Если бы действительно имелось сборище убийц, ждавших случая, чтобы покончить с ним, то здесь для этого представлялась полная возможность. Однако на этот раз посещение Сараева прошло без всяких инцидентов, и эрцгерцогская чета вернулась в Элидзе довольная городом и оказанным ей приемом.

В воскресенье утром эрцгерцог телеграфировал своим детям в Хлумец, что «папа и мама» чувствуют себя превосходно и что они надеются встретиться с ними во вторник. Это были последние написанные им слова [73].

---

[69] Nikitsch-Boulles, стр. 70.
[70] Там же, стр. 211.
[71] Conrad, IV, 13—15.
[72] Nikitsch-Boulles, стр. 213; Conrad, IV, 14 сл.; Евтич, Сараевски Атентат.
[73] Nikitsch-Boulles, стр. 215.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ЗАГОВОР

Убийство австрийского эрцгерцога в Сараеве послужило непосредственным поводом к мировой войне. Без него летом 1914 г. не было бы и австро-сербской и мировой войны. Несмотря на то, что отношения между Тройственным союзом и Тройственным согласием становились все более напряженными, европейская дипломатия, по всей вероятности, сумела бы предотвратить на месяцы, а может быть и на годы, конфликт, который всем государственным деятелям представлялся невыразимо ужасным и к которому Франция и Россия рассчитывали быть лучше подготовленными к 1917 г., чем в 1914 г. Убийство эрцгерцога явилось искрой, зажегшей горючий материал, который при других обстоятельствах не вспыхнул бы таким ярким пламенем, а может быть и совсем бы не загорелся. Поэтому важно проследить происхождение заговора, жертвой которого пал эрцгерцог, и установить, на ком лежит ответственность за деяние, имевшее такие ужасные последствия для всего мира.

Как в действительности был организован сараевский заговор? Какими побуждениями руководствовались убийцы? Кто были их подстрекатели и сообщники? Все это вопросы темные и запутанные; они и по сию пору гораздо загадочнее, и на них труднее ответить чем на большинство проблем, имеющих отношение к непосредственным причинам войны. Серьезные историки уделяли им сравнительно мало внимания. Фантастические слухи, настойчивые извращения фактов, порожденные ненавистью и военной пропагандой, поддерживались в этом вопросе больше, чем по всем другим вопросам, связанным с трагическими днями, когда загорелся европейский пожар. Для этого имеется целый ряд причин. Историки занимались, главным образом, вопросом об относительной ответственности великих держав. Сведения, поступавшие из сербских источников, были не только скудны, но и противоречивы. Кроме того это объясняется еще и тем обстоятельством, что официальная австрийская версия относительно заговора, возлагавшая ответственность, главным образом, на великосербскую агитацию и на деятельность сербского патриотического общества, известного под названием «Народна Одбрана», была изложена в австрийском ультиматуме, предъявленном Сербии, и в «досье», представленном державам; последнее заключало в себе результаты расследования, произведенного Австрией по сараевскому делу, и должно было служить оправданием ультиматума [1]. Но эта австрийская версия, мягко выражаясь, никогда не внушала большого доверия странам Антанты и нейтральным государствам. Расследование в Сараеве по необходимости велось поспешно и было ок-

[1] Австрийская «Красная книга» 1914, № 7—9, 19.

ружено полнейшей тайной. «Досье» производило впечатление работы, сделанной наспех и небрежно. К нему был приложен ряд добавлений, «поступивших после напечатания». «Досье» было вручено державам тогда, когда они уже стали серьезно подозревать Австрию в намерении во что бы то ни стало начать войну с Сербией. Государственные деятели Европы были уже до такой степени поглощены опасением общеевропейской войны, что у них в эти жаркие и бессонные дни и ночи не было времени серьезно и внимательно заняться обвинениями, которые, как им казалось, были нарочно сфабрикованы [2]. Все еще помнили позорный аграмский процесс и дело Фридъюнга, когда австрийские власти были изобличены в пользовании поддельными документами, для того чтобы обвинить лиц, сочувствовавших сербам. Разве не могло представляться вполне вероятным, что «досье» 1914 г. тоже составлено недобросовестно? Поэтому к центральным державам относились с предубеждением и «досье» Берхтольда склонны были предать забвению или недоверчиво высмеять; зато верили сербскому правительству, когда оно категорически отрицало обвинения, предъявленные Австрией, и утверждало, что оно не имеет никакого отношения к сараевскому убийству.

Впоследствии, в ноябре 1914 г., убийцы и другие заподозренные лица предстали перед судом в Сараеве. Стенографический отчет по этому делу был в наиболее существенной его части переведен с хорватского оригинала на немецкий язык и издан в Берлине в 1918 г. [3]. Это — захватываю-

---

[2] «Досье» на немецком языке было разослано 25 июля по почте и через курьеров 22 австрийским дипломатическим представителям за границей (A. R. B., II, 48). Ввиду того что не было времени перевести его на французский язык, как это обыкновенно делалось с австро-венгерскими сообщениями державам, «досье» отправили в немецком оригинале. Оно было передано Бьенвеню-Мартену в Париже 27 июля (Ф. Ж. К, 75), но только первая его часть была напечатана во французской «Желтой книге». В Лондоне Грэю «досье» было вручено только 29 июля и в английскую «Синюю книгу» совершенно не попало. Представляется даже сомнительным, чтобы Грэй в то время прочитал его; сравни письмо Грэя Бунзену от 29 июля (B. D., 282): «Австрийский посол сказал мне сегодня, что у него имеется большой меморандум, который он предлагал представить мне, в котором изложено поведение Сербии по отношению к Австрии и объясняется, почему Австрия должна была действовать таким образом. Я сказал, что я не желаю входить в существо вопроса, касающегося Австрии и Сербии. Сазонову «досье» очевидно совершенно не показывали, и в русской «Оранжевой книге» оно не напечатано. 24 июля по получении уведомления об ультиматуме Сазонов сказал австрийскому послу, что «досье» его совершенно не интересует. «Факты свидетельствуют о том, что вы хотите действовать, и вы сожгли за собой мосты». Но 29 июля «Сазонов снова настоятельно просил передать ему «досье», которое было обещано державам, но до сих пор не представлено. Хотелось бы видеть его, прежде чем начнется война с Сербией. Если вспыхнет война, то будет уже слишком поздно рассматривать; «досье». Сапари — Берхтольду, 24 и 29 июля; A. R. B. II, 19; III, 16.

Автор «досье», доктор Визнер, недавно опубликовал интересное сообщение, как составлялось это «досье» и чем были вызваны замедления в представлении его державам; Dr. W i e s n e r, Die unwiderlegt gebliebene Begründung für das Ultimatum Oesterreichs an Serbien vom Juli, 1914». («Die Kriegsschuldfrage», V, 492—503, июнь 1927). Недавно он резюмировал вопрос об ответственности Сербии в статье «Die Schuld der serbischen Regierung am Mord von Sarajevo», ibid., VI, 307—395, апрель, 1928 г.

[3] P h a r o s, Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajevo: nach dem amtlichen Stenogram der Gerichtsverhandlung aktenmässig dargestellt; Einleitung von Josef Kohler. Berlin 1918, стр. 165. Как утверждают, «Фарос» — это псевдоним. Из того обстоятельства, что автор очевидно лично присутствовал на процессе, так как он описывает всех подсудимых, а также из того, что он крайне враждебно настроен по отношению к франкмасонам, можно предположительно заключить, что за этим псевдонимом скрывается

щий человеческий документ, полный пафоса и юмора; он создает впечатление, что судебное разбирательство было поставлено достаточно широко и беспристрастно. В противоположность предварительному следствию, в июле месяце, слушание дела в суде не было окружено строгой тайной. Кроме 22 обвиняемых, больше 100 свидетелей, нескольких солдат и судейского персонала в переполненную маленькую душную залу суда была еще допущена кое-какая избранная «публика». Председателю несколько раз приходилось прерывать заседание на 5 минут для того, чтобы открыть окна и провентилировать помещение. Два раза ему пришлось обратиться к лицам, говорившим тихим голосом, со словами: «Говорите громче! это публичное разбирательство, и все остальные так же, как и я, хотят слышать что вы говорите» [4]. Отчет о процессе проливает значительный свет на темные махинации, которые имели место в Сербии и которые подготовили убийство. Но за пределами Германии повидимому лишь немногие обратили сколько-нибудь серьезное внимание на этот отчет. Отчасти это объясняется тем, что к моменту его появления, в 1918 г., Германия была отрезана почти от всего мира. Отчасти же это произошло и вследствие того, что ненависть, вызванная войной, и моральная слепота наперед осудили отчет как германскую «фальсификацию» и как «продукт германской пропаганды». Даже такой выдающийся историк, как Чарльз Оман, полагал, что «все показания фальсифицированы... Судебный отчет подвергся такой обработке, что нельзя верить ни одному его слову» [5]. Но в действительности, как мы увидим дальше, обвинения, выдвинутые Австрией против Сербии в 1914 г. и подтвержденные показаниями на суде, скорее преуменьшали, чем преувеличивали ответственность Сербии.

Таким образом в течение почти 10 лет правда о сараевском заговоре была окутана тайной и оставалась неизвестной. Уликам, которые предъявляла Австрия, не верили, их дискредитировали или высмеивали; с другой стороны, сербские авторы старались не печатать того, что могло бы противоречить позиции оскорбленной невинности, которую заняло их правительство в 1914 г.

отец Пунтигам, иезуит, духовник эрцгерцога. В своем немецком переводе «Фарос» не приводит показания менее важных обвиняемых и свидетелей. Он дает только часть судебного отчета, касающуюся главных обвиняемых. Краткое изложение всего процесса, включая и некоторые части, опущенные Фаросом, было напечатано анонимно в Берне в 1917 г. «Sarajevo, La conspiration Serbe contre la Monarchie Austro-Hongroise», стр. 62—150. Сэтон Ватсон ничем не обосновывает своего утверждения, что в таком виде эти отчеты «весьма неполны и ненадежны» и что «они были опубликованы австро-венгерским правительством». По сообщению венской газеты «Der Tag» № 84 от 7 апреля 1925 г., копия первоначальной стенограммы отчета, напечатанная на пишущей машинке, попала в руки редактора сараевской газеты «Вечерняя почта» и была предоставлена им в распоряжение правительства Югославии. Характерно, что последнее не могло извлечь из него ничего в свое оправдание или опубликовать хотя бы какое-нибудь показание, кроме того, что содержалось в упомянутых двух книгах. Правда, краткие извлечения были опубликованы Слиепчевичем («Nova Evropa», июнь 1925) и перепечатаны в переводе Сэтон-Ватсоном в «Slavonic Review», IV, 645—656, март 1926. В этих извлечениях имеются важные, (но не отмеченные) пропуски, свидетельствующие о желании скрыть то, что относилось к Сербии, и подчеркнуть, что убийцы не действовали по внушению извне, из Сербии, а были ярыми боснийскими фанатиками, стремившимися осуществить объединение южных славян.

[4] Pharos, стр. 120, 144; там же фотографические снимки суда, обвиняемых и т. д.

[5] Oman, The Outbreak of the War of 1914—1918, London, 1919, стр. 9.

НОВЕЙШИЕ РАЗОБЛАЧЕНИЯ

Но за последние пять лет появилось много разоблачений из сербских источников, авторы которых повидимому руководились разными мотивами: одни просто желали рассказать правду и способствовать торжеству справедливости, другие делали это по соображениям партийной политики, или, как это ни странно, потому что претендовали на сомнительную честь — быть в числе тех, кто подготовлял убийство эрцгерцога, приведшее в конечном результатате к созданию великого Югославского королевства.

Первое из этих разоблачений, на которое обратили внимание за пределами Сербии[6], принадлежало перу известного белградского историка, профессора Станое Станоевича[7]. Он не указывает своих источников, но, судя по его предисловию, он собрал много сведений из первых рук у оставшихся в живых сербских заговорщиков, с которыми он был лично знаком. Стараясь по возможности умалить ответственность «Народной Одбраны» и таким образом дискредитировать австрийскую версию относительно заговора, он возводит всю вину на руководителей менее известного тайного сербского революционного общества «Уедненье или Смрт» (Объединение или смерть), обычно носящего наименование «Черная рука». Эта организация состояла из могущественной клики офицеров армии, которая в 1903 г. задумала и осуществила убийство короля Александра и королевы Драги и с тех пор играла мрачную роль во внутренней и внешней политике Сербии.

Организатором, вождем и главной движущей силой этого общества был в 1914 г. не кто иной, как начальник контрразведки при сербском генеральном штабе, полковник Драгутин Димитриевич.

Профессор Станоевич рисует следующий поучительный портрет этого замечательного заговорщика, которого партия Пашича в 1917 г. распорядилась казнить, но который стал героем в глазах значительной части сербского народа.

> «Одаренный, образованный», наделенный большой личной храбростью, честный, крайне честолюбивый, энергичный и трудолюбивый, убедительный собеседник, Драгутин Димитриевич оказывал чрезвычайное влияние на всех окружающих, особенно на своих товарищей и молодых офицеров, которые все уступали ему по духовным силам и твердости характера. Он обладал свойствами, которые очаровывают людей [в Сербии], его рассуждения всегда отличались решительностью и убедительностью, он умел самые дурные дела изображать как нечто достойное и самые опасные затеи — как совершенно невинные. В то же

---

[6] У сербов, в хорошо осведомленных кругах давно уже не было тайной, что в приготовлениях к заговору для убийства Франца-Фердинанда принимали участие более высокие должностные лица, нежели те, на которых указывал австрийский ультиматум. Смотри ниже, страницы, посвященные «Черной руке» и салоникскому процессу 1917 г.

[7] С. Станоевич, Убийство австрийского престолонаследника Фердинанда, нем. перевод: H. Wendel, Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand, Frankfurt 1923. Краткое изложение по-английски у Edith Durham, The Sarajevo crime, стр. 96—117. Утверждения Станоевича хотя и не свободны от неточностей, но в значительной части поддерживаются сербофильским немецким писателем Г. Венделем: H. Wendel, Die Habsburger und die Südslavenfrage, Belgrade—Leipzig, 1924.

самое время он был во всех отношениях блестящим организатором, он всегда держал все в своих руках, и даже его наиболее близкие друзья знали только то, что уже делалось в настоящий момент. Но Драгутин Димитриевич отличался также чрезвычайным самодовольством и склонностью к аффектации. Как человек весьма честолюбивый он любил заниматься тайной деятельностью. Ему нравилось также, чтобы люди знали, что он занят тайными делами и что он держит все в своих руках. Сомнения относительно того, что можно делать и чего нельзя, равно как и мысль о том, какая ответственность связана с пользованием властью, — никогда не смущали его. У него не было ясного представления о пределах допустимого в политической деятельности. Он видел только цель, стоявшую непосредственно перед ним и шел к ней напрямик, не считаясь с последствиями. Он любил опасность, приключения, тайные сборища и таинственные дела...

Неутомимый и склонный к авантюрам, он всегда затевал заговоры и убийства. В 1903 г. он был одним из главных организаторов заговора, направленного против короля Александра. В 1911 г. он послал кого-то убить австрийского императора или наследника престола; в феврале 1914 г. он, по соглашению с тайным болгарским революционным комитетом, подготовлял убийство короля Фердинанда болгарского; в 1914 г. он организовал (сараевский) заговор против наследника австрийского престола, а в 1916 г. он послал кого-то из своих людей из Корфу, чтобы убить греческого короля Константина. В том же году он повидимому пытался вступить в сношения с неприятелем и организовал заговор против тогдашнего наследника сербского престола князя Александра. За это он был приговорен к смертной казни и расстрелян в Салониках в июне 1917 г.» [8].

Далее Станоевич подробно описывает, как этот офицер сербского генерального штаба помогал в Белграде организовать заговор и снабжал боснийскую молодежь бомбами и браунингами, которые действительно были использованы в Сараеве. Он объясняет преступление Димитриевича наивным мотивом: когда Димитриевич, в добавление ко всем прочим слухам, узнал, что австрийский наследник прибыл на маневры в Боснию, «он был вполне убежден, что Австрия решила произвести нападение на Сербию», и «после долгого размышления пришел к выводу, что нападение на Сербию и война могут быть предупреждены только убийством Франца-Фердинанда» [9].

Через несколько месяцев после признания Станоевича, которое далеко оставляет за собой обвинения, предъявленные Австрией в 1914 г., появилась интересная брошюра, принадлежавшая перу югославского журна-

[8] Станоевич (нем. изд., стр. 50—51). Его версия о салоникском деле выдержана вполне в духе Пашича. Однако есть основание полагать, что заговор против князя Александра отчасти служил лишь предлогом и был использован как удобное средство, чтобы освободиться от влиятельного политического противника. Другой причиной, побуждавшей навсегда зажать ему рот, по всей вероятности было опасение партии Пашича, что он раскроет всему миру правду относительно своего участия в заговоре для убийства, вызвавшего мировую войну, и таким образом разоблачит виновность сербского правительства, которое было осведомлено об этом заговоре. О салоникском процессе см. ниже, прим. 32, 33.

[9] Станоевич, там же, стр. 55.

листа Боривоя Евтича [10]. Автор объясняет, как развивалось и росло среди боснийской молодежи в течение десяти лет, предшествовавших мировой войне, новое террористическое движение с его фанатическим «культом убийства». Он всячески умаляет влияние Сербии и останавливается главным образом на осуществлении заговора в Сараеве, а не на его подготовке, в Белграде. Евтич выступал в качестве свидетеля на процессе убийц в 1914 г. Тогда он откровенно признал, что сотрудничал в таких сараевских газетах, как «Сербская речь» и «Народ», а также был членом организации «Србска Омладина» («Сербская молодежь»), стремившейся способствовать распространению сербского национализма в Боснии. Он даже признал, что состоял в переписке с главнейшими убийцами, но упорно отрицал, что ему было что-нибудь известно о заговоре с целью убийства эрцгерцога. Ему удалось убедить суд в своей невинности. Таковы были его показания в 1914 г. [11]. Но в 1924 г., когда жизни его уже не угрожала опасность со стороны австрийской полиции и когда его мечты об объединении Югославии осуществились в результате убийства и мировой войны, он заявил, что он был посвящен во все подробности заговора. Он даже ярко описывает, как он провел ночь с субботы на воскресенье, накануне убийства, вместе с Принципом, который на следующее утро произвел роковые выстрелы. Он утверждает, что эрцгерцога поджидали, по крайней мере, в десяти местах и что, если бы Франц-Фердинанд уцелел после выстрелов Принципа, так же как он уцелел после бомбы Габриновича, то на его пути стояло так много людей, готовых убить его, что он вряд ли мог выбраться живым из Сараева.

Наиболее сенсационным разоблачением, представляющим важность потому, что оно принадлежит крупному сербскому политическому деятелю, бывшему министру народного просвещения в кабинете Пашича в июле 1914 г., является разоблачение, сделанное Любой Йовановичем. По случаю десятилетия с начала мировой войны летом 1924 г. под редакцией русского эмигранта вышел сборник небольших статей, написанных выдающимися сербскими авторами, под общим заголовком «Кровь славянства» [12]. Вступительная статья «После Виттова дня 1914 г.» написана Йовановичем. Здесь мы находим совершенно неожиданное разоблачение. Как раз то, что Пашич и сербское правительство скрывали много лет, Йованович признает как нечто, не возбуждающее никаких сомнений.

[10] Евтич, Сарајевски атентат, 1924. Некоторые из его выводов вкратце изложены у Albert Mousset, L'Attentat de Sarajevo, в «Revue d'Histoire diplomatique», XXXI, 44—68, 1925; в парижском «Figaro» от 23 мая 1924 и в «New-York Times» от 22 июня 1924, E. стр. 5. Первые семь глав напечатаны в немецком переводе в KSF III, 657—686, октябрь 1925.

[11] «La Conspiration Serbe», стр. 133; Mousset, стр. 59 сл.

[12] «Крв Словенства», Белград 1924. Статья Йовановича имеет столь большое значение, что она была несколько раз напечатана в английском переводе: «Journal of the Institute of International Affaires», март 1925, «National Review», апрель 1925 и «The Living Age» от 9 мая 1925. Внимание англичан впервые обратила на нее путешественница по Балканам и специалистка по балканскому вопросу Эдит Дюргем (Edith Durham) в докладе, прочитанном в Британском институте по иностранным делам в декабре 1924 г., и в статье «Fresh Light of the Crime of Sarajevo» в «Contemporary Review», 1—11 янв. 1925. Она перепечатана в «The Living Age» 7 марта, стр. 532—539. Дюргем подробно останавливается на статье Йовановича в своей новейшей книге «The Sarajevo Crime», стр. 127—147 «Видов дан» (день святого Витта), 28 июня, день годовщины Коссовской битвы, имевшей место в 1389 г., и национальный сербский праздник: в тот же день был убит эрцгерцог.

«Когда вспыхнула мировая война, я был министром народного просвещения в кабинете Николы Пашича. Недавно я написал некоторые воспоминания и заметки о событиях того времени. Для настоящего случая я взял из них несколько выдержек, потому что еще не наступило время, чтобы рассказать все.

Не помню, было ли это в конце мая или начале июня, но однажды Пашич сказал мне (по таким вопросам он совещался, главным образом, со Стояном Протичем, бывшим тогда министром внутренних дел, но это он рассказал и всем нам остальным), что некоторые лица намерены отправиться в Сараево убить Франца-Фердинанда, которому там готовится торжественная встреча в день св. Витта. Как мне было сообщено впоследствии, заговор этот был затеян тайной организацией, состоявшей из небольшого числа лиц, и патриотически настроенными студентами из Боснии и Герцоговины, находившимися в Белграде. Пашич и мы все сказали, причем Стоян согласился с нами, что надо отдать распоряжение пограничным властям на Дрине, чтобы они не позволили перебраться через реку молодым людям, отправившимся уже из Белграда с этой целью. Но пограничные «власти» сами принадлежали к организации и не обратили никакого внимания на распоряжения Стояна, а сообщили ему, как он нам потом рассказал, что распоряжение пришло слишком поздно и молодые люди уже успели переправиться» [13].

Отсюда явствует, что члены сербского правительства знали о заговоре приблизительно за месяц до убийства, но не приняли никаких серьезных мер, чтобы предупредить его. Сербское правительство, таким образом, по меньшей мере проявило преступную небрежность. Если оно не могло уничтожить в самом зародыше заговор, который подготовлялся в его столице одним из офицеров его же генерального штаба, если оно не могло предупредить переход молодых людей через границу (потому ли, что Протич своевременно не отдал распоряжения или, что более вероятно, потому, что «пограничные власти сами принадлежали к организации» «Черная рука»), то сербское правительство должно было немедленно сообщить обо всем австрийским властям, указать им имена преступников, а также все прочие подробности, которые могли бы способствовать их аресту, прежде чем они осуществят свои намерения. Но Пашич и его министры ничего этого не сделали. Далее, когда преступление уже совершилось, они должны были произвести тщательное расследование относительно причастных к этому делу тайных организаций в Сербии и арестовать всех сообщников, которые содействовали подготовке и осуществлению заговора. Вместо этого, как мы увидим, они старались замести все следы, утверждали, что им ничего не известно, надеясь, что Австрия не сумеет

[13] «Крв Словенства», стр. 9. В письме, напечатанном в «Novi Zivot» («Новая жизнь») и в белградской «Политике» от 28 марта 1925 г., Иованович объясняетт что этой фразой он имел в виду «Черную руку». Он говорит, что когда стало известно провозглашение Австрией аннексии в 1908 г., то «по частной инициативе» было основано общество «Народна Одбрана», а другие элементы, которые были крайне недовольны деятельностью официальных сербских кругов, несколько позднее организовали общество «Уединенье или Смрт» («Объединение или смерть», обыкновенно известное под названием «Черная рука»); это и была та группа лиц, вошедшая в «тайное общество», которую я упомянул в моей статье».

установить их причастность к этому делу. Неудивительно, если Иованович, у которого совесть была нечиста, «сильно перепугался», когда в воскресенье днем 28 июня ему сообщили на дачу роковую новость. Но если им овладели «ужасные мысли», то не потому, что он раскаивался в преступлении, а потому, что он боялся его последствий.

«Около 5 часов дня один из служащих Бюро печати позвонил ко мне по телефону и сообщил, что произошло этим утром в Сараеве. Хотя я знал, что там готовилось, но все-таки, когда я держал телефонную трубку, у меня было такое чувство, словно кто-то нанес мне неожиданно удар. Немного погодя это сообщение было подтверждено из других источников, и меня это стало очень пугать.

Я ни минуты не сомневался, что Австро-Венгрия воспользуется этим случаем для того, чтобы начать войну с Сербией. Я понимал, что положение правительства и нашей страны по отношению к другим державам станет весьма трудным и во всяком случае будет хуже, чем после 29 июня 1903 г. (11 июля 1903 г. по нов. стилю), когда был убит король Александр, или чем во время наших последних конфликтов с Веной и Будапештом. Я боялся, что все европейские дворы испугаются пуль Принципа и отвернутся от нас, и это будет встречено с одобрением монархическими и консервативными элементами в их странах. Но если даже дело и не дойдет до этого, то кто решится защищать нас? Я знал, что Франция, а тем более Россия не в состоянии помериться силами с Германией и ее союзником на Дунае, потому что их приготовления должны были закончиться только в 1917 г. Это особенно пугало меня.

Мною овладели самые ужасные мысли. Это началось с 5 часов в воскресенье, в день святого Витта, и продолжалось, не прекращаясь ни днем , ни ночью, если не считать нескольких минут тревожного сна, до вторника утром. Во вторник меня в министерстве навестил один молодой друг, майор Н. Ему тоже было не по себе, но он не был в таком отчаянии, как я. Я, не стесняясь, излил ему все мои опасения, но он тут же сказал мне своим обычным тоном, которого он держался в таких случаях, т. е. шутливым и спокойным, однако с истинным воодушевлением: «Дорогой министр, я полагаю, что совершенно не нужно отчаиваться. Пусть Австро-Венгрия нападет на нас! Рано или поздно это должно случиться. Сейчас для нас момент очень неподходящий, чтобы сводить счеты, но не в нашей власти выбирать этот момент. Если Австрия воспользуется этим моментом — ну что же, пускай! Возможно, что это плохо окончится для нас. Но кто знает? Может выйти и иначе!» [14]

Эти слова майора Н. показывают, что в сербских военных кругах на дело смотрели не так мрачно, а были уверены, или, может быть, вскоре получили заверения, что Россия окажет защиту. Иованович говорит, что «эти слова почти ободрили меня», и продолжает: «К счастью уже получились первые благоприятные сообщения о том, как высказалась петербургская печать, а мы могли быть уверены, что она выражает мнение правительства. Печать эта выступила на нашу защиту против обвинений со стороны

[14] «Крв Словенства», стр. 11.

Австро-Венгрии. Россия не собиралась отречься от нас и лишить нас своей помощи. За Россией должны были последовать ее друзья. Так и случилось». Поэтому Иованович ухватился за мысль, что будет произведено нападение на Сербию, а затем последует европейская война. Он отметил у себя как благоприятные обстоятельства антисербские «погромы» в Боснии и резкий тон австрийской печати, который должен был настроить европейское общественное мнение против Австрии. Но его коллеги считали, что войны можно избегнуть, ожидали, что «Вена не сумеет установить никакой связи между официальными кругами Сербии и деянием, совершенным у реки Мильяки» [речка, протекающая в Сараеве около того места, где был убит эрцгерцог]. Было решено соблюдать тайну и изобразить полную невинность и непричастность к делу, продемонстрировать выражение скорби по поводу случившегося и постараться как можно дешевле отделаться в смысле удовлетворения страны, королевская чета которой была убита.

«Поэтому Пашич надеялся, что мы сумеем как-нибудь выпутаться из этого кризиса. Он старался — и все остальные в этом его поддерживали — по возможности сохранить существующие отношения, чтобы Сербия могла как можно дешевле отделаться, когда ей придется дать удовлетворение Австро-Венгрии. Он хотел, чтобы Сербия сумела поскорее оправиться от ударов, которые во всяком случае должны были обрушиться на нее в таком деле.

Как известно, правительство не преминуло сделать все, что было в его средствах, для того чтобы показать своим друзьям и всему остальному миру, насколько мы далеки от сараевских заговорщиков. С этой целью в тот же вечер, когда стало известно о том, что сделал Принцип, Стоян отдал распоряжение, чтобы белградская полиция запретила музыку, пение и всякие развлечения в публичных местах; все это было прекращено, и началось нечто вроде официального траура. Пашич выразил венскому правительству наше сожаление по поводу утраты, постигшей великую соседнюю державу, и самым решительным образом осудил совершенное деяние. На панихиде в католической церкви при австро-венгерском посольстве, происходившей 20 июня [3 июля по новому стилю] в день, когда в Вене хоронили убитого наследника престола и его жену, правительство было представлено несколькими министрами. Я был в их числе. Я хотел показать, что даже и я, которого больше, чем кого-либо другого, можно было заподозрить в одобрении поступка Принципа [15], наоборот, совершенно солидарен с нашим кабинетом. Тем не менее, это непродолжительное пребывание в церкви было мне неприятно. Я чувствовал себя среди врагов, не желающих жить с нами в мире» [16].

Какой любопытный документ для психологии преступника! Этот министр народного просвещения знал о заговоре за месяц раньше и ничего не сделал для того, чтобы по-настоящему предупредить его. Сначала было испугался, что Сербия окажется изолированной и подвергнется нападе-

[15] Иованович был одним из основателей и деятельных членов «Народной Одбраны» и в абзаце, который мы здесь опустили, рассказывает о своем личном знакомстве с Принципом в Белграде.

[16] «Крв Словенства», стр. 15.

что ему было известно о заговоре в 1914 г. Но он, повидимому, потерпел неудачу во всех направлениях. Об этом свидетельствует открытое письмо, напечатанное им в загребском «Обзоре» 13 мая 1925 г.

«Больше двух месяцев тому назад я обратился к белградскому правительству с просьбой дать объяснения по поводу сообщений, сделанных Любой Иовановичем в сборнике «Кровь славянства», относительно сараевского убийства. Но до сих пор я не получил никакого ответа...

Правда, несколько недель тому назад Люба Иованович напечатал несколько статей об ответственности за войну, но в них он обходит основной вопрос и обвиняет меня в неточном воспроизведении некоторых его предыдущих заявлений. [Сэтон-Ватсон ставит поэтому два конкретных вопроса: «Остается ли Люба Иованович при своем утверждении, что в конце мая или начале июня... Пашич сказал... что некоторые лица собираются отправиться в Сараево, чтобы убить Франца-Фердинанда?» И второй вопрос: «Имел ли он именно это в виду, когда, рассказывая, как он получил по телефону сообщение об убийстве в Сараеве, он говорит: «Хотя я знал, что там готовилось»].

Я вполне понимаю, что Люба Иованович не решается сразу прямо ответить мне. Если он ответит отрицательно, то приходится удивляться, как мог ответственный государственный деятель писать в таком легкомысленном тоне. Если он признает это, то на его коллегу, тогдашнего министра-президента Пашича, падет неприятная обязанность выступить с ясным и откровенным сообщением и правильно осветить факты» [19].

На это решительное и ясное письмо Сэтон-Ватсона Пашич и сербское правительство не ответили. Но в белградской печати появилось сообщение, что югославское правительство решило опубликовать новую «Синюю книгу» о происхождении войны. Тогда Сэтон-Ватсон написал второе письмо в лондонский «Times» и просил читателей воздержаться от окончательного суждения, пока не появятся эти документы. Но, как он признается в своей последней книге:

«Прошло уже 8 месяцев, а о «Синей книге» ничего не слышно. Повидимому сообщение о ней было сделано только из тактических соображений и имело целью утихомирить критиков, пока не уляжется все возбуждение. К сожалению, югославское правительство, вместо того чтобы подробным изложением фактов доказать свою невинность, окружило себя тайной» [20].

Разоблачение Любы Иовановича сначала не обратило на себя большого внимания в Сербии, где люди, хорошо осведомленные, повидимому не нашли в нем ничего нового. Ни Пашич, ни другие не считали нужным выразить Иовановичу порицание. Он был избран председателем сербской скупщины, председателем избирательной комиссии и председателем законо-

[19] Загребский «Obzor», № 126, 13 мая 1925; ср. KSF, III, 394 сл., июнь 1925.
[20] Seton-Watson, Sarajevo, стр. 156.

дательной комиссии. Но потом, когда узнали, какое огромное внимание привлекли его разоблачения в Англии и Америке, где у публики раскрылись глаза на ответственность Сербии за войну, сербские газеты стали нападать на Иовановича, называя его лжецом и предателем. В свою защиту он написал ряд больших статей, помещенных в журнале «Нови живот» («Новая жизнь»), где излагал и оправдывал свое участие в сербских событиях на протяжении 30 лет, с того времени, когда он впервые прибыл в Белград в 1881 г. в качестве эмигранта из Герцеговины [21]. Он писал: «Я не сделал никаких разоблачений в том смысле, как это стараются изобразить теперь. Я только написал то, что по существу все уже знали в 1914 году» [22]. Это может быть и верно по отношению к Сербии, где хорошо знали, чем занимаются «Черная рука» и ее влиятельный руководитель Димитриевич, но это неверно по отношению к странам Согласия, которых убедили в невинности Сербии.

Но, несмотря на упорное молчание Пашича и правительства, несмотря на то, что «Синяя книга» не выходила, и несмотря на уклончивые статьи Иовановича, Сэтон-Ватсон все еще не может заставить себя поверить в правильность разоблачений Иовановича, которые мы привели выше. Он посвящает им в своей книге приложение в несколько страниц, где приходит к тому выводу, что «г. Иованович, по соображениям, известным только ему одному, неправильно истолковал действительные факты, а его бывшие коллеги по соображениям, лично им известным, не пожелали публично назвать его лжецом». Аргументация Сэтона-Ватсона сводится к тому, что Иованович «является одним из тех политиков, которые склонны преувеличивать свое значение»; что в борьбе за усиление своего политического влияния «он старается обеспечить себе поддержку боснийской молодежи указаниями на сочувствие белградского правительства революционному движению» и «по всей вероятности надеется усилить свою собственную позицию в радикальной партии против тех, кто более тесно связан со старым сербским королевством». Он считает, что Иованович старается оправдать свою роль в салоникском процессе. Пашич же не выступил с публичным опровержением по той причине, что он всегда проявлял изумительное равнодушие к общественному мнению — и в частности к общественному мнению других стран [23].

Вопрос о правдивости Иовановича вызвал однако страстную полемику в сербской печати, причем здесь примешались вопросы партийной политики и партийного руководства. Некоторые сербские лидеры потребовали, чтобы Пашич высказался и опроверг разоблачения Иовановича. 26 февраля 1926 г. на заседании бюджетной комиссии в скупщине представитель крестьянской партии и бывший сербский посланник в Вене Иован Иованович обратил внимание на ущерб, причиненный репутации Сербии в странах Антанты тем, что разоблачения Иовановича получили широкое распространение, не вызвав никакого возражения со стороны официальных кругов. Поэтому в интересах репутации Сербии он просил, чтобы Пашич высказался, так как иначе могут возникнуть неприятности для

[21] Ср. белградская «Политика», от 22, 29 марта, 6, 12, 17 апреля 1925 и KSF, III, 211—220, 270—287, апрель — май 1925.

[22] Интервью в «Политике», от 17 апреля 1825. KSF, 395, июнь 1925.

[23] Sarajevo, стр. 156—159. Эти гипотезы были подвергнуты жестокой критике A. von Wegerer в KSF, IV, 767—785, октябрь 1926, см. выше прим. 18.

Сербии в отношении иностранных кредитов и репарационных платежей [24].

Другие, как профессор Еленич, бывший частный секретарь наследного принца Александра, резко выступил против Любы Иовановича, называя его предателем Сербии и утверждая, что его разоблачения — «ложь, самая подлинная левантийская ложь». Он фантастически развивал еще дальше легенду Уикгэма Стида, что убийство является делом австро-венгерских властей. Еленич утверждал, что деяние это подготовлялось в Берлине, а потом в Конопиште и было осуществлено совместными действиями венской и будапештской камарильи и организации «Черная рука» в Белграде. Это так наивно и нелепо, что вряд ли нуждается в комментариях. Говорить,что убийство подготовлялось в Конопиште, равносильно утверждению, что Франц-Фердинанд сам организовал свое убийство. Еленич убеждал Пашича и других оставшихся в живых членов его кабинета 1914 г., выступить против Любы Иовановича [25].

Здесь интересно отметить, что профессор Еленич нисколько не сомневается, что «Черная рука» принимала деятельное участие в заговоре, он только отрицает, что Пашичу было известно об этом. Но его обвинения, будто «Черная рука» действовала в согласии с ненавистными ей венскими властями, немедленно вызвало негодующее опровержение со стороны двух еще оставшихся в живых членов «Черной руки», Милана Милановича и К. А. Поповича. Они заявили, что хотели бы познакомиться с доказательствами, на которые ссылается Еленич. «В таком случае мы тоже сообщим все, что мы знаем, о сараевском убийстве на основании тех фактов, которые имеются в нашем распоряжении. Нападки на наших покойных товарищей, патриотизм которых до сих пор никогда не подвергался сомнению в кругу серьезных и беспристрастных людей, по нашему мнению, освобождают нас на будущее от всяких соображений, которыми мы до сих пор считали себя связанными» [26].

Кампания, поднятая в печати, дошла до таких пределов, что, наконец, Пашич выступил против Любы Иовановича на заседании Комитета радикального клуба , происходившем 25 апреля 1926 г., и попытался добиться удаления своего бывшего друга и коллеги из партии. По отчету об этом заседании, напечатанному в его партийной газете, Пашич сказал:

> «Иностранные корреспонденты поставили ему вопрос — знал ли он, что наследника австрийского престола собираются убить? Он решительно отверг такое предположение. Он просил г. Иовановича выступить с опровержением, ибо неверно, будто он [Пашич] сказал это на заседании кабинета... Пашич ждал опровержения Иовановича, но Иованович все его откладывал и так и не сделал. Тогда Пашич повторил свое утверждение, что он не говорил того, что ему приписывает Иованович. Он расспрашивал также своих коллег по министерству:

---

[24] Ср. KSF, IV, 260 сл., 343 сл.

[25] Ср. белградскую «Политику» от 26 марта 1926 и KSF, IV, 345, 400—403. О легенде, распространяемой Стидом, см. выше, стр. 21—29—«Свидание в Конопиште—легенда и факты». Это, разумеется, излюбленная тема у сербских авторов. Ею снова занялись в 1926 д-р Лео Пфедер из Сараева и др. (см. KSF, IV, 661, 722).

[26] «Политика» от 31 марта 1926, KSF, IV, 406. Резюме ряда других статей — там же, 403—408.

«Друзья, может быть я забыл, что я так сказал?» Но все они подтвердили, что он так не говорил.

Это не вызывало никаких возражений, но теперь вопрос этот снова возник. Я должен, протестовать против этого. Почему Люба Иованович так сказал, я не знаю. Но он сказал неправду. Я сделал свои показания и могу их подтвердить. Но если Люба Иованович желает действовать независимо, пусть он отойдет от нас и действует независимо. Он допустил ошибку, которую нельзя простить»[27].

Отвечая на эти нападки, Люба Иованович заявил, что он никогда не говорил, будто Пашич что-нибудь сказал о приготовлениях к убийству на заседании кабинета. Это было сказано в частной беседе. Для того чтобы подтвердить правильность написанного им, Иованович предлагал представить документы и доказательства, но требовал, чтобы премьер-министр и министр иностранных дел взяли на себя за это ответственность. Но оба эти министра, Узунович и Нинчич, отвергли его предложение, очевидно опасаясь, что он вскроет какие-нибудь не подлежащие оглашению тайны относительно действий сербского правительства в 1914 г. и происхождения мировой войны[28].

Многие сербские газеты поспешили заявить, что Пашич наконец высказался и опроверг обвинения. Но если проанализировать его весьма осторожно формулированное заявление, то можно убедиться, что он опровергал обвинения, которые против него не выдвигались: он утверждал, что не делал никакого сообщения об убийцах на заседании кабинета. Этого Иованович и не говорил [29]. Как будет показано ниже, и как указал Иованович в одной из своих статей, напечатанной в 1925 г., правильность его утверждения, что Пашич знал о заговоре, явствует уже, помимо всего прочего, из того, что было отдано распоряжение воспрепятствовать переезду убийц из Белграда в Боснию. Но распоряжение это не было выполнено, потому что сербская пограничная стража входила в организацию «Черная рука» и не послушалась приказа правительства. Это подтверждается дневником и бумагами офицера пограничной стражи Тодоровича, захваченными австрийцами во время войны.

Отсюда можно заключить, что нет никаких оснований сомневаться в правильности разоблачений, сделанных Любой Иовановичем в 1924 г. Указание Сэтон-Ватсона, что разоблачения его написаны в «небрежном, наивном стиле воспоминаний», в сущности является доводом в их пользу. Иованович, очевидно, не старался тщательно отделывать их, как отделывают политический памфлет, предназначенный для того, чтобы привлечь сторонников или подчеркнуть свое собственное значение. Как он объяснил в 1925 г., он весной 1924 г. обещал русскому журналисту, эмигранту Ксюнину, написать статью для сборника, посвященного десятилетию возникновения мировой войны. Будучи занят другими делами, он не сразу написал эту статью. Когда к нему обратились несколько месяцев спустя, он, не желая разочаровывать Ксюнина, взял некоторые материалы из своих воспоминаний и заметок, которые были уже написаны раньше [30].

[27] Белградская «Политика» от 26 апреля 1926; KSF, IV, 408—409.

[28] Белградская «Политика», апрель 1926; «Obzor» от 27 апреля 1926; ср. KSF, IV, 408—413, 780—783 и «New York Times» от 30 апреля 1926.

[29] Ср. собственные слова Иовановича, приведенные выше в прим. 12.

[30] «Политика» от 25 марта 1925; KSF, III, 213 ; IV, 768.

То обстоятельство, что Узунович и Нинчич не дали Иовановичу представить его доказательства и что оставшиеся в живых члены организации «Черная рука» тоже угрожали выступить со своими разоблачениями, повидимому подтверждает то, что сербское правительство предпочитает еще кое о чем умалчивать. До тех пор пока разоблачения Иовановича не будут окончательно опровергнуты беспристрастными историками, мы будем считать, что Пашич и члены сербского правительства знали о заговоре, но скрывали это, забывая, что «убийство всегда раскрывается».

Ряд других разоблачений, которые содержались, как уверяют, в двух тысячах документов, захваченных австрийцами в Белграде во время войны, относится к пропагандистско-революционной деятельности сербских организаций, известных под наименованием «Народной Одбраны» и «Черной руки». Многие из этих документов были найдены на дому у Пашича и Мило Павловича, одного из членов «Народной Одбраны», игравшего в ней руководящую роль. Среди найденных документов оказались списки «лиц, которыми можно воспользоваться». В этих списках были поименованы редакторы боснийских периодических изданий, студенты, шпионы; были также указаны денежные суммы, которыми они субсидировались из Белграда [31].

Много новых данных относительно организации «Черная рука» выплыло на свет недавно благодаря отчету об известном салоникском процессе 1917 г. [32]. Этот толстый том, вышедший в официальном издании в Салониках в 1918 г., был потом изъят из обращения и всюду, где было возможно, уничтожался, повидимому потому, что в нем заключалось много материала, способного нанести ущерб репутации сербского правительства, стоявшего у власти в 1914 г. В настоящее время почти невозможно получить экземпляр этого отчета. Но специалисты, изучавшие сербский вопрос и причины мировой войны, ознакомились с этим источником и нашли там много данных о деятельности «Черной руки» до 1914 г. и о тех ее членах, которые принимали участие в заговоре на жизнь герцога Франца-Фердинанда [33].

---

[31] M. Edith Durham в «Current History», XXV, 661 сл., февраль 1927.

[32] «Тайна Превратна Организация»: Известай за претреза и в войном суду зу официре у Солуну по белескама водьеним на самом претрезу. Солунь, 1918. (Тайная революционная организация, отчет о военном суде над офицерами в Салониках по протоколам (?) суда. Салоники 1918, стр. 638). Сетон-Ватсон (Sarajevo, стр. 295) неправильно переводит заглавие этой странной книги — «Тайная довоенная» организация, тогда как по-сербски сказано «революционная» организация.

[33] Ср. многочисленные статьи Богичевича: «Bemerkungen zum Saloniki Prozess», 1917 в KSF, II, 112—113; «Weitere Einzelheiten über das Attentat von Sarajevo» в KSF, III, 15—21, 437—444, январь и июль 1925; «Nouvelles dépositions concernant l'attentat de Sarajevo» в KSF, IV, 21—28, 87—95, январь — февраль 1926; «La Société «Union ou Mort», dite la «Main Noire» во французском журнале «Évolution», № 7, 16—30, 15 июля 1926 и немецкие и английские переводы в KSF, IV, 664—869, сентября 1926; г. Богичевич собрал значительную часть этого материала и другие еще неопубликованные сведения о «Черной руке» и салоникском процессе в книге «Le Procès de Salonique», juin 1917 (Paris, 1927). См. также Edith Durham, The Serajevo Crime, London 1925, стр. 44—74, 158—201, «The Serajevo Murder Plot», в «Current History», XXV, 656—662, февраль 1927: S. B. Fay, «The Black Hand Plot, that led to the World War» в «Current History», XXIII, 196—207, ноябрь 1925 и д-р Визнер KSF, VI, 362—395, апрель 1928.

Некоторые сведения о «Черной руке» можно почерпнуть, в следующих изданиях: «Carnegie Report of the International Commission to Inquire into the Causes and

На основании этих материалов мы попытаемся теперь вкратце проследить главнейшие нити заговора и охарактеризовать силы, оказавшие здесь наибольшее влияние: таковыми были организации «Народна Одбрана» и «Черная рука» и революционное движение в Боснии.

«НАРОДНА ОДБРАНА»

В 60-х и 70-х годах XIX столетия многие сербские революционеры оказались в Швейцарии и там подпали под влияние русских революционеров — Бакунина, Кропоткина и Герцена. Они усвоили революционную программу, которую предполагалось осуществлять при помощи анархических актов насилия и террора. Эти революционеры организовали в 1883 г. восстание в Заскаре против сербского короля Милана. С тех пор мысль о революции при помощи насилий и убийств не переставала оказывать влияние на некоторые группы сербов. Но не все сербские студенты, обучавшиеся в Швейцарии, целиком усвоили эти воззрения. К последним принадлежал и Никола Пашич. Он верил в постепенный рост моральных и материальных сил Сербии, который должен был привести в конечном итоге к освобождению сербов и объединению всех их в одном мощном государстве, подобно тому как несколько раньше совершилось объединение Италии. Сербия должна была стать «балканским Пьемонтом». С этой целью Пашич основал в Сербии в 1881 г. радикальную партию, которая под его достойным руководством сохраняла долгое время свое первоначальное наименование, хотя в настоящее время она по характеру своему представляет полную противоположность радикализму.

Программа радикальной партии, сформулированная в первом номере ее органа «Самоуправа» 8 января 1881 г., говорила о «благосостоянии и свободе народа внутри страны, независимости страны и объединении ее с другими частями сербской нации за границей». Специальный отдел программы был посвящен необходимости организации и обучения сербской армии. В ожидании того момента, когда армия должна будет приступить к действиям и выполнить поставленные ей задачи, программа в отделе «Иностранная политика» указывала, что «надлежит изыскать способы помочь путем интеллектуального развития разрозненным и неосвобожденным частям сербского народа и поддержать сознание единства нашей нации в сербских провинциях, которые, находясь вдали от нас,

---

Conduct of the Balcan Wars», Waschington 1914, стр. 169 сл.; D. R. Lazarevitch, Die schwarze Hand, Lausanne 1917; Seton-Watson, Serbias Choice в «The New Europe», 22 августа 1918; «Sarajevo», стр. 143, 158, 295; Pharos, стр. 14 сл., 81 сл.; Stanojevitch, стр. 49—56; Wendel, стр. 48—62; A. von Wegerer, «Der Anlass zum Weltkrieg, KSF, 111,353—405, июнь 1925; «Neue Ausschnitte zum Attentat von Sarajewo», в KSF, IV, 400—414, июнь 1926; L. Mandl, Ein Düsterer Gedenktag» в венской газете «Neues 8 Uhr-Abendblatt», №№ 2906—2909 с 27 июня по 1 июля 1924; N. Nenadovitch, Les secrets de la camarilla de Bélgrade в «La Fédération Balcanigue», 1 декабря 1924; статьи Владимирова, «Мермс» (Mermet) и Николича — там же, 31 мая 1925 и Обарова — там же, 15 июля 1925, а также заявление полковника Воина Симича, напечатанное Виктором Серж (V. Serge) в парижском журнале «Clarté», № 74, май 1925. Но показания, сделанные на салоникском процессе, и позднейшие заявления членов «Черной руки» часто противоречивы и проникнуты неприязнью к Пашичу, а потому пользоваться ими можно только с большой осторожностью.

подвержены влиянию иностранных элементов». Другими словами, надлежало поддерживать недовольство в сербских областях, находившихся в пределах Турции и монархии Габсбургов, пока грядущая война за освобождение не присоединит их к Велцкой Сербии.

Эти две политические идеологии: с одной стороны — индивидуальные террористические акты, осуществляемые недоучившимися студентами и военной кликой, с другой стороны — национальное объединение при помощи хорошо подготовленного движения, которое должно было завершиться войной с Турцией и Австрией, как того требовала радикальная партия, — определяли сербскую политику, до мировой войны, когда восторжествовала радикальная партия. Порою руководители обоих направлений действовали в согласии, как это было, например, во время дворцовых убийств 1903 г., но иногда они находились в резкой оппозиции друг к другу, — например, весной 1914 г. по так называемому «вопросу о приоритете». Наличие этих двух программ дает нам ключ к запутанной и весьма спорной проблеме происхождения и взаимоотношений «Народной Одбраны» и «Черной руки», а также и к нашумевшему салоникскому делу 1917 г., которое так же разожгло политические страсти в Сербии, как дело Дрейфуса во Франции.

Пашич и радикалы быстро стали непримиримыми врагами короля Милана из-за его жестокой кровавой расправы с бунтовщиками в Заекаре, из-за того, что он совершенно не считался с сербскими национальными интересами, и еще из-за скандального поведения короля в частной жизни: Милан подолгу жил в Вене, где проводил время в сомнительном обществе.

Впоследствии такая же враждебная позиция была усвоена по отношению к его преемнику королю Александру, особенно когда тот женился на женщине сомнительного поведения, ставшей королевой Драгой. Королева Драга была бездетна, и многие подозревали ее в том, что она стремится сделать наследником престола одного из своих братьев. Опасения и недовольство постепенно объединили многих радикалов и революционных офицеров армии в борьбе против существующего режима. Один сербский историк писал:

«То, что происходило при дворе и за его пределами, справедливо рассматривалось как позор для государства и нации. Беспрерывно раскрывались большие скандалы, которые создавали дурную репутацию Сербии и сербскому народу... Финансы были в плачевном состоянии, чиновники и офицеры месяцами не получали жалования. После женитьбы короля все пошло еще хуже, чем раньше. Скандалы и всякие неожиданные перемены были обычным явлением. Мнимая беременность королевы, высокомерное и вызывающее поведение ее братьев еще более усиливали возбуждение в особенности в кругах офицерства. Все это привело к тому, что около 80 офицеров и группа штатских образовали тайную организацию с целью убить короля, королеву и ее братьев. Большая часть заговорщиков состояла из молодых офицеров, проникнутых подлинным патриотизмом. Они видели, что страна приходит в упадок, что ее позорит своим управлением дурной и ничем не стесняющийся монарх. Они пришли к убеждению, что Сербия пренебрегает своими идеалами и задачами и даже вовсе забывает о них, потому что у нее плохое правительство. Глубокое убеждение, что на них лежит обязанность спасти государство

и нацию, толкнуло этих людей на преступление, которое они оправдывали ссылкой на патриотический долг» [34].

В ночь на 11 июня 1903 г. эти убийцы-патриоты внезапно ворвались во дворец, убили короля и королеву, пытавшихся спрятаться, хладнокровно пристрелили братьев королевы и убили нескольких министров. Одним из главных руководителей этой жестокой дворцовой революции был молодой армейский капитан Драгутин Димитриевич, который при этом был случайно ранен тремя пулями, так и не извлеченными у него до конца жизни. Другим руководителем был молодой лейтенант Танкосич, распорядившийся убить братьев королевы. Оба они впоследствии стали главарями «Черной руки» и тоже в порядке «патриотического долга» участвовали в подготовке сараевского заговора против австрийского эрцгерцога [35].

После трагической ночи 1903 г., которая возвела Петра I Карагеоргиевича на залитый кровью трон Александра Обреновича, заговорщики, произведшие дворцовую революцию, продолжали поддерживать связь между собой, для того чтобы противодействовать возможной контрреволюции, а также ради личных интересов и политических выгод. Они часто собирались и вмешивались в политику партий, когда считали затронутыми свои интересы. Но когда в стране восстановилось равновесие и созданный ими новый режим уже казался достаточно прочным, их организация оказалась ненужной для ограждения безопасности государства, и их вмешательство в политику вызывало недовольство у радикалов и у широкой публики. Поэтому военные заговорщики как организованная группа постепенно отходили на задний план, пока не возник новый кризис.

В 1908 г. в день провозглашения Австрией аннексии Боснии и Герцеговины, Милован Милованович, бывший тогда сербским министром иностранных дел, созвал у себя вечером нескольких министров и видных общественных деятелей. Среди приглашенных был Пашич, Люба Стоянович, профессор Люба Иованович, бургомистр города Белграда и другие. Все они собрались для того, чтобы обсудить, какие меры следует принять в ответ на австрийскую «провокацию». Было решено, что бургомистр пригласит на следующее утро в городскую думу ряд видных сербских деятелей, в том числе историка Станоевича [36]. На этом собрании была организована «Народна Одбрана». Это общество должно было обучать добровольцев и вообще всячески способствовать усилению Сербии на случай вооруженной борьбы, с целью помешать Австрии осуществить ее аннексионистскую программу.

Всеобщее негодование, вызванное в Сербии тем, что Австрия нарушила условия Берлинского трактата и аннексировала сербские земли, о которых мечтала Сербия, — снова привело к дружному сотрудничеству руководящих представителей обеих отмеченных выше тенденций. Таким образом при основании «Народной Одбраны» в нее вошли политические лидеры радикальной партии и офицеры армии, вроде Димитриевича, Танкосича и генерала Бозо Янковича. В нее вошел также Живоин Дашич,

---

[34] S. Stanojevitch, Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand, стр. 45—46.

[35] Там же, стр. 54—56.

[36] Там же, стр. 47.

директор правительственной типографии, в которой работал Габринович, перед тем как отправился убивать Франца-Фердинанда. Членом этой организации был и Милан Прибышевич, брат которого Светозар являлся одним из наиболее резких противников Австрии в Хорватском сейме. Как передают, в день убийства эрцгерцога и его жены, он получил из Сараева телеграмму, в которой, с явным намеком на совершенное преступление, сообщалось: «С обеими лошадьми покончено» [37].

«Народна Одбрана» немедленно организовалась и приступила к работе. Центральный комитет, находившийся в Белграде, руководил работой окружных комитетов, которые были созданы в главнейших городах и включали особые секции для культурно-просветительной работы, физической подготовки, собирания денег, а в некоторых случаях и для сношения с соседними странами. Окружным комитетам были подчинены «уездные комитеты», «местные комитеты» и, наконец, «доверенные лица», находившиеся «в таких местах внутри страны, где в организации комитетов не представлялось надобности». В Сербии эти комитеты и «доверенные лица» повсюду быстро сорганизовались. «Народна Одбрана» присоединила к себе и уже существующие патриотические общества вроде «Сокола», и стрелковые клубы, общества верховой езды, причем оказывала им финансовую помощь. Она начала вербовать комитаджей и обучать их метанию бомб, взрыванию железнодорожных путей, мостов и тому подобным приемам, которые предполагалось применить в партизанской войне с Австрией. Она собирала денежные средства, а своей активной пропагандой лихорадочного национализма возбуждала в населении ненависть к Австрии [38]. Деятельность эта не ограничивалась одними только сербскими подданными: эмигранты, прибывавшие в Сербию из Боснии, тоже завербовывались, обучались предательской деятельности, а затем снабжались денежными средствами и возвращались в Боснию [39]. Гачинович, главный вождь террористического крыла революционного движения в Боснии, был первоначально тесно связан с «Народ-

[37] Conrad, IV, 73. Милан Прибышевич оставался деятельным членом «Народной Одбраны». Принцип первоначально собирался обратиться к нему за помощью для осуществления сараевского заговора, но потом получил помощь от руководителей «Черной руки». Прибышевич в начале мировой войны сражался в чине полковника в сербской армии; но неверно, что он был убит своими собственными солдатами в лесу на Ястребацкой горе. Он скрылся в Америку для того, чтобы вербовать там сербских рекрут. Ср. телеграмму Визнера от 13 июля 1914 г. (ARB, I, 17), а также показания Крыштановича, напечатанное в австрийском досье, прилож. V.

[38] Ср. «Народна Одбрана», изданье Стредисног Одбора Народне Одбране, Белград 1911 г., гл. I:

«Происхождение и деятельность первой «Народной Одбраны». Эта брошюра и годовой отчет, изданный центральным комитетом «Народной Одбраны», были оглашены на процессе убийц в 1914 г. Ее краткое изложение напечатано в австрийском досье, в приложении 2. Полностью эта брошюра, дающая живое и исчерпывающее описание пропаганды и агитации «Народной Одбраны», напечатана в немецком переводе KSF, V, 192—225, март 1927 г.

[39] Ср. показания Трифко Крыштановича в австрийском досье, приложение 5: Он рассказывает, как он прибыл из Боснии в Белград в 1908 г., получил квартиру и стол у Войи Танкосича и обучался у него метанию бомб, а потом получал жалованье в качестве шпиона и тайного курьера, перевозившего письма от лидеров «Народной Одбраны» в Сербию к их агентам в Боснии и обратно. Конечно показания этого человека вызывали некоторые сомнения. Ср. Wendel, стр. 46; Chopin, стр. 12—17. Conrad, IV, 83. Боснийский губернатор Потиорек называет его «человеком небезупречным».

ной Одбраной» в Белграде и работал для нее в Боснии [40]; но впоследствии он присоединился к «Черной руке» и в соответствии с ее идеалами организовывал в Боснии террористические заговоры. Принцип, убийца эрцгерцога, по его собственному признанию на суде, был завербован в организацию «Народна Одбрана» в 1912 г., получал от нее деньги и прошел курс обучения, полагающийся для комитаджей [41].

В самой Боснии подобные комитеты и «доверенные лица» подбирались для того, чтобы образовать шпионскую сеть и служить в качестве «туннеля» или «подземной железной дороги» для доставки пропагандистской литературы, оружия и для переправки заговорщиков через австро-сербскую границу в Боснию [42]. Это видно из приведенного ниже донесения сербского офицера Косты Тодоровича, начальника пограничного поста на Дрине. Его донесение вместе с дневником и отчетностью были захвачены австрийцами в первые недели войны, и оно обстоятельно показывает, как действовал «туннель», который был первоначально организован «Народной Одбраной», в связи с аннексионным кризисом, а впоследствии поддерживался военными властями, участниками организации «Черная рука». Донесение Тодоровича, конечно, не было известно составителю австрийского досье, но оно было зачитано в заседании суда в октябре 1914 г., и достоверность его подтверждена Любой Иовановичем [43]. Ссылаясь на прилагаемое к отчету письмо доверенного лица в Боснии, Тодорович пишет следующее:

«План, к выполнению которого я приступил и к которому я отношусь с чрезвычайным вниманием, заключается в вербовке доверенных лиц [в Боснии]. Все они были членами организации во время аннексионного кризиса и потом отошли от нее, за исключением одного упомянутого [в письме] и еще двух-трех человек; некоторые же переехали в другие округа. «Народна Одбрана» в Шабаце тоже имеет несколько доверенных лиц, например в Тузле и Соколаке. Связь до сих пор была слабая и недостаточная, потому что поддерживалась людьми, которые уделяли этому мало внимания. В соответствии с желанием военного министра я старался как можно лучше выполнять поставленные мне задачи и преподанные директивы, в особенности во всем, что касалось организационной работы здесь на месте... в районе Дрины связь восстановлена в достаточной степени; она идет через Зворник и Добовье. В других местах связь, существовавшая раньше, порва-

---

[40] Евтич, стр. 6.

[41] Pharos, стр. 22—25. Другие данные о деятельности «Народной Одбраны» см. там же, стр. 5, 8, 14 сл.; 19,21 сл.; 34, 43, 55, 81—101,108, 132, 162.

[42] Этот «туннель» существовал еще в 1914 г. Его несколько раз упоминают убийцы эрцгерцога в беседах с их сообщниками в Белграде; ср. Pharos, стр. 19, 16, 34, 91.

[43] Иованович писал в газете «Политика» 17 апреля 1925 г.: «В точности известно, как обстояло ... с мероприятиями, которые Пашич предпринял для того, чтобы предупредить переход через границу лиц, участвовавших в убийстве, и относительно которых он слышал, что они получили оружие в Белграде и отправились через Дрину в Боснию. Австрийцы нашли определенные следы этих мероприятий, когда они в первый раз в 1914 г. перешли Дрину, взяли Лозницу и нашли дневник одного из пограничных офицеров, покойного Косты Тодоровича, который записывал изо дня в день полученные им распоряжения. Среди них было строгое распоряжение тогдашнего военного министра Душана Степановича, чтобы молодым боснийцам, указанным в этом распоряжении, не дали перейти границу».

лась: в настоящее время она не нужна, так как гарнизоны из означенных пунктов уведены. Сообщение через Боснийские острова и Дральятша Врата удобно. Здесь имеются люди, очень пригодные для перевозки контрабанды. Туннели еще не все укомплектованы, но я надеюсь, что вскоре сумею прислать вам информацию и последние новости» [44].

Далее отчет констатирует, что деятельность этих доверенных лиц внешне заключается в преподавании и в организации «побратимств» (братств по борьбе с алкоголизмом), потому что это превосходно маскирует их настоящее дело: шпионаж, контрабанду и заговоры [45].

После того как аннексионный кризис в марте 1909 года был улажен, и Сербия, покинутая Россией, вынуждена была обещать прекратить революционную агитацию и в будущем поддерживать дружественные отношения с монархией Габсбургов, «Народна Одбрана» сделала вид, что превращается из агрессивной или революционной организации в общество, преследующее более похвальные «культурные» цели: народное просвещение, физическое воспитание и укрепление национальных идеалов. Хотя в своем официальном отчете организация еще провозглашала по-прежнему «Австрия—наш главный враг», однако там, где отчет подводил итоги, говорилось: «теперь «Народна Одбрана» в соответствии с условиями времени работает на новых началах, но все же сохраняет связи, создавшиеся в аннексионный период. Таким образом она представляет сейчас то же, что и в аннексионный период... Тогда мы призывали к войне, теперь мы призываем к работе. Тогда нужны были собрания, демонстрации, добровольцы, оружие и бомбы, теперь нужна упорная, фанатическая, неутомимая работа и еще раз работа для того, чтобы выполнить задачи и обязанности, стоящие в центре внимания при подготовке к грядущей вооруженной борьбе» [46]. Хотя несомненно характер деятельности «Народной Одбраны» после 1909 г. несколько изменился в указанном здесь направлении, она никогда не была совершенно невинной «культурно-просветительной» организацией, как это часто утверждали [47]. И точно так же она никогда не прекращала своей пропагандистской деятельности на территории Габсбургов.

С другой стороны, верно то, что непосредственная связь организации «Народна Одбрана» с сараевским убийством была в австрийском ультиматуме и в досье преувеличена. Австрийцы сконцентрировали свое внимание на более раннем и агрессивном периоде ее деятельности, а не на последнем, когда преобладала культурно-просветительная работа. Это произошло главным образом потому, что они не знали о тайной деятельности сербских военных властей и не проводили достаточного разли-

[44] Pharos, стр. 90—92.

[45] Pharos, стр. 94. Некоторые из «благоприятных» мест были использованы сараевскими убийцами. Габринович был переправлен через Зворник, а Принцип и Грабец с бомбами и револьверами — через Боснийские острова. Все трое потом встретились в Тузле. Там же, стр. 16, 19, 25—27, 36—40, 48, 52, 56—58, 86—108, 126—151.

[46] Выдержка из отчета-памфлета, опубликованного центральным комитетом «Народной Одбраны» в 1911 г. Напечатана в австрийском досье, приложение 2, и полностью перепечатана в KSF, V, 223—225, март 1927.

[47] Например Stanojevitch, стр. 49—54; Люба Ивановичч, статьи в газете «Политика» 22 марта и 17 апреля 1925 г.; Wendel, стр. 46—49, 59—61; Сетон-Ватсон в «Foreign Affairs», III, 499—500.

чия между организациями «Народна Одбрана» и «Черная рука». Тем не менее вполне очевидно, что «Народна Одбрана» втайне продолжала свою работу: держала «туннели», доставляла контрабандным путем революционную литературу из Белграда в Боснию. Она поддерживала контакт с «доверенными лицами», которые впоследствии были использованы «Черной рукой» и которые фактически оказали содействие убийцам эрцгерцога при переходе ими сербской границы. Она также инспирировала боснийских эмигрантов, попавших в Белград, и оказывала им помощь. Этим она способствовала росту революционного движения в Боснии и подготовке почвы для сараевского убийства. Первоначальный состав членов «Народной Одбраны» и меры, принятые радикальным правительством для того, чтобы придать ей внешний облик организации, преследующей культурно-просветительные цели, показывают, что Пашич и его коллеги прекрасно знали о ее деятельности в области пропаганды, шпионажа и вербовки доверенных лиц на австрийской территории. Даже и после 1909 г. Пашич, очевидно, не считал это общество чисто культурно-просветительной организацией. Он сам говорит, что «по возвращении из Бухареста (в августе 1913 г.) он посоветовал организации «Народна Одбрана» ничего не предпринимать против Австрии, потому что это может быть опасным» [48].

«ЧЕРНАЯ РУКА»

Приблизительно с 1911 г. снова стали проявляться разногласия между политическими лидерами радикалов и наиболее беспокойными и отчаянными офицерами армии. Радикалы полагали, что ввиду позиции, занятой Россией, и дипломатического положения, создавшегося в Европе, сербам необходимо сохранять корректные и мирные отношения с Австро-Венгрией и в настоящее время ограничиваться накоплением сил для будущей борьбы, которая осуществит их конечную цель — создание Великой Сербии. Как мы видели, это было теперь официальной политикой «Народной Одбраны». Но некоторые [49] более пылкие и рьяные члены военной клики, произведшие дворцовую революцию 1903 г., были недовольны слишком умеренной политикой радикалов. Они требовали «действий». Поэтому они возродили свою прежнюю организацию 1903 г. в виде нового тайного общества, которое в уставе называется «Уедненье или Смрт» («Объединение или смерть»), а обыкновенно именуется «Черная рука».

Наиболее точные сведения о «Черной руке» содержатся в ее уставе и принятых ею постановлениях. Они были опубликованы в искаженном виде в книге «Tajna prevratna organizacija», отчете о салоникском процессе, напечатанном в 1918 г., на который мы уже ссылались [50]. В ту

[48] Речь Пашича против Любы Иовановича, произнесенная в радикальном клубе, напечатанная в журнале «Политика» 26 апреля 1926; KSF, IV, 409, июнь 1926 г.

[49] Некоторые, но не все. Часть бывших заговорщиков 1903 г. отказалась вступить в новую организацию «Черной руки» на том основании, что хотя убийство короля Александра и было необходимо, но нет надобности пускаться в новую авантюру, которая может только причинить неприятности государству. Эти офицеры примкнули к радикальной партии и впоследствии, когда в 1917 г. была уничтожена «Черная рука», они были вознаграждены тем, что получили места своих соперников. Обыкновенно они известны под названием «Белой руки».

[50] См. выше, прим. 32.

пору сербское правительство желало изобразить положение в таком виде, будто «Черная рука» является революционной организацией, действовавшей исключительно в пределах Сербии и стремившейся свергнуть стоявшую у власти радикальную партию и даже правящую династию, а потому некоторые параграфы устава и постановления, касавшиеся революционной и террористической деятельности общества за пределами Сербии, в этом издании были опущены. Но Богичевичу удалось, на основании сведений, полученных от двух оставшихся в живых членов «Черной руки», восстановить полный текст устава и постановлений [51]. Он сумел также установить имена значительной части членов общества и те секретные номера, под которыми они были известны. При этом оказалось, что в общество входило много сербских чиновников и военных. Мы будем здесь цитировать устав, ссылаясь на его текст.

Задачей «Черной руки» являлось: «Осуществление национального идеала — объединение всех сербов» (статья первая).

Статья 2-я гласила: «Организация отдает предпочтение террористическим действиям перед идейной пропагандой и поэтому должна быть совершенно тайной для тех, кто не является ее членами». Для осуществления своих стремлений она старается приобрести влияние на правительственные круги и на разные классы Сербского королевства, которое рассматривается в качестве «Пьемонта». Затем следуют параграфы, которые не вошли в издание 1918 г., но которые ясно свидетельствуют о террористической деятельности общества на территории монархии Габсбургов.

Статья 4-я (б): Общество организует революционную деятельность во всех областях, населенных сербами.

(в) За пределами Сербии оно борется всеми средствами с противниками этой идеи.

(г) Общество поддерживает дружественные отношения со всеми государствами, народами, организациями и частными лицами, которые дружественно относятся к Сербии и сербскому народу.

(д) Оно всячески поддерживает все народы и организации, борющиеся за национальное освобождение и объединение...

Статья 7-я: Центральный комитет в Белграде, кроме членов от королевства Сербского, включает по одному делегату от каждой из зарубежных сербских областей: 1) Боснии и Герцоговины, 2) Черногории, 3) Старой Сербии и Македонии, 4) Хорватии, Славонии и Сирмии, 5) Войводины, 6) Приморья [т. е. Далмации].

Статья 18-я: Центральный комитет в Белграде поддерживает связь с комитетами, находящимися в зарубежных сербских областях, через уполномоченных, которые обычно являются членами центрального комитета или же, в исключительном случае, делегируются специально.

Статья 19-я: Комитетам в зарубежных сербских областях предоставляется свобода действий, но выполнение более значительных по размерам революционных начинаний нуждается в предварительном одобрении центрального комитета в Белграде.

[51] Bogitchevitch, La Société «Union ou Mort» dite la «Main Noire» во французском журнале «Evolution», № 7, 16—30, 16 июля 1926; в немецком и английском переводе KSF, IV, 664—689, сентябрь 1926 и в его интересной книге «Le Procès de Salonique» (Paris, 1927), стр. 41—53.

Для того чтобы расширить состав общества и вместе с тем обеспечить полную тайну, повиновение и преданность обществу со стороны его членов, устав определял (статья 23—33), что каждый новый член обязан привлекать со своей стороны новых членов, отвечая своей жизнью за лиц, введенных им в общество. Члены обыкновенно не знали друг друга по имени, а числились за определенным номером, который должен был сохраняться в тайне. Имена членов были известны только центральному комитету в Белграде. «Интересы организации надлежит ставить выше всего. Каждый из членов, вступающих в организацию, должен уяснить себе, что тем самым он всецело жертвует собой и не может рассчитывать ни на славу, ни на личные выгоды». «Если центральный комитет в Белграде произнесет смертный приговор, то единственно важным является, чтобы приговор этот был осуществлен во что бы то ни стало. Способ осуществления безразличен».

Прием новых членов происходил в темном помещении, освещенном только восковой свечкой, перед маленьким столиком, покрытым черным сукном, на котором лежал крест, кинжал и револьвер. Кандидат клялся: «Солнцем, которое греет меня, землей, которая кормит меня, кровью моих предков, моей честью и жизнью моей перед господом богом клянусь, что с настоящего момента до смерти я буду неуклонно следовать правилам этой организации и всегда буду готов принести для нее любую жертву». На печати «Черной руки» были многозначительно изображены: флаг, череп, положенные крест-накрест кости, кинжал, бомба, пузырек с ядом и надпись «Уедненье или Смрт».

Вдохновителем и руководителем этого своеобразного общества, которое по духу своему скорее подходило к XVI, чем к XX веку, был полковник Драгутин Димитриевич, начальник отдела контрразведки при сербском генеральном штабе, человек необузданный, благородный, окруженный поклонением, и вместе с тем детски-примитивный в стиле ренессанса. Характеристику, данную ему Станоевичем, мы уже привели выше [52]. Последняя страница устава помечена «Белград, 9 мая 1911 г.». Имя Димитриевича фигурирует в списке членов за № 6. Его главным помощником был майор Войя Танкосич; он тоже играл руководящую роль в убийстве короля в 1903 г. Впоследствии Танкосич организовал школу для комитаджей, где обучал боснийских эмигрантов, приезжавших в Белград. В 1908—1914 гг. он пользовался среди них большим влиянием. Его характеризуют как человека спокойного, уравновешенного, обходительного в частной жизни и производящего впечатление человека сдержанного и даже робкого. Но он обладал суровым, необузданным, не поддающимся дисциплине нравом. Как вождь комитаджей в Македонии, он был известен невероятной суровостью в отношении к своим соратникам, а также личным героизмом, храбростью и присутствием духа. Он несомненно был честным и стойким патриотом; убеждение, что он выполняет свой патриотический долг, оправдывало в его глазах многие из его ужасных деяний [53]. «Другим членом «Черной руки» был Милан Циганович (№ 412), фигура более таинственная и загадочная. В свое время он эмигрировал

[52] См. прим. 8; характеристику Димитриевича см. Bogitchevitch, Le Procès de Salonique, стр. 61—69.

[53] Stanojevitch, стр. 52; Евтич, стр. 23, говорит о Танкосиче как «офицере, которого очень любили боснийские эмигранты», находившиеся в Белграде.

из Боснии в Белград и во время балканской войны с турками служил под начальством Танкосича в качестве комитаджа. В 1914 г. он в виде синекуры занимал небольшую должность на сербских казенных железных дорогах. Многие считают, что он вступил в организацию «Черная рука» для того, чтобы информировать Пашича [54]. Танкосич и Циганович оба принимали непосредственное участие в подготовке заговора в Белграде: они снабдили трех молодых людей, отправлявшихся убить Франца-Фердинанда, бомбами, браунингами и ядом, который надлежало принять немедленно по совершении покушения на эрцгерцога.

Другим из наиболее старых членов «Черной руки» был Владимир Гачинович, который в списке членов, опубликованном в издании «Tajna prevratna organizacija», фигурирует за № 217. Как мы увидим ниже, этот человек развил деятельную террористическую пропаганду в Боснии своими литературными произведениями и организацией тайных террористических групп.

Из других членов «Черной руки» у Богичевича указаны следующие:

Душан Обткич (№ 166), близкий друг Любы Иовановича, Михаил Живкович (№ 442), секретарь сербского кассационного суда, Дмитрий Новакович (№ 471), секретарь белградского университета, Милан Гаврилович (№ 406), секретарь министерства иностранных дел, а впоследствии редактор газеты «Политика», М. А. Иованович (№ 401), секретарь железнодорожного управления, Боголюб Вутчевич (№ 407), полицейский комиссар и Станое Симич (№ 467), чиновник министерства иностранных дел [55]. Эти имена показывают, что «Черная рука» не была исключительно военной организацией, как это часто изображают. Вместе с тем из этого списка видно, что она уже не так разнилась от «Народной Одбраны» и не находилась по отношению к ней в такой оппозиции, как это тоже часто изображали. Хотя действительно, как это было указано выше, «Народна Одбрана» утверждала, что она занималась культурной подготовкой Великой Сербии, а «Черная рука», проявлявшая большее нетерпение, предпочитала действовать путем террористических убийств, но у обоих обществ конечная цель была одна и та же, и даже многие из членов числились в обеих организациях. Милан Васич был одним из десяти членов верховного центрального комитета «Черной руки» в Белграде, и в то же время убийцы эрцгерцога называли его секретарем «Народна Одбрана» и говорили, что он снабжал их деньгами и революционной литературой [56]. Обе организации пользовались в Боснии одними и теми же доверенными лицами и имели общий «туннель» для сношения с ними. Например, Раде Малобабич, австрийский серб, осужденный за государственную измену в Аграме и ставший доверенным лицом «Народна Одбрана» в 1911 г., был в 1913 г. рекомендован полковнику Димитриевичу Тодоровичем, начальником пограничной стражи в Лознице, а затем стал одним из главных шпионов «Черной руки» и сербской контрразвед-

[54] N. Mermet, L'Agent provocateur Milan Ciganovitch в «La Fédération Balkanique», стр. 270—272, 31 мая 1925; Durham, The Serajevo Crime, стр. 80 сл., 174 сл., 182; и заметка Визнера по поводу смерти Цигановича, KSF, V, 1041—1048, ноябрь 1927 г.

[55] Bogitchevitch в KSF, IV, 675, 688.

[56] Pharos, стр. 5, 22.

ки [57]. Связь между обоими обществами была такой тесной, что члены комиссии Карнеджи по изучению балканских войн не могли уловить разницу между ними [58]. Три молодых человека, собиравшиеся убить эрцгерцога, старались создать на суде впечатление, что они в Белграде поддерживали связь скорее с «Народной Одбраной», чем с «Черной рукой». Они заявили, что знают о последней только по слухам и на основании газет, но вместе с тем они признали, что, по их наблюдениям, Танкосич и Циганович были в плохих отношениях с «Народной Одбраной» и, может быть, достали им бомбы и браунинги, «потому, что являлись членами другого общества» [59].

РЕВОЛЮЦИОННОЕ ДВИЖЕНИЕ В БОСНИИ

Приблизительно с середины прошлого столетия и до мировой войны антагонизм между австро-венгерскими властями и угнетенными нациями в двуединой монархии все более возрастал. Это объясняется отчасти развитием национального чувства, которое все более усиливалось в течение XIX столетия, а отчасти гнетом со стороны габсбургского правительства и его невниманием к стремлениям славянских и румынских подданных монархии. Особенно резкие формы принял этот антагонизм в Боснии и Герцеговине после оккупации их Австрией в 1878 г. и усилился после аннексии в 1908 г. Недовольство усиливалось вследствие закрытия боснийского сейма и исключительных законов, которые были введены в действие, когда победы Сербии и значительное расширение ее территории в 1912 г. вызывали брожение в народе. Но в 1913—1914 гг., когда Боснией и Герцеговиной управлял граф Билинский, сейм был снова открыт, исключительные законы отменены, печати была предоставлена широкая свобода, и прилагались большие усилия в целях улучшения политических и экономических условий в Боснии. Билинский, сам славянин (галицийский поляк), более сочувственно относился к сербам, чем его немецкие и мадьярские коллеги. Он надеялся при помощи примирительной политики добиться от сербского населения приблизительно такой же лойяльности в отношении Габсбургов, какой отличалась хорватская и магометанская часть населения этих недавно аннексированных провинций.

По переписи 1910 г. население Боснии и Герцеговины делилось по вероисповеданию (которое в данном случае является наиболее существенным фактором) на православных, магометан и католиков; их соотношение приблизительно определялось следующей пропорцией: 4 : 3 : 2. По переписи насчитывалось 825 тыс. православных, главным образом сербов, 612 тыс. магометан, главным образом сербов и турок, и 442 тыс. католиков, главным образом хорват. Всего в Боснии и Герцеговине (включая евреев, небольшое число протестантов и цыган) было около 9 900 тыс. жителей. В общем можно сказать, что православные тяготели к сербам в соседних королевствах. У католиков не было единства; с одной стороны, у них наблюдалась лойяльность по отношению к Австрии и более высокая культура связывала их с Западом, а с другой стороны,

[57] «Тайна превратна организация», стр. 201. Цит. у D u r h a m, The Sarajevo Crime, стр. 162.

[58] Carnegie Report, стр. 169.

[59] P h a r o s, стр. 82; ср. также стр. 14, 43, 47, 55, 80 сл.

националистические устремления влекли их к образованию сербско-хорватского союза — или в качестве самоуправляющейся единицы в организованной на федеративных началах триалистической монархии Габсбургов, или же в виде части Великой Сербии, или в виде независимой Югославянской федерации. Магометане в общем были верны монархии Габсбургов. Этим четырем политическим тенденциям соответствовали и четыре главные политические партии:

1. «Србска речь» (сербская партия, возглавляемая Г. Евтановичем и Солой) и «Народна странка» (Националистическая партия); обе они вели резко оппозиционную политику по отношению к австрийским властям.

2. Лойяльное сербское меньшинство под руководством Димовича и лойяльные хорваты, прежде составлявшие часть партии Старчевича, но в 1914 г. проявлявшие антисербскую тенденцию и известные под наименованием «Frankovacka Stranka», по их вождю, венгерскому еврею Франку.

3. «Starcevickanjaka Stranka», основанная полвека тому назад хорватским патриотом Старчевичем.

4. Лойяльная Магометанская партия [60].

Но примирительная политика Билинского не встретила почти никакого отклика, — наоборот, она была истолкована как проявление слабости и упадка Австрии, дала повод к дальнейшим открытым нападкам со стороны печати и усилила подпольное революционное движение против австрийских властей [61].

Вышеупомянутые боснийские партии в 1914 г. представляли собой то, что Евтич называет «старшим поколением» [62]. Эти партии выражали мнение политических дельцов и буржуазии, получившей образование в университетах. Хотя в боснийском сейме они представляли оппозицию, но большею частью они довольствовались легальными средствами и рассчитывали на большие политические уступки со стороны австрийских властей. Это были элементы, которые Австрия надеялась расколоть и напра-

---

[60] Ср. Conrad, Aus meiner Dienstzeit, I, 13—28 и интересные докладные записки, представленные русским в декабре 1914 г. югославянскими агентами Супило и Сальвиати и напечатанные у Stieve, Iswolsky im Weltkriege (Berlin 1925), стр. 136—161.

[61] Leon Bilinski, Wspomnenia i Dokumenty (Воспоминания и документы), 2 тома, Варшава 1924/25 г. I, 227—332; Билинскому, как австро-венгерскому министру финансов, каковой пост он занимал с января 1912 г. до войны, было подчинено управление Боснией и Герцеговиной. См. также интересные соображения его предшественника, графа Буриана (Burian, Austria in Dissolution, N. Y. 1925 г., стр. 224—310, 358—371). Примирительная политика Билинского не встречала сочувствия у Конрада и ген. Потиорека, военного губернатора Боснии (ср. Conrad, III, 95 сл., 157 сл., 370 сл., 442 сл., IV, 13—124), а также у чинов боснийской полиции (ср. Baron Karl Collas, «Auf den bosnischen Wegspuren der Kriegsschuldigen», KSF, V. 11—27, январь 1927.)

[62] Евтич, Сараевски Атентат, стр. 3 сл., ср. также Pharos, passim и Seton-Watson, Sarajevo, гл. III «Югославянское революционное движение». Это во многих отношениях превосходный и содержательный рассказ, но автор умаляет влияние, которое оказывалось на движение в Боснии из Белграда. На это указывает Богичевич: M. Bogitchevitch, Nouvelles dépositions concernant l'attentat de Sarajevo, KSF, IV, 21—28; 87—95. Сетон-Ватсон упускает из виду такие существенные моменты, как то, что главный лидер нового движения Гачинович был членом «Народной Одбраны», а потом «Черной руки» и что почти все покушения на австрийских должностных лиц за время с 1910 по 1914 г. производились молодыми людьми, которые непосредственно перед тем провели несколько месяцев в Белграде.

вить друг против друга, так как власть Габсбургов предполагалось поддерживать при помощи политики: «разделяй и властвуй».

В противоположность этому старому поколению новое поколение носило совершенно другой характер. Оно появилось в Боснии в первые годы XX столетия и было известно под названием «Молодая Босния» («Млада Босна»). Оно было недовольно политическими дельцами, буржуазией и всеми легальными формами оппозиции. Триализм как решение сербско-кроатского национального вопроса отвергался ими во всех его видах. Ряды «Молодой Боснии» пополнялись «выходцами из низших классов», — крестьянами, поденщиками, школьными учителями, детьми священников и молодыми студентами [63]. Это была молодежь нетерпеливая и отчаянная, она питалась русской революционной и анархической литературой, в особенности произведениями Герцена и Кропоткина, и ее распаляли успехи насильственных методов, применявшихся в русской революции 1905 г. Среди нее процветал культ индивидуального действия, т. е. вера, что террористические убийства являются лучшим средством для того, чтобы быстрее покончить с умеренной тактикой боснийских политиков, уничтожить австрийскую власть и подготовить путь для нового югославянского национализма. Революционный террор должен был служить двум целям: вызвать панику в правительственных кругах и подъем национального чувства в массах [64].

Первым, получившим широкую известность, проявлением этого нового культа был подвиг Богдана Жераича, серба из Герцеговины. Сербский офицер Воин Симич, вскоре ставший членом «Черной руки» за № 111 [65], научил его в Вранье стрелять из револьвера. После этого Жераич в 1910 г. вернулся в Боснию, произвел в Сараеве пять выстрелов в губернатора генерала Варешанина и тут же покончил с собой. Рассказы о том, как генерал пренебрежительно отшвырнул ногой на сараевском мосту труп Жераича, покрытый грязью и кровью, а также о том, как Жераича похоронили на той части кладбища, где хоронили только самоубийц и преступников, распространились по всей стране и сильно способствовали тому, что боснийская молодежь загорелась желанием подражать его примеру и отомстить за него [66]. Сербы в Боснии и Сербии немедленно провозгласили его героем и первым мучеником.

Два месяца спустя, в день рождения императора Франца-Иосифа 8 августа 1910 г. «Белградский политик» напечатал у себя большой портрет Жераича вместе с зажигательным стихотворением и панегириком, в котором говорилось: «Сегодня мы тоже зажжем свечу на его могиле и крикнем: «Слава Жераичу!» [67]. Могила его украшалась свежими цветами и стала местом паломничества для боснийской молодежи, проникнутой националистическим фанатизмом и желанием последовать его примеру, чтобы приобрести такую же славу, как он. Рассказывают, что Принцип

[63] Из боснийцев, связанных с подготовкой и осуществлением заговора на австрийского эрцгерцога, Габринович был наборщиком, Мехметбашич — столяром, Мишко Иованович — коммерсантом и директором кинематографа, Илич был учителем, Пушара — городским служащим, Керовичи — крестьянами, Яков Нилович — рыбаком на Дрине, Принцип и Грабец были студентами; ср. Евтич, стр. 23.

[64] Ср. у Евтича главу о «Культе индивидуального акта» (стр. 17—21).

[65] Богичевич в KSF, IV, 24, 675, 688.

[66] Ср. Евтич, стр. 5, 20; Pharos, стр. 21, 30, 40.

[67] Австрийское досье, приложение I.

вечером, накануне того дня, когда он стрелял в эрцгерцога, возложил цветы на могилу Жераича и поклялся, что его рука завтра не дрогнет [68]. Нет ничего удивительного, что на неуравновешенную боснийскую молодежь , в головах которой смешались анархизм, социализм и национализм, акты политических убийств, вроде произведенного Жераичем, оказывали сильное психологическое действие.

Наиболее влиятельным деятелем революционного движения в Боснии и вдохновителем боснийских студентов, участников заговора против эрцгерцога был Владимир Гачинович. Он был сыном православного священника в Герцеговине [69]; отец желал, чтобы он тоже стал священником, и отправил его в семинарию, но Гатчинович забросил богословские науки и стал читать русскую революционную литературу. Весной 1909 г. во время аннексионного кризиса, он приехал в Белград, где завязал связи с руководителями только что организованной «Народной Одбраны», а также с наиболее крайними элементами, которые склонялись к «прямым действиям» и впоследствии организовали «Черную руку». Гачинович оставался в Сербии несколько лет и находился под влиянием Скерлича, деятельно пропагандировавшего антиавстрийские революционные идеи. Затем по поручению «Народной Одбраны» он вернулся в Боснию, и , по словам одного из своих сторонников, «говорил, будил народ и снова исчезал, как тень, словно проваливался сквозь землю, чувствуя, что за ним по пятам следуют австрийские агенты, среди которых встречались и сербы» [70].

Гачинович поступил в венский университет, но больше занимался организацией революционного движения среди студентов-славян, чем науками. В Вене он написал также свой известный панегирик «Убийце Жераичу», который, как удачно сказал Сэтон Ватсон, «странным извращенным идеализмом и высокопарным стилем характерен для начинавшегося революционного движения». Гачинович жаловался, что сербское общественное мнение не обращает достаточного внимания на «тех, кто приходит теперь», кто ставит себе целью «зажечь революцию в умах молодых сербов, для того чтобы спасти их от губительного действия антинациональных идей и подготовить к тому, чтобы разорвать свои цепи и заложить здоровый фундамент для светлой национальной жизни в будущем». Сославшись на пример Орсини, который покушался на убийство Наполеона III, и выразив одобрение русским террористам, Гачинович превозносит Жераича «как человека действия, человека сильного и доблестного, как одного из тех, которые начинают собой новую эпоху, провозглашают идеи и оживляют страждущие сердца». Он призывал молодых сербов отомстить за мученичество Жераича, подражая его примеру [71]. Эта

[68] Евтич, стр. 20; Pharos, стр. 40.

[69] Главным источником сведений об этом архиконспираторе являются «Споменика» Владимира Гачиновича, Сараево, 1921 г. В этой книге напечатан его известный памфлет «Смрт едного героя» (Смерть героя), прославляющий покушение Богдана Жераича на генерала Варешанина в 1910 г. Памфлет был напечатан в Белграде в 1912 г. в типографии «Пьемонта», органа «Черной руки». Книга содержит также и некоторые другие его произведения и интересные биографические заметки, написанные его друзьями и товарищами по конспирации. О Гачиновиче см. также у Евтича, стр. 5, 13, 15, 19—21. Seton-Watson, Sarajevo, стр. 69—79 и Edith Durham, Current History, XXV, 657—661, февраль 1927 г.

[70] Евтич, стр. 6.

[71] «Споменика», стр. 41, 47—49; см. ниже, гл. III, прим. 5—7.

брошюра была издана анонимно в Белграде и напечатана в типографии «Пьемонта», органа велико-сербского движения и группы «Черная рука». Из Белграда она была доставлена контрабандным путем в Боснию и там широко распространена среди молодых студентов, на которых оказала большое и решающее влияние.

В 1912 г. Гачинович снова оказался в Белграде, по всей вероятности в связи с печатанием своей брошюры. «Народна Одбрана» показалась ему слишком умеренной, и он примкнул к «Черной руке», которая тогда только что оранизовалась. Имя его фигурирует за № 217 в списке членов, опубликованном сербским правительством в связи с салоникским процессом. Утверждают, что он получал деньги от обоих обществ, а также имел стипендию от отдела пропаганды при сербском министерстве иностранных дел. Это позволило ему отправиться в Лозанну для продолжения университетских занятий [72]. Здесь он завязал непосредственные отношения с разными русскими революционерами, в том числе с Троцким, который за подписью Л. Т. написал введение к сборнику статей Гачиновича на французском языке. Тем временем Гачинович успел еще съездить в Боснию и организовать среди радикальной молодежи «Молодой Боснии» тайные революционные кружки, известные под наименованием «кружочи». То были «небольшие группы надежных лиц, которые незнакомы друг с другом, но поддерживают между собою связь через посредников» [73]. Такой способ организации характерен также и для «Черной руки», у которой Гачинович и заимствовал эту идею. Таким образом «Черная рука» получила целую сеть связанных с ней групп, разбросанных по всей Босния и другим сербским областям Австро-Венгрии. Студенты, крестьяне, рабочие, составлявшие главную массу членов этих кружков за пределами Сербии, по всей вероятности не являлись в полной мере членами «Черной руки», но она могла использовать их для революционной агитации и террористической деятельности в Босния [74]. Нет возможности определить число этих кружков, но несомненно, что они существовали во всех городах, где имелись средние учебные заведения: в Баньялуке, в Тузле, в Монастыре, в Требинье, и в особенности в Сараеве. Одной из наиболее деятельных и живых групп, служившей примером другим, была группа, организованная Гачиновичем в доме Данилы Илича в Сараеве. «Через нее проходили все наиболее активные революционеры. Это был, так сказать, руководящий орган всех националисти-

[72] Богичевич в KSF, IV, 25 сл., 92 сл.,; «Le Procès deSalonique», стр. 157 сл. Он пишет на основании сведений, сообщенных двумя революционерами — Мустафой Голубичем и Павлом Бастаичем, которые вместе с Гачиновичем организовывали заговор против австрийских властей, подготовлявшийся в Тулузе. То, что Гачинович был одним из многих боснийских студентов, которых субсидировали белградские власти, видимо явствует также из документов, захваченных австрийцами во время войны в доме Павловича и Пашича. Durham. в «Current History» XXI; 661, февраль, 1927,

[73] Евтич, стр. 6—7.

[74] Один из главных сербских авторитетов по вопросам, касающимся«Черной руки», Богичевич («Le Procès de Salonique» стр. 2—,4) повидимому считает членов этих кружков членами организации «Черная рука». Однако я не нахожу этому подтверждения. Показания, данные на процессе сараевских убийц, свидетельствуют, что лица, арестованные в Боснии после совершения убийства, видимо действительно не знали о существовании тех, кто входил в более узкий круг организации «Черная рука» в Сербии. Но Богичевич безусловно прав, когда он противопоставляет сравнительно низкий социальный состав кружков в Боснии членам «Черной руки» в Сербии, которые принадлежали главным образом к среде чиновников и военных;

ческих течений в стране. Этот кружок поддерживал, прямо и косвенно, весьма тесные сношения с эмигрантами в Белграде»[75].

Революционное брожение, охватившее боснийскую молодежь и вызывавшееся крайним возмущением против австрийского гнета, стремлением к национальному объединению сербов и хорватов, а также влиянием русской анархистской литературы и сербской пропагандой, — находило себе выражение в частых поездках боснийской молодежи в Сербию и обратно. Эти «эмигранты» стремились вырваться из затхлой атмосферы монархии Габсбургов и подышать более родным для них воздухом Белграда. Здесь их хорошо принимали, и им легко было получить свидетельство об окончании образования. Например Принцип, с личного разрешения Любы Иовановича, сербского министра народного просвещения, меньше чем в два года прошел три класса, несмотря на то, что тратил много времени на политические дискуссии и на разъезды взад и вперед[76]. Деятельность эмиграции можно хорошо проследить на примере трех молодых людей, которые участвовали в убийстве Франца-Фердинанда.

Гаврила Принцип родился в Грохове, в Западной Боснии, в глухой гористой местности у берегов Далмации. Сначала он прилежно учился в школе, но так как его занятия часто прерывались политической пропагандой, то его несколько раз исключали. В конце концов он приехал в Сараево, где оставался в течение месяца. В мае 1912 г. он прибыл в Белград, якобы для того, чтобы продолжать свое образование: но когда его на суде спросили, для чего он приехал туда, он ответил: «Это мое дело»[77]. Как раз в это время Гачинович организовывал кружок в Сараеве и внушал тамошней молодежи, что необходимо участвовать в революционной агитации. Весьма вероятно, что поездка Принципа в Белград была внушена именно им[78]. Во всяком случае Принцип в кофейнях Белграда быстро завел знакомство с комитаджами из «Черной руки» и, по собственному его заявлению, был принят в число членов «Народной Одбраны» секретарем ее майором Васичем, который был в то же время одним из видных членов «Черной руки». Когда вспыхнула балканская война, Принцип отправился на турецкую границу, для того чтобы пройти курс военного обучения в качестве комитаджа под руководством майора Танкосича, другого видного террориста и агитатора из организации «Черная рука». Но так как Принципу было только шестнадцать лет и он был физически слаб, то Танкосич его не принял[79]. Зато он усвоил террористические идеи «Черной руки» и в течение следующих пятнадцати месяцев

[75] Евтич, стр. 23; ср. также Seton Watson, Sarajevo, стр. 74—77.

[76] Pharos, стр. 22—24; Ievtitch, стр. 71; Люба Иованович рассказывает о своем личном знакомстве с Принципом в «Крв Словенства», стр. 10; товарищ Принципа по заговору Грабец тоже в ускоренном порядке сдал экзамен в Белграде; Pharos, стр. 44.

[77] Pharos, стр. 32. О более раннем периоде жизни Принципа см. у Евтича, стр. 35 сл. Собственные интересные признания Принципа, сделанные им в тюрьме австрийскому психиатру, доктору Папенгейму, напечатаны в английском переводе H. F. Armstrong в «Current History», август 1925, стр. 701—707, и в анонимной брошюре «Gavrilo Princips Bekenntnisse», Wien 1927.

[78] О сильном влиянии Гачиновича на Принципа см. Биографический очерк Евтича, посвященный Гачиновичу, в «Spomenica» стр. 104 и краткое изложение его, сделанное Durham в «Current History», XXV, 657, февраль 1927.

[79] Pharos, стр. 22—23; Евтич стр. 13.

занимался организацией заговора вместе с Гачиновичем и Иличем, разъезжая между Белградом и Гаджичей, деревней, находящейся на расстоянии приблизительно 6 миль на запад от Сараева. Здесь он провел зиму 1913—1914 гг. и в феврале 1914 г. вернулся в Белград [80].

Неделько Габринович, который бросил бомбу в австрийского эрцгерцога, плохо учился в школе и из-за этого, а также вследствие ссоры с отцом из школы ушел [81]. Он перепробовал разные профессии и в конце концов стал наборщиком. Не поладив с несколькими предпринимателями, он отправился в Белград, где нашел работу в типографии, печатавшей анархистскую литературу, — здесь он проникся анархическими воззрениями. Но потом он заболел и вернулся в Сараево, причем привез туда анархистские книги, часть которых мать его впоследствии сожгла. В Сараеве он проработал в 1912 г. несколько месяцев, пока вследствие участия в забастовке наборщиков и вследствие других поступивших на него жалоб сараевские власти не выслали его из города. Тогда он снова отправился в Белград, где сошелся с Принципом, хотя в то время они еще держались разных политических взглядов. Тогда же он вступил в сношения с «Народной Одбраной»: ему нужны были деньги, чтобы вернуться в Сараево, и один из приятелей посоветовал ему обратиться в это сербское общество, сказав, что оно часто тайным образом помогает боснийским эмигрантам. Габринович так и сделал, и тот же майор Васич, который одновременно был деятельным членом «Черной руки» и покровительствовал Принципу, дал ему 15 динаров и некоторое количество литературы «Народной Одбраны» и напутствовал его советом: «Будь всегда хорошим сербом» [82]. В декабре 1912 г. Габринович вернулся в Сараево, но, не поладив здесь со своими приятелями, переехал в Триест, где некоторое время работал в газете. Оттуда в октябре 1913 г. он отправился в Аббацию, где, по последним опубликованным сведениям, рассказал одному из своих приятелей о своем намерении убить эрцгерцога Франца-Фердинанда [83]. Приятель помог ему снова съездить в Белград, где он через Живоина Дачича, одного из основателей «Народной Одбраны» и вместе с тем директора сербской правительственной типографии, получил место в этой типографии. Здесь он на пасху 1914 г. получил от одного из членов сараевского «кружка» газетную вырезку, сообщавшую о предстоящем посещении эрцгерцогом Боснии. Он тотчас же решил воспользоваться этим удобным случаем для того, чтобы осуществить свое намерение убить Франца-Фердинанда, и тогда же выяснилось, что деятели «Черной руки» готовы снабдить его и двух его товарищей эмигрантов требующимися для этого дела бомбами и револьверами [84].

Третьим членом студенческого трио, организовавшего в Белграде

---

[80] P h a r o s, стр. 23; «Признания» Принципа в «Current History», август 1927 г., стр. 705.

[81] Отец его, который, говорят, был австрийским шпионом, покончил самоубийством в 1924 г., незадолго до того, как исполнилось десятилетие со дня покушения его сына на эрцгерцога.

[82] P h a r o s, стр. 4—5.

[83] Орлич в загребской газете «Речь» 10 июля 1927 г., цит. у W i e s n e r, KSF, V, 884, сентябрь 1927 г.

[84] О ложном утверждении сербских властей после убийства, что они желали выслать Габриновича, но что его защищало австрийское консульство в Белграде — см. статью B e r e r e r a в KSF, IV, 330—332, май 1926 г., P h a r o s стр. 7 сл.

заговор с целью убить в Сараеве Франца-Фердинанда, был Трифко Грабец. Он был исключен из средней школы в Тузле за то, что осенью 1912 г. дал пощечину учителю. После этого он на шесть месяцев уехал к отцу в Пале, находящееся приблизительно в 12 милях на восток от Сараева. Затем он отправился в Белград для завершения образования и к пасхе 1914 г. успел пройти пятый, шестой и седьмой классы. В Белграде он встретился с Принципом и другими эмигрантами, стал пылким сербским националистом и пожелал принять участие в политическом убийстве [85].

Тем временем Гачинович задумывал в Лозанне и Тулузе убийство видных австрийских чиновников. Впрочем на этот счет показания его товарищей по конспирации в отдельных подробностях расходятся. По версии, сообщаемой Сэтон-Ватсоном, на основании сведений, полученных им от лиц, проживающих в настоящее время в Сараеве, дело происходило следующим образом: в январе 1913 г. Гачинович предложил нескольким молодым боснийцам, в том числе двум мусульманам, Мехметбашичу и Мустафе Голубичу, встретиться с ним в Тулузе. Здесь он снабдил их оружием для покушения на жизнь боснийского губернатора, генерала Потиорека, и ядом, для того чтобы покончить с собой после покушения. Но у молодых конспираторов нехватило выдержки. Испугавшись таможенного осмотра на австрийской границе, они, подъезжая к ней, выбросили оружие из окна вагона, так что из всего плана ничего не вышло [86]. Через год, «весной 1914 г. Данило Илич сам стал подбирать молодежь, готовую пойти на какое-нибудь отчаянное дело». Но они не имели определенного ясного представления, кого избрать своей жертвой, пока не появилось сообщение о намерении эрцгерцога посетить Боснию. Сообщение это было вырезано из газеты приятелем Илича Пушарой, проживавшим в Сараеве; он наклеил его на листок бумаги и без всяких комментариев отправил Габриновичу в Белград. Габриновичу и Принципу, у которых «головы уже были заполнены террористическими идеями», это сообщение внушило мысль убить Франца-Фердинанда. В то время как они успели привлечь на свою сторону еще третьего молодого человека, Грабеца, и получить оружие от Танкосича и Цигановича, «Илич совершенно независимо от них продолжал свои приготовления в Сараеве, снабдил оружием трех других молодых людей, Цветко Поповича, Вазо Чубриновича и Мухамеда Мехметбашича, которые все не имели никакой связи с Белградом... Инициатива таким образом принадлежала не тем, кто так неосторожно снабдил оружием трех молодых людей в Белграде, — она принадлежала Иличу и Пушаре в Сараеве, а в первую очередь Гачиновичу в Лозанне» [87].

Таким образом, по версии Сэтон-Ватсона, выходит, что заговор исходил из Боснии, а не из Сербии [88] и что Данило Илич принимал в этом деле весьма значительное участие.

---

[85] Pharos, стр. 24, 44 сл.

[86] Seton-Watson, Sarajevo, стр. 74.

[87] Там же, стр. 77.

[88] Seton-Watson, стр. 78. На случай, если его читатели не будут убеждены приведенным им доказательством, он дважды повторяет (стр. 144—145) свое мнение, что действительная инициатива преступления исходила из самой Боснии; вполне естественно, что югославяне, проживающие в настоящее время в Сараеве или в Югославии, у которых он главным образом почерпнул свои сведения, стараются преувеличить размер югославянского движения за период до 1914 г. и гнета, созданного австрийскими

По другой версии, сообщенной Богичевичу двумя сербами, Павлом Бастаичем и Мустафой Голубичем, из которых последний сам присутствовал на тулузском свидании в январе 1914 г. (а не в январе 1913 г.) на улице Сен-Жером в ресторане того же названия, на этом свидании присутствовали только Голубич, Мехметбашич и Гачиновнч. Мысль об этом свидании подал Воя Танкосич в Белграде. Целью свидания была подготовка убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда и других видных австрийских правительственных деятелей, чтобы вызвать этим движение среди славян монархии Габсбургов. После свидания в Тулузе Гачиновнч написал Принципу и просил его приехать вместе с Данилой Илпчем в Лозанну, для того чтобы детально договориться о совершении этих убийств. В конце января 1914 г. Мехметбашич вернулся из Тулузы в Герцеговину и вскоре после этого отправился к Илпчу в Сараево, чтобы предоставить себя в его распоряжение для убийства генерала Потиорека. Но Илич сказал ему, что нет надобности убивать Потиорека, потому что решено убить эрцгерцога, и последнее гораздо важнее. Действительно, как только Илич и Принцип получили письмо Гачиновича, приглашавшее их в Лозанну, Принцип отправился в Белград, чтобы получить разрешение на эту поездку. Но Танкосич, выполнявший распоряжения Димитриевича, сказал, что ехать незачем, так как в Белграде тоже решено, что следует убить эрцгерцога. Поэтому Принципа задержали в Белграде до конца мая, и Цнганович обучал его стрельбе из револьвера [89].

Целый ряд фактов подтверждает, видимо, вторую версию, по которой намерение убить эрцгерцога существовало раньше, чем появилось сообщение о предстоящей поездке его в Боснию, причем инициатива исходила не из Боснии, а из Белграда, от майора Танкосича, сербского офицера и одного из наиболее деятельных руководителей «Черной руки».

Во-первых, все данные говорят за то, что свидание в Тулузе происходило в январе 1914 г., а не в январе 1913 г. Зимой 1912—1913 г., во время первой балканской войны, Гачиновнч участвовал в военных действиях под Скутари и посылал интересные корреспонденции с фронта в националистическую сербскую газету «Народ» [90]; поэтому вряд ли он мог быть в Тулузе в январе 1913 г. Но год спустя, когда сербский национализм и сербские притязания колоссально возросли в результате побед, одержанных над Турцией и Болгарией, для Гачиновича настал вполне подходящий момент организовать убийство австрийских государственных деятелей с целью еще более ускорить осуществление сербских или югославянских националистических вожделений. Далее верно, что Принцип прибыл из Сараева в Белград в феврале 1914 г. [91]. Это совпадает с показаниями обоих лиц, у которых почерпнул свои сведения Богичевич: они сообщили ему, что Принцип отправился из Сараева в Белград по получении письма от Гачиновича, вскоре после того как состоялось свидание в Тулузе в январе 1914 г.

властями в Боснии, а вместе с тем преуменьшают значение деятельности сербских офицеров в Белграде и их ответственность за преступление.

[89] Bogitchevitch в KSF, IV, 26—28, 93—95; перепечатано в «Le Procès de Salonique», стр. 151—163.

[90] Евтич, стр. 13.

[91] Собственное показание Принципа на процессе; Pharos, стр. 23 и «Признания», стр. 705.

Во-вторых, показания на процессе убийцы, касающиеся Данилы Илича, во многом подтверждают версию Богичевича и противоречат версии Сэтон-Ватсона; Илич был одним из более активных членов сараевского «кружка», он был приблизительно лет на пять старше остальных заговорщиков, большинству которых было меньше 20 лет. Сначала он был учителем, потом служил в банке, а в июне 1913 г. уехал в Белград.

В Белграде Илич прожил два месяца, посещал кофейни, в которых обыкновенно бывали боснийские эмигранты и члены «Черной руки», вроде Цигановича и Танкосича. «Там он видел, как каждый комитадж умеет раздобыть себе бомбы» [92]. Подобно другим боснийцам, попадавшим в сербскую столицу, он набирался здесь идей о борьбе и агитации посредством террористических актов, убийств высших должностных лиц, которые были широко распространены среди комитаджей. По возвращении в Сараево он занялся писанием статей для националистических сербских газет и революционной пропагандой среди боснийской молодежи, а кроме того подготовкой заговора вместе с Гачиновичем в Лозанне и в Тулузе. Не имея постоянного заработка, он поселился у матери, которая имела собственный дом и жила на средства, получаемые ею от сдачи квартир [93]. Хотя показания Илича после ареста и на суде в 1914 г. часто были запутаны и противоречивы, — очевидно потому, что он старался избежать обвинительного приговора,—но все же он признал, что в начале 1914 г. имел разговор с Мехметбашичем о том, что политические убийства нужны как лучшее средство для осуществления югославянских идеалов. Повидимому, это было как раз после возвращения Мехметбашича из Тулузы и прежде, чем появилось сообщение о предстоящей поездке эрцгерцога в Боснию. Илич показал, что в результате разговора с Мехметбашичем «они пришли к полному согласию относительно необходимости совершения крупного террористического акта. Это было еще раньше, чем явилась мысль произвести покушение на наследника престола... Так как у нас не было оружия, то мы решили отправиться за ним в Сербию, потому что здесь в Боснии получить его нельзя и кроме того в Сербии оно дешевле. Мы не знали, кто из нас отправится в Сербию, все же тот, кто первый собрался бы поехать туда, должен был сообщить другому, что он едет за оружием» [94]. Но некоторое время спустя Илич получил письмо от Принципа, после которого ни ему, ни Мехметбашичу не было надобности самим ехать в Сербию за оружием: «Однажды, под пасху, — я уже не помню точно дня, — я получил письмо от Принципа из Белграда, в котором тот сообщал, что он намерен совершить убийство и достанет оружие, и чтобы я подобрал нескольких товарищей. Впоследствии я подобрал несколько человек... Когда я получил письмо от Принципа, я написал Мехметбашичу (в Монастырь), и сообщил ему, что оружие будет» [95]. Принцип тоже показал на суде: «Я написал ему [Иличу] из Белграда в весьма неопределенных выражениях, что я совершу убийство... [по прибытии в Сараево, приблизительно за три недели до совершения преступления] я сказал ему [Иличу], что он должен подобрать

[92] Собственное показание Илича на процессе; Pharos, стр. 62; см. также Евтич, стр. 22—24.

[93] Pharos, стр. 59 сл.

[94] Там же, стр. 60.

[95] Показания Илича; там же, стр. 60—62.

нескольких годных для этого дела людей, — таких, на которых можно было бы положиться» [96].

Эти показания двух конспираторов, сделанные ими независимо друг от друга, показывают, что Илич не располагал никаким оружием, за исключением того, которое Принцип и его оба товарища собирались доставить из Сербии, и далее, что мысль о приискании еще нескольких участников исходила от Принципа, а не от Илича. Неясно только, содержалось ли это предложение уже в письме Принципа, или оно было сделано им лично по прибытии в Сараево. Главным руководителем был не Илич, а Принцип, и инициатива исходила из Сербии, а не из Боснии. Показания этих обоих людей явно противоречат версии Сэтон-Ватсона, что «в начале 1914 г. Илич сам стал подбирать молодежь» и что, в то время как Принцип, Габринович и Грабец достали оружие в Белграде, «Илич совершенно независимо от них продолжал свои приготовления в Сараеве и снабдил оружием трех других молодых людей — Цветко Поповича, Вазо Чубриновича и Мехметбашича, — из коих никто не имел никакой связи с Сербией». В действительности Илич стал подбирать молодежь только после того, как получил письмо от Принципа, и весьма вероятно — лишь тогда, когда Принцип уже прибыл в Сараево, за три недели до совершения преступления [97]. Также не соответствует действительности, что, в то время как Принцип и оба его товарища еще находились в Белграде, Илич продолжал свои приготовления в Сараеве совершенно независимо от них и вооружил трех остальных юношей. У Илича не было оружия, пока его не достал Принцип. Здесь же следует отметить, что ни у Илича, ни у его сараевских юнцов не оказалось достаточно выдержки и решимости для того, чтобы совершить это дело. В роковой день никто из них не шевельнул даже пальцем. Если бы Принцип и Габринович не явились из Белграда с вполне определенным намерением, то эрцгерцог вероятно уехал бы из Сараева цел и невредим. Об этом мы еще скажем подробнее ниже, при обсуждении вопроса об ответственности за преступление.

Далее, нет никакого сомнения в том, что версия Сэтон-Ватсона правильна постольку, поскольку она касается газетной вырезки, отправленной на пасху Габриновичу из Сараева в Белград [98]. Но следует отметить, что Принцип самым энергичным образом заявил, что еще до получения этой вырезки у них уже имелось намерение совершить это деяние. «Я знаю определенно, что еще прежде чем Габринович получил вырезку, я сказал ему, что я совершу это убийство» [99].

---

[96] Показания Илича, там же, стр. 28 сл. Точно так же и Принцип в своих признаниях в тюрьме говорит, что он писал шифром Иличу, который «находился под его влиянием, хотя и был на пять лет старше. Он раньше был учителем». Принцип писал ему, что он «сам примет в этом участие и достанет оружие для 5—6 человек». («Current History», август 1927, стр. 706.)

[97] Показания на суде относительно Поповича и Вазо Кубриловича повидимому указывают, что они были привлечены Иличем к участию в этом деле всего лишь за несколько дней до убийства и что они действительно не обладали выдержкой и решимостью для этого дела (ср. P h a r o s, стр. 52 сл., 64 сл., 69 сл., 76 сл.). Тем, что вооружили нескольких убийц, стремились придать протесту против австрийского господства как можно более широкий характер. Грабец показал: «Мы хотели, чтобы нас было как можно больше, чтобы таким образом сильнее показать недовольство» (там же, стр. 55).

[98] Ср. P h a r o s, стр. 7, 23; E в т и ч, стр. 25 сл.

[99] Ср. P h a r o s, стр. 40; но Габринович претендовал на сомнительную честь, что он первый подал эту мысль Принципу.

Из двух версий — Сэтон-Ватсона и Богичевича — последняя во многих отношениях ближе к истине: обе они содержат утверждения, которые трудно принять, но, повидимому, не подлежит сомнению, что действительная инициатива заговора исходила от Принципа в Белграде, а не от Илича в Сараеве. Очевидно совершение политического убийства было задумано зимой 1913/14 г. Принципом, Гачиновичем и Иличем и для этого состоялось свидание в Тулузе. Но по всей вероятности заговорщики еще не окончательно решили, кто должен быть жертвой — австрийский эрцгерцог или генерал Потиорек, которого ненавидели как человека, непосредственным образом ответственного за суровый австрийский режим в Боснии. Видимо, первоначально предпочли избрать объектом мести губернатора Боснии, а не наследника престола [100].

Однако вполне возможно, что Принцип, как он говорит, имел уже намерение убить эрцгерцога. Представляется также вполне вероятным, что в этом решении его укрепил, — если только он не внушил его — Циганович в Белграде, который был близким человеком к майору Танкосичу, и он же потом получил от Танкосича браунинги для убийства эрцгерцога. И Принцип и Габринович заявили на суде, что Циганович сказал им, что масоны уже в 1913 г. постановили убить эрцгерцога, но что постановление это не было выполнено, потому что не нашлось человека, который бы совершил это дело [101]. Все трое молодых людей утверждали, что Циганович и Танкосич являются членами масонской ложи в Белграде, а Габринович упоминал и об их переговорах с каким-то таинственным человеком, который то появлялся, то исчезал и наконец сказал, что пора переправиться через границу в Боснию и совершить убийство Франца-Фердинанда [102]. Трудно сказать, действительно ли масоны вынесли такое постановление, или такая мысль явилась потому, что Франц-Фердинанд был известен как ревностный католик, а, следовательно, был ненавистен франкмасонам. Возможно также, что Циганович и друзья его пользовались масонами как удобной ширмой, для того чтобы скрыть деятельность «Черной руки» [103]. Но во всяком случае из этих показаний явствует, что молодые люди в Белграде обсуждали вопрос об убийстве эрцгерцога.

В общем из всего этого можно сделать вывод, что на совещании в

---

[100] Pharos, стр. 8; Евтич, стр. 15 сл., 22; «Признания» Принципа, стр. 705.

[101] Pharos, стр. 14, 33, 162.

[102] Там же, стр. 11 сл., 14, 33 сл., 58, 162.

[103] Pharos, судя по его предисловию, примечаниям и тем стараниям, с которыми он приводит все то, что на суде говорилось о масонах, подозревает последних в участии в преступлении. В «La Conspiration Serbe», стр. 33, цитируется предсказание, якобы сделанное видным масонским деятелем и напечатанное в «Revue internationale des Sociétés Secrètes», II, 788 (1912). Там говорится, что эрцгерцог производит очень хорошее впечатление, и жалко, что он осужден и умрет на пути к трону. Ответственность франкмасонов стала излюбленной темой многих авторов: Karl Heise, Die Entente—Freimaurerei und der Weltkrieg: ein Beitrag zur Historie des Weltkrieges und zum Verständnis der wahren Freimaurerei (Basel, 1919); Ernst Reventlow, Politische Vorgeschichte des Grossen Krieges (Berlin, 1919), стр. 29—38; H. Gruber, Der deutsche Katholizismus im Weltkriege. Но многое из того, что они говорят о масонах, повидимому чистая фантазия. Автор этой книги считает весьма сомнительным, чтобы на них падала какая-нибудь ответственность за заговор, но вполне допускает, что ими можно прикрываться для того, чтобы сбить с толку австрийские власти и скрыть деятельность «Черной руки».

Тулузе в январе 1914 г. Гачинович вместе с Принципом и Иличем задумали терроризовать австрийские власти посредством убийства эрцгерцога или генерала Потиорека, скорее всего последнего. Но из этого заговора ничего не вышло, — или потому, что у убийц нехватило выдержки, или потому, что в Белграде тем временем наметили в качестве жертвы эрцгерцога. После этого в феврале 1914 г. Принцип прибыл в Белград с решением убить эрцгерцога; там он вошел в сношения с Цигановичем, а через него с майором Танкосичем. Когда была получена газетная вырезка с сообщением о предстоящей поездке эрцгерцога в Боснию, все трое ухватились за эту поездку как великолепный случай для совершения убийства, которое они уже обсуждали между собой. Принцип написал Иличу в Сараево, что он решил совершить этот акт и что он привезет оружие. Во всяком случае инициатива заговора исходила от группы боснийских революционеров — Гачиновича, Принципа, Илича и других, которые все бывали в Белграде и находились в тесной связи с членами «Черной руки». План убийства эрцгерцога безусловно обсуждался еще до того, как появилось сообщение о его поездке в Боснию. Характер майора Танкосича, то обстоятельство, что он впоследствии достал револьверы, а также все, что мы знаем о задачах и методах «Черной руки», служит достаточным основанием для предположения, что мысль об этом убийстве первоначально принадлежала Танкосичу или его соратнику Цигановичу. Однако действительно ли инициатива принадлежала Танкосичу, как это утверждают оба лица, у которых Богичевич почерпнул свои сведения, останется невыясненным до тех пор, пока в нашем распоряжении не будет дальнейших, подтверждающих это доказательств.

ПОДГОТОВКА ЗАГОВОРА В БЕЛГРАДЕ

В марте 1914 г. газета «Сробран», издававшаяся в Загребе, напечатала сообщение, что летом в Боснии будут происходить маневры и что командовать ими будет эрцгерцог Франц-Фердинанд. Эта новость чрезвычайно взбудоражила маленькую революционную группу сараевского «кружка», потому что всем было известно, что эрцгерцог благоволит к католикам-хорватам; его считали сторонником триализма и опасались, что это посещение усилит позицию хорватской буржуазии и тех политических лидеров, которые были готовы принять политические уступки из рук Габсбургов. Этим мог быть нанесен удар стремлению югославян к национальному объединению и независимости. Присутствие эрцгерцога и маневры армии могли быть восприняты, как демонстрация мощи Габсбургов, и это ослабило бы влияние православных сербов и того ирредентистского движения, которое было направлено на создание Великой Сербии. Но тревога членов «кружка» продолжалась недолго. Они быстро поняли, что тем самым представляется наиболее удобный случай для политического убийства, вроде того, какое недавно проповедывал Гачинович. Однако, ввиду временного отсутствия Илича, они не решились организовать убийство самостоятельно. Вместо этого они вспомнили о более решительных и фанатических боснийских эмигрантах, находившихся в Белграде, и об их друзьях, сербских комитаджах, и решили сообщить им о предстоящем прибытии эрцгерцога. Один из членов кружка, Шушара, вырезал сообщение из газеты, наклеил его на бумагу и, ничего не

приписав, кроме слова «привет», отправил Габриновичу в адрес кафе, которое он посещал в Белграде, причем адрес был написан на пишущей машинке. Для того чтобы отвести от себя всякое подозрение в случае, если бы письмо было вскрыто, Пушара отвез письмо в Зенику и отправил его оттуда [104].

Когда Габринович получил эту газетную вырезку, он показал ее Принципу в кафе, где они обыкновенно встречались. Вечером они отправились на прогулку в парк, чтобы обсудить это дело, и Принцип предложил Габриновичу помочь ему убить эрцгерцога. Габринович показывал потом на суде, что до этого времени он не думал о покушении на Франца-Фердинанда: он предпочел бы убить генерала Потиорека как человека, воплощавшего собою систему австрийского гнета. Но теперь он согласился на предложение Принципа [105]. Однако Принцип утверждал, что мысль об убийстве Франца-Фердинанда была у него еще до того, как Габринович получил газетную вырезку. «Я уже решил это, когда в последний раз был в Сараеве» [106]. На очной ставке на суде оба претендовали на приоритет, и между ними завязалась курьезная борьба. Грабец тоже утверждал, что он уже пришел к этой мысли независимо от других во время непродолжительного пребывания у себя дома в Пале, в пасхальные дни 1914 г., когда он прочитал в «Истине», что Франц-Фердинанд собирается прибыть в Боснию. Вернувшись в Белград, он показал газетную вырезку Принципу, и последний сообщил ему, что и он, и Габринович уже приготовились к совершению этого дела. «И я тоже»,— ответил Грабец. С этого времени трое молодых людей стали обсуждать пути и средства к осуществлению их проекта [107].

Среди сербских комитаджей, посещавших кофейни, где бывали боснийские эмигранты, обращал на себя внимание Милан Циганович, босниец, прибывший в Белград на несколько лет раньше. Он прошел военную выучку у майора Танкосича в качестве комитаджа и сражался под его начальством во время балканской войны; потом он примкнул к организации «Черная рука», числясь за номером 412. В 1914 г. он занимал скромную должность железнодорожного служащего на казенных железных дорогах. Он часто беседовал с Принципом об угнетении Боснии [108], вполне одобрял идею убить Франца-Фердинанда, и предлагал добыть для этого оружие и все необходимое. Несколько позже он пригласил Грабеца к себе в комнату и показал ему ящик, наполненный бомбами, или взятыми из сербского арсенала, или сохраненными еще от балканской войны. Но так как бомбы были не совсем надежны и взрывались только по истечении нескольких секунд, то было решено снабдить убийц также и револьверами [109]. Поэтому Циганович обратился к своему другу из организации «Черная рука», майору Танкосичу, и тот получил от Димитриевича деньги на покупку оружия [110]. Циганович рассказал так-

[104] Евтич, стр. 25—26.
[105] Pharos, стр. 7 слл.; 23 слл.; Евтич, стр. 27.
[106] Там же, стр. 40.
[107] Там же, стр. 45 слл.; «Признания» Принципа, стр. 706.
[108] Там же, стр. 24.
[109] Там же, стр. 9, 24, 47.
[110] На вопрос, откуда Циганович достал деньги и браунинг, Габринович показал на суде: «Я не знаю. Он [Циганович] получил деньги от Танкосича. Последний подписал чек вместе с одним из своих коллег [вероятно Димитриевичем], получил по нему деньги

же молодым людям о «туннеле», посредством которого сербские власти помогут им перебраться через границу и сведут их с доверенными лицами на боснийской стороне. По предложению Танкосича, который хотел быть уверенным, что не будет никакой осечки, Циганович обучал студентов также стрельбе из револьвера на стрельбище, недалеко от Белграда [111].

Во время этих приготовлений студенты поддерживали связь главным образом с Цигановичем, но последний, очевидно, действовал по инструкциям майора Танкосича и полковника Димитриевича, которые являлись руководителями верховного центрального комитета «Черной руки». В беседе со студентами Циганович несколько раз упоминал о Танкосиче. Незадолго до того как студенты покинули Белград, Циганович пригласил одного из них, Грабеца, на квартиру к Танкосичу, который сам хотел убедиться, что молодые люди исполнены решимости и умеют пользоваться оружием [112]. Но сам Танкосич, по крайней мере насколько можно судить по показаниям, сделанным на суде, старался держаться в тени. Грабец заявил: «Циганович действовал по соглашению с майором Танкосичем, но тот оставался в стороне. Главным виновником, если вообще можно говорить о виновности, является Циганович [113]. Студенты утверждали, что они не знают, был ли Танкосич членом организации «Черная рука», но вместе с тем показывали, что он находился в конфликте с «Народной Одбраной» и был в плохих отношениях с сербскими гражданскими властями [114].

и купил оружие. От нашего имени к Танкосичу ходил Грабец. Танкосич спросил его: «Вы готовы?» Когда Грабец ответил: «Да», — он стал расспрашивать относительно нас, надежные ли мы ребята. Грабец ответил, что он может за нас поручиться... Какие у них были еще дела с Танкосичем, я не знаю»; P h a r o s, стр. 10. О посещении Грабецем Танкосича у него на квартире см. там же, стр. 24, 47 сл. Показания Грабеца относительно того, что деньги и револьверы были получены от Танкосича и Димитриевича, подтверждаются Богичевичем, который говорит, что Димитриевич действительно показывал ему и другим оплаченный счет за купленные револьверы (KSF, III, 440, прим.).

[111] P h a r o s, стр. 9 сл., 24 слл., 47 сл.

[112] Т а м ж е, стр. 24.

[113] Т а м ж е, стр. 47.

[114] P h a r o s, стр. 14, 43, 55, 82. Они признали, что в последней части приготовлений к тайному переходу через границу при содействии офицеров пограничной стражи Танкосич принимал непосредственное и деятельное участие (т а м ж е стр. 47, 82).

В связи с этим следует отметить не внушающий доверия рассказ Йована Йовановича в «Политике» от 4 декабря 1924 г. Когда заговорщики первоначально обратились к Танкосичу, он не одобрил мысли об убийстве эрцгерцога. Тогда молодые люди обратились непосредственно к полковнику Димитриевичу, и тот санкционировал заговор, но никому об этом не сказал. Сначала было пять заговорщиков, которые добрались до Шабаца. Но перед тем как перейти границу, один из них стал предателем. Гражданские власти что-то узнали, и по распоряжению Протича, министра внутренних дел, заговорщики были доставлены обратно в Белград. Таким образом первая попытка не удалась. Но она еще более усилила антагонизм, который как раз в то время существовал между радикальной партией и «Черной рукой». Танкосич не знал об этой первой попытке, но потом Принцип и Грабец обратились к нему, чтобы он помог им переправиться в Боснию. Тогда он изменил свою позицию и сделал это. Так рассказывает бывший сербский посланник в Вене.

Трое молодых людей нигде не упоминают о том, что в первый раз они были арестованы. Если это действительно имело место, то очевидно сербское правительство заранее знало о заговоре. Это подтверждало бы отмеченное выше в примечании 13 сообщение Любы Йовановича, что в конце мая или начале июня Пашич узнал о заговоре. Евтич (стр. 30) говорит, что за три недели до Видова дня (28 июня) эти молодые люди при посред-

Димитриевич еще в большей степени старался держаться в стороне. Студенты показали, что Циганович таинственно говорил о каком-то человеке, с которым ему нужно посоветоваться относительно получения оружия, и очевидно он получал свои инструкции как относительно времени их отъезда, так и по другим вопросам, только переговорив с каким-то важным лицом [115]. Мы не можем сказать, действительно ли студенты, сидевшие на скамье подсудимых, не знали ничего о Танкосиче, Димитриевиче и «Черной руке», или они только притворялись и тщательно скрывали от австрийских властей действительное участие в заговоре этих сербских офицеров, занимавших высокие посты. В первом случае надо изумляться той конспиративности, с которой действовали руководители «Черной руки», во втором случае — той ловкости, с которой студенты сумели сбить с правильного следа австрийские власти.

Чтобы устранить подозрение и избежать ареста, убийцы отправились из Белграда в Сараево еще за три недели до прибытия эрцгерцога в Боснию. Перед их отъездом Циганович снабдил их шестью бомбами, лежавшими у него в комнате, четырьмя браунингами с патронами и дал им 150 динаров наличными и некоторое количество цианистого калия для того, чтобы они покончили с собой немедленно после того, как будет убит эрцгерцог. Это предполагалось сделать во избежание каких-либо признаний или показаний, могущих бросить тень на сербских офицеров, находившихся в Белграде и помогавших организации заговора [116]. Молодых людей снабдили также картой Боснии; на ней были показаны дороги, по которым им следовало итти, и австрийские жандармские посты, которые они должны были тщательно обходить.

Тем временем в Сараеве Данило Илич, находившийся в переписке с Принципом, быстро подобрал несколько человек из местных жителей, предполагая снабдить их оружием, которое должны были доставить трое убийц из Белграда.

ПЕРЕЕЗД УБИЙЦ ИЗ БЕЛГРАДА В САРАЕВО

От Белграда до Шабаца убийцы проехали на лодке по реке Саве. Они имели при себе записку от Цигановича к командиру пограничной стражи в Шабаце, майору Поповичу, и должны были сказать ему, что их отправил майор Танкосич. Но им было строго запрещено попадаться на глаза гражданским властям, так как те могли бы арестовать их и послать обратно [117]. По прибытии в Шабац они без труда разыскали майора Поповича в кофейне и сказали ему, что намерены тайным образом пере-

---

стве «туннеля» переправились в Боснию. По всей вероятности вследствие чьей-то нескромности о действиях эмигрантов стало известно. Белградская полиция немедленно устроила несколько облав, но повидимому безуспешно.

[115] Pharos, стр. 33 сл., 162.

[116] Эта предосторожность, как оказалось, ни к чему не привела. Принцип проглотил яд, но от большого волнения немедленно выплюнул его, прежде чем он стал действовать. Габринович принял яд, но он не подействовал. У Грабеца яда не оказалось, потому что Илич не положил на место порцию, которую он должен был взять. Pharos, стр. 17, 18, 35, 55. «Исповедь» Принципа в «Current History», август 1927, стр. 702; Евтич (стр. 29) неправ, когда говорит, что только Габринович принял яд.

[117] В показаниях Габриновича мы читаем: «Циганович определенно сказал нам, что мы должны стараться, чтобы гражданские власти ничего не знали о нашем путешествии и наших намерениях. Если об этом пойдут слухи, то министерство внутренних дел немедленно арестует нас». Pharos, стр. 80 сл.

браться в Боснию. Повидимому он уже был посвящен в их миссию; по всей вероятности он был осведомлен Танкосичем при посещении Белграда за несколько дней до этого [118]. Попович отвел студентов в караульное помещение и там получил для них ордер на покупку железнодорожных билетов со скидкой в 50 % до следующей за Шабацем станции Лозницы, где они должны были перейти границу. Он снабдил их также запиской, гласившей, что пограничным властям «предлагается оказывать содействие предъявителям сего» [119]. Потом он выдал им фальшивые паспорта, по которым они оказались сербскими таможенными чиновниками. С билетами, полученными по удешевленной цене, они доехали на поезде до Лозницы и там предъявили капитану пограничной стражи записку майора Поповича. Тот немедленно позвонил на пограничный пост, но не мог получить соединения. Поэтому он предложил молодым людям притти к нему утром. На следующий день было решено, что Габринович возьмет фальшивый паспорт и отправится в Зворник, где ему сербский таможенный стражник поможет перейти через границу, и тогда он двинется по Боснии по направлению к Тузле. Тем временем Принцип и Грабец с бомбами и револьверами должны были отойти на несколько миль назад, к пограничному посту у Лешника. Уже заранее было условлено, что их встретит там другой сербский таможенный чиновник. Последний и переправил их по Боснийским островам через Дрину. Здесь он их передал крестьянину, в хижине которого они заночевали. На следующий день их проводили к другому крестьянину, и тот по тропинкам Боснии благополучно доставил их в Прибой, где их встретил Велико Кубрилович [120]. Велико Кубрилович, православный серб, был учителем в Прибое и «доверенным лицом «Народной Одбраны» для этого района. Он наезжал в Сербию, стал там членом «Народной Одбраны», а потом председателем общества «Сокол» в Прибое. Внешне это была одна из тех безобидных культурно-просветительных организаций, которые служили однако проводниками активной сербской пропаганды. Кубринович поддерживал связь с руководителями «Народной Одбраны» в Сербии и другими доверенными лицами в Боснии, а также с местными крестьянами, которые видимо привыкли контрабандным путем перевозить письма и разные сведения через границу... [121] Кубрилович привел Принципа и Грабеца в дом другого крестьянина, Якова Керовича, и условился, что его сын доставит обоих заговорщиков и их оружие в Тузлу, где их должен был встретить другой «доверенный»—директор кинематографа—Мишко Иованович. В ту же ночь Принцип и Грабец двинулись в путь на крестьянской телеге. Подъехав к Лопаре, где был австрийский жандармский пост, они отправили крестьянина вместе с хорошо припрятанным оружием вперед, а сами пешком пошли в обход и снова сели в телегу уже по ту сторону деревни. Рано утром они прибыли в Тузлу и направились к директору кинематографа Мишко Иовановичу, где их уже ожидали [122].

---

[118] Pharos, стр. 15 сл., 48, 82.

[119] Там же, стр. 36 сл.

[120] Pharos, стр. 15 слл., 34 слл., 48 слл., 80 слл., ср. Dr. Wiesner, KSF, VI, 332 слл., апрель 1928 г.

[121] Pharos, стр. 83 слл.

[122] Мишко Иованович был человеком средних лет, зажиточным коммерсантом в Тузле; он был председателем сербского приходского школьного совета, директором

Ввиду того что Принцип и Грабец только что прибыли из Сербии и не имели паспортов для путешествия по Боснии, они опасались, что их могут задержать и обыскать, если они приедут в Сараево в такое время, когда полиция по всей вероятности будет особенно следить за подозрительными лицами, ввиду ожидаемого прибытия эрцгерцога. Они считали поэтому, что им не следует иметь при себе бомбы и револьверы, и попросили Иовановича спрятать оружие у себя дома, пока кто-нибудь из более благонадежных лиц не явится за ним из Сараева. Иованович согласился и спрятал все у себя на чердаке. Было условлено, что лицо, которое явится за оружием, должно в качестве удостоверения предъявить полуоткрытую пачку папирос «Стефания». После этого трое молодых людей благополучно проехали на поезде из Тузлы в Сараево. Принцип немедленно разыскал Илича, поселился у него и рассказал ему, что оружие находится в Тузле. Грабец отправился к себе на родину, в Пале. Все трое вели спокойный образ жизни и старались по возможности не обращать на себя внимания, пока не наступит нужный момент. Таким образом «туннель», о котором неоднократно говорил Циганович и который был давно уже подготовлен сербскими властями, действовал безукоризненно [123].

Несколько дней спустя Илич отправился в Тузлу и предъявил Иовановичу в качестве условного знака пачку папирос. Но, опасаясь, что его могут арестовать, когда он появится с большим багажем в Тузле, где его не знали, он попросил Иовановича доставить оружие в Добой, находящийся по дороге в Сараево, и там уже передать ему. В конце концов так и договорились. Иованович спрятал бомбы и револьверы в ящик из-под сахара и в таком виде свез их в Добой. Так как он не сразу нашел Илича, то оставил взрывчатые материалы под своим дождевым пальто в комнате для пассажиров на вокзале, а потом снес их в лавку одного приятеля и оставил их на попечение маленького мальчика. И тут и там бомбы легко могли открыть. В конце концов Илич появился, забрал свой ценный багаж и благополучно доставил его поездом в Сараево, где положил под кушетку у себя в комнате. За несколько дней до совершения убийства он передал часть оружия двум участникам, завербованным им самим в Сараеве, и отправился с ними за город, чтобы показать, как следует стрелять [124].

Рано утром, в день, на который было назначено официальное посещение Сараева Францем-Фердинандом и его женой, Принцип и Габринович встретились с Иличем у заднего входа лавки в Логиниче и получили от него часть оружия, которое они доставили из Белграда. Принцип взял браунинг, а Габринович бомбу. Грабец же револьвер и бомбу. После этого они разошлись и заняли, как было условлено, позиции в разных местах на пути, по которому должен был проехать эрцгерцог.

местного сербского банка и управляющим кинематографа. В 1912 г. по настоянию своего родственника Кубриловича он отправился в Шабац, стал там членом «Народной Одбраны» и потом распространял ее литературу в Боснии, что особенно облегчалось для него положением, которое он занимал в сербской школе. В письмах, найденных в его доме, говорилось о «работе на пользу любимой Сербии» и о готовности рисковать жизнью для Сербии. Pharos, стр. 83 слл.

[123] Pharos, стр. 28 слл., 51 слл., 103 слл.; Евтич, стр. 30 слл.

[124] Pharos, стр. 63 слл., 70 слл., 76 сл., 105 слл.

УБИЙСТВО 28 ИЮНЯ 1914 г.

Около 500 лет Сараево было столицей Боснии и еще до сих пор остается ее главным городом. Оно втиснуто в узкую долину у подножья высоких холмов. В центре города протекает маленькая речка Мильяка, которая летом наполовину высыхает. В старой части города, около собора, улицы кривые и узкие. Но набережная Аппеля, теперь именуемая набережной Степановича, — широкая улица с домами с одной стороны и с низким барьером со стороны набережной реки Мильяки. Набережная ведет к ратуше и несколькими мостами связана с другой стороной города, где находятся главные мечети и резиденция губернатора или Конак. На набережной Аппеля, где должен был проезжать эрцгерцог с женой, Илич разместил убийц, которым он за несколько часов до этого роздал бомбы и револьверы. Мехметбашич, Вазо Чубринович и Габринович стояли у реки, около моста Кумурья. Илич и Попович находились на противоположной стороне улицы, около австро-венгерского банка. Дальше по набережной стоял и Принцип, занявший сначала место у Латинского моста. После покушения Габриновича, когда эрцгерцог находился в ратуше, он перешел через набережную и стал на углу узкой, извилистой улицы Франца-Иосифа, называющейся теперь улицей Короля Петра, где и произошло убийство. Дальше в направлении ратуши, прогуливался Грабец, высматривая удобное место, где бы ему не помешала полиция [125].

В воскресенье 28 июня 1914 г., в день св. Витта, погода с утра стояла великолепная. Улицы, по требованию городского головы, были украшены флагами в честь эрцгерцога, во многих окнах были выставлены его портреты. Большие толпы народа стояли на улицах, чтобы посмотреть на его проезд. Публику не оттесняли, и улицы не были оцеплены солдатами, как это сделали в 1910 г., когда город посетил Франц-Иосиф. Некоторые лойяльные газеты приветствовали приезд эрцгерцога, но главная сербская газета «Народ» удовольствовалась простым сообщением о его приезде, а остальную часть номера посвятила патриотическим статьям, рассказывавшим о значении дня св. Витта и Косовской битве. Кроме того в газете был помещен портрет сербского короля Петра, исполненный в национальных сербских цветах.

Франц-Фердинанд и его свита прибыли в Сараево из Элидзе приблизительно в 10 часов утра. После смотра местных войск они отправились на автомобиле в ратушу, где по программе должен был состояться тор-

---

[125] Для различных деталей, касающихся убийства, см. приведенные у Pharos, а также в книге «La Conspiration Serbe», показания обвиняемых и свидетелей на сараевском процессе, в особенности показания генерала Потиорека и графа Гарраха. Одним из наиболее достоверных сообщений, относящихся к тому времени, является донесение секретаря эрцгерцога по военной части, полковника Бардольфа, Конраду от 3 июля (Conrad, IV, 19—22). Из газетных отчетов лучшим является отчет, напечатанный корреспондентом парижского «Matin», Рене Гурдиа (отдельное издание René Gourdiat, Sarajevo, 28 juin 1914 (Thionville 1920). Отчет этот повидимому не обратил на себя особого внимания, пока не был широко использован Рекули (R. Recouly, Les Heures Tragiques d'avant-Guerre, Paris 1923, гл. VII). Евтич, (Сараевский аттентат) преувеличивает роль, сыгранную местными сараевскими заговорщиками и обеспеченность успеха их начинаний. Ему в значительной мере следуют: Seton-Watson, Sarajevo, гл. X; Claire Price «New-York Times Magazin», 28 июля 1924, стр. 2. Книга Jules Chopin [I. E. Pichon], Le Complot de Sarajevo (Paris, 1918) полна самых фантастических ошибок.

жественный прием. Наследник престола был в парадной форме, при всех орденах, жена его была в белом платье и широкополой шляпе и сидела рядом с ним. На скамейке против них сидел военный губернатор Боснии генерал Потиорек и указывал достопримечательности, мимо которых они проезжали. Впереди, в другом автомобиле ехали городской голова и начальник полиции. Сзади следовало еще два автомобиля, в котором сидели разные лица, принадлежащие к свите эрцгерцога и к штабу генерала Потиорека.

Как раз когда они подъезжали к мосту Кумурья и Потиорек обратил внимание эрцгерцога на какие-то новые, недавно воздвигнутые бараки, Габринович ударом о столб отбил головку бомбы, сделал шаг вперед и швырнул бомбу в автомобиль эрцгерцога. Шофер, заметивший его, поехал скорее, бомба упала на откинутый верх автомобиля и соскользнула на мостовую. По другой версии, Франц-Фердинанд с чрезвычайным хладнокровием схватил бомбу и бросил на улицу. Она взорвалась со страшным грохотом, повредила следовавший за эрцгерцогом автомобиль и серьезно ранила подполковника Морица и нескольких посторонних лиц. Габринович перепрыгнул через парапет набережной в реку, которая в это время года почти высыхает. Он пытался скрыться, но полицейские агенты быстро схватили его и повели на допрос. Тем временем четвертый автомобиль, у которого только разбилось переднее стекло, обогнул поврежденный автомобиль и быстро подъехал к автомобилю эрцгерцога. Там никто не пострадал, и только у эрцгерцога на лице была царапина, очевидно от оторвавшейся крышки бомбы. Эрцгерцог велел всем автомобилям остановиться для того, чтобы выяснить размеры причиненного вреда. Узнав, что раненого уже отправили в госпиталь, он с обыкновенным для него хладнокровием и мужеством сказал: «Поедемте, это был сумасшедший. Господа, будем выполнять нашу программу» [126].

Автомобили поехали к ратуше, сначала быстро, а потом, по распоряжению эрцгерцога медленнее для того, чтобы эрцгерцога можно было лучше видеть. В ратуше жену эрцгерцога встретила депутация магометанских женщин, в то время как эрцгерцог должен был принимать гражданских чиновников. Городской голова, написавший свое приветствие, стал читать его, словно ничего не случилось. Но составленная им речь не очень подходила к моменту. В ней говорилось о лойяльности боснийского населения и об исключительной радости, с которой оно приветствует наследника престола. Франц-Фердинанд, по натуре своей легко возбудимый и несдержанный, резко оборвал городского голову: «Довольно! Что же это такое? я приезжаю к вам, а вы встречаете меня бомбами» [127]. Но несмотря на это, он все-таки позволил городскому голове дочитать свою приветственную речь до конца, и этим формальный прием в ратуше закончился.

Возник вопрос, следует ли выполнять установленную раньше программу, по которой предполагалось проехать по узкой улице Франца-Иосифа в густо населенную часть города и посетить музей, или, во избежание нового возможного покушения, направиться прямо во дворец губернатора на другой берег реки, где гостей ожидал завтрак. Эрцгер-

[126] Recouly, стр. 183, и показания Потиорека, Гарраха и Бардольфа, приведенные в предыдущем примечании.

[127] Recouly, стр. 184; ср. Евтич, стр. 38.

цог выразил настойчивое желание посетить больницу, чтобы справиться о состоянии здоровья офицера, который был ранен бомбой Габриновича. Генерал Потиорек и начальник полиции считали очень мало вероятным, чтобы в тот же день последовало еще второе покушение. Но в виде наказания за первое покушение и из осторожности было решено, что автомобили не должны следовать по первоначальному маршруту, по узкой улице Франца-Иосифа, а должны быстро проехать в больницу и музей по набережной Аппеля. После этого эрцгерцог, его жена и остальные сели в автомобиль в том же порядке, как и раньше, и только граф Гаррах стал на левую подножку автомобиля эрцгерцога, чтобы защитить его в случае нападения на набережной со стороны Мильяки. Когда подъехали к улице Франца-Иосифа, автомобиль городского головы, ехавший впереди, свернул на эту улицу, следуя первоначальному маршруту. Шофер эрцгерцога поехал за ним, но тут Потиорек крикнул: «Не туда поехали, поезжайте прямо по набережной Аппеля!» Шофер затормозил автомобиль, для того чтобы повернуть обратно. Как раз на том самом углу, где автомобиль остановился на один роковой момент, стоял Принцип, перешедший туда с набережной, где он стоял раньше. Это случайное стечение обстоятельств создало для него исключительно благоприятные условия. Он сделал шаг вперед и выстрелил два раза. Одна пуля попала в шею эрцгерцогу, так что кровь фонтаном полилась у него изо рта; другая, вероятно — предназначенная для Потиорека [128], ранила Софию Хотек в брюшную полость.

Автомобили повернули и быстро поехали через Латинский мост к Конаку. Последние слова эрцгерцога, сказанные им жене, были: «София, София, не умирай, останься жить для наших детей». Но через несколько минут они оба были мертвы. Это произошло приблизительно в 11 час. 30 мин. утра в день св. Витта, в воскресенье 28 июня 1914 г. [129]

---

[128] На процессе и в тюрьме Принцип настаивал, что второй его выстрел предназначался Потиореку и что он не имел намерения убить жену эрцгерцога; Pharos, стр. 30; Nikitsch—Boulles, стр. 227.

[129] Показания Потиорека, Гарраха и Бардольфа, см. Pharos, стр. 155—159; и Conrad, IV, 19—32.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА САРАЕВСКОЕ УБИЙСТВО

В предшествующих главах — «Балканские проблемы» (том I), «Франц-Фердинанд» и «Заговор» — вкратце изложен ход событий и охарактеризованы условия, которые привели к сараевской трагедии. Там же до известной степени намечен уже ответ на вопрос об ответственности. Но целый ряд весьма спорных вопросов был там оставлен неразрешенным, и лучше всего рассмотреть их теперь отдельно, прежде чем мы попытаемся сделать окончательные выводы относительно того, как распределяется ответственность за убийство, послужившее непосредственным поводом к мировой войне. Среди этих спорных пунктов главными являются следующие: побуждения, которыми руководствовались убийцы, недостаточность мер, принятых австро-венгерской полицией, роль Димитриевича и «Черной руки», осведомленность Пашича о заговоре и непринятие им мер к предупреждению убийства и предостережение, якобы сделанное Сербией Австрии.

ПОБУЖДЕНИЯ, КОТОРЫМИ РУКОВОДСТВОВАЛИСЬ УБИЙЦЫ

Мотивы, которыми руководствуются люди, обычно запутаны, и часто не вполне ясны для них самих. Это особенно верно в отношении политического убийцы, у которого есть все основания ожидать, что одним из последствий совершаемого им акта будет его собственная смерть. Естественно, конечно, что каждый убийца указывает несколько мотивов, толкнувших его на это дело, причем отдельные заговорщики придают разное значение одним и тем же мотивам. Так было и с теми шестью молодыми людьми, которые участвовали в заговоре против Франца-Фердинанда. Но Принципа и Габриновича можно рассматривать вместе не только потому, что они являлись руководителями этого дела и действительно осмелились произвести покушение на эрцгерцога, но также и потому, что они в значительной мере руководствовались одинаковыми побуждениями.

Судить об их побуждениях можно всего лучше по тем показаниям, которые они дали после ареста и на суде, конечно учитывая то обстоятельство, что они говорили, находясь под стражей, как обвиняемые в убийстве и государственной измене, и пытались выгородить друг друга и своих соучастников в Сербии. На последнее указывает целый ряд моментов. Принцип, когда его только что арестовали, заявил, что виновен он один, что он действовал как анархист, «убежденный, что нет ничего лучше, как совершить политическое убийство», и что его покушение не находится ни в какой связи с покушением Габриновича. «Повторяю, у меня нет ничего общего с лицом, произведшим первое покушение. Когда взорвалась бомба,

я сказал себе: значит и другие думают так же, как и я» [1]. Это было, конечно, совершенно неверно, что и выяснилось после ареста Габриновича и Грабеца. Из их показаний обнаружилось, что они втроем организовали заговор в Белграде и прибыли в Сараево с одной общей целью убить Франца-Фердинанда. Но и на суде в октябре 1914 г., когда уже имелось много данных об их деятельности и деятельности «Народной Одбраны», все три студента старались выгородить белградские власти, утверждая, что «Народна Одбрана» преследовала «исключительно культурно-просветительные цели», что она не распространяла своей деятельности на Боснию и что она не имеет никакого отношения к их покушению [2]. Но ложность этих утверждений явствовала уже из их собственных признаний, а также из показаний «доверенных лиц» «Народной Одбраны» в Боснии, рассказавших, каким образом трое заговорщиков были доставлены через «туннель» из Белграда в Сараево [3]. Точно так же Принцип и Габринович утверждали, что они ничего не знают о «Черной руке», за исключением того, что читали в газетах; они говорили, что никогда не видали майора Танкосича. Однако они признали в своих показаниях, что он достал им оружие и деньги, что он просил Грабеца притти к нему для того, чтобы лично убедиться в их надежности [4]. В настоящее время нельзя сказать с уверенностью, в какой степени это отрицание знакомства с «Черной рукой» и ее лидерами соответствовало действительности и в какой мере оно было специально придумано для того, чтобы выгородить «Черную руку» и обмануть австрийцев. В первом случае пришлось бы признать, что молодые люди действовали в большей или меньшей степени как слепое орудие этой конспиративной сербской террористической организации, но по всей вероятности последнее предположение ближе к истине, чем первое.

Со всеми этими оговорками относительно тенденциозной окраски показаний можно сказать, что побуждения, руководившие Принципом и Габриновичем, по существу были троякого рода.

Во-первых, ими руководили мотивы личного характера: недовольство своей жизнью, желание стать мучениками и героями вроде Богдана Жераича, стрелявшего в боснийского губернатора и затем покончившего с собой. И Принцип и Габринович были недовольны своей домашней обстановкой: они получали лишь незначительную денежную помощь от родителей или совсем не получали ее. Габринович часто ссорился с отцом и своими товарищами — социалистами в Сараеве. Оба молодых человека рано покинули школу и не имели никакой определенной профессии. Их занесло в Белград, где они подпали под влияние анархистской и террористической пропаганды и слушали в кофейнях разговоры об австрийском гнете, о будущей роли Сербии, как «Пьемонта», который должен будет освободить боснийских сербов. Оба они, в особенности Габринович, отличались слабым здоровьем, плохо питались и по всей вероятности уже страдали туберкулезом. Оба вскоре умерли в тюрьме: Габринович в январе 1916 г., Принцип весной 1918 г. Жизнь, повидимому, мало сулила им,

---

[1] Первое показание Принципа, напечатанное в будапештской газете «Az Est» 1 июля 1914 г.

[2] P h a r o s, стр. 15, 34, 43, 55, 82, 162.

[3] См. предыдущую главу, примечания 40—48.

[4] P h a r o s, стр. 10, 24, 47 слл; см. также предыдущую главу, прим. 110.

но, подражая примеру Жеранча, они могли обеспечить себе славу и мученический венец.

Принцип заявил, что после посещения Белграда, но еще до того, как он узнал о предстоящей поездке эрцгерцога в Боснию, он «часто ходил на могилу Жеранча». «Я часто проводил там целые ночи, в думах об условиях, в которых мы живем, о нашем жалком положении и о нем [Жеранче]. Затем я принял решение совершить убийство [5]. На его могиле я поклялся рано или поздно совершить убийство. Впоследствии в тюрьме он рассказывал доктору Папенгейму, что в «Сараеве ему каждую ночь снилось, что он, политический убийца, борется с жандармами и полицией. Он много читал о русских революционерах, о борьбе, и эта идея овладела им» [6].

Габринович тоже говорит в своих показаниях: «Я часто ходил на могилу покойного Жеранча, когда бывал в Сараеве. Здесь я укрепился в решении умереть так, как умер он. К тому же я знал, что я долго не проживу. Меня все время занимала мысль о самоубийстве, потому что я был равнодушен ко всему»[7]. Для его психопатической жажды славы характерно, что он снялся у фотографа приблизительно за час до того, как бросил бомбу и пытался покончить с собой [8]. Об этом свидетельствуют также его хвастливые слова после покушения на эрцгерцога: «Да, я серб, я герой» [9]. Оба эти молодых человека были явно психопатами, они были плохо приспособлены к жизни вследствие личных страданий, недовольства и неудач. Им легко было внушить стать убийцами по примеру других «героев», и разговоры белградских комитаджей сильно действовали на них.

Другим мотивом было желание отомстить Австрии за угнетение Боснии, создать оппозицию против этого режима и подготовить путь для революции, которая должна была положить ему конец. «Главным образом мною руководило, — сказал Габринович — желание отомстить за гнет, который приходилось терпеть сербам в Боснии и Герцоговине, и особенно за «исключительные законы», которые в течение последнего года действовали целых два месяца... Я считал такую месть священным долгом нравственного цивилизованного человека и поэтому решил отомстить... Я знал, что на Бальплаце [в австро-венгерском министерстве иностранных дел] существовала клика, именуемая «военной партией», целью которой было завоевание Сербии. Во главе ее стоял наследник престола. Я полагал, что, избрав его объектом мести, я отомщу им всем... Я ненавидел его, потому что он был врагом Сербии... Все несправедливости, о которых я читал в газетах, все это накапливалось во мне, пока не прорвалось в день св. Витта» [10].

---

[5] Pharos, стр. 40; Евтич (стр. 21) добавляет, что накануне убийства Принцип снова ходил на могилу Жеранча, как к святому алтарю, «чтобы попрощаться с Жеранчем» и «принес большой венок».

[6] Current History», август 1927, стр. 706.

[7] Pharos, стр. 40 сл. Он сказал также, что «Смерть героя» Гачиновича, представлявшая собою панегирик Жеранчу, произвела на него большое впечатление (там же, стр. 21).

[8] Этот снимок воспроизведен у Pharos, стр. 165.

[9] Показание Иосифа Митро, помогавшего арестовать его; «La Conspiration Serbe», стр. 121.

[10] Pharos, стр. 13 сл. Это заявление показывает, как сербская националистическая печать возбуждала недовольство и оппозицию против Австрии, извращая факты. «Исключительные законы» действительно были стеснительны и недопустимы, но в 1913 г. в соответствии с проводившейся Билинским примирительной политикой, они были отме-

Принцип тоже, когда его спросили, жалеет ли он о том, что он убил эрцгерцога, — ответил: «Я нисколько не жалею, ибо я устранил препятствие с нашего пути. Он [Франц-Фердинанд] был немец и враг южных славян. Он плохо обращался с ними... каждый день возникали новые дела по обвинению в государственной измене. С каждым днем нашему народу жилось все хуже. Он впадал в нищету. Я видел, как наш народ все больше и больше приходил в упадок. Я сын крестьянина, и поэтому я имел возможность сам убедиться в бедствии нашего народа. Я убил эрцгерцога и не жалею об этом. Я знал, что он был врагом славян... Я считал его энергичным человеком, который будучи правителем, проводил бы определенные идеи и реформы, которые могли помешать нам» [11]. «Ради объединения южных славян приходится жертвовать жизнью многих. Поэтому и был убит Франц-Фердинанд. Но все же главным мотивом, который руководил мною, было желание отомстить за сербский народ» [12].

Третьим мотивом было стремление разжечь оппозицию и ненависть к владычеству Габсбургов, вызвать революцию среди сербов в Боснии и Герцеговине и таким образом подготовить отторжение этих провинций от двуединой монархии и объединение их с Сербией в национальном югославянском государстве. Принцип намекнул на это в словах, которые мы уже цитировали, когда он выразил опасение, что Франц-Фердинанд, взойдя на престол, мог бы провести какие-нибудь решительные реформы, например осуществить свой триалистический план объединения южных славян не путем соединения их с Сербией, а посредством предоставления им такого же положения в монархии Габсбургов, какое немцы занимали в Австрии и мадьяры в Венгрии. Когда Принципа спросили, отвечало ли такое объединение его желаниям, он воскликнул: «Боже избави!» — вызвав этим смех в зале суда [13]. Наоборот, он полагал, что объединение будет осуществлено Сербией. «Я националист, я стремился освободить южных славян, ибо я южный славянин. Объединение должно совершиться под давлением террора... Что касается Сербии, то она обязана освободить нас, как Италия освободила итальянцев» [14].

Это совпадает с его дальнейшими «признаниями» в тюрьме:

нены (см. выше главу II, прим. 61). Франц-Фердинанд, хотя и был другом барона Конрада, возглавлявшего военную партию в Вене, сам не принадлежал ни к одной из венских военных клик. Наоборот, он часто действовал против них, в пользу мира. К сербам он относился скорее дружественно, чем враждебно. Его политика «трианизма» улучшила бы их положение за счет немцев и мадьяр двуединой монархии (см. выше гл. I, passim).

В конце процесса Габринович сказал в защитительной речи, что мысль об убийстве Франца-Фердинанда не явилась у него и его товарищей самопроизвольно, а была внушена им той средой, в которой они вращались в Белграде; убийство изображалось там как благородное дело. Люди, с которыми они общались, постоянно твердили, что эрцгерцога надо устранить, потому что он является препятствием для осуществления югославянской идеи. Хотя Принцип упорно не раскаивался, но другие обвиняемые высказали сожаление по поводу содеянного. Они не знали, что у эрцгерцога были дети, и просили прощения у спрот («La Conspiration Serbe», стр. 147).

[11] P h a r o s, стр. 30 сл. Приблизительно так же Габринович: «Говорили, что он [Франц-Фердинанд] желал создать федеральную монархию с включением в нее Сербии».

[12] Т а м ж е, стр. 36.

[13] Т а м ж е, стр. 29.

[14] Т а м ж е, стр. 23. Приблизительно то же самое сказал Габринович: «Мы говорили, что нам надо организовать сербов [в Боснии], снабдить их деньгами, динамитом и бомбами, чтобы они могли произвести революцию перед войной, с тем чтобы Сербия могла явиться и установить порядок» (там же, стр. 11).

«Идеалом молодежи было объединение югославянских народов, сербов, хорватов и словенцев, но не под властью Австрии, а в виде какого-нибудь государства, республики или чего-нибудь в этом роде. Я считал, что если Австрия окажется в затруднительном положении, то произойдет революция. Но для такой революции нужно сначала подготовить почву, создать настроение. Ничего не делалось. Убийство могло создать такое настроение» [15]. «Он считал, что если он создаст надлежащую атмосферу, то идея революции и освобождения получит распространение сначала в среде интеллигенции, а потом и в массах. Он полагал, что таким образом удастся привлечь внимание интеллигенции к этому делу. Так, например, сделал Мадзини в Италии, во время итальянского освобождения» [16]. — «Он (Принцип) не думал, что в результате подобного деяния возникнет мировая война. Он, правда, полагал, что мировая война вспыхнет, но не сейчас» [17]. Это были как раз те мысли, которые распространялись в Белграде в значительной части пропагандистской литературы «Народной Одбраны», а также в газете «Черной руки» — «Пьемонт», откуда черпали свое вдохновение Принцип и его товарищи.

Габринович был согласен с Принципом, что надо действовать подобно Мадзини и подготовлять в Боснии революцию, которая откроет путь для объединения всех сербских областей, некогда входивших в империю Стефана Душана. Но политические взгляды Габриновича сложились несколько иначе; он первоначально держался анархистских и социал-революционных воззрений, но прожив некоторое время в Белграде и общаясь с «комитаджами», усвоил более националистическую точку зрения. В 1914 г. он определял свою позицию как «анархистскую с примесью национализма» [18].

Идеалом его была югославянская республика, а не монархия с сербской династией. Объединение сербов должно было совершиться «по методу Мадзини». «Идеалом было отторжение Боснии от двуединой монархии. На этом мы все сходились. Некоторые из нас высказывались в пользу династии Карагеоргиевичей; я был республиканцем. Мы могли бы притти к компромиссу, чтобы король Петр оставался королем до своей смерти, но чтобы потом была провозглашена республика» [19].

Таковы были три основных мотива, руководивших двумя главными заговорщиками. Но трудно сказать, какой мотив имел наибольшее значение — личное психопатическое состояние заговорщиков, их желание отомстить Австрии, или их сербский национализм. В настоящее время югославянские писатели и те, кто им сочувствуют, — например, Евтич и Сэтон-Ватсон, — придают главное значение югославянскому национализму. Но в 1914 г. сами обвиняемые не утверждали этого. Принцип, когда его спросили, действовал ли он главным образом из чувства мести или во имя идеи национального объединения, т. е. преобладал ли у него личный или политический мотив, — ответил: «Личный, но другой тоже был силен. Они почти уравновешивались» [20].

---

[15] «Current History», август 1927, стр. 703.
[16] Там же, стр. 706.
[17] Там же, стр. 704.
[18] Pharos, стр. 6.
[19] Там же, стр. 7.
[20] Там же, стр. 41.

Желая смягчить преступление или объяснить его причины, часто утверждали, что со стороны эрцгерцога было бессознательной провокацией устраивать маневры в Боснии, так как сербы опасались, что он собирается напасть на Сербию. Указывали также, что сербы были раздражены тем, что он прибыл в Сараево как раз в день сербского национального праздника, в день св. Витта. Это особенно подчеркивалось писателями, враждебно относящимися к Австрии и сочувствующими Сербии [21]. Но из собственных показаний Принципа и Габриновича не видно, чтобы эти соображения оказали на них какое-нибудь влияние. Они начали организацию своего заговора, когда узнали, что эрцгерцог собирается прибыть в Боснию, но еще до того, как им стало известно, что он будет в Сараеве в день св. Витта. Они решили убить его в Боснии не потому, что были возмущены его приездом или опасались нападения на Сербию, а потому, что его пребывание в Боснии создавало чрезвычайно удобную обстановку, чтобы претворить в действие те три побуждения, которые были указаны выше.

«СВОРА» УБИЙЦ И АВСТРИЙСКАЯ «ХАЛАТНОСТЬ»

Большинство писателей, сочувствующих южным славянам и критически относящихся к Австрии, восприняли фантастические обвинения Уикгема Стида и склонны изображать убийство эрцгерцога, как нечто неизбежное. Причины тому они усматривают: в австрийском гнете, в сильном распространении национального движения в Боснии и в том, что эрцгерцога поджидала целая «свора» убийц — с одной стороны; в том, что австрийские власти по преступной халатности не приняли соответствующих мер предосторожности для охраны эрцгерцога, — с другой [22].

Не трудно подобрать целый ряд доказательств, которые как будто подтверждают такое мнение: их можно почерпнуть во взаимных перекорах австрийских должностных лиц после убийства, когда стал вопрос об ответственности за то, что не были приняты меры к его предупреждению. Другим источником являются хвастливые заявления тех югославян,

---

[21] Например Seton-Watson, Sarajevo, стр. 110; Евтич, стр. 32—34, и Иован Иованович в письме от 1924 г. относительно его «предостережения» (см. ниже прим. 68). На опасение нападения со стороны Австрии под руководством эрцгерцога часто указывалось, как на мотив, побудивший Димитриевича к участию в заговоре (ср. Становевич, стр. 55 сл., Wendel, Die Habsburger und die Südslavenfrage, стр. 50 сл.). Но весьма мало вероятно, чтобы это опасение было действительно одним из его мотивов (ср. Wegerer в KSF, III, 385, июнь 1925).

[22] H. Wickham Steed, The Pact of Konopischt, «The Nineteenth Century and After», LXXIX, 265 сл.; «Through Thirty Years», I, 401; Recouly, Les Heures Tragiques, стр. 108 сл.; Chopin, Le Complot de Sarajevo, стр. 89—100; Dumaine, La dernière Ambassade de France en Autriche, стр. 147; Seton-Watson, стр. 77—79, 106—114, 144—152; Ievtitch, passim; Clair Price, N.-Y. Times Magazine, June 22, 1924, p. 2.

О фантазиях Уикгема Стида относительно свидания в Конопиште см. выше главу I. Рекули и Дюмен дают понять, что австрийские власти в Сараеве, вместо того чтобы организовать полицейскую охрану, помогли убийцам занять удобные пункты, а Шопен пытается доказать, что Габринович был австрийским агентом-провокатором и был направлен в Белград перед совершением убийства, для того чтобы создать впечатление соучастия сербов в этом деле. Все эти намеки — чистейшая выдумка. Не имеется также никакого подтверждения тому, что рассказывает хорват, Рудольф Бортулич, будто убийство является делом мадьяр (ср. C.Beck, Ungarns Rolle im Weltkriege, Lausanne 1917, стр. 215).

которые, уцелев после убийства, утверждали, что они участвовали (или собирались участвовать) в славном деянии, приведшем в конечном результате к созданию югославянского государства.

Уикгем Стид цитирует слова сараевского архиепископа: «Эрцгерцог все равно не остался бы в живых, потому что ему пришлось бы проехать через настоящую аллею бомбометателей» [23]. Сэтон-Ватсон тоже цитирует эти слова и, не задумываясь, принимает на веру все росказни о героях, собиравшихся убить эрцгерцога, если бы этого не сделал Принцип [24]. Он даже говорит о «настоящей своре убийц на улицах столицы» [25].

Вместе с тем оба эти писателя порицают австрийские власти за недостаточную полицейскую охрану. Стид говорит, что при посещении Сараева в 1910 г. императором Францем-Иосифом для его охраны было мобилизовано более тысячи полицейских в форме и по всей вероятности тысячи две «штатских». В июне 1914 г., когда прибыл наследник, полицию убрали. То же самое говорит и Сэтон-Ватсон: «На улицах, по которым он [император] проезжал, были выстроены двойной цепью войска, и в городе кишмя кишели прибывшие из Вены и Будапешта агенты политической полиции и сыщики. А в 1914 г. полиция проявила какую-то странную вялость и бездеятельность. Контраст между 1910 и 1914 гг. вполне дает нам основание говорить о преступной небрежности, допущенной австро-венгерскими властями, на обязанности которых лежала забота о безопасности эрцгерцога» [27]. Но нелогично утверждать, что убийц было так много, что эрцгерцог не мог бы миновать их рук, и в то же время порицать полицию за небрежное отношение и недостаточную охрану. В действительности опасность его пребывания в Боснии была не так велика, а поведение австрийских властей было не столь странным и небрежным, как нас хотят уверить эти авторы.

Во время путешествия эрцгерцога по Боснии от Адриатического моря до Элидзе, а также во время пребывания на маневрах его всюду принимали с выражениями верноподданнических чувств и никаких признаков опасности не было замечено. Вскоре по прибытии в Элидзе он вместе с женой отправился в Сараево, посетил несколько лавок, причем их всюду узнавали и приветствовали. Вокруг них собиралась такая густая толпа, что приходилось оттеснять ее, чтобы дать им дорогу. Здесь для убийц представлялась великолепная возможность [28]. Следует также отметить, что в роковое воскресенье утром только у заговорщиков, непосредственно прибывших из Белграда, хватило смелости сделать то, что диктовали им их убеждения. Габринович и Принцип это сделали, может быть, точно так же поступил бы и Грабец, если бы только у него не было

---

[23] Steed, Through Thirty Years, I, 401.

[24] Seton-Watson, Sarajevo, стр. 77—79, 147 сл.

[25] Seton-Watson, стр. 110.

[26] Steed, Through Thirty Years, I, 401.

[27] Seton-Watson, Sarajevo, стр. 109; относительно неоднократно повторяемого им обвинения в «преступной небрежности» см. также стр. 129, 287.

[28] Conrad, IV, 14 сл.; Nikitsch-Boulles, стр. 213; Ievtitsch, стр. 33 добавляет к этому пикантную подробность: когда эрцгерцог остановился у одного из базаров, он столкнулся почти лицом к лицу с Принципом; «Принцип видел его, но не шевельнулся; за ним кто-то чужой, несомненно полицейский агент, заботливо протянул руки. В тот же день вечером Принцип в «кружке» рассказал нам об этой встрече».

неприятного ощущения, что за ним, как тень, следуют полицейские [29]. Очевидно, было что-то такое в атмосфере Белграда и в разговорах комитаджей, что порождало твердую решимость к убийству представителей австрийского правительства. Характерно, что Богдан Жерайч прибыл в Сараево в 1910 г. с целью убить боснийского губернатора — непосредственно после того, как его подготовил к тому в Сербии один из будущих деятелей «Черной руки». Точно так же Лука Ювич, стрелявший в хорватского комиссара в 1912 г., тоже прибыл непосредственно из Белграда, где он получил бомбы от сербского майора и браунинг от товарища. Из этого браунинга он и стрелял. Принцип, Габринович и Брабец опять-таки прибыли непосредственно из Белграда с твердой решимостью осуществить подготовленный там заговор.

Наоборот, местная молодежь, которую подобрал в Сараеве Илич и которая не побывала в Белграде, состояла из заговорщиков более робкого десятка. Сэтон-Ватсон придает большое значение этой сараевской группе, стараясь всячески подчеркнуть боснийский характер заговора и свести к минимуму влияние сербов. Но, как уже было указано, он ошибается, утверждая, что заговорщики, завербованные в Сараеве, были вооружены Иличем еще тогда, когда Принцип со своими товарищами находился в Белграде: у них не было оружия, пока его не доставили белградские заговорщики [30].

У самого Илича, повидимому, тоже нехватило должной решимости, и он посоветовал отказаться от покушения. На суде он утверждал, что пытался отговорить белградских заговорщиков от выполнения ими их замысла. Если бы это заявление не подтверждалось другими доказательствами, то можно было бы предположить, что он это придумал в целях оправдания. Но то же самое, совершенно независимо друг от друга, показали Принцип, Габринович и Грабец [31]. На вопрос, почему он не уничтожил оружие, если действительно был против убийства, Илич отвечал: «Я не посмел. Принцип сказал мне, что он получил бомбы от комитаджей, поэтому я не решился выбросить их, так как я собирался отправиться в Сербию» [32]. Незадолго до убийства, Принцип сказал Габриновичу, что

---

[29] Pharos, стр. 53.

[30] См. выше, стр. 107 сл. Нельзя также согласиться с его мнением, что вся инициатива исходила из Боснии и что убийство было бы кем-нибудь совершено, даже если бы не были доставлены бомбы из Белграда, потому что в конце концов убийство было совершено при помощи браунинга, а браунингов было достаточно и без импорта из Сербии («Sarajevo», стр. 147). Все показания, данные на суде, свидетельствуют о том, что у молодых людей не было денег на покупку револьверов и что браунинги в Боснии было трудно достать. Илич собирался отправиться в Сербию, потому что только там он мог достать их. Ср. Pharos, стр. 9 сл., 19, 23 сл., 47 сл., 61.

[31] Pharos, стр. 20, 29, 41 сл., 52 сл., 60, 62, 64, 66 сл., 83.

[32] Pharos, стр. 83. Это опасение мести со стороны сербов, объясняемое террористическими методами «Черной руки», очень живо изображается также некоторыми доверенными лицами, из которых состоял туннель. Они говорили это в оправдание того, что оказывали содействие трем заговорщикам при переправе их из Белграда в Сербию (там же, стр. 87 сл., 95 сл., 98, 104, 138). Так например школьный учитель в Прибое Кубрилович заявил: «Я боялся, что убьют мою семью. Наш дом находится всего в 5 милях от границы, и нас могут погубить в одну ночь — разорить и убить. Я слышал, какие ужасы учиняли тайные сербские организации в Македонии. Я опасался, что Принцип является членом одной из этих организаций и потому боялся за свою голеву. Я полагал, что кто-нибудь стоит за Принципом, потому что иначе каким образом он мог бы получить бомбы. Мне рассказывали об одном землевладельце в старой Сербии, у которого истребили всю

он не считает Илича «надежным» [33]. Во всяком случае остается фактом, что сам Илич не только не поднял руки на эрцгерцога в день св. Витта, но даже не шевельнул пальцем, и точно так же поступили те трое, которых он привлек к заговору. Мекметбашич пропустил мимо себя автомобили, ничего не сделав. Когда он услышал, как взорвалась бомба Габриновича, он стремительно бежал в Черногорию и оказался единственным из семи вооруженных заговорщиков, который не был тотчас же схвачен полицией. Точно так же Попович и Вазо Чубринович пропустили эрцгерцога с его свитой и ничего не сделали. После убийства Чубринович, «совершенно бледный и дрожа всем телом», явился к одному из своих приятелей и передал ему на хранение свое оружие [34]. Такова была эта «свора убийц». Она состояла из трех исполненных решимости заговорщиков, которые прибыли из Белграда; кроме них были еще нерешительный и «ненадежный» бывший сараевский учитель и три слабовольных молодых человека из местных жителей. Если бы не первые три заговорщика и не исключительные условия, создавшиеся благодаря тому, что шофер эрцгерцога по ошибке свернул на улицу Франца-Иосифа и остановился как раз у того места, где случайно стоял Принцип, вполне вероятно, что убийства вообще бы не было.

ПАШИЧ, «НАРОДНА ОДБРАНА» И «ЧЕРНАЯ РУКА»

В предыдущих главах мы уже говорили о деятельности «Народной Одбраны» и «Черной руки» и о том, что Пашич и некоторые из членов его кабинета по всей вероятности знали о заговоре. Но для того, чтобы лучше выяснить ответственность Сербии, надо несколько подробнее остановиться на отношениях этих обеих сербских организаций друг к другу и к сербскому правительству.

Сербское правительство можно считать ответственным за деятельность «Народной Одбраны». Это общество было вполне открыто организовано видными сербскими деятелями, в том числе некоторыми членами сербского кабинета 1908 г. Центральный комитет общества находился в сербской столице, и председателем его был генерал Янкович. Устав общества был опубликован, и деятельность его, которая официально носила культурно-просветительный характер, публично одобрялась членами сербского правительства, с которым общество все время поддерживало близкие дружественные отношения. Первоначально «Народная Одбрана» была организована для того, чтобы насильственными мерами помешать Австрии осуществить аннексию Боснии и Герцеговины. Но после кризиса, в марте 1909 г., когда Россия отказалась поддержать требования сербов и Сербия вынуждена была обещать Австрии жить с ней в добрососедских отношениях, «Народна Одбрана» официально отказалась от насильственных действий против Австрии и занялась культурной работой — национальной пропагандой в пределах Сербского королевства.

семью (стр. 95). Другие примеры террористического застращивания, применявшегося комитаджами, приведены там же на стр. 81, см. ниже прим. 46, а также Miss D u r h a m, The Serajevo Crime, стр. 55—74.

[33] Показания Принципа и Габриновича; P h a r o s, стр. 20, 42. Грабеж тоже, услышав взрыв бомбы, решил, что это бомба Габриновича, потому что считал Илича и привлеченных им людей «второсортными» (там же, стр. 53).

[34] Показания Кравичевича, там же, стр. 115.

В действительности она продолжала тайную революционную пропаганду в Боснии: доставляла туда контрабандным путем националистическую сербскую литературу, подбирала доверенных лиц, которые должны были организовывать, по внешности безобидные, просветительные и спортивные общества, а также общества для борьбы с алкоголизмом. Но в действительности «Народна Одбрана» имела задачей насаждать сербский национализм и подготовлять почву для будущего объединения сербского населения монархии Габсбургов с Сербией. Общество помогало также молодым боснийцам, прибывавшим в Белград для продолжения образования или для организации заговоров и революции против австрийских властей. Хотя «Народна Одбрана» по всей вероятности и не была официально осведомлена о намечавшемся убийстве Франца-Фердинанда, но сеть ее доверенных лиц и ее «туннель» для тайного сообщения между Сербией и Боснией несомненно были использованы деятелями «Черной руки» и тремя молодыми людьми, которые отправились из Белграда в Сараево для совершения убийства [35]. Это переплетение деятельности обоих сербских обществ, у которых официальные задачи несколько расходились и которые не вполне дружелюбно относились друг к другу, облегчалось тем, что секретарь «Народной Одбраны» Милан Васич, равно как и другие члены, состояли в то же время в организации «Черная рука». Таким образом сербское правительство можно считать ответственным за создание организации тайных агентов, подготовлявших в Боснии отторжение этой провинции от Австро-Венгрии и фактически оказавших содействие убийцам эрцгерцога при их переезде в Сараево. Таким образом Австрия была права, когда в своем ультиматуме, предъявленном Сербии, потребовала роспуска «Народной Одбраны».

Отношение правительства к «Черной руке» совершенно иное. Это тайное общество выделилось из «Народной Одбраны», как показал один из свидетелей на сараевском процессе [36]. Оно было организовано в 1911 г. кликой, состоявшей из офицеров, участвовавших в 1903 г. в убийстве короля Александра и королевы Драги и недовольных «культурно-просветительной» деятельностью «Народной Одбраны», а также политикой радикальной партии Пашича, рекомендовавшей отложить сведение окончательных счетов с Австрией до тех пор, пока Сербия не освободит сербов, находившихся под властью Турции, не соберется надлежащим образом с силами и не обеспечит себе более надежной поддержки со стороны России и Франции. «Черная рука» была чрезвычайно конспиративной террористической организацией. Члены ее не назывались по именам, а обозначались цифрами, и ее устав, носивший курьезный средневековый характер, оставался неопубликованным до нашумевшего салоникского процесса 1917 г. Сербское правительство прекрасно знало о существовании этой организации; об этом знали вообще в Белграде и даже писали в газетах[37], но по всей вероятности сербское правительство первоначально не было осведомлено о составе членов и о подлинной деятельности «Черной руки».

Первоначально отношения между сербским правительством и руководителем «Черной руки» были сравнительно мирные. В это общество вошел Димитриевич, который в июне 1913 г. занял пост начальника контрраз-

[35] См. выше, гл. II, прим. 56—59 и 117—123.
[36] Станаричич, см. «La Conspiration Serbe» стр. 109, см. выше, гл. II.
[37] Pharos, стр. 14: Conrad, IV, 83; Bogitchevitch.

ведки при сербском генеральном штабе, а также майор Танкосич, один из наиболее видных представителей комитаджей, и кроме них целый ряд других офицеров. Считалось, что «Черная рука» является в первую очередь военной организацией, но в нее вошло довольно много гражданских чиновников, в том числе три чиновника министерства иностранных дел [38]. Князь Александр первоначально покровительствовал этой организации. Говорят, что он дал 26 тыс. динаров в виде субсидии ее газете «Пьемонт», а также делал разные подарки офицерам и оплатил Димитриевичу расходы по лечению осенью 1912 г. Но когда он дал понять, что хотел бы стать во главе этого общества, а офицеры по разным соображениям не пожелали понять этот намек, то князь Александр почувствовал себя обиженным. С этого времени между ним и организацией «Черная рука» началось отчуждение, которое усилилось еще больше, когда он принял сторону Пашича и радикалов в так называемом «вопросе о приоритете» [39].

Этот вопрос возник после балканских войн на почве спора между военными и гражданскими властями относительно управления территориями, отвоеванными у Турции. Радикальная партия, возглавляемая Пашичем, не желала распространить на новые завоеванные области действие сербской конституции, как того требовали офицеры, и ввела там драконовский режим, который раздражал население и в смысле насилия и гнета оставлял за собой все, что имело место в Боснии под владычеством Габсбургов [40]. По уверению военных властей и судя по статьям, печатавшимся в «Пьемонте», ответственность за это падала на своекорыстных, плохо подготовленных гражданских чиновников, которых радикалы назначили в новые завоеванные области. Радикалы утверждали, что офицеры просто не желают признать приоритет власти, созданной штатскими. В этом конфликте офицеров поддерживали оппозиционные политические группы, которые требовали отставки кабинета Пашича. Министерство внутренних дел попыталось нанести удар «Черной руке», захватив ее клубное помещение. В начале июня 1914 г. конфликт обострился до такой степени, что Пашич потребовал у короля Петра роспуска скупщины, для того чтобы

---

[38] Милан Гаврилович № 406, Симич № 420 и С. Симич № 467 по частичному списку членов, установленному Богичевичем («Le Procès de Salonique», стр. 53—58). Он включает также в список, не указывая, однако, их номеров, племянника Пашича, Милютина Ивановича, бывшего секретарем в министерстве иностранных дел, а в 1914 г. сербским уполномоченным в Берлине и впоследствии сербским посланником в Швейцарии. Другие подробные сведения относительно устава и членов «Черной руки» см. выше, гл. II.

[39] Bogitchevitch, Le Procès de Salonique, стр. 7 сл., 34. Протокол салоникского процесса, стр. 145. Незадолго до того, как убийцы покинули Белград, князь Александр посетил правительственную типографию вместе с ее директором Живоином Дашичем, ярым сербским националистом. Там он познакомился с Габриновичем, которого Дашич взял на службу в качестве наборщика. Когда Габриновича после ареста допрашивали об этой встрече, он признал это обстоятельство, но затем вдруг отказался отвечать на дальнейшие вопросы, видимо опасаясь запутать в свое дело князя Александра. Это обстоятельство вместе с доказательствами, собранными австрийцами в Белграде во время войны, внушили некоторым писателям мысль, что может быть Дашич и князь Александр были до некоторой степени посвящены в заговор об убийстве. Ср. Pharos, стр. 6, 11 и статьи Вегерера и Виснера в KSF, IV, 485—489, 639—661, июль и сентябрь 1926 г. Это нельзя считать окончательно установленным.

[40] Текст этого сербского декрета от 6 октября 1913 относительно управления «освобожденными» территориями, см. «La Conspiration Serbe», стр. 171—180. См. также Stanojevitch, Die Ermordung des Erzherzogs Franz-Ferdinand, стр. 33 сл.; Wendel, Die Habsburger und die Südslavenfrage, стр. 54 сл.

народ мог непосредственно на всеобщих выборах выразить свою волю по этому вопросу. Король первоначально отказывался. Тогда Пашич сам подал в отставку. Он несомненно рассчитывал этим усилить свое положение, так как считал, что никто, кроме него, не будет в состоянии образовать кабинет. В этот момент, как уверяют, в министерский кризис вмешался русский посланник в Белграде Гартвич, который постарался облегчить возвращение к власти кабинета Пашича, считая его необходимым для продолжения политики сотрудничества с Россией и Францией. 11 июня королю Петру пришлось вернуть Пашича к власти, а через несколько дней после этого он, под предлогом болезни, покинул Белград, оставив принцем-регентом своего сына Александра [41].

Этот внутренний партийный конфликт между радикалами, поддерживавшими Пашича, и офицерами, группировавшимися в организации «Черная рука», часто приводили в доказательство того, что Димитриевич и сараевские убийцы ни в какой мере не были связаны с сербским правительством и всячески старались скрыть от него существование заговора. По всей вероятности это верно. Из показаний, данных на сараевском процессе, можно заключить, что сербские офицеры, дружественно относившиеся к убийцам, предостерегали их, советуя держаться осторожно, чтобы сербские гражданские власти ничего не заметили [42].

Таким образом можно считать вполне достоверным, что Пашич и его кабинет не имели никакого отношения к возникновению плана убийства. Последнее было задумано за их спиной.

По всей вероятности они узнали о нем только тогда, когда приготовления были уже завершены и молодые люди собирались переправиться из Белграда в Сараево. Но с другой стороны, то обстоятельство, что правительство находилось в политическом конфликте с группой «Черной руки» из-за вопроса о приоритете, еще не доказывает, что правительство совершенно ничего не знало о заговоре. Наоборот, мы имеем совершенно ясное и отчетливое заявление министра народного просвещения Любы Йовановича, что в конце мая или начале июня Пашич знал о том, что какие-то молодые люди собираются отправиться в Сараево с целью убить эрцгерцога, что он сказал об этом лишь некоторым членам своего кабинета и что пограничным властям было отдано распоряжение задержать убийц, но распоряжение это не было выполнено, потому что пограничные власти сами состояли членами «Черной руки» и впоследствии донесли, что распоряжение пришло слишком поздно и молодые люди уже перешли границу. Мы уже изложили те соображения, по которым мы считаем это сообщение министра народного просвещения соответствующим действительности [43].

СЕРБИЯ ДОПУСТИЛА НЕБРЕЖНОСТЬ, НЕ АРЕСТОВАВ ЗАГОВОРЩИКОВ

Вопрос о приоритете имеет для нас значение не только потому, что он дает основание предполагать, что сербское правительство первоначально

[41] Bogitchevitch, Le Procès de Salonique, стр. 8 сл. Stanojevitch, стр. 54; Seton-Watson, Sarajevo, стр. 139 сл.; см. также лондонский «Times» и венскую «Neue Freie Presse» за май и июнь 1914, passim.

[42] Pahros, стр. 80 сл.

[43] См. выше, гл. II.

не знало о заговоре. Гораздо важнее то, что этим объясняются два обстоятельства, послужившие основанием для чрезвычайно серьезных обвинений, выдвинутых против Пашича: первое — что он не предостерег определенным образом австрийские власти, после того как узнал, что убийцы отправились в Сараево; второе — что он после убийства не принял мер для розыска и ареста сообщников убийц в Белграде.

Действительно, сербская полиция, повидимому, даже помогла одному их них, Цигановичу, скрыться. Арест Цигановича, который являлся членом организации «Черная рука», а также выяснение роли, которую играли такие выдающиеся члены организации, как Димитриевич и Танкосич, еще более обострили бы политический конфликт и усилили бы антагонизм, который уже перед этим вызвал временное падение кабинета. Очевидно Пашич не решился действовать против лидеров столь мощной организации, и поэтому занял чисто пассивную позицию, надеясь, что Австрия и Европа не узнают правды.

Сербские источники не вскрывают нам, когда именно и каким путем Пашич узнал о заговоре. Предполагают, что его тайным образом осведомил об этом Милан Цигановић, которому приписывают двойственную роль агента-провокатора, участвовавшего в заговорах вместе с лидерами «Черной руки», и в то же время шпионившего за ними, по поручению Пашича, и осведомлявшего обо всем сербское правительство и радикальную партию [44]. Все три сараевских заговорщика открыто заявляли сейчас же после ареста и на суде, что Цигановић принимал самое деятельное участие в их приготовлениях в Белграде. Он — боснийский серб и эмигрировал в 1908 г. в Белград. Здесь он прошел курс обучения в качестве комитаджа у Танкосича, а затем получил скромную должность на сербской казенной железной дороге. В 1911 г. он вступил в организацию «Черная рука» за № 412 и сражался в отряде комитаджей под командой Танкосича во время балканских войн. При подготовке заговора он являлся агентом Танкосича. Он доставал Принципу и его товарищам бомбы и револьверы для убийства эрцгерцога, он снабдил их цианистым калием, чтобы они могли покончить с собой после совершения убийства и таким образом устранить возможность разоблачения деяний самого Цигановича и его соучастников — сербов. По распоряжению Танкосича Цигановић водил молодых людей на стрельбище около Белграда и там обучал их стрельбе из револьвера. В конце мая, когда они уже были готовы к отъезду, он снабдил их рекомендательными письмами к агентам «Черной руки» и доверенным лицам, которые должны были помочь им добраться до Сараева [45]. Доводы, говорящие в пользу того, что Цигановић информировал

---

[44] Bogitchevitch, Le Procès de Salonique, стр. 32, 131—133, 142 сл., и в KSF, III, 18 сл., янв. 1925; M. E. Durham, The Serajevo Crime, стр. 53, 80—85, 174—182; A. von Wegerer в KSF, III, 380—384, в июне 1925; статья Божина Силича, личного друга Димитриевича и его товарища по организации «Черная рука», во французском журнале «Clarté» в мае 1925 и в венском издании «La Fédération Balkanique» от 31 мая 1925; N. Nenadovitch, Die Geheimnisse der Belgrader Kamarilla», там же 1 декабря 1924, и заметка F. von Wiesner'a, по случаю смерти Цигановича (он умер 28 сентября 1927), в KSF, V, 1041—1048, ноябрь 1927. Большинство этих авторов строят свои заключения отчасти на отчете о салоникском процессе, на котором Цигановић выступил в качестве главного свидетеля против Димитриевича.

[45] Pharos, стр. 9—12, 14—17, 19, 24 сл., 33 сл., 37—39, 47 сл., 55, 82, и австрийское досье 1914, приложение VIII;

Пашича, основаны не на каких-либо доказательствах, предшествовавших убийству, но на тех фактах, которые имели место после него: сербские власти постарались помочь Цигановичу скрыться, а в 1917 г. он своими показаниями помог радикальной партии изобличить Димитриевича и разгромить организацию «Черной руки».

Через несколько дней после убийства, когда до Белграда дошли слухи о признаниях, сделанных Габриновичем и Принципом, Танкосич и Пашич, видимо, пытались воспрепятствовать опубликованию всяких сведений относительно белградских соучастников. Вечером 29 июня к владельцу газеты «Балкан» Светолику Савичу пришли три комитаджа и сказали ему от имени майора Танкосича, чтобы он ни под каким видом не печатал у себя в газете ничего о связях убийцы Габриновича с его знакомыми здесь (в Белграде), и главное чтобы он не писал ничего такого, что могло бы скомпрометировать сербов; в противном случае ему будет плохо [46].

На такой способ застращивания угрозой насилия и мести со стороны комитаджей, вроде Танкосича, часто указывали «доверенные лица» в Боснии, как на один из мотивов, побуждавших их помогать убийцам [47]. Это является лишним основанием, почему Пашич не захотел или не посмел предпринять что-нибудь для ареста популярного и влиятельного лидера «Черной руки», пока наконец австрийский ультиматум не заставил его арестовать Танкосича на несколько дней.

30 июня австрийский уполномоченный в делах запросил сербское правительство, какие полицейские меры оно приняло или предполагает принять для того, чтобы «найти нити, ведущие к раскрытию убийства, каковые, несомненно, приходится частично искать в Сербии». Но он получил ответ, что «сербская полиция еще не занималась этим вопросом[48], что «до сих пор еще ничего не сделано и что это вообще не касается сербского правительства» [49]. После этого последовал обмен резкостями, и австрийский дипломат выразил «свое крайнее удивление по поводу того, что правительство, которое все время заверяет о своем желании поддерживать добрые отношения со своим соседом, позволяет себе проявлять такое равнодушие» [50].

30 июня германский помощник статс-секретаря (товарищ министра) по иностранным делам Циммерман, желая предупредить серьезные осложнения, дал несколько уместных советов сербскому уполномоченному в делах в Берлине. Об этом баварский посланник в Берлине сообщал:

«В министерстве иностранных дел надеются, что Сербия примет теперь все меры к тому, чтобы привлечь к ответственности лиц, виновных в этом заговоре. Г-н Циммерман с самого начала обратил серьезное внимание здешнего сербского уполномоченного в делах на те последствия, которые повлечет за собой отказ Сербии в этом вопросе. Кроме того он вну-

---

[46] Секретное донесение белградской полиции сербскому министру внутренних дел Протичу от 30 июня 1914. Найдено австрийцами после взятия Белграда; напечатано в хорватской газете «Hrvatski Dnevnik» № 132, 12 мая 1916, и перепечатано у P h a r o s, стр. 81, прим. 45. Курсив в цитате принадлежит автору.

[47] См. выше, прим. 2.

[48] Фон Шторк—Бергхтольду, 30 июля, австрийская «Красная книга», 1914 г., № 2.

[49] Фон Гризингер, германский посланник в Белграде,— Бетман-Гольвегу, 2 июля; K. D., 12; также B. D., 27.

[50] Там же.

шил русскому послу, чтобы тот побудил свое правительство дать такой же совет в Белграде. Г-н Циммерман дал этот совет потому, что никто не может сказать, что будет, если сербское правительство не выполнит своих обязательств, ибо надо учитывать возбуждение, вызванное в Австро-Венгрии деянием, совершенным в Сараеве» [51].

В том же смысле Циммерман имел беседу с дипломатическими представителями Англии и России в Берлине, очевидно надеясь, что они дадут Сербии такой же добрый совет [52]. Но, повидимому, они этого не сделали. Если бы сербское правительство сразу предприняло энергичные шаги для ареста белградских сообщников и на деле доказало бы свое неоднократно высказанное желание поддерживать добрососедские отношения с Австрией, то этим оно умерило бы негодование Германии по поводу убийства и сделало бы ее менее склонной следовать за Австрией на ее роковом пути; тем самым возросли бы шансы для дружественного посредничества. Но Пашич и его министры этого не сделали и усвоили пассивную и отрицательную тактику выжидания, желая узнать, какие определенные обвинения и доказательства в состоянии представить Австрия. Тем самым Пашич взял на себя серьезную ответственность за то, что случилось [53].

6 июля сербское правительство получило от своего посланника в Вене извещение, что австрийские сведения из Сараева указывают на Белград, как на место организации заговора, и изобличают причастность к нему Циганович [54]. Несмотря на это, а также на предостережение Циммермана, сербское правительство не только не предприняло никаких шагов для того, чтобы арестовать сообщников в Белграде, но, повидимому, даже содействовало исчезновению Циганович, главного соучастника в этом деле, не желая выдать его австрийским властям. Циганович был боснийцем, Австрия могла требовать его выдачи для суда, и тогда она, пожалуй, узнала бы всю правду. Поэтому было лучше, чтобы он исчез. 8 июля австрийское правительство узнало из шифрованной депеши своего белградского посольства, что Циганович в день убийства находился в Белграде, но через три дня после этого покинул город, причем, повидимому, получил месячный отпуск от железнодорожного управления, где он служил. Начальник белградской полиции заявил, что он не знает человека, носящего имя Милана Цигановича, но вскоре выяснилось, что сам начальник полиции и способствовал исчезновению Цигановича из Белграда [55]. Да-

[51] Лерхенфельд — Гертлингу в Мюнхен, 2 июля; Dirr, стр. 18, K. D., IV, прилож. IV, № 1.

[52] Ср. Румбольд — Грею, 30 июня и 11 июля; B. D., 22, 44.

[53] Musulin, стр. 221, см. у Seton-Watson, Sarajevo, стр. 133—137. ряд превосходных замечаний на эту тему. Однако мы не можем согласиться с его объяснением, что это пассивное отношение Пашича было вызвано его «типичным восточным равнодушием к общественному мнению как о нем самом, так и о его стране» (стр. 136). Мы подозреваем, что им руководило опасение, что Австрия и Европа узнают больше, чем ему хочется, о соучастии сербских офицеров, а также боязнь еще более усилить враждебное отношение к нему «Черной руки». Сетон-Ватсон признает, что другим основанием для бездеятельности сербского правительства в это критическое время была роль, которую играла «Черная рука» (стр. 137 сл.). Об усилиях Сербии скрыть истину и обмануть Европу см. также статью Вегерера «Wie Serbien England täuschte» в KSF, V, 238, март 1927.

[54] C.C.K., 16.

[55] Wiesner, KSF, V, 1046, ноябрь 1927, и австрийские комментарии к сербскому ответу на п. 7 ультиматума; ARB, II, 96.

лее выяснилось, что в книгах железнодорожного управления его имя было стерто и вписано имя Милана Данилова, в качестве какового Циганович продолжал получать свое жалованье. Когда в Сербии была произведена мобилизация, Циганович немедленно присоединился к отряду Танкосича. Доктор Богичевич говорит, что 3 или 4 августа 1914 г. комендант Срб, начальник одной из важных сербских железнодорожных станций, сказал ему, что он только что помог Цигановичу уехать на юг [56].

Из показаний убийц австрийским властям стали известны некоторые факты относительно белградских соучастников. Поэтому в ультиматуме от 23 июля, в пункте 7, Австрия потребовала, чтобы Сербия немедленно арестовала Войю Танкосича и лицо, именуемое Миланом Цигановичем, служащего на сербской государственной железной дороге. Сербское правительство через несколько дней ответило, что в соответствии с предъявленным требованием оно арестовало Танкосича, но что касается Милана Цигановича, который является австро-венгерским подданным и который до 15 июня (28 июня по новому стилю, т.е. день убийства) состоял на службе (на испытании) в железнодорожном управлении, то таковой не мог быть пока разыскан (поэтому отдан приказ о его аресте) [57]. Здесь действительно курьезно, что сербское правительство утверждало, что оно перестало иметь какие-либо сведения о Цигановиче как раз с момента убийства. Принимая во внимание другие факты, приведенные выше, можно усомниться в искренности его неведения относительно того, где находился Циганович, равно как и в невозможности разыскать его. Сомнение это еще усиливается в виду того, что министр народного просвещения, рассказывая о периоде непосредственно после убийства, но до предъявления австрийского ультиматума,—т. е. когда сербские власти должны были арестовать Цигановича, но этого не сделали, — определенно указывает, что он и его коллеги были осведомлены о соучастии Цигановича.

«Когда из Вены получились австрийские сообщения (о том, что убийцы были отправлены в Сараево одним из служащих сербского министерства общественных работ, неким Миланом Цигановичем, то Пашич спросил Йотсу Йовановича, в то время ведавшего этим министерством, кто такой этот чиновник, но Йотса не мог ничего сказать о нем, равно как и все другие в его министерстве. По настоянию Пашича, они наконец откопали Цигановича на какой-то мелкой канцелярской должности в железнодорожном управлении. Я помню, что когда Йотса сказал нам об этом, то кто-то (Стоян или Пашич) заметил: «Вот видите! Правильно говорят: если мать потеряет сына, то пускай ищет его в железнодорожном управлении». После этого Йотса говорил нам, что Циганович выехал куда-то из Белграда [58].

---

[56] Bogitchevitch, Le Procès de Salonique.

[57] Затрудняясь объяснить, почему Циганович не был арестован, сербское правительство, видимо, давало разные ответы. В ARB, II, 47, последняя фраза гласит: «il n'a pu encore être découvert et un mandat d'amener a été lancé contre lui» (не удалось открыть его местопребывание, и издан приказ об его приводе), но в ССК, 39, и ФЖК, 49, слова «joint» (найти) и в ББК, 39, «arrêté» (арестовать) заменили слово «découvert» (открыть местопребывание), и уже ничего не говорится о «un mandat d'amener».

[58] Люба Йованович, Кръв Словенства, стр. 14.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ЛИ СЕРБИЯ «ПРЕДОСТЕРЕГАЛА» АВСТРИЮ?

Вопрос этот имеет чрезвычайно большое значение, потому что в зависимости от утвердительного или отрицательного ответа делались разнообразные выводы.

С одной стороны, если сербское правительство предостерегало Вену, то это могло быть истолковано в двояком смысле: 1) в пользу Сербии, как доказательство того, что кабинет Пашича, узнав о заговоре, сделал все возможное для предупреждения преступления, и таким образом с него снималось всякое обвинение в этом деле, или 2) в пользу Австрии, в том смысле, что сербское правительство знало о заговоре и что австрийское требование допустить австрийских чиновников участвовать вместе с сербскими в розыске белградских сообщников было вполне обосновано, так как сами сербские власти никаких шагов в этом направлении не предприняли.

С другой стороны, если никакого предостережения сделано не было, то и в этом случае: или 1) сербское правительство могло утверждать, как оно это и делало, что оно раньше ничего не знало о заговоре и поэтому его ни в чем обвинять нельзя, или 2) Сербия была виновна в сокрытии заговора и таким образом являлась соучастницей преступления. При возможности такого различного истолкования как отрицательного, так и положительного ответа на поставленный выше вопрос не приходится удивляться, что как сторонники Сербии, так и сторонники Австрии резко полемизируют между собой. Не приходится также удивляться и тому, что обе стороны представили множество противоречащих друг доказательств. При анализе их следует обратить внимание главным образом на три пункта: 1. Если предостережение было сделано, то кому именно? 2. Было ли оно сделано сербским посланником в Вене Иовановичем по собственной инициативе и неофициально, или же официально по поручению из Белграда? 3. Имелось ли в этом предостережении какое-нибудь указание на определенный заговор, или оно представляет собой заявление, сделанное в самой общей форме относительно нежелательности поездки эрцгерцога в неспокойную провинцию?

Первое серьезное утверждение, что Сербия предостерегала Австрию, исходило от сербского посланника в России Спалайковича. В интервью, помещенном в петербургской газете «Вечернее время» через несколько дней после убийства, Спалайкович заявил, что сербское правительство предостерегало Вену относительно поездки эрцгерцога в Боснию. Оно узнало, что боснийцы, озлобленные австрийским гнетом, организовали заговор, так как считают, что ответственным за этот гнет является эрцгерцог. Но в Вене не обратили внимания на это предостережение [59]. Однако это заявление Спалайковича, равно как и другие аналогичные заявления, было 3 июля официально опровергнуто венским министерством иностранных дел [60].

---

[59] Краткое резюме в венской газете «Neue Freie Presse» от 2 июля, № 17906, стр. 4.

[60] В лондонском «Times» от 1 июля, стр. 7, венский корреспондент уже сообщал: «Из вполне осведомленного источника передают, что нет никаких оснований утверждать, будто сербский посланник в Вене сообщил австро-венгерскому правительству о существовании заговора против эрцгерцога». Точно так же Пашич в интервью, напечатанном в будапештской газете «Az Est» от 7 июля и перепечатанной в тот же день в «Neue Frei-Presse» № 7811 стр. 5, по словам репортера, сказал: «Неверно, что Сербия знала заранее

В таком положении вопрос оставался в течение нескольких месяцев; он был заслонен австрийским ультиматумом и возбуждением, вызванным войной. Затем он был снова выдвинут известным французским профессором славянской истории, Дени, который писал: «Г-н Пашич пытался осторожно указать Бальплацу [австр. мин. внутр. и иностр. дел] на опасности, которые могут угрожать эрцгерцогу; 21 июня сербский посланник [Иован Иованович] сообщил министру иностранных дел, что его правительство имеет основание предполагать, что в Боснии готовится заговор. Канцлер (Берхтольд) не обратил внимания на это сообщение» [61]. Это заявление профессора Дени пользовалось во время войны общим признанием за пределами Германии и Австрии, несмотря на то, что Берхтольд решительным образом возражал, когда узнал о нем [62]. Потом это заявление повторялось другими, например Станоевичем [63], утверждавшим даже, что оно может быть подтверждено какой-то пачкой документов, находящихся в австрийском министерстве иностранных дел под шифром «Reg. B. 28 VI 1914». Архивные работники нынешней австрийской республики искали эти документы и утверждают, что бумаг с таким шифром не оказалось. Профессор же Станоевич не мог или не хотел сообщить, из каких источников он получил сведения о существовании этих документов. Когда австрийцы отрицают, что Иованович делал какое-либо предостережение Берхтольду или министерству иностранных дел, то это, безусловно, соответствует действительности. Если Иованович и сделал предостережение, то все данные говорили за то, что он выразил свои опасения не Берхтольду и министерству иностранных дел, как это полагалось в обычном порядке, а Билинскому, австро-венгерскому министру финансов. Для того чтобы объяснить это курьезное обстоятельство, вызвавшее такое нарушение нормального порядка, мы должны на минутку отклониться в сторону.

Иован Иованович прибыл в Вену в качестве сербского посланника в конце декабря 1912 г. на смену Спмичу. Последний был старым, опытным дипломатом, исполненным такта и достоинства, и достаточно успешно справлялся со своими, по меньшей мере, весьма трудными обязанностями. Даже в нормальное время положение сербских представителей в Вене после 1903 г. было не из легких, если принять во внимание национальный антагонизм между населением обеих стран и постоянное раздражение, вызывавшееся взаимными обвинениями в шпионаже, пропаганде, притеснениях и подстрекательстве к государственной измене. Когда Иованович прибыл в 1912 г. в Вену, положение было особенно щекотливым, в виду тревожных последствий первой балканской войны и стараний, которые Австрия прилагала на Лондонской конференции к тому, чтобы лишить сер-

---

о приготовлениях к убийству и что она поэтому сделала предостережение». Парижский «Temps» от 8 июля (стр. 8) вкратце передал интервью с Пашичем, напечатанное 7 июля в «Az Est», но в передовой статье от 10 июля мы находим странное заявление: «Пашич в интервью, которое он дал третьего дня, неопровержимо доказал, что сербское правительство предостерегало от опасности (avait signalé le péril) и что австро-венгерские власти не обратили никакого внимания на это предостережение (avertissement)».

[61] E. Denis, La Grande Serbie (Paris, 1915) стр. 277. Так как Дени писал главным образом на основании сербских источников, то возможно, что он получил сведения у Пашича или у одного из сербских министров, или же он просто списал безответственную передовую статью из «Temps», которая приведена в предыдущем примечании.

[62] Mandl, Die Habsburger und die Serbische Frage, Wien, 1918, стр. 151 слл.

[63] Stanojevitsch, Die Ermordung des Erzherzogs, стр. 61.

бов плодов их побед. В отличие от своего предшественника Йован Иованович был молодым человеком, лет сорока, не больше. Даже по описанию одного из своих лучших друзей и коллег «новый посол с непокорными густыми волосами, темными глазами и огромными черными усами внушал гораздо меньше доверия, чем его респектабельный предшественник. В Вене не стесняясь утверждали, что Иованович в 1908 г. вел агитацию против аннексии Боснии и Герцеговины и даже командовал отрядом комитаджей» [64].

Поэтому, когда Иованович прибыл в Вену, его отнюдь не считали там persona grata. Говорят, что Австрия сначала не желала дать своего согласия на его назначение, а потом неоднократно давала понять, что она была бы довольна, если бы его отозвали. Но Белград не обращал внимания на эти намеки. Прием, оказанный ему, далеко не отличался сердечностью. Когда его представляли Францу-Иосифу, император, говорят, только кивнул головой, вместо того чтобы подать ему руку, как это обычно принято в таком случае. Эрцгерцог вообще не пожелал его видеть. Берхтольд был холоден и ограничил свои отношения официальными делами. При таких неприятных обстоятельствах Иованович особенно ценил свои сердечные отношения с Билинским. Билинский не задолго до того был назначен союзным министром финансов Австро-Венгрии, и ему было подчинено гражданское управление Боснией и Герцеговиной. В связи с этим ему приходилось обсуждать много вопросов с сербским посланником. Так как он сам был славянином (галицийским поляком), то ему было легче, чем австрийскому немцу или мадьяру, установить дружеские отношения с сербом Иовановичем. Действительно, для того чтобы улучшить отношения между обеими странами, в скором времени в Вене решили — и это было одобрено Францем-Иосифом и Берхтольдом, — что Билинский должен вести дипломатические переговоры с сербским посланником и затем докладывать о них Берхтольду [65]. Это конечно было совершенно ненормально и не соответствовало обычному порядку. Но кроме приведенных уже оснований это объяснялось еще и свойственным Берхтольду безразличием и честолюбивым стремлением Билинского сосредоточить в своих руках как можно больше власти и усилить свое значение. Этим объясняется, почему весной 1914 г. Иованович мог отдать предпочтение Билинскому и сделать именно ему, а не Берхтольду или кому-либо в министерстве иностранных дел, осторожный намек на опасность для эрцгерцога Франца-Фердинанда его поездки в Боснию.

В 1924 г. по случаю десятилетия убийства эрцгерцога снова ожил спор относительно якобы сделанного Сербией предостережения Австрии. В письме, напечатанном в одной венской газете за подписью «X. V.», которое приписывалось Иосимовичу, секретарю сербского посольства в Вене в 1914 г., сообщалось следующее: «18 июня 1914 г. Иованович получил от Пашича шифрованную телеграмму с указанием отговорить эрцгерцога от поездки в Сараево, или, по крайней мере, предостеречь его отно-

[64] Dumaine, La Dernière Ambassade de France en Autriche, стр. 79 сл.

[65] Billinski, I, 258 сл.; Paul Flandrak, Billinski's Eingreifen in die auswärtige Politik, «Neues Wiener Journal» № 11289, 26 апреля 1925; Mandl, Zur Warnung Serbiens an Oesterreich в KSF, II, 108—111, апрель 1925. Ljuba Iovanovitch, Sketches from the History of the relations between Vienna and Belgrade в белградской газете «Политика» № 6095 от 12 апреля 1925; чпт. там же, III, 281—287, май 1925.

сительно угрожающих ему опасностей». Тогда Иованович сообщил об этом Билинскому «21 июня в 12 ч. дня»[66]. На первый взгляд это как будто подтверждало заявление Дени и Станоевича относительно официального предостережения, исходившего от белградского правительства. Но письмо это столь сомнительно в смысле своей достоверности, что на него совершенно нельзя полагаться[67]. Ему противоречат также некоторые заявления самого Иовановича, сделавшего неделю спустя следующее интересное сообщение в другой венской газете, которое мы здесь передаем в слегка сокращенном виде:

«Я рад дать вам аутентичное разъяснение относительно предостережения эрцгерцогу, которое исходило от меня и было сделано по моей личной инициативе. Я был посланником в Вене, когда узнал, что наследник престола собирается присутствовать на маневрах в Боснии.

[После этого приводятся не совсем точно некоторые подробности, касающиеся предполагавшейся поездки Франца-Фердинанда в Боснию, затем следует утверждение, что такая поездка рассматривалась бы сербами как провокация. Затем Иованович продолжает]:

После того как я надлежащим образом взвесил все эти слова, я решил посетить фон Билинского, который был тогда министром финансов и министром по делам Боснии. Насколько я помню, мой визит имел место 5 июня, т. е. за 23 дня до убийства. Я вполне откровенно рассказал министру то, что мне было известно, а именно что маневры собираются устроить в Боснии, на берегу Дрины, как раз на границе Сербии, и что сам эрцгерцог будет ими командовать[68]. Я сказал министру фон Билинскому: если это правда, то я могу заверить ваше превосходительство, что это вызовет огромное недовольство среди сербов, которые должны рассматривать это как провокацию. При таком условии маневры опасны. Среди сербской молодежи могут найтись люди, которые зарядят ружье или револьвер боевым патроном вместо холостого, и тогда пуля может задеть того, кто является виновником провокации. Поэтому благоразумие требует, чтобы эрцгерцог не ездил в Сараево и чтобы маневры не устраивались в день св. Витта [28 июня сербский праздник], и чтобы они вообще не происходили в Боснии. На это ясное заявление Билинский ответил, что он принимает его к сведению и сообщит мне, как на это будет реагировать эрцгерцог, хотя сам он не верит в то, что маневры будут иметь такие последствия, какие я предсказываю. Наоборот, по его сведениям, Босния совершенно спо-

[66] «Wiener Sonn-Montagszeitung», № 25, 23/VI 1924; KSF, II, 243, 282, июнь 1924.

[67] Г-н Иосимович, как утверждают, отрицал, что он писал это (Seton-Watson, Sarajevo, p. 154). Утверждение, что Иованович сообщил Билинскому 21 июля в 12 ч. дня, опровергается тем обстоятельством, что Билинский вернулся в Вену из отпуска, проведенного в Львове, 21 июля после полудня («Neue Freie Presse», № 17896, 22/VI, стр. 8). Другое утверждение этого письма, что Билинский тогда поставил в известность гофмейстера эрцгерцога, барона Румерскирха, решительным образом отрицается последним. KSF, II, 233, прим. 6.

[68] Либо его информация в 1914 г. была неточна, либо ему изменила память в 1924 г. Маневры не должны были происходить на Дрине, как раз против Сербии, а происходили на юго-запад от Сараева в Тарчинском округе у Адриатического моря (почти в самом отдаленном месте от Дрины и сербской границы, как это было ясно сказано в сообщении в «Neue freie Presse» № 17878 4 июля 1914 г., стр. 9). Неверно также будто «эрцгерцог сам должен был командовать». Командовал генерал Потиорек, и эрцгерцог присутствовал в качестве официального наблюдателя.

койна. Через несколько дней я снова обратился к министру фон Билинскому по этому вопросу. Несмотря на все это, мне сообщили, что первоначальная программа остается в силе и что, невзирая на мои предостережения, все осталось без изменения. Эрцгерцог несомненно был поставлен в известность, но он не обратил на это внимания» [69].

Это сообщение Йована Йовановича повидимому ближе к истине, чем то, что до сих пор исходило из сербских источников. В некоторых пунктах оно подтверждается (хотя в некоторых и опровергается) ценным сообщением Пауля Фландрака, который был в 1914 г. начальником отдела печати в министерстве финансов при Билинском, а после войны стал директором венского Депозитного банка. Этот очевидно сознающий свою ответственность и заслуживающий доверия человек недавно писал:

«В мае 1914 г., когда в публике стали распространяться первые слухи о поездке эрцгерцога в Далмацию и Боснию, Йованович явился в австро-венгерское министерство финансов. Это был его последний визит. Придя он сразу заговорил о предполагаемых маневрах и выразил опасение, что сербское правительство может счесть их за провокацию. Кроме того он хотел обратить серьезное внимание министра финансов на то, что появление будущего правителя монархии неизбежно вызовет патриотические демонстрации и они могут породить недовольство по обе стороны (австро-сербской) границы. Он просил Билинского не рассматривать его заявления как официальное сообщение и сказал, что им руководит исключительно желание предупредить все, что могло бы, хотя бы временно, помешать переговорам, которые начались с целью улучшения взаимных отношений Австрии и Сербии.

Билинский не обратил особого внимания на это заявление и, как я полагаю, совершенно не поставил о нем в известность графа Берхтольда, хотя обыкновенно он имел привычку докладывать ему обо всех своих разговорах с сербским посланником... Хотя во время этой беседы Билинский еще не знал, что военно-инспекторская поездка эрцгерцога примет политический характер, но он был убежден, что момент для поездки Франца-Фердинанда в южную провинцию выбран, по меньшей мере, преждевременно, и откровенно высказал императору свои опасения.

Эта беседа сербского посланника Йовановича, о которой Билинский рассказал мне сейчас же после того, как она имела место и которая до известной степени подтвердила его точку зрения относительно несвоевременности поездки эрцгерцога, породила за последние годы

[69] «Neues Wiener Tageblatt» № 177, 28/VI 1924 г. В частном письме доктору Богичевичу, сербскому уполномоченному в делах в Берлине в 1914 г., выступившему впоследствии с резкой критикой Пашича и дипломатии Антанты, Иован Йованович кратко сообщил об этом, но не говорит, что он действовал по собственной инициативе, и менее определенно высказывается относительно даты: «в мае месяце, в конце мая, 1914 г. узнав, что эрцерцог Франц-Фердинанд собирается в Сараево на маневры в Боснии, как раз в Витов день 14—15 (27—28) июня 1914 г., я сообщил австро-венгерскому министру финансов фон Билинскому, что было бы нежелательно (не згодно), чтобы эрцгерцог руководил маневрами в день святого Витта. Это явилось бы провокацией по отношению к сербам, и могло бы произойти что-нибудь неожиданное, потому что во время маневров при стрельбе холостыми патронами может случиться, что выстрелят и военным патроном» KSF, II, 235.

много легенд. Некоторые пошли так далеко, что из замечания Йованновича сконструировали предостережение относительно убийства и намеки на возможность его. Но сам Билинский, который, будучи министром финансов, не вел никаких записей, совсем не упоминает об этой беседе с сербским посланником в своих мемуарах, написанных по памяти, и это доказывает, что он не усмотрел в них ни явного, ни скрытого предостережения» [70].

Было бы интересно услышать, что может сказать человек, получивший «предостережение». Но как это ни странно, покойный Билинский в двух томах своих воспоминаний, в которых уделено очень много места его политической деятельности, ничего не говорит об этом предостережении. Отсюда некоторые авторы сделали вывод, что он никакого предостережения не получал, так как иначе он упомянул бы о нем ввиду его исключительной важности. Но более вероятно другое: ему не хотелось вспоминать это неприятное обстоятельство — то, что он не отговорил эрцгерцога от его роковой поездки, или, по крайней мере, в качестве министра, на котором официально лежала ответственность за управление Боснией, не позаботился о том, чтобы были приняты надлежащие меры для охраны эрцгерцога, и произвести тщательные розыски в Сараеве для предупреждения покушения. Ввиду ужасных последствий, которые имело это убийство для Австрии и всего мира, такое упущение должно было терзать его, как самый ужасный кошмар [71]. Когда война еще продолжала бушевать, один австрийский историк обратился к нему с просьбой, не может ли он пролить свет на так называемое сербское предостережение относительно сараевского заговора. Билинский ответил на это кратким письмом, содержание которого очень характерно. Он писал, что охотно готов беседовать о каких угодно моментах этого неприятного дела, но только не об этом вопросе, который он хотел бы предать забвению [72]. В своих мемуарах он только выражает сожаление, что с ним не посоветовались относительно организации поездки, так как эрцгерцог выразил желание, чтобы все это дело было передано исключительно начальнику области [генералу Потиореку, губернатору Боснии и Герцеговины] как командующему войсками и чтобы министра финансов не привлекали к этому делу. «Против этого я не мог возражать, потому что я не вмешивался в организацию провинций, поскольку это касалось военного управления. В мое ведение входил только набор рекрутов и оплата связанных с этим расходов» [73]. «Слухи, что я предостерегал императора перед поездкой эрцгерцога, неверны, потому что я не имел права вмешиваться в поездку чисто военного характера, а на превращение ее в путешествие политического значения разрешение дано было помимо меня, и я о нем даже не знал». Билинский

---

[70] P. Flandrak, Bilinski's Eingreifen in die Auswärtige Politik в газете «Neues Wiener Journal», № 11289, 26 апреля 1925.

[71] В ближайшие дни после убийства он пытался порицать генерала Потпорека, военные власти и даже самого эрцгерцога за беспорядочность и упрямство при организации поездки. Margutti, Vom alten Kaiser, стр. 45 сл., 397; Conrad, IV, 37, 41, 64—70, 82—85; Musulin, Das Haus am Ballplatz, стр. 215; Seton-Watson, Sarajevo, стр. 106, сл., 154, см. также цитату из мемуаров самого Билинского, которая приведена ниже.

[72] L. Mandl, Zur Warnung Serbiens an Oesterreich, KSF, II, 108 и сл., апрель 1924; и «Ein Düsterer Gedenktag» в венской газете «Neues 8 Uhr Blatt», № 2907, от 28 июня 1924.

[73] Bilinski, I, 273.

говорит, что он изложил эти обстоятельства на аудиенции, которую имел у императора через два дня после убийства, и что император снял с него всякую ответственность. За исключением этой аудиенции он никогда не говорил о поездке эрцгерцога ни до того, как она была предпринята, ни после [74].

Из всех этих фактов можно сделать следующие выводы:

1. Приблизительно 5 июня сербский посланник в Вене Иован Иованович сделал предупреждение Билинскому, австро-венгерскому министру финансов, но не Берхтольду и не австрийскому министерству иностранных дел, как должен был бы сделать, следуя нормальной дипломатической процедуре. Такое отклонение от обычной дипломатической процедуры было при данных обстоятельствах пожалуй неблагоразумно, как это и показали дальнейшие события. Но нельзя назвать это неестественным, ибо такова была практика в течение многих месяцев. Иованович также несомненно отдавал себе отчет в том, что ему предстояло сделать сообщение весьма щекотливого характера и что ему гораздо легче беседовать на эту тему с сердечно относившимся к нему Билинским, чем с холодным и подозрительно настроенным Берхтольдом. Он не хотел также придавать своему сообщению формальный или официальный характер, и сообщение, сделанное им своему приятелю Билинскому, носило менее официальный характер, чем беседа с министром иностранных дел. Билинский не был особенно встревожен положением в Боснии и сам собирался вскоре съездить туда с женой [75]. Он не придал особого значения словам Иованович и по всей вероятности не сказал о них ни императору, ни Францу-Фердинанду или Берхтольду [76]. Неоднократные опровержения австрийского министерства иностранных дел, утверждавшего, что оно никакого официального предостережения от Сербии не получало, являются поэтому вполне правильными.

2. Возможно, что Иованович, как он сам говорил, сделал свое сообщение по собственной инициативе, но надо заметить, что в более раннем своем письме к Богичевичу он об этом не упоминает, — и, больше того, представляется странным, чтобы он предпринял столь важный шаг без разрешения или инструкции со стороны сербского министра иностранных дел. Если он действительно действовал по собственной инициативе, считая, что эрцгерцогу угрожает опасность быть убитым на маневрах вследствие нелойяльности его собственных войск и возможной замены холостого патрона боевым, то почему он ждал до начала июня? О поездке было сообщено в газетах еще в марте, Иованович сам говорит, что это было решено уже в марте и, таким образом, он мог знать о поездке еще на два месяца раньше. Относительно общего настроения боснийских войск, их лойяльности или нелойяльности он знал тогда столько же, сколько и после. Поэтому можно было бы ожидать, что если бы он действовал исключительно по собственной инициативе, то он указал бы на эту опасность значительно раньше.

Является ли только случайным совпадением, что предостережение его последовало немедленно после того, как Пашич в «конце мая или начале

[74] Там же, I, 277; но Фландрак утверждает обратное.

[75] Bilinski, I, 273.

[76] Возможно, что он сообщил об этом местным властям в Сараеве; ср. Mandl в KSF, 11, 109 апрель 1924 и Seton-Watson, Sarajevo, стр. 106.

июня» сказал Любе Иовановичу и другим членам кабинета, что какие-то люди собираются отправиться в Сараево и убить Франца-Фердинанда?» [77]. Нет ли после всего этого некоторой доли истины в утверждении профессора Дени, что Пашич пытался осторожно указать на опасность, которой подвергался эрцгерцог, и поэтому поручил своему посланнику в Вене предпринять шаги для того, чтобы по возможности предотвратить трагедию? Маститый сербский премьер был человеком достаточно хитрым и прекрасно понимал, до какой степени будет скомпрометирована Сербия, если обнаружится участие в заговоре Димитриевича и «Черной руки». Разоблачения Любы Иовановича достаточно красноречиво говорят об этой ужасной возможности. Сербия и так уже была слишком забрызгана кровью, чтобы выдержать обвинение в новом политическом убийстве и притом особы столь высокого ранга. Сербия могла подвергнуться остракизму в Европе, — и, больше того, Пашич, которому хорошо были известны австро-сербские трения, существовавшие за последнее время, понимал, что если заговор увенчается успехом, то Австрия предъявит Сербии очень резкие требования и пожалуй даже воспользуется преступлением для того, чтобы начать войну с беспокойным соседом. Между тем Пашич не хотел войны в то время, или, по крайней мере, войны, вызванной такими обстоятельствами. Он знал, что Сербии нужно по крайней мере еще несколько месяцев мира, прежде чем она сумеет начать борьбу не на жизнь, а на смерть с Австрией. Ей нужно было предварительно оправиться от балканских войн, навести порядок в своих новых территориях, которые она только что приобрела; кроме того он сомневался, согласятся ли Россия и Франция поддержать его в конфликте с Австрией, если вскроется истина, что убийство было организовано в столице Сербии при содействии офицера, занимающего высокий пост в сербском генеральном штабе, а также при содействии других членов тайного сербского общества, известных политическими убийствами, совершенными ими в прошлом. Он несомненно находился в очень затруднительном и щекотливом положении. Он хотел предупредить убийство, опасаясь его возможных ужасных последствий. Но предостеречь Австрию таким путем, который один мог привести к цели, означало для него признаться, что он посвящен в заговор; этим признанием он еще пополнил бы длинный список убийств, которые замышлялись в Сербии против двуединой монархии. При таких обстоятельствах разве не исключена возможность, что он сделал некоторый намек сербскому посланнику, который заставил последнего выразить Билинскому свое сомнение относительно лойяльности боснийских войск и вообще желательности предполагавшейся поездки эрцгерцога? В таком случае, конечно, Иованович должен был стараться сделать вид, что он говорит неофициально и исключительно по собственной инициативе. Это весьма обычный дипломатический прием. Документы, опубликованные за последнее время из германских, русских и английских архивов, содержат бесчисленное множество примеров такого рода. Когда одно правительство желает позондировать почву у другого или сделать какой-нибудь намек по особо щекотливому вопросу, то общепризнанная тактика рекомендует дать послу поручение начать разговор об этом вопросе, предварительно заверив, что в данном случае посол выражает только

[77] Люба Иованович, «Кръв словенства», стр. 9.

свое личное мнение и действует исключительно по собственной инициативе.

То обстоятельство, что Спалайкович вскоре после убийства мог заявить в Петербурге, что Белград предостерегал Вену, дает основание думать, что Пашич сделал ему такое же указание, как и Иовановичу, относительно угрожающей опасности и косвенных шагов, которые надлежит предпринять для предупреждения ее. Далее дипломатический этикет вряд ли допускает, чтобы сербский посланник в Вене позволил себе вмешиваться в такое чисто внутреннее дело другой страны, как маневры или поездка члена правящего дома. Поэтому трудно предположить, чтобы Иованович предпринял столь важный шаг и нарушил дипломатический этикет без специальных инструкций из Белграда. Пока сербские власти не найдут возможным полностью опубликовать переписку между Пашичем и Иовановичем за те несколько недель, которые предшествовали убийству, или, по крайней мере, опубликовать тот документ, в котором Иованович должен был сообщить Пашичу о своей беседе с Билинским, до тех пор можно сомневаться, действительно ли он действовал по собственной инициативе.

3. «Предостережение» было сделано в самых общих выражениях. Оно не содержало никакого намека на возможность убийства штатскими заговорщиками или на наличие какого бы то ни было заговора. В этом сходятся все сообщения, которые в остальных вопросах полны разногласий. Иованович говорил только о возможной опасности вследствие нелойяльности войск. Поэтому не приходится удивляться, что Билинский не обратил особого внимания на такое заявление. Во всяком случае это не снимает с сербского правительства вины за сокрытие сведений, касавшихся заговора на убийство, заговора, в котором участвовали его собственные офицеры. В частной жизни такое преступление называется укрывательством.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ЛЕГЕНДА О ПОТСДАМСКОМ СОВЕЩАНИИ

После опубликования документов Каутского и отчета следственной комиссии рейхстага об обстоятельствах, предшествовавших войне, излишне снова опровергать легенду, будто величайшая человеческая трагедия была подготовлена императором и его приближенными на конференции в Потсдаме 5 июня 1914 г.[1] Опровергать это — то же, что «стегать подохшую лошадь». Но на эту версию ссылалась для оправдания статьи 231 Версальского договора, комиссия мирной конференции, в которой председательствовал Лансинг. Ее повторяют Буржуа и Пажес, и повидимому ее поддерживает также и президент Пуанкаре,[2] несмотря на множество опровергающих документов, которые были в их распоряжении, когда они писали свои книги. А так как в эту легенду еще верят многие из тех, кто не имел возможности познакомиться с новейшими исследованиями относительно причин войны, то, пожалуй, все-таки стоит проанализировать этот широко распространенный вымысел как типичный пример того, каким образом война и порождаемая ею ненависть и пропаганда способствуют возникновению и процветанию мифов.

Наиболее интересная и красочная, а вместе с тем и наиболее распространенная версия о пресловутом «коронном совете в Потсдаме», происходившем 5 июля, принадлежит г. Моргентау и изложена им в только что названной его книге, в главе: «Вангенгейм рассказывает американскому послу, как император начал войну»:

> «У меня навсегда останется в памяти фигура этого германского дипломата в тревожные дни перед сражением на Марне... Удача, сопутствовавшая германской армии, привела его в такое возбуждение, что он иногда пускался на чрезмерную откровенность и однажды в своем увлечении сообщил мне некоторые факты, которые, как я полагаю, всегда будут иметь большое историческое значение.
>
> Он сказал, что император вызвал его в Берлин на имперскую конференцию. Она состоялась в Потсдаме 5 июля; председательствовал император, и присутствовали почти все важнейшие послы. Вангенгейма вызвали специально для того, чтобы он сообщил точные сведения относительно позиции, занимаемой Турцией, и осветил собравшимся общее положение в Константинополе, который в то время

[1] Henry Morgenthau, Ambassador Morgenthau's Story, N. V, 1918, стр. 86. Первоначально печаталось в журнале «The World's Work», с мая 1918; в Англии издано под заголовком «Secrets of the Bosphorus». Книга получила широкое распространение в переводе на французский и другие языки.

[2] Poincaré, Les Origines et les Responsabilités de la Grande Guerre, Paris, 1926, стр. 76; Poincaré, IV, 196—199.

считался чуть ли не узловым пунктом столкновений в предстоящей войне. Рассказывая мне о том, кто присутствовал на конференции, Вангенгейм не называл имен, но подчеркнул, что в числе присутствовавших — это обстоятельство настолько важно, что я привожу его подлинные слова, — находились die Häupter des Generalstabs und der Marine (начальники главного штаба и флота). Я понял, что он имел в виду фон Мольтке и фон Тирпица. На совещании присутствовали также крупные банкиры, директора железных дорог, руководители германской промышленности, которые все были столь же необходимы для военных приготовлений Германии, как и сама армия.

Вангенгейм рассказывал, что император торжественно ставил каждому по очереди вопрос: «Готовы ли вы к войне»? Все ответили «да» за исключением финансистов. Они заявили, что им нужно две недели для того, чтобы продать иностранные ценные бумаги и сделать заем. В то время лишь немногие считали, что сараевская трагедия неизбежно вызовет войну. На этом совещании, как мне сказал Вангенгейм, были приняты все меры, чтобы не подать повода к таким подозрениям. Совещание постановило предоставить банкирам необходимый срок для финансовой подготовки к предстоящей войне, после чего члены совещания спокойно вернулись к своим делам или отправились в отпуск. Император поехал на своей яхте в Норвегию. Бетман-Гольвег уехал в отпуск, а Вангенгейм вернулся в Константинополь.

Рассказывая мне об этом совещании, Вангенгейм конечно признавал, что Германия ускорила начало войны. Я полагаю, что он даже гордился тем, что Германия подошла к делу столь методично и дальновидно, а особенно тем, что его самого пригласили участвовать в таком историческом совещании. Я часто удивлялся, почему он посвятил меня в такую великую тайну, и полагаю, что подлинной причиной здесь было его непомерное тщеславие и желание показать мне, как близок он к императору и какую роль он сыграл в возникновении этого конфликта. Каковы бы ни были руководившие им побуждения, во всяком случае его нескромность показала мне, кто является действительным виновником этого чудовищного преступления. Различные голубые, красные, желтые книги, которые наводнили Европу в ближайшие месяцы после начала войны, а также сотни документов, изданных германскими пропагандистами для того, чтобы доказать невиновность Германии, никогда не производили на меня ни малейшего впечатления. Мое мнение относительно ответственности основано не на подозрениях, не на вере и не на изучении деталей. У меня нет основания строить догадки и предположения. Я просто — знаю: заговор, вызвавший эту величайшую человеческую трагедию, был затеян императором и его приближенными в Потсдаме, на совещании 5 июля 1914 г. Один из главных участников, будучи в полном восторге от этого, как ему казалось, удавшегося заговора, рассказал мне о нем сам, со всеми подробностями. Когда я слышу споры относительно ответственности за эту войну или читаю бестактные и лживые оправдания, которые распространяет Германия, я только вспоминаю грузную фигуру Вангенгейма, когда он явился ко мне в августе месяце, попыхивая своей большой сигарой, и рассказал мне об этом историческом совещании. Зачем же тратить понапрасну время на обсуждение этого вопроса?

Действительно зачем еще обсуждать этот вопрос? Затем, что документы, которые в настоящее время стали доступны, убедительным образом доказывают, что во всем этом рассказе нет ни слова правды — ни 1) в отношении лиц, присутствовавших на совещании, ни 2) в отношении позиции императора по вопросу об отсрочке войны, ни 3) в отношении действительной причины отсрочки войны, ни 4) в отношении производившейся якобы в ожидании войны продажи ценных бумаг.

О ЛИЦАХ ЯКОБЫ ПРИСУТСТВОВАВШИХ НА СОВЕЩАНИИ

Проанализируем этот рассказ пункт за пунктом.

«Присутствовали почти все важнейшие послы». Наиболее важными послами были: лондонский (Лихновский), венский (Чиршки), парижский (Шен) и петербургский (Пурталес).

Лихновский не присутствовал на потсдамском совещании, ибо, как он сам говорит в своем памфлете, он узнал о нем «впоследствии» [3].

Точно так же достоверно известно, что германский посол в Вене Чиршки тоже не присутствовал, ибо иначе Бетман-Гольвегу незачем было бы в телеграмме от 6 июля сообщать ему о важном свидании императора Вильгельма с австрийским послом Сегени [4], которое происходило в Потсдаме 5 июля. Об этом свидании и значении его мы будем говорить подробнее в дальнейшем. Нет также никаких указаний на то, что Шен и Пурталес приезжали в это время в Берлин.

Но может быть «важным послом», о котором говорил Вангенгейм, был он сам. Действительно барон Вангенгейм выехал 2 июля из Константинополя и 4 июля в 4 час. 25 мин. дня прибыл в Берлин. В Константинополь он возвратился 15 июля. Неверно однако, что император вызвал его на имперскую конференцию. Наоборот, он и в глаза не видел императора, а представил ему через министерство иностранных дел доклад и был чрезвычайно раздражен тем, что в эти тревожные дни император не счел нужным принять столь важную персону, как его, посланника в Турции, находившегося в то время в Берлине [5].

«Начальники главного штаба и флота». Начальника главного штаба генерала фон Мольтке безусловно не было в Потсдаме. 15 апреля 1914 г. Мольтке отправился в Карлсбад для лечения, как он привык это делать в течение нескольких лет; вместе с ним отправилась его семья [6]. 12 мая в Карлсбаде его посетил начальник австрийского генерального штаба барон Конрад, одетый в штатское. Он в течение трех или четырех часов беседовал с Мольтке об общем политическом положении. Конрад указывал на ненадежность Румынии. Говорил о возможных способах использования итальянских войск на севере от Альп, выражал пожелание, чтобы Мольтке принял стратегический план, по которому Германия в случае войны выставила бы больше войск против России и таким образом ослабила бы нажим со стороны русских на австрийцев в Галиции. При этом

[3] Lichnowsky, My London Mission, стр. 323.

[4] K. D., 15.

[5] Частное письмо баронессы Вангенгейм, находящееся в распоряжении автора.

[6] Фотографические снимки записей в полицейских книгах Карлсбада, полученные автором, показывают, что Мольтке был в Карлсбаде в 1911 г. с 8 апреля по 12 мая; в 1912 г. с 15 апреля по 8 мая; в 1913 г. с 13 апреля по 9 мая и в 1914 г. с 15 апреля по 14 мая и затем снова с 28 июня по 25 июля.

оба генерала не ожидали, что война разразится в ближайшем будущем. Разговор носил общий характер и касался политических условий и военного сотрудничества центральных держав, как это было естественно между начальниками штабов двух союзных государств. Такие разговоры они вели и раньше, и такие же разговоры вели в течение многих лет офицеры французского и русского генеральных штабов. Когда Конрад расстался с Мольтке и отправился ночным поездом обратно в Вену, они сговорились, что Конрад приедет осенью на обычные германские маневры [7]. Никому из них и в голову не приходило, что они уже больше не увидятся [8].

14 мая Мольтке выехал из Карлсбада, для того чтобы принять участие в одном из обычных инспекционных объездов генерального штаба по Вогезам. По окончании этой поездки он был в Баден-Бадене и там 1 июня беседовал с Экардштейном [9]. В это время он чувствовал себя плохо (он умер через несколько месяцев после неудачи на Марне), и по совету своего врача в воскресенье 28 июня снова вернулся в Карлсбад, еще не зная об убийстве Франца-Фердинанда, которое произошло в тот же день. В Карлсбаде он оставался, как и предполагал, до 25 июля и вернулся в Берлин 26 июля [10]. Справка, наведенная в полицейских книгах Карлсбада, показывает, что Мольтке даже после сараевского убийства вел свой обычный образ жизни, 5 июля спокойно пребывал в Карлсбаде и не затевал никакой войны на совещании в Потсдаме. Дальнейшим доказательством того, что Мольтке 5 июля не был в Потсдаме, является интересное письмо, которое прусский военный министр Фалькенгайн отправил ему 5 июля в Карлсбад и в котором он сообщает ему о беседе, происходившей в тот же день в Потсдаме между австрийским послом и императором Вильгельмом [11].

Может быть автор легенды имел в виду не Мольтке, а исполнявшего обязанности начальника генерального штаба графа Вальдерзее? Но он тоже не был в Потсдаме 5 июля; вследствие смерти, случившейся в его семье, он отправился 4 июля в Ганновер, распорядившись, чтобы его вызвали по телефону, если будет какое-нибудь важное дело. Если бы действительно состоялось важное совещание, как это изображается в легенде о Потсдамском совещании, то несомненно Вальдерзее вернулся бы в Потсдам. Между тем он приехал обратно только после похорон, 7 июля. От своего подчиненного, генерала Бертраба, он узнал о беседе, которая происходила между австрийским послом и императором Вильгельмом в его отсутствие, 5 июля. Но он придал этому так мало значения, что снова уехал из Берлина в непродолжительный отпуск, намеченный уже заранее. Если бы надо было вырабатывать какие-нибудь военные планы или если «затевалась война» и ее ожидали в ближайшем будущем, то несомненно он не покинул бы своего поста [12].

Начальника флота адмирала фон Тирпица тоже не было в Берлине:

---

[7] Подробное изложение этой беседы см. Conrad, Aus meiner Dienstzeit, III, 667—674, 701.

[8] Частные письма Конрада, находящиеся в распоряжении автора.

[9] Eckardstein, Lebenserinnerungen, III, 184—187.

[10] Подтверждается K. D., 74, 197; письмами Мольтке к жене в его «Erinnerungen», стр. 381 и Тирпицом («Erinnerungen», стр. 227).

[11] Напечатано у Montgelas, Leitfaden zur Kriegsschuldfrage, стр. 196.

[12] «Investigating Commission», I, 63—64.

он со 2 до 27 июля находился в отпуску в Тараспе в Швейцарии и поэтому не мог присутствовать на пресловутом совещании [13].

Как же обстоит с другими выдающимися лицами, о которых глухо упоминает Вангенгейм, говоря, что они «были столь же необходимы для военных приготовлений Германии, как и сама армия»? Крупп фон Болен-Гальбах, стоявший во главе больших заводов Круппа, 5 июля не был в Потсдаме, а встретился с императором в Киле, когда тот направлялся в северное плавание. Здесь в Киле он узнал о беседе императора с австрийским послом 5 июля, но не считал, что на этом основании его фирма должна делать какие-нибудь специальные приготовления [14]. Один из директоров Круппа, которого часто называли доктор Мюлон, заявил, что он ничего не слышал о потсдамском совещании до «середины июля», когда узнал об этом от доктора Гельфериха, директора «Дейтше Банк». А в 1919 г., когда Мюлона вызвали в парламентскую комиссию и попросили рассказать все, что он знает о так называемом совещании в Потсдаме и о последовавших затем военных приготовлениях, Мюлон заявил, что он не может сказать ничего нового по этому вопросу [15]. Гельферих решительным образом отрицал, что в Потсдаме происходило какое-нибудь совещание о военных приготовлениях и что он получил какие-либо официальные указания относительно принятия финансовых или экономических подготовительных мер к войне, до того как Австрия вручила ультиматум Сербии. Он высказал предположение, что все эти слухи исходят от швейцара берлинского отеля, который случайно что-то слышал о беседе императора с австрийским послом [16].

Баллин, стоявший во главе Гамбургско-американского пароходства, не был в Берлине в начале июля, так как в это время он лечился. 15 июля его запросили, не пожелает ли он отправиться в Англию, чтобы узнать у Хольдена, насколько правильны слухи об англо-русском морском соглашении. Ни он, ни директор Северо-германского Ллойда не могли присутствовать на потсдамском совещании, потому что они повидимому до 20 июля совершенно не были осведомлены о возможности каких-либо военных осложнений [17]. Статс-секретарь фон-Ягов вернулся из Швейцарии, где он проводил свой медовый месяц, только 6 июля [18].

Из всего этого видно, что как раз те лица, относительно которых наиболее естественно предполагать, что они должны были присутствовать на таком совещании, если бы оно действительно имело место, отсутствовали 5 июля и ничего не предпринимали по «организации войны». Наконец следует отметить, что ни сэр Гораций Рембольд, который в начале июля ведал делами британского посольства в Берлине, ни кто либо из его кол-

---

[13] Tirpitz, Erinnerungen, стр. 204 сл., 208 сл.; «Investigating Commission» I, 60, 67, 72.

[14] «Investigating Commission», I, 60, 67, 72.

[15] Там же.

[16] Там же, стр. 88; Helfferich, Vorgeschichte, I, 175—186.

[17] K. D., 56, 80, 90.

[18] Jagow, Ursachen und Ausbruch des Weltkriegs, стр. 97. Первый документ, помеченный его рукой, относится к 8 июля; K. D., 18, прим. 2. Лихновский говорит («My London Mission», стр. 323 и сл.), что «вскоре после решающего совещания в Потсдаме 5 июня... Ягов был в Вене для переговоров с Берхтольдом». Это абсолютно ничем не подтверждается. В сотнях опубликованных теперь телеграмм, которыми обменивались Берлин и Вена, нет ни малейшего намека на такой визит.

лег по дипломатическому корпусу не имели в то время никакого представления о том, что состоялось совещание, вроде того, о котором рассказывает Вангенгейм. Если бы такое совещание имело место, то несомненно, через несколько дней или недель слухи о нем дошли бы до них. В 1917 г., когда эта легенда распространилась, Рембольдт склонен был думать, что это газетная утка [19].

ПОЗИЦИЯ КАЙЗЕРА В ВОПРОСЕ ОБ ОТСРОЧКЕ ВОЙНЫ

В приведенном выше рассказе барон Вангенгейм говорит, что император и совещание постановили отложить выступление на две недели, для того чтобы дать возможность банкирам продать иностранные ценные бумаги. Это не соответствует действительности. В документах Каутского приведено много фактов, относящихся к тому времени и свидетельствующих, что император желал, чтобы Австрия, если она намерена что-нибудь предпринять против Сербии, не откладывала этого дела. По его мнению, ей следовало это сделать как можно скорее, пока Европа, ошеломленная ужасным преступлением в Сараеве, еще сочувствует Габсбургам и возмущена действиями сербских цареубийц. Когда он прочел, что германский посол в Вене через два дня после сараевского убийства «пользовался всяким случаем, чтобы спокойно, но чрезвычайно энергично и серьезно предостеречь (Берхтольда) от неосмотрительных шагов», император сделал пометку на полях: «Теперь или никогда! Кто его уполномочил на это? Это очень глупо. Это совсем не его дело. Австрия должна сама решить, как ей поступать в этом деле; иначе, в случае неудачи, скажут, что Германия не захотела. Пускай Чиршки прекратит эту бессмыслицу! Дело с сербами надо привести в полную ясность, и притом быстро. Это самоочевидная истина» [20]. Австрийский посол в Берлине тоже сообщил в своих донесениях, что император сказал ему «что он будет огорчен, если мы не воспользуемся настоящим моментом, который для нас столь благоприятен» [21]. Когда Чиршки 14 июля сообщил, что сам Берхтольд убежден в «желательности действовать как можно скорее», император подчеркнул эти слова дважды, а когда он узнал, что вручение ультиматума отложено более чем на две недели, до того времени, пока президент Пуанкаре не уедет из Петербурга, он сделал пометку: «Жалко» [22].

Итак, вместо того чтобы настаивать на отсрочке, как это утверждает Вангенгейм, император со свойственной ему стремительностью желал, чтобы Австрия действовала во что бы то ни стало и как можно скорее.

ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫЕ ПРИЧИНЫ ОТСРОЧКИ

Точно так же лишено всякого основания объяснение, приводимое Вангенгеймом для отсрочки вручения ультиматума на две недели: «Финансисты сказали, что им нужно две недели, для того чтобы продать свои иностранные ценные бумаги и заключить займы». В действительности инициатива отсрочки исходила всецело от Вены, а не от Берлина. Она вызывалась главным образом двумя моментами, на которые неоднократно

[19] O m a n, The Outbreak of the War of 1914—1918, стр:, 16, и сл.
[20] K. D., 7.
[21] Сегени—Берхтольду, 5 июля A.R.B. I, 6.
[22] K. D., 40, 50.

указывалось в германских и австрийских документах, опубликованных в 1919 г. Во-первых, Берхтольд, австро-венгерский министр иностранных дел, не мог действовать против Сербии, не заручившись согласием венгерского премьера Тиссы. Потребовалось две недели, прежде чем удалось убедить Тиссу взять обратно его первоначальный отказ дать согласие на насильственные действия против Сербии.

Вторая и самая важная причина отсрочки заключалась в том, что Берхтольд не желал вручать ультиматум Сербии, пока не был уверен, что президент Пуанкаре и французский премьер Вивиани покинули Петербург и находятся за пределами досягаемости, в открытом море, по пути во Францию. Он опасался, что под влиянием настроения, созданного шампанским, франко-русскими тостами и шовинизмом Пуанкаре, Извольского, великого князя Николая Николаевича и других собравшихся в Петербурге лиц, Россия может легче решиться оказать военную поддержку Сербии и таким образом расстроить планы Австрии относительно «локализации» конфликта с Сербией [23].

О ЯКОБЫ СОСТОЯВШЕЙСЯ В ОЖИДАНИИ ВОЙНЫ ПРОДАЖЕ ЦЕННЫХ БУМАГ

За рассказом, переданным со слов барона Вангенгейма, в книге Моргентау следует параграф, который мало способствует увеличению доверия к его повествованию о том, «как император начал войну». Для того чтобы подтвердить правильность сообщения Вангенгейма в этом параграфе, Моргентау утверждает следующее:

«Имперское совещание происходило 5 июля, сербский ультиматум был отправлен 22 июля (sic). Это как раз тот интервал в две недели, которого потребовали финансисты для завершения своих планов. Все крупные биржи показывают, что германские банкиры с выгодой для себя использовали этот интервал. Из биржевых отчетов за это время видно, что ценные бумаги продавались в большом количестве и курсы их быстро падали. Денежный рынок был несколько удивлен таким явлениям, но объяснение Вангенгейма устраняет все сомнения, которые могли здесь еще оставаться. Германия ввиду войны превращала свои ценные бумаги в наличные деньги.

Если кто-нибудь желает проверить Вангенгейма, то я советую ему познакомиться с курсами нью-йорской биржи за эту историческую неделю. Он увидит, что там наблюдалось поразительное падение курсов, особенно на бумаги, котировавшиеся на международном рынке. С 5 по 22 июля акции «Union Pacific» упали с 155½ до 127½. Акции железной дороги Бальтимор-Огайо упали с 91½ до 81, акции Стального треста — с 61 до 50½, акции Канадской тихоокеанской жел. дороги — со 194 до 185½, акции Северной тихоокеанской жел. дороги — с 11⅜ до 108... Биржевые маклеры на Уольстрите и специалисты по финан-

[23] Об отсрочке из-за Тиссы, ср. ARB, I, 2,8, 9, 10, 19, 26; K. D., 18, 19, 29, 40, 49, 50; об отсрочке вследствие пребывания Пуанкаре в России см. ARB, I, 19, 21,26, 39, 57, 62; K. D., 50, 65, 93, 96, 108, 127. Два других, менее важных основания для отсрочки заключались в желании Берхтольда выждать сбора урожая, а также выждать результатов судебного следствия в Сараеве, которое, как предполагали, даст основания для обвинений против Сербии; ср: Conrad, IV, 72, Dirr, стр. 129.

совым вопросам вряд ли отдавали себе отчет в том, что действительной силой, вызвавшей падение курсов, было имперское совещание, состоявшееся в Потсдаме под председательством кайзера» [24].

Если последовать предложению Моргентау и проследить курсы нью-йоркской биржи за эти недели, и прочесть соответствующие комментарии «New York Times», то окажется, что ни курсы, ни количество сделок не свидетельствуют о том, чтобы огромные пакеты ценных бумаг, находившихся в Германии, перепродавались втихомолку и тем вызывали депрессию на нью-йоркской бирже в указанные две недели. Бумаги, которые он упоминает, упали в курсе незначительно или совсем не упали... Такое понижение курсов, какое имело место тогда, вполне соответствовало общей понижательной тенденции, наблюдавшейся, начиная с января, и вполне удовлетворительно объясняется местными американскими понижательными влияниями, например опубликованием неутешительных данных Междуштатной торговой комиссии. Приведем факты. Поразительное падение курсов «Union Pacific» с 155½ до 127½, о котором говорит Моргентау, в действительности означало повышение курса на несколько пунктов: «Union Pacific» продавали на 20 июля без дивиденда и без прав, вытекающих из обладания акциями. Дивиденд и дополнительные права расценивались в 30⅝. Другими словами, акции следовало продавать на 22 июля приблизительно по курсу 125, в действительности же их продавали по 127½. Таким образом к концу двух недель, относительно которых утверждают, что это был период депрессии, вследствие продаж по поручению из Берлина, акции «Union Pacific» не только не упали в курсе, но в сущности котировались на два пункта выше, чем прежде [25].

Акции железных дорог Балтимора — Огайо, Канадской тихоокеанской и Северной тихоокеанской действительно 14 июля упали в курсе, и есть данные, свидетельствующие о том, что из Европы были приказы о продаже. Но это, очевидно, объясняется тем обстоятельством, что акции железной дороги Балтимора — Огайо падали беспрерывно, начиная с января, а отчасти тем, что на курс всех железнодорожных акций весьма неблагоприятно повлиял доклад Междуштатной торговой комиссии о деятельности железной дороги Нью-Йорк — Нью-Гевен и Гартфорд. Характерны комментарии по этому поводу в «New York Times» от 15 июля: «Акции за последнее время были устойчивы, несмотря на значительную слабость отдельных эмиссий, но они не могли удержать свои курсы после сегодняшней усиленной продажи акций железной дороги Нью-Гевен и некоторых других. Были моменты, когда казалось, что на рынке произойдет резкий крах, и только оживленные сделки на срок, состоявшиеся в конце биржевого дня, помешали падению многих акций... Европа продавала на нашем рынке акции в чрезвычайно большом количестве как за

[24] Ambassador Morgenthau's Story, стр. 86 и сл.

[25] Ср. статью «Taking off U. P. Dividend» в «NewYork Times» от 18 июля: «Потребуется некоторое время, прежде чем опытные биржевики привыкнут к тому, что акции «Union Pacific» дают 8%. Отвлекаясь от прочих факторов, которые могут за воскресенье повлиять на курсы всех акций, надо ожидать, что в понедельник утром (20 июля) котировка акций «Union Pacific» начнется с курса 125¾, не считая дивиденда. Вчера котировка закончилась при курсе 156⅜, и после сегодняшнего дня с курса будет производиться скидка за дивидендный купон и прочие права в размере 30 ⅝ долл.».

свой счет, так и за счет Америки. По телеграфным сведениям, доклад комиссии по делу Нью-гевенской дороги произвел чрезвычайно неблагоприятное впечатление за границей. Такое официальное осуждение приемов, применяемых в управлении имуществом большой железной дороги, не могло не повлиять на отношение Европы к американским ценностям» [26].

Чрезвычайно странное впечатление производит утверждение, касающееся акций Стального треста, будто за время с 5 по 23 июля они упали с 61 до 50½. В действительности, как можно убедиться на основании биржевых бюллетеней, акции Стального треста за эти две недели ни разу не стояли ниже $59^5/_8$, а 22 июля курс их был как раз такой же, как и за две недели до того [27].

Поэтому на поверку оказывается, что нью-йоркая биржа ни в какой мере не подтверждает распространенной версии, будто германские банки попросили отсрочки на две недели, чтобы обратить в золото американские ценности и таким образом подготовиться к войне, которая уже была предрешена. В действительности резкое падение курсов на нью-йоркской бирже началось после 23 июля, когда был опубликован австрийский ультиматум Сербии [28]. Самое содержание его вызвало всеобщую тревогу. Через неделю тревога перешла почти в панику, и заправилы биржи решили прекратить всякие операции, пока не восстановятся нормальные условия, как это уже раньше сделали все европейские биржи.

В связи с этим можно привести еще одно интересное показание. Вильям Плендер, бывший во время войны контролером «находящихся в Лондоне агентств банков вражеских стран», представил 16 декабря 1916 г. канцлеру казначейства доклад, который затем был передан палате общин. В числе прочего британское правительство поручило Плендеру выяснить, производили ли лондонские отделения германских банков в течение нескольких недель, непосредственно предшествовавших войне, необычные по размерам продажи ценных бумаг по поручению из-за границы, а также наблюдалась ли выходившая за пределы обычного отправка золота или серебра. Он сообщил, что, несмотря на тщательную проверку книг означенных германских банков, он не усмотрел каких-либо сделок, выходивших за пределы обычных, равно как и «не нашел никаких указаний на то, что банки отправляли из Лондона ценные бумаги или драгоценные металлы в слитках» в течение нескольких недель, непосредственно предшествовавших войне. Наоборот у одного только Дейтчше-банк к моменту, когда вспыхнула война, имелось в Лондоне на текущих счетах около 50 млн. долларов. Банк мог с легкостью перевести их в Голландию или Германию, если бы он предполагал, что будет война, которую император затеял будто бы на «потсдамском совещании».

---

[26] «New York Times», 15 июля, стр. 1, 2.

[27] 5 июля, день, указываемый Моргентау, было воскресенье. В действительности курс обыкновенных акций Стального треста в понедельник 6 июля был $61^7/_8$, а 22 июля — $61^7/_8$.

[28] Правда, в Вене и Будапеште, но не в Нью-Йорке, на бирже тревожное понижение началось до 23 июля, что несомненно объясняется подозрениями, возникшими относительно предстоявшего выступления Берхтольда.

ВЫВОДЫ

Очевидно, что «потсдамское совещание» было мифом. Мы имеем здесь интересный пример того, как в атмосфере военной пропаганды и готовности верить чему угодно относительно противника зарождаются, расцветают и получают широкое распространение легенды. Но остается еще разобрать несколько интересных вопросов. Как впервые возникла эта легенда? Как она облеклась в ту окончательную форму, в которой ею воспользовались Лансинг и его соратники на парижской мирной конференции в качестве доказательства виновности Германии?

Как будет указано в следующей главе, император имел 5 июля в Потсдаме длительную беседу с австрийским послом и с некоторыми германскими сановниками. Вполне возможно, как предполагает Гельферих, начало легенде положил швейцар в берлинском отеле, который краем уха уловил разговор об этих собеседованиях и передал их дальше в преувеличенном виде. В сентябре 1914 г. в голландской газете «Nieuwre Rotterdamsche Courant» появилось сообщение о совещании, имевшем место в Потсдаме 5 июля, на котором присутствовали видные германские и австрийские государственные деятели, в том числе Берхтольд, Тисса, Конрад, эрцгерцог Фридрих, и на котором в основных чертах был набросан роковой ультиматум. Сообщение это в то время прошло почти незамеченным, так как внимание всего мира было тогда сосредоточено на сражении при Марне. Об этом сообщении забыли, и оно снова всплыло в 1917 г. и получило широкое распространение благодаря социалистам в Германии, а также благодаря ссылке на него князя Лиховского и широкому обсуждению его в европейской печати. Книга Моргентау была написана вскоре после этого, и в 1919 г. ее уже цитировали на мирной конференции, когда устанавливали ответственность за войну.

Разве не странно, что барон Вангенгейм сообщил Моргентау столько красочных деталей, резко противоречащих действительности? Как мог он решиться сделать столь важное разоблачение, и притом столь компрометирующее его правительство? Германия в то время, в первые недели войны, всячески старалась завоевать благорасположение США и заставить весь мир поверить, что война ей навязана и что она борется в целях самозащиты. Такое заявление, какое приписывается Вангенгейму, причинило бы Германии бесконечный вред.

И чем объяснить, что американский посол не сообщил в Вашингтон то, что, пожалуй, было самым важным из всего когда-либо слышанного им в Константинополе? А между тем тщательные розыски, произведенные в архивах государственного департамента в Вашингтоне, показывают, что не существует никакой телеграммы или депеши, в которой бы воспроизводился этот интересный разговор с бароном Вангенгеймом, и сам Моргентау в своей книге нигде не говорит, что он сообщал что-либо об этом в Вашингтон.

ГЛАВА ПЯТАЯ

ПОДГОТОВКА АВСТРИЙСКОГО УЛЬТИМАТУМА

Убийство Франца-Фердинанда и его жены сразу вывело Берхтольда из состояния нерешительности, в котором он пребывал. Он пожелал воспользоваться этим преступлением как хорошим предлогом, для того чтобы внести ясность в неудовлетворительные отношения с Сербией и раз навсегда положить конец той опасности, которая угрожала двуединой монархии вследствие великосербской пропаганды и русских интриг против австрийского влияния на Балканах. Уже давно в некоторых кругах в Вене все более крепло убеждение, что политическое положение на Балканах становится для Австрии опасным и нетерпимым. Благодаря балканским войнам Сербия сильно расширила свою территорию и увеличила свое население; вместе с тем выросли и ее притязания. Великосербское движение, при поддержке растущего национального движения южных славян монархии Габсбургов, становилось все более мощным. Весной 1914 г. ходили слухи о предстоящем слиянии Сербии и Черногории. Это дало бы Сербии выход к Адриатическому морю и угрожало бы существованию еще непрочного, находившегося в младенческом состоянии албанского государства; тем самым ставились под угрозу мероприятия, при помощи которых Австрия пыталась защитить себя от славянской опасности на южной границе. На Румынию уже нельзя было полагаться как на надежного союзника; ирредентистская румынская агитация в Венгрии нисколько не ослабевала. Существовало подозрение, что Балканская лига в составе Сербии, Румынии и Греции пользуется тайной поддержкой России и только выжидает удобного момента — смерти престарелого Франца-Иосифа или европейской войны, чтобы расчленить Австрию, освободив ее угнетенные национальности. Сама же Россия овладела бы тогда проливами и получила бы свободный выход в Средиземное море. Россия быстро вооружалась, строила стратегические железные дороги и производила пробные мобилизации. Франция предоставляла России на это дело многомиллионные займы и одновременно усиливала свои собственные вооружения. Албания, созданная Австрией специально в противовес Сербии, пребывала в состоянии хаоса, бунта, поднятого против слабого правителя, которого посадили на ее престол после долгих поисков. Бегство принца Вильгельма Вида породило насмешливый каламбур: «Les caisses sont vides, le thrône est vide, tout est vide» *. Постоянное скрытое раздражение, существовавшее между Италией и Австрией и вызы-

---

[1] Dirr, стр. 13; K. D., IV, стр. 130.

* Vide — имя албанского принца; vide по французски — пустой. Le thrône est vide — «на троне Вид» и «трон пуст». Полный перевод: кассы пусты, на троне Вид (= трон пуст), все пусто. — *Прим. ред.*

вавшееся претензиями итальянских ирредентистов на Триест и Триент, а также соперничество между Австрией и Италией на Балканах снова обострились вследствие издания Австрией закона, по которому лицам, родившимся в Италии, запрещалось занимать муниципальные должности в Триесте. Даже Германия, по мнению австрийцев, проявляла раздражающее невнимание к интересам своего союзника на Балканах и к тем опасностям, с которыми там сталкивалась Австрия. Для того чтобы заставить Германию уважать Австрию как ценного союзника (bündnisfähig), рекомендовалось усвоить более энергичную политику и показать, что Австрия способна действовать решительно и что она действительно является положительной, а не отрицательной величиной в Тройственном союзе.

Таким образом еще до Сараева многие государственные деятели в Вене считали, что надо что-то предпринять для того, чтобы монархия Габсбургов не разлетелась вдребезги от внутренней слабости и нерешительности или от жестоких ударов, которые ей могли нанести в недалеком будущем ее враги. Известие об убийстве эрцгерцога чрезвычайно усилило это настроение. Считали, что если Австрия не будет активно реагировать на удар, нанесенный ее династии, и не примет решительных мер для того, чтобы положить конец великосербской опасности, ее престиж на Балканах и в Европе будет утрачен навсегда, ибо тогда может укрепиться мнение, усиленно распространяемое сербами, что Австрия подтачивается изнутри и что она скоро подвергнется разделу подобно Турции и для нее окажется место только в «историческом музее». Думали, что противники будут теперь еще более склонны игнорировать ее интересы и даже напасть на нее и что поэтому нужно показать, что у нее достаточно жизненных сил для восстановления своего престижа и для того, чтобы укрепить свои позиции. Лучше всего рекомендовалось сделать это немедленно: в дальнейшем положение может только ухудшиться, так как Россия закончит свои вооружения, а националистические вожделения еще больше усилятся. Указывали, что существование Австрии как великой державы поставлено на карту. Начальник генерального штаба и глава военной партии в Вене Конрад впоследствии писал:

«Две возможности резко противостояли друг другу: либо сохранение Австро-Венгрии в виде конгломерата различных национальностей, которые сплотятся в одно целое по отношению к внешнему миру и будут сообща строить свое благополучие под управлением общего монарха, либо образование отдельных и независимых государств, которые захватят австро-венгерские территории, заселенные представителями их наций, и таким образом разрушат монархию.

Конфликт этих двух взаимно исключающих возможностей давно уже предвиделся раньше и теперь благодаря действиям Сербии обострился. Нельзя было дальше откладывать решение.

Вследствие этого, а не из мести за убийство, Австро-Венгрия должна была обнажить меч против Сербии...

Австро-Венгрия не могла больше сохранять холодное безразличие, спокойно выносить эти провокации и проявлять христианское смирение, которое велит, если вас ударили по одной щеке, подставить другую. Дело не в рыцарской дуэли с «бедной маленькой» Сербией, как она любила себя называть, и не в наказании за убийство. Тут

прежде всего стоял практически чрезвычайно важный вопрос о престиже великой державы, и притом великой державы, которая своим постоянным терпением и уступчивостью (в этом была ее ошибка) создавала впечатление бессилия и делала своих внутренних и внешних врагов все более агрессивными, вследствие чего они все стали настойчивее добиваться разрушения старой империи.

Новая уступка, особенно теперь, после насильственного акта, совершенного Сербией, дала бы волю всем стремлениям, которые уже подтачивали здание империи, — южно-славянской, чешской, руссофильской и румынской пропаганде и итальянскому ирредентизму...

Сараевское убийство разрушило карточный домик, сооруженный дипломатией, в котором Австро-Венгрия считала себя в безопасности. Монархию схватили за горло, и ей приходилось выбирать между возможностью быть задушенной или попыткой сделать последние усилия, для того чтобы предотвратить свою гибель» [2].

Поэтому Конрад, убежденный, что Австрия в интересах самосохранения должна воевать с Сербией, добивался у Берхтольда согласия на немедленную мобилизацию против Сербии. Но Берхтольд сказал, что это встречает затруднения: нужно подготовить общественное мнение, необходимо сначала найти основания для войны, почерпнув их из следствия, производимого в Сараеве; Франц-Иосиф не соглашается на немедленное выступление, а венгерский министр-президент граф Стефан Тисса вообще против всякой войны с Сербией, так как опасается, что Россия нападет на Австрию и что Германия и Румыния не окажут ей помощи. Конрад был вынужден признать, что действительно рискованно начинать войну с Сербией, пока нет уверенности, что Германия будет защищать австрийский тыл от нападения со стороны России [3]. Однако Берхтольд подобно Конраду пришел к убеждению в необходимости локализованной войны с Сербией. В течение следующих дней он старался набросать план помощи, которую должна была оказать Германия, сконструировать обвинение против Сербии и преодолеть два основных внутренних препятствия, мешавших немедленной локализованной войне с Сербией,— нерешительность Франца-Иосифа и оппозицию со стороны графа Тиссы.

ИМПЕРАТОР ФРАНЦ-ИОСИФ

Когда произошло сараевское убийство, император Франц-Иосиф еще не вполне оправился от болезни, которой страдал всю зиму и которая, как многие предполагали, могла иметь роковые последствия для престарелого монарха. Все войны, которые он вел в прошлом, кончались поражением, а иногда утратой части территории или даже тем и другим. Он не был в большом восторге от Конрада как начальника генерального штаба и далеко не оптимистически расценивал те реформы, которые тот произвел в австрийской армии. Не подлежит сомнению, что он хотел мирно закончить свою жизнь. Но теперь, под влиянием сообщений о панславянских интригах Гартвига в Белграде, о великосербской пропаганде

[2] Conrad, IV, 31 и сл.; ср. Berchtold в «Courrent History», июль 1928.
[3] Conrad, IV, 33 сл.; беседы, происходившие 29 июня и 1 июля.

и под влиянием последней трагедии, постигшей его семью, он стал опасаться, что отношения с Сербией станут в конце концов нетерпимыми. «Я очень мрачно смотрю на будущее, — сказал он германскому послу 2 июля, — особенно меня беспокоит пробная мобилизация в России, намеченная на осень, как раз в то время, когда мы сменяем у себя контингенты новобранцев. Гартвиг — полный хозяин в Белграде, и Пашич ничего не делает, не посоветовавшись с ним». «Все, с кем я связан, умирают», — с грустью сказал он по поводу внезапной смерти начальника итальянского генерального штаба генерала Поллио, который был одним из немногих верных сторонников Тройственного союза в Италии. Однако при всем своем унынии и пессимизме Франц-Иосиф очевидно не ожидал в ближайшем будущем даже локализованной войны с Сербией, ибо он говорил о своих планах на лето и о предстоящей охоте на оленей [4].

Три дня спустя, 5 июля, когда Конрад настаивал на мобилизации, Франц-Иосиф отказался дать на нее разрешение. «Нет, это невозможно», — сказал он и указал на опасность нападения со стороны России и на неуверенность в помощи Германии. Перед свиданием в Конопиште он просил Франца-Фердинанда добиться от императора Вильгельма безоговорочного заявления, что Австрия может рассчитывать на Германию. Но Вильгельм II не пожелал связать себя таким обещанием [5]. 7 июля Франц-Иосиф отправился на летний отдых в Ишль, не пожелав принять никакого решения, которое могло бы повлечь за собой войну. Некоторые чрезвычайно важные документы, которые Берхтольд представил ему в течение следующих дней, подписаны дрожащей его рукой. Подпись, сделанная карандашом, означает, что он читал эти бумаги; но на них нет уже тех проницательных пометок, какие он делал на докладах в прежние годы, когда был еще полон сил. Вполне возможно, что престарелый монарх уже не вполне уяснял себе последствия той политики, которую стремился теперь проводить Берхтольд [6]. У нас нет удовлетворительного изложения тех бесед, которые происходили между ним и его министром иностранных дел. Но, повидимому, Берхтольд без большого труда добивался одобрения предлагаемых им мероприятий. Сладить с Тиссой было труднее.

МИРНАЯ ПРОГРАММА ТИССЫ

Граф Стефан Тисса [7], знаменитый сын знаменитого отца, был, пожалуй, наиболее способным и выдающимся политическим деятелем того времени во всей двуединой монархии. Со своими коротко остриженными волосами, квадратным темным лицом, одетый в развевающийся венгерский ментик, он производил среди мадьярских аристократов впечатление маленького гиганта, когда выступал в качестве руководителя партии большинства, как это делал до него его отец. Он отчетливо видел опасности, угрожавшие со всех сторон и умел хладнокровно оценивать их.

---

[4] Чиршки — Бетману, 2 июля; K. D., 9, 11.

[5] Conrad, IV, 36 и сл.

[6] Wilhelm Fraknoi, Die ungarische Regierung und die Entstehung des Weltkrieges (Wien, 1919), стр. 34; Gooss, стр. 40; Margutti, стр 391 сл.

[7] Смерть наложила кровавую печать на его уста: в самом конце войны Тисса был убит напороге своего дома. Все считали, что он являлся одним из главных виновников войны. Скудные указания на июльский кризис 1914 г. в оставшихся после него бумагах и на статьи, старающиеся обелить его память, приведены ниже в прим. 77, 78.

Он в точности знал, чего хочет, и когда в июне 1913 г. он стал венгерским министром-президентом, то благодаря своему официальному положению сумел заставить прислушиваться к своему мнению. Еще весной 1914 г. он разработал дипломатическую «политику дальнего прицела», «politique de longue main», о которой мы еще будем подробно говорить дальше. Ее задачей было привлечь Болгарию на сторону Германии и Австрии и обеспечить по крайней мере на несколько лет мир на Балканах. Эта мирная программа была усвоена с некоторыми изменениями Берхтольдом и положена в основу обширного меморандума, предназначенного для Берлина, как раз перед тем как известие, полученное из Сараева, побудило Берхтольда внезапно заменить эту программу военной программой Конрада. Но Тисса не принадлежал к числу людей, у которых мнения, сложившиеся по зрелом размышлении, могут быть опрокинуты в один миг, хотя бы под впечатлением такого преступления. 29 июня, на другой день после убийства, он поспешил в Вену, чтобы выразить Францу-Иосифу соболезнование от имени Венгрии. Тогда он еще не представлял себе, что политика монархии должна будет измениться вследствие этого события. Выразив соболезнование императору, Тисса посетил министерство на Бальплаце, ничего не подозревая о внезапной перемене в позиции министра иностранных дел. Но здесь он к неприятному своему удивлению узнал о намерении Берхтольда «использовать ужасное сараевское преступление как повод для окончательного сведения счетов с Сербией» [8].

Тисса тотчас же откровенно сказал Берхтольду, что было бы «роковой ошибкой» спровоцировать такую войну с Сербией. Это выставило бы Австрию к позорному столбу, «перед всеми народами как нарушительницу мира, не говоря уже о том, что это значило бы начать большую войну при самых неблагоприятных обстоятельствах». Но, повидимому, его слова не произвели большого впечатления на Берхтольда. Во всяком случае по возвращении в Будапешт Тисса счел своим долгом сообщить Францу-Иосифу о безрассудных планах Берхтольда и предостеречь против них. Так как ожидалось прибытие императора Вильгельма в Вену для личного выражения соболезнования монарху, то Тисса попросил Франца-Иосифа воспользоваться этим случаем и «убедить его поддержать нас в намеченной нами балканской политике» [9], т. е. в деле привлечения к союзу Болгарии и сохранения мира на Балканах. В конфликте с Берхтольдом Тисса хотел использовать влияние Германии в интересах своей дипломатической программы мира против новой и безрассудной программы войны, намеченной Берхтольдом. Но Берхтольд сам прибег к этому же средству и действовал против Тиссы его же оружием.

Ввиду ненадежности Румынии как союзника и ввиду того, что положение двуединой монархии после балканских войн становилось все более опасным, Тисса составил в марте 1914 г. докладную записку, в которой набросал программу мира, восстановления сил и улучшения дипломатического положения на Балканах; он представил эту записку Францу-Иосифу и Берхтольду и надеялся, что она будет поло-

[8] Тисса — Францу-Иосифу, 1 июля; ARB, I, 2.

[9] Тисса — Францу-Иосифу, 1 июля; ARB, I, 2. Ср. также послевоенные заявления Берхтольда, Гойоса, Визнера, Ягова и Циммермана в «Current History», июль 1928, стр. 628—636.

жена в основу зрело обдуманной австро-венгерской политики на Балканах. Содержание записки сводилось к следующему [10]:

Балканские войны и Бухарестский мир поставили Австрию в невыносимое положение. До тех пор пока это положение не улучшится, не может быть никакого настоящего длительного мира. С другой стороны, всеобщее истощение и уныние слишком велики, чтобы в ближайшем будущем было возможно успешное военное выступление. Ненависть и распаленные страсти мешают разумному, правильному суждению о собственных интересах, равно как и об интересах соседей. Чрезмерная самоуверенность победителей в такой же степени препятствует правильной оценке положения, как и озлобление побежденных. Австрия не сумеет заставить балканские государства правильно оценить ее значение и не может добиться у них уважения к своим интересам и к своему мнению, пока не рассеется весь этот угар и не восторжествует холодный рассудок. Было бы величайшей ошибкой слишком спешить с решением и форсировать события, которые могут явиться только результатом хорошо продуманной и медленно и терпеливо проводимой политики.

Тем не менее не следует впадать в апатию и бездеятельность. Наоборот, необходимо усвоить хорошо продуманную «политику дальнего прицела», которая должна постепенно устранить внутренние затруднения и создать более благоприятное положение на Балканах. «Мы должны иметь в виду не только наши собственные интересы, но также и пригти к полному соглашению с Германией. Наша задача трудна, и не может быть речи об успехе, пока мы не будем вполне уверены, что Германия поймет нас, будет с нами считаться и окажет нам поддержку. Германия должна усвоить, что Балканы имеют решающее значение не только для нас, но и для Германской империи».

Что касается России, то Тисса не верил, что она собирается немедленно воевать. Своей агрессивной политикой и бряцанием саблей Россия, по его мнению, стремилась только произвести впечатление на балканские государства и поощряла националистическое движение в Румынии и Сербии. Эта политика могла, пожалуй, привлечь на сторону царя также Фердинанда болгарского. Но Тисса полагал, что Болгарию можно и нужно переманить на сторону центральных держав. Конечно Фердинанд после второй балканской войны, очутился в отчаянном положении вследствие своей собственной сумасшедшей политики и потому, что не последовал совету Австрии; но это не помешает Болгарии, зажатой между Румынией, Сербией и Грецией и продолжающей находиться под угрозой со стороны Турции, броситься в объятия России, если Австрия не окажет ей серьезной поддержки. Такая комбинация, при которой Болгария очутится под русским протекторатом и помирится с остальными христианскими государствами на Балканах, повлечет за собой успешную войну против Австрии, причем Болгария получит в награду Македонию. Австрия оказалась бы в таком случае окруженной железным кольцом, которое Россия все время так настойчиво выковывает. Военное превосходство Тройственного согласия на континенте достигло бы таким образом своего завершения, и тогда настал бы долгожданный момент, когда Россия и Фран-

[10] Franknoi (стр. 7—13) приводит немецкий текст, отправленный Тиссой в Вену. Немецкий и английский перевод мадьярского оригинала Тиссы приводит Marczali в «Am. Hist. Rev.», XXXIX, 303—310, январь 1924.

ция могли бы с превосходными силами напасть на Германию и начать мировую войну с шансами на успех.

Но Тисса полагал, что Тройственное согласие не нападет на Германию, пока Россия не привлечет на свою сторону Болгарию, чтобы таким образом угрожать Австрии войной на три фронта. Решение европейских проблем надо искать на Балканах и в частности в привлечении Болгарии на сторону центральных держав. Это в одинаковой мере диктуется жизненными интересами как Германии, так и Австрии. Поэтому двуединая монархия должна стремиться противопоставить балканской политике России хорошо продуманную и строго согласованную германо-австрийскую политику. Тисса считал, что лучшим способом для привлечения Болгарии было бы дать Фердинанду надежду на приобретение Македонии. Это приобретение не может быть осуществлено сразу. Болгарии потребуется несколько лет, для того чтобы собраться с силами и залечить раны, нанесенные войной. На это время центральные державы должны гарантировать Болгарии защиту против нападения — будь то Турции или Греции. В Румынии общественное мнение резко враждебно Венгрии, но необходимо приложить усилия к тому, чтобы король Карл оставался верен союзу, и надо убедить его, что Румынии не угрожает опасность со стороны Болгарии. Германия и Австрия должны впредь совместными силами стараться создать благоприятную группировку балканских государств. Румынию и Грецию надо отвлечь от Сербии и помирить с Болгарией на условии расширения Болгарии за счет Сербии.

Такова была в основных чертах политика, которую, по мнению Тиссы, надо было предложить Германии, с тем чтобы обе центральные державы поддерживали друг друга в Софии, Бухаресте и Константинополе. В конце своего доклада он снова повторяет, что для настоящего времени он рекомендует политику мира и что «только в относительно отдаленном будущем Болгария сумеет вознаградить себя Македонией». В заключительных словах он снова подчеркивает: «На Балканах мы должны сначала сохранять мир и подготовить благоприятную обстановку. И к этому надо приступить безотлагательно».

Программа Тиссы, повидимому, получила одобрение Франца-Иосифа и Берхтольда: последний поручил барону Флотову, специалисту по балканским делам в австрийском министерстве иностранных дел, написать более обширную докладную записку и подробнее разработать мысли Тиссы. Флотов особенно остановился на крайне опасном положении самой Австрии. Он указывал, что Румыния, несмотря на несомненную личную лойяльность короля Карла, не может считаться надежной союзницей ввиду сильной вражды к Австрии среди румын. Австрия должна поэтому заставить Румынию определенно высказаться за Австрию или против нее. Лучшим средством для того, чтобы оказать давление на Румынию в этом смысле, является союз с Болгарией и превращение Софии вместо Бухареста в опорный пункт австрийской политики на Балканах. Болгария должна гарантировать Румынии нынешнюю болгаро-румынскую границу, так что королю Карлу не придется ничего опасаться. Тогда он убедится, сколь благоразумно держать сторону Тройственного союза; это может даже побудить его воспользоваться своим большим влиянием на Сербию, для того чтобы «сблизить Сербию с двуединой монархией. В таком случае последняя лойяльно пойдет навстречу Сербии, поскольку это будет

возможно при такой политической ситуации» [11]. Но если король Карл не согласится сделать удовлетворительные публичные заявления о своей верности Тройственному союзу, то Австрия должна пересмотреть свои военные мероприятия и постараться привлечь Турцию к союзу с Болгарией, с тем чтобы они обе поддерживали Тройственный союз.

Докладная записка Флотова, несколько еще расширенная Матчекой и Погашером, была представлена Берхтольду приблизительно в середине июня. Нельзя установить, была ли она показана Францу-Фердинанду, когда Берхтольд приезжал к нему в Конопишт на другой день после беседы императора Вильгельма с австрийским наследником престола. Во всяком случае было решено, что она должна быть разработана еще детальнее и представлена берлинскому правительству в виде меморандума, определяющего политику обоих союзников в балканских делах. Составление проекта меморандума было закончено 24 июня; Берхтольд просмотрел его, придал ему окончательную, более смягченную форму, в которой, как он надеялся, этот меморандум покажется убедительным берлинскому министерству иностранных дел и не вызовет возражений с его стороны [12].

Берхтольд начинает с анализа результатов балканских войн и указывает на опасности, которыми угрожает Германии и Австрии существующее положение. «Турция, у которой естественно имеются общие интересы с Тройственным союзом и которая представляла сильный противовес России и балканским государствам, почти совершенно изгнана из Европы и в значительной мере утратила свое прежнее положение великой державы. Сербия, политика которой в течение многих лет была враждебна Австро-Венгрии, а в настоящее время всецело подпала под влияние России, неожиданно сильно выросла в отношении населения и территории. Ее близость к Черногории и общее распространение великосербской идеологии делают возможным в ближайшем будущем дальнейшее расширение Сербии путем союза с Черногорией. Наконец отношение Румынии к Тройственному союзу тоже существенным образом изменилось за время кризиса». Обойдя по вполне понятным причинам вопрос о том, в какой мере Австрия сама виновата в создавшемся для нее скверном положении, Берхтольд подробно остановился на опасных агрессивных интригах России и Франции.

«Мысль об освобождении христианских народов на Балканах от турецкого ига, для того чтобы использовать их как орудие против Тройственого союза, была уже давно главной политической пружиной традиционной заинтересованности России в делах этих народов. За самое последнее время [т. е. в 1912 г.] эта идея встретила сочувствие во Франции и выросла в план объединения всех балканских государств в Балканскую лигу, чтобы таким образом положить конец превосходству Тройственного союза». ...Но [вторая балканская] война расколола балканские государства на две почти одинаковые, резко враждебные группы. На одной стороне оказались Турция и Болгария, на другой — Сербия, Черногория, Греция и Румыния. Заделать эту трещину и использовать все балканские

[11] Gooss, стр. 5. Берхтольд просмотрел потом проект Флотова и вычеркнул пункт, касающийся посредничества Румынии в целях возможного дружественного соглашения между Австрией и Сербией.

[12] Напечатано в ARB, I, 1; K. D., 14; ср. Gooss, стр. 6—26.

государства или, по крайней мере, решающее их большинство, для того чтобы передвинуть центр господства в Европе, — является той задачей, которую в настоящее время Россия пытается осуществить при содействии Франции. Так как Сербия и Греция уже состоят в союзе, а Румыния заявила о своем полном согласии с ними, по крайней мере поскольку дело касается Бухарестского договора, то Франция и Россия стремятся устранить распри, которые существуют между Болгарией и Грецией, и в особенности между Болгарией и Сербией, относительно Македонии. Они стараются найти базис, на котором Румыния согласилась бы всецело перейти на сторону Антанты и даже участвовать в политической комбинации с Болгарией, к которой она относится с подозрением. И наконец они хотели бы, если это только возможно, добиться мирного разрешения вопроса об Эгейских островах, что привело бы Турцию к сближению, а может быть и к союзу с балканскими государствами. Базисом, на котором русские и французские дипломаты намерены ликвидировать эту вражду и соперничество и создать новую Балканскую лигу, несомненно является программа, направленная против Австро-Венгрии; за счет последней можно всем членам Лиги пообещать постепенное расширение их границ в западном направлении».

Подробно разобрав все интриги, путем которых Россия и Франция пытаются создать эту новую Балканскую лигу, стремящуюся к территориальному раздроблению двуединой монархии, Берхтольд весьма тактично подходит к румынской проблеме, выясняет затруднения, испытываемые Австрией, и дает понять, что Германия могла бы оказать давление на Румынию и убедить ее в ошибочности избранного ею пути. В качестве лучшего средства для того, чтобы помешать осуществлению проектируемой Россией Балканской лиги и побудить Румынию вернуться в лоно Тройственного союза, Берхтольд рекомендует программу Тиссы — союз с Болгарией, причем добавляет, что впоследствии к этому союзу может быть привлечена также и Турция.

«Австрия должна принять предложение полного союза, сделанное ей Болгарией год назад и с тех пор несколько раз повторенное. В то же время она должна стремиться к заключению союза между Болгарией и Турцией. Оба эти государства недавно были до такой степени расположены к этому, что был выработан проект союзного договора, который однако потом не был подписан. Если в этом вопросе двуединая монархия будет откладывать решительное выступление, считаясь с интересами Румынии, которая не отвечает ей тем же, то она причинит себе серьезный и непоправимый вред. Дальнейшее промедление и отказ от политики компенсаций в Софии предоставит свободу действия России и Франции с их энергичными и обширными планами. Позиция, занятая Румынией, прямо принуждает Австрию оказать Болгарии поддержку, которой та давно добивается. Это могло бы помешать политике окружения, проводимой Россией; иначе такое окружение окажется неизбежным. Это надо сделать немедленно, пока путь в Софию и в Константинополь еще свободен».

«Договор с Болгарией, подробности которого подлежат еще тщательному обсуждению, конечно должен быть составлен таким образом, чтобы он не противоречил договорным обязательствам Австрии

по отношению к Румынии. Не следует также держать его в тайне от Румынии, потому что этот шаг не заключает в себе ничего враждебного по отношению к Румынии, а является только серьезным предостережением бухарестскому правительству и указанием на те последствия, к которым должна привести их постоянная односторонняя зависимость от России».

В заключение Берхтольд обращался к Германии с призывом поддержать программу Тиссы и указывал, что агрессивная политика России является не меньшей угрозой для Германии, чем для Австрии.

«Прежде чем Австрия предпримет указанные шаги, она настойчиво желает установить полное согласие с Германской империей не только во имя старых традиций и в силу тех обязательств, которые лежат на ней, как на преданной союзнице, но особенно еще и потому, что здесь поставлены на карту серьезные интересы Германии и Тройственного союза и эти общие интересы могут быть успешно защищены только в том случае, если объединенным действиям России и Франции будет противопоставлено такое же объединенное противодействие Тройственного союза, и в частности Австро-Венгрии и Германской империи... В то время как Франция стремится ослабить двуединую монархию в надежде приблизиться таким образом к осуществлению своих планов «реванша», намерения России гораздо шире. Если проследить развитие России за два последних столетия: беспрерывное расширение ее территории, колоссальный рост ее населения, столь значительно превышающий рост всех других европейских великих держав, а также огромное развитие ее экономических ресурсов и военной мощи,—и если принять во внимание то обстоятельство, что эта великая империя в силу своего географического положения и договорных обязательств почти совершенно отрезана от моря, то станет понятным, почему политика России всегда неизбежно носила агрессивный характер... Ввиду всего этого австрийское министерство иностранных дел пришло к убеждению, что общие интересы как Австрии, так и Германии, требуют своевременного и энергичного противодействия событиям, которые подготовляются при помощи русских интриг и которые позднее может быть уже нельзя будет предотвратить».

В такой форме меморандум предназначался для отсылки в Берлин. Он должен был «открыть Германии глаза» на необходимость более энергично поддержать Австрию в ее дипломатическом ухаживании за Болгарией [13].

Но в воскресенье днем, 28 июня, было получено по телефону ужасное сообщение, что Франц-Фердинанд и его жена убиты в Сараеве. Это, повидимому, возбуждающе подействовало на графа Берхтольда, который по натуре был скорее склонен действовать вяло и нерешительно. Многие историки, а также его венские знакомые, которых автор расспрашивал, характеризуют Берхтольда в его министерской деятельности как человека,

[13] Гойос из Вены — Паллавичини в Константинополь, 26 июня: «Тем временем разрабатывается пространный меморандум для Берлина, который должен быть в скором времени отослан, и министр [граф Берхтольд] прилагает все усилия, чтобы раскрыть глаза Чиршки». G o o s s, стр. 6. Ср. статью Берхтольда в «Contemporary Review», апрель 1928, стр. 422—432.

всегда подчинявшегося чужим влияниям, особенно венгерцев — чиновников министерства иностранных дел, относившихся враждебно к сербам, как Гойос, Форгач, Макио; на него имел также влияние барон Конрад, австрийский начальник генерального штаба. Министра иностранных дел рассматривали просто как «резиновую печать», которая штамповала все, что другие подсовывали. Если такая точка зрения более или менее правильна для периода до сараевского убийства, то вряд ли это можно сказать относительно кризиса в июле 1914 г. Показания современников свидетельствуют, что, как бы сильно ни влияли на Берхтольда его подчиненные в министерстве иностранных дел и представители военной партии, все же и сам он принимал весьма деятельное и гибельное участие в событиях, непосредственно вызвавших мировую войну. Раньше он колебался между двумя противоположными мнениями, выразителями коих были Конрад и Тисса. Теперь, после сараевского убийства, он решил воспользоваться этим преступлением как окончательным оправданием для того, чтобы раз навсегда внести ясность в отношения между Австрией и Сербией.

ОБРАЩЕНИЕ БЕРХТОЛЬДА К ГЕРМАНИИ ЗА ПОДДЕРЖКОЙ

Теперь Берхтольд окончательно примкнул к программе Конрада немедленного объявления войны Сербии. Но ввиду нерешительности Франца-Иосифа и оппозиции со стороны Тиссы он не сразу мог приступить к ее осуществлению. К тому же он понимал, что было бы безумием занять столь резкую позицию, не заручившись предварительно в Берлине гарантией поддержки со стороны Германии. За последние несколько лет Германия систематически удерживала Австрию от агрессивной политики на Балканах, которая могла бы вовлечь Тройственный союз в конфликт с Тройственным согласием. Сейчас же после сараевского убийства, когда даже серьезные люди в Вене часто «выражали надежду, что Австрия имеет теперь оправдание для того, чтобы окончательно свести счеты с сербами», германский посол Чиршки при каждом удобном случае спокойно, но весьма энергично и серьезно предостерегал от опрометчивых шагов. Он указывал, что Австрия должна прежде всего точно уяснить себе, чего она хочет, и помнить, что она не одна на свете. Она должна считаться со своими союзниками и с общим европейским положением, и в особенности с той позицией, которую Италия и Румыния занимают по отношению к Сербии [14]. 2 июля Берхтольд обстоятельно изложил ему, какую угрозу представляет великосербская пропаганда. Как раз тогда было получено сообщение, что 12 убийц едут в Вену с целью убить императора Вильгельма. Таким образом Германия не менее Австрии была заинтересована в том, чтобы положить конец белградским заговорам. Чиршки не возражал, но конфиденциально заметил австрийскому министру, что если Берлин в прошлом не делал более определенных обещаний относительно поддержки, то это объясняется тем, что Австрия «разговаривала более теоретически, но ни разу не формулировала определенного плана действий». Только в том случае, если такой план будет формулирован, Берлин сумеет пообещать полную и безоговорочную подержку; и Чиршки снова указал Берхтольду, сколь опасно отталкивать от себя Румынию и Италию [15]. Из

[14] Чиршки — Бетману, 30 июня, K D., 7.
[15] Резюме Берхтольда, 3 июля, ARB I, 3; G o o s s, 37 сл.

Берлина тоже слали выражения симпатии, но сопровождали это советом соблюдать осторожность. Австрийский посол в Берлине телеграфировал:

«Циммерман (германский помощник статс-секретаря по иностранным делам) уверял меня, что он будет считать вполне понятным решительное выступление со стороны Австрии, которой в настоящее время сочувствует весь цивилизованный мир. Но он все-таки рекомендовал бы соблюдать величайшую осторожность и советует не предъявлять Сербии унизительных требований» [16].

Ввиду такой осторожной и умеренной позиции, занятой Францем-Иосифом, Тиссой и Германией, Берхтольд опасался, что в случае немедленного объявления мобилизации против Сербии Австрия останется без поддержки Германии, а это могло бы иметь гибельные последствия. Он понимал, что ему надо сначала добиться гарантии поддержки со стороны Берлина всякой политики, которую он в конечном итоге станет проводить. Для того чтобы достичь этого, он решил отправить графа Гойоса со специальной миссией в Берлин. Берхтольд хотел играть на два фронта. Он не желал открыто отказываться от мирной программы Тиссы, которая в Берлине по всей вероятности встретила бы одобрение и которая заключалась в привлечении Болгарии на сторону Австрии и Германии, но в то же самое время он был намерен приложить все усилия к тому, чтобы склонить Германию к одобрению энергичных и немедленных военных действий против Сербии. Для этой цели он собирался всемерно использовать сараевскую трагедию. Он настойчиво указывал, что нити заговора безусловно ведут в Белград, что преступление является завершением целого ряда совершенно нетерпимых оскорблений со стороны Сербии, против которых теперь пора действовать силой. В соответствии с этой двойственной программой он решил отправить в Берлин обширный меморандум, о котором только что говорилось, но сделал к нему приписку:

«Означенный меморандум был как раз закончен, когда совершились ужасные события в Сараеве. Сейчас еще вряд ли можно полностью учесть все значение этого подлого убийства. Несомненно, если еще требовались доказательства невозможности перебросить мост через пропасть, отделяющую австро-венгерскую монархию от Сербии, и беспредельности великосербских вожделений, которые ни перед чем не останавливаются, то теперь они даны. Австро-Венгрию нельзя было упрекнуть в отсутствии доброй воли и готовности установить сносные отношения с Сербией, но события последнего времени показали, что все эти усилия тщетны и что в будущем со стороны Сербии монархию ожидает постоянная, непримиримая и агрессивная вражда. Поэтому для монархии тем более необходимо решительно разорвать сети, которыми враги пытаются ее опутать» [17].

Берхтольд набросал также выдержанное в двусмысленном тоне письмо, которое Франц-Иосиф должен был подписать и отправить императору Вильгельму. Значительная часть письма, так же как и меморандума, была посвящена мирной программе Тиссы, дипломатическому сдвигу на Балканах, нажиму на Румынию, привлечению Болгарии и изоляции Сербии. Но начало и конец письма, так же как и приведенная только что

[16] Сегени — Берхтольду, 4 июля, ARB, I, 5.
[17] ARB, I, 1; K. D., 14; G o o s s, стр 4.

приписка, должны были убедить обоих монархов в ответственности Сербии за сараевское убийство и таким образом создать фундамент, на котором Бертхольд мог бы построить военное выступление. О самом военном выступлении здесь не упоминалось, потому что Берхтольд не желал до поры до времени вызывать тревогу у монархов. Но он полагал, что если они усвоят его точку зрения на ответственность Сербии, то согласятся сделать следующий шаг и одобрят вооруженное вторжение в Сербию. Если бы они этого не сделали, он мог бы вернуться к дипломатической программе Тиссы. Королевское послание гласило:

«...Я посылаю вам меморандум, составленный моим министром иностранных дел еще до ужасной катастрофы в Сараеве; после этого трагического события он особенно заслуживает внимания. Нападение на моего бедного племянника является непосредственным результатом агитации русских и сербских панславистов, которые имеют только одно желание — ослабить Тройственный союз и раздробить мою империю. По всем имеющимся данным сараевское убийство не является делом отдельной личности, а есть результат тщательно подготовленного заговора, нити которого ведут в Белград. И хотя вероятно нельзя будет доказать соучастие сербского правительства, но не подлежит сомнению, что его политика, направленная на объединение всех южных славян под сербским флагом, способствует таким убийствам и что дальнейшее сохранение подобного положения угрожает постоянной опасностью моей династии и моим владениям.

Эта опасность усиливается еще тем обстоятельством, что Румыния, несмотря на ее союз с нами, находится в тесных дружеских отношениях с Сербией и допускает на своей территории такую же исполненную ненависти агитацию против нас, как это делает Сербия. Я боюсь, что (вследствие настроения в массах, несмотря на лойяльность короля Карла) Румынию удастся удержать на стороне Тройственного союза лишь в том случае, если мы сделаем две вещи: воспрепятствуем образованию новой Балканской лиги под покровительством России (для чего необходимо привлечь Болгарию к Тройственному союзу) и дадим ясно понять в Бухаресте, что друзья Сербии не могут быть нашими друзьями и что Румыния не может рассчитывать на нас, как на союзников, пока она не порвет с Сербией и не приложит все силы к подавлению у себя агитации, направленной против существования моей империи.

Задачей моего правительства должно быть в дальнейшем изолирование и умаление Сербии. Первый шаг в этом направлении должен быть направлен к тому, чтобы укрепить позицию нынешнего правительства Болгарии, которая реальными интересами связана с нами, и помешать возвращению Болгарии к руссофильской политике. Если Румыния увидит, что Тройственный союз намерен немедленно заключить союз с Болгарией, но в то же время готов побудить Болгарию гарантировать территориальную неприкосновенность Румынии, то тогда она может быть сойдет с опасного пути, на который ее завели дружба с Сербией и сближение с Россией. Если это удастся, то можно будет сделать дальнейший шаг и попытаться помирить Грецию с Болгарией и Турцией и таким образом создать новую Балканскую лигу под покро-

вительством Тройственного союза. Ее задачей будет воздвигнуть плотину против панславистского потока и обеспечить мир нашим странам.

Это будет возможно только в том случае, если на Балканах будет уничтожено решающее влияние Сербии, которая в настоящее время является главной пружиной панславистской политики. Недавние ужасные события в Боснии, надо полагать, убедили и вас в том, что о дружеском устранении антагонизма между Австрией и Сербией говорить уже не приходится и что мирная политика всех европейских монархов находится под угрозой, доколе в Белграде будет оставаться безнаказанным источник преступной агитации» [18].

Это письмо вместе с меморандумом Берхтольда и его припиской были отправлены в Берлин с секретарем Берхтольда по министерству иностранных дел, Александром Гойосом, облеченным особым доверием, и затем передано кайзеру австрийским послом графом Сегени в Потсдаме в воскресенье 5 июля. Сегени писал об этом в своем донесении следующее:

«После того как я довел до сведения императора Вильгельма, что я должен передать ему собственноручное письмо (австрийского императора), я получил от их величеств приглашение на сегодня в 12 часов дня в новый дворец. Я передал его величеству письмо и приложенный к нему меморандум. Он с величайшим вниманием прочел в моем присутствии оба документа. Прежде всего он заверил меня, что он ожидал с нашей стороны серьезного выступления против Сербии, но в то же время он должен признаться, что сообщение нашего императора затрагивает чрезвычайно сложный европейский вопрос и поэтому он не хотел бы давать определенного ответа, пока не посоветуется с канцлером.

После завтрака, когда я снова подчеркнул серьезность положения, его величество уполномочил меня сообщить, что и в данном случае мы можем рассчитывать на полную поддержку Германии. Он должен, как он уже сказал, сначала выслушать мнение имперского канцлера, но он совершенно уверен, что Бетман-Гольвег будет с ним вполне согласен. Что касается нашего выступления против Сербии, то он полагает, что откладывать его нельзя. Россия несомненно займет враждебную позицию, но к этому он уже подготовлен много лет, и если даже дело дойдет до войны между Австрией и Россией, то мы можем быть уверены, что Германия окажет нам поддержку, соблюдая свою обычную верность союзнику. К тому же в настоящий момент Россия, по его мнению, отнюдь не готова к войне и несомненно весьма серьезно подумает, прежде чем решится взяться за оружие. Но она натравит на нас другие державы Тройственного согласия и будет раздувать пожар на Балканах.

Его величество сказал, что он понимает, как трудно Францу-Иосифу при его общеизвестной любви к миру вторгнуться в Сербию. Но если мы действительно решили, что военное выступление против Сербии необходимо, то он пожалеет, если мы упустим настоящий момент, который для нас так благоприятен.

[18] Письмо Франца-Иосифа Вильгельму II, составленное Берхтольдом 2 июля и врученное послом Сегени 5 июля, K. D., 13; ARB, I, 1; G o o s s, стр. 26—29.

Что касается Румынии, то он постарается, чтобы король Карл и его советники держали себя корректно. Он не сочувствует идее заключения союза с Болгарией, он никогда не верил царю Фердинанду и не верит ему теперь, равно как его прежним и нынешним советникам, но он не возражает против заключения договора между Австрией и Болгарией. Необходимо только позаботиться о том, чтобы в договоре не было ничего такого, что могло бы задеть Румынию; договор этот, как предлагается в меморандуме, должен быть сообщен Румынии.

Завтра утром император Вильгельм едет в Киль, чтобы оттуда отбыть в северное плавание. Но сначала он переговорит с канцлером; он вызвал его из Гогенфинова на сегодняшний вечер в Новый дворец. Во всяком случае я сумею переговорить с канцлером завтра утром» [19].

Какие чувства испытывал император Вильгельм во время этой беседы? По впечатлительности своей натуры он был глубочайшим образом возмущен ужасной вестью об убийстве Франца-Фердинанда и его жены, которых он только что посетил в Конопиште. Когда он в предыдущее воскресенье днем катался на своей яхте около Киля, он заметил, как маленький баркас на всех парах устремился к нему. Он решительным жестом приказал ему остановиться, но адмирал Мюллер, который стоял на носу, сделал знак, что у него имеется какое-то сообщение. Показав лист бумаги, он сложил его и положил в свой портсигар, который потом осторожно бросил на палубу. Матрос подобрал портсигар и передал его императору. Вильгельм II раскрыл его и побледнел, прочитав роковое известие из Сараева. Он немедленно распорядился повернуть назад и отменить назначенные морские гонки [20]. Он собирался отправиться в Вену, чтобы присутствовать на похоронах эрцгерцога и выразить свое соболезнование престарелому Францу-Иосифу в новом постигшем его горе. Но когда ему сообщили, что дюжина сербских убийц направляется из Белграда в Вену, чтобы убить его самого, он подчинился убеждениям канцлера отказаться от этой поездки [21]. Официально было сообщено, что поездка отменяется вследствие невралгии, а отнюдь не по соображениям личной безопасности [22]. Но его внезапное решение отказаться от поездки в Вену для отдания последней чести своему покойному другу породило всевозможные противоречивые и фантастические слухи [23].

---

[19] Сегени — Берхтольду 5 июля, 7 ч. 35 дня; ARB, I, 6; Gooss, стр. 30—32.

[20] Сообщение Ж. Камбона, который слышал это несколько дней спустя непосредственно от «особы, находившейся в этот момент около императора». Recouly, стр. 19 сл. Рекули добавляет, что император, побледнев, заметил: «Tout est à recommencer!» (Приходится все начинать сначала). Отсюда он без всяких доказательств делает вывод, что император в Конопиште уговорил Франца-Фердинанда предпринять какую-то большую затею — он тщательно избегает определенно указать, какую именно, — и что теперь весь план рушился вследствие смерти эрцгерцога.

[21] K. D., 6a, 6b, 9, 13; ср. также заявление Берхтольда Чиршки 2 июля: «Полученные сегодня сообщения из Землина, согласно которым двенадцать убийц выехали с целью убить императора Вильгельма, может быть заставят наконец Берлин понять, какая опасность угрожает из Белграда».

[22] Dirr, стр. 120; B. D., 24.

[23] B. D., 11, 12, 18, 24, 26, 29; Wickham Steed, Through Thirty Years, I, 401; Seton-Watson, Sarajevo, стр. 105. По сообщению британского посла в Вене (B. D., 18 ср. B. D. 26; Dirr, стр. 117). Берхтольд 29 июля выразил надежду, что на похоронах эрцгерцога не будут присутствовать миссии иностранных государей, чтобы не утомлять Франца-Иосифа и по возможности сократить церемонию. Возможно, он опасался, что съезд государей в Вене может оказать решающее влияние и помешать ему в осуществлении его

Было бы рискованно пытаться дать исчерпывающий анализ психологии кайзера 5 июля 1914 г. или в какой-либо другой момент. Карл Каутский, вождь германских социалистов, считает, что кайзер уже в то время был человеком ненормальным. Герман Луц написал тщательную работу, в которой он показывает, что у императора давно уже бывали периоды маниакальной депрессии, которые всегда сопровождались у него безрассудными воинственными жестами, каждый раз вызывавшими тревогу в Европе [24]. Другие писатели, ознакомившись с речами, которые император произносил во время войны, то экзальтированными, то слезливыми, а также с его «Сравнительными таблицами» и мемуарами, написанными после войны, считают его: одни — опасным параноиком, другие — страдающим неизлечимой манией величия или эгоистичным глупцом. Но они забывают, что даже в странах Антанты нельзя судить о политических деятелях на основании того, что они говорили под влиянием войны или в целях политической пропаганды, так как это не дает правильного представления об их довоенных взглядах. Читая изобилующие историческими неточностями излияния Вильгельма в Дорне, они забывают о разрушающем действии, которое оказали годы войны на впечатлительного и легко возбудимого человека. Для того чтобы судить о позиции кайзера в июле 1914 г., нет лучшего материала, чем пометки, которые он делал на полях представляемых ему телеграмм. Этот прием он усвоил уже давно, подражая в данном случае Бисмарку, который ради экономии времени указывал свои пожелания пометками на полях, вместо того чтобы писать или диктовать длинные инструкции. Бисмарк и Вильгельм II предполагали, что эти verba privatissima (совершенно не подлежащие оглашению слова) всегда останутся тайной их архивов. Оба они были бы крайне изумлены, если бы могли предвидеть, что эти пометки так скоро будут опубликованы во всеобщее сведение [25]. Но в то время как пометки Бисмарка тщательно взвешены и обыкновенно предназначены служить в качестве инструкций, пометки кайзера большею частью являются поспешной эмоциональной реакцией на лежащий перед ним документ. Пользуясь этими пометками, надо помнить, что они часто отражают только первое впечатление, а не являются заключением, основанным на зрелом размышлении. В них часто встречаются противоречия и преувеличения, они часто не оказывали никакого влияния на действительный ход событий, потому что, как правило, они делались несколько дней спустя после того, как министерство иностранных дел уже принимало решение по данному вопросу. Тем не менее они дают некоторое представление о направлении ума кайзера и о том решающем впечатлении, которое на него произвело убийство его друга.

До Сараева император Вильгельм был склонен думать, что Австрия

плана войны с Сербией. После войны два видных австрийских сановника высказывали мнение, что на таком съезде монархов мог бы быть подан совет, который привел бы к иному решению конфликта, без войны. Auffenberg, Aus Oesterreichs Höhe und Niedergang (München, 1921), стр. 255 сл.; A. Hoyos, Der Deutsch-englische Gegensatz und sein Einfluss auf die Balkanpolitik Oesterreichs - Ungarns (Berlin 1922), стр. 77, прим.

[24] Kautsky, Wie der Weltkrieg enstand (Berlin, 1919); Herman Lutz, Wilhelm II periodisch geisteskrank (Leipzig, 1919). Враждебная, но превосходная краткая характеристика психологии Вильгельма, с полной библиографией, дана в книге F.C. Endres, Die Tragödie Deutschlands (Leipzig, 1922, 3 Aufl., 1924).

[25] Die Grosse Politik., и «Документы Каутского», passim.

проявляет ненужную нервозность по отношению к Сербии и что ей следует попытаться притти с ней к какому-нибудь дружескому соглашению. Весной 1914 г., когда Австрия была встревожена слухами, что Сербия по наущению России намерена в какой-то форме объединиться с Черногорией [26], император высказался скорее в пользу Сербии, чем в пользу Австрии. Он считал «бессмыслицей» старания Австрии во время балканских войн не допустить Сербию к Адриатике. Новая попытка помешать Сербии получить выход к Адриатике путем объединения с Черногорией вызвала у него замечание: «Невероятно! Этому союзу совершенно не нужно препятствовать, и если Вена попытается помешать, то сделает страшную глупость и вызовет угрозу войны со славянами, к которой мы будем совершенно безучастны» [27]. Он соглашался с Тиссой, спокойно признававшим, что это объединение неминуемо, тогда как Берхтольд и Франц-Иосиф считали его неприемлемым. 5 апреля он телеграфировал с острова Корфу Бетман-Гольвегу:

> «Абсолютно необходимо, чтобы в Вене серьезно считались с возможностью [объединения Сербии и Черногории] и уяснили себе, намерены ли они при всех обстоятельствах стоять на той позиции, которую заняли император и граф Берхтольд, или готовы усвоить точку зрения Тиссы. Первое было бы возможно только в том случае, если они абсолютно твердо решили силой оружия воспрепятствовать осуществлению такого объединения. Во всяком случае Австрия не должна ставить свой престиж на карту и публично заявлять о неприемлемости того, что она в конце концов согласится допустить. Если они склонны принять разумную точку зрения Тиссы, то австрийская политика сумеет без большого труда примениться к изменившемуся положению в том направлении, какое мы указывали в течение многих лет. Надо найти такой modus vivendi с двуединой монархией, который был бы привлекателен для Сербии» [28].

Но если германский император до сих пор обыкновенно был склонен защищать Сербию от чрезмерных и опасных требований Австрии и надеялся, что все трудности могут быть улажены мирным путем [29], то теперь, после убийства своего лучшего друга, которого он только что посетил, убийства, совершенного людьми, несомненно прибывшими из Белграда, — его негодование против сербов не знало пределов. В своих пометках на полях бумаг он награждает их эпитетами: «убийцы», «бандиты». Он искренне думал, что монархический принцип находится в опасности, что в Сербии попрежнему еще господствует то настроение, которое привело в 1903 г. к убийству короля и королевы, что все монархи, и в первую очередь Николай II, должны не противодействовать, а, наоборот, под-

---

[26] Ср. G. P. XXXVIII, 325—328; Conrad, III, 661—665.

[27] Пометки на полях депеши Гризингера из Белграда от 11 марта 1914; G. P. XXXVIII, 335; точно так же на депеше от 12 мая: «Нужно понять, что в конечном итоге Сербия и Черногория обязательно сблизятся, как это и указывал Тисса»; G. P., XXXVIII, 352.

[28] G. P. XXXVIII, 337 сл.

[29] В своем последнем письме к Францу-Иосифу от 1 июля Тисса говорил о «предпочтении, оказываемом кайзером Сербии» (ARB, 1, 2). Бетман писал германскому уполномоченному в делах в Бухаресте 6 июля: «Как известно королю Каролю, император всегда выступал в Вене в пользу соглашения» (K. D., 16).

держивать всякое выступление Австрии, направленное на подавление бессовестной агитации, которая в течение многих лет ведется среди сербов, которая, как ему теперь сообщил Берхтольд, угрожала существованию его союзницы Австрии и жертвой которой пал его личный друг. Поэтому, когда он прочел, что его посол в Вене, Чиршки, пользовался всяким случаем, чтобы спокойно, но чрезвычайно энергично и серьезно предостеречь (Берхтольда) от опрометчивых шагов, он написал на полях, как уже было отмечено в предыдущей главе: «Теперь или никогда! Кто уполномочил его на это? Это очень глупо! Это совсем не его дело. Австрия должна сама решить, как ей поступать в этом деле, иначе, в случае неудачи, скажут, что Германия не захотела. Пускай Чиршки прекратит эту бессмыслицу. Дело с сербами надо привести в полную ясность, и притом быстро. Это самоочевидная истина» [30]. Со свойственной ему необузданностью он желал, чтобы Австрия как можно скорее предприняла решительные шаги против Сербии, пока еще весь цивилизованный мир находился под живым впечатлением ужасного убийства и сочувствовал Австрии.

В чем должно было заключаться выступление Австрии? Этого император определенно не знал до 5 июля и не старался давать каких-либо указаний. Но ни он, ни Бетман-Гольвег в то время совершенно не предполагали, что австро-сербский конфликт вызовет европейскую войну. Поэтому он мог совершенно спокойно отправиться на следующее утро в северное плавание, что уже давно собирался сделать по совету канцлера. Он вряд ли поступил бы таким образом, если бы думал, что выступление (которое по его мнению Австрия должна была произвести немедленно, а не откладывать на две недели) способно зажечь европейский пожар. Характерно, что в тот момент, когда он узнал, какой ультиматум Берхтольд предъявил Сербии, он поспешил вернуться в Берлин. Легенда о «потсдамском совещании» изображает события в таком виде, будто он исчезает со сцены с коварным намерением усыпить ничего не подозревающую Европу и затем внезапно напасть на Францию и Россию. Но такую мысль он назвал «детской» в пометке на полях депеши, полученной из Вены, где сообщалось, что именно так поступили австрийский начальник генерального штаба и военный министр [31]. Кроме того не в характере императора было покинуть Берлин, если он серьезно ожидал, что будут европейские осложнения. И если бы он внезапно отказался от северного плавания, которое он в течение многих лет привык совершать в эти месяцы и о котором уже давно сообщали в газетах, то, конечно, это только вызвало бы за границей нежелательные комментарии и было бы на-руку милитаристам во всех странах. Поэтому император решил, невзирая на сараевское убийство, выполнить заранее намеченную программу, точно так же как Пуанкаре решил предпринять свою заранее намеченную поездку в Россию.

Однако, если император не считал вероятным, что выступление Австрии вызовет европейскую войну, то все же он допускал такую возмож-

[30] K. D., 7; ср. также 29, 120, 288, 290, 335, 337.

[31] Чиршки — Бетману 10 июля: «Военный министр завтра отправится в отпуск, а барон Конрад фон Гетцендорф тоже вскоре покинет Вену. Как мне сообщил граф Берхтольд, это делается нарочно, для того чтобы предупредить всякое беспокойство. На этом кайзер сделал пометку «ребячество!» и подчеркнул слова, набранные в разбивку; K. D., 29; см. ниже стр. 153 сл., 157.

ность. Во всяком случае в его отсутствие могли возникнуть слухи о войне, и поэтому он счел благоразумным в спокойной форме сообщить представителям армии и флота, случайно оказавшимся в Берлине, а также Бетман-Гольвегу о своей беседе с Сегени.

В соответствии с этим в воскресенье днем или в понедельник рано утром, прежде чем отправиться в автомобиле из Потсдама в Киль, (он уехал 6 июля в 9 час. 15 мин.), император имел краткие беседы с представителями армии и флота. Он сообщил каждому в отдельности о своем разговоре с австрийским посланником и велел им в частном порядке передать об этом своим начальникам, которые находились в отпуску, причем добавил, что нет надобности прерывать отпуск и возвращаться в Берлин, а также что не следует давать никаких распоряжений относительно военных приготовлений, так как он не ожидает никаких серьезных осложнений [32].

В воскресенье днем кайзер вызвал к себе по телефону прусского военного министра Фалькенгайна. Когда тот приехал, он немедленно его принял, прочитал ему сообщение, полученное от Сегени и указал на возможность серьезных осложнений. Когда Фалькенгайн спросил, следует ли сделать какие-нибудь военные приготовления, кайзер сказал: «Нет». На этом их краткая беседа закончилась. При ней присутствовали только Плессен и Линкер, два военных секретаря, которые всегда находились при кайзере. Поэтому Фалькенгайн не давал никаких распоряжений о воен-

---

[32] Он принял следующих офицеров: прусского военного министра генерала Фалькенгайна и капитана Ценкера из морского штаба в воскресенье днем, а генерал-лейтенанта Бертраба из штаба армии и адмирала Капеле, исполнявшего обязанности морского министра — в понедельник утром. Отвечая на вопросник, разосланный министерством иностранных дел Германской республики в октябре 1919 г., эти лица прислали письма, которые они написали очевидно, не столковавшись между собой, но которые в основном сходятся. В письмах они сообщают, что они беседовали с императором каждый отдельно и что он не ожидал никаких военных осложнений, не отдавал распоряжения о каких-либо военных приготовительных мерах и что вообще за время с 5 по 26 июля, к которому относится вопросник, никаких приказов подобного содержания отдано не было. Письма эти напечатаны в «Документах Каутского», т. I, стр. 14—16. Правильность их сообщения подтверждается результатами расследования об ответственности за войну, предпринятого подкомиссией рейхстага в декабре 1919 г. Ср. «Investigating Commission», в особенности стр. 58—67, 70—72. Мы процитируем здесь письмо Бертраба, которое является типичным. «В ответ на запрос министерства иностранных дел, имею честь довести до вашего сведения, что 6 июля 1914 г. его величество лично сообщил мне, причем никого кроме меня при этом не было, свое мнение о положении, созданном мероприятиями Австрии для того, чтобы я, как старший из офицеров генерального штаба, находившихся в Берлине, мог поставить об этом в известность начальника генерального штаба, находившегося в это время в Карлсбаде. В глубине комнаты находились ее величество императрица, адъютант и лакей. Как раз перед тем его величество говорил повидимому с той же целью и тоже так, что никто этого не мог слышать, с морским офицером, который удалился немедленно после беседы. После того как император отпустил меня, он сел в автомобиль, чтобы отправиться в северную поездку. Ни тогда, ни потом на основании этой беседы никаких распоряжений не последовало. Его величество подчеркнул, что не считает нужным давать какие-нибудь специальные распоряжения, так как полагает, что в результате сараевского преступления никаких серьезных осложнений не произойдет». Капеле тоже писал: «Император сказал, что он не верит в возможность серьезных военных осложнений. Русский император, по его мнению, в данном случае не станет на сторону цареубийц; кроме того Россия и Франция не готовы к войне. Об Англии император не упомянул. По совету канцлера он решил, чтобы не вызывать никакого беспокойства, отправиться в северное путешествие. Но он все-таки желал поставить меня в известность о напряженном положении, для того чтобы я мог взвесить будущее».

ных приготовлениях, пока не был предъявлен ультиматум Сербии [33]. Напротив, он даже уехал 8 июля из Берлина, чтобы сделать официальный визит, потом взял отпуск и направился к своей семье на курорт и вернулся в Берлин только 25 июля, на другой день после того, как ультиматум был опубликован в газетах [34].

Можно возразить, что эти сообщения относительно событий 1914 г., сделанные в 1919 г., сомнительны. Но они подтверждаются достоверным письмом, которое Фалькенгайн отправил Мольтке немедленно после своей беседы с императором. Это письмо, представляющее частное сообщение одного старшего офицера другому такому же офицеру, заслуживает того, чтобы его привести здесь полностью, так как оно очень точно передает, что сказал и думал кайзер 5 июля:

«Сегодня днем его величество вызвал меня в Новый дворец, чтобы сообщить мне, что Австро-Венгрия, повидимому, решила не терпеть долее интриг, затеваемых против неё на Балканах, и для этого намерена вторгнуться в Сербию, как только в том окажется надобность. Даже если Россия не даст своего согласия, Австрия не отступит от своего решения.

Его величество полагал, что такое заключение может быть выведено из заявлений австрийского посла, сделанных сегодня в полдень при передаче ему меморандума венского правительства и письма императора Франца-Иосифа.

Я не присутствовал при их беседе и поэтому не могу позволить себе никакого суждения о ней. Но его величество прочитал мне письмо, равно как и меморандум, и насколько можно было составить себе мнение при быстром чтении, у меня не получилось окончательного впечатления, что венское правительство пришло к твердому решению. Оба документа рисуют в весьма мрачных красках общее положение двуединой монархии, создавшееся в результате панславистских интриг. В обоих указывается на необходимость как можно скорее предпринять меры, способные положить этим интригам конец. Но ни в том, ни в другом документе не говорится о войне. Скорее видимо намечаются какие-нибудь энергичные меры политического характера, например заключение договора с Болгарией, для которого желают заручиться поддержкой Германской империи.

Поддержка эта будет обещана с указанием, что предпринимать шаги, необходимые в интересах Австрии, является делом, касающимся в первую очередь исключительно ее самоё.

Имперский канцлер, который тоже прибыл в Потсдам, как и я, не верит, что австрийское правительство, хотя оно и говорит более решительным тоном, чем раньше, имеет серьезные намерения. По крайней мере он не только не возражал против плавания в северных водах, но даже рекомендовал его. Для подписания договора с Болгарией потребуется не мало времени. Поэтому пребывание Вашего превосходительства на водах вряд ли понадобится прерывать. Однако, хотя я не имею соответствующих инструкций, я считал нужным сообщить Вам

[33] Показания Фалькенгайна в декабре 1919; «Investigating Commission», стр. 62 сл.
[34] Письмо Вуртцбахера, направленное в министерство иностранных дел 19 октября 1919 г.; K. D. I, стр. XVI.

о напряженном положении, для того чтобы внезапные события, которые все же в конце концов могут произойти, не явились для Вас полной неожиданностью.

С наилучшим пожеланием успеха в Вашем лечении остаюсь как всегда искренне преданный и глубоко уважающий Вас Ваш фон-Фалькенгайн» [35].

Письмо написано в совершенно ином тоне, чем приведенное выше донесение Сегени о беседе, имевшей место за завтраком у императора. Фалькенгайн не ожидал никакой непосредственной угрозы миру в Европе и не думал, что «австрийское правительство, хотя оно и заговорило более решительным тоном, чем прежде, имеет серьезные намерения». У него осталось впечатление, что основным пунктом в двусмысленном послании Берхтольда было дипломатическое выступление для привлечения на свою сторону Болгарии и что даже это потребует «не мало времени».

Так как император совершенно ясно сказал Сегени, что он не может дать ему определенного ответа, пока не посоветуется со своим канцлером, то Бетман-Гольвег тоже был вызван в Потсдам в тот же день. Вместе с ним прибыл Циммерман, исполнявший обязанности статс-секретаря по иностранным делам во время отсутствия Ягова, проводившего медовый месяц в Швейцарии [36]. Результаты их совещания, выражающего официальные решения Германии, были на следующий день сообщены Бетманом Сегени в Берлине и доведены до сведения германского посла в Вене в следующей телеграмме:

«Австро-венгерский посол передал вчера его величеству частное письмо императора Франца-Иосифа, в котором изображается нынешнее положение с австро-венгерской точки зрения и меры, намеченные Веной. Копия письма при сем прилагается.

Сегодня я ответил графу Сегени и поблагодарил его за письмо Франца-Иосифа, на которое император вскоре ответит лично. Пока же его величество желает подчеркнуть, что он не закрывает глаз на опасность, угрожающую Австрии, а, следовательно, и Тройственному союзу, от агитации, которую ведут русские и сербские панслависты. Хотя его величество, как известно, не питает особого доверия к Болгарии и ее правителю и, разумеется, более склонен поддерживать отношения со своим старым союзником — Румынией и ее монархом из дома Гогенцоллернов, тем не менее ему понятно, что император Франц-Иосиф может желать присоединения Болгарии к Тройственному союзу ввиду позиции, занятой Румынией, и опасностей, возможных вследствие образования новой Балканской лиги, непосредственно направленной против Дунайской монархии. Поэтому в случае, если к нему обратятся с такой просьбой, его величество даст указания своему посланнику в Софии поддерживать шаги, предпринимаемые представителем

[35] Письмо Фалькенгайна Мольтке 5 июля; Alfred von Wegerer, Kritische Bemerkungen zu Kapitel XIII aus Vivianis «Réponse au Kaiser» (Berlin 1923). Приложение II; Montgelas, Leitfaden, стр. 196. Мольтке очевидно не ожидал никаких осложнений в ближайшем будущем, потому что 18 июля он писал жене из Карлсбада: «Я с нетерпением ожидаю нашей встречи в августе, когда вы вернетесь из Байрейта»; Moltke, Erinnerungen, стр. 380.

[36] Ср. Bethmann, Betrachtungen zum Weltkrieg, I, 135 слл. Investigating Commission, I, стр. 9—10, 28, 31—33.

Австрии в этом направлении. Его величество приложит также в Бухаресте все усилия к тому, чтобы, как предлагает Франц-Иосиф, убедить короля Карла исполнять свои союзные обязательства, порвать с Сербией и прекратить в Румынии агитацию против Австро-Венгрии.

Наконец в отношении Сербии его величество, конечно, не может занять никакой позиции в вопросах, касающихся Австрии и Сербии, потому что они выходят за пределы его компетенции, но Франц-Иосиф может быть уверен, что его величество будет добросовестно поддерживать Австрию в соответствии с договорными обязательствами и старой дружбой» [37].

Бетман немедленно телеграфировал также германскому поверенному в делах в Бухаресте, чтобы тот осведомил короля Карла о письме Франца-Иосифа к императору по поводу сараевского убийства и о согласии Германии одобрить балканскую политику Тиссы относительно привлечения Болгарии.

«Император, как известно королю Карлу, всегда высказывался в Вене в пользу соглашения с Сербией. Несмотря на это, австро-сербские отношения все более ухудшались. После сараевского убийства, которое очевидно следует считать результатом хорошо организованного заговора, и ввиду политики белградского правительства, направленной на объединение под сербским флагом всех южных славян, его величество понимает, что император Франц-Иосиф считает соглашение с Сербией невозможным и пытается путем сближения с Болгарией противодействовать опасностям, угрожающим его династии и его империи со стороны Сербии. Поэтому его величество выразил согласие, чтобы Франц-Иосиф благосклонно отнесся к желанию Болгарии примкнуть к Тройственному союзу» [38].

В свою очередь Сегени утром 6 июля, после беседы с Бетманом, при которой присутствовали Гойос и Циммерман, отправил вторую телеграмму Берхтольду. В первой части этой телеграммы он подробно излагал то, что Бетман телеграфировал Чиршки о решении Германии относительно предстоящих дипломатических шагов в Софии и Бухаресте. Что же касается Сербии, то Сегени писал:

«Австрия должна сама решить, что нужно сделать для приведения в ясность ее отношений с Сербией, но, каково бы ни было решение Австрии она может с уверенностью рассчитывать, что Германия поддержит ее как союзника и друга».

---

[37] Бетман—Чиршки 6 июля, K. D., 15. В первоначальном проекте, написанном Циммерманом, говорилось, что Германия как верный союзник будет поддерживать Австрию при всех обстоятельствах. Но слова «при всех обстоятельствах» были зачеркнуты более осторожным Бетманом. Личный ответ Вильгельма II Францу-Иосифу, составленный министерством иностранных дел 9 июля и отправленный 14 июля, начинается с выражения соболезнования и в остальном имеет приблизительно такое же содержание. K. D. 2,

[38] Бетман — Вальдбургу, 6 июля; K. D., 16. Германскому посланнику в Софии, тоже была дана инструкция о поддержке шагов, предпринятых Австрией, чтобы привлечь к союзу Болгарию. K. D. 17.

Далее Сегени дает заверения, которые совершенно отсутствуют в письме Фалькенгайна и в телеграммах Бетмана, характеризующих позицию Германии 5 и 6 июля:

«В дальнейшей беседе я установил, что канцлер, так же как и император, считает немедленное выступление Австрии против Сербии наиболее радикальным и лучшим разрешением наших балканских затруднений. С международной точки зрения он считает настоящий момент более благоприятным, нежели какой-нибудь более поздний. Он вполне согласен с нами, что мы не должны уведомлять Италию и Румынию, прежде чем предпримем какие-нибудь шаги против Сербии. Но с другой стороны, нам и Германии нужно теперь же уведомить Италию о нашем намерении привлечь Болгарию к Тройственному союзу. К концу беседы канцлер говорил о положении в Албании и чрезвычайно энергично предостерег нас от всякого плана, который мог бы обострить наши отношения с Италией и поставить под угрозу существование Тройственного союза» [39].

Легко понять, почему Сегени утверждал, что Бетман «вполне согласен», что Австрия не должна информировать заблаговременно Италию о действиях против Сербии. Как большинство австрийских государственных деятелей, он желал войны с Сербией и этим своим сообщением склонил Берхтольда не информировать предварительно Италию, опасаясь, что Италия разболтает в Белграде или по крайней мере потребует территориальных компенсаций, которые Австрия не намерена была давать. Но эта политика, предполагавшая обмануть Италию или временно не осведомлять ее, столь решительно противоречила той позиции, которую занимала Германия непосредственно перед 5 июля и после него, что приходится сомневаться в правильности утверждения австрийского посла.

Все усилия Германии за последние годы были направлены на то, чтобы не дать Италии нарушить верность союзу и чтобы удержать Австрию от таких действий на Балканах, которые без нужды могли бы задеть Италию и побудить ее совершенно отказаться от своих договорных обязательств по отношению к Тройственному союзу. 3 июля Чиршки заявил Берхтольду о том, что позиция Германии не изменилась, и напомнил ему об «Италии, с которой, ввиду того, что она наша союзница, надо посоветоваться, прежде чем предпринимать какие-нибудь военные действия». Берхтольд отвечал: «Если мы поставим этот вопрос перед римским кабинетом, там, повидимому, потребуют в виде компенсации Валону, а на это мы не можем пойти» [40].

Точно так же несколько позднее, 15 июля, Ягов повторил заявление Чиршки, что Австрия должна предварительно уведомить Италию: «По моему мнению, чрезвычайно важно, чтобы Австрия пришла к соглашению с римским кабинетом относительно его пожеланий в случае конфликта с Сербией и чтобы она удержала Италию на своей стороне или, ввиду того что конфликт с Сербией не создает еще casus foederis (договорных обязательств), — побудила ее сохранить нейтралитет. Италия по своим соглашениям с Австрией имеет право требовать компенса-

[39] Сегени — Берхтольду, 6 июля, 5 час. 10 мин. дня; ARB, I, 7; Gooss, стр. 32. Ср. письмо Берхтольда Мерею в Рим 12 июля, ARB, I, 16.

[40] ARB, I, 3.

ции в случае какой-нибудь перемены на Балканах в пользу двуединой монархии» [41]. Поэтому утверждение Сегени, что Бетман согласился на то, чтобы Италию не ставили наперед в известность о возможном выступлении против Сербии, решительным образом противоречит всему характеру германской политики. Это, повидимому, опровергается даже словами самого Сегени в конце его телеграммы, что Бетман «самым решительным образом предостерегал нас от всяких планов, которые могут создать опасность для наших отношений с Италией». А этому ничто не могло так способствовать — и события впоследствии это подтвердили, — как попытка поставить Италию перед «совершившимся фактом», о котором союзник прежде ничего ей не сообщал. Гойос в безответственной беседе с Циммерманом, повидимому, сказал о намерении Берхтольда держать Италию в потемках и добился на это согласия Циммермана, а потом в таком смысле докладывал в Вене [42]. Но представляется сомнительным, давали ли на это когда-нибудь свое согласие кайзер и Бетман. Если это так, и если Сегени приписывал Бетману уступку, сделанную только Циммерманом, то это свидетельствовало бы о том, что Сегени в своих донесениях не всегда был точен и воспользовался своим влиянием, чтобы поощрить Австрию в ее безрассудной политике [43].

ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО ПОЗИЦИИ ГЕРМАНИИ 5 И 6 ИЮЛЯ

Если сопоставить оба сообщения относительно позиции Германии, т. е. сообщения Бетман-Гольвега и Сегени, то мы увидим, что они несколько отличаются друг от друга как по содержанию, так и по характеру изложения. Бетман уделяет четыре пятых своего внимания тому новому, что вносит в германскую политику австрийский проект — привлечению Болгарии в Тройственный союз. Он лишь вкратце, в конце своей телеграммы, затрагивает вопрос об австро-сербских отношениях, и только для того, чтобы повторить тот принцип, который он вместе с Кидерленом установил во время одного из кризисов, сопровождавших балканские войны: Германия будет и впредь действовать как лояльный союзник, но должна предоставить Австрии решать, чего требуют ее жизненные интересы [44]. С другой стороны, Сегени чрезвычайно заинтересован проектом Берхтольда о военном выступлении против Сербии, с которым его познакомил граф Гойос. По его телеграммам выходит, что кайзер и Бетман считали, что «немедленное выступление Австрии против Сербии является наиболее радикальным и самым лучшим решением и что сейчас момент более благо-

[41] Ягов — Чиршки, 15 июля; K. D., 46. Относительно многократных попыток убедить Австрию притти к своевременному и разумному соглашению с Италией см. K. D., 57, 68, 87, 89, 94, 104, 119, 150, 202, 212, 244, 267, 269, 287, 326, 396, 573, 577.

[42] Пётольберг — Ягову, 18 июля, K. D., 87. Заявление Берхтольда Чиршки (Журнал № 3425; ARB, I, 35): «Я не могу решиться вступить сейчас в переговоры с итальянским правительством относительно вашего выступления, тем более, что этот вопрос уже обсуждался Гойосом и Циммерманом в Берлине».

[43] Ср. G o o s s, стр. 31, прим. 1, стр. 173 слл., 235 слл., 248, слл., прим. 3 и 253, прим. 2, а также гл. IX этой книги, прим. 33—36.

[44] Ср. беседу кайзера с Бетманом 9 ноября 1912 (G. P., XXXIII, 302—305) и письмо Кидерлена—Чиршки от 19 ноября 1912 (там же, стр. 361). «Мы не беремся судить, что Австрия считает своими жизненными интересами или возможными уступками в отношении Албании; но по указанию Австрии мы определенно поддерживали путем дипломатического воздействия те требования, которые она считала необходимыми, и впредь будем поступать таким же образом.»

приятный, чем потом»; и он сообщает, что Бетман «вполне согласен», что Италии и Румынии не следует ничего сообщать заранее.

Чем объясняется это расхождение в сообщениях Бетмана и Сегени? По всей вероятности, как полагает Гойос, отчасти тем, что Сегени был уже дряхл и не всегда правильно понимал и передавал то, что ему говорили. Из-за этого во время балканской войны несколько раз возникали дипломатические трения между Берлином и Веной. Сегени пользовался личными симпатиями Вильгельма, но вместе с тем вращался в берлинских милитаристских кругах, идеи которых не всегда совпадали с более умной и осторожной политикой Бетмана. Ввиду преклонного возраста Сегени, а может быть, и ввиду его воинственных стремлений и мадьярских симпатий, Франц-Фердинанд за несколько недель до сараевской трагедии поднял вопрос о замене его более спокойным представителем. Его преемник был уже намечен в лице князя Готфрида Гогенлоэ, и Берлин дал 12 июня свое согласие на назначение последнего. Но к несчастью внезапно разразившийся июльский кризис помешал смене послов до 19 августа 1914 г. [45]. В потсдамских беседах Сегени, повидимому, слишком переоценил одобрение Берлином неопределенно формулированной второй части записки Берхтольда.

Вероятно расхождение отчасти отражает также некоторое различие в позиции Бетмана, кайзера и Циммермана. Бетман, по натуре настроенный более оптимистически и идеалистически, стремившийся улучшить отношения с Англией и Тройственным согласием и ободряемый договорами о Багдадской железной дороге и португальских колониях (договоры эти уже были готовы для подписи), надеялся, что австро-сербский кризис может быть удовлетворительно разрешен при помощи мирного дипломатического плана — привлечения Болгарии на сторону Тройственного союза. Смерть эрцгерцога произвела на него менее сильное впечатление. Незадолго перед этим он был встревожен невоздержанностью, с которой Берхтольд создал конфликт с Италией из-за Черногории, поставив тем самым под угрозу все более шатавшийся Тройственный союз. «Вена начинает чересчур решительно (etwas stark) эмансипироваться от нас, и, по моему мнению, нужно ее обуздать, пока не поздно» [46], — писал он за несколько недель до этого и послал тогда строгое предостережение Берхтольду. Поэтому теперь, после сараевского убийства, он не желал поощрять Берхтольда на безрассудные приключения. Хотя он и вынужден был согласиться с императором, что Германия должна обещать Австрии свою поддержку, но из текста телеграммы, составленной Циммерманом, он вычеркнул слова «при всех обстоятельствах» [47]. Кайзер был хитрее, чем Бетман, и лучше был знаком с балканским вопросом; к тому же он был связан узами личной дружбы с Францем-Фердинандом и Францем-Иосифом, но он хуже владел собой и меньше считался с политическими последствиями своих действий. Поэтому он выразил свои чувства пометкой на полях «теперь или никогда» и т. д., которую мы уже привели выше [48]. Он готов был поддержать австрийский план привлечения Болгарии, хотя это и не согласовалось с его прежней политикой и его

[45] G. P., XXXIX, 362 сл., 546; Dirr, стр. 114.
[46] Бетман — Ягову, 8 мая 1914 г.; G. P. XXXVIII, 349 слл.
[47] K. D.; 15; см. выше, прим. 37.
[48] K. D., 7; см. выше, прим. 30.

личным недоверием к королю Фердинанду. На него большое впечатление произвели последняя часть меморандума Берхтольда и письмо Франца-Иосифа, где они настаивали на необходимости каких-нибудь энергичных действий, способных положить конец великосербской опасности. Ввиду нерешительности и колебаний, проявленных Австрией в прошлом, он советовал ей действовать быстро, пока симпатии Европы еще на ее стороне. Но, как видно из письма Фалькенгайна к Мольтке, существовало сомнение, действительно ли Берхтольд предпримет немедленные и решительные шаги.

Циммерман исполнял обязанности статс-секретаря (министра иностранных дел. — *Ред.*) до возвращения в Берлин Ягова, который вернулся уже после бесед 5 и 6 июля. Сначала Циммерман держался осторожной политики Бетмана. Сейчас же после сараевского убийства он рекомендовал Сегени величайшую «осторожность», советовал Сербии призвать к ответу «виновных» и настаивал, чтобы послы Антанты поддерживали этот вполне уместный совет, для того чтобы предотвратить опасные последствия [49]. Но 4 июля в министерство иностранных дел вернулась депеша Чиршки с пометкой кайзера «теперь или никогда» и т. д., и Циммерман в дальнейшем руководствовался ею. Он, повидимому, ничего не возразил, когда Гойос по секрету сообщил ему, что «Австрия собирается произвести полный раздел Сербии». Берхтольд тщательно избегал говорить об этом в посланиях, которые Сегени должен был передать императору. Когда Гойос вернулся в Вену и сообщил, что он сказал Циммерману относительно раздела Сербии, его слова были немедленно дезавуированы: «Берхтольд и в особенности Тисса настоятельно подчеркивают, что Гойос высказал свое личное мнение» [50].

Таковы были мнения трех руководящих берлинских деятелей в момент, когда Германия должна была принять свое решение 5 и 6 июля. Было бы ошибкой преувеличивать расхождения в этих мнениях, но они помогают нам объяснить, каким образом Берлин выдал «бланковый чек» и как это было понято и использовано в Вене. В следующие дни император находился в северных водах, Бетман — в своем имении в Гогенфинове, так что они оказывали мало влияния на ход событий. Министерство иностранных дел оставалось на попечении Циммермана, а потом Ягова, который вернулся в Берлин и вступил в исполнение своих обязанностей вскоре после отъезда Гойоса, 6 июля. Хотя Ягов в общем был солидарен с Циммерманом, но вскоре он стал проводить более осторожную линию. Он дал Вене несколько хороших советов, на которые Берхтольд не обратил внимания. Для того чтобы выяснить, куда ведет путь, намеченный Австрией, он начал задавать вопросы, на которые Берхтольд не дал исчерпывающих и откровенных ответов [51].

---

[49] ARB, I, 5: Dirr, стр. 118; B. D., 22, 44; см. выше прим. 16 и гл. III, прим. 51, 52.

[50] Чиршки — германскому министерству иностранных дел 7 июля 3 час. 25 мин. дня; K. D., 18, ср. также стр. 61 и 361. Повидимому кайзер в воскресенье днем еще не знал об этом безответственном разговоре Гойоса, который по всей вероятности имел место в понедельник утром, когда Вильгельм II уже отправился в Киль. Этим объясняется, почему место, относящееся к инциденту с Гойосом, было выкинуто из депеши Чиршки, когда Ягов отправил ее кайзеру. K. D., прим. 2.

[51] Ср. депеши Ягова за время с 9 по 18 июля; K. D., 23, 31, 33, 36, 39, 46, 61, 67—70, 72, и сведения, полученные у Циммермана и Ягова баварским посольством в Берлине, они приведены у Dirr, стр. 4—13, 123—129.

Таким образом кайзер и его советники приняли свое решение под влиянием сараевского убийства и призыва Берхтольда о помощи. По отношению к Болгарии они согласились усвоить новую политику, в отношении же Сербии они, по словам Сегени, заявили: «Австрия должна сама решить, что надлежит сделать для того, чтобы привести в ясность свои отношения с Сербией. Каково бы ни было решение Австрии, она может с уверенностью рассчитывать «что Германия поддержит ее как союзника и друга» [52]. Они развязали Австрии руки и совершили огромную ошибку тем, что отказались контролировать Австрию и предоставили это делать такому необузданному и беззастенчивому человеку, как Берхтольд. Это был прыжок в темное пространство. Они вскоре, как мы увидим, оказались вовлеченными в действия, которых не одобряли, и были связаны решениями, принятыми вопреки их совету. Но они не могли серьезно возражать и протестовать, по крайней мере, когда еще не было поздно: ведь они наперед обещали Австрии свою поддержку, и всякое колебание с их стороны только ослабило бы Тройственный союз в критический момент, когда ему нужно было быть особенно сильным. Император и его советники не были 5 и 6 июля преступниками, затеявшими мировую войну, они действовали, как глупцы, «обвязав себя веревкой вокруг шеи» [53] и передав другой конец глупому и беззастенчивому авантюристу, который теперь мог делать, что ему угодно. Тем самым они возложили на себя тяжелую ответственность за дальнейшие события.

СТАРАНИЯ БЕРХТОЛЬДА ПЕРЕУБЕДИТЬ ТИССУ

Получив от Сегени сообщение, что Германия согласна со второй частью его двусмысленного призыва, т. е. что Германия будет твердо поддерживать Австрию в качестве союзницы, что бы та ни решила предпринять против Сербии, Берхтольд уже не желал отстаивать первую часть меморандума, т. е. мирную программу Тиссы [54]. Теперь он преодолел половину стоявших перед ним затруднений; ему оставалось только убедить престарелого монарха и Тиссу, чтобы они согласились на уничтожение сербской опасности, на чем давно уже настаивал Конрад [55] и что в конце концов решил и он. Но как мог он это сделать?

«Политика дальнего прицела», рекомендованная Тиссой в целях привлечения Болгарии и обеспечения мира на Балканах по крайней мере на

[52] Сегени — Берхтольду 6 июля. ARB, 1, 7, см. выше, прим. 19, 37, 39.

[53] Кайзер пришел в бешенство, когда 30 июля узнал о предостережении Грэя, о мобилизационных мероприятиях России и упорном пренебрежении Берхтольда всеми предложенными ему мирными решениями. В пометке на полях он написал: «В дополнение к окружению, созданному Антантой, глупость и бестактность нашего союзника будет для нас капканом»; K. D., 401.

[54] В действительности он не только отказался от него, но 8 июля предлагал Берлину прекратить в Бухаресте и Софии всякие дальнейшие шаги, направленные на привлечение Болгарии. Берлин на это согласился. ARB, I, 11; K. D., 19, 21, 22. Это еще более усилило убеждение Берлина в «колебании» «вечно трусливого и нерешительного правительства в Вене»; донесение Шена от 18 июля; D i r r, стр. 7; K. D., IV, приложение IV, № 2.

[55] Не считая периода 1906—1912 гг., который охватывается первыми двумя томами его мемуаров, следует отметить, что за 17 месяцев, с 1 января 1913 г. по 1 июля 1914 г., начальник штаба, по его собственным словам, не менее чем 25 раз настаивал на войне с Сербией; ср. C o n r a d, III, 12 сл., 74, 78, 82, 84, 114, 165, 178 слл., 183 сл., 249, 257 сл., 261, 267, 302 сл., 333, 342, 354 сл., 375 сл., 405 сл., 453 сл., 457, 461, 463, 467, 477, 661, 694 слл.

несколько лет, была усвоена Берхтольдом и положена в основу его меморандума, предназначавшегося для Берлина. Сообщения, полученные из Сараева, побудили его внезапно переменить позицию и усвоить военную программу Конрада. Но Тисса был не таким человеком, чтобы внезапно изменить зрело обдуманное мнение; на это он не был способен даже под впечатлением такого преступления, как сараевское убийство. Он откровенно сказал Берхтольду, что спровоцировать войну с Сербией было бы «роковой ошибкой», что это выставило бы Австрию к позорному столбу «перед всеми странами, как нарушительницу мира, причем пришлось бы начать большую войну при самых неблагоприятных обстоятельствах». По-видимому это не произвело на Берхтольда большого впечатления. Тисса сообщил также Францу-Иосифу о необузданных планах Берхтольда и предостерег его против них [56].

После того как Тисса вернулся в Будапешт, Берхтольд добавил к меморандуму, предназначавшемуся для Берлина, приписку, в которой обвинял Сербию. Вместе с тем он набросал текст личного письма Франца-Иосифа к императору Вильгельму, в котором, как и в меморандуме, изложил мирную программу Тиссы. Письмо в конце тоже указывало на необходимость более энергичных действий против Сербии: «Мир будет возможен только, если Сербия... будет устранена как политический фактор на Балканах. Вы согласитесь, что после последних ужасных событий в Боснии, о дружественном улажении противоречий между Австрией и Сербией думать уже не приходится и что мирная политика всех европейских монархов находится под угрозой, пока этот источник преступной агитации в Белграде продолжает оставаться безнаказанным» [57]. Строго говоря, по конституции Берхтольд не имел права отправлять такое важное послание, касающееся внешней политики, и вносить изменения в текст, который был согласован раньше. Он должен был предварительно осведомить об этом венгерского премьера. Поэтому он отправил копии этих документов Тиссе, но тот, прочтя их, остался весьма недоволен. Тисса боялся, что это «испугает» Берлин и там не захотят одобрить мирную дипломатическую программу. Он подозревал, что Берхтольд намерен добиться от Германии поддержки в военных действиях против Сербии, а не поддержки «политики дальнего прицела», о которой они договорились, как это и было в действительности. Поэтому он немедленно телеграфировал Берхтольду, настаивая, чтобы были опущены слова, напечатанные выше в разрядку [58].

Но когда он отправил свою телеграмму, Сегени в Потсдаме уже передавал письмо императору Вильгельму без всяких поправок: Берхтольд отправил его, не дожидаясь ответа от Тиссы. Он прибег к одному из резких приемов, которыми он пользовался при аналогичных обстоятельствах впоследствии, но в гораздо более серьезных случаях — ставить перед «совершившимся фактом». Он не любил отстаивать свое мнение из-за при-

[56] Тисса — Францу-Иосифу 1 июля; ARB, 1, 2.

[57] Франц-Иосиф — Вильгельму II, составлено Берхтольдом 2 июля и вручено через посредство Сегени 5 июля; K D., 13; ARB., I, 1; Goos, стр. 26—29, см. выше прим. 18. Слова, напечатанные в разрядку, вызывали возражения со стороны Тиссы.

[58] Тисса — Берхтольду 5 июля 11 час. 50 мин. утра; Goos, стр. 28 сл.; Fraknói, стр. 16.

родной лени, а также вследствие незнакомства с деталями и вызываемой этим зависимости от своих секретарей в смысле информации [59]. Он всегда полагал, что легче сначала сделать первый шаг и потом избегать объяснений, пока не пройдет время, когда еще можно что-нибудь изменить, и тогда уже всякие споры будут тщетны.

Лучшим способом сдвинуть Тиссу с его твердой позиции, по мнению Берхтольда, Гойоса и Форгача было — изобразить ему дело таким образом, будто Берлин стоит за немедленные и энергичные действия против Сербии, и что если Австрия не использует сейчас благоприятного момента, то Германия больше чем когда-либо будет считать ее bündnisunfähig, т. е. слабым, нерешительным и упадочным государством, союз с которым представляет для Германии малую ценность; поэтому Берлин будет пренебрегать интересами Австрии и будет в дальнейшем обращаться с ней еще более бесцеремонно, чем раньше. В этом своем намерении Берхтольд встретил поддержку со стороны германского посла Чиршки, или, правильнее говоря, использовал его для своей цели [60].

4 июля по совету Форгача Берхтольд сообщил Францу-Иосифу и Тиссе слух, подхваченный одним сотрудником бюро печати министерства иностранных дел: «Чиршки, заявил, очевидно, с намерением, чтобы это было передано министру иностранных дел, что Германия будет всецело поддерживать двуединую монархию во всех ее мероприятиях против Сербии. Чем скорее Австрия произведет наступление на Сербию, тем лучше. Вчера это было бы предпочтительнее, чем сегодня, сегодня будет предпочтительнее, чем завтра. Если даже германская пресса, которая в настоящее время вся относится враждебно к Сербии, снова будет высказываться в пользу мира, то Вена не должна сомневаться в том, что [германский] император и империя будут безусловно поддерживать Австро-Венгрию. Великая держава не может говорить более ясно другой великой державе, чем это имело место в данном случае» [61].

6 июля, получив из Берлина сообщение Сегени о его беседах с кайзером и Бетманом, Берхтольд снова поручил Форгачу переслать эти сооб-

---

[59] О некомпетентности Берхтольда и его несклонности к серьезному изучению вопросов, которое требовалось для того, чтобы овладеть запутанными проблемами внешней политики, см. портрет, нарисованный Каннером, который изображает графа Берхтольда как аристократического дилетанта: H. Kanner, Kaiserliche Katastrophen-Politik (Wien, 1922), стр. 87—93 и Dumaine, La Dernière Ambassade de France en Autriche (Paris 1921), стр. 22, 34 слл., 99 сл.

[60] Ср. письмо Берхтольда Тиссе от 8 июля: «Из дальнейших заявлений посла (Чиршки) я усматриваю, что в Германии наши переговоры с Сербией рассматривались бы как признание слабости, что неизбежно повлияет на наше положение в Тройственном союзе и на будущую политику Германии, ARB., 1, 10.

[61] Журнал австрийского министерства иностранных дел номер 3117; Goos, стр. 40, прим. 1. Трудно сказать, насколько точно переданы здесь слова Чиршки и в какой мере они искажены Берхтольдом и его агентом для их надобностей. Даже, если они были переданы точно, то Чиршки очевидно выражал только свое личное мнение, ибо ни по одному из документов не видно, чтобы он получил за это время соответствующие инструкции из Берлина. Если бы он имел такие инструкции, то он несомненно передал бы их официально Берхтольду, который конечно с радостью сообщил бы об этом Францу-Иосифу и Тиссе. Относительно искренних мнений, которые он высказывал 30 июня и 2 и 3 июля, где он к заверениям об австро-германской солидарности присоединил предостережение против всяких поспешных и рискованных шагов, способных внести смуту в Европу, см. K. D., 7, 11, ARB I, 3, а также выше, прим. 14 и 15.

щения Тиссе [62]. На 7 июля, в четверг, он созвал совет министров, для того чтобы утвердить репрессивные мероприятия в Боснии и военные действия против Сербии, которых он добивался. Перед заседанием совета он организовал предварительное совещание, в котором участвовали, кроме него самого, Тисса и Штюргк, венгерский и австрийский премьеры, Чиршки, а также Гойос, который только что вернулся в Берлин, и который являлся одним из главных подстрекателей, настаивавших на войне с Сербией. Гойос прочел вслух обе депеши Сегени и свою собственную запись беседы с Циммерманом. Берхтольд выразил Чиршки благодарность по адресу кайзера и Бетмана «за их ясную позицию, находящуюся в полном согласии с договорными обязательствами и требованиями дружбы», но немедленно дезавуировал то, что Гойос сказал Циммерману относительно намерения Австрии добиваться раздела Сербии [63].

На совете министров 7 июля Берхтольд поставил вопрос:

«Не пора ли раз навсегда обезвредить Сербию посредством применения силы? Такой решительный удар не может быть нанесен без дипломатической подготовки. Поэтому он установил контакт с германским правительством, и переговоры в Берлине привели к весьма удовлетворительным результатам, поскольку император Вильгельм, равно как и Бетман-Гольвег, решительным образом заверили в безусловной поддержке Германии в случае военного осложнения с Сербией [64]. Надо считаться также еще с Италией и Румынией. И здесь он согласен с берлинским кабинетом, что лучше сначала действовать, не запросив их мнения, и потом ждать, какие требования компенсации они предъявят [65].

Он [Берхтольд] знает, что война против Сербии может повлечь за собой войну с Россией, но Россия ведет политику, которая в будущем ставит себе целью образование союза балканских государств, включая туда и Румынию, с тем, чтобы в удобный момент использовать этот союз против монархии [Габсбургов]. Он полагает, что Австрия должна учесть, что ее положение при такой политике будет становиться все хуже и хуже, в особенности потому, что пассивное отношение со стороны Австро-Венгрии будет истолковано южными сербами и румынами, находящимися в ее пределах, как признак слабости; благодаря этому возрастет притягательная сила обоих пограничных государств.

Из всего сказанного им логически вытекает, что Австрия должна опередить своих врагов, заблаговременно рассчитаться с Сер-

---

[62] Форгач — Тиссе 6 июля 1 час.30 мин. дня; G o o s, стр. 65.

[63] K. D., 18, см. выше прим. 50.

[64] Слова: «Поскольку имп. Вильгельм . . . с Сербией» были добавлены Берхтольдом уже впоследствии к заметкам, сделанным Гойосом; G o o s, стр. 51, прим. 3. Исправляя протокол, Берхтольд облегчил себе задачу убедить Франца-Иосифа согласиться на войну с Сербией, когда ему был представлен на утверждение журнал о заседании совета министров.

[65] Берхтольд здесь изображает дело так, будто бы берлинский кабинет советовал не уведомлять Болгарию и Румынию. В действительности (даже если допустить, что Бетман дал согласие на это, что представляется сомнительным; см. выше прим. 39—42) из фразы самого Сегени, что «Бетман, как и император, совершенно согласны с ними», явствует, что такое близорукое предложение исходило первоначально от Австрии, а не от Германии.

бией и тем положить конец движению, которое уже находится в полном разгаре. Позже это будет уже невозможно [66].

По записям, сделанным Гойосом, но потом несколько исправленным Берхтольдом, Тисса ответил на это следующее:

«Он согласен с Берхтольдом, что положение за последнее дни несколько изменилось в результате произведенного расследования (в Сараеве) и позиции, занятой сербской печатью. Он подчеркнул, что и ему возможность военных действий против Сербии представляется теперь более реальной, нежели сейчас же после преступления в Сараеве. Но он никогда не согласится на внезапное нападение на Сербию без предварительного дипломатического выступления, как это, повидимому, намечается (Берхтольдом) и о чем говорил Гойос в Берлине. По его мнению, в этом случае наша позиция в глазах Европы была бы очень скверная и по всей вероятности мы вызвали бы враждебное к себе отношение со стороны всех балканских государств, за исключением Болгарии. Но Болгария, которая в настоящее время весьма слаба, была бы не в состоянии оказать нам соответствующую поддержку.

Сербии безусловно должны быть предъявлены требования, но не следует посылать ультиматум, пока Сербия не откажется удовлетворить эти требования. Требования, конечно, должны быть суровы, но не настолько, чтобы Сербия не могла их выполнить. Если Сербия их примет, то это будет крупным дипломатическим успехом, и мы усилим этим свой престиж на Балканах. Если требования не будут выполнены, то он, Тисса, тоже высказывается в пользу военных действий, но считает нужным подчеркнуть, что мы стремимся к умалению, но не к полному уничтожению Сербии. Во-первых, потому что этого никогда не допустит Россия иначе, как после борьбы не на жизнь, а на смерть, а во-вторых, потому, что он как венгерский премьер никогда не согласится на присоединение к двуединой монархии какой-нибудь части Сербии».

Заверения Берхтольда, что Германия высказалась в пользу немедленного военного выступления, не поколебали Тиссу в его убеждениях, и он по этому поводу заявил:

«Не дело Германии решать, должны ли мы сейчас напасть на Сербию или нет. Он лично полагает, что сейчас нет безусловной необходимости начинать войну и что ввиду возбужденного состояния общественного мнения в Румынии нам следует считаться с возможностью нападения со стороны Румынии и во всяком случае нам нужно держать значительные силы в Трансильвании, для того чтобы припугнуть Румынию.

В настоящее время, когда Германия по счастью подготовила возможность присоединения Болгарии [к Тройственному союзу], откры-

[66] Эта и следующие цитаты взяты из протокола заседания совета министров от 7 июля (ABR, I, 8, английский перевод см. № 4 «Current History», декабрь 1919 г., стр. 445—460; G o o s (стр. 50—52) указывает на изменения, внесенные Берхтольдом в протокол. Ср. также C o n r a d, IV, 56, который вместе с одним адмиралом присутствовал на послеобеденном заседании с 3 часов до 5 часов дня и сделал секретный доклад о военных делах. Он рассказывает об этом в своих воспоминаниях, но из предосторожности доклад этот не был включен в официальный протокол заседания; F r a k n o i, стр. 18, 27; донесение Чиршки (K. D., 19) и баварского посланника в Вене, Тухера; D i r r, стр. 125 сл., а также «Investigating Commission» 1, стр. 90.

ваются благоприятные перспективы для успешного дипломатического выступления на Балканах. Соединившись с Болгарией и Турцией и обеспечив вступление их в Тройственный союз, мы можем создать противовес Румынии и Сербии и таким образом заставить Румынию вернуться к Тройственному союзу. Что касается Европы, то надо иметь в виду, что силы Франции по сравнению с силами Германии все больше падают, ввиду более низкой рождаемости во Франции, и поэтому Германия в будущем будет располагать большим количеством войск против России... [В заключение он сказал, что положение в Боснии может быть улучшено посредством внутренних административных реформ и что] он не может высказаться безусловно за войну, а считает, что надлежащий дипломатический успех и связанное с ним унижение Сербии могли бы улучшить позиции Австрии и обеспечить успешность ее политики на Балканах».

В своей ответной речи Берхтольд сказал, что хотя дипломатические победы и усиливали временно престиж монархии, но общая напряженность в отношениях между Австрией и Сербией, как показал опыт последних лет, только возрастала. Положение по существу нисколько не изменилось благодаря успеху, одержанному во время аннексионного кризиса или созданию албанского государства или после вынужденного отказа Сербии от своих требований в октябре 1913 г. «Радикальное разрешение проблемы, созданной великосербской пропагандой, которая систематически ведется из Белграда и разрушительное действие которой чувствуется в Аграме и Заре, возможно только, если последует энергичное вмешательство». Румынской опасности он не придает большого значения. Что касается соотношения сил великих держав, то рост населения в России более чем компенсирует падение рождаемости во Франции.

В продолжительной дискуссии, занявшей все утро и послеобеденные часы, министры, за исключением Тиссы, в общем поддержали Берхтольда. Затем Конрад сообщил секретные военные планы, которые он просил не заносить в протокол. Прения не привели к полному соглашению. Тисса желал, чтобы Сербии были предъявлены конкретные требования, но настаивал, чтобы Сербии не предъявляли нарочито тяжелых требований, которых она не может принять и чтобы требования не облекали в форму ультиматума. Он выразил также настойчивое желание ознакомиться с этими требованиями перед их отправкой, дабы не оказаться снова поставленным перед «совершившимся фактом». Но остальные министры приняли сторону Берхтольда против Тиссы и признали «что чисто политическая победа, даже если она закончится вполне очевидным унижением Сербии, не будет иметь никакой цены и что поэтому требования, которые будут предъявлены Сербии должны быть таковы, чтобы можно было наперед предвидеть, что они будут отвергнуты, и таким образом будет подготовлен путь для радикального решения вопроса военным нападением». В отношении военных приготовлений Тисса сумел отстоять свою точку зрения, что не следует предпринимать мобилизации, пока сначала не будут предъявлены и отвергнуты требования, а вслед за ними и ультиматум.

По окончании совещания Берхтольд заявил, что он на следующий день доложит о его результате Францу-Иосифу в Ишле. Но Тисса, кото-

рому надо было вернуться в Будапешт, побоялся, что его возражения против нарочитого форсирования войны с Сербией не будут достаточно убедительно изложены Берхтольдом престарелому монарху. Поэтому он попросил, чтобы Берхтольд отложил свою аудиенцию, пока он, Тисса, не составит докладной записки, которая могла бы быть представлена императору вместе с докладом Берхтольда о заседании совета министров. На это Берхтольд согласился и отложил аудиенцию у императора до четверга утром, 9 июля.

В докладной записке, составленной им 8 июля, Тисса продолжал настаивать на целесообразности своей первоначальной дипломатической программы, рекомендовавшей привлечение Болгарии. Но ввиду того, что на совете министров, происходившем накануне, все единодушно высказались против него, он главную часть своей обширной записки посвятил тому, что теперь являлось самым основным вопросом тайной дипломатии в Вене: нужно ли, как настаивал Тисса, облечь требования, предъявляемые Сербии, в вежливую форму, так чтобы нота, хотя и унизительная, могла быть принята Сербией. В таком случае в ней должны быть изложены конкретные претензии, и предъявлены такие требования, принятием которых Австрия готова была бы bona fide (искренне) удовлетвориться. Или же, как того желали Берхтольд и большинство министров, требования должны представлять собой общий обвинительный акт, предъявляемый Сербии в виде ультиматума, нарочито составленного таким образом, чтобы вызвать немедленную войну. В пользу первого варианта Тисса приводил императору те же доводы, которые он излагал на совете министров:

«Я отнюдь не рекомендую спокойно проглатывать все эти провокационные выходки (Сербии), и я готов взять на себя ответственность за последствия войны, вызванной отказом удовлетворить наши справедливые требования. Но, по моему мнению, нужно предоставить Сербии возможность избежать войны ценою согласия на тяжелое дипломатическое поражение. Тогда, если даже дело дойдет до войны, всему миру будет ясно, что мы стоим на позиции справедливой самообороны. Сербии должна быть отправлена нота, составленная в умеренном тоне, без угроз. В ней должны быть изложены наши конкретные жалобы и связанные с ними определенные требования. Основанием для жалоб, по его мнению, могут служить заявления министра Спалайковича в Петербурге и Иовановича в Берлине, а также то, что бомбы в Боснии были получены из сербского арсенала в Крагуеваце, что убийцы перешли границу с подложными паспортами, выданными сербскими властями; отмечалась также общая политика сербской печати, различных сербских союзов и сербских школ.

Если Сербия даст неудовлетворительный ответ или попытается затянуть дело, то должен быть предъявлен ультиматум, а по истечении его срока — открыты военные действия. После успешной войны территория Сербии может быть урезана путем уступки Болгарии, Греции и Румынии некоторых завоеванных округов, но для себя мы должны потребовать только некоторые существенные исправления границ и никак не более. Конечно мы могли бы еще настаивать на

контрибуции, что дало бы нам возможность держать в своих руках Сербию в течение долгого времени...

Если же Сербия смирится, то мы должны принять это решение bona fide и не делать отступление для нее невозможным» [67].

Это мирное решение, на котором настаивал Тисса, было для Берхтольда совершенно нежелательно. Вскоре после того как Тисса уехал из Вены, он снова попытался нажать на германский рычаг и в письме к Тиссе от 8 июля утверждал:

«Чиршки только что был у меня и сообщил мне, что он получил из Берлина телеграмму, в которой его император поручает ему заявить здесь самым энергичным образом, что Берлин ожидает от Австрии выступления против Сербии и что в Германии будут недоумевать, если мы упустим такой благоприятный случай и не нанесем удара... Из дальнейших слов посла я понял, что всякая уступка Сербии с нашей стороны будет истолкована в Германии как признание нашей слабости, что не преминет отразиться на нашем положении в Тройственном союзе и на будущей политики Германии.

Эти заявления Чиршки представляются мне столь важными, что они, пожалуй, могут повлиять на те выводы, к которым вы пришли; поэтому я хотел немедленно сообщить их вам и прошу вас, если вы найдете нужным, прислать мне на сей предмет шифрованную телеграмму в Ишль, где я буду завтра утром и смогу там изложить его величеству вашу точку зрения» [68].

На Тиссу это повидимому не произвело никакого впечатления, и он не послал телеграммы, о которой его просил Берхтольд. Последний отправился в Ишль, чтобы получить от Франца-Иосифа разрешение предъявить Сербии такие требования, «которые она ни в каком случае не могла бы принять» [69], но, как мы узнаем из донесения Чиршки от 10 июля, это ему не удалось.

«...Министр сообщил императору о двух возможных в данном случае методах действия против Сербии. Его величество выразил мнение, что оба эти метода, пожалуй, можно согласовать, но в общем его величество склоняется к тому, что Сербии должны быть предъявлены конкретные требования. Граф Берхтольд тоже не решается отрицать преиму-

[67] Тисса — Францу-Иосифу, 8 июля; ARB, 1, 12.

[68] Берхтольд — Тиссе, 8 июля, около 8 часов вечера, ARB, 1, 10; G o o s, стр. 68 слл. Имеются серьезные основания полагать, что Берхтольд сам сфабриковал заявление, приписываемое им Чиршки, для того чтобы, как он сам указывает, «повлиять» на Тиссу: 1) в документах Каутского нет такой телеграммы на имя Чиршки, и последний не подтверждает ее получения или выполнения данных ему распоряжений, как он это обыкновенно делал в подобных случаях; 2) Чиршки, сообщая о своей беседе с Берхтольдом 8 июля (K. D., 19) совершенно не упоминает о подобных заявлениях; 3) Берхтольд говорит о «телеграмме, полученной из Берлина, в которой его монарх и т. д.», между тем как кайзер за два дня до этого покинул Берлин и отправился в северное плавание. Следует отметить, что Берхтольд 8 июля получил телеграмму Сегени, в которой указывалось, что Берлин с нетерпением ожидает решения (G o o s, стр. 39 сл.). Возможно, что содержание телеграммы Сегени Берхтольд приписал Чиршки, чтобы «повлиять» на Тиссу.

[69] Чиршки — германскому министерству иностранных дел 8 июля 8 час. 10 мин. вечера; K. D., 19.

ществ такого способа действий... Он полагает, что в числе прочего можно потребовать учреждения в Белграде австро-венгерского агентства для наблюдения за великосербскими махинациями, а также закрытия целого ряда обществ и увольнения скомпрометированных офицеров. Срок для ответа должен быть по возможности краток, примерно 48 часов. Конечно даже такой короткий срок достаточен для Белграда, чтобы получить директивы из Петербурга. Если сербы примут все требования, то это будет для него «чрезвычайно нежелательным» решением, и поэтому он думает, как бы формулировать требования таким образом, чтобы Сербия ни в каком случае не могла их принять.

В заключение министр жаловался на графа Тиссу, который затрудняет ему энергичное выступление против Сербии. Граф Тисса считает, что надо действовать по-джентльменски, но это вряд ли уместно, когда дело идет о столь важных государственных интересах, и в особенности по отношению к такому противнику, как Сербия» [70].

Таким образом 9 июля Берхтольд добился согласия Франца-Иосифа и Тиссы на то, чтобы Сербии были предъявлены некоторые требования, но не в форме нарочито неприемлемого ультиматума. Тем не менее он втайне все-таки продолжал действовать именно в этом направлении. 11 июля он сказал Чиршки, что он вызвал Тиссу в Вену на 14 июля на совещание, на котором должен быть окончательно выработан текст этого документа.

Насколько он (Берхтольд) может сказать сейчас, главные требования, которые будут предъявлены Сербии, сведутся к следующему: во-первых, король должен официально заявить и опубликовать в форме приказа по армии, что Сербия отказывается от великосербской политики; во-вторых, должно быть организовано австро-венгерское правительственное агентство для наблюдения за строгим исполнением этой декларации. Срок для ответа на ноту будет по возможности короткий, должно быть 48 часов. Если в Вене не признают ответ удовлетворительным, то немедленно будет произведена мобилизация [71].

ДОКЛАД ВИЗНЕРА ОТ 13 ИЮЛЯ

В течение первых двух недель после убийства Франца-Фердинанда все выступления, намечавшиеся против Сербии как в Вене, так и в Берлине, основывались на убеждении, что «преступление является результатом хорошо организованного заговора, нити которого ведут в Белград». Желая собрать доказательства в пользу этого, Берхтольд отправил в Сараево 11 июля юрисконсульта министерства иностранных дел Визнера,

---

[70] Чиршки — германскому министерству иностранных дел 11 июля; K. D., 29.

[71] Частное письмо Чиршки — Ягову от 11 июля; «Investigating Commission» I, стр. 120 сл. Это частное письмо и телеграмму от 10 июля, приведенную нами выше, следует считать весьма важными, так как повидимому они легли в основу нашумевшей депеши Шена, советника баварского посольства в Берлине, которая в искаженной форме была напечатана Куртом Эйснером и приводилась на мирной конференции как одно из доказательств ответственности Германии за войну. Опубликование этой депеши послужило поводом для нашумевшего в свою очередь процесса, разбиравшегося в Мюнхене (Ср. Dirr, passim). На эти два донесения Чиршки повидимому опирался также Тирпиц в своей полемике с Бетманом, когда утверждал, что 13 июля канцлер знал уже существенные пункты ультиматума; T i r p i t z, Erinnerungen, стр. 212 сл.

чтобы тот произвел расследование на месте. Визнер был осторожным и консервативным адвокатом и желал предъявить Сербии только такие обвинения, которые ясно подтверждались бы документами и могли бы удовлетворительно выдержать судебную проверку. Так как ему пришлось просматривать материал в Сараеве наспех, в течение нескольких дней и ночей, то он ознакомился всего лишь с небольшой частью того, что мы теперь знаем относительно заговора в Белграде. Из Сараева Визнер телеграфировал 13 июля, что все влиятельные лица в Боснии убеждены, что великосербская пропаганда ведется там с ведома и одобрения сербского правительства, но что материалы, которыми он располагает, «не дают никакого основания для обвинения, что эта пропаганда исходит от сербского правительства. Доказательства в пользу того, что агитация поощряется обществами, находящимися в Сербии, и встречает к себе терпимое отношение со стороны сербского правительства, достаточны, хотя и скудны». Что же касается самого преступления, то «нет никаких доказательств или даже основания для подозрения, что сербское правительство знало о шагах, приведших к убийству, или о приготовлениях к нему, или о снабжении оружием. Наоборот, есть данные в пользу того, что об этом совершенно не приходится говорить» [72]. С другой стороны «вряд ли можно сомневаться, что убийство было решено в Белграде, подготовлено при содействии сербских должностных лиц, Цигановича, майора Танкосича, который достал бомбы, браунинги, патроны и цианистый кали»; бомбы были взяты из сербского арсенала в Крагуеваце, и трое убийц с бомбами и оружием были тайным образом переправлены через границу, в Боснию, сербскими агентами при содействии Цигановича и начальников пограничных постов в Шабаце и Лознице.

Визнер сообщил также, что имеется ценный материал относительно «Народной Одбраны», который однако еще не просмотрен, но который он привезет с собой на следующий день в Вену для дальнейшего изучения. Материал этот был потом включен в австрийское досье. Пока что Визнер полагал, что имеющиеся материалы дают основание выставить следующие требования:

А. Запрещение участия сербских правительственных органов в контрабандной переправе людей и грузов через границу.

Б. Увольнение начальников сербской пограничной стражи в Шабаце и Лознице, а также таможенных чиновников, замешанных в деле.

---

[72] Обе эти фразы, и только они одни, были процитированы из доклада Визнера Лансингом и Скоттом, американскими членами Комиссии по вопросу об ответственности виновников войны, на Парижской мирной конференции, 4 апреля 1919 г. («Германская белая книга» относительно виновников войны, английский перевод: German white Book concerning the Authors of the war. New York, 1924, стр. 28). Но утверждая, что обе эти фразы составляют существенную часть доклада Визнера, они создали совершенно неправильное впечатление о нем. Сделали ли они это нарочно или получили доклад в искаженном виде (может быть от Веснича, сербского посланника в Париже, который, как они признают, снабжал их другими документами), об этом они, насколько мне известно, никогда не говорили. Относительно других случаев, в которых «доказательства» ответственности Германии за мировую войну впоследствии оказались совершенно неосновательными или способными ввести в заблуждение, что дало основание Германии требовать пересмотра Версальского договора; см. A. von Wegerer «Die Unterlagen des Versailler Urteils übet die Schuld am Ausbruch, des Weltkrieges, в KSF, V, 1087—1106, ноябрь, 1927 и «Current History», август 1928, стр. 810 слл.

В. Возбуждение преследования против Цигановича и Танкосича [73].

Доктор Визнер показал генералу Потиореку копию своей телеграммы Берхтольду, в которой он отказывался от обвинения сербского правительства в непосредственном участии в сараевском убийстве, не снимая с него однако ответственности за революционную агитацию против Австрии. Потиорек считал, что заключение Визнера чересчур осторожно. Он немедленно отправил Конраду письмо и изложил в нем свое собственное мнение, которое было значительно ближе к истине, если принять во внимание то, что мы знаем теперь о деятельности «Черной руки». «Совершенно немыслимо, чтобы в такой маленькой стране, как Сербия, никто не знал о приготовлениях к преступлению и о предательских приемах всей этой пропаганды. Как установлено расследованием, несколько человек в Боснии и Герцеговине безусловно знали наперед о том, что должно было произойти 28 июня. По словам одного из убийц, эти приготовления обсуждались в одной из таверн в Белграде... Кроме того в Сербии наряду с официальным правительством имеется еще соперничающее с ним военное правительство, которое вышло из рядов армии. Доказано, что сербские офицеры, находящиеся на действительной службе, принимали участие в приготовлениях к убийству, а также играли выдающуюся роль во всей пропаганде и, следовательно, принадлежат к числу подстрекателей предательской агитации, которая развивалась в нашей стране. Армия конечно не есть часть правительства, но никак нельзя утверждать, будто официальное сербское правительство не знало, что делает армия» [74]. Потиорек сообщал в этом письме новые сведения, которые он только что получил относительно изменнической деятельности сокольских обществ, в которых сербские офицеры и чиновники, занимающие высокие должности, принимали деятельное участие. При этом Потиорек заявил, что он не может взять на себя ответственность, связанную с дальнейшим пребыванием на своем посту, если не будут приняты решительные меры. Удовольствоваться такими требованиями, которые предлагает Визнер, нельзя. Необходимо сокрушить машину, которая приводит в движение всю эту агитацию, т. е. сербскую армию. Все эти дела безусловно не могли бы иметь места без ведома сербского правительства, без попустительства и может быть даже поощрения с его стороны.

Мнение Потиорека, подкрепляемое его долгим пребыванием в Боснии и непосредственным соприкосновением с сербами, было ближе к истине, как ее представляли себе Берхтольд и чиновники министерства иностранных дел, чем строго юридические и осторожные предварительные заключения Визнера. Три требования, предложенные Визнером, были включены в ультиматум Сербии, но в остальном Берхтольд повидимому мало воспользовался его отчетом, и во всяком случае не воспользовался им немедленно. Визнеру предложили продолжать разборку

---

[73] Визнер—Берхтольду, 13 июля 1 ч. 10 м. и 2 ч. утра, ARB, I, № 17; G o o s, стр. 91 слл. О том, какие трудности пришлось преодолевать Визнеру при составлении предварительного отчета вследствие недостатка времени и желания избежать не вполне обоснованных обвинений, а также относительно искажения этого отчета Антантою см. две ценные статьи: «Der Sarajevoer Mord und die Kriegsschuldfrage» в «Das Neue Reich», № 44, 2 августа 1924 и «Der verfälschte und der echte Text des «Dokument Wisner», KSF, III, 641—657, октябрь, 1925.

[74] Потиорек — Конраду 14 июля; C o n r a d, IV, 82—85.

материалов и составление досье, которое должно было содержать обличающий материал для предъявления его державам. Тем временем Берхтольд продолжал осуществлять план подготовки локализованной превентивной войны против Сербии, на чем настаивали Конрад и Потиорек.

ТИССА МЕНЯЕТ СВОЕ МНЕНИЕ

14 июля Берхтольду удалось наконец убедить Тиссу согласиться на предъявление ультиматума с коротким сроком для ответа. Но ему пришлось уступить требованию Тиссы, чтобы еще до предъявления ультиматума совет министров в полном составе принял формальную резолюцию о том, что в войне с Сербией Австрия не стремится к территориальным приобретениям за исключением незначительного исправления границ. Этой резолюцией имелось в виду обеспечить специальные интересы Венгрии, как их понимал Тисса, и предупредить требования компенсации со стороны Италии, а также интервенцию со стороны держав. Было решено, что ультиматум будет предъявлен только тогда, когда будет уверенность, что Пуанкаре уже покинул Россию. Берхтольд боялся, что «если подобный шаг будет предпринят в такой момент, когда президента французской республики чествуют как гостя царя», то «это может быть легко истолковано как политическая обида, чего мы желаем избегнуть». Кроме того он считал, что неблагоразумно угрожать Белграду в такой момент, когда миролюбивый, нерешительный царь и осторожный Сазонов находятся под непосредственным влиянием двух подстрекателей, Пуанкаре и Извольского: Россия под влиянием настроения, подогретого шампанским и пылкими франко-русскими тостами, а также под влиянием шовинизма французского президента, Извольского и великого князя Николая Николаевича, легко могла решиться на военное вмешательство [75].

После того как дату вручения несколько раз меняли, в конце концов пришли к решению, что если ультиматум будет предъявлен в Белграде только после 5 часов дня в четверг 24 июля, то известие об этом придет в Петербург уже тогда, когда Пуанкаре и Вивиани будут находиться в Балтийском море, вне всякого контакта с русским правительством [76].

Почему Тисса изменил свое мнение и согласился на ультиматум и на немедленную локализованную войну с Сербией? Достоверно мы этого не знаем. По всей вероятности какое-то влияние здесь оказал нажим Берхтольда на германский рычаг. Несколько месяцев спустя, когда австрийские и германские государственные деятели в частном порядке обменивались взаимными обвинениями относительно ответственности за войну, Тисса писал Чиршки: «Прежде чем предпринять выступление против Сербии, мы обратились за советом к Германии. Нашу ноту в Бел-

[75] Доклад Берхтольда Францу-Иосифу, 14 июля, а также депеша Берхтольда — Сегени от 15 июля, ARB, I, 19, 21; K. D., 49, 50.

[76] Относительно значения, которое придается тому, чтобы Россия «протрезвилась от шампанского и стряхнула с себя влияние Пуанкаре» см. телеграммы, которыми обменялись Берхтольд и австрийское посольство в Париже с 12 по 16 июля. Телеграммы эти были расшифрованы французами и опубликованы Пуанкаре в его воспоминаниях, т. IV, стр. 283 сл.; ARB, I, 19, 21, 26, 36, 39, 57, 62; K. D., 50, 65, 69, 80, 93, 108, 112, 127. Что опасения Берхтольда были не лишены основания, видно из сообщений Палеолога, Бьюкенена и Сапари о визите Пуанкаре, см. ниже, гл. VI.

граде мы предъявили после того, как германское правительство непосредственно поощряло нас на это и заявило, что считает настоящее положение благоприятным, для того чтобы окончательно рассчитаться (с Сербией)» [77]. Мы уже видели, что Берхтольд все время убеждал Тиссу, что Германия стоит на такой позиции, и приводил это в качестве довода в пользу того, что необходимо воспользоваться настоящим моментом для сведения окончательных счетов с Сербией.

Но еще сильнее повлияло на Тиссу другое обстоятельство: он все больше убеждался, что если Австрия не будет теперь действовать энергично, то впоследствии ее враги будут обращаться с ней пренебрежительно; это и заставило его, скрепя сердце, изменить свою позицию. Месяц спустя он писал своей племяннице: «Моя совесть чиста. Нам уже набросили веревку на шею и, если бы мы ее не перерезали, нас бы задушили в удобный момент. Иначе мы поступить не могли. Но мне было мучительно, что нам пришлось сделать то, что мы сделали» [78]. Это убеждение создалось у него под впечатлением изобличающих материалов, собранных в Сараеве и в особенности вследствие выступлений некоторых сербских дипломатов и сербской печати, которые Тисса считал «совершенно нетерпимыми». Уже в своем письме Францу-Иосифу от 8 июля он протестовал против заявлений Сполайковича и Иовановича, сербских дипломатических представителей в Петербурге и Берлине, а также против «тех общеизвестных злоупотреблений со стороны сербской печати, обществ и школ, на которые мы уже жаловались» [79]. 14 июля после совещания с Берхтольдом, Тисса посетил Чиршки и сказал ему, что он изменил свою точку зрения.

> Граф Тисса сказал, что до сих пор он всегда настаивал на осторожности, но с каждым днем все больше приходил к убеждению, что монархия должна решиться на энергичные действия, чтобы тем самым доказать свою жизнеспособность и положить конец совершенно нетерпимым условиям, создавшимся на юго-востоке. Тон сербской прессы и сербской дипломатии до такой степени высокомерен, что становится совершенно невыносимым. «Мне было трудно решиться дать совет начать войну, — заявил Тисса, — но в настоящее время я твердо убежден в ее необходимости и приложу все свои силы, чтобы поддержать величие монархии» [80].

Другим решающим фактором, оказавшим влияние на Тиссу, было повторение Берхтольдом милитаристских доводов Конрада, что «в дип-

---

[77] Тисса — Чиршки 5 ноября 1914 г.; Gróf Tisza István összes munkái (полное собрание сочинений графа Стефана Тиссы), серия IV, т. XI, издание Венгерской академии наук, Будапешт 1924, стр. 267.

[78] Тисса — Маргарите Зейк 26 августа 1914 г.; там же стр. 90. Это почти единственный случай, когда он упоминает в своих письмах об изменении своей позиции во время июльского кризиса. Ср. также A. W e b e r, Graf Tisza und die Kriegserklärung an Serbien, KSF, III, 818—826, декабрь 1925; H. M a r c z a l i, Papers of Count Tisza, 1914—1918 в «Am. Hist. Rev.», XXIX, 301—315, январь 1924; Ernest L u d w i g, The Martyrdom of Count Stephan Tisza в «Current History», январь 1925, стр. 542—549 и статьи французских авторов, братьев Жерома и Жана Таро (Tharaud) в «Revue de Deux Mondes», 15 декабря 1920 и 15 апреля 1921, и более подробно — в их книге «Die Herrschaft Israels», Zürich und Leipzig», 1927.

[79] Тисса — Францу-Иосифу, 8 июля; ARB, I, 12.

[80] Чиршки — Бетману, 14 июля; K. D., 49.

ломатических переговорах следует тщательно избегать всякой медлительности, всех дипломатических выступлений с последовательными этапами, что могло бы дать нашим противникам время принять военные меры и поставить нас в невыгодное стратегическое положение» [81]. Берхтольд после совещания 14 июля писал Францу-Иосифу в своем докладе: «Граф Тисса отказался от своих возражений против ультиматума с коротким сроком для ответа, потому что я разъяснил ему военные затруднения, которые вызовет всякая задержка в таком деле. Я привел также тот довод, что и после мобилизации возможно мирное соглашение, если Сербия достаточно быстро пойдет на уступки» [82].

Таким образом целый ряд причин — предполагаемая позиция Германии, провокационный тон сербских министров и сербских газет, соображения военного порядка и общее убеждение, что самое существование двуединой монархии зависит от прекращения сербской пропаганды,— побудили Тиссу отказаться от своей оппозиционной тактики.

Итак Берхтольд преодолел главнейшие препятствия предъявлению ультиматума, неприемлемого для Сербии. Форма ультимативных требований еще не была окончательно установлена на совещании 14 июля, но Берхтольд в тот же вечер обещал Чиршки, что как только окончательный текст ультиматума будет установлен на втором заседании совета министров, которое должно было состояться 19 июля, он немедленно в самом конфиденциальном порядке покажет ему ультиматум, еще прежде, чем он представит его Францу-Иосифу на одобрение [83]. Однако этого обещания, как мы увидим дальше, Берхтольд не сдержал.

Теперь Берхтольд и один из секретарей министерства иностранных дел, барон Музулин, немедленно приступили к составлению ультиматума.

СТАРАНИЯ АВСТРИИ ОБМАНУТЬ ЕВРОПУ

В эти дни, пока составлялся ультиматум и пока Берхтольд выжидал окончания визита Пуанкаре, он прилагал все старания к тому, чтобы сохранить содержание ультиматума в величайшей тайне. Он уверял, что, прежде чем предъявить требования к Сербии, он хочет выждать окончательных результатов сараевского следствия.

Для того чтобы устранить всякие подозрения относительно своих действительных намерений, Берхтольд устроил таким образом, что австрийский начальник штаба и военный министр покинули Вену и как будто бы уехали в отпуск [84]; все австро-венгерские должностные лица усвоили в своих выступлениях более миролюбивый тон.

Когда Тисса вернулся в Будапешт и на следующий день должен был отвечать на интерпелляцию в венгерском парламенте, он заявил:

«Наши отношения с Сербией конечно должны быть приведены в ясность, но каким образом... этого я, ввиду особого характера

---

[81] Конрад — Берхтольду, приблизительно 10 июля, ARB, I, 14.

[82] Берхтольд — Францу-Иосифу, 14 июля, ARB, I, 19; G o o s, стр. 85 слл.

[83] Чиршки — Бетману, 14 июля; K. D., 50.

[84] C o n r ad, IV, 77 сл., 87, 94 сл., K. D., 29 и выше, прим. 31. Конрад выехал из Вены 14 июля, вернулся на несколько часов, чтобы присутствовать на заседании совета министров 19 июля, и после этого снова немедленно уехал и вернулся только 22 июля, т. е. накануне вручения австрийской ноты Сербии.

вопроса, сказать не могу. Вопрос находится еще в стадии обсуждения. Я могу только снова подчеркнуть, что правительство вполне сознает всю силу доводов в пользу сохранения мира. Правительство не считает, что решительное выяснение отношений должно обязательно повлечь за собой военные осложнения. Поэтому я не буду заниматься здесь никакими предсказаниями, а только укажу, что война — неприятное крайнее средство, которое надлежит применять лишь тогда, когда исчерпаны всякие возможности соглашения. Но всякое государство, всякая нация должны быть в состоянии прибегнуть к войне как к ultima ratio, если они хотят продолжать существовать в качестве государства и в качестве нации» [85].

Это заявление, выдержанное в стиле дельфийского оракула, в общем оказало успокаивающее действие. В Вене некоторые усмотрели в нем намерение спокойно выжидать дальнейшее развитие событий, указание на то, что австро-венгерское правительство держится спокойной тактики; другие усматривали в этом скрытое намерение предпринять действия, которые пока еще не решены» [86]. В Париже даже «Temps» благосклонно отзывался об умеренности Тиссы и сказал несколько добрых слов об австрийском правительстве; но другие французские газеты указывали на контраст между тоном, в котором была выдержана речь венгерского премьера, и той нетерпимостью, которую проявляла до этого времени венгерская пресса; отмечали также пламенную речь лидера оппозиции Смерчани [87].

По счастью для Берхтольда венгерский парламент был единственным законодательным органом, перед которым приходилось объясняться. Делегации и австрийский рейхсрат в это время не заседали.

Для того чтобы в дальнейшем избежать неприятных вопросов, Берхтольд прекратил свои обычные еженедельные приемы и перестал обсуждать сараевское убийство с представителями иностранных держав. Если же все-таки в министерстве иностранных дел возникали какие-нибудь разговоры, то они велись в таком тоне, что должны были устранить всякие опасения и подозрения о приготовлениях Австрии к серьезным действиям против Сербии. Чиновники министерства иностранных дел признавали, что в Белграде будут предприняты какие-нибудь шаги, как только расследование в Боснии установит наличие связи между Белградом и сараевским убийством. Но в то же время они говорили, что шаги эти не вызовут никаких осложнений. Французский посол в Вене Дюмен писал, что «требования австро-венгерского правительства относительно наказаний за преступление и относительно гарантии контроля и полицейского надзора, повидимому, будут совместимы с достоинством сербов; Иованович полагает, что они будут приняты. Пашич желает мирного решения конфликта, но говорит, что он готов и к активному сопротивлению [88].

---

[85] Fraknói, стр. 38.

[86] И. Иованович, сербский посланник в Вене Пашичу, 15 июля; ССК, 23; ср. однако донесение Дюмена, французского посла в Вене, Вивиани от 15 июля, ФЖК, 12, и донесения, отправленные Грэю Бунзеном из Вены и Максом Мюллером из Будапешта; B. D., 70, 81—83, 85.

[87] Fraknói, стр. 39; Kanner, стр. 246 сл.

[88] Дюмен — Вивиани 22 июля, ФЖК, 18. Но за несколько дней до этого Дюмен был настроен менее оптимистически (ср. ФЖК, 13 и 14, цитировано ниже, в прим. 96).

Русский посол в Вене Шебеко несколько раз беседовал о положении с Форгачем, заменявшим отсутствовавшего Берхтольда, но не мог выяснить действительные намерения Австрии. Австро-венгерский посол в Петербурге, Сапари, случайно по семейным делам находившийся в это время в Вене, сказал ему, что шаги, которые предполагают предпринять в Белграде, будут носить примирительный характер и не вызовут недовольства у России. Ввиду таких успокоительных разъяснений Шебеко отправился в Россию и не находился в Вене в первые дни развернувшегося вскоре кризиса [89].

В Белграде барон Гизль уверял 11 июля одного венгерского журналиста, что по окончании сараевского следствия «мы предпримем какие-нибудь шаги в самой примирительной форме и в пределах, допустимых в международной дипломатии» [90]. Неделю спустя он сказал своему английскому коллеге, что лично он не сочувствует слишком большому нажиму на Сербию, так как убежден, что сербское правительство готово принять всякие меры, которые можно от него требовать в пределах разумного, что и он не смотрит на положение пессимистически [91]. А между тем генерал Гизль был известен как враг сербов, и назначение его в Белград, состоявшееся за несколько месяцев до этого, было равносильно тому, чтобы бросить зажженную спичку в пороховой погреб [92]. Сам Гизль в заключение обширной секретной иеремиады, направленной против Сербии, писал Берхтольду 26 июля, что, по его убеждению, самым лучшим было бы «сокрушить врага, который угрожает нам, и таким образом обеспечить Австрии спокойствие после нескольких лет кризиса. Полумеры, предъявление требований, длительные переговоры и завершение их гнилым компромиссом было бы самым тяжелым ударом, какой можно нанести престижу Австро-Венгрии в Сербии и ее положению в Европе» [93]. Такова была хитрая макиавелистская политика, при помощи которой Берхтольд и его подчиненные пытались убаюкать Европу перед тем, как должна была взорваться их дипломатическая бомба.

Однако Берхтольду не удалось обмануть Европу относительно своих действительных намерений, как это обыкновенно полагали на основании разноцветных книг, изданных в 1914 г. Когда началась война, Сербия и страны Антанты старались по возможности изобразить дело так, как будто они были застигнуты врасплох нотой, предъявленной Австрией Сербии [94]. Но теперь из недавно опубликованных документов мы знаем, что великие державы подозревали и знали о намерениях Берхтольда больше, чем это раньше обычно предполагалось.

16 июля английский посол в Вене телеграфировал сэру Эдуарду Грэю:

---

[89] Дюмен — Бьенвеню-Мартэну 22, 26 июля; ФЖК; 18, 55; Иованович Пашичу 16 августа; ССК, 52, Сапари тоже сказал Сазонову 18 июля, что «в Вене убеждены, что Сербия согласится удовлетворить наши возможные требования»; Сапари — Берхтольду 18 июля, ARB, I, 25.

[90] Kanner, стр. 248.

[91] Крекенторп — Грэю 18 июля; B. D., 57.

[92] Гизль, бывший прежде австрийским посланником в Черногории, горячо отстаивал интересы Австрии против Сербии во время балканских войн.

[93] Гизль — Берхтольду 21 июля, ARB, I, 37.

[94] Ср. Seton-Watson, Sarajevo, гл. VIII, «The Duping of Europe».

«Подготовляется нечто вроде обвинительного акта против сербского правительства, якобы ввиду его соучастия в заговоре, повлекшем за собой убийство эрцгерцога. Обвинение будет основано на данных судебного следствия в Сараеве. Мой осведомитель сообщил, что сербскому правительству будет предложено принять определенные меры для обуздания националистической и анархистской пропаганды и что австро-венгерское правительство отнюдь не намерено вести долгие переговоры с Сербией, но будет настаивать на немедленном и безусловном подчинении, а если такового не последует, то применит силу. Германия, как сообщают, вполне сочувствует этому образу действий; полагают, что и вся остальная Европа будет на стороне Австро-Венгрии в ее требовании, чтобы Сербия в будущем усвоила более покорную тактику...

Я спросил, ожидается ли, что Россия ничего не предпримет, в случае если по отношению к Сербии будет применена сила.

Мой осведомитель сказал, что, как он полагает, Россия не пожелает защищать убийц, но во всяком случае Австрия будет настаивать на своем, не считаясь ни с какими последствиями. Она лишилась бы своего положения великой державы, если бы примирилась с подобными нелепыми действиями Сербии [95].

21 июля президент Пуанкаре, находившийся в то время в Петербурге и полагавший, что «Австрия готовится нанести удар»[96] попробовал сделать австрийскому послу бесцеремонное и суровое предостережение, многозначительно сказав ему: «Русский народ — горячий друг Сербии, а Франция — союзник России»[97]. Он пытался запугать Австрию и за-

---

[95] Бунзен — Грэю, 16 июля, B. D., 50 (в британскую «Белую книгу» не включено). На этом Кроу сделал пометку: «Граф Траутсманндорф долго говорил со мной сегодня (неофициально) и высказывал в значительной мере такие же взгляды». В письме, адресованном Артуру Никольсону, Бунзен на следующий день объяснил, что эти сведения получены им от «бывшего посла в Риме, графа Лютцова. Его усадьба недалеко от нас, и мы отправились туда на завтрак в автомобиле. Накануне он виделся на Бальплаце с Берхтольдом и Форгачем и долго беседовал с ними. Он делал серьезное лицо и говорил, что удивляется, если я не понимаю, насколько серьезно положение. Правительство не намерено больше терпеть дерзость Сербии. Ни одна великая держава не может спокойно сносить такие дерзости, какие позволяла себе Сербия, и сохранить при этом свое положение среди других государств... Если Сербия сразу не подчинится, то будет применена сила. Граф Лютцов добавил, что Берхтольд уверен в поддержке Германии и не считает возможным, чтобы какая-нибудь страна отказалась одобрить его политику — даже Россия . . . Я выразил сомнение, чтобы в случае, если дело действительно дойдет до войны, чему я не верю, Россия допустила единоборство Австрии и Сербии. Граф Лютцов сказал, что Австрия решила настаивать на этот раз на своем и не допустить, чтобы кто-нибудь помешал ей. (B. D., 56).

[96] Paléologue, La Russie des Tzars I, 7. Французский посол в Вене уже передал как «достоверное сведение» меморандум, в котором говорилось: «Французское правительство ошибется, если поверит тем, кто распространяет оптимистические слухи. К Сербии будут предъявлены большие требования; от нее потребуют роспуска различных пропагандистских обществ, подавления националистического движения, охраны границ совместно с австрийскими чиновниками, строгого наблюдения над антиавстрийскими тенденциями в школах, и правительству будет весьма трудно стать полицейским в интересах иностранного правительства... Содержание ноты и ее повелительный тон почти наверняка приведут к тому, что Белград ответит отказом, тогда должны будут начаться военные действия». (Дюмен — Вивиани, 19 и 20 июля; ФЖК, 13, 14).

[97] ARB., I, 45, 60; K. D. 134 и Poincaré, IV, 253 сл.

ставить ее отказаться от того, что Берхтольд как раз собирался сделать; вместе с тем он поощрял Сазонова твердо поддерживать Сербию [98].

Италия, повидимому, тоже имела какие-то сведения о том, что подготовляется в Вене, может быть от графа Лютцова или от Бунзена. 16 июля итальянский посол в Петербурге писал, что по его впечатлению, «Австрия способна предпринять непоправимый шаг по отношению к Сербии», и советовал России предупредить Австрию, что «Россия не потерпит посягательства Австрии на неприкосновенность или независимость Сербии»[99]. Вечером 29 июля советник итальянского посольства определенно сообщил князю Трубецкому: «Австро-Венгрия сегодня представит Сербии совершенно неприемлемый ультиматум» [100].

СОСТАВЛЕНИЕ ОКОНЧАТЕЛЬНОГО ТЕКСТА УЛЬТИМАТУМА

Окончательный текст ультиматума или «ноты с ограниченным сроком для ответа» (befristete Démarche), как ее эвфемистически называли[101], была представлена на втором секретном заседании совета министров, состоявшемся в воскресенье 19 июля. Для того чтобы лучше оберечь тайну совещания, его устроили в 10 часов утра на частной квартире Берхтольда, а не в министерстве иностранных дел, и участники совещания прибыли на обыкновенных автомобилях, а не на казенных машинах без номера. Новый приезд Тиссы в Вену был «объяснен» тем, что ему необходимо получить дальнейшую информацию. Объяснение это могло показаться достаточно убедительным, так как венгерский парламент продолжал еще заседать и жаждал новостей. Конрад на короткое время вернулся в столицу, якобы вследствие болезни своего сына [102].

Прежде чем председательствующий (Бертхтольд) открыл объединенное заседание совета министров, состоялся неофициальный обмен мнениями относительно ультиматума Сербии и его окончательного текста. После этого председательствующий открыл заседание совета и предложил одобрить вручение ноты сербскому правительству в четверг 23 июля в 5 часов дня, с тем чтобы по истечении 48-часового срока — в субботу 25 июля в 5 часов дня — можно было в ночь с субботы на воскресенье разослать приказы о мобилизации. «По мнению Берхтольда, представлялось невероятным, чтобы предпринятые нами шаги стали известны в Петербурге еще до отъезда президента французской республики. Но даже если бы это и случилось, то он не усматривает здесь большого неудобства, так как мы проявили достаточно внимания и вежливости, выждав окончания этого визита. С другой стороны, он по дипломатическим соображениям решительным образом возражает против всякой отсрочки, потому что в Берлине уже начинают нервничать и сообщения о наших намерениях уже проникли в Рим, так что он не может взять на себя от-

[98] См. ниже, гл. VI.
[99] «Schilling's Diary», стр. 25.
[100] «Schilling's Diary», стр. 28. Уже 18 июля Берхтольд подозревал, что Италия кое-что узнала о его намерениях, ARB, I, 24; G o o s, стр. 79, 117 сл.
[101] Берхтольд — Гизлю, 23 июля, ARB, I, 65, 66 и B. D. 105.
[102] K a n n e r, стр. 250; C o n r a d, IV, 78, 87, 94 сл.

ветственность за нежелательные последствия, могущие произойти от дальнейшей отсрочки» [103].

После этого начальник генерального штаба Конрад сделал сообщение о военных операциях и уверил Тиссу, что Трансильвании не грозит никакой опасности в виде румынского восстания или вторжения со стороны Румынии. Затем Тисса снова выдвинул требование, поставленное им еще 14 июля, чтобы совет единогласно заявил, что «с выступлением против Сербии Австрия не связывает никаких завоевательных планов, за исключением исправления границ, необходимого по стратегическим соображениям. Австрия не намерена аннексировать ни одного кусочка сербской территории». Берхтольд сказал, что он принимает это «только с некоторой оговоркой».

«В случае победы над Сербией Австрия не должна аннексировать ее территории, но должна постараться сократить размеры Сербии до таких пределов, чтобы она впредь не была опасна; для этого придется уступить возможно большую часть сербской территории Болгарии, Греции, Албании, а может быть, и Румынии. Положение на Балканах может измениться: не исключена возможность, что России удастся свергнуть стоящий в Софии у власти кабинет и снова поставить на его место правительство, враждебное Австрии; Албания тоже ненадежный фактор; как лицо, ответственное за внешнюю политику, он должен считаться с возможностью, что к концу войны вследствие условий, которые создадутся к тому времени, нельзя будет совершенно воздержаться от аннексий, если мы захотим создать на нашей границе лучшие условия, чем теперь» [104].

Австрийский премьер граф Штюргк указал, что «публичный отказ от всяких намерений аннексировать сербскую территорию не устраняет возможности необходимых стратегических исправлений границы, или же возможности установления зависимости Сербии от Австрии путем свержения династии или посредством какого-нибудь другого пригодного для этого способа». Военный министр соглашался голосовать за отказ от аннексий только при условии, что этим не исключается постоянная оккупация предмостного укрепления на Саве в пределах Сербии, а также исправления границ.

Но Тисса был непреклонен и ставил свое согласие и согласие венгерского правительства, которое он представлял, в зависимость от единогласного принятия его требований. После этого было единогласно постановлено:

«В самом начале войны иностранным державам должно быть заявлено, что монархия не предпринимает завоевательной войны и не намерена присоединить к себе королевство [Сербию]. Настоящее решение, разумеется, не исключает возможности исправления границ, поскольку оно окажется стратегически необходимым, а также и сокращения пре-

---

[103] Протокол заседания совета министров от 19 июля: ARB, I, 26, G o o s, стр. 101 сл. Вручение ноты в Белграде было впоследствии отложено с 5 на 6 часов дня, чтобы быть более уверенными, что Пуанкаре уже покинет Россию, когда сообщение о вручении ноты будет получено в Петербурге; см. Берхтольд — Гизлю 23 июля, ARB, I, 62; ср. также выше, прим. 76.

[104] ARB, I, 26; G o o s, p. 101 сл.

делов Сербии в пользу других государств или временной оккупации отдельных частей Сербии, если в этом явится необходимость [105].

Это торжественное обещание заявить державам в начале войны «о территориальной незаинтересованности» Австрии, было, как мы увидим дальше, вторым обещанием, которое Берхтольд не выполнил, вопреки данному слову. А когда эта декларация в конце концов последовала, то неискренность ее явствовала из оговорок, сделанных отдельными министрами, и из замечания Конрада, брошенного военному министру, когда они оба уходили с заседания совета: «Ну, что же, посмотрим! Перед балканской войной державы говорили о сохранении status quo, а потом никто из них об этом и не думал» [106].

На следующий день, 20 июля, нота была отправлена с курьером Гизлю в Белград с инструкцией — вручить ее сербскому правительству в четверг 23 числа [107]. Одновременно она была отправлена в строго секретном порядке также австрийским послам в Берлине [108], Риме, Париже, Лондоне, Петербурге и Константинополе и всем дипломатическим представителям при менее значительных дворах. При этом всем была преподана инструкция, что в пятницу утром 24 июля они должны уведомить правительства, при которых они аккредитованы, о «ноте», врученной Сербии накануне, разъяснить справедливость позиции Австрии, а в некоторых случаях сообщить, что досье, в котором будут содержаться более подробные обвинения Австрии против Сербии, может быть представлено на рассмотрение великих держав» [109].

Берхтольд отправил ультиматум без ведома и одобрения Франца-Иосифа. Престарелый император, находившийся в Ишле и знавший, что нота должна была быть выработана на совете министров 19 июля, больше о ней ничего не слышал. Поэтому 20 июля он запросил о ней по телеграфу [110].

---

[105] Там же.

[106] Conrad, IV, 92.

[107] Берхтольд — Гизлю 20 июля ARB, I, 27, 28, оно было датировано более поздним числом, а именно—22 июля; Goos, стр. 101, прим. 1. Возможно, Берхтольд полагал, что ультиматум произведет лучшее впечатление, если не видно будет, что он был отправлен до того, как был показан Францу-Иосифу и получил его одобрение; в случае же если бы император воспротивился этому, то можно было бы сослаться на отправку ультиматума, как на совершившийся факт. Он помечен «22 июля» в австрийской «Красной книге» 1915 г. и «24 июля» в экземплярах, представленных державам утром 24 июля; ББК, 4; ФЖК, 24.

[108] Сегени в Берлине получил его приблизительно 21 июля, потому что в тот день в 7 ч. 30 м. вечера он настойчиво требовал, чтобы ему разрешили показать ультиматум германскому правительству раньше, чем это было указано в инструкции; ARB, I, 39—41; Goos, стр. 110 сл. Австрийские дипломатические представители в Риме, Париже и Цетинье получили свои экземпляры ультиматума 22 июля; (там же, 50, 51, 55). Сапари в Петербурге не мог получить ультиматум 20 июля, как это неправильно утверждает Сэтон-Ватсон («Sarajevo», стр. 207; на стр. 221, 227 такие же неточности и относительно получения ультиматума в Париже и Лондоне). В действиях Австрии было достаточно много обмана и без того, чтобы требовалось согласиться с утверждением Сэтон-Ватсона, будто Сапари уже «танл на своей груди эту бомбу», когда сделал Пуанкаре «совершенно бесчестное заявление» на приеме дипломатического корпуса в Петербурге.

[109] Инструкции Берхтольда, 3401—3406, 3426—3436,20 июля; ARB, I, 29—31. О досье см. выше, гл. II, прим. 2.

[110] Телеграмма барона Шисля, начальника канцелярии при кабинете императора Берхтольду из Ишля от 20 июля в 11 ч. утра; ответ Берхтольда 20 июля в 1 ч. 30 м. дня; Goos, стр. 101.

Берхтольд поспешил ответить, что 19 июля не было возможности закончить составление ноты [!] но что теперь она готова и будет доставлена с курьером в Ишль, а что он сам прибудет на аудиенцию на следующее утро 21 июля. Не имеется никаких записей относительно объяснений, которые были представлены Францу-Иосифу на этой аудиенции, происходившей во вторник утром. Но мы знаем, что по окончании аудиенции Берхтольд телеграфировал своему подчиненному барону Маккио в Вене: «его величество одобрил без всякого изменения текст поты Сербии и ноты к державам. Я прошу вас поставить в известность германского посла Чиршки, что мы можем дать ему ноту только завтра утром, так как нужно еще внести некоторые поправки» [111]. К чему была эта ложь? Почему Берхтольд нарушил свое обещание, данное Чиршки за несколько дней до этого, что лишь только «текст [ноты] будет установлен в воскресенье [19 июля на совете министров], он немедленно сообщит его императорскому [германскому] правительству в самом доверительном порядке, еще до того как нота будет представлена на одобрение Францу-Иосифу» [112]. Если «окончательный текст был установлен» [113] 19 июля и в секретном порядке сообщен австрийским послом 20 июля [114] и «одобрен без изменения» императором 21 июля, то почему же Берхтольд не хотел его давать Чиршки и утверждал, что нужно «внести еще некоторые поправки»? По всей вероятности из опасения, что даже германское министерство иностранных дел не одобрит резкого и непримиримого тона ноты и в последний момент станет удерживать Австрию. Берлин, как Берхтольд уже сказал на совете министров 19 июля, начинал «нервничать», и Берхтольд не хотел брать на себя ответственности «за нежелательные инциденты, которые могут вызвать новую отсрочку». Поэтому нужно было, чтобы Берлин оставался в неведении, пока уже не будет слишком поздно что-нибудь предпринять. Берлин должен был принять как совершившийся факт отправку весьма резкого ультиматума, который уже нельзя было вернуть обратно или изменить [115].

АВСТРИЯ ПРЕНЕБРЕГАЕТ СОВЕТОМ ГЕРМАНИИ

В связи с этим и с неоднократно повторявшимися впоследствии Германией заявлениями, что она не была заблаговременно осведомлена об австрийском ультиматуме, представляется важным проследить, как изменилось отношение Берхтольда к Германии после 14 июля, когда он окон-

---

[111] Берхтольд — Маккио, 21 июля, 12 ч. 30 м. дня; ARB., I, 46.
[112] Чиршки — Бетману, 14 июля; K. D., 50; ср. там же, 88.
[113] Протокол заседания совета министров, 19 июля; ARB, I, 26.
[114] ARB, I, 29—31.
[115] Сравни Мерей—Берхтольду, 27 июля (G o o s, стр. 114): «У меня такое ощущение, что германский кабинет... стремится разными путями, например через Рим и Бухарест, противодействовать военному конфликту между нами и Сербией. Для этого в период между вручением ноты и началом военных действий всеми сторонами как друзьями, так и врагами, будут созданы достаточные дипломатические и политические барьеры, чтобы помешать нам воевать. Если Германии это удастся, то Сербия в конце концов будет вынуждена согласиться на основные требования, но ее достоинство как государства будет до известной степени пощажено для сохранения декорума. Это будет как раз то, что ваше превосходительство считали столь ужасным и что действительно поставило бы нас в худшее положение, чем раньше. А Германия снова сорвет в Вене дешевые и незаслуженные восторги за то, что она опять поддержала нас «всем блеском своего оружия».

чательно заручился согласием Тиссы на резкий ультиматум. До этого времени Берхтольд почти исчерпывающим образом информировал Германию относительно планов, которые строились в целях предъявления резкого ультиматума Сербии. Берлину были также сообщены некоторые условия, которые предполагалось включить в ультиматум. Берхтольд дал понять, что условия эти будут носить такой характер, что Сербия вряд ли сможет принять их и что ему было бы «весьма неприятно» [116], если бы она на них согласилась. Он спрашивал совета Германии и делал вид, что готов принять его и руководствоваться им в своих действиях. 5 июля Германия, предоставляя Австрии carte blanche (свободу действий), дала свое согласие на эти планы. Зная неустойчивость Берхтольда и нерешительность, проявленную им в прошлом и желая, чтобы Австрия действовала быстро, прежде чем рассеются впечатления ужаса и чувства симпатии, вызванные в Европе сараевским убийством, Германия не только дала свое согласие, но даже поощряла Берхтольда, убеждая его действовать быстрее. Не зная еще окончательного текста намеченной ноты и продолжая разделять оптимистическое предположение, что конфликт между Австрией и Сербией можно «локализовать», Германия начала предпринимать шаги и давать советы, которые могли бы способствовать такой локализации. Но после 14 июля, когда Берхтольд заручился поддержкой Германии и переубедил Тиссу, он уже не проявлял по отношению к Германии прежнего внимания и не особенно считался с ее советами и требованиями.

Например Ягов советовал Вене «собрать достаточные доказательства о существовании в Сербии великосербской агитации, представляющей опасность для двуединой монархии, для того чтобы по возможности убедить общественное мнение Европы в справедливости позиции, защищаемой Австрией. Лучше всего было бы опубликовать эти материалы не отдельными частями, а целиком, незадолго до вручения Сербии требований или ультиматума» [117]. Но Берхтольд не последовал этому превосходному совету. Досье, в котором были подробно изложены жалобы Австрии на Сербию, а также результаты расследования сараевского дела, было представлено державам лишь через несколько дней после вручения ультиматума. Оно запоздало, так как к тому времени возник уже серьезный дипломатический кризис и державы обратили мало внимания на досье или даже совсем им не интересовались [118]. Таким образом Австрия совершенно лишилась тех выгод, которые она могла бы получить, если бы постаралась настроить общественное мнение в свою пользу и против Сербии.

Германия убеждала также Берхтольда притти заблаговременно к соглашению с Италией. Итальянское правительство было весьма обеспокоено угрозами австрийской прессы по адресу Сербии и подозрительным молчанием венского правительства. Германский посол в Риме, барон Флотов, доносил 14 июля, что Сан-Джулиано настроен весьма пессимистически в отношении планов, которые строит Берхтольд. Итальянский министр

---

[116] Ср. 9 депеш Чиршки с 7 по 14 июля; K. D. 18, 19, 27—29, 35, 40, 41-a, 49, 50; три из них были частично приведены выше в прим. 69—71; ср. также донесение баварского уполномоченного в Берлине, Шена, Гертлингу в Мюнхен 18 июля (D i r r, стр. 4 сл.; K. D., IV приложения IV, № 2), которое полностью показывает, что знала Германия к тому времени о намерениях Австрии.

[117] Ягов — Чиршки, 11 июля; K. D., 31.

[118] См. выше, гл. II, прим. 2.

сказал, что, по его мнению, международное право не допускает, чтобы на правительство возлагалась ответственность за преступные действия отдельных лиц или за политическую пропаганду, если эта пропаганда не выражается в открытых действиях. Поэтому он опасается, что итальянское правительство не сумеет поддержать требования, которые Австрия повидимому собирается предъявить Сербии, в особенности если эти требования будут противоречить чувствам, глубоко укоренившимся в итальянском народе, т. е. будут противоречить принципам либерализма и принципу национального достоинства, против которых Италия в силу своих традиций ни в коем случае не может выступить. Из этого Флотов заключил, что «Сан-Джулиано очевидно хотел предостеречь нас, что Италия не будет на стороне Австрии в случае дальнейших осложнений» [119]. В течение следующих дней он отправил ряд все более настойчивых и тревожных телеграмм, сообщавших, что Италия не будет поддерживать Австрию против Сербии в виду ненависти, господствующей в народе против Австрии, и ввиду симпатии к сербскому национальному (пьемонтскому) движению, которое так похоже на происходившую полвека тому назад борьбу самой Италии за национальное объединение против гнета Габсбургов. Флотов сообщил также, что нет никакой возможности воздействовать на итальянскую печать [120].

Ягов ясно представлял себе, сколь важно удержать Италию от присоединения к Сербии и как трудно подкупить итальянцев или сторговаться с ними. Он отправил телеграмму Флотова Чиршки в Вену и приказал ему конфиденциально обсудить с Берхтольдом вопрос об Италии. Он заявил, что всякое территориальное расширение Австрии, или хотя бы расширение ее сферы влияния на Балканах безусловно испугает Италию. Каждый раз, когда Австрия ставит вопрос о том, чтобы воздействовать на Сербию угрозой, Италия начинает сильно нервничать. Если Италия поддержит Сербию, то это очень усилит готовность России к выступлению. Поэтому он считает чрезвычайно важным, чтобы Австрия пришла к соглашению с римским кабинетом и предложила бы в качестве приманки возможность некоторой компенсации, например передачу ей Валоны в Албании. Это ничего не будет стоить Австрии, но пожалуй не удовлетворит Италию; или можно предложить ей такой жирный кусочек, как Триент, что уже наверное заткнет рот антиавстрийским выступлениям в Италии [121].

Ввиду отсутствия Чиршки советник германского посольства в Вене Штольберг на основе этих инструкций «спросил Берхтольда, не намерен ли он войти в контакт с Италией, прежде чем предпринимать какие-нибудь действия против Сербии. Берхтольд ответил, что он до сих пор не проронил ни слова и что он намерен поставить итальянское правительство перед совершившимся фактом, так как не вполне уверен, что такие переговоры останутся в тайне; при сербофильской позиции Италии оттуда легко может что-нибудь просочиться в Белград»[122]. Штольберг не стал оказывать особенного давления на Берхтольда и предпочел оставить деликатный вопрос о компенсациях до прибытия Чиршки. Но он все же

[119] Флотов — Бетману, 14 июля; K. D., 42.
[120] Флотов — Бетману 15, 16, 17, 19, июля; K. D., 51, 54, 59, 60, 64, 73, 75, 78.
[121] Ягов — Чиршки, 15 июля; K. D., 46.
[122] Штольберг — Ягову, 18 июля; K. D., 87.

имел продолжительный разговор с доверенным лицом Берхтольда, Гойосом, и настаивал на примирительной политике по отношению к Италии. Однако беседа эта дала мало удовлетворительные результаты: Гойос предлагал компенсировать Италию какой-нибудь другой территорией, не принадлежавшей Австрии, например Додеканезом.

Два дня спустя, 20 июля, Чиршки имел продолжительную беседу с Берхтольдом и горячо отстаивал доводы Ягова относительно необходимости заблаговременно, пока еще не поздно, привлечь Италию на свою сторону, предоставив ей компенсацию. Но и его старания не увенчались успехом. Берхтольд упорно настаивал, что Италия не требует никаких компенсаций, что ему нужно не содействие или поддержка Италии, а только, чтобы Италия не вмешивалась. Он утверждал, что лучше всего скрыть от Италии намеченное выступление и поставить ее перед совершившимся фактом, что поэтому он категорически запретил Мерею, австрийскому послу в Риме, говорить о сербском вопросе, ибо он убежден, что даже самые осторожные намеки будут немедленно сообщены Италией в Петербург и будут использованы Римом как оправдание или как предлог для какого-нибудь встречного выступления или требования компенсации. Вместе с тем, Берхтольд столь решительно отказался предоставить Италии даже Валону, что Чиршки очевидно уже не стал поднимать более деликатный вопрос относительно уступки Австрией Триента [123].

Вместо того чтобы последовать мудрому совету Германии и толком договориться с Италией, Берхтольд отправил Мерею пространное письмо, в котором пытался опровергнуть толкование Германией и Италией статьи 7 договора Тройственного союза относительно компенсации Италии в случае изменения положения на Балканах в пользу Австрии[124]. В тот же день, когда Мерею был отправлен текст ультиматума, Берхтольд приказал ему отвечать на вопросы Сан-Джулиано, что у него «нет точной информации относительно завершения следствия в Сараеве и тех шагов, которые на основании этого Австрия намерена предпринять в Белграде»[125]. Мерей должен был также по возможности уклоняться от всякого обсуждения статьи 7, ввиду того что «ни одна страна не в состоянии убедить другую в правильности своего толкования и есть опасения, что такая дискуссия, если она начнется, возбудит страсти и в конце концов поставит под угрозу самый договор о Тройственном союзе»[126].

Берхтольд обещал Чиршки, что из вежливости к Италии, как союзнику, он сообщит римскому кабинету об ультиматуме еще до вручения его Сербии, так что Сан-Джулиано и его коллегам не придется узнать о нем из газет. Одновременно он сделает заявление, что Австрия в своем выступлении против Сербии не стремится к расширению собственной территории[127]. Но ни одного из этих обещаний он целиком не выполнил. Относительно предварительного уведомления Италии он послал Мерею ряд противоречивых распоряжений, так что тот совершенно не знал, что ему делать. В конце концов он сказался больным и 23 июля днем,

[123] Чиршки — Бетману, 20 июля; K. D., 94; изложение этой беседы в журнале австрийского министерства иностранных дел № 3425, ARB, 1, 35.
[124] Берхтольд — Мерею, 29 июля, ARB, I, 32, 33.
[125] ARB, 1, 34.
[126] Берхтольд — Мерею, 21 июля; ARB, 1, 42.
[127] Чиршки — Бетману, 20 июля; K. D., 94.

приблизительно в то время, когда в Белграде должен был быть вручен ультиматум, отправил своего секретаря в автомобиле на дачу к Сан-Джулиано. Но и тогда итальянский министр вместо копии ультиматума получил только краткое сообщение о том, что вручена нота с 48-часовым сроком для ответа и что она содержит ряд требований, основанных на следствии, произведенном в Сараеве, и имеющих целью защитить Австрию от великосербской пропаганды [128].

Точно так же Берхтольд не заявил ясно и своевременно Италии или какой-либо другой державе о том, что Австрия не стремится к расширению своей территории за счет Сербии, на чем настаивали Тисса и Германия. Таким образом, переубедив Тиссу, 14 июля Берхтольд уже не обращал внимания на советы Германии относительно Италии, равно как и на ее совет опубликовать улики, собранные в Сараеве, одновременно с предъявлением требований Сербии [129].

ЧТО ЗНАЛА ГЕРМАНИЯ ОБ УЛЬТИМАТУМЕ

Точно так же Берхтольд после 14 июля не обращал особого внимания на просьбы Германии информировать ее относительно окончательных намерений Австрии и относительно формулировки требований, которые она предполагает предъявить Сербии. Это обстоятельство вместе с утверждениями Ягова, последовавшими несколько дней спустя, что он «не знал заранее содержания австро-венгерской ноты»[130], а также новые факты, которые вскрылись впоследствии благодаря опубликованию германских документов, породили большие споры по вопросу, в какой мере Германия была заранее осведомлена об австрийском ультиматуме [131].

Как уже было указано выше, в течение первых недель после потсдамских разговоров Берхтольд почти исчерпывающе информировал германского посла в Вене относительно своих планов и относительно того, какие приблизительно требования он собирается включить в ультиматум [132]. Эти сообщения были переданы баварскому уполномоченному в Берлине, который резюмировал их в обстоятельной депеше от 18 июля.

> Как мне сообщил Циммерман, нота, поскольку уже определилось ее содержание, будет заключать в себе следующие требования.
>
> 1. Опубликование сербским королем прокламации, в которой должно быть заявлено, что сербское правительство совершенно отмежевывается от великосербского движения и осуждает его.

[128] ARB, 1, 22, 30, 34, 50, 56; II, 8; Goos, стр. 114—127.

[129] Мерей сказал Сан-Джулиано 21 июля, что Австрия не намерена присоединять к себе какой-либо территории, но отказался дать ему разрешение напечатать об этом в газетах «потому что это не следует понимать как обещание», ARB, I, 43. Относительно нерешительных и малоубедительных заявлений, сделанных России и другим державам, по тому же вопросу см. ниже.

[130] Румбольд — Грэю 25 июля; B. D. 122; ср. также его заявление французскому послу от 24 июля, что «берлинский кабинет совершенно не знал о требованиях Австрии, пока они не были сообщены в Белграде (ФЖК, 30). В тот же день германский посол в Петербурге сообщил Сазонову, что «германское правительство не знало об австрийской ноте до ее вручения» («Русская оранжевая книга», 18).

[131] Противоположные мнения по этому вопросу см. в статьях Ягова (G. v. Jagow) и Шмитта (B. E. Schmitt) в «Current History» декабрь 1927, стр. 393—398.

[132] См. выше прим. 69—71, 116.

2. Возбуждение судебного следствия против лиц, виновных в соучастии в сараевском убийстве с привлечением представителей Австрии к этому следствию.

3. Принятие мер против всех лиц, участвовавших в великосербском движении.

Для принятия этих требований будет предоставлен 48-часовой срок. Очевидно, что Сербия не может принять эти требования, как несовместимые с достоинством независимого государства. Поэтому в результате должна возникнуть война.

Здесь [в Берлине] безусловно желают, чтобы Австрия воспользовалась этим благоприятным моментом, даже не останавливаясь перед возможными в будущем осложнениями. Но Ягов, точно так же как и Циммерман, сомневается, чтобы в Вене действительно воспользовались этим случаем. Циммерман высказал мнение, что Австро-Венгрия вследствие своей нерешительности и слабости стала теперь больным человеком Европы, каким была раньше Турция. Русские, итальянцы, румыны, сербы и черногорцы ожидают теперь ее раздела. Энергичные и успешные действия против Сербии позволили бы австрийцам и венгерцам снова почувствовать себя мощной нацией, и это привело бы к возрождению народного хозяйства и на долгие годы положило бы конец всяким вожделениям других стран.

Какую позицию займут остальные державы в случае вооруженного конфликта между Австрией и Сербией, будет зависеть, как здесь полагают, главным образом от того, удовлетворится ли Австрия тем, чтобы наказать Сербию, или потребует для себя территориальных компенсаций. В первом случае можно будет локализовать войну, во втором случае по всей вероятности не обойдется без серьезных последствий.

Германское правительство немедленно по предъявлении австрийской ноты в Белграде предпримет дипломатические шаги перед державами в целях локализации войны. Оно будет утверждать, что для него выступление Австрии явилось такой же неожиданностью, как и для других держав, и в доказательство будет ссылаться на то, что император пребывает в северных водах, а начальник генерального штаба, так же как и прусский военный министр, находится в отпуску... Германия будет подчеркивать, что все монархические правительства заинтересованы в том, чтобы белградское гнездо анархистов было очищено. Германия попытается убедить все державы стать на ту точку зрения, что сведение счетов между Австрией и Сербией касается исключительно этих двух государств. От мобилизации германской армии предполагается воздержаться; хотят также через посредство военных властей постараться удержать Австрию от мобилизации всей ее армии, а в особенности войск, расположенных в Галиции. Иначе в ответ автоматически последует мобилизация в России, что в свою очередь заставило бы нас, а затем Францию принять такие же меры и вызвало бы европейскую войну [133].

[133] Шен — Гертлингу в Мюнхен 18 июля; K. D. IV, приложение iv, № 2; Dirr, стр. 4 сл., приводит в параллельных столбцах донесение Шена в его подлинном виде и сокращенную или «фальсифицированную» версию, опубликованную Куртом Эйснером в 1918 г.

Первая часть этого замечательного донесения показывает, что Германия получила только краткие и отрывочные сведения относительно ультиматума; ей было сообщено о требовании опубликования сербским правительством официального обращения к населению, направленного против великосербской агитации, о 48-часовом сроке для ответа и еще о двух требованиях, которые в общем соответствуют четырем из десяти пунктов, содержавшихся в ультиматуме. Это были пункты 2, 4, 5 и 6, касавшиеся допущения Австрии к производству расследования относительно соучастников и принятия мер против лиц, замешанных в пропаганде. Кроме десяти пунктов ультиматум в окончательной своей форме содержал еще большое введение, в котором говорилось о нарушении Сербией данных ею в 1909 г. обещаний держать себя дружественно по отношению к Австрии.

Шен сообщал также, что Циммерман и Ягов все еще сомневаются в том, чтобы венское правительство, всегда робкое и нерешительное, действительно воспользовалось случаем и предприняло задуманное выступление [134].

Но если и верно, что Германия не была осведомлена относительно половины требований и не знала формулировки ультиматума (которая действительно в то время не была еще окончательно выработана в Вене), то все же ей было известно содержание наиболее важных требований. Она знала, что ультиматум будет составлен таким образом, что Сербия вряд ли сумеет его принять. Поэтому Ягов лгал, когда он несколько дней спустя твердил, что он «не был заранее осведомлен об австро-венгерской ноте». К этому вопросу мы еще сейчас вернемся. Хотя ложь эта не имеет для себя никакого оправдания, но следует отметить, что Грэй, которого часто превозносили как образец честности и искренности, также сознательно лгал, когда говорил, что ему неизвестны предполагаемые условия ультиматума. 16 июля он знал от друга Берхтольда, говорившего с английским послом в Вене, что «подготовляется нечто вроде обвинительного акта против сербского правительства за его соучастие в заговоре, приведшем к убийству эрцгерцога... Сербскому правительству будут предъявлены требования принять определенные меры для обуздания националистической и анархической пропаганды; австрийское правительство не собирается вести долгие переговоры с Сербией, а будет настаивать на немедленном и безусловном подчинении; в случае несогласия оно прибегнет к силе» [135]. Несмотря на это, 20 июля сэр Эдуард Грэй спросил германского посла, есть ли у него какие-нибудь новости насчет того, что́ собираются предпринять в Вене по отношении к Сербии. Получив отрицательный ответ, он сказал, что он тоже за последнее время ничего не слышал, за исключением того, что граф Берхтольд говорил в успокоительном тоне с итальянским послом [136]. Либо сэр Эдуард Грэй не знал о важной

---

[134] Dirr, стр. 4 сл.

[135] Бунзен — Грэю. Получено 16 июля в 3 час. 15 мин. дня; B. D., 50. см. выше в прим. 95.

[136] Грэй — Гумбольду 20 июля. B. D., 68; ср. также сообщение об этой беседе германского посла, у которого создалось впечатление, что Грэй «все еще смотрит на английский конфликт оптимистически и верит, что будет достигнуто мирное решение. Он (Грэй) сказал, что еще не получил сведений, которые свидетельствовали бы о противоположном». Лихновский — Бетману 20 июля K. D. 92.

депеше, полученной британским министерством иностранных дел от Бунзена за четыре дня до этого (а такое неведение вряд ли возможно) или он говорил неправду, уверяя, что не знает, что происходит в Вене. К несчастию такая дипломатическая ложь не представляет собой монополии какой-нибудь страны и широко применялась почти повсюду в июле 1914 г. министрами иностранных дел и послами.

Хотя Германия в течение первых недель или десяти дней после потсдамских разговоров имела об ультиматуме сведения, которые мы только что указали, но все же в Берлине считали эту информацию недостаточно определенной. Поэтому после 14 июля Германия снова неоднократно обращалась к Австрии с запросами относительно ультиматума, чтобы в точности узнать его условия и подготовить общественное мнение в пользу «локализации». 17 июля Ягов, хотя и соглашался, что планы Берхтольда могут подвергнуться изменению в зависимости от хода событий, но указал, что «он имеет в виду общий характер требований, включая сюда и вопросы территории». Поэтому Ягов поручил германскому послу в Вене получить информацию по этому вопросу, а также узнать, «куда нас это может завести» [137]. Наконец 20 июля он снова писал: «Для подготовки общественного мнения нам чрезвычайно важно заблаговременно получить точные сведения не только о содержании ноты, но также о дне и часе ее опубликования. Ответьте по телеграфу» [138]. Но теперь Берхтольд уже не обращал внимания на эти требования, и Германии не удалось ничего узнать, за исключением даты предъявления ультиматума и того, что Берхтольд упорно отвергает совет Германии относительно Италии [139].

Германское министерство иностранных дел обратилось за информацией также к австрийскому послу в Берлине. Согласно инструкции, Сегени должен был показать ультиматум только 24 июля, т. е. на другой день после того, как он будет предъявлен в Белграде. Но Сегени сам нашел нужным протелеграфировать Берхтольду, что он считает безусловно необходимым немедленно информировать германское правительство самым секретным образом, т. е. еще до того, как будут поставлены в известность другие державы. В письме, отправленном в тот же день, он писал: «Ягов дал мне ясно понять, что Германия, разумеется, будет нас поддерживать безоговорочно и со всей своей мощью, но именно поэтому для нее чрезвычайно важно быть своевременно поставленной в известность относительно того, куда ведет наш путь» [140]. Поэтому на следующий день, 22 июля, Берхтольд наконец дал согласие, и тогда Сегени показал Ягову текст ультиматума. Прочитав его в среду вечером 22 июля, Ягов сказал Сегени, что, по его мнению, ультиматум чрезвычайно резок и слишком далеко заходит в своих требованиях. Он упрекнул австрийского посла за то, что он сделал свое сообщение лишь в последний момент. Сегени отвечал, что ничего уже предпринять нельзя, так как ультиматум отправлен в Белград, он будет там вручен на следующее утро

[137] Ягов — Чиршки 17 июля, K. D., 61.
[138] K. D. 83.
[139] См. депеши, отправленные Чиршки и Штольбергом из Вены с 17 по 21 июля; K. D., 65, 87, 88, 94, 95, 103, 104, 106.
[140] Сегени — Берхтольду 21 июля; ARB, 1, 39, 41.

и одновременно официально опубликован венским телеграфным агентством [141].

В то время как Ягов читал ультиматум, ему принесли другой экземпляр, только что присланный Чиршки. По курьезному стечению обстоятельств Форгач, не зная о распоряжении Берхтольда, отданном Маккио, не показывать Чиршки текста ультиматума, «так как в него нужно еще внести некоторые поправки» [142], передал его накануне германскому послу для пересылки в Берлин. Форгач «особо подчеркнул, что это предназначается исключительно для осведомления вашего превосходительства, так как еще не имеется одобрения императора, хотя и нет сомнения, что оно последует» [143]. Чиршки послал ультиматум по почте, а не по телеграфу, должно быть потому, что при последующем опубликовании мог вскрыться германский шифр. Таким образом ультиматум был получен в Берлине только вечером 22 июля, когда Ягов уже мрачно сидел над экземпляром, только что переданным ему Сегени. Бетману, находившемуся в то время в Гогенфинове, текст ноты очевидно оставался неизвестным до поздней ночи 22 июля, или до утра 23 июля [144]. Когда он его увидел, он тоже, как и Ягов, был того мнения, что нота слишком резка. Император Вильгельм находился в открытом море на яхте «Гогенцоллерн» и узнал о содержании ультиматума только позже из сообщения газетного агентства, а не официально через министерство иностранных дел. Это мы знаем из раздраженной телеграммы, которую он отправил своему «штатскому» канцлеру [145]. Таким образом по существу верно, что Германия знала в общих чертах содержание некоторых из условий ультиматума и уясняла себе, что они могут вызвать локализованную войну с Сербией, но она не знала всего текста заранее, когда еще можно было изменить ультиматум или взять его обратно. Этому помешала тактика Берхтольда ставить Германию перед совершившимся фактом. Когда Ягов вечером 22 июля увидел наконец текст ультиматума, то оставалось всего 24 часа до вручения его австрийским посланником в Белграде. Текст уже находился у него в руках, и даже в наши дни телефона и телеграфа германские и австрийские должностные лица в Берлине, Вене и Белграде не могли снестись друг с другом за столь короткое время и

---

[141] Jagow, Ursachen, стр. 110 и Bethman, Betrachtungen, 1. 139. Оба они указывают, что Сегени сказал, что ультиматум будет вручен «на следующее утро». Если их указания правильны, то это является лишним доказательством неточности в сообщениях Сегени, способствовавшей осложнению положения. В таком случае «fait accompli» оказался бы еще более непоправимым. Сам Сегени ничего не сообщил Берхтольду об этой беседе; во всяком случае его сообщение, если оно и было сделано, не опубликовано. Вручение ноты в Белграде было назначено «на следующее утро», а в 5 час. дня 23 июля, в последний момент по совету Ягова оно было перенесено с 5 на 6 час. дня, для того чтобы иметь уверенность, что сообщение об этом будет получено в Петербурге только после отъезда Пуанкаре, K. D. 112, 127; ARB, I, 62 и выше, прим. 76.

[142] См. выше прим. III.)

[143] Чиршки — Бетману 23 июля; K. D. 106.

[144] Телеграмма Бетмана от 22 июля в 1 ч. 40 м. дня (там же № 116) говорит о «тексте австрийской ноты, который еще мне неизвестен».

[145] Кайзер.Бетману 26 июля в 7 ч. 30 мин. вечера; K. D. 231. Эта телеграмма свидетельствует — в дополнение к тому, что уже сказано выше — о неправильности часто приводившейся депеши английского посла в Вене: «Хотя я ничем не могу подтвердить это, но у меня имеются частные сведения, что германский посол (Чиршки) знал текст ультиматума Сербии до его отправления и сообщил его по телеграфу германскому императору». Бунзен — Грэю 30 июля BBB, 95, ср. B. D. 307.

договориться об изменении ультиматума. И если бы даже Бетман и Ягов получили текст ультиматума значительно раньше, то и тогда нет уверенности, что они изменили бы его содержание или задержали его вручение. По всей вероятности они остались бы верными политике, усвоенной 5 июля, что австро-сербский вопрос «не входит в компетенцию Германии», но что Германия обязана поддерживать свою союзницу в тех действиях, которые та решит предпринять для защиты себя от великой сербской опасности. Они считали, что должны примириться с совершившимся фактом, созданным Берхтольдом. Это было последствием их неразумного шага, когда 5 июля они предоставили ему свободу действий. Правда, как показали события, было бы более благоразумным в последний момент дезавуировать действия Австрии, но это привело бы к дальнейшему ослаблению Тройственного союза, тогда как Тройственное согласие стало бы теснее и крепче. Процесс внутреннего разложения Австрии был бы ускорен, ибо беспокойные сербские подданные подняли бы головы. Престиж Австрии на Балканах, который уже и так был сильно поколеблен, после этого окончательно бы исчез, а Россия с ее возрастающим населением и усиливающимися честолюбивыми замыслами заняла бы господствующее положение на Балканах, что ускорило бы захват ею Константинополя и проливов.

Бетман и Ягов решили, что чем энергичнее они будут поддерживать Австрию, тем скорее им удастся локализовать конфликт и предупредить вмешательство России и других держав. Поэтому утром 24 июля, когда Австрия сообщила европейским державам о вручении накануне ноты Сербии, Германия немедленно выступила с декларацией, в которой поддерживала обвинения Австрии против Сербии, и настойчиво доказывала возможность локализации конфликта. Ягов сделал уже приведенное нами выше заявление, что Германия не знала заранее содержания ультиматума. Но утверждая, что она совершенно не была осведомлена о шагах, предпринимаемых Австрией, и в то же время одобряя ультиматум, после того как он был предъявлен, германское министерство ин. дел нелепым образом ставило себя в ложное и противоречивое положение. Это, естественно, заставляло державы Антанты подозревать, что Германия действует недобросовестно, что германское правительство ответственно за действия Австрии в гораздо большей степени, чем это было на самом деле, и что оно скрывает свои подозрительные планы. Они полагали, что Германия не только одобрила выступление Австрии, но и провоцировала его, что это выступление направлено не только против Сербии, а является предлогом для всеобщей войны, которая должна осуществить вожделения, высказывавшиеся безответственными пангерманскими ораторами и газетами. При создавшихся обстоятельствах такие подозрения нельзя было назвать неестественными и, хотя они были далеки от действительности, они старательно распространялись особенно представителем Франции и сильно способствовали дальнейшему роковому ходу событий. Впоследствии, когда Германия поняла, что нет никакой возможности локализовать австро-сербскую войну и стала добросовестно прилагать усилия к тому, чтобы удержать Австрию и избегнуть общеевропейской войны, ее заявлениям не верили вследствие подозрений, вызванных ложным утверждением Ягова, будто Германия ничего не знала об ультиматуме. Подорванное доверие трудно восстановить,

поэтому после первого промаха, выразившегося в предоставлении свободы действий Берхтольду 5 июля, такое серьезное значение имел второй ее промах — ложное утверждение относительно своей неосведомленности об ультиматуме.

Ультиматум

Нота, с которой Австрия обратилась к Сербии 23 июля в 6 часов дня и которая была сообщена державам на следующее утро, гласила:

31 марта 1909 г. сербский посланник в Вене сделал по приказанию своего правительства императорскому и королевскому правительству следующее заявление:

«Сербия признает, что права ее не были затронуты совершившимся фактом, созданным в Боснии и Герцеговине и что, следовательно, она будет сообразоваться с теми решениями, которые будут приняты державами по отношению к ст. 25 Берлинского трактата. Подчиняясь советам великих держав, Сербия обязуется впредь отказаться от того положения протеста и оппозиции по вопросу об аннексии, которое она занимала с прошлой осени, и обязуется кроме того изменить курс своей настоящей политики по отношению к Австро-Венгрии, чтобы впредь поддерживать с названной державой добрососедские отношения».

Между тем история последних лет, и в частности прискорбное событие 28 июня, доказали существование в Сербии революционного движения, имеющего целью оторгнуть от Австро-Венгерской монархии некоторые части ее территории. Движение это, зародившееся на глазах у сербского правительства, в конце концов дошло до того, что стало проявляться за пределами территории королевства в актах терроризма, в серии покушений и в убийствах.

Королевское сербское правительство не только не выполнило формальных обязательств, заключающихся в декларации 31 марта 1909 г., но даже не приняло никаких мер, чтобы подавить это движение. Оно допускало преступную деятельность различных обществ и организаций, направленную против монархии, распущенный тон в печати, прославление виновников покушения, участие офицеров и чиновников в революционных выступлениях, вредную пропаганду в учебных заведениях, наконец, оно допускало все манифестации, которые могли возбудить в сербском населении ненависть к монархии и презрение к ее установлениям.

Эта преступная терпимость королевского сербского правительства не прекратилась даже в момент, когда события 28 прошлого июня показали всему миру ее прискорбные последствия.

Из показаний и признаний виновников преступного покушения 28 июня явствует, что сараевское убийство было подготовлено в Белграде, что оружие и взрывчатые вещества, которыми были снабжены убийцы, были доставлены им сербскими офицерами и чиновниками, входящими в состав «Народной Одбраны», и что, наконец, переезд преступников с оружием в Боснию был организован и осуществлен начальствующими лицами сербской пограничной службы.

Указанные результаты расследования не позволяют императорскому и королевскому правительству сохранять долее то выжида-

тельное и терпеливое положение, которое оно занимало в течение ряда лет по отношению к действиям намечавшимся в Белграде и пропагандировавшимся оттуда в пределах территории монархии. Эти результаты, напротив, возлагают на него обязанность положить конец проискам, являющимся постоянной угрозой для спокойствия монархии. Для достижения этой цели императорское и королевское правительство находится вынужденным просить сербское правительство официально заявить, что оно осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгерской монархии, т. е. всю совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от монархии входящих в ее состав территорий, и что оно обязуется принять все меры для подавления этой преступной и террористической пропаганды.

Дабы придать особо торжественный характер этому обстоятельству, королевское сербское правительство опубликует на первой странице официального органа от 26/13 июля нижеследующее заявление:

«Королевское сербское правительство осуждает пропаганду, направленную против Австро-Венгрии т. е. совокупность тенденций, имеющих конечной целью отторжение от Австро-Венгерской монархии частей ее территории, и искренне сожалеет о прискорбных последствиях этих преступных действий.

Королевское правительство сожалеет, что сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде и скомпрометировали таким образом те добрососедские отношения, поддерживать которые королевское правительство торжественно обязалось в своей декларации от 31 марта 1909 г.

Королевское правительство, порицая и отвергая всякую мысль или попытку вмешательства в судьбы населения какой-либо части Австро-Венгрии, считает своим долгом формально предупредить офицеров и чиновников и все население королевства, что отныне оно будет принимать самые суровые меры против лиц, виновных в подобных действиях, которые правительство всеми силами будет предупреждать и подавлять».

Это заявление будет немедленно объявлено войскам приказом его величества короля по армии и будет опубликовано в официальном военном органе.

Королевское правительство кроме этого обязуется:

1. Не допускать никаких публикаций, возбуждающих ненависть и презрение к монархии и проникнутых общей тенденцией, направленной против ее территориальной неприкосновенности.

2. Немедленно закрыть общество, называемое «Народна Одбрана», конфисковать все средства пропаганды этого общества и принять те же меры против других обществ и учреждений в Сербии, занимающихся пропагандой против Австро-Венгерской монархии. Королевское правительство примет необходимые меры, чтобы распущенные им общества не могли продолжать свою деятельность под другим названием или в другой форме.

3. Незамедлительно исключить из области сербскаго народного образования, как в отношении личного состава учащихся, так и в отношении способов обучения, все то, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии.

4. Удалить с военной и вообще административной службы всех офицеров и должностных лиц, виновных в пропаганде против Австро-Венгерской монархии, имена которых императорское и королевское правительство оставляет за собой право сообщить сербскому правительству вместе с указанием совершенных ими деяний.

5. Допустить сотрудничество в Сербии органов императорского и королевского правительства в деле подавления революционного движения, направленного против территориальной неприкосновенности монархии.

6. Произвести судебное расследование против участников заговора 28 июня, находящихся на сербской территории, причем лица, командированные императорским и королевским правительством, примут участие в розысках, вызываемых этим расследованием.

7. Срочно арестовать коменданта Войю Танкосича и некоего Милана Цигановича, чиновника сербской государственной службы, скомпрометированных результатами сараевского расследования.

8. Принять действительные меры к воспрепятствованию оказания сербским властям содействия в незаконной торговле через границу оружием и взрывчатыми веществами; уволить и подвергнуть суровому наказанию чинов пограничной службы в Шабаце и Лознице, виновных в том, что оказали содействие руководителям сараевского покушения, облегчив им переезд через границу.

9. Дать императорскому и королевскому правительству объяснение по поводу недопустимых заявлений высших сербских чинов, как в Сербии, так и за границей, которые, несмотря на свое официальное положение, позволили себе после покушения 28 июня высказаться в интервью во враждебном по отношению к Австро-Венгерской монархии тоне.

10. Наконец, без замедления уведомить императорское и королевское правительство об осуществлении указанных в предыдущих пунктах мер.

Австро-венгерское правительство ожидает ответа королевского правительства до 6 часов вечера в субботу 25 текущего месяца.

После того что нам известно из предыдущих глав о сараевском убийстве, об обстоятельствах, приведших к нему, об отказе Сербии принять решительные меры для разыскания и ареста сообщников, и принимая во внимание, что Австрия была убеждена, что само ее существование поставлено на карту, — нельзя назвать эти требования, как бы они ни были суровы, чрезмерными при том положении, в котором находилась Австрия. Если бы эти требования честно преследовали цель только потребовать наказания лиц, связанных с сараевским убийством и получить гарантии на будущее, то их можно было бы оправдать. Но они нарочно были составлены с таким расчетом, чтобы их отвергли и чтобы это повело к локализированной войне с Сербией. За это они заслуживают осуждения как по моральным, так и по практическим основаниям, как одна из главных причин мировой войны. А Германия, поскольку она их одобрила, должна разделить это осуждение.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

РУССКАЯ ОПАСНОСТЬ

Первые сообщения об убийстве эрцгерцога Франца-Фердинанда произвели тяжелое впечатление в России, как и во всем цивилизованном мире. Но ненависть, господствовавшая в России по отношению к Австро-Венгрии и непрерывно усиливавшаяся во время балканских кризисов, скоро взяла верх над чувством симпатии к престарелому австрийскому монарху по поводу последней из многих постигших его трагических утрат. На панихиде, устроенной в Петербурге австрийским послом, все русские должностные лица были, конечно, в полном сборе. Присутствовали также и великие князья Борис и Николай, которые по просьбе царя представляли царскую семью. Но в этих чисто внешних выражениях соболезнования германский посол Пурталес не обнаружил никакого искреннего сочувствия к утрате, постигшей Австрию. Не только в газетах, но и в обществе он слышал почти исключительно недружелюбные пересуды об убитом австрийском эрцгерцоге и разговоры о том, что его смерть освободила Россию от злейшего врага [1].

Когда панихида была отслужена, Пурталес воспользовался случаем, чтобы побеседовать с Сазоновым, русским министром иностранных дел, которого он видел впервые после убийства. Сазонов начал с резкой критики поведения сараевских властей после преступления; они не только допустили нападение на сербов, но сознательно дали полную свободу проявлениям народной ярости. Он не верил, чтобы в Боснии и Герцеговине имелась сколько-нибудь значительная группа населения, которая действительно была бы лояльна по отношению к Габсбургам — в лучшем случае некоторая часть магометан и католиков. Он отвергал версию Австрии, что убийство было результатом великосербского заговора. По крайней мере, — заявил он, — до настоящего времени нет ни малейших доказательств этому, и в высшей степени несправедливо возлагать ответственность на сербское правительство, как это делали австро-венгерские газеты. С таким же успехом Россия могла бы потребовать французское правительство к ответу за преступления, которые замышлялись на французской территории и потом осуществлялись в России. Взяв под свою защиту официальную сербскую версию, он заявил, что сараевское преступление было только отдельным актом незрелых молодых людей и что нет никаких доказательств их связи с каким-либо более серьезным политическим заговором. Когда Пурталес воззвал к «солидарности

[1] Пурталес — Бетману, 13 июля; K. D., 53; пометка, сделанная Вильгельмом II на полях, была гораздо ближе к истине: «Он (Франц-Фердинанд) в действительности всегда стремился возобновить старую Лигу трех императоров. Он был лучшим другом России».

монархов» против подобных опасных анархистов и убийц, он заметил, что Сазонов реагирует на эту старую тему с меньшим жаром, чем когда-либо, и заключил отсюда, что Сазонов, подобно всем остальным в России, ослеплён ненавистью к Австро-Венгрии. Он констатировал также, что в России все чрезвычайно пренебрежительно оценивают общее положение дел двуединой монархии[2].

В середине июля Сазонов провел несколько дней в своем имении около Гродно, так как хотел отдохнуть перед предстоявшим приездом французского президента и премьера, прием которых требовал от него большой затраты сил. В то время его отъезд из Петербурга казался вполне допустимым. Но когда 18 июля он вернулся в министерство иностранных дел, зловещее молчание венских властей и возбужденные взаимные обвинения австрийской и сербской печати начали его волновать. Итальянский посол сообщил начальнику его канцелярии барону Шиллингу, что, по его впечатлению, Австрия собирается совершить непоправимый шаг по отношению к Сербии, и что было бы желательно выступить к Вене с предостережением[3]. В связи с этим Сазонов вновь изложил австрийскому и германскому послам свое мнение, что несправедливо возлагать на весь сербский народ ответственность за преступление отдельного лица, как это делали австрийские газеты. «Россия, — заявил он австрийскому послу, — не останется равнодушной к какой бы то ни было попытке унизить Сербию. Россия не может позволить Австрии говорить с Сербией угрожающим тоном или применить к ней военные меры. Короче говоря, «la politique de la Russie est pacifique, mais pas passive» (политика России миролюбива, но не пассивна)[4].

Сапари, который накануне неожиданно вернулся из своего отпуска, заявил, что Австрия не может в дальнейшем терпеть деятельность сербских террористов; но его правительство убеждено, что Сербия удовлетворит все требования, которые могут возникнуть в результате следствия, ведущегося в Сараеве. Своими миролюбивыми речами Сапари создавал впечатление, что у Австрии нет ни малейшего намерения обострять свои отношения с Сербией. Сазонов совершенно успокоился и сообщил Шиллингу, что ему не пришлось прибегнуть к угрозам, поскольку посол самым решительным образом поручился ему за миролюбие своего правительства: «Il a été doux, comme un agneau» (он был кроток, как агнец)[5].

Сазонов боялся, что Австрия может позволить себе какой-нибудь

---

[2] K. D., 53. Против последнего замечания стоит карандашная надпись кайзера: «Гордость ведет к гибели!»

[3] Schilling's Diary, стр. 25. Поденная запись «Красн. арх.», т. I, стр. 5. [Ср. международные отношения в эпоху империализма 1914—1917 гг. т. IV, № 258, стр. 319. В дальнейшем выдержки из поденной записи цитируются по этому изданию. — *Прим. пер.*] О высокой ценности, которую она представляет, см. выше, т. I, гл. I, прим. 14 и 15. Барон Шиллинг был директором канцелярии русского министерства иностранных дел. Занимаемая им должность соответствовала должности постоянного помощника статс-секретаря по иностранным делам в Англии. О нем отзывались как об «очень умном, опытном и влиятельном человеке» и говорили, что он фактически больше руководит внешней политикой, чем Сазонов (ср. G. P. XXXIX, 526).

[4] Сапари — Берхтольду, 18 июля; ARB, I, 25; Пурталес — Бетману, 21 июля; K. D., 120.

[5] Schilling's Diary, стр. 27. M. O., т. IV, № 272 стр. 329. Но ср. депешу Бьюкенена — Грэю, 18 июля 8 час. 50 мин. дня (B. D., 60), свидетельствующую о сильном нервном возбуждении и страхе Сазонова.

неожиданный выпад, который явился бы прямым унижением для Сербии и тем самым косвенно унизил бы Россию. Он все время очень опасался, как бы Германия или Австрия не предприняли каких-нибудь шагов с целью подорвать престиж России на Балканах и в Европе. В этом пункте он был чрезвычайно чувствителен, в особенности ввиду славянофильских настроений русской печати и военной партии, которые не очень его долюбливали и, которые могли добиться его отставки, если бы он потерпел дипломатическое поражение.

Он не желал повторения эпизода с Лиманом фон-Сандерсом. Но пока что Австрия хранила молчание, как сфинкс, и ближайшей непосредственной задачей Сазонова являлся прием президента Пуанкаре и Вивиани и торжественное возобновление франко-русской солидарности.

ВИЗИТ ПУАНКАРЕ В РОССИЮ

В январе 1914 г., в самый разгар кризиса, возникшего из-за Лимана фон-Сандерса, Франция обратилась к Сазонову с запросом, когда будет удобно, чтобы президент Пуанкаре снова посетил Россию, как он это сделал в августе 1912 г., незадолго до начала балканской войны. В конце концов договорились, что он прибудет в Кронштадт в 2 часа дня 20 июля и отбудет в 11 часов вечера 23 июля. Когда совершилось сараевское убийство, французский кабинет поднял вопрос, следует ли Пуанкаре покидать Францию. Но как это имело место с поездкой кайзера в северные воды, так и здесь было потом решено, что общественное мнение будет серьезно встревожено положением в Европе в случае отказа от исполнения давно принятых важных решений [7]. Однако Жан Жорес, маститый французский социалист и историк, не доверяя политике Извольского и Пуанкаре, отказался вотировать кредиты на эту поездку, заявив, что для Франции опасно дальше запутываться в чреватые всякими авантюрами ближневосточные дела и связывать себя всякого рода договорными обязательствами, содержание и последствия которых неизвестны французскому народу [8]. Тем не менее 15 июля французский президент и премьер-министр сели в Дюнкерке на крейсер «Франция» и пять дней спустя прибыли в Петергоф, где их приветствовали Сазонов, Палеолог, Извольский, а потом и царь. Пуанкаре и Палеолог дают в своих мемуарах подробное и красочное описание торжеств, которыми были заполнены последующие три дня, но очень мало рассказывают о частных беседах, которые там велись.

Одной из целей Пуанкаре было ослабление англо-русских трений

---

[6] Poincaré, IV, 3—6, 221—285; K. D., 96, 108; Paléologue, I, 1—19.

[7] Poincaré, V, 211; Les Origines de la Guerre, 197 слл.

[8] Démartial, L'Evangile du Quai d'Orsay (Paris, 1927), стр. 11 сл.

Демарсиаль дал наиболее глубокий анализ французской «Желтой книги» и показал, как официальные французские телеграммы не были включены в ФЖК или были переделаны ее редактором (Бертело?), чтобы скрыть правду о поездке Пуанкаре и мобилизационных мероприятиях в России. Разоблачения Демарсиаля, Августа Баха и др., ср. KSF II, 129—152; IV, 879—884; V, 262—5; делают особенно желательным полное и добросовестное опубликование французской дипломатической корреспонденции за время июльского кризиса. Такая публикация может быть снимет с Пуанкаре подозрения, которые высказывались против него во Франции и за границей. Ср. R. Géin и R. Poincaré, Les Responsabilités de la Guerre. (Paris 1930).

из-за Персии в целях обеспечения более тесного сотрудничества между этими державами, из которых одна была союзником, а другая другом Франции[9]. «Это могло также подготовить почву для возобновления переговоров об англо-русской морской конвенции. Переговоры были прерваны в свое время вследствие слухов, которые стали распространяться, и нежелания Эдуарда Грэя продолжать тайные переговоры, ведение которых он отрицал в своем публичном выступлении в парламенте[10].

Но основными проблемами, подлежавшими обсуждению, несомненно были: укрепление франко-русского союза и Тройственного согласия[11] и особенно мероприятия, которые надлежало принять ввиду усиливающихся признаков, что Австрия собирается предъявить Сербии жесткий ультиматум[12]. Во всех переговорах, которые велись в последующие три дня, Пуанкаре задавал тон и играл руководящую роль, как это и следовало ждать при его властной и энергичной натуре.

С самого начала, когда гости еще только отчалили в шлюпке с «Франции», по записи Палеолога, «император и президент, сидевшие на корме, тотчас же вступили в разговор... Разговор направляет Пуанкаре. Вскоре говорит уже он один. Император только соглашается»[13]. Вечером на торжественном банкете в Петергофе царь в своем приветственном тосте выразил надежду, что обе стороны «будут продолжать пользоваться благами мира, обеспеченного полнотою их сил, и все более укреплять узы, их связывающие»[14]. В длинной ответной речи, которая, по мнению Палеолога, отличалась замечательной силой и вескостью[15], Пуанкаре напомнил, что франко-русский союз существует почти 25 лет. Далее он сказал:

> «Основанный на общности интересов, освященный мировыми стремлениями обоих правительств, опирающийся на армии и флоты, которые знают и уважают друг друга и привыкли брататься, укрепленный продолжительным опытом и дополненный ценными дружбами союз наш, инициатива которого принадлежит славному императору Александру III и президенту Карно, постоянно с тех пор давал доказательства своего благотворного влияния и непоколебимой крепости. Ваше величество может быть уверено, что Франция

[9] Poincaré, Les Origines de la Guerre, стр. 201 сл.; ср. также B. D., стр. X—XI и №№ 49, 75, 164.

[10] Бенкендорф—Сазонову, 2 июля 1914; Siebert-Schreiner, стр. 733, ср. также G. P., XXXIX, 612—628.

[11] Непосредственно перед прибытием Пуанкаре, царь сказал французскому послу: «Один вопрос занимает меня больше всего — вопрос о нашем соглашении с Англией. Мы должны заставить ее вступить в наш союз... Чрезвычайно важно, чтобы мы могли рассчитывать на Англию в случае кризиса», (Paléologue, I, 2 сл.).

[12] Относительно того, что державы Антанты знали о намерениях Австрии больше чем сообщали в документах, опубликованных ими в 1914 г., см. гл. V, прим. 95—100. Уже 5 июля английский посол в Вене сообщил: «Мой французский коллега, Дюмон чрезвычайно серьезно озабочен. Его страна, как известно, сочувствует стремлениям сербов, и он по своему положению мог знать, что говорят и делают сербы в Вене. В течение последней недели он неоднократно указывал мне на опасности, заключающиеся в настоящем положении и способные, как он опасается, быстро привести к осложнениям, которые легко могут вызвать войну». Бунзен — Грею, 5 июля; B. Д., 40; в брит. «Белой книге» депеша пропущена.

[13] Paléologue, I, 4.

[14] Поденная запись, приложение 113 (М. О., т. IV, стр. 345).

[15] Paléologue, I, 6.

как и до сих пор, так и впредь в тесном и ежедневном сотрудничестве со своим союзником будет трудиться над делом мира и цивилизации, на благо которых оба правительства и оба народа не переставали работать»[16].

На следующее утро, 21 июля, Пуанкаре и царь беседовали об общеевропейском положении, и в частности — о персидском вопросе. Царь уверил президента, что «он не допустит, чтобы Персия явилась причиной раздора между Англией и Россией»[17]. Во второй половине дня французские гости отправились в Петербург для приема французской колонии и дипломатического корпуса и были очень удивлены, что царь не сопровождал их. Повидимому это было вызвано возникновением крупных стачек; рабочие были больше заняты своими собственными невзгодами, чем представителями французского капитализма[18]. На приеме в Зимнем дворце Палеолог представил своих коллег по дипломатическому корпусу французскому президенту, который приветливо беседовал со всеми, за исключением австрийского посла. С Пурталесом он поговорил о его французских предках, но ни слова не сказал о политике; Мотоно он выразил свое удовольствие по поводу того, что Япония действует вместе с Тройственным согласием; Бьюкенену он повторил заверения царя о Персии. Повидимому он тут же решительно отклонил первое предложение сэра Эдуарда Грэя о мирном разрешении путем «непосредственных объяснений» между Австрией и Россией [19] европейских осложнений, могущих возникнуть в связи с австро-сербской проблемой. Но ни Палеолог, ни Пуанкаре ничего не рассказывают об этом в своих воспоминаниях. Когда подошел австрийский посол Сапари, Пуанкаре воспользовался случаем для того, чтобы попробовать выпытать у него намерения Берхтольда и предупредить его почти с угрозой, что Австрия не должна возлагать ответственность за сараевское убийство на Сербию:

Выразив Сапари соболезнование по поводу убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда, президент спросил его:

«Есть у вас какие-нибудь новости из Сербии?»

«Судебное следствие идет своим ходом», — холодно ответил Сапари.

Тогда Пуанкаре снова начал:

«Результаты этого следствия тревожат меня, г. посол, я помню два предыдущих следствия, которые не улучшили ваших отношений с Сербией. Вы помните дело Фридъюнга и дело Прохаски?»

Сапари сухо ответил:

«Г-н президент, мы не можем допустить, чтобы иностранное правительство позволяло подготовлять на своей территории нападение убийц на наших государей».

Пуанкаре попытался в самом примирительном тоне указать ему, что при нынешнем настроении в Европе все правительства

[16] «Schlling's Diary», приложение, стр. 114. [Перевод речи Пуанкаре дан по М. О. т. IV. стр. 346. *Прим. пер.*]

[17] Бьюкенен — Грэю, 22 и 23 июля; B. D., 75, 164.

[18] Ср. донесение Пурталеса Бетману, 23 июля; K. D., 130, 291 и B. D. 164.

[19] Пуанкаре «высказал мнение, что беседа между Австрией и Россией была бы в настоящий момент весьма опасна». Бьюкенен — Грэю, 22 июля; B. D., 76. О значении этого см. ниже, гл. VIII, прим. 27—37.

должны соблюдать сугубое благоразумие. «При небольшом желании это сербское дело легко уладить. Но оно так же легко может принять ядовитый характер. Сербия имеет весьма горячих друзей в русском народе. А Россия имеет союзника, Францию. Тут приходится опасаться всяких осложнений!»[20]

Это изложение беседы Пуанкаре с австрийским послом в основном подтверждается самим Сапари, который заканчивает свой длинный рассказ следующим проницательным замечанием:

«Это выступление президента было бестактным, так как оно исходило от главы иностранного государства, приехавшего сюда с визитом. Оно звучало как угроза и совершенно расходилось со сдержанным и осторожным поведением Сазонова; оно подтвердило наши ожидания, что присутствие Пуанкаре будет меньше всего способствовать успокоению. Показательно также чрезвычайное сходство между юридическими построениями президента и доводами Пашича, изложенными в «Leipziger Neueste Nachrichten». Спалайкович (сербский посланник в Петербурге), которого Сазонов совсем недавно охарактеризовал как человека «неуравновешенного» (déséquilibré), вероятно приложил здесь свою руку» [21].

Когда Сапари откланялся и ушел, Пуанкаре заметил Палеологу, что эта беседа произвела на него неблагоприятное впечатление: Австрия, повидимому, подготовляет какой-то внезапный удар, и Сапари скрывает это; «Сазонов должен держаться твердо, а мы должны поддерживать его». Эти слова лучше, чем все остальное, характеризуют значение поездки Пуанкаре в Россию. Зная изменчивый нрав Сазонова, его пылкий национализм, который у него однако соединялся с честным желанием мира и известной робостью, заставлявшей его в критический момент, когда дело доходило до войны [22], отказывать в поддержке сербам, Пуанкаре хотел укрепить позицию Сазонова по отношению к Австрии. Он хотел, чтобы Сазонов предостерег Австрию от предъявления Сербии неприемлемых требований, и желал, если в этом явится надобность, помешать ему заключить компромиссное соглашение, которое могли бы потом рассматривать, как дипломатическое поражение, нанесенное Тройственному согласию Германией и Австрией. Визит Пуанкаре чрезвычайно усилил влияние военной партии в России, возглавляемой великим князем; эта партия желала, чтобы Сазонов занял более агрессивную позицию, и постоянно пыталась оказать давление на миролюбивого царя. О том, насколько присутствие французских гостей подняло военный дух и создало «подогретое шампанским» настроение, мы читаем у Палеолога в его рассказе о банкете, который дал вел. кн. Николай Николаевич в честь Пуанкаре 22 июля после военного смотра в Красном Селе. Палеолог приехал на несколько минут раньше, чем следовало, и застал черногорских принцесс Анастасию и Милицу, жен великих князей Николая и Петра Николаевичей, занятых убранством стола.

---

[20] Paléologue, I, 9 сл.

[21] Сапари — Бетману, 21 июля ARB, I, 45.

[22] Т. е. во время албанского кризиса в ноябре 1913г., см. также ниже, гл. VIII, прим. 85, замечание, сделанное Сазоновым Сапари 26 июля, что «он совершенно не симпатизи-

«Знаете ли вы, что мы переживаем исторические дни, священные дни? Завтра на смотру музыканты будут играть только Лотарингский марш и марш Самбры и Мааса... Я получила сегодня от отца телеграмму в иносказательных выражениях: он объявляет мне, что не более чем через месяц у нас будет война... Какой герой мой отец!.. он достоин Илиады... Вот посмотрите эту коробочку, с которой я никогда не расстаюсь; в ней лежит земля Лотарингии, которую я взяла по ту сторону границы, когда я была с моим мужем во Франции два года назад. И затем посмотрите еще на стол для почетных гостей: он убран только чертополохом, — я не хочу, чтобы там были другие цветы. Это чертополохи из Лотарингии. Я сорвала несколько веток его на отторгнутой территории. Я привезла их сюда и распорядилась посеять их семена в моем саду... Милица, побеседуй с послом, скажи ему, что представляет для нас сегодняшний день. Я пойду пока встречать императора».

За ужином я сидел рядом с великой княгиней Анастасией и она продолжала свои дифирамбы, перемешивая их с пророчествами: «Война скоро вспыхнет. От Австрии ничего не останется. Вы получите обратно Эльзас-Лотарингию. Наши армии встретятся в Берлине. Германия будет уничтожена».

Затем вдруг она сказала: «мне надо сдерживать себя. Император смотрит в мою сторону»[23].

Позднее, в 4 часа утра, Сазонов отправил русскому поверенному в делах в Вене предостерегающую телеграмму, которую он до приезда Пуанкаре, как рассказывает Шиллинг, считал ненужным посылать.

«Благоволите дружески, но настойчиво указать на опасные последствия выступления Австрии, если оно будет иметь неприемлемый для достоинства Сербии характер. Французскому и английскому послам в Вене поручается преподать советы умеренности»[24].

Пуанкаре вполне одобрил эту телеграмму, и французский посол в Вене получил соответствующую инструкцию[25], но английское министерство иностранных дел поняло опасность таившуюся в такой скрытой угрозе. Кроу отметил у себя: такое сообщение вызовет в Вене крайнее раздражение и не даст никаких положительных результатов. Артур Ни-

---

рует балканским славянам», и его видимую готовность отречься от них тогда, если бы он мог заключить с Австрией компромисс, который спас бы престиж России.

[23] Paléologue, I, 14 сл.

[24] Сазонов Кудашеву, телеграмма 1475; 22 (23) июля 4 час. утра; Schilling's Diary, 27, сильно сокращена; несокращенный текст там же, стр. 85, а также L. N., II, 275. [М. О. т. IV стр. 381]. Ренувен говорит (стр. 77), что «Сазонов отправил свою телеграмму в ночь с 21 на 22 июля приблизительно в 4 ч. утра», но он ошибается. В действительности телеграмма была отправлена 23 июля в 4 ч. утра, что явствует из ее номера (телеграмма № 1475 напечатала рядом с телеграммой № 1487, отправленной 24 июля, см. «Красный Архив» 7. IV, стр. 45), а также из того, что телеграмма была получена в Вене 23 июля, в 3 ч. дня. (Поденная запись «Красный архив» т. IV, стр. 14), т. е. через 10—12 часов, что было нормальным сроком для доставки телеграмм из Петербурга в Вену. Правда, телеграмма помечена «22 июля в 4 ч. утра», но это повидимому один из тех случаев, когда на телеграмме, написанной поздно вечером и отправленной уже после полуночи, ставили на телеграфе штемпель, указывающий утренний час того же дня; таким образом получилась неправильная датировка на сутки раньше.

[25] ФЖК., 22, 23.

кольсон выразил опасение, что этот шаг неблагоразумен, а Грэй решил отложить всякое выступление до следующего дня [26].

Однако эта франко-русская попытка удержать Австрию от предъявления требований Сербии не дала никаких результатов, потому что русский поверенный в делах в Вене получил свои инструкции только 23 июля в 3 часа дня. Он немедленно отправился на Балльплац, но там ему сказали, что Берхтольд занят и может принять его только на следующий день утром. Тем временем 23 июля, в 6 часов дня, в Белграде был вручен ультиматум [27]. Если бы даже инструкции прибыли раньше, они несомненно не испугали бы Берхтольда, особенно ввиду бездействия Англии и твердой решимости венского кабинета.

В России тем временем происходили заключительные празднества, связанные с визитом Пуанкаре, и она пребывала в блаженном неведении того, что Австрия уже предъявила свои требования в Белграде и что франко-русская попытка предотвратить их обречена на неудачу. В прощальном тосте, произнесенном на борту «Франции», президент поблагодарил царя за оказанный ему радушный прием, «явившийся ярким подтверждением неразрывного союза, объединяющего Россию и мою родную Францию. Обе эти страны должны продолжать сотрудничать в будущем, как это делали в прошлом, потому что обе они много раз могли убедиться в выгодах, проистекающих для них от такого постоянного сотрудничества, и потому, что обе они воодушевлены общим идеалом мира, основанного на мощи, чести и достоинстве обеих стран». Слова эти вызвали шумный восторг, и все присутствовавшие усмотрели в них полную решимость Пуанкаре твердо поддерживать Россию. Несколько дней спустя Палеолог ссылался на них в беседе с Шиллингом в доказательство того, что при таком полном франко-русском согласии Германия испугается и у нее пропадет охота воевать ради поддержки Австрии [28].

Из конфиденциального сообщения, сделанного Сазоновым и Палеологом английскому послу на другой день после отъезда Пуанкаре, явствовало, что благодаря визиту Пуанкаре достигнуто соглашение по следующим пунктам:

1. Установлена полная солидарность в мнениях по различным вопросам, возникающим у названных держав в связи с проблемой поддержания всеобщего мира и политического равновесия в Европе, в особенности на Востоке.

2. Решено предпринять шаги в Вене с целью предупредить предъявление требования, равносильного вмешательству во внутренние дела Сербии, которое последняя могла бы с полным основанием считать посягательством на ее суверенитет и независимость.

---

[26] Пометка на телеграмме Грэя Бьюкенену, полученной 23 июля в 3 ч. дня, B. D. 84.

[27] Кудашев — Сазонову, 26 июля; Schilling's Diary p. 38 сл. [М. О. т, V, стр. 6.] Французский посол не получал инструкции до 24 июля, так что «указания, относительно того, чтобы предупредить вручение ноты или изменить ее условия, теперь уже будут неуместны»; Бунзен — Грэю, 24 июля, 7 ч. 50 мин. вечера, B. D., 97. Ренувен ошибается, когда говорит (стр. 79), что франко-русское предложение «было сделано в Вене 22 июля».

[28] Поденная запись, М. О. т. V, стр. 47. Paléologue, I, 16 сл.

3. Торжественно подтверждены обязательства, возлагаемые союзом на обе стороны [29].

Как мы только что видели, второй из этих пунктов успел утратить значение, вследствие того что Австрия выступила в Белграде, прежде чем русский и французский послы могли выполнить свои инструкции. Первый и третий пункты раскрываются в дальнейшем ходе событий. Французский посол в Петербурге рассматривал их как бланковые обязательства Франции оказывать России полную поддержку во всех мероприятиях, которые она пожелает предпринять для того, чтобы помешать Австрии осуществить планы, задуманные Берхтольдом и еще не вполне известные остальной Европе. Это видно из уверений, которые Палеолог неоднократно делал Сазонову, когда последний постепенно переходил от тайных подготовительных мероприятий к мобилизации и к общеевропейской войне.

ПЛАН ЧАСТИЧНОЙ МОБИЛИЗАЦИИ, ПРЕДЛОЖЕННЫЙ САЗОНОВЫМ 24 ИЮЛЯ

В пятницу утром 24 июля австрийские дипломатические представители сообщили правительствам, при которых они были аккредитованы, об ультиматуме, предъявленном в Белграде накануне вечером. Повсюду, за исключением Берлина, суровые требования и непримиримый тон ультиматума произвели тягостное впечатление и вызвали самые серьезные опасения.

Эдуард Грэй назвал ультиматум самым ужасным документом, с каким одно государство когда-либо обращалось к другому независимому государству. Но он не хотел разбираться в вопросе, кто прав в споре между Австрией и Сербией; это совершенно не касалось Англии. Он интересовался этим делом исключительно с точки зрения сохранения мира в Европе и намерен был выжидать, пока выскажутся остальные державы [30]. Переговорив с французским и германским послами, он сделал ряд предложений в целях сохранения мира в Европе. О них мы будем говорить в дальнейшем.

В Париже министр юстиции Бьенвеню-Мартен, исполнявший обязанности министра иностранных дел во время отсутствия Пуанкаре и Вивиани, был совершенно поставлен втупик. Он не знал, что́ ему предпринять, и ограничился тем, что сообщил отсутствовавшему президенту и министру о новых событиях и кроме того преподал Сербии несколько осторожных советов [31]. Но вскоре он получил инструкции, переданные по беспроволочному телеграфу с «Франции». Пуанкаре и Вивиани узнали на корабле из радиограммы, отправленной из России, содержание австрийского ультиматума, после чего Вивиани сейчас же сообщил в Петербург и в Париж, что «по его мнению: 1) Сербия должна немедленно изъявить готовность дать всяческое удовлетворение, совместимое с ее честью и независимостью; 2) надо попросить продления 24-часового(?)

---

[29] Бьюкенен — Грэю, 24 июля; B. D., 101. Эта важная часть телеграммы не была включена в ББК, 6. Относительно того, как Пуанкаре оценивал результаты своего визита, см. депешу Вивиани Бьенвеню-Мартену, отправленную из Ревеля 24 июля в 1 час. ночи, ФЖК, 22.

[30] Грэй — Бунзену и другим британским послам, 24 июля в 1 час дня; B. D., 91; ср. также B. D., 98, 99, 100; ARB., II, 14, 15; K. D., 157 и ФЖК 32.

[31] Ср. ФЖК, 24—34.

срока, в течение которого Австрия требовала ответа; 3) Англия, Россия и Франция должны обсудить, не представляется ли возможным заменить следствие, производимое Австро-Венгрией, международным расследованием; 4) Тройственное согласие должно попытаться организовать международное расследование вместо расследования, производимого Австрией и Сербией» [32]. Бьенвеню-Мартен предпринял в соответствии с этим некоторые шаги, но все это было уже слишком поздно и не могло дать каких-нибудь положительных результатов.

Особенно сильное возбуждение и тревогу вызвал ультиматум в Петербурге. Русские министры и послы Антанты улеглись спать только поздно ночью, после того как «Франция» отплыла по направлению к Финскому заливу, увозя с собой Пуанкаре. Они еще не успели отдохнуть от утомительных празднеств и пышных банкетов, как в 7 часов утра [33], после весьма непродолжительного сна, их вдруг разбудили телеграммой из Белграда, сообщавшей о вручении ультиматума. В течение следующих двух недель, проведенных почти без сна, утомление и мозговое напряжение было, пожалуй, еще сильнее, чем во время визита Пуанкаре. Не только в Петербурге, но и повсюду в Европе, в министерствах иностранных дел чиновники, занимавшие ответственные посты, буквально валились с ног от крайнего физического и умственного переутомления, тревог и бессонницы. Неизбежные психологические последствия этого слишком часто недоучитываются при оценке дальнейших событий. Но для того чтобы понять, каким образом могло случиться, что опытные люди часто даже не вполне уясняли себе смысл получаемых ими телеграмм, почему их предложения иногда были неясны и плохо понимались, почему они скоро поддались пессимистическому страху и подозрениям и иногда совсем переставали владеть собой и плакали, — для этого надо знать, какое разрушительное действие производит на нервы беспрерывная работа и отсутствие сна, особенно когда к этому присоединяется сознание ответственности за безопасность страны и судьбы миллионов людей.

«C'est la guerre européenne» (это европейская война), — с такими словами обратился Сазонов к барону Шиллингу, когда в пятницу около 10 часов утра он прибыл из Царского Села в министерство иностранных дел. Он немедленно по телефону сообщил полученную новость царю, который воскликнул: «Это возмутительно!» — и распорядился, чтобы его держали в курсе дальнейших событий [34].

Несколько минут спустя прибыл Сапари, чтобы прочесть полный текст ультиматума и представить объяснения и оправдания выступления Австрии. Сазонов, еще не успевший посоветоваться с остальными русскими министрами и узнать, в какой мере Англия согласна будет поддержать его, сказал Сапари, что он знает, по какому делу тот приехал, но не может еще сказать, какую позицию займет Россия. Тогда Сапари прочитал вслух ультиматум, причем Сазонов часто прерывал его

---

[32] Poïncaré, Les Origines de la Guerre. Эта и другие важные телеграммы, посланные по беспроволочному телеграфу Пуанкаре и Вивиани на корабль «Франция» или полученные оттуда в Париже, не были включены во французскую «Желтую книгу».

[33] Paléologue, I, 22 сл. говорит, что, узнав в ночь с 23 на 24 июля о вручении ультиматума, он на следующее утро вернулся из Царского села в Петербург.

[34] Schilling's Diary стр. 28 сл. Подлинная запись М. О. т. V стр. 45.

вопросами и возражениями. Когда Сапари упомянул о досье, в котором Австрия должна была представить державам все доказательства, изобличающие Сербию, Сазонов спросил, зачем Австрия ссылается на это, если она уже отправила ультиматум и тем показала, что хочет войны, а не беспристрастного расследования. При создавшемся положении, после вручения ультиматума, ему совершенно неинтересно знакомиться с досье. «Несомненно вы хотите войны и уже сожгли за собой мосты». Когда Сапари запротестовал, уверяя, что Австрия желает мира и только стремится обезопасить свою территорию от иностранной революционной агитации, а династию от бомб, Сазонов саркастически заметил: «Да, я вижу, как вы миролюбивы, когда вы зажигаете пожар в Европе». После этого они в течение полутора часов обсуждали ультиматум. Сазонов старался защитить Сербию от австрийских обвинений и осуждал недопустимую форму и резкость требований и особенно слишком короткий срок для ответа. От поры до времени он повторял: «Я знаю, что́ это значит: вы хотите воевать с Сербией; я вижу, что́ тут происходит. Вас подзуживает германская пресса. Вы разжигаете европейский пожар. Вы берете на себя огромную ответственность, и вы увидите, какое впечатление это произведет и здесь, и в Лондоне, и в Париже и, может быть, и в других местах. Это будет рассматриваться как ничем не оправдываемое нападение».

Он напомнил также о скандальном процессе Фридъюнга. Вопреки ожиданиям Сапари Сазонов не ссылался на давление, оказываемое русским общественным мнением, славянством или православной церковью. Он больше говорил об Англии, Франции и Европе и о том впечатлении, которое ультиматум произведет за пределами России. У Сапари было такое впечатление, что министр скорее был подавлен, чем возбужден и всячески старался не сказать чего-нибудь такого, что могло бы связать Россию в ее дальнейших выступлениях. Вообще он нашел Сазонова «сравнительно спокойным» [35].

Но Сазонов был более возбужден и взволнован, чем это показалось Сапари. Он вообще обладал горячим темпераментом, а теперь был особенно возмущен приемами Берхтольда. Короткий срок для ответа, задержка в представлении досье, унизительные требования, предъявленные Сербии, — все это, как ему казалось, свидетельствовало о твердом намерении Австрии немедленно начать войну с Сербией. Своим поведением Австрия к тому же умышленно вводила в заблуждение, потому что в течение трех недель она утверждала, что требования ее будут умеренными и что Сербия наверно сможет их принять, и вот вдруг она предъявила маленькому королевству ультиматум, который явно свидетельствовал о том, что Австрия желает войны и вскоре вторгнется в пределы Сербии.

[35] Сапари — Берхтольду, 24 июля, 3 ч. 35 мин. дня, 8 ч. и 8 ч. 25 мин. вечера; ARB, II, 16, 17, 18 в австрийской «Красной книге» 1915 г. эти три телеграммы сведены в одну, причем допущено 7 пропусков. О беседе Сазонова с Сапари см. также донесение Пуртале са Бетману от 24 июля, K. D., 148. Одновременно Берхтольд беседовал с Кудашевым — русским уполномоченным в делах в Вене. Берхтольд старался говорить как можно более примирительно. Сказал, что он не желает унижать Сербию, а хочет только потребовать гарантии безопасности Австрии и не имеет никаких намерений аннексировать сербскую территорию, а только желает сохранить status quo, см. ARB, II, 23 и Schillings, Diary стр. 39 сл., M. O. т. V, стр. 51 № 31.

К этому присоединялось еще то, что Пуанкаре и французский премьер покинули Россию всего лишь несколько часов тому назад; они находились теперь в Балтийском море, так что трудно было с ними связаться. Кроме того Сазонову казалось, что многое из того, что сказал Сапари, не соответствует действительности. Поэтому России надо было готовиться к войне или по крайней мере к серьезной дипломатической угрозе и нужно было обеспечить себе поддержку Англии и Румынии. Продолжая беседовать с Сапари, он велел барону Шиллингу поставить в известность о ходе событий военного и морского министров, а также министра финансов и вызвать их на совещание в 3 часа дня [36]. Шиллинг предупредил также Извольского и Шебеко, что им нужно будет вернуться на их посты в Париж и Вену, и вызвал из отпуска Нератова, князя Трубецкого и других ответственных чиновников министерства иностранных дел. Он указал также министру финансов на необходимость безотлагательно по возможности изъять из Германии все помещенные там государственные вклады [37].

Сам Сазонов советовался с начальником генерального штаба генералом Янушкевичем и предложил принять подготовительные меры к частичной мобилизации русской армии; мобилизация должна была быть направлена исключительно против Австрии; объявление о ней должно было послужить предостережением Германии и явиться угрозой, способной удержать Австрию от нападения на Сербию. По крайней мере так вытекает из приводимого ниже рассказа генерала Добророльского [38]. Добро-

---

[36] Сухомлинов впоследствии отрицал, что он присутствовал на заседании Совета министров 24 июля (ср. Wegerer, Pol. Science Quarterly, XLIII, 204 сл., июнь 1928 г.), но представляется весьма сомнительным, можно ли верить этому заявлению, сделанному уже после войны.

[37] Schilling's Diary стр. 29. Поденная запись от 24 июля. М. О. т. V, стр. 45.

[38] Сергей Добророльский, Мобилизация русской армии в 1914 г., в «Военном сборнике», вышедшем в Белграде, т. I, стр. 91 — 116, август — сентябрь 1921 г. Немецкий перевод «Die Mobilmachung der russischen Armee, 1914, Berlin 1922, и французский перевод «La mobilisation de l'armée russe en 1914» в «Revue d'histoire de la guerre mondiale», I avril — juillet 1923. Здесь будет уместно указать также и другие ценные материалы о военных приготовлениях России и о мобилизации 1914 г.

Из мемуаров русских генералов назовем: V. A. Sukhomlinov, Erinnerungen (Berlin 1924) более ценные в части, касающейся проведения им реформ в армии до 1914 г., чем в отношении событий в июле 1914 г.; здесь он старается по возможности умалить свое участие. Ю. Н. Данилов, Россия в мировой войне (Берлин, 1924, нем. изд. «Russland im Weltkriege», там же, 1925; франц. перевод издан в Париже в 1927 г.), гл. I, VI. Данилов занимал с 1909 по 1914 г. должность генерал-квартирмейстера и дополняет в некоторых пунктах Добророльского в статье, помещенной в «Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale», I, 259—266, окт. 1923. V. J. Gurko, Russia, 1914 — 1917, NY. 1919; стр. 1 — 24; А. С. Лукомский, Воспоминания (Берлин, 1922, 2 тома), А. А. Поливанов (воспоминания, содержащие выдержки из дневника: изданы Зайончковским в Москве в 1924 г.).

Весьма любопытный свет проливают многочисленные русские телеграммы о мобилизации и другие военные документы, захваченные немцами во время войны. Они опубликованы и подвергнуты анализу в книге R. Hoeniger, Russlands Vorbereitung zum Weltkrieg, Berlin 1919 и с большей полнотой у G. Frantz. Russlands Eintritt in den Weltkrieg, Berlin 1924 (В дальнейшем цитируется «Frantz»). B. von Eggeling, Die russische Mobilmachung und der Kriegsausbruch, Berlin 1919, представляет собой аутентическое сообщение германского военного атташе в Петербурге в 1914 г.

Воспоминания Сазонова (Берлин, 1927; по английски Sazonow, Fateful Years, New-York 1928) нельзя считать надежным источником.

Противоречивые показания и путанные газетные отчеты о знаменитом процессе

рольский был в 1914 г. начальником мобилизационного отдела генерального штаба и поэтому мог знать все технические детали и приготовления, относившиеся к русской мобилизации. В результате большевистской революции он очутился в эмиграции и когда он писал свои воспоминания в Белграде в 1920 г., не имея при себе заметок и документов, он в некоторых случаях допустил ошибки, объясняемые погрешностью памяти. Но его изумительная откровенность, полная осведомленность и общая точность подтверждаются всеми документами, которые до сих пор были опубликованы, а также и беседами, которые автор этой книги имел возможность вести с ним в 1923 г.

Добророльский пишет:

> 11 июля (24-го по нов. стилю) в день св. Ольги, между 11 и 12 часами дня, начальник генерального штаба генерал Янушкевич вызвал меня к служебному телефону и приказал немедленно явиться к нему.
>
> «Положение весьма серьезно, — сказал он, когда я вошел, — Австрия вручила сербскому правительству совершенно неприемлемый ультиматум, и мы не можем оставаться равнодушными. Решено заявить об этом публично и в категорической форме. Завтра в «Русском инвалиде» появится краткое официальное предостережение, в котором будет сказано, что вся Россия с пристальным вниманием следит за ходом переговоров между австро-венгерским и сербским правительствами и не будет бездействовать, если достоинству и неприкосновенности сербского народа, наших братьев по крови, будет угрожать опасность [39]. Готово у вас все, что нужно для объявления мобилизации нашей армии?»
>
> На мой утвердительный ответ начальник генерального штаба сказал мне: «Принесите мне через час все бумаги относительно подготовки наших войск к войне, в которых предусмотрено в случае необходимости объявление частичной мобилизации против одной только Австро-Венгрии. Эта мобилизация не должна дать повода Германии усмотреть в ней какое-либо проявление враждебности по отношению к себе.»
>
> Я указал, что о частичной мобилизации не может быть и речи. Но генерал Янушкевич снова приказал мне представить ему через

Сухомлинова 1917 г. были изложены автором этой книги в его третьей статье в «Amer. Hist. Rev.» XXVI, 225—254, янв. 1921 вместе с другой литературой, которая в это время имелась; выдержки из русских газетных отчетов о процессе приведены также Генигером в «Deutsche Rundschau», апрель 1918, стр. 15—80 и в анонимном памфлете Sukhomlinow, Die russische Mobilmachung, im Lichte amtlicher Urkunden und der Enthüllungen des Prozesses, Bern, 1917 и у Renouvin в «Revue d'Histore de la guerre mondiale», II, 49—69, апрель 1924; но эти показания, данные на процессе Сухомлинова, в настоящее время представляют малую ценность. См. две работы по истории войны на русском языке И. К. Циховича (Москва 1922) и Н. Н. Головина (Прага 1925); H. von Kuhl, Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges, Berlin 1919, 2 изд. 1920; G. Frantz, Russland auf dem Wege zur Katastrophe, Berlin 1926; Michael T. Florinsky, The Russian Mobilisation of 1914, Pol. Science Quarterly XLII, 203—227, июнь 1927. Ответ на это A. von Wegerer, там же XLIII, 201—228, июнь 1928, статьи Данилова, Демарсиаля (Demartial), Добророльского, Франца, Montgelas, Сухомлинова и Wegerer в KSF, I, 97—104; II, 18—21, 78—98, 205—207, 225—231; III, 27—38, 753—762; IV, 207—219, 433—435; Montgelas в «Deutsche Rundschau», май 1922, стр. 113—124 и июнь 1922, стр. 1—6, Frantz, «Current history», март 1927, стр. 852—858.

[39] Текст этого сообщения, напечатан в русской «Оранжевой книге».

час подробный доклад в соответствии с тем решением, которое он принял... Абсолютная невозможность частичной мобилизации армии была очевидна. Какими мотивами надлежало нам руководствоваться в нашей стратегии? Политическими соображениями. [Далее Добророльский объясняет, что ввиду существовавшей системы союзов Россия была убеждена, что в войну между Австрией и Россией неизбежно будет вовлечена Германия и что поэтому не было выработано мобилизационного плана для войны против одной только Австрии.]

Какие цели могла преследовать частичная мобилизация, направленная против одной только Австро-Венгрии? Угроза, не поддержанная убедительным доказательством собственной силы, могла вызвать только пренебрежительное отношение к этой угрозе. Частичная мобилизация наших сил имела бы как раз последствия, противоположные тем, на которые мы рассчитывали.

Со стратегической точки зрения частичная мобилизация являлась просто безумием. Предполагалось мобилизовать 4 военных округа: Киевский, Одесский, Московский и Казанский. В этих военных округах было расквартировано в мирное время 13 армейских корпусов»[40].

В дальнейшем Добророльский объясняет все опасности и технические затруднения, создаваемые такой частичной мобилизацией. После мобилизации войска этих четырех округов неизбежно должны были двинуться к границе. Но для того чтобы успешно угрожать Австрии с востока и с севера, некоторым частям необходимо было пройти через Варшавский округ. Но Варшавский округ оставался нетронутым, потому что не желали вызывать тревогу у Германии. А без приготовлений в Варшавском округе та часть его, которая граничила с Австрией, оставалась без прикрытия и защиты. Кроме того, если бы за частичной мобилизацией последовала общая мобилизация, то создалась бы страшная путаница, потому что запасные чины для Варшавского округа отчасти брались из Московского и Казанского округов, где к тому времени уже должна была быть произведена частичная мобилизация. Эти опасности и затруднения, повидимому, сначала не были полностью осознаны Сазоновым и даже Янушкевичем, который занимал должность начальника генерального штаба всего лишь несколько месяцев. Как мы увидим дальше, план частичной мобилизации был принят к крайнему неудовольствию таких военных специалистов, как Добророльский и генерал Данилов.

Закончив беседу с Сапари и договорившись с Янушкевичем, Сазонов поспешил во французское посольство, где он завтракал вместе с Палеологом и Бьюкененом. На завтрак был приглашен также румынский посланник Диаманди, «потому что для нас было выгодно втянуть ее [Румынию] в дело на нашей стороне. Для самой же Румынии было очевидно лестно участвовать на равных основаниях в предпринимаемых великими державами дипломатических шагах» [41]. Сазонов сказал, что шаг, предпринятый Австрией, означает войну, и выразил надежду, что Англия заявит о своей солидарности с Францией и Россией.

---

[40] Добророльский, стр. 99—101 (нем. пер., стр. 17—19).
[41] «Schilling's Diary», стр. 30. [Поденная запись, М. О. т. V, стр. 46.]

Он говорил, что поведение Австрии безнравственно и провокационно, что некоторые из ее требований абсолютно неприемлемы и что она никогда бы так не поступила, если бы не сговорилась заранее с Германией. Он сказал Бьюкенену, что между Францией и Россией во время визита Пуанкаре [42] установилась полная солидарность во взглядах, а Палеолог добавил, что «Франция не только окажет сильную дипломатическую поддержку России, но в случае надобности выполнит все обязательства, возлагаемые на нее союзом». Бьюкенен ответил, что он не может говорить от имени Англии, но готов протелеграфировать Грэю все, что ему было сказано; он лично не думает, чтобы Англия согласилась выступить с декларацией о солидарности, которая заключала бы в себе обязательство оказать вооруженную помощь Франции и России. Англия не имеет непосредственных интересов в Сербии, и общественное мнение Англии никогда не согласилось бы санкционировать войну из-за Сербии. Сазонов ответил на это, что сербский вопрос составляет лишь часть общеевропейского вопроса и что Англия не может не занять по отношению к нему определенной позиции. Он лично полагает, что Россия мобилизует свои войска, но до созыва совета министров не будет принято никаких решений. Тогда Бьюкенен предложил воздействовать на Австрию, чтобы она продлила срок для ответа. Но Палеолог возразил, что «на это нет уже времени: Австрия или хочет только запугать, или же решила приступить к немедленным действиям; и в том и в другом случае предупредить войну можно только решительным совместным выступлением». Так как Сазонов и Палеолог оба настаивали, чтобы Бьюкенен сделал заявление о полной солидарности, то он обещал передать все по телеграфу Грэю. Он даже пошел настолько далеко, что высказал личное мнение, что Грэй, пожалуй, будет готов сделать в Вене и Берлине непосредственное представление относительно опасности, которая угрожает европейскому миру в случае нападения Австрии на Сербию... И что если война примет общий характер, то Англии трудно будет остаться нейтральной». Сазонов заметил, что если разразится война, то Англия рано или поздно будет втянута в нее, и если она теперь же не объединится с Францией и Россией, то от этого вероятность войны еще более возрастет, а Англия сыграет некрасивую роль. Бьюкенен по тону, которым говорил Палеолог, заключил, что, «повидимому, Франция и Россия решили действовать энергично, даже если мы откажемся присоединиться к ним» [43].

---

[42] См. выше прим. 29.

[43] Бьюкенен — Грэю 24 июля в 5 ч. 40 м. дня; B. D., 101, ср. также G e o r g e B u c h a n a n, My Mission to Russia (2 тома, London 1923), откуда явствует, что французский посол прилагал все свое влияние для того, чтобы заставить Сазонова держаться тверже, хотя бы это и повело к войне; в воспоминаниях Палеолога впечатление передано совершенно иначе, чем в его телеграмме от 24 июля, напечатанной во французской «Желтой книге» (ФЖК, 31); является подозрение, что в данном случае редактор французской «Желтой книги» весьма щедро пользовался своим редакторским карандашом. Когда Палеолог еще первоначально печатал свои воспоминания в журнале «Revue des deux mondes», 15 января 1921 г., стр. 248, он изобразил дело таким образом, будто Бьюкенен за этим завтраком с прискорбием сказал: «Ах, если бы у власти (в Англии) стояла теперь консервативная партия, я уверен, что она бы поняла, чего от нас требуют сейчас национальные интересы». Но при опубликовании своих мемуаров ввиде книги Палеолог скромно опустил эту страницу и еще несколько других. Бьюкенен (I, 210) возражает против некоторых утверждений Палеолога.

Сазонов, недовольный тем, что ему не удалось добиться от Англии немедленной декларации о солидарности Антанты (что могло бы остановить Австрию), все еще избегал встречи с германским послом. Он еще не мог сказать ему, какова будет политика России. К тому же он хотел сначала посоветоваться со своими коллегами министрами. Поэтому после совещания за завтраком во французском посольстве он приблизительно в 3 часа дня отправился на заседание совета министров. Здесь он изложил создавшееся дипломатическое положение и по всей вероятности долго уговаривал возражавших ему военных специалистов принять план частичной мобилизации. У нас нет точного и удовлетворительного отчета об этом заседании, но после того как совещание длилось несколько часов, совет министров вынес следующие постановления: 1) совместно с другими державами предложить Австрии продлить срок для ответа, дабы они могли ознакомиться с досье, содержащим документы относительно сараевского убийства, которые Австрия, по ее заявлению, намерена сообщить; 2) рекомендовать Сербии не оказывать вооруженного сопротивления, если Австрия вторгнется в ее пределы, а заявить, что она подчиняется силе, и вверить свою судьбу решению великих держав; 3) уполномочить военного и морского министра испросить согласие царя на объявление, в зависимости от хода событий, мобилизации в четырех военных округах: Киевском, Одесском, Московском и Казанском, а также балтийского и черноморского флота; 4) немедленно пополнить запасы военного снаряжения; 5) немедленно изъять из Германии и Австрии находившиеся там государственные вклады [44].

Таким образом предполагалось сделать попытку заставить великие державы обсудить австро-сербский вопрос по существу, т. е. ту «локализацию», которой добивалась Австрия и Германия, заменить европеизацией. И далее в случае, если бы это не удалось, повести дело таким образом, чтобы значительная часть австрийской армии завязла в Сербии к тому моменту, когда Россия в конце концов возьмется за оружие. В соответствии с этим Сазонов телеграфировал в Белград, что «если беспомощное положение Сербии действительно таково, что не оставляет никакого сомнения насчет исхода вооруженной борьбы», то лучше и не оказывать сопротивления, а отступить, предоставив Австрии оккупировать территорию без боя, и обратиться к державам с просьбой о вмешательстве [45]. Кроме того он отправил державам телеграмму, в которой настаивал на продлении срока для ответа, указывая, что если Австрия даст державам возможность ознакомиться с результатами сараевского расследования, то они сумеют дать Сербии соответствующий совет. [46] На

[44] Журнал Совета министров от 24 июля, утвержденный царем 25 июля; напечатан с экземпляра, находящегося в Hoover War Library в «Current History», январь 1926, стр. 533; журнал этот теперь напечатан в М. О. V стр. 38—40.; *прим. пер.*] ср. также «Schilling's Diary», стр. 30 [М. О. V стр. 46].

[45] Сазонов — русскому поверенному в делах в Белграде, 24 июля, «Schilling's, Diary», стр. 33, 86. [М. О. т. V стр. 41]. Ср. Крекенторп — Грэю, 28 июля (B. D. 221). «Сербское правительство ожидало немедленного нападения на Белград тотчас же по отъезде австрийского посланника, а потому немедленно выехало из столицы. План кампании состоит в том, чтобы вовлечь по возможности бо́льшую часть австрийской армии вглубь страны и таким образом ослабить Австрию. Товарищ министра сказал мне, что поддержка России обеспечена».

[46] «Schillings Diary», стр. 33, 40; [М. О. т. V стр. 42] РОК, 4, 5; [М. О. т. V стр. 41] B. D., 125.

случай, если эти старания не увенчаются успехом, совет министров постановил в «принципе» одобрить план Сазонова относительно частичной мобилизации, т. е. мобилизации 1 100 тыс. человек — 13 армейских корпусов в четырех южных округах у австрийской границы. Но объявление этой мобилизации должно было последовать только тогда, когда Сазонов решит, что это необходимо. Кроме того постановление совета министров не являлось окончательным, так как требовалось еще, чтобы царь на следующий день утром утвердил его [47].

Все эти меры были приняты Сазоновым до беседы с Пурталесом и ознакомления с точкой зрения Германии на ультиматум и политику «локализации». Пурталесу утром сказали, что Сазонов не может принять его после Сапари, потому что ему нужно отправиться на заседание совета министров [48], тогда как в действительности он отправился завтракать во французское посольство. Пурталес был принят Сазоновым только в 7 часов вечера. Когда он попытался, следуя инструкциям, преподанным ему и другим германским послам [49], оправдать выступление Австрии и доказать, что австро-сербский конфликт должен быть локализован, Сазонов, «который был весьма возбужден и осыпал бесконечными упреками Австро-Венгрию, самым решительным образом заявил, что Россия ни в коем случае не может допустить, чтобы австро-сербский конфликт был ограничен пределами этих двух стран». Он решительно доказывал, что обещания, данные Сербией в 1909 г., на которые ссылалась Австрия в своем ультиматуме, были даны не одной только Австрии, а всем державам, а потому вопрос, нарушила ли Сербия эти обещания, является вопросом общеевропейским; Европа должна ознакомиться с досье и решить, насколько обоснованы обвинения, выдвинутые Австрией [50]. Кроме того Австрия не может быть одновременно обвинителем и судьей.

Пурталес ответил, что непрактично отдавать вопрос на разрешение шести великих держав, потому что общая политическая позиция держав и их союзные группировки будут решающим фактором в их суждениях по этому делу. Какой практический смысл в такой «судебной процедуре», если политические друзья Австрии окажутся на одной стороне, а противники на другой? Кто же в таком случае будет решать?—Он пообещал сообщить предложения Сазонова в Берлин, однако выразил «сомнение, чтобы Германия согласилась потребовать от своего союзника представления результатов произведенного им следствия суду европейского ареопага. Австрия, как и всякая другая держава, откажется от третейского разбирательства по вопросу, в котором поставлены на карту ее жизненные интересы». Затем Пурталес говорит о монархической солидарности и об опасности поощрять цареубийц. Но Сазонов быстро придал беседе более широкий политический характер, указав, что нельзя делать целое пра-

[47] Ср. донесение Бьюкенена — Грэю, 25 июля; B. D., 125; и сообщение бывшего русского военного министра автору этой книги.

[48] Пурталес — Бетману, 24 июля, 6 ч. 10 м. дня; K. D., 148.

[49] K. D., 100.

[50] Доводы Сазонова были лукавы и с формальной стороны правильны, потому что в самом ультиматуме (о чем Сапари сожалел, см. ARB, II, 19) Сербия обвинялась в невыполнении обещаний 1909 г., в том что она действовала «вопреки воле Европы»; кроме того копии ультиматума были разосланы «всем прочим державам», подписавшим Берлинский трактат и заинтересованным в его изменении.

вительство и народ ответственным за действия отдельных лиц и что обвинения, выдвинутые Австрией, совершенно неубедительны. Он разразился таким бурным потоком обвинений против Австрии, что Пурталес выразил опасение, что он ослеплен ненавистью к Австрии. «Ненависть, — ответил Сазонов, — не свойственна мне, я не ненавижу Австрию, я презираю ее». В заключение он воскликнул: «Австрия ищет предлога для того, чтобы поглотить Сербию. Но в таком случае Россия будет воевать с Австрией!» Пурталес пытался успокоить его, выразив уверенность, что Австрия стремится только подвергнуть Сербию наказанию, которое та заслужила, и отнюдь не собирается делать какие-нибудь территориальные приобретения, но Сазонов с сомнением покачал головой: «Сначала будет поглощена Сербия, потом наступит очередь Болгарии, и тогда мы увидим Австрию на берегах Черного моря» [51].

Беседа приняла открытый характер и только еще более подчеркнула разногласия, которые теперь вылились в опасный конфликт — следует ли локализовать или европеизировать австро-сербский вопрос? Когда Пурталес уходил из кабинета Сазонова, Палеолог ждал в соседней комнате, желая узнать, какое решение принял совет министров и чем закончилась беседа с Пурталесом. Но его донесения, поскольку они опубликованы, не дают ясного представления относительно того, что́ произошло между ним и русским министром иностранных дел [52].

В КРАСНОМ СЕЛЕ 25 ИЮЛЯ

В субботу 25 июля жара, стоявшая в Петербурге в течение целого месяца, достигла, казалось, своего апогея. Поезда были переполнены мирными обывателями, устремлявшимися за город на воскресный день. В Красном Селе под палящими лучами солнца происходил в присутствии царя и высшего петербургского общества смотр войскам. Утром, за час перед этим, под председательством царя состоялось важное заседание совета министров. Оно затянулось, и смотр пришлось отложить на целый час. Даже когда затем приступили наконец к смотру, его постарались сократить, и всеми офицерами овладело небывалое военное возбуждение. У иностранных военных атташе создалось впечатление, что совет министров обсуждал вопрос о мобилизации русской армии и, может быть, даже постановил издать приказ о мобилизации, по крайней мере в четырех южных военных округах, обращенных в сторону Австрии [53]. Петербургский губернатор генерал Адлерберг проговорился в беседе с германским генералом Хелиусом, что приняты меры к мобилизации. Барон Грюнвальд, обер-шталмейстер царя, сидевший в тот вечер на банкете рядом с Хелиусом, сказал ему: «Положение весьма серьезное, я не имею права сказать вам, что́ было решено сегодня днем, но поверьте, что это очень серьезно». Он чокнулся с Хелиусом и выпил

---

[51] Пурталес — Бетману, 25 июля в 1 ч. 8 м. утра и подробное донесение, отправленное позднее в тот же день; K. D., 160, 204. Ср. также Сапари — Берхтольду, 25 июля 2 ч. 30 м. утра, ARB, II, 19 и «Schilling's Diary», 31. М. О. т. V стр. 47.

[52] Палеолог — Бьенвеню-Мартэну, 25 (24?) июля; ФЖК, 38; Paléologue, I, 24—26 и «Schilling's Diary», стр. 31 сл. [М. О. т. V, стр. 47].

[53] Статья германского военного атташе, майора Эггелинг, в «Norddeut. Allg. Zeitung» №261, 21 октября 1917; Eggeling, Die Russische Mobilmachung, стр. 23—25.

за его здоровье со словами: «Пожелаем встретиться вновь при лучших обстоятельствах» [54]. После того как военный смотр прошел в необычно укороченном виде, последовало сообщение, что маневры в Красном Селе и во всей империи прекращаются и что войска должны немедленно вернуться на свои постоянные квартиры, как это полагалось во время войны.

Мысль о неизбежности мобилизации и войны подкреплялась еще и тем, что в тот же вечер кадеты Петербургской военной академии были произведены в офицеры, что́ обыкновенно происходило не в это время, а позже*. На банкете, состоявшемся по этому случаю, после речи царя, обращенной к только что произведенным офицерам, «военная молодежь,— по словам германского военного атташе, — открыто высказывала мне свое удовольствие по поводу того, что теперь наконец они выступят против Австрии. Другие негодовали против австрийского высокомерия. Даже князь Петр черногорский, который как раз присутствовал там в это время, счел нужным сказать мне, что в его стране господствует сильное военное одушевление и что мобилизация идет полным ходом. Повидимому все забыли, что мы (немцы) находились в союзе с Австрией!» [55].

После банкета состоялся спектакль в театре, где под руководством великого князя Николая Николаевича была произведена большая демонстрация за войну. Вечером на тихих улицах Петербурга неожиданно раздались гулкие шаги императорской гвардии, спешно возвращавшейся в столицу, хотя она должна была провести в Красном Селе еще месяц [56]. «В 7 часов вечера, — пишет Палеолог, — я отправился на Варшавский вокзал, чтобы попрощаться с Извольским, который спешно возвращался к месту службы. На платформе царит чрезвычайное оживление, поезда переполнены офицерами и солдатами. Это уже похоже на мобилизацию. Мы быстро обмениваемся впечатлениями и приходим к одинаковому заключению. «На этот раз это война» [57]. На следующий день княгиня Палей, которая поддерживала тесную связь с великими князьями, отправила спешную телеграмму своей матери и дочери, находившимся на курорте

---

[54] Хелпус — Вильгельму II, 26 июля; K. D., 291. Хелпус был личным представителем германского императора при царском дворе. В течение многих лет Вилли и Никки держали при дворах (à la suite) друг у друга таких личных представителей, помимо обычных послов, консулов, военных и морских атташе. Эти представители пользовались особым доверием, и через них оба самодержца поддерживали более тесные личные отношения друг с другом. Благодаря своему привилегированному положению и непосредственному контакту, с лицами окружающими монарха, эти представители часто могли лучше ориентироваться в господствующих настроениях и в вопросах, касающихся влияния отдельных лиц, чем обычные дипломатические представители. Хелпус, который лучше других излагает события, имевшие место 25 июля, подтверждает здесь, так же как и в других случаях, только что сказанное. Татищев, представитель царя при дворе кайзера, в эти критические дни как раз находился в России. 30 июля в 1 ч. 20 м. утра царь телеграфировал кайзеру: сегодня вечером отправляю Татищева с инструкциями. Но Сазонов повидимому задержал этого посланца мира на вокзале, как раз когда он собирался выехать в Берлин.

* Речь идет очевидно о производстве в первый офицерский чин окончивших военные училища, так как в Петербургскую военную академию (генерального штаба) поступали только офицеры действительной службы. *Прим. ред.*

[55] Eggeling в «Nordd. Allg. Zeitung», № 261, 17 октября 1917.

[56] О событиях в Красном Селе в эту роковую субботу 25 июля см. K. D., 194, 291; Eggeling, Die Russische Mobilmachung, стр. 22—27, ARB, II, 37, 60, 61; Meriel Buchanan, The City of Trouble (New-York, 1918), стр. 10—12.

[57] Paléologue, I, 27 сл.

в Киссингене в Германии, и просила их немедленно переехать в Швейцарию или Италию [58]. Генерал Данилов, спешно вызванный из служебной поездки по Кавказу, телеграфировал своей семье, находившейся в Подольской губернии, около австрийской границы, с просьбой немедленно вернуться в Петербург [59].

«ПОДГОТОВИТЕЛЬНЫЙ К ВОЙНЕ ПЕРИОД» В РОССИИ

Что же происходило 25 июля на этом важном заседании совета министров (часто неправильно называемом коронном совете) в присутствии царя? Почему создалось впечатление, что война неизбежна? Здесь опять-таки мы не имеем точных сведений о том, что́ говорили отдельные лица, присутствовавшие на совещании. Но мы знаем, какие решения в результате были приняты. Мы имеем основание полагать, что на совещании произошло столкновение между Сазоновым, отстаивавшим свой план частичной мобилизации, и военными, возглавляемыми великим князем Николаем Николаевичем, которые опасались, что технические и политические затруднения, создаваемые частичной мобилизацией, будут иметь губительные последствия [60].

Военный министр генерал Сухомлинов утверждал впоследствии, что во время июльского кризиса он занимал пассивную позицию [61]. Но его оправдания не убедительны. Генерал Данилов, рассказывая о совете министров, говорит: «Принятое решение вполне понятно для тех членов совета, которые были мало знакомы с чисто военными вопросами и не разбирались в технической стороне мобилизации. Ими руководило исключительно вполне естественное желание оградить честь России и в то же время избежать всего, что могло бы носить характер враждебного отношения к Германии. Но как можно объяснить, что генерал Сухомлинов, принимавший участие в этом совещании, считал возможным без единого слова протеста согласиться на решение, которое ставило Россию в весьма опасное положение? Объясняется ли это только неосмотрительностью или полной некомпетентностью?» [62] С достоверностью не установлено также, вполне ли сознавал генерал Янушкевич опасность частичной мобилизации или его еще пришлось убеждать в том, что это безумие. Во всяком случае руководители армии понимали, что война между Австрией и Сербией неизбежно означала войну между Австрией и Россией, а тем самым между Россией и Германией. Они не сомневались, что Австрия собирается вторгнуться в Сербию, как только истечет срок ультиматума. И действительно в тот день один русский офицер, взглянув на часы, в 6 часов вечера заметил генералу Хелиусу: «Сейчас станут стрелять пушки на Дунае, потому что ведь ультиматум посылают только тогда, когда пушки уже заряжены» [63]. По всей вероятности они были убеждены, что война неизбежна и что небо ниспослало России благоприятный случай для сведения окончательных счетов с Германией и для захвата Константинопо-

[58] Princesse Paley, En Russie à la veille de la guerre, в «La Revue de Paris», Nov. 15, 1923, стр. 592.
[59] Danilov, стр. 16.
[60] Добророльский, см. выше прим. 40.
[61] Sukhomlinov, Erinnerungen, 357—379.
[62] Danilov, стр. 15.
[63] Хелиус — Вильгельму II, 26 июля; K. D., 291.

ля и проливов, что было предметом серьезного обсуждения на секретном совещании 8—21 февраля 1914 г. Уже тогда последовало распоряжение, что в случае, если разразится кризис, Россия может осуществить свои исторические стремления на Босфоре [64]. Поэтому считали, что надо поскорее объявить всеобщую мобилизацию [65].

Вполне возможно, что одним из доводов на заседании совета министров в пятницу и субботу было опасное внутреннее положение. Петербург и все большие города в России были охвачены широкой волной рабочих забастовок. По странной иронии судьбы в тот момент, когда русские военные оркестры в красносельском лагере приветствовали Пуанкаре «Марсельезой», в предместьях Петербурга казаки избивали рабочих за пение той же «Марсельезы»[66]. В статьях, помещенных в «Gazette de Lausanne» 7 и 8 сентября 1917 г., автор, повидимому хорошо осведомленный и сочувствовавший России, писал по поводу процесса Сухомлинова, что в 1914 г. особенно настаивали на всеобщей мобилизации, как на мероприятии, необходимом для предотвращения революционных волнений в промышленности, а не потому, что это являлось необходимой военной предосторожностью против нападения со стороны Германии. Считали также, что мобилизация сумеет парализовать опасную автономистскую и сепаратистскую агитацию среди неславянских элементов населения русской империи. Использование внешней войны для предупреждения внутренней смуты является способом, хорошо известным в истории многих стран [67]. Военная партия по всей вероятности считала, что указание на угрожающий призрак внутренней революции и анархии будет хорошим предлогом, для того чтобы убедить миролюбивого царя дать согласие на объявление общей мобилизации, и готова была уверить его, что в случае мобилизации и войны забастовки не будут представлять серьезного препятствия [68], как это потом и оказалось.

Во всяком случае, какие бы мнения ни высказывались на этом совещании, но Сазонову удалось отстоять свой план частичной мобилизации. Военной партии была сделана уступка только в том отношении, что был принят ряд подготовительных военных мер для облегчения общей мобилизации, на случай если впоследствии удалось бы убедить царя согла-

---

[64] См. выше, том I, гл. V, «Балканские проблемы», прим. 309—311.

[65] О разговорах между различными министрами о военных мероприятиях см. K. D., 130, 194, 203, 204, 338; ARB, II, 60, 61, 73, III, 19, 71. Воспоминания Добровольского, Данилова и Сухомлинова, Nekliudov, Diplomatic Reminiscences, pp. 284—285.

[66] Пурталес — Бетману, 23 июля; K. D. 130, ср. также V. A. Wroblewski, «Die russischen Arbeiterunruhen im Juli 1914, KSF, III, 325—331, Mai 1925.

[67] Аналогичные подозрения относительно Германии были у Жюля Камбона; см. его донесение Пишону 30 июля 1913 г. «Некоторые желают войны... по соображениям социального порядка, т. е. для того, чтобы выдвинуть интересы внешней политики, которые одни только могли предупредить или задержать овладение властью демократическими или социалистическими массами. Этот общественный класс (юнкера), представляющий собой монархию, возглавляемую королем прусским, с опасением взирает на демократизацию Германии и возрастающую мощь социалистической партии».

[68] Пурталес — Бетману, 25 июля (K. D., 205): «Я узнал, из достоверного источника, что на заседании совета министров вчера вечером (24 июля) обсуждался вопрос первостепенной важности: сумеет ли Россия при своем нынешнем внутреннем положении встретить внешние осложнения без смуты. Большинство присутствовавших министров, как передают, высказалось в том смысле, что у России нет оснований опасаться таких осложнений внутреннего порядка».

ситься на нее. Совет министров принял вообще пять постановлений. Подробное содержание пятого — и наиболее важного — решения держалось в большом секрете. Остальные скоро стали известны по ходу событий или были немедленно сообщены Палеологу и Бьюкенену, а несколько позже также и Пурталесу. Что содержали эти постановления?

1. Царь одобрил в принципе частичную мобилизацию против Австрии, которая накануне была предложена на совещании совета министров. Об этом было сообщено французскому правительству в Париже, которое отправило Пуанкаре, находившемуся по пути во Францию, 26 июля следующее сообщение:

> «На совете министров, происходившем 25 июля под председательством царя, рассматривался вопрос о мобилизации 13 армейских корпусов, которые в случае надобности должны были действовать против Австрии. Но мобилизация эта предполагается только в том случае, если Австрия окажет вооруженное давление на Сербию, и должна быть объявлена только после соответствующего распоряжения со стороны министра иностранных дел, на которого возложена обязанность установить день мобилизации, причем он может продолжать вести переговоры даже в том случае, если Белград будет занят. В русских сферах дают понять, что для России политически и морально невозможно допустить разгром Сербии» [69].

Это решение предпринять частичную мобилизацию, чтобы в случае надобности запугать Австрию, подтверждается показаниями Янушкевича на процессе Сухомлинова в 1917 г.: «Сначала было решено объявить частичную мобилизацию в четырех военных округах, для того чтобы запугать Австрию» [70]. Это было желательно Сазонову, потому что он надеялся таким образом удержать Австрию и направить дипломатические переговоры так, чтобы они привели к соглашению, приемлемому для Сербии и для России. Это устраняло опасность общей мобилизации, на которой настаивали руководители армии и которая по всей вероятности побудила бы Германию ответить со своей стороны мобилизацией и таким образом привела бы к общеевропейской войне. Это позволяло также выиграть время для дипломатических переговоров, так чтобы можно было пока обсудить ряд весьма важных подготовительных военных мероприятий, которые прикрывались секретными правилами «подготовительного к войне периода», о которых речь будет итти несколько ниже.

В 1912 г., в самый разгар балканских войн, когда возник дипломатический кризис между Россией и Австрией, во многих отношениях напо-

---

[69] Краткое изложение, отправленное Бьенвеню-Мартеном — Вивиани на корабль «France» 26 июля (французская «Желтая книга», 26). Телеграмма Палеолога, на которой основано это сообщение, не была включена во французскую «Желтую книгу»; возможно, это его телеграмма от 26 июля, 1 час. 55 мин. дня, напечатана Буржуа в двух вариантах и в искаженном виде, хотя он и имел доступ к французским архивам; Bourgeois et Pagès, стр. 39, 137. Ср. также донесение Бьюкенена — Грэю 25 июля в 8 час. вечера; Сазонов сказал нам: «Этим утром император утвердил проект высочайшего указа, который будет опубликован только тогда, когда министр иностранных дел найдет это удобным, и который содержит распоряжение о мобилизации 1 100 тыс. человек; но необходимые предварительные приготовления к мобилизации начинаются немедленно». B. D., 125. (Это донесение тоже не было включено в британскую «Белую книгу»).

[70] Ср. «Новое время» № 14852 от 13 (26) августа 1917 г.

минавший кризис 1914 г., секретная русская военная комиссия по техническим соображениям отменила приказ, согласно которому объявление мобилизации равносильно объявлению войны. Вместе с тем комиссия вынесла следующее знаменательное постановление:

«Будет целесообразно завершить концентрацию войск, не начиная военных действий, для того чтобы не лишать противника окончательной надежды на возможность избежать войны. Наши мероприятия в данном случае должны быть замаскированы ловкими дипломатическими переговорами, для того чтобы по возможности усыпить опасения врага» [71].

Таким образом, если бы объявлением частичной мобилизации все-таки не удалось удержать Австрию, то, по крайней мере, эту мобилизацию можно было бы использовать для обеспечения мероприятий «подготовительного характера», которые решено было провести по всей империи и которые потом сильно облегчили бы общую мобилизацию против Германии и против Австрии, если бы в ней явилась необходимость. Сазонову казалось, что у него в руках все козыри. Он может продолжать переговоры и в то же время он может угрожать силой, для того чтобы придать большее значение своим запугиваниям. Вместе с тем, если бы попытка запугать частичной мобилизацией не дала результатов, военные приготовления должны были бы перейти из подготовительной стадии в общую мобилизацию. При этом военная партия в России не могла действовать бесконтрольно, потому что решение вопроса о мобилизации зависело от дипломатических переговоров, которыми он руководил. Сазонов был чрезвычайно доволен, что дело устраивалось таким образом. Он был также приятно удивлен, что Австрия не напала на Сербию немедленно по истечении срока ультиматума и разрыва австро-сербских дипломатических отношений в субботу 26 вечером. В течение следующих трех дней, с 26 по 28 июля, когда шли непосредственные переговоры с Веной, он, казалось, был настроен более примирительно и оптимистически, и это настолько бросалось в глаза, что было замечено целым рядом лиц [72]. Но русские военные власти не разделяли его оптимизма, и последний сразу исчез, когда 28 июля Австрия объявила войну Сербии [73].

---

[71] Протокол специальной военной комиссии от 8 (21) ноября 1912 г. цитирован у Hoeniger, стр. 34 сл. и у Frantz, стр. 236.

[72] Пурталес писал: «Я нашел сегодня Сазонова гораздо более спокойно и мирно настроенным (26 июля, 3 час. 15 мин. дня; K. D. 217). То же говорит Бьюкенен: «Я застал Сазонова сегодня днем весьма мирно и более оптимистически настроенным» (27 июля, 8 ч. 40 мин. дня; B. D. 198). Палеолог писал в своем донесении: «Сазонов беседовал в примирительном тоне со всеми моими коллегами» (27 июля; французская «Желтая книга», 64). В особенности это отмечает австрийский посол Сапари. На это мы укажем ниже, когда будем говорить о «непосредственных объяснениях» между Петербургом и Веной.

[73] Ср. Добророльский, стр. 104 (нем. перевод, стр. 22 сл.). «Злополучная идея частичной мобилизации еще не была оставлена. У ней были свои сторонники, но не среди военных... К числу оптимистов принадлежал Сазонов. Только этим оптимизмом можно объяснить то, что он все время отстаивал частичную мобилизацию и уверял в Петергофе, что она будет иметь успех. 15 (28) июля, в день объявления Австро-Венгрией войны Сербии, Сазонов внезапно утратил свой оптимизм. Он проникся мыслью, что всеобщая война неизбежна и обратил внимание Янушкевича на необходимость безотлагательно провести (общую) мобилизацию нашей армии».

2. Второе постановление, принятое советом министров 25 июля, касалось возвращения войск на их постоянные квартиры [74]. Когда произошло сараевское убийство, русские войска на всем протяжении империи были разбросаны по лагерям для маневров и летних упражнений, причем часто находились на значительном расстоянии от своих постоянных квартир. Между тем там хранилось все их снаряжение, необходимое для войны, которое нужно было доставить солдатам, прежде чем они могли двинуться на фронт. Поэтому необходимо было как можно скорее вернуть войска на пункты, где они могли бы получить полное снабжение и быть готовыми для перевозки на границу, в места, указанные для их концентрации. Этим объясняется, почему в субботу днем, по окончании смотра, войска покинули красносельский лагерь.

Янушкевич, не теряя времени, распорядился произвести то же самое в отношении всех войск империи. В 4 час. 10 мин. днем генеральный штаб разослал секретную шифрованную телеграмму за № 1547.

«Петербург. 12 (25) июля 1914 г. 4 час. 10 мин. дня. Приготовьте срочно перевозочные средства и провиант для возвращения всех войск на постоянные квартиры. Срок выполнения 24 часа. 1547. [Подписал] генерал Добророльский» [75].

В ту же ночь была отправлена телеграмма № 1557.

«С. Петербург. 12(25) июля 1914 г. 11 часов 59 минут вечера. Его величество распорядились, чтобы по получении настоящей телеграммы войска были возвращены из лагерей на постоянные квартиры. Если немедленное возвращение вызывает затруднения, то надлежит в первую очередь вернуть штабы и управления корпусов, дивизий и отдельных формирований. Части, находящиеся недалеко от своих постоянных квартир, могут оставаться на своих местах и не должны возвращаться в зимние казармы. 1557. [Подписал] Беляев» [76].

Такое спешное прекращение маневров и возвращение войск на постоянные квартиры однако не означало еще мобилизации. Это конечно явилось необходимой предварительной мерой для мобилизации, но ни в какой степени не представляло угрожающего или враждебного акта [77]. Тем не менее осуществление этого неожиданного приказа, начавшееся в воскресенье 26 июля, вызвало продвижение по империи больше чем миллиона человек и создало повсюду возбужденное настроение среди офицеров, вроде того, какое наблюдалось накануне вечером в Красном

[74] Добророльский, стр. 102 (нем. перевод стр. 20). Sukhomlinov, стр. 360; K. D. 194, 339; ARB, II, 60; Eggeling, стр. 25.

[75] Телеграмма начальнику штаба Варшавского округа, перехваченная впоследствии немцами, напечатанная у Hoeniger, стр. 80 и у Frantz, стр. 258.

[76] Hoeniger, стр. 80; Frantz, стр. 259.

[77] Аналогичное распоряжение о возвращении войск на их постоянные квартиры было отдано во Франции уже 27 июля (K. D., 341, прим. 3). В Германии только 28 июля последовало распоряжение о спешной мобилизации 9 корпусов и только 29 июля между 1 ч. и 1 ч. 30 м. дня — о мобилизации значительной части остальных корпусов («Investigating Commission», II, стр. 68, приложение 17, и стр. 69, прил. 20). Самый подробный анализ предварительных военных мероприятий Франции и Германии, составленный на основании истории войны, изданной французским генеральным штабом, дан в статье M. Montgelas, Das französische Generalstabswerk» в KSF, V, 1206—1220, дек. 1927. Автор показывает, что во всех этих случаях французские приготовления значительно опережали во времени германские.

Селе. Это также дало повод германским и австрийским агентам в России отправить тревожные донесения в Берлин и Вену.

3. Производство юнкеров в офицеры [78]. В 1914 г. русской армии даже по мирному составу нехватало около 3 тыс. младших офицеров. Офицеры обыкновенно подготовлялись в Петербургской военной академии * и в других подобных школах, кадеты же не производились непосредственно в офицерский чин, а получали его только по истечении некоторого срока. Чтобы теперь по возможности сразу заполнить недохватку в офицерах, было решено организовать производство немедленно. Учащиеся Петербургской военной академии были произведены в офицеры в Красном Селе перед банкетом, состоявшимся в субботу вечером. Царь сам обратился к ним с речью, в которой сказал: «Верьте в бога и в величие и славу нашей родины, служите ей и мне всеми силами». За этим почти немедленно последовало производство офицеров в других военных школах [79]. Были также распущены все организации, в которых офицеры получали практическую подготовку, так что они могли занять командные должности. Благодаря этим мероприятиям не только удалось получить большое количество младших офицеров, в которых ощущалась острая нужда, но также освободить для действительной службы много старших офицеров, которые до тех пор были заняты учебным делом. Однако, несмотря на эти усилия, одним из наиболее серьезных недостатков русской армии, как показала вскоре война, было неудовлетворительное состояние офицерского состава как в количественном, так и в качественном отношении.

4. Объявление военного положения в городах, имеющих крепости, и в пограничной полосе, прилегающей к Германии и к Австрии.

Соответствующее распоряжение было отправлено генералом Янушкевичем в ту же ночь несколько позже, т. е. в час ночи 26 июля [80]. Быстрое выполнение этого приказа на германской границе явствует из объявления, изданного комендантом крепости Ковно: «На основании распоряжения государя императора и приказа генерала Ренненкамфа за № 13482 от 26 июля объявляю Ковенскую крепость и округ находящимися на военном положении» [81]. Это объявление имело целью предоставить местным военным властям ту полноту власти, какая полагается им при действии военных законов, т. е. право предпринимать все действия, необходимые для обеспечения успеха мобилизации и для предупреждения опасности, угрожающей от шпионов и других враждебно настроенных лиц. Одновременно газетам запрещалось печатать

---

[78] Добророльский, стр. 102, 114; K. D., 194, 291; ARB, II, 60, 77; Палеолог — Бьенвеню-Мартену 26 июля; Bourgeois et Pagès, стр. 39.

* Это указание Фея основано на недоразумении; см. выше стр. 191. *Прим. пер.*

[79] Ср. донесение Пауля Гартнера в Одессе Берхтольду 27 июля: «Запасные офицеры, которые подлежали увольнению, были задержаны: кадеты тоже уже взяты в армию, в одной Одессе 390 человек. Сильное возбуждение среди офицеров». ARB, II, 77.

[80] Телеграмма генерального штаба № 1566 напечатана у Hoeniger, стр. 80, и у Frantz, стр. 242. Ср. также донесение Палеолога Бьенвеню-Мартену от 26 июля; Bourgeois et Pagès, стр. 39, 137.

[81] E. Müller—Meiningen, Diplomatie und Weltkrieg (Berlin, 1917), стр. 930. Бюлов, германский консул в Ковно, мог телеграфировать из Эйдкунена в Восточной Пруссии 27 июля в 5 час. 35 м. дня.: «В Ковно объявлено военное положение». По всей вероятности он узнал об этом уже за несколько часов раньше; K.D., 264. Относительно аналогичных распоряжений, последовавших 26 июля в других крепостях, см. Frantz, стр. 243—250.

всякие сообщения относительно военных и морских приготовлений, например, о передвижении войск или морских судов, а равно о снабжении их, о вызове офицеров, находящихся в отпуску, сведения о морских перевозках или сосредоточении торговых судов в портах [82].

В связи с этим приказом произошел инцидент, который показывает, сколь искренно желали мира и продолжения дружественных отношений между Россией и Германией русский царь и германский посол Пурталес. Германское торговое судно «Принц Эйтель-Фридрих», находившееся в гавани, недалеко от Кронштадской крепости, вызвало подозрение у коменданта крепости, потому что на судне имелся радиоаппарат и оттуда посылались радиограммы. Ввиду того что в районе крепости было объявлено военное положение, а радиоаппарат мог быть использован для шпионажа, комендант крепости сообщил об этом великому князю Николаю Николаевичу, командовавшему всем Петербургским военным округом, включая и Кронштадт. Великий князь немедленно распорядился арестовать германского капитана, забрать радиоаппарат и запретить кораблю выход из гавани. Так как Германия и Россия находились еще в состоянии мира, то это самочинное действие заставило Пурталеса заявить решительный протест в министерстве иностранных дел. В результате всего этого царь в тот же день послал собственноручное письмо великому князю Николаю Николаевичу с распоряжением освободить капитана и не задерживать судно и выразил ему осуждение за принятие подобных мер против судна дружественного государства. Сазонов от себя в дружественном порядке позвонил по телефону Пурталесу, извиняясь за действия великого князя. Тогда Пурталес сказал, что считает этот инцидент исчерпанным и не будет сообщать о нем правительству в Берлине [83].

5. Секретное «положение о подготовительном к войне периоде». Хотя решение о проведении только частичной мобилизации принималось Сазоновым и царем всерьез как военное мероприятие, которым в случае надобности можно было удовлетвориться, но военная партия и генеральный штаб смотрели на дело совершенно иначе. Не говоря уже о технических и политических затруднениях, которые этим создавались, а также о полном отсутствии готовых планов для такой мобилизации, возникал еще вопрос: как отнесутся союзники России к подобным мероприятиям? В переговорах относительно заключения франко-русского союза в 1892 г. генерал Обручев, который был тогда начальником русского генерального штаба, самым энергичным образом отрицал возможность частичной мобилизации против Австрии, указывая, что Россия должна объявить всеобщую мобилизацию и обязана поступить таким образом даже в случае войны с одной только Австрией [84]. Военный министр генерал Ванновский тоже заявил начальнику французского генерального штаба Буадефру: «Вы предлагаете мне в этом случае [нападения на

[82] Добророльский, стр. 102, 104 (нем. издание, стр. 21, 23). Hoeniger, 66—67.

[83] Поэтому об этом ничего не говорится в документах Каутского, но подробности приведены у Добророльского и в воспоминаниях Пурталеса (Pourtalès, Am Scheideweg, стр. 34).

[84] «Что касается России, то ей абсолютно невозможно в случае войны с Австрией произвести частичную мобилизацию. Ей необходимо будет произвести общую мобилизацию, и она это сделает». 10 августа 1892, «Livre Jaune»: «L'Alliance Franco-Russe», стр. 68.

одну только Австрию] произвести частичную мобилизацию, но это для нас совершенно невозможно, потому что войска, которые мы должны собрать в Польше, прибудут со всех концов империи и перемешаются. Но не говоря уже о технической невозможности, частичная мобилизация кроме того подвергнет нас слишком большой опасности в случае стремительного нападения со стороны Германии» [85]. Эта точка зрения сохраняла в 1914 г. такое же значение, какое она имела в 1892 г.

В силу указанных соображений русский генеральный штаб считал проект частичной мобилизации совершенно безумным. Однако, ввиду того что совет министров и царь высказались в пользу такой мобилизации, генеральный штаб поспешно стал вырабатывать план ее, втайне однако надеясь, что его не придется осуществлять [86]. Но в качестве средства более важного и лучше обеспечивающего безопасность, царя убедили одобрить проведение весьма широких мероприятий по подготовке общей мобилизации. Они указывались в чрезвычайно секретном «Положении о подготовительном к войне периоде» [87]. Эти правила должны были вступить в силу 26 июля, и Янушкевич ввел их в действие, не теряя времени, как это видно из двух секретных шифрованных телеграмм

---

[85] «Livre Jaune»: «L'Alliance Franco-Russe», стр. 73.

[86] Добророльский, стр. 102 (нем. перевод, стр. 21).

[87] Факсимиле особого постановления Совета министров, утвержденного царем 25 июля, автор получил благодаря любезности «Hoover War Library». Оно гласит:

Копия.

Доверительно

На подлинном собственной его императорского величества рукой начертано: «Согласен», в Красном Селе 12 июля 1914 г.

Скрепил председатель совета министров статс-секретарь *Горемыкин*

ОСОБЫЙ ЖУРНАЛ СОВЕТА МИНИСТРОВ

12 июля 1914 г.

О приведении в действие высочайше утвержденного 17 февраля 1913 г. Положения о подготовительном к войне периоде.

Вашему императорскому величеству благоугодно было 12 [24] сего июля высочайше утвердить особый журнал Совета министров 11 [23] июля 1914 г. по заявлению министра иностранных дел о последних выступлениях австро-венгерского правительства в отношении Сербии. Журналом этим между прочим предоставлено военному и морскому министрам по принадлежности испросить высочайшее вашего императорского величества соизволение на объявление, в зависимости от хода дела, мобилизации четырех военных округов: Киевского, Одесского, Московского и Казанского, Балтийского и Черноморского флота, а также незамедлительно ускорить пополнение запасов материальной части армии.

Ныне, в соответствии с современным оборотом дипломатических переговоров и в целях принятия всеми ведомствами потребных мер для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к границам возможных противников, совет министров признает своевременным привести в действие, начиная с (26) 13 сего июля, на всей территории империи Положение о подготовительном к войне периоде по одним перечням, уполномочил вместе с тем военного министра испрашивать высочайшего вашего императорского величества соизволения на принятие по военному ведомству тех или иных мер, означенными перечнями не предусмотренных, которые он сообразно обстоятельствам найдет необходимыми, с последующим доведением о принятых мерах до сведения совета министров.

(М. О., т. V, стр. 59).

за №№ 1566 и 1575, которые он отправил из генерального штаба еще в ночь на воскресенье 26 июля командирам военных частей в Варшавском военном округе.

«Петербург 13 [26] июля, один час ночи.

Его величество приказывает перевести все крепости округа на военное положение. Приказ приступить к работам, перечисленным в перечнях 1-м и 2-м, приложенных к «Положению о подготовительном к войне периоде», одобренному его величеством 17 февраля [2 марта] 1913 г. 1566. [подписал] Генерал-лейтенант Янушкевич» [88].

«С. Петербург. 13 [26] июля, 3 часа 26 минут утра.

Его величество приказали считать 13 [26] июля началом подготовительного к войне периода на всей территории Европейской России. В соответствии со списком 1-м и 2-м «Положения о подготовительном к войне периоде», вам надлежит принять все необходимые меры, которые должны быть проведены распоряжением окружных штабов, довольствующих управлений, корпусных командиров, комендантов крепостей, отдельных частей войск и учреждений. Положение было разослано 22 мая [4 апреля] 1913 г. за № 813. 1575. [подписал] Генерал-лейтенант Янушкевич» [89].

Что означало это загадочное положение с его перечнями 1-м и 2-м?

Одним из главных препятствий для успешного начала войны в России была относительная медленность мобилизации. Огромная территория, недостаточная железнодорожная сеть и некоторая бездеятельность местных военных властей приводили к тому, что русская мобилизационная машина в прошлом не могла работать с такой же скоростью, как германская или даже австрийская. Одна из задач, которую ставила себе реформа, проведенная Сухомлиновым, заключалась в том, чтобы по возможности устранить этот дефект. Вопрос обсуждался еще весной 1912 г. и был окончательно разрешен на секретном совещании в феврале 1913 г., состоявшемся под председательством генерала Лукомского, при участии представителей министерства внутренних дел, морского и военного министерства. На этом совещании было составлено, одобренное царем 2 марта 1913 г., весьма секретное «Положение о подготовительном к войне периоде» [90].

---

[88] Перехваченная русская телеграмма, напечатанная у Frantz; стр. 243; относительно исполнения приказа о крепостях см. выше, прим. 80, 81.

[89] Hoeniger, стр. 81; Frantz, стр. 243. Следует отметить, что эта телеграмма показывает, что подготовительные меры должны были быть проведены на всей территории Европейской России; тем самым опровергается распространенное утверждение (ср. Récouly, стр. 157 и Palécologue, I, 28), что меры подготовительного к войне периода были проведены только в Киевском, Одесском, Казанском и Московском округах.

[90] Добророльский, стр. 102 (нем. пер. 21 сл.); Sukhomlinov, стр. 343 сл.; Hoeniger, 8—12, 17—20; Frantz, стр. 22—24. Добророльский говорит об этом как о «предмобилизационном периоде», но официальный журнал — текст которого приведен выше, а также перехваченная русская телеграмма называют его «подготовительным к войне периодом». Этот приказ отдан в ночь на 26 июля для всей русской империи. Можно вообще сравнить его с австрийским «Alarmierungstag» (распоряжение о котором отдано в ночь на 26 июля для пяти из восьми корпусов, предназначенных действовать против Сербии, и для двух других—одного на румынском фронте и одного, предназначенного для защиты мостов на Дунае. «Investig. Commission», II, стр. 19, 83;

Согласно этому Положению:

«Подготовительным к войне периодом называется предшествующий открытию военных действий период дипломатических осложнений, в течение коего все ведомства должны принять необходимые меры для подготовки и обеспечения успеха мобилизации армии, флота и крепостей и сосредоточения армии к угрожаемой границе [91].

Эти подготовительные меры перечислены в так называемых перечнях № 1 и № 2. В перечне № 1 указаны меры, которые должны быть приняты немедленно по распоряжению военного министра, как только царь одобрит предложение совета министров о применении Положения о подготовительном к войне периоде. Расходы, вытекающие из этих мероприятий, должны оплачиваться из обычных средств местного управления. Согласно списку 1 в округах, расположенных на западной границе, предписывалось:

Распоряжением военного министерства (не царя).... призываются в учебные сборы запасные и ратники ополчения, причем запасные распределяются по частям пограничных корпусов, по возможности придерживаясь нарядов действующего мобилизационного расписания, а из ратников применительно к последнему формируются команды для охраны границ, путей сообщения, телеграфных линий и сооружений, имеющих военное значение... Расходы по призыву относятся на сметные ассигнования, на учебные сборы и опытные мобилизации [92].

Подробные правила, изложенные в перечне № 1, разъясняли также, что посты пограничной стражи подготовляются к мобилизации, т. е. люди снаряжаются по походному, но остаются на местах и продолжают охрану границы. [М. О, т. V, стр. 106. Мероприятия, проводимые по м-ву финансов]. Все распоряжения, касающиеся мобилизации, продвижения в район концентрации войск и охраны этого продвижения должны быть тщательным образом проверены. Войска должны получить указания относительно формы обмундирования и предполагаемого расположения неприятеля. Лошади должны быть заново подкованы. Офицеры и солдаты не должны получать новых отпусков, а находящиеся

Conrad, IV, 122; с французской «alerte» (приказ от 30 июля; Poincaré, Les Origines de la Guerre, p. 255; Recouly, p. 76; Montgelas в KSF, V, p. 1234, dec. 1927) и с германским Drohender Kriegsgefahrzustand (приказ 31 июля в 1 ч. дня; K. D., 479, 499).

[91] Цитировано у Hoeniger, p. 17 и у Frantz, стр. 189.

[92] [М. О., т. V, стр. 101: Фей ссылается на Heoniger, стр. 19; Frantz, стр. 195.] Бельгийский посланник в Петербурге писал в своем донесении от 27 марта 1914 г., что комиссия по вопросу обороны в Государственной думе утвердила без исключения все кредиты, которые испрашивало правительство, и что чрезвычайные ассигнования на военные нужды составят колоссальные суммы — 190 млн. руб. (Investigating Commission, II, стр. 98—99). Об этих «опытных мобилизациях», которые часто производились в мирное время в отдельных районах, см. Hoeniger, стр. 58—66, а также Добровольский, стр. 114: «Кроме этих «поверочных мобилизаций» существовал еще и другой вид мобилизации — «опытная мобилизация», при которой призывались запасные, и население должно было предоставлять лошадей. На это ассигновывались достаточные суммы, и этот способ представлял двойную выгоду. Мобилизации были поучительны как для войск и запасных, так и для местных властей, на которых лежала обязанность регистрации и призыва запасных и реквизиция лошадей. Как раз за два месяца до настоящей мобилизации [в июле 1914 г.] в Одесском военном округе была произведена такая опытная мобилизация 34-ой армейской бригады в Екатеринославе. Опыт показал, что нет основания беспокоиться относительно мобилизации наших полевых войск.

в отпуску или откомандированные для какой-либо надобности должны немедленно возвратиться в свои части. Лица, заподозренные в шпионаже, должны быть арестованы. Должны быть выработаны мероприятия для предупреждения вывоза лошадей, рогатого скота и зерна; деньги и ценные бумаги, находящиеся в банках, расположенных около границы, должны быть вывезены во внутренние районы. Морские суда должны вернуться в свои гавани, получить провиант и полное военное снаряжение [93].

Перечень № 2 представляет собой дальнейшую стадию подготовительных мероприятий. Согласно ему, по распоряжению военного министра производится призыв в учебные сборы нижних чинов запаса и ратников ополчения в размере, превышающем смету текущего года на учебные сборы и опытные мобилизации. В пограничных округах вместе с тем производится скупка лошадей и повозок для обоза и доставка обоза к месту назначения. Семействам военнослужащих предоставляется право выезда за счет казны из приграничной полосы внутрь империи, где не угрожает неприятель. Товарные вагоны, приспособленные к европейской железнодорожной колее (4 фута $8^1/_2$ дюймов вместо 5 футов русской колеи), не выпускаются из России, порты закрываются и минируются, а русские торговые суда, предназначенные для военных надобностей, задерживаются в портах [94].

В правилах имеется еще одно существенное, весьма растяжимое постановление: «совет министров может, кроме того, указать, какие другие дополнительные мероприятия должны быть выполнены в подготовительный к войне период» [95].

Таким образом под прикрытием «опытной мобилизации» и «подготовительного к войне периода» военный министр мог распорядиться о принятии военных мер, для которых не требовалось утверждения со стороны царя или публичного объявления мобилизации; а между тем в пограничных округах они почти ничем не отличались от мобилизации. Такая опытная мобилизация была в широких размерах проведена осенью 1912 г. у немецкой границы и вызвала решительный протест со стороны начальника германского генерального штаба Мольтке. Сазонов признал тогда этот протест основательным [96].

Весьма характерно, что Добророльский сам признает, что 25 июля война уже считалась решенной, по крайней мере в кругах военной партии и генерального штаба, и что местные власти на границе от избытка усердия или нервного возбуждения может быть пошли даже дальше, чем это допускалось указанными правилами. Вот что он пишет:

«События следующих дней [после того как Сазонов получил сообщение о вручении австрийского ультиматума] хорошо известны всем по

[93] Frantz, стр. 190—198.

[94] Frantz, стр. 190—192, 198—200. [Фей, пользующийся этим источником, допускает здесь некоторые неточности. Подлинные правила, установленные для мероприятий по перечню № 2, см. М. О. т. V, стр. 108—113. *Прим. пер.*]. Ср. Нурталес—Бетману 27 июля в 7 час. 17 мин. вечера (K. D. 274): шведский консул в Риге сообщает, что устье Двины минировано. В Риге все товарные вагоны были разгружены и предоставлены в распоряжение военного управления.

[95] Frantz, стр. 190.

[96] G. P. XXXIII, 128 — 9 прим., 316 сл.; 407 сл.; Hoeniger, стр. 25; Deutschland schuldig? стр. 141—142.

цветным книгам и документам, опубликованным европейскими правительствами. Война была уже предрешена, и весь поток телеграмм, которыми обменялись русское и германское правительства, представлял собою только инсценировку исторической драмы.

Отсрочка окончательного решения была несомненно весьма полезна в смысле подготовительных мероприятий, но это усиливало напряжение по обе стороны границы.

Установление подготовительного к войне периода не давало права проводить меры, носившие характер мобилизации. Но очевидно, что в пограничной полосе, где население и власти нервничали, они, — возможно, по собственной инициативе, — принимали для обеспечения мобилизации меры, не допускавшиеся инструкцией.

Это конечно особенно относится к германской границе, где была опасность того, что реквизиция лошадей и призыв запасных будут использованы предприимчивым соседом. В Сувалкской губернии (на границе Восточной Пруссии) действительно были случаи, когда лошадей приводили на концентрационные пункты слишком рано, и это подало германскому послу в Петербурге, графу Пурталесу, повод заявить протест нашему правительству, и в особенности через военного атташе — военному министру...

Сухомлинов самым категорическим образом отрицал принятие нами каких-либо мобилизационных мер. Но нельзя поручиться, что какие-нибудь военные власти на границе не предприняли таких мер по собственной инициативе, после того как был объявлен подготовительный к войне период. Пограничные инциденты возможны всегда — и особенно в такой момент» [97].

Возникла опасность, что русские военные власти примут такие широкие подготовительные военные меры, что Германия встревожится и ответит на это тем же, и это в результате приведет к общеевропейской войне. Действительно, как видно из документов Каутского, германский министр иностранных дел получил с утра 26 июля до вечера 30 июля 28 донесений о военных приготовлениях России, причем не менее 16 из них относились к операциям на русско-германской границе. Германский генеральный штаб и морское управление получили еще значительно больше таких донесений [98]. Несмотря на это, Германия воздерживалась от принятия соответствующих подготовительных мер (объявления так называемого «состояния угрожающей опасности войны» — «Drohender Kriegsgefahrzustand») до получения 31 июля официальных извещений о том, что Россией совершен последний шаг по части военных мероприятий и открыто объявлено

[97] Добророльский, стр. 103 (нем. перевод, стр. 21 сл.).

[98] Ср. в особенности. K. D., 216, 230, 242, 255, 264, 274—276, 291, 294, 296, 310a, 327, 330, 331, 333, 335a, 338, 339, 343, 344, 348, 349, 365, 365a. 370, 372, 375a, 390, 401, 410, 412, 422, 429, 431a, 445; «Investigating Commission», II стр. 28 сл. и примеч. 8; Eggeling, Die Russische Mobilmachung, стр. 25—28. Ср. также Богичевич, стр. 83: «28 июля вместе еще с несколькими сербскими офицерами я прибыл в Варшаву из Берлина. До германской границы не было никаких признаков военных мероприятий, но как только мы переехали германскую границу, мы заметили (в русской Польше), что в широком объеме производятся мобилизационные меры: скопление товарных вагонов на некоторых станциях, занятых военными, скопление войск в отдельных городах, перевозка войск в ночное время, мобилизационные сигналы. Когда мы 28 июля прибыли в Брест-Литовск, там уже было объявлено осадное положение».

расклеенными на улицах Петербурга афишами о всеобщей мобилизации русской армии и флота. Эти секретные «подготовительные мероприятия», которые были решены еще на заседании совета министров днем 25 июля и приказ о которых был разослан еще в ту же ночь, позволили России, когда началась война, удивить мир быстротой, с которой она могла двинуть свои войска в Восточную Пруссию и Галицию.

ДИПЛОМАТИЧЕСКИЕ ПЕРЕГОВОРЫ И ВОЕННЫЕ ПРИГОТОВЛЕНИЯ

Хотя военные власти весьма упорно противились частичной мобилизации, предполагавшейся в четырех южных округах, направленных против Австрии, но они нашли, что это весьма подходящий способ ввести немцев в заблуждение относительно секретных «подготовительных мероприятий», которые по распоряжению генерала Янушкевича от 26 июля в 3 час. 26 мин. утра [99] надлежало провести «на всей территории Европейской России» и которые осуществлялись в то время, как Сазонов вел свои дипломатические переговоры. Это не должно обязательно означать, как думают многие немцы [100], что «частичная мобилизация» была нарочно затеяна как хитрый прием, с целью обмануть немцев, или что дипломатические переговоры, которые Сазонов вел с целью мирного разрешения конфликта, представляли собой чистейшее притворство и что «война была уже предрешена», как это говорит Добророльский. Из изложенного выше почти с несомненностью вытекает, что план частичной мобилизации серьезно рассматривался Сазоновым и царем (но не генеральным штабом) как средство, пригодное для того, чтобы парализовать действия Австрии, не провоцируя Германии. А если бы это и провоцировало Германию, то Россия могла бы выждать, пока Германия объявит войну или нападет первая и таким образом будет заклеймена перед всем миром как нападающая сторона [101]. Также почти не подлежит сомнению, что между 26 и 28 июля Сазонов добросовестно вел дипломатические переговоры, питая оптимистическую надежду добиться удовлетворительного для России решения мирным путем, хотя русские военные власти этой надежды не разделяли [102]. Но Пурталес, так же как и Бьюкенен, считал даже частичную мобилизацию, направленную против Австрии, опасной [103]. Он обладал достаточно трезвым умом и понимал, что это чрезвычайно рискованное средство для оказания дипломатического давления. Он опасался, что если Россия начнет запугивать таким образом, то во всех странах усилится влияние военных партий и вопрос вскоре окажется уже вне компетенции дипломатов, так как военные будут выступать с техническими и стратегическими доводами,

---

[99] См. выше, прим. 89.

[100] Hoeniger, комментарии Эггелинга к немецкому изданию Добророльского, стр. 39—48, а также Frantz, в «Current History», март 1927, стр. 855.

[101] Ср. заявление Сухомлинова Палеологу. «Военный министр повторил, что он желает предоставить Германии инициативу нападения». Донесение Палеолога Бьенвеню-Мартену 26 июля; Bourgeois et Pagès, стр. 39.

[102] Заслуживает быть отмеченным, что Пурталес всегда отстаивал это мнение о добросовестности Сазонова. См. его замечания по поводу немецкого издания Добророльского.

[103] Об опасениях Бьюкенена свидетельствуют его депеши Грэю от 24, 25, 27 июля. (B. D., 101, 125, 170) и его же My Mission to Russia I, 192 слл.

которыми они так хорошо умеют оперировать [104]. Кроме того Пурталес получил от Бетман-Гольвега следующую телеграмму:

«После того как граф Берхтольд заявил России, что Австрия не стремится к территориальным приобретениям в Сербии, а только желает обеспечить себе спокойствие, — поддержание мира в Европе зависит всецело от России. Мы доверяем миролюбию России и нашим традиционным дружественным отношениям с ней и надеемся, что она не предпримет шагов, которые могли бы создать серьезную опасность для европейского мира» [105].

Поэтому, когда до Пурталеса стали доходить всевозможные слухи о русской подготовке к мобилизации, он счел нужным сделать в субботу вечером 26 июля дружественное, но твердое предостережение Сазонову относительно слухов, распространившихся среди иностранных военных атташе о том, что отданы приказы о мобилизации нескольких русских армейских корпусов на западной границе.

Он «обратил внимание министра на серьезную опасность, которая создается вследствие того, что эти мероприятия способны легко вызвать такие же мероприятия с другой стороны». Сазонов ответил, «что он может гарантировать, что никаких подобных приказов о мобилизации дано не было и что, наоборот, на заседании совета министров было решено отложить такой приказ, пока Австро-Венгрия не займет враждебной позиции по отношению к России. Сазонов вместе с тем признал, что приняты некоторые военные меры для того, чтобы не быть застигнутыми врасплох» [106].

Сазонов очевидно сознавал шаткость своего уверения, что объявление приказа о мобилизации «отложено до того времени, пока Австро-Венгрия не займет враждебную позицию по отношению к России». Что он имел при этом в виду — частичную или общую мобилизацию? Что означало выражение «враждебную позицию по отношению к России»: вторжение австрийских войск в Сербию или мобилизацию в Галиции на русской границе? Он должен был понимать, что вряд ли он мог успокоить германского посла признанием факта принятия «некоторых военных мер», даже если он объяснял это нежеланием быть застигнутыми врасплох. Возможно, что ему было не совсем по себе, ввиду широких «подготовительных» мероприятий, которые, как мы уже знаем, развернулись полным ходом на западной границе — как на германской, так и на австрийской. Поэтому он решил, что нужно сделать более определенное заявление и позвонил об этом военному министру. Он попросил Сухомлинова как военного человека разъяснить германскому военному атташе, что имеются в виду исключительно меры подготовительного характера к частичной мобилизации против Австрии. Поэтому в субботу поздно вечером Эггелинг был приглашен к Сухомлинову. Эггелинг следующим образом изложил содержание беседы с министром, сопроводив изложение краткими выводами:

---

[104] P o u r t a l è s, Am Scheideweg, стр. 24—26.

[105] Бетман — Пурталесу 26 июля, 1 ч. 35 м. дня; K. D., 198.

[106] Пурталес — Бетману 26 июля, 9 ч. 30 м. вечера; K. D. 230. Ср. ARB, II, 61. Германский генеральный штаб сомневался в искренности этого заверения, но телеграфировал военному атташе в Петербург, что Германия не собирается предпринимать военные меры и что он должен следить за мероприятиями России и сообщать о них (K. D., 267a).

«Сазонов просил его осветить мне военную ситуацию. Военный министр дал мне честное слово, что никакого приказа о мобилизации еще не отдавали. В настоящее время принимаются только меры подготовительного характера. Пока еще не реквизировали ни одной лошади и не призвали ни одного ратника запаса. Если Австрия перейдет сербскую границу, то военные округа, предназначенные действовать против Австрии, т.е. Киевский, Одесский, Московский и Казанский, будут мобилизованы, но мобилизация ни в коем случае не коснется округов, предназначенных действовать на германском фронте — Варшавского, Виленского и Петербургского. По его словам, здесь серьезно желают мира с Германией.

На мой вопрос о цели мобилизации против Австрии министр пожал плечами и сослался на дипломатов... У меня создалось впечатление, что он сильно нервничает и напуган. Я считаю, что желание мира было искренним. Сведения о военном положении правильны в том смысле, что действительно еще не отдан приказ о полной мобилизации, но подготовительные меры зашли весьма далеко. Очевидно, стараются выиграть время для новых переговоров и для того, чтобы продолжать вооружение. Внутреннее положение тоже несомненно вызывает большую тревогу. Общее настроение: надеются на Германию и на посредничество его величества (германского императора) [107].

Пурталес передал это двусмысленное заверение Сазонова и Сухомлинова также своему австрийскому коллеге. Сапари в свою очередь передал его в Вену со своими заключениями, которые хорошо подытоживают общее положение.

«Хотя непосредственное информирование (Сухомлиновым) германского военного атташе показывает, что Сазонов нервничает, и хотя объявление мобилизации против Австрии предполагается только в случае перехода сербской границы и, повидимому, скорее всего имеет целью оказать дипломатическое давление,—все же необходимо учесть, помимо отсутствия правдивости в делаемых здесь заявлениях, отсутствие согласованности между дипломатами и военными. Кроме того большое значение имеет желание выиграть время для мобилизации русской армии.

Характер военных приготовлений, которые в настоящее время ведутся, повидимому, специально приноровлен к психологии царя Николая: избегая регулярных военных мероприятий, к которым он относится отрицательно, в то же время стремятся достичь известной степени подготовленности» [108].

ВЫВОДЫ ОТНОСИТЕЛЬНО РУССКОЙ УГРОЗЫ

Русская опасность заключалась в том, что Сазонов естественно считал себя обязанным защищать Сербию, ввиду того что Россия раньше поощряла ее надежды и стремления. Теперь Россия не могла покинуть

[107] Сообщение Эггелинга, переданное Пурталесом — Бетману 27 июля в 1 ч. утра, K. D. 242.

[108] Сапари —Берхтольду 26 июля (передано по телеграфу 27 июля в 4 ч. 30 м. утра ARB, II, 61).

ее, не рискуя утратой престижа как своего, так и Тройственного согласия. Еще сильнее было в нем желание не дать Австрии захватить сербскую территорию и изменить status quo на Балканах. Он полагал, что австрийский ультиматум ставит себе именно эту задачу, и что австрийские войска вторгнутся в Сербию немедленно по истечении 48-часового срока. Французский посол всячески поощрял его твердо отстаивать Сербию и парализовать действия Австрии. Поэтому 24 июля, еще не выслушав германского посла, оправдывавшего Австрию и настаивавшего на «локализации», Сазонов решил поддержать в случае надобности Сербию, даже если бы это повело к войне. Он принял план «частичной мобилизации», что являлось опасным методом дипломатического давления. На совещании с Палеологом и Бьюкененом за завтраком он сказал, что, «по его личному мнению, Россия должна мобилизовать свои войска». Правда, он желал предупредить войну и внес несколько предложений, которые, как он надеялся, могли ее предупредить. Он просил Бьюкенена сделать от имени Англии заявление о солидарности Антанты, что Бьюкенен считал себя не в праве сделать. Он предложил удлинить срок ответа на австрийский ультиматум и предоставить европейским державам возможность заняться австро-сербским вопросом. Но на это предложение в Берлине ответили уклончиво, а в Вене отрицательно.

Затем 25 июля, еще до того как Австрия порвала дипломатические отношения с Сербией, Сазонов и царь пошли на уступку военной партии и дали свое согласие на принятие различных военных мер, включая сюда так называемые мероприятия «подготовительного к войне периода», что породило военные настроения среди русского офицерства и, по словам Добророльского, создало впечатление, что «война уже предрешена». С этого момента руководители армии, считавшие, что частичная мобилизация является безумием, ввиду сопряженных с ней технических и политических трудностей, стали все настойчивее добиваться общей мобилизации. Опасность заключалась в том, что Сазонов готов был согласиться с ними и присоединиться к генеральному штабу в попытках убедить царя согласиться на этот шаг, который по всей вероятности сделал бы всеобщую войну неизбежной. Даже в субботу 25 июля вечером Сазонов, хотя и не терял надежды, что дело обойдется без войны, но все же считал ее возможной и готов был прибегнуть к ней, если бы его попытка запугать посредством частичной мобилизации не удалась. Встретившись снова с Палеологом и Бьюкененом, он рассказал им о своем плане частичной мобилизации, причем Палеолог и на этот раз всячески его поощрял. Об этом мы знаем из интересной депеши Бьюкенена, которая в соответствующих частях была изменена или совсем не опубликована в документах, изданных в 1914 г.:

> Французский посол сказал, что он получил ряд телеграмм от исполняющего обязанности министра иностранных дел, что в правительстве никто не проявляет даже малейшего признака нерешительности. Он может дать формальное заверение его превосходительству [Сазонову], что Франция готова безоговорочно поддержать Россию.
>
> Поблагодарив Палеолога, Сазонов обратился к британскому послу с вопросом: «А как ваше правительство?» Бьюкенен ответил, что сэр Эдуард Грэй не считает еще положение безнадежным и что

теперь главное — выиграть время. Он повторил, что Англия вместо того, чтобы сразу заявлять себя союзником России, могла бы лучше выполнить в Берлине и Вене роль посредника, выступая в качестве друга, который, если его советами умеренности пренебрегут, может в один прекрасный день стать союзником. Сазонов ответил на это, что к несчастию Германия убеждена, что она может рассчитывать на наш (британский) нейтралитет... Он не верит, что Германия действительно хочет войны, но ее позиция определяется в зависимости от нашей. Если мы будем твердо поддерживать Францию и Россию, то войны не будет. Если мы этого не сделаем, то прольются потоки крови и в конце концов мы будем вовлечены в войну.

Французский посол заметил, что французское правительство хотело бы немедленно знать, готов ли наш флот к выполнению того задания, которое предусмотрено англо-французской морской конвенцией. Он не допускает, чтобы Англия не поддержала обоих друзей, которые действуют единодушно в этом вопросе.

[Бьюкенен призывал Сазонова к благоразумию и предостерегал его, что если Россия объявит мобилизацию, то Германия не удовлетворится одной только мобилизацией и не даст России времени провести свою мобилизацию, а по всей вероятности немедленно объявит войну. Сазонов ответил, что он не желает ускорять конфликт], но если Германия не может удержать Австрию, то в таком случае я могу считать положение безнадежным. Россия не может позволить Австрии уничтожить Сербию и занять господствующее положение на Балканах. Уверенная в поддержке Франции, она готова рисковать войной [109].

В конце этой беседы, происходившей между представителями Тройственного согласия, Сазонов высказал по адресу Англии угрозу, касавшуюся такого пункта, в котором сэр Эдуард Грэй и его советники были весьма чувствительны. «Для нас самих, — сообщал Бьюкенен в своем донесении, передавая слова Сазонова, — положение чрезвычайно опасное, и нам придется выбирать между активной поддержкой России или отказом от ее дружбы. Если мы ее теперь покинем, то мы не можем рассчитывать на дружественное сотрудничество с ней в Азии, которое для нас столь важно» [110].

Опасения Сазонова относительно Австрии отчасти объяснялись тем, что Сапари не сделал сразу заявления, которое надлежало сделать

---

[109] Бьюкенен — Грэю 25 июля, 8 ч. вечера; B. D. 125. Ср. ББК, в которой много выкинуто и где изложение изменило смысл последней фразы прибавлением слов «if she feels», так что фраза читается таким образом: «если она будет чувствовать себя уверенной в поддержке Франции, то она (Россия) не остановится перед риском войны». Из французской «Желтой книги» не видно, действительно ли Палеолог получил «ряд телеграмм», как он утверждал, но его замечания здесь и в разных других местах, а также его запрос относительно британского флота не оставляют никаких сомнений в том, что Сазонов был «уверен» в поддержке Франции. До того времени, пока не будут полностью опубликованы французские документы, мы не будем знать, в какой мере эта уверенность явилась результатом заявлений, сделанных Пуанкаре во время его визита, в какой степени Палеолог вышел за пределы своих инструкций, когда поощрял Россию и недостаточно осведомлял свое правительство, и в какой мере Сазонов преувеличивал значение заверений, данных ему Палеологом.

[110] B. D. 125.

согласно обещанию данному Тиссе[111], что Австрия не стремится ни к каким территориальным приобретениям за счет Сербии[112]. Только после того как Пурталес, а затем и Сапари[113] заверили Сазонова относительно территориальной незаинтересованности Австрии, и после того как тот к приятному изумлению увидел, что по истечении срока ультиматума не последовало немедленного нападения Австрии на Сербию, Сазонов, видимо, снова почувствовал себя легче и стал снова проявлять некоторый оптимизм. Это побудило его продолжать с 26 по 28 июля дипломатические переговоры в примирительном тоне. Но в то же время русские военные власти секретно проводили обширные подготовительные мероприятия военного порядка, которые должны были в конечном итоге облегчить как общую, так и частичную мобилизацию. Слухи об этих приготовлениях начали вызывать тревогу в Германии. Такое положение продолжалось до тех пор, пока 28 июля не получилось сообщение об объявлении Австрией войны Сербии, чем сразу был положен конец оптимизму Сазонова. Русская опасность приобрела новый роковой оборот, но, прежде чем говорить об этом, мы должны познакомиться с ответом Сербии на австрийский ультиматум и с различными предложениями, которые делались державами для мирного разрешения конфликта.

---

[111] См. выше, гл. V, прим. 104—106.

[112] Ср. ARB, II, 19, 40.

[113] Пурталес вечером 24 июля (K. D, 104, ARB, II, 19) и снова 26 июля (K. D., 198, 230) и Сапари 26 июля (K. D. 238, ARB II, 273).

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОТВЕТ СЕРБИИ

Первое сообщение о сараевском убийстве, полученное в Белграде, вызвало крайнюю тревогу в правительственных кругах. Премьер-министр Пашич сказался больным для того, чтобы спокойно обдумать создавшееся положение. Первому явившемуся к нему посетителю он сказал: «Это очень скверно. Это означает войну»[1]. Министр народного просвещения Люба Иованович «сильно перепугался», и он ни минуты не сомневался в том, что Австро-Венгрия воспользуется этим случаем для того, чтобы объявить войну Сербии[2]. О Гартвиге, русском после́ннике в Белграде, рассказывают, что он воскликнул: «Боже мой! Будем надеяться, что это был не серб»[3].

Сербское правительство сразу поняло, что ввиду антиавстрийской пропаганды в прошлом и того обстоятельства, что заговор был подготовлен в Белграде, австрийское правительство склонно будет возложить ответственность за убийство если не на само сербское правительство, то на сербских агитаторов и воспользуется этим как предлогом для войны. Поэтому сербское правительство старалось держаться как можно корректнее. Оно отменило торжества, назначенные по случаю дня св. Витта, напечатало в официальном органе суровое осуждение преступления, выразило надлежащим образом соболезнование и изъявило готовность предать в руки правосудия всех, кто окажется виновным в соучастии. Но само оно не предприняло никаких шагов для расследования происхождения заговора в Белграде. Наоборот, доктор Груич, главный секретарь сербского министерства иностранных дел, сказал 1 июля австрийскому поверенному в делах, «что до настоящего времени ничего не было предпринято и что этот вопрос не касается сербского правительства»[4].

---

[1] H. F. A r m s t r o n g, Three days in Belgrade, Foreign Affairs (New York), V, 267, январь 1927; очень интересный рассказ о том, как был вручен австрийский ультиматум и как 23—25 июля составлялся сербский ответ.

[2] См. выше, гл. II, прим. 14.

[3] G o o s, стр. 72, K. D., и 10, он не отменил партии в бридж, которую он назначил на тот же вечер. Потом его обвинили в том, что во время панихиды по убитой супружеской чете он не последовал примеру других посольств и не приспустил своего флага. Но он утверждал, что он это сделал, только флаг к несчастью свернулся, так что этого не было видно. Как раз после беседы по этому вопросу с австрийским посланником Гизлем 11 июля он скоропостижно скончался в австрийском посольстве. Это подало повод к нелепым слухам, будто его отравили. Ср. Baron Wladimir G i e s l, Zwei Jahrzehnte im nahen Orient, Berlin 1927, а также B. D., 48, 62.

[4] Гризингер — Бетману, 30 июня, 2 июля, K. D., 10, 12, и К р е к е н т о р п — Грэю, 2 июля, B. D., 27.

Правительство выжидало, желая узнать, что сумеет обнаружить Австрия и какие обвинения она предъявит.

Сербское правительство не предприняло также никаких реальных шагов, чтобы обуздать резкие нападки белградской печати на Австрию. Рассуждения белградских газет по поводу сараевского убийства содержали, по заявлению британского посланника в Вене, «выражения, почти оправдывавшие и одобрявшие это печальное покушение»[5]. Пашич заявил, что он не в силах прекратить эту провокационную полемику ввиду того, что сербская конституция гарантирует полную свободу печати и не допускает цензуры или конфискации газет[6]. Правда, нападки со стороны сербской печати отчасти были провоцированы столь же резкими и оскорбительными нападками австрийской печати. Последняя вместе с тем старательно перепечатывала выдержки из наиболее оскорбительных статей сербских газет, для того чтобы познакомить с ними Европу и настроить общественное мнение против белградского правительства. Таким образом в течение трех недель после убийства эрцгерцога между Австрией и Сербией велась ожесточенная газетная кампания, в которой обе страны поносили друг друга, взвинчивая тем самым воинственное настроение в массах по обе стороны границы; это было психологической подготовкой к войне[7].

Пропаганда, предпринятая австрийскими газетами, которые вообще имели более широкое распространение, сначала была успешнее, чем старания сербских газет воздействовать на общественное мнение в Европе, и в особенности в Англии. 16 июля лондонский «Times» осуждал «невоздержанный и провокационный тон, который, как говорят, усвоили многие сербские газеты до и после преступления, возмутившего Европу». Газета предостерегающе заметила, что «Сербия должна сама, по собственной инициативе, произвести расследование, которого, как она имеет основание предполагать, потребует от нее Австрия, и должна представить державам исчерпывающий отчет об этом расследовании». На следующий день влиятельная «Вестминстерская газета» оправдывала желание Австрии привести в ясность свои отношения с Сербией, поскольку предполагается, что преступление имеет свои корни в Белграде и связано с замыслом отторгнуть сербские провинции от двуединой монархии. От Австрии «нельзя требовать, чтобы она пребывала в бездействии. Сербия поступит умно, если признает основательность опасений своей великой соседки и сделает все, что в ее силах, чтобы устранить их, не дожидаясь, пока на нее окажут давление, способное повлечь за собой то, что граф Тисса называет «осложнениями военного характера». Такая позиция, занятая влиятельными английскими газетами, сильно поощрила надежды Австрии на то, что в случае «локализации» австро-сербского конфликта Англия будет держаться в стороне. Вместе с тем это

---

[5] Бунзен — Грэю, 4 июля, B. D., 34. Даже сербский посланник в Вене счел нужным предостеречь свое правительство, что надо умерить тон сербской печати (Иован Йованович — Пашичу, 20 июня, 1 июля, ССК, 2, 9).

[6] Пашич — сербским посольствам за границей, 14 и 19 июля, ССК, 20, 30.

[7] Ср. B. D., 29, 34, 35, 46, 55, 64, 70, 81; ССК passim. Приложение IX к австрийскому досье (ARB, II, 48) с выдержками из сербской печати; H. K a n n e r, Kaiserliche Katastrophenpolitik (Wien, 1922), стр. 309—327; и I. F. S c o t t, Five Weeks, The Surge of Public Opinion on the Eve of the Great War (N. Y., 1927), стр. 20—98.

вызывало большую тревогу в Сербии, со стороны которой последовал ряд дипломатических протестов и разного рода заявлений [8].

Под конец поведение австрийской, германской и английской прессы, а также подозрительное молчание Вены стало серьезно тревожить Пашича. Кроме того возможно, что здесь подействовало сообщение о намерениях Берхтольда, которое через графа Люцова 16 июля дошло до сведения британского правительства [9]. Сообщение это было немедленно передано британскому дипломатическому представителю в Белграде[10], и, повидимому, некоторые намеки были сделаны сербскому посланнику в Лондоне, ибо последний 17 июля телеграфировал Пашичу: «Австрийское посольство прилагает большие усилия к тому, чтобы вооружить против нас английскую печать и склонить ее к мысли, что Австрия должна преподать Сербии хороший урок... Не следует полагаться на нарочито миролюбивые заявления австро-венгерских официальных кругов, так как происходит подготовка для дипломатического нажима на Сербию, который может перейти в вооруженное нападение»[11].

Донесения, поступавшие от сербского посланника в Вене, тоже носили тревожный характер: они говорили о возбуждении общественного мнения австрийским бюро печати и о секретных шагах, которые по всей вероятности предпринимаются. «Австрии, — писал он, — надо выбирать один из двух путей: или рассматривать сараевское убийство как главный вопрос и пригласить нас содействовать обнаружению и наказанию виновных, или построить на этом обвинение против сербов, Сербии и даже против югославян вообще. Принимая во внимание все, что до сих пор подготовлялось и делалось, мне кажется, что Австрия намерена избрать последний путь. Австро-Венгрия сделает так в расчете на то, что Европа одобрит ее... и что таким образом она усилит свой престиж как внутри страны, так и за границей»[12]. Все это, повидимому, заставило белградский кабинет насторожиться и задуматься, насколько благоразумна его политика выжидания и уклонения от расследования и ареста соучастников убийства, находившихся в Сербии.

18 июля, когда британский поверенный в делах в Белграде, сославшись на статью «Times», указал, что всего благоразумнее со стороны Сербии было бы произвести расследование о заговоре, организованном на сербской территории, доктор Груич ответил ему, что по окончании следствия в Сараеве Сербия готова будет удовлетворить любые требования относительно дальнейшего расследования, поскольку они допускаются международными обычаями. Но до этого времени ей нечего делать. Затем он пытался обмануть англичан относительно осведомленности сербского правительства. «О Принципе сербское правительство ничего не

---

[8] Ср. B. D., 58, 61, 73, 80, 125, 153, 156; K. D., 55, 92. Вскоре после напечатания статьи от 16 июля, «Times» под влиянием Уикгем Стида заняла антиавстрийскую и антигерманскую позицию (ср. S t e e d, Through Thirty Years, I, 402—412). Но большая часть английской либеральной печати сохранила сочувственное отношение к Австрии и сурово относилась к Сербии, пока Австрия не объявила ей войну (ср. J. F. S c o t t, стр. 206—246; и Irène C o o p e r W i l l i s, Englands Holy War, N. Y., 1928, ч. I).

[9] См. выше, гл. V, прим. 95.

[10] B. D., 50, «Повторено Белграду».

[11] Бошкович — Пашичу, 17 июля, ССК, 27.

[12] Иованович — Пашичу, 15 июля, ССК, 25; ср. также 15—17 и 22—24.

знает», — сказал он [13]. Это было безусловно неверно, так как сербский министр народного просвещения потом признал, что он был лично знаком с Принципом и дважды беседовал с ним [14]. Это опровергается также и тем, что было сказано выше в главах, посвященных заговору и ответственности за него. К своим объяснениям Груич добавил, что если дело примет наихудший оборот и Австрия объявит войну, то Сербия не будет одинока. Россия не потерпит, чтобы Сербия подверглась беспричинному нападению, а Болгария будет иммобилизована (сдержана) Румынией.

На следующий день Пашич отправил выдержанную в таком же тоне пространную телеграмму сербским дипломатическим представителям за границей. Он жаловался на австрийскую печать, которая, как он говорил, виновата в эксцессах, допущенных в сербских газетах. Он поручил своим дипломатическим представителям заверить правительства, при которых они аккредитованы, о «желании Сербии поддерживать дружественные отношения с Австро-Венгрией» и о ее готовности, в случае надобности, «судить в наших независимых судах всех соучастников преступления, которые окажутся в Сербии, если, конечно, таковые существуют». «Но, — добавил он, — мы ни в какой мере не можем согласиться на требования, которые могли бы унизить достоинство Сербии и явились бы неприемлемыми для любой страны, уважающий себя и дорожащей своей независимостью» [15]. Вскоре после этого Пашич покинул Белград для участия в избирательной кампании. Последняя была вызвана роспуском скупщины вследствие конфликта с «Черной рукой» по вопросу о приоритете. Таким образом, когда австрийский посланник барон Гизель 23 июля днем предъявил ультиматум, Пашича не было в столице.

СОСТАВЛЕНИЕ СЕРБСКОГО ОТВЕТА

Берхтольд постарался, чтобы Сербия не могла уклониться от выполнения требования ответить не позднее, чем через 48 часов. Ни отсутствие Пашича, ни возможная отставка его кабинета не были приняты в качестве уважительного обстоятельства, дающего право на продление срока. Австрия ссылалась на то, что кабинет, уходящий в отставку, считается ответственным за ведение дел, пока не образуется новое министерство. Желая быть уверенным, что он застанет лицо, которому можно будет вручить ультиматум, и для того чтобы дать возможность поскорее

---

[13] Крекенторп — Грэю 18 июля, B. D., 80. Несколько дней спустя сербский посланник в Лондоне тоже пытался обмануть английское правительство в отношении другого заговорщика — Габриновича — и повторил ложное сообщение, которое обошло белградские газеты, будто сербское правительство считало его (Габриновича) подозрительным и опасным субъектом и желало выслать его, но когда обратилось по этому поводу к австрийским властям, то последние взяли его под свою защиту и заявляли, что он безобидный субъект (B. D., 87). Подробности, показывающие, насколько это неверно, см. у Wegerer, KSF, IV, 330—332 и V, 238—249.

[14] Люба Иованович, Кри словенства, стр. 10.

[15] Пашич — сербским дипломатическим представителям за границей 19 июля (ССК, 30). В Лондоне Бошковичу, когда он выполнял инструкции Пашича, посоветовали, чтобы Сербия проявила примирительное и умеренное отношение к требованиям Австрии (B. D., 87). В Берлине сербский уполномоченный в делах просил германское правительство употребить свое влияние для примирения Австрии с Сербией, но ему заявили, что ввиду позиции, занятой Сербией, будет вполне понятно, если Австрия примет энергичные меры (K. D., 86, 91, 95).

вызвать Пашича в Белград, Гизль еще утром 23 июля сообщил белградскому министерству иностранных дел, что между 4 и 5 часами он собирается сделать важное сообщение. В назначенный час в министерство иностранных дел явились охваченные тревогой Груич и три члена кабинета, которые случайно оставались в Белграде. Они уже отправили телефонограмму Пашичу и заказали специальный поезд для того, чтобы привезти его в столицу. Но Гизль не являлся. Он прислал вместо себя секретаря с просьбой передать, что приедет в 6 часов. Эта отсрочка была вызвана инструкцией, отправленной из Вены в последний момент ввиду сведений, поступивших из Берлина относительно срока отъезда Пуанкаре. Берхтольд желал быть вполне уверенным, что французский президент окажется уже далеко в Балтийском море, когда весть об ультиматуме сможет дойти до России. Поэтому Гизль должен был отсрочить вручение ультиматума на 1 час [16].

Наконец, в 6 часов Гизль прибыл, вручил ноту и сказал: «Если не будет дан удовлетворительный ответ по всем пунктам послезавтра в субботу, в 6 часов вечера, то я со всем посольством покину Белград». Ему сказали, что трудно ответить на такое важное заявление в столь короткий срок, особенно ввиду отсутствия некоторых членов кабинета. На это Гизль заявил, что в наш век железных дорог, телеграфа и телефона в такой маленькой стране, как Сербия, на это потребуется всего лишь несколько часов и что он уже утром указывал на желательность возвращения Пашича. Затем Гизль, не вступая ни в какие дальнейшие разговоры, отбыл, оставив смущенных министров изучать ноту, которая еще лежала непрочитанной на столе [17].

Сербские министры приступили к изучению рокового документа. По мере того как они знакомились с его тоном и содержанием, их волнение все более возрастало. Никто не решался заговорить первым. Наконец Люба Иованович поднялся и сказал: «Ну, что же, остается только воевать!» [18] Очевидно, что о выступлении Гизля необходимо было в первую очередь сообщить сербским дипломатическим представителям в других странах и заявить, что «предъявленные требования носят такой характер,что сербское правительство не в состоянии принять их целиком» [19]. Представители иностранных держав в Белграде тоже были немедленно поставлены в известность. К России обратились по телеграфу со специальным призывом о помощи [20] и, как мы уже видели, Сазонов и Палеолог получили это сообщение на следующий день рано утром, прежде чем они успели выспаться после утомительных франко-русских торжеств. За этим последовала трогательная просьба сербского принца-регента, обращенная к царю: «Мы не в состоянии защитить себя и просим ваше величество как можно скорее притти нам на помощь. Благоволение, которое ваше величество так часто проявляли к нам и которое мы так высоко ценим, внушает нам твердую веру, что и на этот раз наш призыв

---

[16] Инструкции Берхтольда Гизлю, 21 и 23 июля; ARB, I, 36, 62, 63; см. также K. D., 110, 112, 127; и гл. V, прим. 75 и 76.

[17] Гизль — Берхтольду, 23 июля; ARB, 64, 65, 67 и H. F. Armstrong, op. cit., стр. 268—272.

[18] Armstrong, стр. 272.

[19] Пашич сербским дипломатическим представителям за границей, 23 июля, ССК, 33.

[20] Русский уполномоченный в делах в Белграде — Сазонову, 23 июля, РОК, 1, 2.

к вашему благородному славянскому сердцу не останется без отклика»[21]. Он обратился также с просьбой к итальянскому королю, чтобы тот использовал дружеские отношения и уговорил своего австрийского союзника продлить срок ультиматума и умерить требования[22].

Тем временем члены кабинета, принимавшие участие в избирательной кампании, были спешно вызваны в столицу. Пашич прибыл через несколько часов, в 5 часов утра в пятницу 24 июля. В 10 часов началось продолжительное тягостное совещание, но никакого решения относительно ответа принято не было. Вечером министры собрались снова. В субботу утром состоялось еще одно заседание, так как надо было дать какой-нибудь ответ к 6 часам вечера. Пашич посетил черногорского и греческого посланников. Первый горячо заверил его, что Черногория пойдет рука об руку с Сербией, но греческий посланник не мог с уверенностью сказать, какую позицию займет его правительство. Премьера Венизелоса не было в Афинах, но он на следующее утро протелефонировал из Мюнхена в Берлин, что если Болгария воспользуется австро-сербским конфликтом и нападет на Сербию, то Греция выступит против такого вмешательства Болгарии[23]. Но гораздо важнее было вопрос о том, какую позицию займут державы Тройственного согласия.

К несчастью для Сербии эти три великие державы в тот момент не были представлены в Белграде своими посланниками. Энергичный русский посланник Гартвиг, горячий поборник Сербии, скоропостижно скончался за несколько дней до этого, во время беседы с Гизлем, а его преемник еще не прибыл. Британского посланника тоже не было в Белграде, г. де Грас находился в пути из Лондона в сербскую столицу. Французский посланник заболел нервным расстройством и не показывался; его преемник, г. Бопп, только что прибыл из Константинополя и еще не вошел в курс дел. Официальные представители держав Антанты могли только информировать свои правительства о неприемлемых требованиях Австрии и выжидать дальнейших инструкций. Последние поступали медленно — так медленно, что они по всей вероятности уже не могли оказать существенного влияния на решение Сербии.

Сазонов имел беседу с сербскими посланником в пятницу около 7 часов вечера и, как говорят, «советовал Сербии проявить в своем ответе максимальную умеренность»[24]. Но в сообщении сербского посланника об этой беседе о таком совете ничего не говорится. Наоборот, когда он вышел от Сазонова, он встретил германского посла и сказал ему, что тот «вскоре убедится, что это вопрос, касающийся не только Сербии и Австрии, но вопрос общеевропейский»[25]. Несколько позднее вечером Са-

---

[21] ССК, 376; РОК, 6.

[22] B. D., 96.

[23] Гизль — Берхтольду, 24 июля; ARB, II, 3, 4; русский уполномоченный в делах в Берлине — Сазонову, 25 июля, «Красный архив», т. I, стр. 166. (М. О., т. V, стр. 10).

[24] «Shilling's Diary», 31, М. О., т. V, стр. 46.

[25] Сполайкович — Пашичу 24 июля, ССК, 36. Если Сполайкович или Сазонов, в то время как составлялся сербский ответ, посылали в Белград другие депеши, в которых давались советы быть умеренными или обещали поддержку России, то таковые не опубликованы. Но сербский посланник в Вене засвидетельствовал, что между Белградом и Петербургом происходил деятельный обмен телеграммами и что, по его мнению, ответ сербского правительства будет зависеть от результатов этой корреспонденции. (Бунзен — Грэю, 24 июля, 1 ч. 30 м. дня, B. D., 93).

зонов телеграфировал своему представителю в Белграде, что если сербы чувствуют себя беспомощными перед вторжением Австрии, то им лучше всего не оказывать сопротивления, а отступить без боя и обратиться к державам с просьбой о защите[26]. Но, как утверждают, все советы Сазонова были получены в Белграде уже после того, как ответ Сербии был вручен Гизлю 25 июля в 6 часов вечера[27].

Сэр Эдуард Грэй телеграфировал в пятницу в 9 час. 30 мин. вечера, что «Сербия, конечно, должна выразить сожаление о том, что некоторые чиновники, хотя и второстепенного ранга, могли участвовать в убийстве эрцгерцога, и обещать, если это будет доказано, дать полное удовлетворение». В остальном же советовал «ответить, как того требуют интересы Сербии»; а чтобы предупредить военные действия со стороны Австрии— «дать благоприятный ответ в указанный срок на возможно большее количество пунктов и не отвечать Австрии категорическим отказом». Намекая на необходимость сохранить солидарность Антанты, он добавлял: «Посоветуйтесь с вашими русскими и французскими коллегами относительно передачи этого сообщения сербскому правительству. Сербский посланник здесь (в Лондоне) умоляет нас как-нибудь выявить нашу точку зрения, но я не могу взять на себя ответственность за что-либо большее, чем вышесказанное, и не хотел бы делать заявления, не зная, что говорят в Белграде русское и французское правительства»[28]. Этот совет тоже был получен слишком поздно, чтобы существенно воздействовать на белградский кабинет. Крекенторп ответил на следующий день в 12 час. 30 мин. дня, что его коллеги все еще не получили инструкций; ввиду этого и предполагавшегося примирительного ответа со стороны Сербии, с которым Груич его уже познакомил в общих чертах, он воздержался от передачи сербскому правительству совета Грэя[29].

Бертело, директор политического департамента во французском министерстве иностранных дел, сказал 24 июля сербскому посланнику в Париже, что Сербии надо «постараться выиграть время»; она должна предложить дать удовлетворение по всем пунктам, не нарушающим ее достоинства и суверенитета, и потребовать более подробной информации по остальным пунктам. Но главное, сербы должны постараться избежать непосредственного наказания Австрии, заявив, что они готовы передать дело на третейское разбирательство европейских держав[30]. Неизвестно, был ли получен этот совет в Белграде достаточно своевременно, чтобы повлиять на ответ Сербии. Но это возможно, так как сербский ответ в основном выдержан в том тоне, который рекомендовал Бертело.

Во всяком случае, скорее Пашичу и его коллегам, чем кому-либо из великих держав, следует поставить в заслугу то, что Сербия так умно вышла из затруднительного положения. Они составили ответ, который

---

[26] Телеграмма 1487, 24 июля: «S h i l l i n g's Diary», стр. 33, 86 [М. О., т. V, стр. 41]. См. также B. D., 125 и B. D., 221, цит. в предыдущей главе, прим. 45.

[27] S e t o n - W a t s o n, стр. 257, прим.; ср. также донесение Крекенторпа Грэю, 25 июля, 12 ч. 30 м. дня: «Мой русский коллега и французский посланник... еще не получили инструкций» (B. D., 111).

[28] B. D., 102.

[29] Крекенторп — Грэю, 25 июля, 12 ч. 30 м. дня P. M.; B. D., 111, 114.

[30] Циркулярная депеша Бьенвеню-Мартэна от 24 июля; ФЖК, 26; ср. также ARB, II, 11.

не только вызвал одобрение и сочувствие у всех держав, за исключением Австрии, но привел в восхищение даже человека, написавшего австрийский ультиматум. Музулин назвал их ответ «самым блестящим образцом дипломатического искусства, какой я когда-либо знал»[31].

Они сразу решили, что «ни одно сербское правительство не сможет принять целиком требований Австрии»[32].

Отсюда они делали вывод, что Австрия будет считать всякий ответ, который они могут дать, неудовлетворительным и объявит войну. Поэтому они намерены были «апеллировать к правительствам дружественных держав и просить их защитить независимость Сербии. Если война неизбежна, то Сербия пойдет на нее»[33]. Так как Австрия очевидно намерена была отвергнуть всякий ответ, который не даст удовлетворения по всем пунктам, то они могли выдержать свой ответ в весьма примирительном тоне, сделать вид, что уступают по многим пунктам, и даже предложить передать вопрос на рассмотрение гаагского трибунала. Ответ, выдержанный в таком тоне, мог обеспечить сочувствие и защиту со стороны держав и поставить Австрию в невыгодное положение, если она им не удовлетворится. Но ответ этот заключал в себе уступку больше по форме, чем по содержанию, и весьма характерно, что за 2 или 3 часа до вручения его Гизлю в указанный срок, сербское правительство уже отдало приказ о всеобщей мобилизации сербской армии[34]. Оно немедленно начало делать столь усиленные приготовления в целях обороны и для перевозки правительственного архива, казначейства и учреждений из Белграда в глубь страны[35], что германский посланник был введен этим в заблуждение и в пятницу в 11 час. 50 мин. вечера телеграфировал своему правительству: «Мобилизация уже идет полным ходом»[36].

Этот приказ о мобилизации, изданный до вручения примирительного ответа, который рассматривался скорее как дипломатический жест, чем как серьезная попытка удовлетворить Австрию, представлял еще другую выгоду: ненависть Сербии в отношении Австрии была до такой степени взвинчена газетной кампанией и сербские офицеры, принадлежавшие к группе «Черной руки», так рвались к войне и до такой степени были готовы свергнуть министерство Пашича, что если бы он ответил в примирительном тоне и согласился на унизительные уступки, то правительству мог угрожать военный бунт. Еще до предъявления ультиматума сербские власти указывали на опасность, проистекающую от национального возбуждения, господствующего в их стране[37], и германский посланник в своих донесениях писал, что положение Пашича «весьма трудное ввиду предстоящих выборов и агитации, которая ведется по

[31] M u s u l i n, Das Haus am Ballplatz, стр. 241. Берхтольд в своем донесении Францу-Иосифу 28 июля говорит о «весьма умно составленном ответе сербского правительства, который однако по содержанию своему ровно ничего не стоит, хотя и уступчив по форме».

[32] Пашич — сербским дипломатическим представителям за границей, 23 июля; ССК, 33.

[33] Пашич — Сполайковичу, 24 июля; ССК, 34.

[34] По сообщению Гизля, 25 июля в 3 ч. дня, ARB, II, 23.

[35] Ср. Гизль — Берхтольду, 25 июля, в 1 ч. дня; ARB, 22 и A r m s t r o n g, стр. 272 сл.

[36] K. D. Австрийский начальник генерального штаба тоже получил в пятницу поздно ночью сообщение от офицера, находившегося у границы, что в Сербии, в Шабаце, в 4 ч. дня 24 июля объявлена мобилизация (C o n r a d, IV, 109).

[37] ФЖК, 19; B. D., 27, 40.

всей стране. Всякая уступка соседней монархии будет поставлена ему в вину объединенной оппозицией как проявление слабости. К этому присоединяется еще то обстоятельство, что военные круги, ослепленные манией величия и шовинизмом, вынуждают его к резкостям, которые ему совершенно несвойственны»[38]. После того как стало известно содержание ультиматума, эти моменты приобрели еще большее значение. «Военные категорически настаивают на отклонении ноты и на войне». «В случае объявления приказа по армии, на опубликовании которого в официальном органе армии настаивала Австрия, опасаются военного восстания»[39]. То обстоятельство, что подготовка к войне и объявление мобилизации были произведены прежде, чем стало известно, что правительство согласилось на удовлетворение некоторых австрийских требований, успокоило офицеров и предотвратило вышеуказанную опасность.

Основные пункты сербского ответа были выработаны на продолжительном заседании кабинета министров в субботу утром. Представителям дружественных держав заблаговременно было сообщено краткое содержание ответа и было указано, что ответ будет составлен в самых примирительных выражениях и по возможности постарается удовлетворить требованиям Австрии[40]. Самый текст ответа написан в основном Стояном Протичем, министром внутренних дел, но каждая фраза его подвергалась многократному обсуждению, в котором участвовали и другие министры, и до последнего момента в предложенный текст вносились поправки. В окончательной редакции ответ был передан Груичу для перевода его на французский язык и для перепечатания его на пишущей машинке. Рукопись оказалась до такой степени испещренной пометками и поправками, что только человек, участвовавший в составлении этого документа, мог разобрать их смысл. В то время, когда Груич диктовал перевод, единственный машинист, остававшийся на работе, упал в обморок, так что конец текста был переписан от руки секретарем. Он был передан Пашичу, который отправился около 6 часов вечера, чтобы лично передать его австрийскому посланнику[41].

СУЩНОСТЬ СЕРБСКОГО ОТВЕТА

Ответ Сербии был примирительным более по форме, чем по содержанию. Желая это показать, австрийское правительство отложило его опубликование, чтобы снабдить его своими комментариями и напечатать их рядом с сербским ответом. Оно хотело продемонстрировать, что уступки по многим пунктам сопровождаются оговорками и условиями, фактически лишающими их всякого значения в смысле гарантии безопасности на будущее, что ответ не представляет собою полного согласия удовлетворить требования Австрии. Но австрийское правительство не сумело опубликовать это комментированное издание сербского ответа до 28 июля, а это уже было поздно и не могло произвести в Европе того

[38] Гизингер — Бетману, 21 июля; K. D., 137.
[39] Гизингер — Бетману, 24 июля; K. D., 158, 159.
[40] Крекенторп — Грэю, 25 июля, 12 ч. 30 м. дня, B. D., 114.
[41] Armstrong, цит. соч., стр. 273—275; у Армстронга воспроизведено факсимиле части сербского ответа и других интересных сербских документов, относящихся к июльскому кризису, «Current History», октябрь, 1927.

впечатления, на которое рассчитывали [42]. Тем временем Сербия опубликовала свой ответ, и еще до того — его краткое изложение, и они произвели ожидаемое выгодное впечатление [43].

Мы даем ниже параллельно краткое изложение сербского ответа и австрийских комментариев. Последние приведены в скобках.

Сербское правительство заявляло, что оно «убеждено, что его ответ устранит всякое недоразумение, угрожающее испортить добрососедские отношения между обеими странами», и уверяло, что со времени декларации 1909 г. ни с его стороны, ни со стороны его органов не было сделано никакой попытки, имевшей целью изменить политическое и юридическое положение вещей, созданное в Боснии и Герцеговине.

[Это было попыткой исказить доводы Австрии, так как ультиматум не утверждал, что сербское правительство или его официальные органы предпринимали что-либо для того, чтобы изменить положение, созданное в 1909 г.; обвинение, предъявленное Австрией относилось к тому, что сербское правительство не озаботилось принятием мер для подавления движения, направленного против Австрии, и таким образом не выполнило своего обещания установить дружеские и добрососедские отношения.]

Сербия заявляла, что на сербское правительство «не может быть возложена ответственность за манифестации частного характера, каковыми являются статьи в газетах и мирная работа обществ... Оно изъявляет готовность предать суду всякого сербского подданного, невзирая на его положение и ранг, в соучастии которого в сараевском преступлении ему были бы представлены доказательства». В частности оно обязывается * опубликовать на первой странице официального органа заявление, осуждающее всякую пропаганду, «которая окажется направленной» против Австро-Венгрии, и выражающее сожаление, что «согласно сообщению императорского и королевского правительства» некоторые сербские офицеры и чиновники участвовали в вышеупомянутой пропаганде. [Изменив формулировку против той, которой требовала Австрия, посредством включения слов, взятых выше в кавычки, сербское правительство как бы заявляло, что такой пропаганды не существует или что ему о ней неизвестно; это было неискренне.]

Переходя далее к десяти требованиям Австрии, сербское правительство принимало на себя следующие обязательства:

1. «Внести при первом же нормальном созыве скупщины в закон о печати постановление, согласно которому возбуждение ненависти и презрения к Австро-венгерской монархии будет караться самым суровым образом, а также внести предложение о пересмотре конституции, которое предоставило бы возможность конфискации газет. [Это не могло

---

[42] Берхтольд в течение более двух суток не сообщал даже Германии об ответе Сербии. Из Берлина тщетно телеграфировали по этому поводу 26 июля (K. D., 226) и еще раз 27 июля (K. D., 246): «Пожалуйста, сообщите немедленно по телеграфу текст сербского ответа». Наконец 28 июля в 1 ч. 45 м. утра (K. D., 280), Чиршки телеграфировал, что он настоятельно потребовал текст ответа, но получил его только сейчас в печатном виде с австрийскими примечаниями; так как этот ответ уже был напечатан в газетах и представлял собой обширный документ, то он воздержался от передачи его по телеграфу.

[43] B. D., 114, 115, 171; K. D., 271, 293. Французский текст ответа сербского правительства и русский перевод см. в M. O., т. V, стр. 85—92 *(прим. пер.)*.

* У Фея—«согласно» (agtee), во французском тексте сказано «s'engage» *(прим. пер.)*.

удовлетворить, так как не обеспечивало определенного результата в определенный срок: а если бы законопроекты были отвергнуты скупщиной, то все осталось бы по-прежнему.]

2. «Закрыть «Народну Одбрану» и всякое другое общество, которое стало бы действовать против Австро-Венгрии», хотя сербское правительство и не имеет доказательств,—ибо и Австрия таковых не представила, — что члены этих обществ совершили преступные деяния. [Австрия не могла допустить оговорки, сделанной по последнему пункту: к тому же Сербия не изъявила согласия подчиниться другому требованию Австрии — о конфискации средств пропаганды, принадлежащих этим обществам, и о недопущении восстановления этих обществ под другими наименованиями.]

3. «Безотлагательно устранить из народного образования Сербии все, что служит или могло бы служить к распространению пропаганды против Австро-Венгрии, как только будут приведены тому фактические доказательства». [Сербия требует доказательств, тогда как ей известно, что школьные учебники содержат недопустимые вещи и что многие преподаватели состоят членами «Народной Одбраны».]

4. Удалить с военной службы всех лиц, кои по судебному расследованию окажутся виновными в деяниях, направленных против Австро-Венгрии, после того как эта последняя сообщит соответствующие сведения. [Таким образом увольнению подлежали только офицеры, изобличенные судебным расследованием в преступлениях, наказуемых законом. Но Австрия требовала увольнения офицеров, которые вели пропаганду, что составляло действие, по законам Сербии не наказуемое.]

5. Что касается требования допустить в Сербии сотрудничество представителей Австрии в деле подавления революционной пропаганды, сербское правительство «не уясняет себе вполне значения и объема этого требования... но готово допустить такое сотрудничество постольку, поскольку оно согласуется с принципами международного права, уголовного судопроизводства и добрососедскими отношениями». [Эта оговорка уклончива и рассчитана на то, чтобы создать непреодолимые трудности при установлении соглашения.]

6. Сербское правительство считает своим долгом возбудить следствие против всех лиц, которые замешаны или могут оказаться замешанными в заговоре; но, «что касается участия в этом следствии агентов Австро-Венгрии, то такой постановки дела оно допустить не может, так как это было бы нарушением конституции и уголовного судопроизводства». [Сербия неправильно истолковала ясно выраженное австрийское требование, которое включало две различные вещи: 1) возбуждение следствия (enquête judiciaire), в котором конечно Австрия не претендовала на сотрудничество, и 2) содействие Австрии в предварительном полицейском дознании (recherches), в подборе и проверке свидетельских показаний, чему существуют бесчисленные прецеденты.]

7. Сербское правительство арестовало Танкосича в тот же вечер, как был вручен ультиматум, но не было в состоянии арестовать Цигановича. [Префект полиции в Белграде устроил отъезд Цигановича, а затем заявил, что в Белграде не проживает человек с таким именем.][44]

[44] О причастности Сербии к внезапному исчезновению Цигановича см. выше, гл. III, прим. 44—45 и 55—58.

8. Сербское правительство примет меры для предупреждения контрабандной доставки оружия и взрывчатых веществ через границу и сурово покарает чиновников пограничной службы, которые допустили переход через границу сараевских убийц.

9. Сербское правительство охотно даст объяснения по поводу заявлений, сделанных в интервью его должностными лицами в Сербии и за границей, которые были враждебны Австрии; это будет сделано, как только Австрия укажет соответствующие места и докажет, что эти заявления действительно были сделаны. [Интервью, о которых идет речь, должны были быть хорошо известны сербскому правительству; требование уточнений и доказательств свидетельствует о нежелании серьезно подчиниться этому требованию.]

10. Сербское правительство уведомит Австрию о выполнении вышеуказанных мероприятий, по мере того как они будут проводиться в жизнь.

Если Австрия не удовлетворена этим ответом, сербское правительство «готово, как всегда, пойти на мирное соглашение путем передачи этого вопроса на решение или Гаагского международного трибунала, или великих держав, участвовавших в выработке декларации, сделанной сербским правительством 31 марта 1909 г.»[45].

Хотя некоторые из австрийских примечаний носят мелочный характер, но все же они показывают, что совершенно неверно часто встречающееся утверждение, будто Сербия по существу уступила Австрии по всем пунктам, кроме одного. Пункты 1, 2 и 3 были приняты в значительной части, а пункты 8 и 10 — полностью. Но на пункты 4, 5 и 9 ответ дан уклончиво или с весьма серьезными оговорками. Пункт 7 содержал утверждение относительно Цигановича, которое было неверно. Пункт 6 касался привлечения австрийских чиновников к производимым в Сербии розыскам сербских соучастников заговора. (В судебном следствии и в судебном разбирательстве австрийские чиновники не должны были участвовать.) В этом требовании, несмотря на его чрезвычайную важность, было отказано, — потому ли, что Пашич и его коллеги, сознательно или непреднамеренно, неправильно его поняли, или потому, что оно, казалось, нарушает суверенитет Сербии, или потому, что они боялись нежелательных разоблачений относительно соучастия «Черной руки» и других сербских организаций. Могло также выясниться, что сербское правительство знало о заговоре и не сумело его предупредить.

В общем однако впечатление, произведенное на современников сербским ответом, было благоприятно. В британском министерстве иностранных дел сэр Эйр Кроу заметил: «Ответ благоразумен. Если Австрия требует безоговорочного принятия своего ультиматума, это может значить лишь то, что она желает войны»[46]. Германский император, прочтя его утром 28 июля, сделал надпись в конце: «Блестящее достижение за 48 часов. Это больше, чем можно было бы ожидать. Огромный моральный успех для Вены; но вместе с тем отпадает всякое основание для войны, и Гизль мог бы спокойно остаться в Белграде. После такого ответа я бы никогда не издал приказа о мобилизации. — W»[47].

[45] ССК., 39, ARB, II, 96; B. D., приложение B.

[46] Пометка на ответе Сербии, 28 июля; B. D., 171.

[47] K. D., 271. См. также его письма Ягову и Мольтке (K. D., 293), цит. ниже гл. IX, прим. 56.

Тем не менее Гизль был в праве, на основании своей инструкции, отвергнуть этот ответ как неудовлетворительный. С другой стороны, невозможно согласиться с доводами, которые приводят иногда австрийцы, что непринятие сербского ответа оправдывалось тем, что он не давал Австрии достаточных гарантий безопасности; в своем ультиматуме Австрия стремилась главным образом не к получению гарантий, а к тому, чтобы оправдать свое стремление ослабить Сербию путем вовлечения ее в войну и тем положить конец великосербской опасности.

РАЗРЫВ ДИПЛОМАТИЧЕСКИХ СНОШЕНИЙ МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И СЕРБИЕЙ

Срок для ответа истекал в субботу 25 июля в 6 часов вечера. За несколько минут до 6 часов Пашич прибыл в австрийское посольство и вручил сербский ответ. Гизль сказал, что ему надо сопоставить его с полученными инструкциями, и тогда он даст немедленно ответ. Так как он знал, что Сербия уже отдала распоряжение о мобилизации, то он не ожидал, что ответ будет вполне удовлетворителен и по всей вероятности написал свой ответ, не прочитав ответа Сербии. Теперь он поспешно пробежал его, чтобы удостовериться, что Сербия не уступила по всем пунктам и что он может, следуя желаниям Берхтольда, отклонить его как неудовлетворительный и прервать дипломатические отношения. Едва Пашич успел вернуться к себе в министерство иностранных дел, как получил ноту от Гизля: так как срок для ответа «истек и я не получил удовлетворительного ответа, то я имею честь сообщить вашему превосходительству, что покидаю сегодня ночью Белград вместе с членами императорского посольства и что с того момента, как это письмо будет вручено вашему превосходительству, разрыв дипломатических отношений между Сербией и Австро-Венгрией станет совершившимся фактом»[48]. Гизль так торопился, что и он и все чины посольства смогли поспеть на поезд, отходивший из Белграда в 6 час. 30 мин. Несомненно он побил рекорд по разрыву дипломатических сношений.

Для того чтобы частичная мобилизация в Австрии могла быть предпринята как можно скорее после разрыва дипломатических сношений, Берхтольд принял тщательные меры к тому, чтобы получить сообщение Гизля с максимальной быстротой. Гизль должен был выехать из Белграда в 6 час. 30 мин. вечера и прибыть в Землин, по ту сторону границы, в 6 час. 40 мин. Отсюда он должен был по железнодорожному телефону сообщить Тиссе в Будапешт с тем, чтобы Тисса немедленно переслал это сообщение в Вену[49]. Сам Берхтольд отправился в Ишль, чтобы присутствовать на обеде, который император Франц-Иосиф давал герцогу и герцогине Кумберлендским. Около полудня он получил спешную телеграмму от русского поверенного в делах, настаивавшего на продлении срока ответа на том основании, что державы были захвачены врасплох и еще не имели возможности ознакомиться с досье по сараевскому делу, которое Австрия обещала им представить. Но Берхтольд ответил, что он не может продлить срок. Однако он добавил, что и после разрыва дипломатических отношений с Сербией может быть достигнуто мирное соглаше-

[48] Гизль — Пашичу, 25 июля; ССК, 40.
[49] Берхтольд — Гизлю, 24 июля, 1 ч. 30 м. дня; ARB, II, 1.

ние, если Сербия полностью примет требования Австрии. Но в таком случае Австрия рассчитывает получить от Сербии возмещение расходов, вызванных военными приготовлениями[50]. Было очевидно, что он с уверенностью рассчитывает на то, что после разрыва дипломатических сношений с Сербией против нее будут приняты военные меры.

Вечером Берхтольд сидел в кабинете императора в Ишле и с нетерпением ждал известий. Наконец он не выдержал и вышел прогуляться. В четверть восьмого позвонил телефон. Граф Кинский получил в Вене сообщение и повторил его по телефону в Ишль.

«Посланник Гизль телефонировал из Землина в Будапешт: В 6 часов без 2 минут была вручена ответная нота; так как она оказалась по некоторым пунктам неудовлетворительной, то барон Гизль прервал отношения и выехал.

В 3 часа дня в Сербии отдано распоряжение о всеобщей мобилизации. Правительство и дипломатический корпус отправились в Крагуевац» [51].

Барон Маргутти записал полученное сообщение на клочке бумаги и поспешил с ним к Францу-Иосифу. Старик взял дрожащими руками лист, опустился в кресло и пробормотал сдавленным голосом: «Also doch» (значит все-таки), словно он надеялся, что в последний момент удастся еще избежать разрыва. Затем на время уставившись на бумагу, углубившись в раздумье, он заметил вполголоса, как бы про себя: «Что же, разрыв дипломатических сношений еще не означает войны»[52].

Тем временем Берхтольд спешно был вызван и заперся с императором. Тисса, Конрад и австрийский посланник в Берлине убеждали императора, что Австрия должна немедленно объявить мобилизацию против Сербии, так как всякое промедление или колебание было бы сочтено за слабость и увеличило бы вероятность русского вмешательства [53]. Пользуясь этими аргументами, Берхтольду нетрудно было убедить престарелого императора в необходимости дать приказ о немедленной частичной мобилизации, имеющей в виду войну лишь против Сербии и Черногории. Согласие кайзера было получено начальником штаба в 9 час. 53 мин. вечера и немедленно приведено в исполнение: 27 июля последовал приказ, а 28 июля было первым днем настоящей мобилизации [54].

Задача австрийского штаба была чрезвычайно трудна. Если бы война предстояла только с Сербией и Черногорией, положение было бы просто. Было высчитано, что мобилизации примерно половины австрийской армии— 8 армейских корпусов в составе 20 пехотных дивизий — достаточно для обеспечения сравнительно быстрой победы над 12 сербскими и 4 черногорскими пехотными дивизиями. Но если бы в войну вступила Россия раньше Сербии, одновременно с нею или после нее, то очень важно было, чтобы Австрия бросила возможно большее количество войск на северо-восток, на главный галицийский театр войны, оставляя только минимальное

[50] ARB, II, 27—30.

[51] ARB, II, 26. По словам Пашича (ССК, 41), сербский ответ был вручен Гизлю в 7 ч. 45 м., а не без 2 минут 6 часов.

[52] Margutti, стр. 404.

[53] ARB, II, 21, 22, 32; Conrad, IV, 109 сл.

[54] Conrad, Cod, IV, 122.

количество на балканском театре. Судьба Сербии решалась бы исходом борьбы с Россией; кроме того Германия желала, чтобы Австрия выставила против России возможно большее количество войск для ослабления русского нажима на восточную Германию, пока главная масса германской армии будет пытаться раздавить на западе Францию.

Конрад и Берхтольд не были уверены, вмешается Россия или нет. Они надеялись, конечно, что она не вмешается и что война с Сербией будет «локализована». Очень многое свидетельствует о такой их надежде. Хотя они не думали останавливаться перед опасностью выступления России[55]. Чтобы быть по возможности готовыми как в случае, если бы Австрии предстояло бороться с Сербией без России, так и в обратном случае, Конрад разработал план мобилизации, который делил австрийские силы на четыре группы: 1) небольшая балканская группа, состоящая из трех австрийских корпусов: XV и XVI в Боснии и Герцеговине и XIII в Аграме; 2) группа из восьми армейских корпусов для использования против России и, в случае необходимости — против Румынии; она состояла из корпусов, расположенных: I—в Кракове, X—в Перемышле, XI — в Лемберге, XII — в Германштадте — все близ северо-восточной границы; II — в Вене, V — в Прессбурге, VI — в Кашау и XIV — в Инсбруке; 3) промежуточная группа из четырех армейских корпусов: IV — в Будапеште, VII — в Темешваре, VIII — в Праге и IX — в Лейтмеритце, которая могла быть использована и против Сербии и против России; в случае войны с одной только Сербией, эта группа была бы двинута к Дунаю для нападения на Белград и Сербию с севера, в то время как первая группа атаковала бы с запада; но если бы Россия объявила войну раньше, чем эта группа была бы занята на Дунае, ее можно было бы перебросить на север, на галицийский фронт; 4) III армейский корпус в Граце, который надлежало держать в резерве и можно было использовать как против Сербии, так и против России. Такая стратегическая система позволяла мобилизовать половину австрийской армии без мобилизации каких-либо войск близ русской границы, чтобы по возможности не давать России повода для тревоги. Согласно этому плану восемь армейских корпусов, в отношении которых Конрад вечером 25 июля дал приказ о мобилизации, были корпуса, включенные в указанные выше 1-ю, 2-ю и 4-ю— балканскую, промежуточную и резервную — группы [56].

Ввиду того что Австрия и Сербия порвали дипломатические отношения и проводили мобилизацию друг против друга, великие державы начали выдвигать различные предложения для сохранения мира.

---

[55] Conrad, IV, 110—124, 266 сл.

[56] Conrad, IV, 122 сл., 266 сл. R. Kiszling, «Die österreichisch-ungarische Kriegsvorbereitungen und die Mobilisierungsmassnahmen gegen Russland 1914», в KSF, IV, 365—377, июнь 1926; дневник генерала F. Demus-Morau, там же, IV, 549—552, август 1926.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

ПРЕДЛОЖЕНИЯ, НАПРАВЛЕННЫЕ К СОХРАНЕНИЮ МИРА

Всюду считали, что сараевское убийство чрезвычайно обострит и без того напряженные отношения между Австрией и Сербией. Поэтому все великие державы выступили с предложениями, направленными к тому, чтобы предупредить вооруженный конфликт между обеими, находившимися в состоянии крайнего возбуждения странами. В случае, если бы конфликт все-таки возник, имелось в виду по крайней мере воспрепятствовать общеевропейскому пожару. Некоторые из этих предложений, как например предложение Грэя относительно непосредственных переговоров между Австрией и Россией, германский план «локализации» и предложения Пуанкаре и Сазонова о задержке предъявления австрийского ультиматума, — были сделаны еще до опубликования требований, поставленных Берхтольдом Сербии. После того как стало известно содержание австрийского ультиматума, в особенности после того как были прерваны дипломатические отношения между Сербией и Австрией и в обеих странах началась мобилизация, — предложения, направленные на сохранение мира, посыпались в особенном изобилии. Иногда они шли параллельно, а иногда сталкивались друг с другом. Часто они носили весьма запутанный характер, и повидимому даже сами авторы не всегда в достаточной мере уясняли себе их смысл. Так например Грэй в июле 1914 г. и даже потом, когда он писал свои мемуары, недостаточно уяснял себе, сколь велика была разница посредничества между Австрией и Россией и посредничества между Австрией и Сербией.

Сазонов тоже разнервничался и за короткое время выступил с таким количеством предложений, что они сбивали с толку. Он предлагал задержать предъявление австрийского ультиматума [1], удлинить срок для ответа [2], побудить Сербию обратиться к великим державам [3], побудить Англию и Италию совместно с Австрией принять меры к прекращению конфликта [4], побудить Австрию изменить ее ультиматум, даже после того как он был предъявлен и Сербия на него ответила [5], рекомендовать державам создать нечто вроде неформального международного контроля над Сербией в целях предупреждения в будущем заговоров против Австрии [6],

---

[1] См. выше, гл. VI, прим. 24—27.

[2] Оранжевая книга, 4, 5; Shillings Diary 33, 40. «Кр. архив», т. I, стр. 164, М. О т. V, стр. 42 (телеграмма Сазонова от 24/VII № 1488). B. D. 117, 118; ARB., II, 27—30.

[3] См. выше, гл. VI, прим. 45; и B. D., 125, 221.

[4] B. D., 170.

[5] См. ниже, «Непосредственные переговоры», прим. 84—87.

[6] B. D., 198, 203.

и наконец он предлагал, чтобы Англия удержала Австрию и Германию недвусмысленным заявлением о своей солидарности с Францией и Россией[7]. Неудивительно, что в британском министерстве иностранных дел сэр Артур Никольсон жаловался 26 июля: «Это сбивает с толку: за три дня Сазонов сделал два предложения и подал один совет, причем все они совершенно разные... Действительно нельзя понять, чего хочет Сазонов, и я сегодня днем сказал это графу Бенкендорфу» [8].

Пока Германия не ознакомилась с содержанием написанного в примирительном духе ответа Сербии и серьезно не осознала, что Россия не будет сидеть сложа руки, она целую неделю настаивала главным образом на локализации конфликта. Но это было совершенно неприемлемо для России и Франции, а потому и для Англии. Сэр Артур Никольсон писал по этому поводу Бьюкенену: «Разговор о локализации войны означает, что все державы должны спокойно стоять и глядеть, пока Австрия будет душить Сербию. По-моему, это весьма нелепо, чтобы не сказать — несправедливо» [9]. Италия, смущенная своими обязательствами по отношению к обеим группам держав и потому особенно желавшая предупредить европейскую войну, надеялась, что она сумеет действовать в этом направлении вместе с Англией. 27 и 28 июля она сделала превосходное предложение: если державы посоветуют, то Сербия даже после разрыва дипломатических сношений 25 июля согласится, пожалуй, принять австрийские требования целиком. Тогда Австрия будет удовлетворена; Сербия же спасет свое лицо тем, что она уступит Европе, а не одной только Австрии; тогда уже державы сумеют детально разработать порядок исполнения Сербией австрийских требований. Это предложение казалось сербскому посланнику в Риме в основном приемлемым. Но, в конце концов, из этого ничего не вышло, главным образом потому, что державы Тройственного согласия не отнеслись к нему серьезно и оно было заслонено другими их предложениями. Кроме того Австрия вскоре осложнила положение тем, что объявила войну Сербии [10].

Обозревать все эти многочисленные предложения, сделанные в июле 1914 г. в целях сохранения мира, было бы утомительно и бесцельно. Но будет полезно вкратце рассмотреть здесь некоторые из предложений, сделанных до 28 июля; мы возьмем те из них, которые имели особое значение или, казалось, обладали наибольшими шансами на успех, а также те, сущность которых часто недостаточно понимали. Сюда мы относим различные предложения Грэя и так называемые «непосредственные объяснения» между Веной и Петербургом.

РЕШАЮЩАЯ ПОЗИЦИЯ АНГЛИИ

В большинстве мирных предложений решающая роль в создавшейся ситуации отводилась Англии. Делалось это по разным причинам. Англия была непосредственно менее заинтересована в балканских делах, чем

---

[7] B. D., 101, 125.

[8] «Minute», B. D., 179.

[9] 28 июля; B, D., 239, и «Minute», B. D., 249. См. ниже, гл. IX.

[10] B. D., 202, 231, 276, 328; ФЖК, 72; K. D., 249, 357, 432; D i r r, стр. 152 сл,; анонимная статья [французского посла в Риме Барера?] «L'Italie et les Responsabilités Austro-Allemandes de la Guerre» в «Revue des deux Mondes», 1 октября. 1927; M. M o r h a r d t, Les Preuves (Paris, 1924), стр. 249—274.

другие великие державы, и Грэй неоднократно повторял, что австро-сербский конфликт по существу его не интересует; он говорил, что занимается этим вопросом только ради поддержания европейского мира, за который он сильно опасается. Так же как и во время балканских войн, его считали теперь человеком наиболее беспристрастным и наиболее пригодным для того, чтобы созвать международную конференцию или найти какие-нибудь другие средства для предупреждения конфликта между двумя группами великих держав. К тому же Англия формально не состояла в союзе ни с одной из групп. Наконец учитывалось то, что благодаря своему флоту она по всей вероятности в состоянии оказать решающее давление как на франко-русскую, так и на австро-германскую и итальянскую политику, в зависимости от той позиции, которую она пожелает занять. Поэтому Россия и Франция умоляли Грэя спасти мир путем энергичного заявления Германии что, если война разразится, то Англия их поддержит. Германия в свою очередь умоляла его сохранить мир путем оказания давления на Россию с тем, чтобы та сохранила спокойствие.

Но Грэй в этот начальный период кризиса не хотел энергично предостеречь Германию, потому что в английском министерстве не было единодушия по вопросу о возможном вмешательстве Англии. Грэй не мог выступить с угрозой, которую потом он не в силах был бы осуществить. Он боялся сказать что-нибудь, что могло бы побудить Францию и Россию ввязаться в войну в расчете на поддержку, которую британский кабинет и парламент возможно потом не пожелали бы оказать им, если бы дело действительно дошло до войны. Только постепенно стал он уступать настояниям России и Франции — настояниям, которые поддерживались его собственными секретарями Кроу и Никольсоном, и стал делать предостерегающие намеки Германии, сначала в виде заявлений относительно британского флота, а потом в более ясных выражениях — германскому послу. Но с другой стороны, он не хотел сдерживать Россию, опасаясь, что это может нарушить солидарность Тройственного согласия, вызвать недоразумения и пожалуй повредить англо-русскому соглашению относительно Среднего Востока.

В начале лета 1914 г., еще до сараевской трагедии и даже в течение нескольких дней, непосредственно следовавших за ней, внимание англичан было устремлено больше на Ирландию, чем на Балканы. Вечно причинявший беспокойство ирландский вопрос угрожал принять трагический оборот: Ольстер вооружался и открыто бросил вызов правительству Асквита, показывая, что ему не страшна армия Джона Френча. Ирландские националисты-добровольцы тоже начали вооружаться, и казалось, что Ирландия стоит уже на пороге гражданской войны.

Вряд ли кто-либо в Англии понимал, какую серьезную угрозу представляло для Европы убийство двух людей, совершенное в далекой Боснии. Только несколько человек в министерстве иностранных дел начали испытывать опасения — Никольсон и Кроу, внимательно следившие за европейской континентальной политикой, пожалуй еще Грэй; затем еще те, кто отвечал за безопасность Британской империи, как лорд Хольден в военном министерстве и Уинстон Черчилль в морском министерстве. Лорд Хольден создал небольшую постоянную армию, которую можно было немедленно переправить через Ламанш, и был теперь занят организацией более внушительной территориальной армии для защиты самой Англии. Уинстон Черчилль собрал на маневры в Портсмуте то, что он

несколько горделиво, но правильно называл «величайшим скоплением морских сил, какое когда-либо видела история». Сам король присутствовал на маневрах и инспектировал все суда. Утром 19 июля весь флот двинулся в море для производства разного рода упражнений. Более шести часов потребовалось этой армаде для того, чтобы под звуки музыки пройти со скоростью 15 узлов в час перед имперской яхтой. Все корабли были разукрашены флагами, на палубах толпились матросы и офицеры, а над кораблями беспрерывно реяли аэропланы и гидропланы. Но по всей вероятности и монарх и министры, присутствовавшие на маневрах, думали главным образом не столько об импозантном зрелище британского могущества, которое развертывалось перед их глазами, и не о тягостной удушливой политической атмосфере, создавшейся на континенте, а о дикой, отвратительной трагической распре в Ирландии, которая угрожала разделить британскую нацию на два враждебных лагеря. «Корабли один за другим исчезали на горизонте; они уходили в гораздо более длительное плавание, чем кто-либо из нас думал» [11].

Помимо того что время и внимание Грэя в ту пору были в значительной мере поглощены парламентскими делами и обострившимся положением в Ирландии, имелся еще целый ряд других причин, почему он сначала не особенно тревожился за европейский мир. Несмотря на постоянные трения, вызывавшиеся морской политикой Германии, его отношения с ней как раз в то время были в общем лучше, чем несколькими месяцами раньше. Договоры относительно Багдадской железной дороги и португальских колоний были уже окончательно выработаны и парафированы. Они ожидали только окончательного подписания, которое откладывалось ввиду того, что Германии нужно было закончить еще кое-какие переговоры с Турцией относительно железной дороги; кроме того Грэй желал опубликовать секретную англо-португальско-германскую декларацию 1899 г. одновременно с новым германским договором, тогда как Германия хотела, чтобы это опубликование было отложено [12]. Грэй надеялся, что подписание обоих этих документов устранит два давних повода для конфликта и значительно разрядит политическую атмосферу между Германией и Англией.

Другим счастливым предзнаменованием установления более сердечных отношений между Англией и Германией было посещение британским флотом Киля. Хотя оно к несчастью было прервано трагическими известиями из Сараева, но все же этот кильский визит, по словам британского военного атташе, представлял крупный успех, тем более, что он не носил политического характера. Немецкие моряки были искренно рады своим гостям и жаждали сделать ответный визит Англии, так как им до смерти надоело пребывание в Гельголанде, где протекала их однообразная морская служба. Для англичан явилось неожиданностью, что они потерпели поражение в футболе и других видах спорта, в которых, как они всегда полагали, им принадлежало неоспоримое первенство. Между офицерами и матросами обеих сторон установились прекрасные товарищеские отношения, а комментарии печати носили менее резкий и раздражающий характер, чем обычно.

[11] Churchill, The World Crisis (London, 1923), стр. 190 сл.

[12] G. P., XXXVII, 96 сл.; 452 сл.; Grey, I, 293 прим.; Gooch, Camb. History of Brit. Foreign Policy, III, 477—81, B. D. стр. X.

Вместе с тем тревога и подозрения, возникшие в Германии вследствие того, что «просочились» слухи о секретных переговорах относительно англо-русской морской конвенции (она имела целью укрепить солидарность Тройственного согласия и дать удовлетворение России и Франции за заключение Англией соглашения с Германией относительно Багдадской железной дороги и португальских колоний), повидимому, были несколько ослаблены, если не совсем рассеяны заявлением, сделанным Грэем в парламенте, где он отрицал наличие такого соглашения. Лихновский заверил Грэя, что его заявление в парламенте «было встречено с большим удовлетворением в Берлине и подействовало успокаивающе». Он сказал ему также, что Бетман надеется, что если на Балканах возникнут новые осложнения, то Германия и Англия обсудят их с такой же искренностью, как и во время последнего балканского кризиса [14]. Грэй в сердечном тоне выразил свое согласие, так что, когда Лихновский уезжал на маневры в Киль, а потом в отпуск на 10 дней, который он собирался провести в Германии, то казалось, что между обеими странами установились необыкновенно хорошие отношения. Грэй верил, что он сумеет успешно выдержать основную линию своей внешней политики: установление более интимных отношений с Францией и Россией в целях защиты против Германии, и смягчение поводов для конфликта с Германией. Одновременно он стремился к сохранению мира в Европе путем предупреждения конфликтов между обеими системами союзов по каким-нибудь возникающим вопросам.

Нередко утверждали, что в 1914 г. можно было избежать войны, если бы державы собрались на конференцию и обсудили на ней австро-сербскую ссору. Это вполне вероятно. Так как никто из ответственных государственных деятелей не желал европейской войны, то возможно и даже вероятно,что на конференции нашли бы какой-нибудь выход из этого наиболее тяжелого балканского конфликта, как нашли его во время кризисов, вызванных балканскими войнами. Но надо заметить, что конференция, которую Грэй предлагал в 1914 г., должна была происходить при участии четырех держав: Англии, Франции, Германии и Италии, тогда как конференция, успешно предотвратившая общеевропейский пожар во время балканских войн, происходила при участии шести великих держав, так как на ней были представлены кроме того еще Россия и Австрия.

Писатели из лагеря Антанты обыкновенно утверждают, что Грэй сделал все, что было в его силах, для созыва конференции, но что Германия воспротивилась и поэтому на нее падает ответственность за мировую войну. Такое же впечатление старается создать Грэй в своих мемуарах. Он посвящает вопросу о конференции почти целую главу. По его словам, Сазонов был готов «допустить созыв конференции, если бы Австрия на это согласилась. Франция и Италия готовы были со своей стороны оказать содействие. Германия, вопреки моим опасениям, не возражала, но, согласившись в принципе, фактически помешала созыву — ... Они (Бетман,

[13] Донесение капитана Гендерсона от 3 июля, B. D., 7.

[14] Грэй — Гошену; 24 июля, B. D., 4, Грэй, I, 293. Ср. также заявление, сделанное неделей раньше Яговым Гошену, что он настолько доверяет «лойяльности и прямоте» Грэя, что «теперь он совершенно спокоен»; G r e y, I, 283. По поводу германской тревоги из-за переговоров об англо-русской морской конвенции см. G. P., XXXIX, 591 сл.

фон-Ягов) наложили «вето» на единственный способ мирного разрешения конфликта, причем, насколько мне известно, даже не снеслись по этому вопросу с Австрией... Я помню хорошо, что когда Германия не допустила конференции, мне хотелось заявить, что я больше ничего сделать не могу, и что если будет война, то ответственность за это падает на Германию» [15]. Но такое объяснение страдает чрезмерной упрощенностью и совершенно неправильно. Грэй умалчивает здесь о всех злоключениях, на которые наталкивалась идея конференции по его собственной вине; он не говорит также о возражениях и сомнениях, с которыми ее встретили в России и во Франции, так же как в Германии и в Австрии. Сам он тоже в сущности не отстаивал твердо какого-нибудь вполне ясного и определенного предложения созыва конференции, а, руководимый искренним желанием что-нибудь сделать и предотвратить европейскую войну, выступил с целым рядом предложений. Прежде чем приступить к их подробному рассмотрению, отметим вкратце некоторые из них:

Во-первых, первоначальное предложение «непосредственных переговоров» между Веной и Петербургом, на которое наложил свое «вето» президент Пуанкаре. Непосредственные переговоры между Австрией и Россией с 26 по 28 июля, которые Грэй и Никольсон считали «лучшим методом» и которые, по мнению русского и германского правительств, заслуживали предпочтения перед конференцией, происходили уже не по предложению Грэя, а по инициативе германского посла в Петербурге.

Во-вторых, предложение посредничества между Австрией и Россией четырех непосредственно менее заинтересованных держав, «в принципе принятое» Германией, но отвергнутое Россией и Францией.

В-третьих, предложение относительно посредничества между Австрией и Сербией на конференции послов, сделанное под влиянием России и Поля Камбона, сначала отвергнутое Германией и Австрией, но потом в измененной форме bona fide (добросовестно) принятое Германией, но не Австрией.

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГРЭЯ ОТНОСИТЕЛЬНО «НЕПОСРЕДСТВЕННЫХ ПЕРЕГОВОРОВ» МЕЖДУ ВЕНОЙ И ПЕТЕРБУРГОМ

Во время перерывов в ирландской смуте Грэй имел беседу с князем Лихновским 9, 15 и 20 июля [16]. Германский посол настаивал, чтобы Англия повлияла сдерживающим образом на Россию, но Грэй стал осторожнее и склонен был больше считаться с русской точкой зрения. Он сказал Лихновскому, что все будет зависеть от того, какие меры пожелает принять Австрия. «Если в результате австрийских военных мероприятий в России возникнет крайнее возбуждение, то он не в состоянии будет сдерживать русскую политику. Ввиду раздражения, которое в настоящее время существует по отношению к Англии [17], ему приходится до известной

[15] Grey, I, 308, 311.

[16] B. D., 41, 68; K. D., 30, 52. 92.

[17] Это раздражение возникло вследствие недовольства Англии агрессивным поведением русских консулов в Персии и недовольства России англо-персидским соглашением о нефти, заключенном в 1913 г., по которому британское морское ведомство обеспечивало себе монополию нефти у Персидского залива в нейтральной зоне. Монополия эта была оценена в 200 млн. долларов и должна была обеспечить топливом новейшие и самые крупные суда английского флота, которые Уинстон Черчилль как раз перед тем решил снабдить

степени считаться с впечатлительностью России» [18]. Он осторожно указал, что «чем благоразумнее будет Австрия в своих требованиях и чем убедительнее она будет их доказывать, тем больше будет шансов уладить дело». К этому он добавил, что ему «ненавистна мысль о войне между великими державами и что было бы отвратительно, если бы какая-нибудь из держав оказалась вовлеченной в войну с Сербией» [19].

Лихновский пессимистически смотрел на намерения собственного правительства, но оптимистически оценивал попытки Грэя, направленные на сохранение мира, и его уверенность, что «мирное решение будет найдено». На выраженную Лихновским надежду, что России и Англии удастся убедить Сербию согласиться на справедливые требования, Грэй ответил, что «все будет зависеть от формы требуемого удовлетворения... Он (Грэй) надеется, что конфликт может быть улажен и локализован, так как мысль о войне между великими державами должна быть при всех обстоятельствах отвергнута» [20].

Тем временем полемика между австрийской и сербской печатью приняла еще более ожесточенные и опасные формы, а с Балкан поступали все более тревожные вести [21]. Официальные сообщения, полученные Грэем из Вены, основывались на конфиденциальной информации, исходившей от графа Лютцова, бывшего австрийского посла в Риме, находившегося в приятельских отношениях с графом Берхтольдом. Лютцов предсказывал чрезвычайно резкий ультиматум [22]. Из Парижа Грэй получил вырезки написанных в воинственном духе статей из «Matin» и «Temps». Последний напечатал ряд шовинистических статей своего русского корреспондента, в которых указывалось на значительный рост военной мощи России и на ее готовность к войне с Германией [23]. Из Петербурга Бьюкенен в довольно определенных выражениях сообщал о заявлении Сазонова, что «всякого рода ультиматум, предъявленный Австрией в Белграде, не может оставить Россию равнодушной, и она может оказаться вынужденной принять из предосторожности некоторые военные меры» [24].

Констатируя это падение политического барометра, указывавшего на приближение бури, Грэй счел нужным выступить с осторожным предложением в целях сохранения мира. Он не склонен был исполнить желание Лихновского и оказать давление на Россию, так как знал, что это вызовет недовольство, как у России, так и у Франции. Вместе с тем он не хотел исполнить желание России и оказать давление на Австрию [25], опасаясь, что это в одинаковой мере вызовет недовольство в Вене и Берлине [26]. Поэтому Грэй выбрал более осторожный средний путь. Он посоветовал в конфиденциальном порядке Бьюкенену предложить то, что впоследствии

дизелями. Ср. Churchill, стр. 129—135; B. D., стр. X. Устранение этого раздражения и закрепление солидарности Тройственного согласия было одной из целей, которые ставил себе президент Пуанкаре в своей поездке в Россию (Ср. Poincaré, Les Origines de la Guerre, стр. 201 сл.; B. D., 49, 75, 164, 318).

[18] Лихновский — Бетману, 15 июля; K. D., 52.

[19] Грэй — Румбольду, 20 июля; B. D., 68.

[20] Лихновский — Бетману, 20 июля; K. D., 92.

[21] B. D., 43, 45, 53, 55, 61, 62.

[22] B. D., 50, 55, 56; см. выше, гл. V, прим. 95.

[23] B. D., 52, 56.

[24] Бьюкенен — Грэю, 18 июля; B. D., 60.

[25] B. D., 39, 60.

[26] Ср. «Minutes» B. D., 76.

получило наименование «непосредственных объяснений» между Веной и Петербургом.

«Возможно, что сербское правительство допустило оплошность и на судебном процессе в Сараеве выяснится, что убийство эрцгерцога было организовано на сербской территории. Если требования Австрии по отношению к Сербии будут держаться в разумных границах и если Австрия сумеет привести убедительные доводы в защиту их, то я надеюсь, что будет сделано все возможное для того, чтобы предупредить нарушение мира; было бы чрезвычайно желательно, чтобы Австрия и Россия совместно обсудили положение, если оно осложнится. Вы могли бы поговорить в этом смысле, если по обстоятельствам дела это окажется нужным» [27].

Несколько дней спустя Грэй более подробно развил свою мысль о непосредственных переговорах русскому послу в Лондоне и Бьюкенену, причем первому она повидимому пришлась не по вкусу.

«Я говорил сегодня графу Бенкендорфу по поводу опасения, которое я испытываю относительно Австрии и Сербии... Я сказал, что было бы весьма желательно, чтобы русское правительство вступило в непосредственные переговоры с австрийским ... Граф Бенкендорф указывал на трудности дружественных переговоров с Веной; в настоящее время они не имеют никаких шансов на успех.

Я сказал, что́ я сделал бы на месте Сазонова. Сазонов мог бы вызвать к себе австрийского посла в Петербурге, сослаться на сообщения в печати, что Австрия собирается предъявить требования Сербии; указать, как сильны сербофильские настроения в России и какую непреодолимую мощь эти настроения смогут приобрести в случае кризиса; затем он должен предложить австрийскому правительству довериться России и сообщить ей совершенно точно размеры и характер своих претензий по отношению к Сербии, а также указать, какие требования оно считает необходимым предъявить. Тогда русское правительство сумело бы ввести австрийские требования в разумные рамки.

Я сказал также, что я говорил мистеру де-Грезу, который в конце этой недели отправился в Белград в качестве нашего посланника, что нам незачем решительно становиться на ту или другую сторону в этом вопросе, и что его позиция в Белграде должна зависеть от того, что́ предъявят австрийцы. Если они докажут, что заговор с целью убийства эрцгерцога Франца-Фердинанда был подготовлен и организован на сербской территории и что у Австрии имеются реальные основания для жалоб на Сербию, то он может настаивать в Белграде, чтобы сербское правительство дало Австрии максимум гарантий того, что подобные заговоры не будут впредь затеваться в Сербии» [28].

Предложение Грэя было превосходно, но оно вызвало решительное осуждение со стороны президента Пуанкаре, когда Бьюкенен выступил с ним во время визита президента в Петербурге.

[27] Грэй — Бьюкенену, 20 июля; B. D., 67.

[28] B. D., 79. Относительно предложений Грэя австрийскому послу о «непосредственных переговорах» см. B. D., 86; и ARB I, 59.

«Его превосходительство (президент Пуанкаре) выразил мнение, что беседа à deux (вдвоем) между Австрией и Россией была бы в настоящий момент весьма опасна; повидимому он склоняется к тому, чтобы Франция и Англия своими советами умеряюще воздействовали на Вену» [29].

«Весьма опасны» переговоры Австрии и России в целях дружественного и мирного разрешения австро-сербского конфликта. Поневоле протираешь глаза и спрашиваешь себя, действительно ли так написано? В каком смысле «весьма опасны»? Во всяком случае не для мира в Европе. Но может быть для политики Пуанкаре, которому нужно было, чтобы Тройственное согласие стояло единым фронтом против Германии и Австрии, не шло ни на какие мирные соглашения ни с одной из них и готовилось к тому, чтобы нанести им дипломатическое поражение или навязать войну с превосходными силами союзников? В течение двух лет он всячески старался укреплять Тройственное согласие и предупреждать сепаратные соглашения кого-либо из членов Антанты с Германией или с Австрией. Он отверг попытки Рене добиться примирения путем предоставления более широкой автономии Эльзас-Лотарингии [30]. Когда Крозье, французский посол в Вене, пытался установить лучшие отношения между Австрией, Россией и Францией и допустить котировку австрийских ценных бумаг на парижской бирже, то Пуанкаре воспрепятствовал этому, а потом отозвал Крозье и заменил его Дюменом, человеком менее способным, но зато более покорным орудием его политики. В своих мемуарах он старается дискредитировать Крозье, высмеивая его «олимпийские мысли», «смутные предположения», которые он принимал за идеи, «туманные бредни» [31]. По словам Извольского, Пуанкаре также ставил себе в заслугу, что помешал успеху миссии Хольдена и англо-германским переговорам о морском соглашении [32]. Во время балканских войн он не хотел, чтобы Сазонов вступал в сепаратные переговоры, не согласовав предварительно своей политики с двумя остальными членами Тройственного согласия.

В телеграммах Пуанкаре, относящихся к тому времени, и в его позднейших мемуарах постоянно повторяется желание, чтобы державы Тройственного согласия договаривались между собой о линии поведения, прежде чем кто-нибудь из них вступит в переговоры с Германией или Австрией [33]. Поэтому и во время более серьезного конфликта, разразившегося в июле 1914 г., он оставался верен политике, которую вел с тех пор, как в январе 1912 г. стал министром иностранных дел; он считал, что «переговоры à deux, между Австрией и Россией, весьма опасны».

После того как Пуанкаре самым решительным образом высказался против непосредственных переговоров, возможно, что Бьюкенен уже не

[29] Бьюкенен — Грэю, 22 июля; B. D., 76 (пропущено в английской «Белой книге»). Poincaré (IV, 252) только упоминает об этом в нескольких фразах и приводит неправильную ссылку в подстрочном примечании.

[30] Bourgeois et Pagès, стр. 343 сл.; Poincaré, I, 125 сл., 138 сл. и опровержение, которое он вынужден был напечатать в «Revue des deux Mondes», 15 февраля 1926, стр. 885 сл.

[31] Ср. Poincaré, I, 238—274; Ph. Crozier, L'Autriche et l'avant-guerre in «La Revue de France», с 1 апреля по 1 июня 1921.

[32] Извольский — Сазонову, 5 декабря 1912. Материалы по истории франко-русских отношений, стр. 309; L. N., I, 365; Stieve, II, 377; ср. также Poincaré, I, 165 сл.

[33] См. выше, т. I, гл. IV и V.

говорил об этом с Сазоновым. В приведенной выше телеграмме Грэю, он об этом не упоминает, а продолжает следующим образом:

«Я говорил также с министром иностранных дел, с которым встретился позже. Его превосходительство сказал, что если Австрия сумеет доказать, что заговор был организован в Сербии, то не будет никаких возражений против предъявления ею требований сербскому правительству произвести судебное следствие. Он полагает, что Сербия будет готова это сделать. Однако он думает, что трем правительствам (России, Франции и Англии) следовало бы посоветовать Вене соблюдать умеренность. Это должно быть сделано в самом дружественном тоне и не должно носить характера коллективного выступления. Он просил меня телеграфировать вам в этом смысле и сказал, что будет говорить на эту тему сегодня с президентом республики» [34].

Эти телеграммы Бьюкенена показывают, что Пуанкаре и Сазонов одинаково хотели, чтобы Франция и Англия оказали давление на Австрию, т. е. хотели заставить ее отказаться от своих планов по приказанию Тройственного согласия. И действительно еще до отъезда президента Пуанкаре из России Сазонов сказал Бьюкенену, что русский посол в Вене получил инструкцию договориться с французским и британским коллегами «относительно того, чтобы дружески посоветовать соблюдать умеренность». Сазонов выразил надежду, что Грэй даст такие же инструкции. Однако секретари британского министерства иностранных дел не одобрили этого совета, и Грэй решил воздержаться от всяких шагов до следующего дня [35]. На следующее утро ему сообщили текст ультиматума, который был предъявлен в Белграде накануне. Ввиду того что Англия не поддержала сразу плана Пуанкаре и Сазонова и ультиматум был уже предъявлен, французский и русский послы в Вене не выполнили преподанных им инструкций относительно намечавшегося предостережения Австрии со стороны держав Тройственного согласия [36].

Таким образом первое мирное предложение Эдуарда Грэя относительно «непосредственных переговоров» между Веной и Петербургом потерпело неудачу вследствие решительного осуждения со стороны Пуанкаре и желания заменить его выступлением Тройственного согласия в Вене в целях оказания давления. «Непосредственные переговоры», на которые Сазонов согласился позднее, с 25 по 28 июля, когда Пуанкаре покинул Россию и уже не оказывал непосредственного влияния на русского министра иностранных дел, были начаты не по инициативе Грэя, а по инициативе германского посла в Петербурге [37].

ПРЕДЛОЖЕНИЕ ГРЕЯ О ПОСРЕДНИЧЕСТВЕ МЕЖДУ АВСТРИЕЙ И РОССИЕЙ

В пятницу утром 24 июля граф Менсдорф явился на Даунингстрит (английское министерство иностранных дел), чтобы сообщить содержание

[34] Бьюкенен — Грэю, 22 июля; B. D., 76.
[35] Бьюкенен — Грэю, 23 июля и «Minutes», B. D., 84; о подробностях этого неудавшегося шага см. выше, гл. VI и прим. 24—27.
[36] Буньен — Грэю, 24 июля, B. D., 97.
[37] См. ниже прим. 80—83.

ноты, предъявленной Сербии, и изложить мотивы, вызвавшие ее. Сообщение Грэя об этой беседе показывает, какую тревогу он испытывал за европейский мир.

«Я выразил чрезвычайное сожаление, что при таком положении установлен твердый срок для ответа, и притом столь короткий срок, и сказал, что нота представляется мне самым грозным документом, с каким когда-либо одно государство обращалось к другому независимому государству...

Но я сделал эти замечания не для того, чтобы обсуждать по существу спор между Австро-Венгрией и Сербией, — он нас не касается. Я интересуюсь этим вопросом исключительно с точки зрения сохранения европейского мира, и за него я испытываю большие опасения.

Я должен подождать, пока выскажутся другие державы, и нам надо будет вместе с ними обсудить, что можно сделать для того, чтобы устранить создавшиеся затруднения» [38].

Этот день был для Грэя полон хлопот и тревог. Конференция в Букингемском дворце только что сорвалась, не придя ни к какому решению по ирландскому вопросу. Днем должно было состояться заседание кабинета по этому вопросу, а тут еще в добавление ко всему явился Менсдорф со своим ультиматумом. Грэю нужно было переговорить с Камбоном и князем Лихновским, и он, разумеется, в первую очередь обратился к французскому послу. Грэй предложил ему проект посредничества между Австрией и Россией четырех непосредственно менее заинтересованных держав — Германии и Италии как представительниц Тройственного союза и Англии и Франции — со стороны Тройственного согласия. Камбону не понравилась эта идея, так как она могла потребовать от Франции умеряющего воздействия на ее союзницу. Камбон предпочитал посредничество между Австрией и Сербией, которое по всей вероятности привело бы к тому, чтобы Австрия взяла обратно некоторые из своих требований и пошла на дипломатическое поражение. Как тонко старался Камбон убедить Грэя заменить посредничество между Австрией и России посредничеством между Австрий и Сербией, видно из телеграммы Грэя британскому послу в Париже.

«Я сказал Камбону, что сегодня днем я собираюсь встретиться с германским послом, который несколько дней тому назад частным образом просил меня оказать умеряющее воздействие на Петербург. Я намерен сказать послу, что конечно, если бы предъявление ультиматума Сербии не вызвало трений между Австрией и Россией, то нам незачем было бы заниматься им, но если Россия взглянет на австрийский ультиматум так, как, по-моему, должна взглянуть всякая держава, заинтересованная в Сербии, то я при данной формулировке ультиматума буду совершенно не в силах оказать какое-нибудь умеряющее влияние. Я хочу сказать, что я вижу только одну возможность посредничества или умеряющего действия, а именно, чтобы Германия, Франция, Италия и мы как державы, непосредственно менее заинтересо-

[38] Грэй — британским послам в Европе, 24 июля 1 час. 30 мин. дня; B. D., 91; Подтверждено Менсдорфом Грэю 24 июля, 2 час. 50 мин. дня; ARB, II, 14.

ванные в Сербии, совместно действовали в интересах мира одновременно в Вене и в Петербурге.

Камбон сказал, что если посредничество четырех держав имеет шансы на успех, то несомненно его правительство с радостью примет в этом участие. Но вместе с тем он указал, что мы ничего не можем сказать в Петербурге, пока Россия не выразит какого-нибудь мнения или не предпримет каких-нибудь действий. Но через два дня Австрия вторгнется в Сербию, потому что Сербия ни в коем случае не может принять австрийские требования. Россия под давлением своего общественного мнения должна будет выступить, как только Австрия нападет на Сербию, и после этого будет уже поздно прибегать к какому-нибудь посредничеству.

Я сказал, что я не имел в виду говорить что-либо в Петербурге, прежде чем выяснится, что между Австрией и Россией должны возникнуть трения. Я полагал, что если Австрия вторгнется в Сербию, и Россия вследствие этого объявит мобилизацию, то четыре державы смогут побудить Австрию приостановить свое наступление. Россия тогда тоже остановится, пока будут действовать посредники. Но для того чтобы такой шаг имел какие-нибудь шансы на успех, необходимо, чтобы Германия приняла участие в этом деле.

Камбон сказал: после того как Австрия двинет свои войска на Сербию, будет уже поздно что-либо предпринять. Важно выиграть время путем посредничества в Вене. Для того чтобы оно было принято, лучше всего, чтобы Германия предложила такое посредничество другим державам.

Я сказал, что этим самым он имеет в виду посредничество между Австрией и Сербией.

Он подтвердил это. Я сказал, что переговорю на эту тему с германским послом сегодня днем» [39].

Коротко говоря, Грэй предлагал посредничество в Вене и Петербурге, но только «после того, как выяснится, что между Австрией и Россией возникают трения». Камбон предлагал вмешательство в Вене в форме посредничества между Австрией и Сербией, причем надо было добиться, чтобы это предложение исходило от Германии.

Камбон в своем сообщении о беседе с Грэем, если только оно правильно передано во французской «Желтой книге», совершенно не упоминает о проекте посредничества в том виде, в каком его в действительности предложил Грэй. Уже раньше, утром того же дня, Камбон узнал об австрийском ультиматуме от сербского посланника в Лондоне и поспешил снестись с Бенкендорфом.

«На совещании с моим русским коллегой, который считает, что его правительству будет чрезвычайно трудно воздержаться от поддержки Сербии, мы задали себе вопрос: какого рода вмешательство могло бы предотвратить конфликт? Ввиду того что по приглашению Грэя я должен быть у него сегодня днем, я намерен предложить ему просить германское правительство о полуофициальном обращении к Вене для предупреждения внезапного нападения» [40].

[39] Грэй — Берти, 24 июля, B. D., 98.
[40] П. Камбон — Бьенвеню-Мартену, 24 июля; ФЖК, 33.

Как видно из большой телеграммы Грэя, посланной Бетману, Камбон действительно убеждал Грэя в необходимости посредничества в Вене, чтобы предупредить нападение Австрии на Сербию. Но Камбон либо не усвоил сущности предложения Грэя, говорившего о посредничестве между Австрией и Россией, либо он намеренно его «камбонизировал», т. е. передал по-своему, чтобы привести его к тому, о чем он уже договорился с русским послом. Это видно из его собственного донесения о беседе с Грэем.

«Сэр Эдуард Грэй заявил в беседе со мной, что он намерен приложить все усилия для предотвращения кризиса. Мы сошлись на том, что британский кабинет должен попросить германское правительство взять на себя инициативу обращения к Вене с предложением посредничества между Австрией и Сербией четырех держав, которые не являются непосредственно заинтересованными. Если Германия согласится на это, то удастся выиграть время, а это самое главное.

Сэр Эдуард Грэй сказал мне, что он обсудит мое предложение с князем Лихновским... [После беседы с Грэем Камбон снова беседовал со своим русским коллегой]. Граф Бенкендорф полагает, что следует предпринять шаги, о которых я договорился с сэром Эдуардом Грэем» [41].

Тогда же, в пятницу днем или вечером, Камбон отправился в Париж и возвратился оттуда только в понедельник 27 июня ночью [42]. В документе, напечатанном во французской «Желтой книге», не объясняется, для чего он поехал туда и что он там делал. Может быть он поехал только для того, чтобы помочь советом Бьенвеню-Мартену, который был неопытен в иностранных делах и не знал, как ему действовать в этой обстановке, когда надвигалась буря, а лоцман и капитан французского корабля еще находились где-то в Балтийском море. Русский посол был серьезно огорчен временным отсутствием Камбона, который, как сильный человек, мог влиять на Грэя. В воскресенье он писал Сазонову: «К несчастью Камбон отсутствует и вернется только во вторник утром. Я поручил просить его поторопиться с возвращением. Я боюсь, что суть дела в том, что Грэй не уверен в английском общественном мнении и опасается, что не будет поддержан, если он слишком ввяжется в дело» [43].

В пятницу днем, после беседы с Камбоном и после продолжительного и утомительного заседания кабинета по ирландскому вопросу Грэй имел беседу с князем Лихновским. После того как последний передал ему

---

[41] П. Камбон — Бьенвеню-Мартену, 24 июля, ФЖК, 32; очевидно эта телеграмма, напечатанная в «Желтой книге» под № 32, должна была следовать за телеграммой, помещенной в № 33 (и цитированной выше), а не предшествовать ей.

[42] Следующая депеша французского посольства в Лондон, сообщавшая о беседе, которую Грэй имел в пятницу вечером с Лихновским (ФЖК, 37), подписана не Камбоном, а Флерио, французским поверенным в делах. Флерио продолжал подписывать депеши (ФЖК, 40, 63, 66, 68, 69, 71) в течение следующих трех дней и 27 июля сообщил английскому министерству иностранных дел (B. D. 173): «Г-н Камбон возвращается сегодня в 11 часов вечера». О его присутствии в Париже имеются указания в ФЖК, 53, B. D., 183. Рассказывая г. Рекули историю трагических дней, предшествовавших войне, Камбон ничего не сказал о своей поездке в Париж и начинает прямо с событий 31 июля.

[43] Бенкендорф — Сазонову, 26 июля; L. N., II, 329; рус. пер. см. М. О. т. V, 125.

германское «коммюнике», защищавшее выступление Австрии и настаивавшее на локализации конфликта, Грэй ответил, что если ультиматум не вызовет трений между Австрией и Россией, то «ему нет до него никакого дела». Но он высказывал опасения относительно возможной позиции России. Возвращаясь к сделанному прежде заявлению Лихновского, в котором тот выражал надежду, что Грэй сумеет оказать умеряющее влияние в Петербурге, он сказал, что сейчас, ввиду чрезвычайно резкого характера австрийской ноты, он «чувствует себя совершенно беспомощным по отношению к России». Затем он сделал свое предложение о посредничестве и добавил к нему план Камбона относительно удержания Австрии от нападения на Сербию.

«Единственным способом достичь результатов путем посредничества или умеряющего воздействия я считаю одновременное выступление четырех держав — Германии, Италии, Франции и нас в Вене и Петербурге, в случае если отношения между Австрией и Россией примут угрожающий характер.

Непосредственная опасность заключается в том, что через несколько часов Австрия может двинуть войска в Сербию и русские славянофилы потребуют, чтобы Россия пришла Сербии на помощь. Было бы весьма желательно побудить Австрию не торопиться с военным выступлением и таким образом несколько выиграть время. Но в этом направлении никто из нас не в состоянии воздействовать на Австрию, если только предложение не будет исходить от Германии и если она не примет участия в таком выступлении в Вене» [44].

На следующий день, узнав от Бьюкенена, что Сазонов «полагает, что России во всяком случае придется объявить мобилизацию» [45], Грэй предложил России свой проект посредничества между Австрией и Россией со стороны четырех непосредственно менее заинтересованных держав [46].

Ввиду часто встречающегося утверждения будто Германия воспрепятствовала осуществлению всех мирных предложений Эдуарда Грэя, представляется интересным ознакомиться с позицией Германии и сопоставить ее с позицией России и Франции.

Германия немедленно выразила свое согласие. В субботу утром 25 июля, когда британский уполномоченный в делах в Берлине предложил этот проект, германское министерство иностранных дел еще держалось оптимистического мнения, что конфликт может быть локализован. Оно получило сообщение, что Бернтольд сказал русскому послу в Вене, что Австро-Венгрия не стремится к захвату сербской территории. В германском министерстве иностранных дел полагали, что такое заверение может оказать успокоительное действие в Петербурге. В противном же случае — если бы отношения между Австрией и Сербией приняли угрожающий характер, Германия была «вполне готова последовать вашему [Грея] предложению, чтобы четыре державы выступили в Вене и в Петербурге

[44] Грэй — Рембольду, 24 июля, 7 час. 45 мин. дня; B. D., 99. Сообщение Лихновского об этой беседе см. K. D., 157 и ARB, II, 15. Телеграмма Грэя была сообщена для информации также британским послам в Париже, Петербурге, Вене и Риме.

[45] B. D., 101.

[46] Он объяснил это непосредственно графу Бенкендорфу в Лондоне (B. D., 132) и телеграфировал Бьюкенену в Петербург (25 июля, 2 час. 15 мин. дня, B. D., 112).

в качестве посредников» [47]. Еще до получения этого сообщения Грэй снова беседовал с германским послом в Лондоне относительно посредничества между Австрией и Россией. Князь Лихновский сказал, что, «по его мнению, Австрия может принять это, не роняя своего достоинства, и лично за себя высказался в пользу этого предложения». Грэй принял это к сведению и сказал: «В отношения между Сербией и Австрией я считаю себя в праве вмешиваться, но когда станет вопрос об отношениях между Австрией и Россией, то это уже будет вопрос европейского мира, в решении которого мы все должны принять участие... Участие Германии необходимо при всяком дипломатическом выступлении в пользу мира» [48]. В своем ответе на донесение Лихновского об этой беседе и на его настойчивый совет действовать вместе с Англией германское министерство иностранных дел немедленно подтвердило, что оно одобряет посредничество между Австрией и Россией, если «локализация» окажется невозможной.

«Различие, проводимое Грэем между австро-сербским и австро-русским конфликтом, совершенно правильно. В первом случае мы тоже не желаем вмешиваться, как и Англия; до сих пор мы полагали, что вопрос этот может быть локализирован путем невмешательства всех держав... Если возникнет австро-сербская война, мы готовы приступить к посредничеству между Австрией и Россией, оставляя в силе наши обязательства по договорам, которые известны» [49].

По получении этой телеграммы Лихновский послал Грэю, уехавшему за город, записку: «Мое правительство принимает ваше предложение относительно посредничества à quatre (вчетвером)» [50].

Как же отнеслись Россия и Франция к британскому предложению о посредничестве? Русский посол возражал против него. Это мы видим из телеграммы Грэя Бьюкенену, которая не была включена в британскую «Белую книгу» 1914 г.

«Я сказал сегодня графу Бенкендорфу то, что говорил сегодня утром германскому послу относительно возможности совместного выступления Германии, Италии, Франции и нашего в Вене и в Петербурге

[47] Рембольд — Грэю, 25 июля, 3 час. 16 мин. дня; B; D., 122.

[48] Грэй — Рембольду, 25 июля, 3 час. дня; B. D., 116. Ср. донесение Лихновского Бетману, 25 июля, 2 ч. 02 м. дня (K. D., 180) и его письмо Ягову (K. D., 179).

[49] Ягов — Лихновскому, 25 июля, 11 ч. 05 м. дня; K. D., 192.

[50] B. D., 45. Некоторые писатели, желая доказать, что Германия хотела воспрепятствовать осуществлению предложения Грэя, указывают на то, что оно было передано по беспроволочному телеграфу Вильгельму II в Норвегию, который сделал следующую пометку на полях: «Это излишне. Австрия уже объяснила России, и Грэй ничего не может предложить. Я не присоединюсь к этому предложению, если только Австрия сама определенным образом не попросит этого. Но на это непохоже. В вопросах чести и жизненных интересов не принято спрашивать других». (K. D., 157). Эта пометка на полях, так же как и многие другие пометки кайзера, интересна для изучения его психологии, но она не имела никакого практического влияния на действительный ход событий, поскольку дело касается предложения Грэя о посредничестве. Германское правительство уже раньше через Лихновского дало свое согласие, а 27 июля, когда пометка кайзера пришла в германское министерство иностранных дел (там же, прим. 13), положение уже существенным образом изменилось, и Грэй внес другое предложение. В тот же день 27 июля кайзер сам вернулся в Потсдам, и как указано ниже, вскоре был согласен на посредничество при условии, что Австрия займет Белград.

для обеспечения мира, после того как Австрия и Россия мобилизуют свои войска.

Граф Бенкендорф выразил крайнее опасение, что мои слова произведут в Германии такое впечатление, будто Франция и Англия не поддерживают России [51].

Франция тоже, как и Россия, отнеслась отрицательно к предложению Грэя о посредничестве между Австрией и Россией. Выше мы уже указывали, что это предложение было сделано Камбону в пятницу 24 июля, в полдень; но оно не произвело на него никакого или очень слабое впечатление потому, может быть, что он старался навязать Грэю план посредничества между Австрией и С е р б и е й, о котором он договорился с графом Бенкендорфом. Камбон даже не сообщил плана Грэя своему правительству, и Грэй тщетно ждал ответа от Франции. Ему пришлось на следующий день признаться Лихновскому, что «он еще не знает, согласится ли Франция участвовать. Он говорил с Камбоном, но до сих пор ответа не получил. Он твердо рассчитывает на согласие Франции, хотя не знает, в какой мере она уже связала себя обязательствами по отношению к России» [52].

Таким образом не столько Германия, сколько Россия и Франция отказались одобрить предложение Грэя относительно посредничества четырех держав в случае, если Австрия и Россия мобилизуют свои войска.

ПРЕДЛОЖЕНИЯ ГРЕЯ ОТ 26 ИЮЛЯ О СОЗЫВЕ КОНФЕРЕНЦИИ ПОСЛОВ

В субботу вечером, 25 июля, положение дел в Европе определенным образом ухудшилось. Австрия порвала дипломатические сношения с Белградом и объявила мобилизацию против Сербии, которая ответила ей тем же. В России военное возбуждение и влияние военной партии усиливались. Царь дал свое согласие на частичную мобилизацию в 1 100 тыс. человек и на проведение мероприятий «подготовительного к войне периода». Но сообщения об этих зловещих событиях еще не дошли до Лондона, и там господствовало более оптимистическое настроение, чем накануне, когда впервые стало известно о сербском ультиматуме. Распространились слухи, впоследствии оказавшиеся неправильными, что Сербия приняла австрийские требования. Германия выразила свое согласие на посредничество четырех держав в Вене и Петербурге, если «локализация» не удастся и если отношения между Австрией и Россией примут угрожающий характер. Ввиду того что положение казалось более благоприятным, некоторые из членов британского кабинета выехали на воскресенье из Лондона за город. Уинстон Черчилль, собравшийся провести этот день со своей семьей в Кромере, решил не менять своих планов и спокойно улегся спать в

[51] Грэй — Бьюкенену, 25 июля. B. D., 132 и прим. Однако, указания примечаний, что в то время как Бенкендорф старался задержать предложение Грэя, Сазонов, согласно № 125 был готов принять эту идею, вводят в заблуждение. Сазонов в документе, напечатанном в B. D. за № 125, говорит о посредничестве между Австрией и С е р б и е й, а не о посредничестве между Австрией и Р о с с и е й. Это письмо Грэя, часть которого здесь нами приведена, первоначально было включено в «Белую книгу» 1914 г. за № 28, но по указанию Грэя было изъято оттуда, и под № 28 стоит указание «Nil» (ничего).

[52] Лихновский — Бетману, 25 июля, K. D., 180; ср. также B. D., 116.

надежде, что все образуется. В воскресенье утром он отправился на берег моря и играл с детьми, устраивая запруды на маленьких ручейках, которые стекали к морю во время отлива. Грэй отправился на воскресенье в Итчен-Аббас наслаждаться птицами и лесом, которых он так любил. В министерстве иностранных дел остался Артур Никольсон.

Но в воскресенье утром те, кто оставался в Лондоне, начали понимать, что опасность серьезнее, чем когда бы то ни было. Днем из адмиралтейства позвонили Черчиллю,и он решил вернуться вечером в Лондон. Не дожидаясь его возвращения, но с его одобрения, адмиралтейство отправило в 4 часа дня секретное и многозначительное распоряжение, чтобы флот не рассеивался на маневры, как это намечалось раньше, а оставался сконцентрированным в Портленде [53]. Придя в министерство иностранных дел, Артур Никольсон узнал там много дурных новостей, полученных за ночь. Австрия и Сербия прервали дипломатические сношения. Сербия отдала приказ о мобилизации, а правительство переехало из Белграда в Ниш. Из Вены Бунзен сообщил, что «война считается неизбежной». Пришло сообщение, что германский флот получил приказ собраться у норвежских берегов и что Вильгельм II прекратил свое северное плавание и возвращается прямо в Киль, причем германское министерство иностранных дел высказывало сожаление по этому поводу, так как это могло дать основание для всяких предположений и вызвать беспокойство. От Бьюкенена из Петербурга пришла длинная телеграмма [54]:

«(Сазонов) полагает, что в случае нападения Австрии сербское правительство покинет Белград и уведет войска в глубь страны, одновременно обратившись к державам с просьбой о помощи. Его превосходительство поддержит такое обращение... Если Сербия обратится к державам, то Россия готова держаться в стороне и предоставить решение вопроса Англии, Франции, Германии и Италии.

[Сообщив, что царь одобрил частичную мобилизацию в размере 1 100 тыс. человек, а Палеолог дал «формальное заверение, что Франция безоговорочно становится на сторону России» и спрашивает, готов ли британский флот выполнить ту роль, которая предназначается ему согласно англо-французской морской конвенции, Бьюкенен продолжает:] Его превосходительство (Сазонов) заверил меня снова, что он не стремится во что бы то ни стало к конфликту. Но если Германия не в состоянии удержать Австрию, то положение безнадежно. Россия не может допустить, чтобы Австрия разгромила Сербию и стала господствующей державой на Балканах. Будучи уверена в поддержке Франции, она не остановится перед риском войны. Наше положение становится чрезвычайно опасным, и нам приходится выбирать между оказанием активной поддержки России или отказом от ее дружбы. Если мы не оправдаем ее надежд, то мы не можем рассчитывать на продление того дружественного сотрудничества в Азии, которое для нас имеет такое большое значение» [55].

---

[53] Churchill, стр. 199 сл.; Corbett, Naval Operations, I, 24.

[54] О всех этих дурных новостях см. B. D., 130—138.

[55] Бьюкенен — Грэю, 25 июля 8 час. вечера, получена в 10 ч. 30 м. вечера B. D., 125, ср. ББК, 17, в котором изложение, данное в 1914 г. изменяет смысл второй фразы последнего параграфа, так как там прибавлено 3 слова «if she feels» (если она чувствует).

Эта телеграмма, указывавшая, что «Россия, уверенная в поддержке Франции, не остановится перед риском войны», могла бы убедить Грэя в необходимости как можно скорее попытаться оказать умеряющее влияние в Петербурге, если только он считал, что сохранение мира в Европе важнее, нежели сохранение Тройственного согласия. Но этого не случилось. Хотя Бьюкенен в начале кризиса пытался сдерживать Россию, но из Лондона такой попытки не сделали. Британское министерство иностранных дел стало на формальную позицию. В заметках Кроу от 25 июля мы читаем:

«Момент, когда можно было рассчитывать на поддержку Франции, чтобы сдержать Россию, упущен.

Очевидно Франция и Россия решили принять брошенный им вызов. Как бы мы ни расценивали австрийские обвинения против Сербии, но Франция и Россия считают, что это только предлог и что теперь окончательно поставлен более серьезный вопрос о борьбе Тройственного союза с Тройственным согласием.

Я полагаю, что будет неполитичным, чтобы не сказать опасным, если Англия станет пытаться противоречить этому мнению или будет затуманивать основную проблему какими-нибудь представлениями в Петербурге или Париже.

Наши интересы в этой борьбе связаны с интересами Франции о России. Борьба ведется не за обладание Сербией, а происходит между Германией, стремящейся к политической диктатуре в Европе, и державами, желающими сохранить индивидуальную свободу» [56].

Англия надеялась, что Германия будет удерживать Австрию от вторжения в Сербию, но поскольку Германия этого не делала, Англия не хотела ни в какой мере сдерживать своих друзей по Антанте. В этом заключалось все зло системы союзов. Ни с той ни с другой стороны ни одна держава не соглашалась протянуть руку, чтобы удержать своего союзника или друга, опасаясь этим расстроить союз или дружбу. Поэтому, вместо того чтобы отправить в Петербург телеграмму, призывающую к умеренности, Англия решила только сделать новое мирное предложение. Сэр Артур Никольсон, ссылаясь на предложения, сделанные Сазонову Бьюкененом, которые мы привели выше, писал Грэю в Итчен-Аббас:

«Полагаю, что единственным средством избежать всеобщего конфликта было бы... послать от вашего имени телеграмму в Берлин, Париж и Рим, с предложением, чтобы там уполномочили своих послов собраться с вами здесь на конференцию и попытаться изыскать какой-нибудь способ для предупреждения осложнений; вместе с тем надо потребовать, чтобы Вена, Сербия и Петербург воздержались от всяких военных действий, пока будет заседать конференция» [57].

Грэй немедленно согласился на это, и 24 июля в 3 часа дня предложение относительно конференции послов четырех держав было направлен

«Если она чувствует себя уверенной в поддержке Франции, то она (Россия) пойдет на все опасности войны» (см. выше гл. VI, прим. 109, где указаны важные пропуски, заключающиеся в английской «Белой книге» 1914 г.).

[56] B. D., 101.

[57] B. D., 139.

в Париж, Берлин и Рим. Оно было сообщено британским дипломатическим представителям в Петербурге, Нише и Вене с инструкцией — по получении соответствующих указаний от своих коллег, представителей Германии, Франции и Италии, постараться предупредить всякие активные военные операции [58], на время заседания конференции.

Это предложение созыва конференции послов в Лондоне на первый взгляд производило хорошее впечатление и несомненно было сделано с искренними намерениями. Подобная же конференция послов в Лондоне под руководством Грэя успешно действовала во время балканских войн и помешала заразительной смуте распространиться по остальной Европе. Но вместе с тем решения той конференции вызвали сильное раздражение у венского правительства, и в Вене не могли слышать самое слово «конференция» [59].

Но конференция послов во время балканских войн представляла не совсем то, что теперь предлагал Грэй. Лондонская конференция 1912—1913 гг. состояла из послов всех великих европейских держав обоих враждебных лагерей, на которые разделялась Европа. Теперь же Грэй предлагал конференцию только четырех держав. На Лондонской конференции все ее участники, за исключением может быть Австрии, добросовестно стремились сохранить мир в Европе. В 1912—1913 гг. Россия еще не была готова к войне; Франция не желала воевать из-за балканских вопросов, а Германия не хотела быть вовлеченной в войну из-за австрийских затруднений. Но в 1914 г. эти державы по разным причинам были более склонны к войне, чем в 1912—1913 гг. Кроме того Лондонская конференция 1912—1913 гг. была созвана только для улажения разногласий между Турцией и балканскими государствами и между самими балканскими государствами. Хотя австро-русское соперничество проявлялось и тогда с большой силой, но Лондонской конференции не приходилось разрешать жизненных вопросов, стоявших между этими великими державами.

Теперь же, в 1914 г., Грэй предлагал заняться гораздо более трудным делом и попытался решить вопрос, затрагивавший престиж Тройственного союза и Тройственного согласия. Он предполагал создать трибунал, который на первый взгляд был вполне допустим и возможен, так как в нем должны были участвовать два союзника Австрии (Германия и Италия) и два друга России (Англия и Франция). Но если принять во внимание национальную вражду, господствующую в Италии по отношению к Австрии, а также балканские вожделения Италии, которые сталкивались с австрийскими, и тайные соглашения, заключенные Италией с Францией в 1900 и 1902 гг. и с Россией в Ракониджи в 1909 г., то естественно, что Италия была более склонна стать на сторону Антанты, чем поддерживать свою союзницу [60].

---

[58] Грэй — Берти и другим, 26 июля, 3 ч. дня, B. D., 140, 141.

[59] ARB, III, 79 Френсис Берти тоже узнал от германского посла в Париже, что австрийцы особенно подозрительно относятся к словам «вмешательство», «посредничество» и «конференция», и поэтому полагал, что следует лучше говорить о переговорах, советах, проявить уверенность и т. д.». Берти — Грэю, 27 июля, B. D., 183.

[60] В этот момент 26 июля британский посол в Риме телеграфировал Грэю: «Я узнал... что так как Австрия не посоветовалась с Италией прежде чем вручить ультиматум, и так как характером своего нападения на Сербию она определенно провоцирует Россию, то

Поэтому на предполагавшейся конференции «четыре непосредственно менее заинтересованные державы» могли оказаться против Германии и Австрии в количестве трех против одной, вместо того чтобы разделиться поровну, т. е. по-двое. Этим обстоятельством, очевидно, объясняется, почему Германия в конце концов отвергла создание такого европейского «ареопага». С точки зрения Германии это положение вызывало возражение еще и потому, что «активные военные действия» должны были прекратиться на время работ конференции, а в то же время Россия могла продолжать свои подготовительные «мероприятия» и таким образом лишить Германию преимущества, заключавшегося в возможности мобилизовать свои войска быстрее, чем Россия.

Неизвестно, преднамеренно или нет, но Никольсон, в своем проекте не указал, каким посредничеством должна заняться конференция четырех послов: посредничеством между Австрией и Сербией, которое было бы неприемлемо для Берлина и Вены, или между Австрией и Россией, которое в такой же мере было бы неприемлемо для Парижа и Петербурга. Но по существу имелось в виду вмешательство с целью удержать Австрию от вторжения в Сербию. Это было ясно из объяснений, которые были даны германскому послу в Лондоне:

> «Я только что говорил с сэром А. Никольсоном и сэром В. Тиррелем: оба они считают предложение сэра Эдуарда Грэя о созыве конференции четырех держав здесь в Лондоне единственным средством, дающим возможность избежать всеобщей войны. Они надеются, что это доставит полное удовлетворение Австрии, так как Сербия охотнее подчинится державам и скорее уступит их желаниям, чем угрозам Австрии. Но для успеха конференции и для поддержания мира абсолютно необходимо, чтобы не было никаких военных действий. Если Австрия перейдет сербскую границу, то все будет потеряно, потому что русское правительство не может этого допустить... «Локализация» конфликта, на которую надеялись в Берлине, по их мнению, совершенно невозможна и должна быть исключена из практических политических расчетов» [61].

Другими словами, новое предложение Грэя сводилось к посредничеству вроде того, какое Поль Камбон предлагал с самого начала, т. е. посредничеству между Австрией и Сербией. Хотя это предложение было сделано вполне искренне, однако Никольсон далеко не оптимистически оценивал его шансы. Немного позднее в воскресенье днем он писал Грэю: «Я усматриваю в этом единственную возможность для избежания конфликта. Эта возможность, надо признаться, весьма незначительна, но во всяком случае мы должны сделать все, что в наших силах. Берлин ведет с нами игру... я не надеюсь на успех. Но нельзя пренебрегать никакими возможностями...» [62].

Какую позицию заняли отдельные державы по отношению к новому предложению Грэя о созыве конференции послов в Лондоне?

---

casus foederis (случай, предусмотренный союзным договором) в данном случае отсутствует (B. D., 148), см. также телеграмму Флотова—Бетману от 24 июля (K. D. 156), цитируемую ниже, гл. IX, прим. 18, а также Bethmann-Hollweg, Betrachtungen, I, 133, 134.

[61] Лихновский — Бетману, 26 июля, 8 ч. 25 м. дня; K. D., 236.

[62] B. D., 144.

Италия немедленно «приветствовала предложение», так же как она это сделала раньше, когда речь шла о посредничестве между Австрией и Россией [63].

Лихновский в Лондоне высказался за принятие предложения Грэя, считая, что «локализация», на которую надеялась Германия, уже неосуществима и должна быть отброшена. Если же Германия окажет содействие Грэю в деле сохранения мира в Европе, то «германско-английские отношения получат прочное основание на вечные времена». В противном случае все окажется под сомнением. Поэтому необходимо «не дать германской нации ввязаться в борьбу, в которой она ничего не может выиграть и может все потерять» [64]. Но когда это предложение было сделано в Берлине, Бетман телеграфировал Лихновскому:

> «Мы не можем принять участия в такой конференции, так как мы не в состоянии вызвать Австрию на европейский суд по ее делу с Сербией. Как я уже сообщал вашему превосходительству, сэр Эдуард Грэй проводит резкое различие между австро-сербским и австро-русским конфликтом, и так же мало интересуется первым, как и мы сами. Наша деятельность в качестве посредников должна быть ограничена возможностью австро-русского столкновения. Что касается австро-сербского конфликта, то здесь мне представляется целесообразным непосредственное соглашение между Петербургом и Веной... Поэтому я самым настоятельным образом предлагаю вам отстаивать в Лондоне необходимость и возможность «локализации» [65].

Британский посол в Германии Гошен, только что вернувшийся на свой пост, сообщил приблизительно то же самое о своей беседе с Яговым:

> «Конференция, которую вы [Грэй] предлагаете, практически означала бы третейский суд и, по его мнению, может быть созвана только по требованию Австрии и России. Поэтому он не может согласиться с вашим предложением, сколь ни желательно для него работать вместе с вами для сохранения мира...» Он добавил, что известия, только что полученные из Петербурга, показывают, что Сазонов намерен обменяться мнениями с графом Берхтольдом. Он полагает, что этот способ может привести к удовлетворительному результату и что, прежде чем что-нибудь предпринять, следовало бы выждать, чем закончится обмен мнениями между Австрией и русским правительством...» [66].

Германия отвергла предложение Грэя о созыве конференции по целому ряду причин. Она еще не вполне отказалась от надежды локализировать австро-сербский конфликт, хотя через несколько часов ей пришлось отказаться от нее. Она надеялась, как сказал Гошену Ягов, что «непосредственные переговоры», начавшиеся между Петербургом и Веной, смогут скорее предотвратить конфликт между обеими странами. Она знала, что конфе-

---

[63] Родд — Грэю, 26 июля, B. D., 154; ср. также B. D., 133, 189; ФЖК, 72.

[64] Лихновский — Бетману, 26 июля, 8 ч. 25 м. вечера; K. D., 236; ср. также его депешу от 27 июля (K. D. 258, 265, 266). Британское предложение было формально сделано в Берлине утром 27 июля посредством Aide Mémoire [памятной записки], переданной Гошеном Бетману, K. D., 304.

[65] K. D., 248.

[66] Гошен — Грэю, 27 июля, 6 ч. 17 м. дня; B. D., 185.

ренция будет неприемлема для ее союзницы, потому что у Австрии осталось горькое воспоминание от решений Лондонской конференции, заседавшей во время балканских войн; конференция оказалась тогда не в силах добиться осуществления своих постановлений, направленных против Сербии. Естественно, что Бетман опасался, что на конференции четырех держав, которую предлагал Грэй, Германия окажется в меньшинстве, одна против трех; Италия могла скорее поддержать Тройственное согласие, чем своих номинальных союзников, и таким образом Германия оказалась бы на этой конференции одинокой в своей защите австрийской точки зрения, имея против себя Англию, Францию и Италию [67]. Кроме того, с чисто военной точки зрения конференция послов могла оказаться невыгодной для Германии; ее решения могли затянуться на несколько недель, а тем временем Россия деятельно готовилась к войне. Если бы потом конференция сорвалась и в конце концов началась война, то Германия лишилась бы в военном отношении многих преимуществ, которыми она пользовалась благодаря возможности быстрее мобилизовать свои войска. Между тем на этом она строила свои расчеты, надеясь таким образом частично компенсировать численное преобладание французской и русской армии. Последним и, по всей вероятности, решающим мотивом для отклонения предложения Грэя было то обстоятельство, что германское министерство иностранных дел как раз в это время ознакомилось с весьма резко формулированным замечанием императора Вильгельма, в котором тот решительно отвергал предыдущее предложение Грэя относительно посредничества между Австрией и Сербией [68].

Хотя таким образом существовал ряд мотивов, побудивших Германию отвергнуть предложение Грэя, и хотя сама Германия через несколько часов отказалась от своего плана «локализации», высказалась за посредничество и стала оказывать давление на Австрию, чтобы заставить ее принять его, все же ее отказ от конференции был серьезной политической ошибкой. Это был нелепый промах,вроде того, как она 5 июля в Потсдаме предоставила Австрии полную свободу действий, или когда 24 июля она поддерживала и оправдывала австрийский ультиматум, настаивая на «локализации» конфликта. Все это усиливало среди держав Согласия подозрение, что Германия неискренна в своих заявлениях о желании поддержать мир в Европе. Этим самым она дала повод сомневаться в своей искренности и тогда, когда несколько позднее действительно прилагала старания удержать Австрию и склонить ее к принятию посредничества. Кроу, узнав об отрицательном ответе Ягова на предложение созыва конференции, писал в своих заметках: «Насколько нам известно, германское правительство до настоящего времени не сказало в Вене ни одного слова, призывающего к сдержанности и умеренности. Если бы хоть одно такое слово было сказано, то можно быть уверенным, что германское правительство уже не преминуло бы поставить себе это в заслугу. Поэтому

---

[67] Bethmann-Hollweg, Betrachtungen zum Weltkriege, I, 133, 144 сл.; Jagow, Ursachen, стр. 118 сл.

[68] По поводу замечания императора, полученного в Берлине по беспроволочному телеграфу с яхты «Гогенцоллерн» в 12 ч. 07 мин. ночи 27 июля (K. D., 157, заключительное примечание) см. выше прим. 50. Депеша Лихновского с предложением Грэя тоже была получена 27 июля в 12 ч. 07 м. ночи, и когда она была представлена императору, то «его величество не одобрил точки зрения Лихновского» (K. D., 236, прим. 2.).

намерения Германии не внушают доверия» [69]. Подозрения такого рода сильно способствовали разразившейся в конце концов катастрофе.

Относительно Франции писатели из лагеря Антанты обыкновенно утверждают, что она немедленно дала «вполне благоприятный ответ» [70]. Но в действительности Франция видимо колебалась. На следующий день, 27 июля, французский уполномоченный в делах в Лондоне дважды обращал внимание своего правительства на это предположение, добавляя от себя: «По-моему, его следует поддержать» [71].

26 июля германский посол в Париже, барон Шен, сообщил Бьенвеню-Мартэну, что «Австрия объявила России, что она не ищет территориальных приобретений... Ее единственная цель — обеспечить собственное спокойствие * и принять полицейские меры. От России следовательно, зависит предотвратить войну. Германия чувствует себя солидарной с Францией в горячем желании сохранить** мир и твердо*** надеется, что Франция употребит свое влияние в Петербурге в умеряющем смысле».** Бьенвеню-Мартэн заметил, что Германия, со своей стороны, могла бы предпринять аналогичные шаги в Вене, особенно ввиду уступчивости, проявленной Сербией. Шен ответил, что это не представляется возможным ввиду решения не вмешиваться в австро-сербский спор. Тогда Бьенвеню-Мартэн спросил: не могли ли бы четыре державы — Англия, Германия, Италия и Франция — предпринять шаги в Петербурге и Вене, раз дело сводится по существу к спору между Австрией и Россией? Посол сослался на отсутствие инструкций. В заключение министр ответил отказом согласиться на германское предложение ввиду отсутствия председателя совета. Бертело к сожалению при этом разговоре не присутствовал. Бертело, директор политического департамента министерства иностранных дел, полагал, что Шен хочет «запугать Францию и побудить ее оказать воздействие в Петербурге. По совокупности обстоятельств и всего образа действий Германии и Австрии он склонен думать, что эти державы домогаются блестящей дипломатической победы, а не ищут во что бы то ни стало войны, хотя в крайнем случае перед ней и не отступят. Он полагал бы полезным настоятельное и энергичное выступление Англии в Берлине» [72].

Но Франция в действительности так же мало желала оказывать давление на свою союзницу Россию, как Германия—на свою союзницу Австрию. Такое давление могло породить недоверие между союзниками как раз в тот момент, когда им особенно нужно было быть солидарными и к нему отнеслись бы неблагосклонно и в Петербурге и в Вене.

---

[69] «Minute», 28 июля; B. D., 185.

[70] O m a n, The Outbreak of the War of 1914—1918 (London, 1919) стр. 48; H e a d l a m, The History of twelve Days (London, 1915), стр. 106; P o i n c a r é, Les Origines de la Guerre, стр. 223 слл.

[71] Флерио—Бьенвеню-Мартэну, 27 июля, ФЖК, 68, 69. Ср. также донесение Менсдорфа Берхтольду от 16 июля, 5 ч. 55 м. дня (ARB, II, 58): «Сэр А. Никольсон, с которым я имел беседу в отсутствии Грэя, чрезвычайно встревожен... Он еще в сущности не имеет никаких известий из Парижа».

* У Фея—«обеспечить мир и спокойствие». — П р и м. р е д.

** В «Материалах» (стр. 514)—«предохранить». — П р и м. р е д.

*** У Фея—«искренне». — П р и м. р е д.

[72] Севастопуло — Сазонову, 26 июля, телеграммы 187, 188; MFR, стр. 514; R o m b e r g, стр. 12—15; «Livre Noir», II, стр. 278; РОК, 28, 29, где некоторые части выкинуты. Донесение Шена см. K. D., 200, 235, 240 и 241 и «The Memoirs of an Ambassador» (London, 1922), стр. 181 сл.

Поскольку дело идет о франко-русских отношениях, это видно из тех мест в телеграммах Извольского и Сазонова, которые были опущены в русской «Оранжевой книге». 27 июля, сейчас же по своем возвращении из Петербурга, Извольский телеграфировал Сазонову:

«Тотчас по прибытии в Париж виделся с министром юстиции в присутствии Бертело и Абеля Аерри; они подтвердили мне подробности выступления германского посла, изложенные в телеграммах Севастополо №187, 188... Шен особенно подчеркнул выражение о солидарности между Германией и Францией. По убеждению министра юстиции вышеизложенные выступления Германии имеют несомненно целью разъединить Россию и Францию, побудить французское правительство выступить с представлениями в Петербурге и тем скомпрометировать нашего союзника в наших глазах, в случае же войны сбросить ответственность за нее не на Германию, якобы всеми силами стремящуюся сохранить мир, а на Россию и Францию... Вообще я был поражен здесь, насколько министр юстиции и его сотрудники верно понимают положение и проникнуты твердой и спокойной решимостью оказывать нам полную поддержку, и избегать малейшей видимости разногласий с нами» [73]

По счастью для Франции предложение Грэя можно было истолковать одинаково — как посредничество между Австрией и Сербией и как посредничество между Австрией и Россией, потому что в нем говорилось о «Вене, Белграде и Петербурге». Это подметил Вивиани, который с корабля «Франция» телеграфировал Бьенвеню-Мартэну: «Выступления четырех менее заинтересованных держав не может быть... произведено только в Вене и Петербурге. Предлагая произвести его также в Белграде, что фактически означает посредничество между Веной и Белградом, сэр Эдуард Грэй делает логический вывод из положения. Тем, что он не исключает Берлина, он, с другой стороны, дает Германии возможность с полным достоинством отказаться от своего заявления, сделанного в Париже и Лондоне, что она рассматривает все это дело как касающееся исключительно Австрии и Сербии и не представляющее общего интереса» [74].

Однако французское министерство иностранных дел, не дожидаясь ответа Вивиани, в конце концов, после повторных настояний из Лондона, приняло 27 июля предложение Грэя. Но оно не желало действовать, пока Германия не окажет давления в Вене: «Министерство иностранных дел полагает, что для послов Антанты было бы опасно говорить в Вене, пока не выяснится, что немцы сделали это с некоторым успехом» [75]. Поэтому вряд ли правильны утверждения профессора Омана, что «Париж немедленно дал вполне благоприятный ответ» [76].

В Петербурге предложение Грэя было встречено неблагосклонно. Сазонов уже вступил в «непосредственные объяснения» с Веной, при помощи которых он надеялся побудить Австрию несколько изменить свои

---

[73] Извольский — Сазонову, 27 июля; MFR, стр. 516; Romberg, стр. 22—23; «Livre Noir», II, стр. 281—282; ср. также РОК, 35.

[74] Вививани — Бьенвеню-Мартэну, 28 июля; ФЖК, 76.

[75] Берти — Грэю, 27 июля 2 ч. 45 мин. дня; В. Д., 183; а также 194 и 211, и ФЖК, 61, 70, 71.

[76] Oman, стр. 48.

требования, предъявленные ею Сербии. Если бы Сазонову удалось добиться этого путем мирных переговоров, которые велись одновременно с обширными военными приготовлениями, предпринимавшимися на случай неудачи таких переговоров, то он добился бы большого дипломатического триумфа России, и притом исключительно собственными силами, вместо того чтобы принимать разрешение кризиса от конференции держав или от призывающих к умеренности советов Франции. Поэтому он сначала предпочел продолжать свои «непосредственные собеседования» и не желал уступать инициативу Грэю с его конференцией послов. Если бы переговоры не удались, он всегда мог еще вернуться к предложению конференции. Этим объясняется его отрицательный ответ на предложение Грэя:

«Английский посол по поручению своего правительства запросил, согласны ли мы, чтобы Англия взяла инициативу созыва в Лондоне конференции из представителей Франции, Германии и Италии, чтобы вчетвером обсудить возможность выхода из положения.

Я ответил послу, что мои «непосредственные переговоры «с австрийским послом начались благоприятно, но что я не имею ответа на сделанное мной предложение совместного пересмотра ноты. Если бы наши непосредственные объяснения с венским кабинетом не наладились, я готов принять это английское предложение или всякий другой способ мирного разрешения конфликта. Я хотел бы однако заранее устранить недоразумения, вкравшиеся в ответ французского министра юстиции германскому послу. Если речь идет о каком-либо умеряющем воздействии в Петербурге, мы его заранее отклоняем, ибо мы с самого начала заняли позицию, которую отнюдь не можем изменить, ибо мы уже идем навстречу всем приемлемым требованиям Австрии» [77].

На это Извольский дал успокоительный ответ.

«Как явствует из моего вчерашнего разговора на Кэ д'Орсе, министр юстиции ни на минуту не допустил возможности умеряющего воздействия в Петербурге, а лишь возразил германскому послу, что миру угрожает не Россия, а Австрия, и что во всяком случае, если бы зашла речь о каком-либо умеряющем воздействии, таковое должно быть предпринято не только в Петербурге, но главным образом в Вене. В результате разговора с бароном Шеном министр ответил отказом на германское предложение» [78].

Заключительная часть телеграммы Сазонова и весь ответ Извольского не вошли в русскую «Оранжевую книгу», так же как и другие части дипломатической переписки, которые не соответствовали утверждению России, что вина падет на Германию и что Россия сделала все, что могла для предупреждения войны. Это проливает новый свет на действия русской

[77] Телеграмма, отправленная Сазоновым Извольскому в Париж и Бенкендорфу в Лондон 27 июля за № 1521, «Красный архив», т. I, стр. 174. Romberg, стр. 16; «Livre Noir», II, стр. 279. Первая часть этой телеграммы была сообщена также русским послам в Берлине, Вене и Риме; довольно характерно, что последний параграф ее в «Оранжевой книге» отсутствует (РОК, 32), но в сокращенном виде попал в британскую «Белую книгу» (ББК, 53). Объяснение этого сокращения см. B. D., 206, прим.

[78] Извольский — Сазонову, телеграмма № 198 от 28 июля; MFR, стр. 517; Romberg, стр. 30; «Livre Noir», II, стр. 283.

дипломатии во время июльского кризиса. Россия и ее союзница Франция настаивали, чтобы Берлин оказал умеряющее воздействие на Вену, в то время как сама Россия с самого начала отказывалась допустить такое воздействие по отношению к себе и встретила в этом поддержку у Франции. В этом отношении Россия совершенно явно вела политику, угрожавшую миру Европы и вполне аналогичную политике Германии с 5 по 28 июля, когда Германия настаивала, чтобы Франция и Англия оказали умеряющее воздействие на Петербург и в то же время сама отказывалась действовать таким же образом в Вене. Но вот в чем разница: 28 июля Германия отказалась, как мы дальше увидим, от своей прежней позиции и действительно стала прилагать все бóльшие и бóльшие старания к тому, чтобы оказать умеряющее воздействие в Вене. Но Франция и Англия продолжали воздерживаться от воздействия на Россию, и последняя приступила к всеобщей мобилизации, хотя и была предупреждена, что это неизбежно повлечет за собой европейскую войну.

Ввиду того, что ни одна из держав, за исключением Италии, не дала немедленного и безоговорочного согласия на предложение созвать конференцию и ввиду того, что Россия и Германия определенным образом предпочитали сначала выждать результатов «непосредственных объяснений», Грэй охотно отложил на время свое предложение. «Я вполне согласен, — телеграфировал он Гошену, — что непосредственный обмен мнениями между Австрией и Россией является наилучшим способом, и пока есть надежда, что такой обмен мнений будет иметь место, я склонен воздержаться от всякого другого предложения... Это несомненно ослабит трения и сделает положение менее критическим»[79].

В чем же заключались «непосредственные объяснения» между Сазоновым и Сапари в Петербурге, которые возникли и получили развитие одновременно с предложением Грэя о созыве конференции и отчасти повлекли неудачу этого предложения?

НЕПОСРЕДСТВЕННЫЕ ОБЪЯСНЕНИЯ МЕЖДУ ВЕНОЙ И ПЕТЕРБУРГОМ С 26 ПО 28 ИЮЛЯ

Большинство авторов утверждают, что инициатором попытки найти мирный выход из кризиса путем непосредственных переговоров между Петербургом и Веной является Сазонов [80]. В действительности мысль эта сначала явилась у Грэя, но потом была им оставлена; фактически же это мирное предложение направил в практическое русло германский посол в Петербурге граф Пурталес.

В воскресенье утром, 26 июля, после того как были прерваны маневры в Красном Селе (причем еще до этого в тот же день было решено осуще-

---

[79] 28 июля в 4 ч. дня. B. D. 218. Никольсон, тоже «ошеломленный новыми предложениями, которые Сазонов делал почти ежедневно», полагал, что его последнее предложение вступить в «непосредственные объяснения» с Веной, «кажется, будет самым лучшим способом» (письмо Бьюкенену, 28 июля, B. D. 239); см. также выше, примечания 1—9.

[80] Ср. Headlam, стр. 107, 117; Oman, стр. 51; это утверждает также и Палеолог в своем донесении Бьенвеню-Мартэну, 27 июля (ФЖК, 54) и в том же смысле писал Бьюкенен Грэю от 29 июля (B. D., 271, не вошло в ББК): Сазонов «не желает, чтобы указывали, что он предложил непосредственные объяснения с Австрией по совету германского посла».

ствить ряд других военных мероприятий) [81], граф Пурталес и Сазонов случайно встретились на платформе вокзала в Красном Селе; они сели в один и тот же вагон и вместе поехали в Петербург.

Пурталес, видя, что Сазонов не так возбужден, как накануне, воспользовался случаем, чтобы в неофициальной обстановке снова настойчиво подчеркнуть, что Австрия не питает никаких враждебных намерений по отношению к России и только изыскивает меры, которые могли бы оградить ее от сербской опасности на ее границах. Сазонов ответил, что Россия тоже не желает войны; поэтому нужно найти такой способ соглашения, который, с одной стороны, удовлетворил бы требования Австрии, законность которых он признает, поскольку эти требования непосредственно касаются лиц, подстрекавших к преступлению. С другой стороны, нужно сделать так, чтобы эти требования были приемлемы для Сербии. Некоторые требования придется несколько ослабить, и он предлагает для этого совместное выступление всех держав, включая Германию. Тогда Пурталес стал ему настойчиво советовать откровенно и дружественно побеседовать с австрийским послом, с которым Сазонов не обменялся ни одним словом с пятницы, когда у них произошла резкая беседа, после того как Сазонов впервые ознакомился с содержанием австрийского ультиматума. По прибытии в Петербург Пурталес посетил Сапари, рассказал ему, что Сазонов настроен спокойно и миролюбиво, и дал ему такой же добрый совет — постараться вступить в откровенную и дружественную беседу с русским министром [82].

Следуя совету германского посла, Сапари немедленно отправился к Сазонову, и между ними завязалась дружественная беседа, которая, таким образом, была подготовлена Пурталесом. Об этой беседе мы имеем пять сообщений. Сообщения, идущие из первоисточника, а именно донесение Сапари Берхтольду и телеграмма Сазонова русским послам в Вене и Лондоне, затем сообщения Пурталеса, Бьюкенена, Палеолога, основанные на том, что они слышали от обоих участников беседы [83]. Из них заслуживает предпочтения сообщение Сапари, отчасти потому, что оно более подробно, отчасти потому, что самые интересные места из него не были опубликованы в австрийской «Красной книге» 1915 г., а отчасти еще и потому, что это сообщение проливает весьма интересный свет на личность Сазонова.

«Сейчас имел продолжительную беседу с Сазоновым. Германский посол уже раньше сказал мне, что сегодня Сазонов находится в гораздо более спокойном и мирном настроении. Он советовал Сазонову переговорить со мной, ибо, как ему известно, я исполнен лучших намерений по отношению к России и весьма сожалею, что наше выступление против Сербии натолкнулось на такое непонимание в Петербурге. Сазонов принял меня весьма сердечно, в полную противоположность к его определенно вызывающему поведению в пятницу. Он говорил со мной об упомянутой сейчас беседе, которую он имел с графом Пурталесом,

[81] См. выше, гл. VI, последняя часть.

[82] Дневник Пурталеса в K. D., IV, стр. 161; Graf Pourtales, Am Scheidewege zwischen Krieg und Frieden (Berlin, 1919), стр. 19; телеграмма Пурталеса Бетману, отправленная 26 июля в 3 ч. 15 м., в Берлине была получена в 7 ч. 01 м. вечера и немедленно передана Чиршки в Вену; K. D., 217.

[83] ARB., II, 73; РОК, 25; K. D., 238; B. D., 170, 179, 207—209; ФЖК, 54.

и сказал, что если бы я не явился к нему сам, по собственному желанию, то он попросил бы меня посетить его, так как желал откровенно переговорить со мной. В пятницу он был несколько ошеломлен и не владел собой в той мере, как ему хотелось; кроме того тогда наш разговор носил чисто официальный характер. Я ответил что я тоже хотел бы иметь возможность откровенно переговорить с ним, так как у меня создалось впечатление, что в России господствуют ложные представления относительно характера нашего выступления. Нас подозревают в желании продвинуться на Балканах и итти походом на Салоники или даже в Константинополь. Некоторые заходят так далеко, что изображают наше выступление как отправной пункт для превентивной войны, затеянной Германией против России. Все эти предположения, — сказал я, — частью ошибочны, частью совершенно бессмысленны. Наше выступление имело целью самосохранение и самозащиту против враждебной пропаганды, ведущейся устно, письменно, а также при помощи действий, угрожающих нашему существованию. В Австро-Венгрии никто не собирается угрожать русским интересам или затевать ссору с Россией, но мы абсолютно твердо решили добиться своего и считаем тот путь, который мы избрали, наиболее целесообразным. Но поскольку обсуждаемое выступление является актом самозащиты, я не стану скрывать от него, что мы обсудили все последствия, которые могут отсюда проистечь. Тем не менее я вполне уясняю себе, — сказал я, — что если между великими державами возникнет конфликт, то последствия его будут ужасны, и религиозный, социальный и моральный порядок всего мира будет поставлен на карту. Я изобразил в ярких красках, как по всей вероятности сделал это и сэр Эдуард Грэй, что может произойти, если вспыхнет европейская война.

Сазонов во всем согласился со мной, и, повидимому, был чрезвычайно доволен моими объяснениями. Он стал уверять меня, что в России не только он, но и все министры, и — что особенно важно — его монарх исполнены таких же чувств по отношению к Австро-Венгрии. Он не может отрицать, — сказал он, — что в России имеются старые претензии по отношению к Австрии; он признавал, что он их тоже разделял, но это было в прошлом и не должно мешать практической политике. Что касается славян, то хотя бы это и не следовало говорить австро-венгерскому послу, — сказал Сазонов, — но он не испытывает никакой симпатии по отношению к балканским славянам. По существу они являются тяжелым бременем, и мы не можем себе представить, чего только Россия не натерпелась из-за них.

Нашу задачу в том виде, как я ее изобразил, он признал вполне законной, но считает, что путь, по которому мы идем к ее осуществлению, не самый надежный. Он сказал, что нота, предъявленная нами, по форме неудачна; он уже успел ее изучить, и если у меня есть время, то он охотно рассмотрит ее вместе со мной. Я сказал, что я к его услугам, но что я не уполномочен обсуждать с ним текст ноты или интерпретировать ее. Однако замечания его, конечно, будут представлять интерес. Тогда министр разобрал со мной все пункты ноты и нашел, что 7 из 10 могут быть приняты без больших затруднений. Только два пункта (5 и 6), относящиеся к сотрудничеству австро-венгерских чиновников в Сербии, и пункт 4, касающийся увольнения офицеров и чи-

новников, которых мы укажем, представляются ему в их нынешней форме неприемлемыми. Относительно пункта 5-го я могу дать аутентичное толкование в соответствии с телеграммой вашего превосходительства за № 172 от 25 июля [84]. Что же касается двух других пунктов, то я сказал, что я не знаю, как правительство толкует их, но что это требование необходимо. Сазонов полагал, что можно, например, иметь в виду участие консулов в судебном следствии. Что же касается увольнения чиновников, то здесь нужно еще доказать виновность обвиняемых лиц, иначе королю Петру угрожала бы опасность быть немедленно убитым. Я ответил, что такая точка зрения, высказанная министром, является лучшим оправданием нашего выступления в Сербии, Сазонов сказал, что мы должны помнить, что Карагеоргиевичи являются несомненно последней династией в Сербии. Неужели мы хотим, чтобы у нас на границе был анархический шабаш ведьм? Конечно нет! Я ответил, что мы, разумеется, заинтересованы в поддержании монархической формы правления и что вместе с тем последнее замечание министра опять-таки доказывает, сколь необходимо решительное выступление против Сербии с нашей стороны.

Подводя итог всему, что он сказал, министр заявил относительно ноты, что это только вопрос фразеологии, и что, пожалуй, можно найти путь, который бы оказался для нас более приемлемым, и таким образом преодолеть возникшие затруднения. Не согласимся ли мы принять посредничество нашего союзника, короля Италии, или посредничество английского короля? Я ответил, что не могу здесь высказать никакого мнения, потому что не знаю, какие меры уже приняты моим правительством, так как дело уже пришло в движение и иногда уже нельзя бывает менять то, что начато. К тому же Сербия вчера (в субботу 25 июля) произвела мобилизацию, а что произошло с тех пор, я не знаю.

В конце нашей беседы Сазонов снова в самых теплых выражениях высказал свое удовольствие по поводу объяснений, которые я ему сделал и которые весьма успокоили его. Он сказал также, что доложит о нашей беседе царю Николаю, которого увидит послезавтра во вторник (28 июля), когда у него будет обычная аудиенция.

Русская политика проделала за два дня большой путь — от первоначального резко отрицательного отношения к нашему выступлению и от предложения подвергнуть судебному расследованию наше досье, и сделать из всего этого дела общеевропейский вопрос — к признанию законности наших жалоб и к требованию посредничества. Однако при всем этом мы не должны забывать, что в то время как дипломаты в своей политике бьют отбой, военная партия проявляет чрезвычайную активность, в результате чего военное и дипломатическое положение России угрожает с каждым днем стать для нас менее благоприятным.

Между прочим, во время беседы Сазонов спросил меня, не могу ли

[84] Берхтольд — Сапари, телеграмма № 172, 25 июля, 1 ч. дня, ARB, II, 38; «В пункте 5 мы имеем в виду «сотрудничество» в организации в Белграде секретного «бюро безопасности», которое функционировало бы подобно аналогичным русским учреждениям в Берлине и Париже и работало бы рука об руку с сербской полицией и административными учреждениями». Следует не забывать, что во время этой беседы Сазонов и Сапари еще не знали текста сербского ответа (ср. B. D., 207—209).

я показать ему наше досье, на что я ответил, что я не имею экземпляра. Тогда он спросил, нельзя ли показать его Шебеко (русскому послу в Вене) [85].

Таким образом совет, данный Пурталесом Сазонову и Сапари, казалось, дал хорошие результаты, открыв полную возможность для «непосредственных объяснений», за что они оба — и Сазонов и Сапари — тепло благодарили его на следующий день.

Вечером, снова переговорив с Сапари, Пурталес писал в своем донесении:

«Граф Сапари продолжал сегодня днем свою беседу с Сазоновым. Оба они, когда я с ними говорил после этого, находились под благоприятным впечатлением... (затем следует краткое изложение беседы приблизительно в том виде, как она изложена у Сапари). Министр настоятельно просил меня сказать ему, не могу ли я сделать какое-нибудь предложение. Я в своем ответе подчеркнул , что я не уполномочен делать какое-нибудь предложение и могу только выразить свое личное мнение, но что мне представляется целесообразным следующий путь: в случае, если венский кабинет согласится несколько изменить форму своего требования, что, судя по заявлениям Сапари, не исключено, то, пожалуй, можно было бы попытаться вступить в «непосредственные объяснения» с Австрией по этому поводу. Если будет достигнуто соглашение, тогда... (не удалось расшифровать). Россия могла бы дать Сербии совет принять требования Австрии в том виде, в каком они будут согласованы между Россией и Австрией, и сообщить об этом австрийскому правительству через посредничество третьей державы.

Сазонов, которому я снова настойчиво подчеркнул, что я не говорю от имени моего правительства, заявил, что он немедленно телеграфирует русскому послу в Вене в духе моего предложения» [86].

Действительно в воскресенье вечером Сазонов телеграфировал русскому послу в Вене, сообщил ему о своей беседе с Сапари и поручил попросить Берхтольда уполномочить Сапари обсудить в Петербурге вопрос об изменении редакции некоторых пунктов ультиматума, чтобы таким образом удовлетворить требования Австрии и вместе с тем сделать ультиматум приемлемым для Сербии [87]. Таким образом был открыт путь для «непосредственных объяснений», которым в Берлине отдавали предпочтение перед предложением Грэя о созыве конференции. Британское ми-

[85] Сапари — Берхтольду, 27 июля в 2 ч. 15 м. дня (26 июля в 2 ч. 15 м. дня или 27 июля в 2 ч. 15 м. ночи), ARB, II, 73. У Gooss эта телеграмма тоже датирована «27» вместо «26», как и в австрийской «Красной книге», изданной в 1915 г. Неправильность датировки «27 июля, 2 ч. 15 м. дня» явствует из того обстоятельства, что депеша значится за «№ 165» и потому должна была предшествовать депеше № 168, которая была отправлена 27 июля в 4 ч. 30 м. утра. Из остальных сообщений явствует, что беседа имела место около полудня или сейчас же после полудня 26 июля. Представляется сомнительным, чтобы такая большая телеграмма могла бы быть зашифрована в воскресенье к 2 ч. 15 м. дня. Поэтому надо полагать, что она вероятно была отправлена 27 июля в 2 ч. 15 м. дня и что «Р. М». (после полудня) напечатано по ошибке вместо «А. М». (до полудня). Депеша была получена в Вене в 4 ч. 30 м. дня, т. е. через 16 часов, что было нормальным сроком для телеграфных сношений между Веной и Петербургом в те дни, когда телеграф был сильно перегружен.

[86] Пурталес — Бетману, 26 июля в 19 ч. 10 м. дня, получено 27 июля в 12 ч. 45 м. утра; K. D., 238.

[87] Сазонов — Шебеко, 26 июля; РОК., 25.

нистерство иностранных дел тоже одобрило этот путь, а Пелеолог предпочитал его всякому другому и считал имеющим шансы на успех, и Сазонов, как он это резюмировал, предлагал Австрии: «Возьмите обратно ваш ультиматум, измените его форму, и я вам гарантирую результат»[88].

К несчастью однако все эти надежды были несостоятельны ввиду упорства Берхтольда и его решимости осуществить свой план военного выступления против Сербии. Предложение, направленное на сохранение мира, не только не было им принято, но, наоборот, побудило его поставить Европу перед совершившимся фактом объявления войны Сербии со стороны Австрии.

ВЫВОДЫ

Таковы были некоторые наиболее важные предложения, сделанные до 28 июля в целях сохранения мира. Все они ни к чему не привели.

Первоначальное предложение Грэя относительно непосредственных переговоров, опротестованное Пуанкаре как чрезвычайно опасное, было вскоре оставлено и совершенно забыто.

Старания Антанты побудить Австрию удлинить срок для ответа натолкнулись на решительный отказ Вены или оказались неосуществимыми за недостатком времени.

Предложения Грэя о посредничестве между Австрией и Россией, в принципе принятые Германией, не были сразу приняты Францией, которая желала посредничества между Австрией и Сербией, а также не были приняты русским послом в Лондоне, который «весьма опасался», как бы это не создало в Германии впечатления, что державы Тройственного согласия не солидарны между собой.

Предложения Грэя о созыве конференции послов четырех держав, по разным соображениям отвергнутые Германией, не были сразу приняты Францией, а Россия предпочла им непосредственные переговоры. Тогда сам автор предложения поспешил отказаться от него и тоже согласился, что «непосредственный обмен мнениями между Веной и Петербургом предпочтительнее всего».

Но эти непосредственные переговоры, начатые по совету германского посла в Петербурге и подхваченные Сазоновым, потерпели неудачу вследствие отказа Берхтольда внести какие-либо изменения в предъявленные требования и вследствие объявления им войны Сербии с нарочитым намерением помешать всякого рода посредничеству, способному предупредить военное выступление Австрии против Сербии.

Ввиду того что телеграммы шли по нескольку часов, а положение с каждым днем менялось, для успеха различных мирных предложений было весьма существенно, чтобы они осуществлялись немедленно. Но этого как раз и не было. За исключением Англии и Италии, остальные державы по тем или иным соображениям в каждом отдельном случае либо отдавали предпочтение другому способу, либо не сразу давали свое согласие, либо уже раньше ответили отрицательно. Таким образом все предложения о сохранении мира, сделанные до объявления Австрией войны Сербии, потерпели неудачу. После того как Австрия поставила Европу перед совершившимся фактом, стало еще труднее добиться принятия удовлетворительного мирного предложения.

[88] Полеолог — Бьенвеню-Мартэну, 26 июля; ФЖК., 54; ср. Paléologue, 1,28.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

ЗАПОЗДАЛЫЕ УСИЛИЯ ГЕРМАНИИ К СОХРАНЕНИЮ МИРА

До понедельника 27 июля Бетман и его коллеги в Берлине твердо надеялись, что австро-сербский конфликт должен и может быть «локализирован», и упорно на этом настаивали. В воскресенье 26 июля, днем, узнав о некоторых решениях по военным делам, принятых в Красном Селе, и о том, что «производятся все приготовления к мобилизации против Австрии» [1], Бетман снова формулировал германскую позицию и пытался убедить Россию воздержаться от мобилизации, которая могла явиться угрозой для европейского мира:

> «После того как граф Берхтольд заявил России, что Австрия не стремится к территориальным приобретениям за счет Сербии, а только желает установить спокойствие, сохранение европейского мира зависит всецело от России. Полагаясь на миролюбие России и на наши давние дружеские отношения, мы надеемся, что она не предпримет никаких шагов, которые явились бы серьезной угрозой европейскому миру»[2].

Одновременно Бетман отправил телеграммы такого же содержания в Лондон и в Париж, в которых убеждал Англию и Францию оказать умеряющее воздействие в Петербурге, но они совершенно не достигли желательного результата [3].

В понедельник утром, 27 июля, Бетман, после того как он отверг предложение Грэя о созыве конференции и высказался в пользу «непосредственных объяснений», снова телеграфировал в Париж: «Мы не можем выступить в качестве посредников в конфликте между Австрией и Сербией, но, пожалуй, сумеем это сделать впоследствии по отношению

---

[1] Пурталес — Бетману, 25 июля, получено 26 июля 3 ч. 28 м. утра, K. D., 194.

[2] Бетман — Пурталесу, 26 июля 1 ч. 35 м. дня K. D., 198. Позже вечером (в 7 час. 15 мин., K. D., 219) он обратился с более энергичным призывом и заявил о своей готовности «поддержать Россию в ее желании, чтобы неприкосновенность сербского королевства была поставлена вне всякого сомнения». Оба сообщения «произвели весьма хорошее впечатление на Сазонова», который заявил: «Надо найти способ, чтобы Сербия получила заслуженный ею урок, но чтобы при этом не были затронуты ее суверенные права». Это он считал возможным достичь, если Германия согласится воздействовать на Австрию, чтобы та умерила некоторые свои требования (Пурталес — Бетману, 28 июля, K. D., 282).

[3] K. D., 199, 200. Лихновский не мог переговорить с Грэем, который выехал на воскресенье за город. Но из беседы с Никольсоном и Тирелем он сделал вывод, что необходимо отказаться от «локализации» в пользу предложения Грэя о посредничестве (K. D., 218, 236). В Париже Бьенвеню-Мартэн сначала был как будто согласен оказать умеряющее воздействие в Петербурге, после того как Германия покажет, что она делает это в Вене (K. D., 235, 240, 241, 252), Бертело и Сазонов решительно воспротивились оказанию какого-либо давления на Россию (см. выше, гл. VIII).

к Австрии и России». Это предложение посредничества между Австрией и Россией свидетельствует о намечавшейся уже перемене в его позиции. Это первый признак возможности отказа от «локализации» и принятия на себя какой-нибудь посреднической роли, чтобы добиться соглашения между Веной и Петербургом. Телеграммы Пурталеса с сообщением о «непосредственных объяснениях» были немедленно переданы с небольшими сокращениями и без всяких комментариев Чиршки в Вену [4]. А Ягов сказал русскому поверенному в делах, «что не может советовать Австрии уступить, но что самая передача в Вену телеграммы Пурталеса означает, что он скорее рекомендует подобный выход из положения» [5]. В понедельник вечером появились новые признаки, что Бетман начинает сомневаться в целесообразности своей политики «локализации».

ГЕРМАНСКИЕ СОМНЕНИЯ ОТНОСИТЕЛЬНО «ЛОКАЛИЗАЦИИ»

Важным фактором в решениях, которые принимала теперь Германия, явилось спешное возвращение императора в Потсдам 27 июля днем [6]. Со слов Ягова сообщали, что «министерство иностранных дел сожалеет о шаге, предпринятом его величеством по собственной инициативе. Оно опасается, что возвращение его величества может породить всякого рода комбинации и вызовет возбуждение» [7]. Во время пребывания в северных водах Вильгельм II получал от Бетман-Гольвега краткие, но весьма оптимистические донесения, рассчитанные на то, чтобы император вел себя спокойно и не вздумал давать германскому флоту какие-нибудь распоряжения, которые могли бы вызвать тревогу [8]. Но старания Бетмана не увенчались успехом. Узнав от морского ведомства, что кайзер на основании телеграммы, переданной агентством Вольфа, отдал флоту распоряжение готовиться к возвращению домой, Бетман писал ему: «Осмелюсь всеподданейше посоветовать вашему величеству не давать приказа о досрочном возвращении флота».

К этому кайзер сделал следующую характерную помётку:

«Невероятно! Неслыханно! Я никогда этого и не думал делать!!! Это сделано по докладу моего министра относительно мобилизации в Белграде. Это м о ж е т вызвать мобилизацию в России и наверно вызовет мобилизацию в Австрии. В таком случае я должен с о б р а т ь мои боевые силы на суше и на море. В Балтийском море нет ни одного корабля!! Кроме того я не привык предпринимать военные меры на основании телеграмм агентства Вольфа, а руководствуюсь общим положением, и этого положения канцлер, как ш т а т с к и й человек, еще не понял» [9].

Кайзер был также чрезвычайно раздражен тем, что, находясь

---

[4] K. D., 217, 238, примеч.

[5] Броневский — Сазонову, 27 июля; M, O. т. V, стр. 158. Последняя фраза отсутствует в РОК.

[6] В 3 ч. дня, по словам Мольтке, у которого было совещание с ним вскоре после этого (M o l t k e, Erinnerungen, стр. 381).

[7] Рембольд — Грэю, 26 июля; B. D., 147.

[8] K. D., 67, 116, 125, 182, 191, 197, 221.

[9] 25 июля, K. D., 182. Посланник в Белграде доносил вечером 24 июля: «Мобилизация уже в полном разгаре» (K. D. 158). В момент отправки телеграммы это сообщение было преждевременно, но оно соответствовало действительности, когда кайзер получил его 25 июля в 3 час. 45 мин. дня.

в плавании, узнал о требованиях, предъявленных Австрией Сербии не официально через Бетмана, а через газетное информационное агентство [10]. Когда кайзер подъезжал к Берлину, Бетман отправил ему еще одну оптимистическую сводку, обрисовывающую положение, и подготовил пачку последних телеграмм, полученных в министерстве иностранных дел, для того чтобы их передали кайзеру по его прибытии в Потсдам [11].

27 июля днем вернулись в Берлин также руководители морского и военного ведомства. Мольтке, еще до того как возник кризис, собирался выехать из Карлсбада 25 июля, но отложил свой отъезд на один день [12]. По прибытии он переговорил с Бетманом и согласился, что надо держаться спокойно, однако из предосторожности отправил в министерство иностранных дел написанный собственноручно проект ультиматума, который надо было послать Бельгии в случае войны [13]. После того как он 27-го утром снова имел беседу с Бетманом, он писал своей жене: «Положение попрежнему остается безусловно неясным. Выяснится оно еще не скоро; по всей вероятности пройдут недели две, прежде чем я смогу узнать или сказать что-нибудь определенное» [14].

Адмирала Тирпица Бетман 24 июля просил не возвращаться из Швейцарии, где он проводил лето. Канцлер опасался возникновения тревожных комментариев, которые могли бы затруднить министерству иностранных дел проведение его политики «локализации». Однако адмирал его не послушался и 27 июля вернулся в Берлин, будучи убежден, что Бетман вступил на опасный путь, допустив возникновение таких трений с Россией; он считал безумием его надежду, что австро-сербский конфликт можно локализировать и что Англия останется нейтральной даже в том случае, если на континенте возникнет война. «Канцлер, — писал он одному из своих подчиненных, перед самым отъездом из Швейцарии, — стоит на совершенно ложном пути, увлеченный своей идеей завоевать симпатии коварного Альбиона... Нам нужно, чего бы это ни стоило, договориться с Россией» [15].

Император и его свита, вернувшись в Берлин, были чрезвычайно недовольны тем, что канцлер старался держать их подальше от столицы и недостаточно информировал. Они были серьезно встревожены тем бланковым чеком, который Бетман-Гольвег выдал Берхтольду 5 июля. Им указывали, что в интересах успешной «локализации» австро-сербского конфликта необходимо спокойствие, но они несомненно думали то же, что и император, который, находясь еще в плавании, сделал на одном из донесений Бетмана с призывом соблюдать спокойствие, невзирая на слухи

---

[10] Кайзер — министерству иностранных дел, 26 июля; K. D. 231.

[11] Бетман — кайзеру, 27 июля, 11 ч. 20 м. утра; K. D. 245.

[12] K. D., 74, 197.

[13] K. D., 376, прим. 1-е.

[14] M o l t k e, Erinnerungen, стр. 381. Это показывает, что он еще предполагал, что Австрия не объявит войны Сербии, пока Конрад не закончит концентрации австрийских сил, что предполагалось сделать к 12 августа.

[15] T i r p i t z, Erinnerungen (Berlin, 1920), стр. 150, сравни также стр. 213 сл., 236 сл. Тирпиц, как он говорит в своих мемуарах, хотел, чтобы Бетман был удален с канцлерского поста, а его некомпетентный подчиненный Ягов заменен каким-нибудь сильным и способным человеком, вроде Гинце, который однако к несчастью в этот момент находился в Мексике. Но хотя кайзер и был сердит на Бетмана, однако он заявил 29 июля, что он не может расстаться с этим человеком, потому что он пользуется доверием Европы (там же, стр. 237).

о русской мобилизации, следующую ироническую пометку карандашом: «Соблюдать спокойствие есть первейший долг гражданина. Спокойствие, всегда спокойствие... Спокойная мобилизация — это действительно нечто новое!» [16].

Они видели, что быстро развивается серьезный кризис, причем никаких специальных приготовлений не сделано, а дипломатическая ситуация становится неблагоприятной. Россия, поощряемая Францией и Англией, выступила с более решительными возражениями и предпринимала более широкие подготовительные военные меры, нежели можно было ожидать. Донесения Лихновского из Лондона звучали пессимистически: «Со времени предъявления австрийских требований никто здесь не верит в «локализацию» конфликта... Полагаю, что уже пора приступить к посредничеству в порядке, намечавшемся сэром Эдуардом Грэем». В другом донесении он писал: секретарь Грэя «неоднократно и с большим жаром указывал мне, что чрезвычайно важно, чтобы территория Сербии оставалась неприкосновенной, пока не будет разрешен вопрос о конференции, ибо в противном случае все усилия будут тщетны, и мировая война станет неизбежной. Локализация конфликта, на которую надеются в Берлине, совершенно невозможна и должна быть исключена из расчетов практической политики» [17].

Итальянский министр иностранных дел Сан-Джулиано заявил, что так как Австрия не посоветовалась со своей союзницей, прежде чем предпринять столь агрессивный шаг... то Италия может не считать себя связанной в смысле дальнейших последствий... Австрийская нота формулирована столь агрессивно и неудачно, что общественное мнение в Европе и в Италии будет против Австрии, и никакое итальянское правительство не в состоянии будет противодействовать этому... Договор Тройственного союза возлагает обязательства на случай оборонительной войны. Австрия в настоящее время действует агрессивно, и поэтому Италия даже в случае вмешательства России не будет нести никаких обязательств» [18].

Таким образом являлась мысль что оптимизм Бетмана и политика «локализации» могут оказаться ужасной ошибкой [19].

На совещании, происходившем в Потсдаме 27 июля, в понедельник, вечером, на котором присутствовали император, Бетман, Ягов, Мольтке и некоторые другие должностные лица [20], все повидимому, несмотря на накопившееся раздражение против канцлера, еще находили, что он прав,

---

[16] K. D., 197.

[17] Лихновский — Бетману, 26 июля; K. D., 218, 236.

[18] Флотов — Бетману, 24 июля; K. D., 156, 168. Другие тревожные сообщения относительно Италии, полученные 27 июля и вызванные тем, что Берхтольд не пожелал считаться с чувствами Италии как союзника и купить ее лояльность соответствующей компенсацией, приведены в K. D., 46, 109, 119, 136, 211, 244, а также выше в гл. V, прим. 119, 128.

[19] Лихновский уже понял это (сравни его донесение и в особенности его письмо Бетману от 16 июля, и также ответ Ягова; K. D. 62, 72). Тирпиц и Гельферих, когда писали свои мемуары, имели то преимущество, что могли оглядываться назад; они тоже утверждают, что они быстро поняли это, но Бетман, который слабо усваивал то, что Бисмарк называл «Imponderabilia» (невесомое), всегда утверждал, что он следовал единственному возможному курсу.

[20] Moltke, Erinnerungen, стр. 381; Tirpitz, Politische Dokumente, II, 2 говорит, что он и военный министр Фалькенгайн не присутствовали.

считая возможным мирное разрешение кризиса; никаких важных военных распоряжений на совещании сделано не было [21]. Очевидно программа Германии все еще сводилась к «локализации».

СОВЕТ ГЕРМАНИИ АВСТРИИ

Но по возвращении из Потсдама в Берлин Бетман и Ягов застали там кипу новых телеграмм, указывавших на то, что положение обострилось, и заставивших усомниться в разумности дальнейшего упорного проведения политики «локализации». В телеграммах указывалось, что Германия должна отнестись с большим вниманием к предложениям о посредничестве и рекомендовать Берхтольду прислушаться к этим предложениям. Германия должна была попытаться вернуть себе свободу действий в сербском вопросе, от которой она столь неблагоразумно отказалась 5 июля. Нужно было это сделать, не оскорбляя Австрии и не давая ей оснований сомневаться в неизменной поддержке Германии. Вместо того чтобы заявлять в Вене, как это было сделано три недели тому назад, что император, «разумеется, не может занять определенной позиции в вопросах, касающихся Австрии и Сербии, так как они выходят за пределы его компетенции» [22], Германия должна была теперь взять на себя роль посредника и посоветовать Австрии прислушаться к мирным предложениям Англии и России. В противном случае могло еще более усилиться подозрение, которое распространяли французские послы [23], будто Германия подзадоривает Австрию и будто она с самого начала знала текст ультиматума, желала войны и поступала недобросовестно, уверяя, что желает мира. Кроме того надо считаться с опасностью враждебного отношения со стороны Англии, которая в случае континентальной войны не останется нейтральной, как надеялась Германия, полагавшая, что король Георг дал соответствующее обещание принцу Генриху прусскому [24].

В одной из телеграмм, которые нашли Бетман и Ягов по возвращении из Потсдама, содержался полный текст ответа, данного Сербией. Он был доставлен в министерство иностранных дел сербским посольством сейчас же после полудня [25].

---

[21] «Investigating Comission», II, стр. 8 сл., 15 и Монжеля в KSF, V, 1200 слл., декабрь 1927.

[22] См. выше, гл. V, прим. 37.

[23] ФЖК, 15, 32, 38, 41, 43, 48, 67, 74; K. D., 215, 415, 485.

[24] «Король Великобритании сказал принцу Генриху прусскому, что Англия будет соблюдать нейтралитет в случае войны между континентальными державами» (*донесение* морского атташе в Лондоне германскому морскому ведомству 26 июля; K. D. 207; ср. также K. D. 201 и 374).

[25] Оно было отправлено из Белграда сербским посольством в Берлин 25 июля в 7 ч. 40 м. вечера и было получено 26 июля в 8 ч. 58 м. вечера, после чего было передано в почти неудобочитаемой форме сербским уполномоченным в делах берлинскому министерству иностранных дел на следующий день, причем не указано, в котором часу (K. D., 271, прим. 3). Бетман в своей телеграмме кайзеру, отправленной 27 июля в 11 ч. 20 м. утра, говорит об «ответе Сербии на ультиматум, текста которого мы еще не смогли получить» (K. D., 245), а 10 минут спустя он телеграфировал в Вену: «Пожалуйста, сообщите немедленно по телеграфу текст сербского ответа» (K. D. 246). Повидимому во время совещания в Потсдаме ответ еще там не был получен; он был отправлен кайзеру с нарочным в 9 ч. 30 м. вечера, но кайзер не успел уже прочесть его в ту же ночь (K. D. 270, прим. 2, 293). Жюль Камбон повидимому ошибается, когда говорит, что сербский уполномоченный в делах передал его Ягову этим утром (27 июля ФЖК, 74).

Хотя Бетману уже раньше дали понять, что Сербия «согласна дать удовлетворение почти по всем пунктам» [26], но, ознакомившись с текстом ответа, он окончательно убедился, в каком примирительном тоне он выдержан и до какой степени Сербия готова удовлетворить предъявленные ей требования. Надо полагать, что Бетман был раздражен тем обстоятельством, что Берхтольд не счел нужным сообщить в Берлин копию полученного им ответа [27].

Кроме этого имелись еще четыре телеграммы, сообщавшие о военных приготовлениях России на германской границе: Ковно переведено на военное положение; устье Двины минировано, и в некоторых пунктах происходит передвижение войск [28].

Телеграмма из Вены сообщала о внезапном решении Австрии «опубликовать завтра или, самое позднее, послезавтра официальное объявление войны главным образом для того, чтобы устранить возможность всяких попыток вмешательства [29]. Этим отменялся план, который был сообщен Берлину раньше и по которому предполагалось выждать приблизительно до 12 августа, когда будет закончена концентрация войск.

Телеграмма, полученная от Лихновского, сообщала о тревожном обстоятельстве: Грэй начал проявлять нетерпение по поводу действий Германии. Он только что ознакомился с ответом Сербии и пришел к выводу, что «Сербия удовлетворила австрийские требования в таких пределах, в каких он даже не ожидал». Если Австрия отвергнет этот ответ как основу для переговоров, или займет Белград, «то Россия не сможет остаться равнодушной и должна будет рассматривать это как прямой вызов. Результатом будет самая ужасная война, какую только знала Европа, и никто не может сказать, к чему приведет такая война». Поэтому Грэй настаивал, чтобы Германия употребила свое влияние и убедила Вену признать ответ Сербии либо удовлетворительным, либо могущим служить основой для переговоров. Он был убежден, что если бы Германия сделала надлежащее представление, то она сумела бы уладить этот вопрос. «Я впервые за все это время, — писал Лихновский, — застал министра в раздраженном состоянии; тон у него был очень серьезный; повидимому, он безусловно ожидает, что мы сумеем употребить наше влияние для того, чтобы уладить этот вопрос... Я убежден, что если война все-таки возникнет, то мы не можем рассчитывать на сочувствие или поддержку Англии, так как в действиях Австрии будет усмотрено несомненное проявление злой воли» [30].

Все эти серьезные сообщения убедили Бетмана, что настало время последовать предложению Грэя и выступить в качестве посредника. Он протелеграфировал Чиршки в Вену текст телеграммы Лихновского и добавил к этому от себя:

---

[26] K. D., 245.

[27] Берхтольд отложил его отправку на время; см. выше, гл. VII, прим. 42.

[28] K. D., 267, 274—276; см. там же выше гл. VI «Русская опасность».

[29] Чиршки в Берлин 27 июля 3 ч. 20 м. дня; прибыла в 4 ч. 37 м. дня; в ту же ночь отправлена императору и на следующее утро—в штабы армии и флота; K. D. 257, ниже прим. 42—54.

[30] Лихновский — Бетману, 27 июля, 1 ч. 31 м. дня, получено 4 час. 37 мин. дня, отправлено в Вену в 11 ч. 50 м. вечера, а кайзеру через нарочного 28 июля в 5 ч. утра, K. D., 258, 277, 283.

«Ввиду того что мы уже отвергли одно английское предложение о созыве конференции, мы не можем a limine (сразу) отвергнуть также и этот совет Англии. Если мы отвергнем все предложения о посредничестве, мы окажемся ответственными перед всем миром в случае возникновения пожара: нас будут считать главными зачинщиками войны. Это сделало бы наше положение невозможным даже в нашей собственной стране, где необходимо, чтобы считали, что нас принудили к войне. Наше положение особенно трудно еще и потому, что Сербия, видимо, в значительной мере пошла на уступки. Поэтому мы не можем отказаться от роли посредника и должны передать английское предложение на рассмотрение венского кабинета, тем более, что Лондон и Париж продолжают оказывать воздействие на Петербург. Я прошу графа Берхтольда высказаться относительно английского предложения, а также сообщить свое мнение относительно желания Сазонова вести переговоры непосредственно с Веной» [31].

Но когда Чиршки передал это сообщение Берхтольду, австрийский министр ответил, что «в настоящее время, ввиду открытия враждебных действий со стороны Сербии и последовавшего затем объявления войны Австрией, предложение Англии запоздало» [32]. Берхтольд поставил свою союзницу, так же как и всю Европу, перед совершившимся фактом войны с Сербией и таким образом «отрезал путь для всяких попыток вмешательства».

Вопрос, в какой мере Бетман действовал искренне в данном случае, вызвал большие споры. В тот же день, в 9 час. 15 мин. вечера, австрийский посол в Берлине телеграфировал Берхтольду:

1. Статс-секретарь по иностранным делам (Ягов) строго конфиденциально, но с полной определенностью сообщил мне, что германское правительство в скором времени доведет до сведения вашего превосходительства предложения о посредничестве, могущие последовать со стороны Англии.

2. Германское правительство самым положительным образом заверяет, что оно отнюдь не присоединяется само к этим предложениям и даже решительно высказывается против их рассмотрения, а передает их только в виде просьбы Англии.

3. Поступая таким образом, оно руководствуется тем соображением, что чрезвычайно важно не допустить Англию действовать в настоящий момент в единении с Россией и Францией. Поэтому необходимо избегать всего, что может нарушить связь между Германией и Англией, которая до сего времени так хорошо осуществлялась. Если бы Германия прямо заявила сэру Эдуарду Грэю, что она не станет передавать его просьбу Австро-Венгрии, тогда как Англия считает, что эта просьба скорее будет принята во внимание, если она будет передана Германией, то это создало бы как раз такую обстановку, которой столь необходимо избегать.

4. Больше того, германское правительство при каждом подоб-

[31] Бетман—Чиршки, 27 июля, 11 ч. 50 м. вечера; получено в посольстве в Вене в 5 ч. 30 м. вечера; K. D., 277.

[32] Чиршки — Бетману, 28 июля, 4 ч. 55 м. дня; K. D., 313.

ном требовании Англии в Вене будет самым решительным образом заявлять ей (demselben), что оно ни в какой мере не поддерживает в отношении Австро-Венгрии таких попыток вмешательства и ограничивается передачей их по назначению, следуя желанию Англии.

5. Вчера, по его словам, английское правительство обратилось к нему (Ягову) через посредство германского посла в Лондоне и непосредственно через своего представителя здесь (в Берлине) с тем, чтобы убедить его поддержать просьбу Англии, чтобы мы внесли изменения в ноту, предъявленную нами Сербии. Он (Ягов) ответил на это, что он, конечно, исполнит желание сэра Эдуарда Грэя и передаст просьбу Англии вашему превосходительству, но что сам он не может поддержать ее, потому что сербский конфликт является для Австро-венгерской монархии вопросом престижа, в котором заинтересована также Германия.

6. Он, статс-секретарь, передал поэтому ноту сэра Эдуарда Грэя фон-Чиршки, но не дал ему инструкции представить ее вашему превосходительству: таким образом он мог сообщить британскому кабинету, что он не отверг прямо желания Англии, а передал его в Вену.

7. В заключение статс-секретарь сказал, что он держится прежней позиции, и просил меня, во избежание всяких недоразумений, заверить ваше превосходительство, что его выступление в качестве посредника в данном случае ни в какой мере не означает, что он сочувствует вышеуказанному предложению Англии [33].

По поводу этой телеграммы Сегени, несколько запутанной, страдающей неточностями и повторениями, мы позволим себе сделать некоторые замечания:

1. В 4-м параграфе не вполне ясно, относится ли слово «demselben» к Англии или к Вене. Два наиболее выдающихся специалиста, француз Ренувен и немец Монжела, относят это слово к Англии. Но если так, то Сегени противоречит здесь тому, что он говорит в первых трех параграфах. Если это относится к Вене, то заявление Сегени опровергается тем обстоятельством, что германское правительство никогда не заявляло в Вене,что «оно ни в каком случае не будет поддерживать в отношении Австро-Венгрии таких попыток вмешательства».

2. В 5-м параграфе неясно, что́ имеет в виду Сегени. Англия 26 июля («вчера») не высказывала никакого пожелания об изменении ноты, врученной Сербии. Возможно, что Сегени напутал здесь и имеет в виду просьбу Грэя от 25 июля (не «вчера»), полученную в Берлине в тот же день. Там говорилось, что «Германия могла бы воздействовать на австрийское правительство, чтобы оно благосклонно отнеслось к нему», т. е. к ответу Сербии. Эта просьба, действительно, — как Сегени указывает в п. 6,— была немедленно передана Чиршки в Вену, о чем было сообщено Англии [34].

---

[33] Сегени — Берхтольду, 27 июля, 9 ч. 15 м. вечера, получено в Вене 28 июля в 9 ч. вечера, ARB, II, 68; G o o s s, стр. 173 сл. Американская делегация на Версальской мирной конференции цитировала только первые два параграфа этой телеграммы, которые, будучи взяты сами по себе, создают неправильное впечатление. О различных интерпретациях знаменитой депеши Сегени см. помимо ряда других авторов H. D e l b r ü c k в Preussische Jahrbücher, том 176, стр. 487—490, июнь 1919 г.; R e n o u v i n, стр. 121—126; M o n g e l a s, Leitfaden, стр. 176 сл.

[34] B. D., 115, 149; K. D., 186, прим. к стр. 186 и прим. 191a.

Вряд ли Сегени имел в виду английское предложение о созыве послов, которое было сделано в Лондоне Лихновскому 26 июля, а в Берлине Гошеном 27 июля, и которое Германия немедленно и вполне определенно отвергла [35]. (В обоих случаях было бы неуместно указание «вчера».) Об этом Сегени писал в более позднем донесении [36].

3. Не имеется никаких доказательств, что Ягов заявил Англии, как это утверждает Сегени в конце п. 5, что «сербский конфликт является для Австро-венгерской монархии вопросом престижа, в котором заинтересована также и Германия».

4. Сегени в то время был так стар, что уже решено было его отозвать, и был намечен ему преемник. Его возраст и нервное напряжение, в котором он находился в эти дни, могли бы объяснить путаницу и неточность этой телеграммы. Поэтому представляется сомнительным, можно ли вполне доверять ей, в особенности ввиду того, что это не единственный случай неточности и ненадежности сообщений Сегени за время этого кризиса [37].

5. Наконец — и это самое важное — обыкновенно предполагали, что когда Сегени в 1-м параграфе сообщал: «Германское правительство вскоре доведет до сведения вашего превосходительства могущие поступить английские предложения о посредничестве», — то он имел в виду телеграмму Лихновского, предлагавшую посредничество на основе ответа, данного Сербией, и пересланную с комментариями Бетмана, которые приведены выше в примечаниях 30 и 31. Если бы это было действительно так, и если телеграмма Сегени заслуживала бы доверия (что представляется сомнительным), то это бросало бы очень подозрительный свет на искренность поведения Бетмана. Но весьма возможно, что Сегени имел в виду не приведенную выше телеграмму Лихновского, а предложение Англии о созыве конференции четырех держав, которое Ягов собирался переслать в Вену, о чем он и сказал Сегени. Это предложение Ягов открыто и решительно отверг; поэтому в его заявлении, сделанном Сегени о том, что германское правительство решительным образом противится рассмотрению этого предложения и передает его только для того, чтобы исполнить желание Англии, нет никакого двурушничества и обмана. Могут возразить, что Ягов, повидимому, не переслал в Вену предложения относительно конференции. Но это легко объяснить. Утром, 27 июля, в Берлине имелись лишь неопределенные и неофициальные сведения о предложенном созыве конференции, содержавшиеся в телеграмме, отправленной Лихновским в воскресенье вечером [38]. Возможно, что Сегени было сказано, что Германия относится к этому предложению отрицательно

[35] См. выше, гл. VIII, прим. 58—69.

[36] Сегени — Берхтольду, 28 июля, 7 ч. 40 м. дня (приблизительно через 30 часов после события), ARB, II, 84. «Английское предложение о посредничестве, по которому Германия, Италия, Англия и Франция должны собраться на конференцию в Лондоне и изыскать способ уладить нынешние затруднения, было отвергнуто в Германии на том основании, что конференция не будет подходящим средством для осуществления этого намерения».

[37] K. D., 324, см. выше, гл. V, прим. 43.

[38] Отвечая на эту телеграмму Лихновского (K. D., 236, см. выше прим. 17), Бетман телеграфировал ему в 1 час. дня (K. D. 248): «Здесь до настоящего времени не знают о предложении сэра Эдуарда Грэя о созыве конференции à quatre (вчетвером). Мы не можем принять участие в такой конференции, так как мы не можем допустить, чтобы Австрию вызывали на европейский суд»;

и если передаст его в Вену, то это не значит, что она его поддерживает. Затем в течение дня Гошен выступил с формальным предложением конференции. Предложение это было отвергнуто [39], но Ягов и Бетман, поспешно вызванные в Потсдам, забыли передать его в Вену. Когда по возвращении из Потсдама они ознакомились с текстом сербского ответа и нашли телеграмму Лихновского относительно предложения посредничества, то они отправили в Вену эту телеграмму вместо телеграммы, содержавшей предложение созыва конференции. Другое возражение, которое может быть сделано против этого мнения (что Сегени имел в виду созыв конференции и предстоящее по этому поводу германское сообщение в Вене), может заключаться в том, что телеграмма его была отправлена в 9 час. 15 мин. вечера и вряд ли могла относиться к беседе, происходившей около полудня. Но он часто запаздывал на несколько часов в получении сведений из германского министерства иностранных дел и в передаче их в Вену; срок приблизительно в 9 часов не представлял для него ничего необычного [40]. Кроме того представляется весьма сомнительным, чтобы Бетман и Ягов могли вернуться из Потсдама настолько рано, чтобы успеть прочесть телеграмму Лихновского, сообщить Сегени, что не одобряют ее, но передают в Вену, желая угодить Англии, и чтобы после всего этого Сегени имел еще достаточно времени зашифровать свою телеграмму и отправить ее в 9 час. 15 мин. вечера.

Поэтому, кажется, имеются достаточные основания предположить, что телеграмма Сегени относилась к предложению созыва конференции, каковое было совершенно открыто отвергнуто, но что он не имел в виду более позднего предложения о посредничестве, переданного Бетманом в Вену около полуночи.

Отсюда можно сделать выводы, что Бетман действовал искренне, когда вечером 27 июля взял на себя роль посредника и по телефону советовал Берхтольду обдумать предложение Грэя и Сазонова и уладить дело таким образом, чтобы Австрия признала сербский ответ достаточно удовлетворительным как основу для дальнейшего обсуждения. Несомненно поведение Бетмана в сильной степени определялось желанием не вступать в конфликт с Англией. Но если бы это был единственный мотив, побудивший его передать предложение Англии, как то думают некоторые истолкователи телеграммы Сегени, то ему незачем было бы одновременно просить Берхтольда обратить внимание на предложение Сазонова о непосредственных переговорах. Несомненно, что Бетману следовало более настойчиво формулировать свой совет, если он желал во что бы то ни стало удержать Австрию. Но он не хотел задевать ее самолюбие или возбуждать сомнения относительно лойяльности Германии в отношении своей союзницы [41]. Но даже, если бы он говорил более решительным тоном, он все

---

[39] Гошен — Грэю, 26 июля, 6 ч. 17 мин. дня; B. D. 185.

[40] Например Германия требовала от Вены текста сербского ответа в 11 ч. 30 м. утра (K. D., 296). Сегени сообщил эти новости только в 5 ч. 50 м. дня. Точно так же Гошен послал донесение о том, что предложение относительно созыва конференции отвергнуто в понедельник в 6 ч. 17 м. дня, а Сегени сообщил об этом лишь на сутки с лишним позднее — во вторник в 7 ч. 40 м. вечера (ARB, II, 84).

[41] Характерно, что, пересылая телеграмму Лихновского в Вену, он опустил в ней последнюю фразу, которая могла создать такое впечатление, что Австрия находится в руках Германии: ключ к ситуации надо искать в Берлине; если серьезно хотят мира, то

равно не предупредил бы объявления Австрией войны Сербии, потому что Берхтольд уже решил сделать этот шаг, желая «отрезать всякий путь к попытке вмешательства». Когда Чиршки сообщил то, что ему велел передать Бетман, то ему ответили, что предложение Англии запоздало, так как Австрия и Сербия уже находятся в состоянии войны.

ОБЪЯВЛЕНИЕ АВСТРИЕЙ ВОЙНЫ СЕРБИИ 28 ИЮЛЯ

В Европе все опасались, что после разрыва дипломатических сношений с Сербией Австрия немедленно объявит войну или начнет военные действия. Этого первоначально ожидала также и Германия, которая даже рекомендовала поступить таким образом, чтобы обеспечить «локализацию» конфликта и быстрым выступлением сделать менее вероятным вмешательство России [42]. Когда обстоятельства сложились иначе, то все почувствовали некоторое облегчение. Стало казаться, что непосредственные объяснения могут иметь шансы на успех. Причина, почему военные действия не последовали немедленно за разрывом дипломатических сношений, заключается в том, что Австрия предполагала начать частичную мобилизацию только 23 июля. Для концентрации армии требовалось около двух недель, Конрад же не желал начинать войну, пока армии не будут сконцентрированы. Об этом Чиршки был извещен в полдень 26 июля, а в Берлине узнали утром 27 июля. Поэтому там ожидали объявления войны или начала враждебных действий не раньше, чем около 12 августа [43].

Но когда предварительное и краткое изложение сербского ответа, разосланное Пашичем, стало производить благоприятное впечатление [44] и когда Берлин передал в Вену выраженную Грэем надежду, что Австрия отнесется благосклонно к этому ответу [45], Берхтольд стал сомневаться, целесообразна ли такая продолжительная отсрочка. «Когда вы хотите, чтобы была объявлена война?» — спросил он Конрада в полдень 26 июля. «Приблизительно 26 августа», — отвечал начальник генерального штаба. «Благоприятная дипломатическая ситуация не продлится так долго»,— сказал Берхтольд [46]. Однако тогда планы Конрада не подверглись никакому изменению. Венское правительство все еще полагало, что Россия ничего не предпримет и что поэтому нет надобности спешить разделаться с Сербией. Но 27 июля, когда поступили известия о военных приготовлениях и демонстрациях, имевших место в Красном Селе [47], в Вене «решили завтра или, самое позднее, послезавтра официально объявить войну, чтобы отрезать путь для всякой попытки вмешательства» [48].

Австрию можно удержать от ее безумной политики, как выражается сэр Эдуард Грэй (K. D., 258, 277).

[42] Сегени — Берхтольду, 25 июля, 2 час. 12 м. дня; ARB, II, 32, и Чиршки — Бетману, 26 июля, 4 час. 50 м. дня; K. D., 213.

[43] Conrad, IV, 131, сл., Чиршки — Бетману, 26 июля, 4 час. 50 мин. дня; K. D., 213. Dirr, стр. 148; Moltke, Erinnerungen, стр. 381; Сегени — Берхтольду, 27 июля, 5 час. 50 мин. дня; ARB, II, 67.

[44] B. D., 114, 115.

[45] K. D., 186; ARB, II,57.

[46] Conrad, IV, 131 сл.

[47] 27 июля, 7 и 8 часов утра; ARB, II, 49, 60; см. также выше, гл. IV, «Русская опасность».

[48] Чиршки — Бетману, 27 июля, 3 ч. 20 м. дня; K. D., 257. Ср. также телеграмму Берхтольда Сегени, 27 июля, 11 ч. 10 м. вечера (ARB, II, 69), где он говорит, что объявле-

К вечеру того же дня, когда получилась телеграмма Сапари с предложением «непосредственных объяснений» [49] и сообщение о предложенном Грэем созыве конференции, такое вмешательство стало казаться еще более вероятным [49a]. Поэтому Берхтольд отправил Сапари инструкцию, в которой ему предлагалось вести переговоры с Сазоновым, но не связывать себя никакими обязательствами» [50]. В то же самое время был составлен проект объявления войны Сербии и меморандум, который должен был убедить императора Франца-Иосифа дать разрешение на отсылку объявления войны «завтра рано утром». Меморандум содержал два основных довода: во-первых, в нем указывалось, что ответ Сербии, не представляя никакой ценности по содержанию, составлен умно и примирительно по форме, так что державы Согласия могут попытаться добиться мирной ликвидации конфликта, «если не будет создано ясное положение путем объявления войны». Второй довод заключался в том, что сербы открыли военные действия, обстреляв австрийские войска у Темес-Кубина на Дунае. Этими доводами Берхтольд, прибывший в Ишль, сумел убедить императора, сейчас же протелефонировал об этом в Вену и незадолго до полуночи, 28 июля, из Вены отправили в Ниш незашифрованную телеграмму, составленную на французском языке и содержавшую объявление войны Австрией [51].

Таким образом Берхтольд «внес ясность в положение», поставив всех перед совершившимся фактом. Когда русский посол явился с предложением непосредственных объяснений, Берхтольд сказал ему, что не может принять ответ Сербии за основу для дальнейшего обсуждения, потому что сегодня Сербии объявлена война [52]. Германии и Англии Берхтольд сообщил, что предложение Грэя о созыве конференции запоздало, что ввиду существующего уже состояния войны оно опережено событиями» [53], а также что Австрия «должна была отклонить всякие переговоры на основе сербского ответа. В настоящее время затронут престиж двуединой монархии, и нет никакой возможности предупредить конфликт». [54]

Таким образом поспешное объявление войны Австрией опередило

ние войны последует «в ближайшие дни», но военные действия могут начаться только несколько недель спустя, когда Конрад сконцентрирует свои войска.

[49] Получено 27 июля в 4 ч. 30 м. дня, см. выше. гл. VIII, прим. 85.

[49a] Менсдорф — Берхтольду, 27 июля, получено в 6 ч. 30 м. вечера; ARB, II, 71.

[50] Берхтольд — Сапари, 27 июля, получено в 6 ч. 30 м. веч.; ARB, II, 71.

[51] Армстронг, у которого автор получил прилагаемое при сем факсимиле, сообщает интересные данные о его происхождении в журнале «Current History», октябрь, 1927, стр. 95; так как телеграфное сообщение с Белградом было прервано, то телеграмма отправлена через Черновицы и Бухарест. В первом наброске объявления войны указывали в качестве одной из причин о сербской провокации в Темес-Кубине, но так как это обстоятельство не получило подтверждения, то для окончательного текста объявления войны оно было исключено, некоторые авторы полагают, что случай о происшедшем в Темес-Кубине был изображен с целью обмануть и уговорить Франца-Иосифа; характерно, что Конрад совершенно не упоминает об этом инциденте. На следующий день, 29 июля, Берхтольд объяснил императору, что конфликт в Темес-Кубине был слишком незначительным, так что не было смысла приводить его как причину войны в документе об объявлении войны Сербии. G o o s стр. 218.

[52] Берхтольд — Сапари, 28 июля, 11 ч. 40 м. вечера; ARB, II, 95.

[53] Берхтольд — Сегени, 28 июля, 11 ч. вечера, и Менсдорфу, 29 июля в 1 ч. ночи; ARB, II, 81, 90.

[54] Бунзен — Грэю, 28 июля, 1 ч. 10 м. дня; B. D., 227; ср. также 226, 230; K. D., 313 и ARB, II, 82.

предложения Англии и России принять сербский ответ за основу для дальнейших переговоров. Этим самым была создана новая ситуация. Считаясь с ней, Германия и Англия (но уже не Россия) поспешили сделать несколько новых предложений, которые ставили себе целью сохранить мир в Европе и в то же время могли бы удовлетворить Австрию и Сербию. Правда, одно из этих предложений было намечено кайзером еще за несколько часов до того, как он узнал, что Австрия объявила войну. Обыкновенно это предложение известно под наименованием «план залога» или «остановка в Белграде».

ПРЕДЛОЖЕННЫЙ КАЙЗЕРОМ «ПЛАН ЗАЛОГА» (Pledge plan)

Когда кайзер проснулся во вторник утром 28 июля, ему подали текст сербского ответа и ряд других документов, которые побудили Бетмана накануне ночью обратиться к Берхтольду с просьбой рассмотреть сделанные Англией и Россией мирные предложения. На Вильгельма II примирительный и уступчивый характер сербского ответа произвел сильное впечатление, равно как и дипломатический успех, достигнутый Австрией. Это видно из его пометки.

«Блестящее достижение за каких-нибудь 48 часов! Это больше, чем можно было ожидать. Огромный моральный успех для Вены! Но тем самым отпадает всякое основание для войны, и Гизль может спокойно оставаться в Белграде. После этого я ни в каком случае не дал бы приказа о мобилизации» [55].

Поэтому он немедленно написал Ягову: «Я убежден, что в общем желание Дунайской монархии удовлетворено. Небольшие оговорки, которые делает Сербия, можно уладить мирными переговорами. Ответ заявляет urbi et orbi (всему миру) о капитуляции на самых унизительных условиях, и в результате отпадает всякое основание для войны. Тем не менее, этот клочок бумаги и его содержание представляют малую ценность пока они не выразятся в соответствующих делах. Сербы — восточный народ, а поэтому лжецы, обманщики и мастера по части уверток. Для того чтобы эти превосходные обещания стали реальными и превратились в действие и для того чтобы армия, понапрасну мобилизуемая уже в третий раз, получила satisfaction d'honneur [почетное удовлетворение] в виде осязательного успеха», нужно позволить Австрии временно занять военной силой Белград в качестве залога. «Я предлагаю, чтобы мы заявили Австрии: Сербия вынуждена была уступить в самой унизительной для себя форме, и мы приносим наши поздравления; разумеется, теперь нет никакого основания для войны, но гарантия того, что обещания будут выполнены, вероятно необходима; ее можно пожалуй получить путем временной военной окупации части Сербии, наподобие того, как мы оставили наши войска во Франции, в 1871 г., пока не были уплачены 2 миллиарда. На таких основаниях я готов взять на себя мирное посредничество перед Австрией. Представьте мне предложения, составленные в таком духе, как я сейчас набросал, для передачи их в Вену» [56].

---

[55] K. D., 271.

[56] Вильгельм II — Ягову, 28 июля, 10 ч. утра и записка такого же содержания его секретаря, обращенная к Мольтке, «который вполне разделяет мое мнение»; K. D., 293; и прим. 6 в новом издании. Кавычки принадлежат кайзеру.

Таким образом император был наконец готов удовлетворить просьбу Англии выступить в качестве посредника и рекомендовать Вене отказаться от мысли о войне с Сербией. Но в то время как Грей настаивал, чтобы Австрию отговорили от всяких военных действий, император готов был допустить их, желая предоставить Австрии осязательный залог того, что обещания, данные Сербией, будут действительно выполнены. Но еще прежде чем предложение императора было формулировано в виде депеши и сообщено Австрии, последняя, как мы уже знаем, объявила войну Сербии. После этого оставалось только выяснить, согласна ли будет Австрия, и в особенности Россия, принять предложение кайзера о посредничестве, которое искренне было рассчитано на то, чтобы предупредить европейскую войну.

Еще до того как собственноручное письмо кайзера, адресованное Ягову, было доставлено из Потсдама в Берлин и облечено в форму конкретного предложения Вене, Бетман получил тревожные сообщения относительно попытки Берхтольда бряцать германской саблей, о его упорном пренебрежении к данному Германией совету удовлетворить Италию, а также о его тайном намерении произвести раздел Сербии. 5 июля Бетман полагал, что дает согласие на поддержку Австрии для прекращения опасной великосербской пропаганды, что представляло для нее жизненный интерес. После того как ответ Сербии устранял эту опасность, он считал свои обещания в достаточной мере выполненными. В его намерения не входило, чтобы Германия обязательно следовала за Берхтольдом при осуществлении им тайных планов, которые Австрия скрывала от своей союзницы; такие планы могли повлечь за собой разрыв Тройственного союза вследствие выхода из него Италии, а также могли нарушить мир в Европе, причем виновниками стали бы считать Германию и Австрию. Бетман не хотел, чтобы Россия и панславистская печать поддерживали Сербию и позволяли ей продолжать угрожающую великосербскую политику, но, с другой стороны, он считал, что Австрия должна удовлетворить желание России и не производить раздела Сербии [57].

Поэтому Бетман не хотел позволить Берхтольду бряцать германским мечом. Берхтольд и Конрад обратились к Чиршки с просьбой, чтобы Берлин сделал предостережения в Петербурге и указал, что военные приготовления России против Австрии носят столь угрожающий характер, что могут вызвать контрмеры [58]. Вместо того чтобы последовать этому совету, Бетман попытался успокоить и обуздать венское правительство, заявив ему, что «сообщения относительно военных приготовлений России, по имеющимся здесь сведениям, представляют собой только слухи, еще не нашедшие подтверждения. Даже по мнению генерала Мольтке, решительная декларация в Петербурге представляется на сегодняшний день еще преждевременной» [59]. В то же время, отвечая на предложение Сазонова, что «надо изыскать способ преподать Сербии заслуженный урок, не нарушая ее суверенитета»[60], он послал Пурталесу инструкцию: «Пожа-

[57] Ср. Бетман — прусским посланникам при союзных германских государствах, 28 июля, K. D., 307, а также его телеграммы в Вену, цитированные ниже.

[58] Чиршки — Бетману, 27 июля (28 июля 1 ч. 45 м. ночи, получена в 4 ч. утра); K. D., 281.

[59] Бетман — Чиршки, 28 июля, 3 ч. 20 м. дня; K. D., 299.

[60] См. выше прим. 2.

луйста, передайте Сазонову, что я благодарю его за его сообщение и за примирительный тон, в котором оно выдержано, и продолжаю надеяться, что объявление Австрии о ее незаинтересованности удовлетворит Россию и послужит основой для дальнейшего соглашения» [61]. Бетман узнал также, что Берхтольд упорствует в своем нежелании последовать совету Германии относительно компенсации Италии [62]. Германский посол в Риме сообщил, что сам Джулиано настаивает, что «существование Сербии безусловно необходимо для Италии. Нельзя допустить, чтобы этот барьер против Австрии был уничтожен» [63]. Поэтому из Берлина в Вену были отправлены инструкции, в которых указывалось, что император «считает абсолютно необходимым, чтобы Австрия своевременно пришла к соглашению с Италией относительно ст. 7 и вопроса о компенсации. Непосредственные объяснения Берхтольда с итальянским послом рекомендовались как настоятельно необходимый шаг [64].

Особенно волновали сообщения, поступившие из Лондона относительно действий Австрии. Хотя Берхтольд объявлял об отсутствии какого-либо намерения аннексировать сербскую территорию [65] и заявил о территориальной незаинтересованности Австрии, но австрийский посол в Лондоне в доверительном порядке сообщил Лихновскому, что Сербию предполагается «уложить на обе лопатки» и что «существует намерение предоставить некоторые части Сербии Болгарии, а возможно также и Албании» [66]. Эти секретные намерения были высказаны на австрийском совете министров 19 июля [67], но они шли вразрез с ожиданиями Бетмана и с тем, что он искренне заявлял державам. Поэтому он с возмущением писал в своих заметках: «Двуличие Австрии невыносимо: она отказывается поставить нас в известность относительно своей программы, решительно заявляет, что предложение графа Гойоса о разделе Сербии носит чисто личный характер; и в Петербурге она ведет себя, как овечка, не знающая дурных помыслов, а в Лондоне австрийское посольство говорит о передаче некоторых сербских территорий Болгарии и Албании» [68].

Поэтому предложение кайзера относительно посредничества на основе «плана залога» было воспринято Бетманом не без некоторого чувства справедливого раздражения против Австрии. Предложение это было формулировано в следующей телеграмме, отправленной в Вену.

> «Австрийское правительство [если не считать сделанного им России заявления, что оно не стремится к территориальным приобретениям в Сербии], несмотря на неоднократные запросы с нашей стороны, оставляло нас все время в неведении относительно преследуемых им целей. Полученный нами в настоящее время ответ сербского правительства на австрийский ультиматум показывает, что Сербия по суще-

---

[61] Бетман — Пурталесу, 28 июля, 3 ч. 35 м. дня; K. D., 300.
[62] См. выше прим. 18.
[63] Флотов — Бетману, 27 июля, 2 ч. 40 м.; K. D., 261.
[64] Ягов — Чиршки, 27 июля, 9 ч. и 9 ч. 30 м. вечера; K. D., 267, 269.
[65] В беседе с русским уполномоченным в делах в Вене, 24 июля (ARB, II, 23), это не было подтверждено Сапари в Петербурге.
[66] Лихновский — Бетману, 28 июля, 12 ч. 58 м. вечера (?), получено в 3 ч. 45 м. дня; K. D., 301.
[67] См. выше, гл. V, прим. 104—106.
[68] K. D., 301, прил.

ству идет столь далеко навстречу австрийским требованиям, что если австрийское правительство займет совершенно непримиримую позицию, то это может с течением времени вооружить против него общественное мнение всей Европы. [Россия по всей вероятности будет удовлетворена], если венский кабинет снова вполне определенно заявит в Петербурге, что территориальные приобретения в Сербии не входят в его намерения и что принятые им военные меры имеют целью только временное занятие Белграда и других определенных пунктов на сербской территории, для того чтобы принудить сербское правительство выполнить все предъявленные ему требования; это должно также служить гарантией надлежащего поведения Сербии в будущем, на что Австро-Венгрия бесспорно имеет право по своему прежнему опыту в Сербии. Такую оккупацию можно приравнять к германской оккупации во Франции после заключения Франкфуртского мира, когда она служила обеспечением уплаты контрибуции. Как только требования Австрии будут выполнены, оккупация прекратится. Вы должны немедленно в настойчивой форме передать это Берхтольду и побудить его предпринять надлежащие шаги в Петербурге. Вам надлежит всячески стараться создать впечатление, что мы удерживаем Австрию. Вопрос исключительно сводится к тому, чтобы найти способ, при котором можно было бы осуществить намерение Австрии — подрезать жизненный нерв великосербской пропаганды, не вызывая в то же время мировой войны; в конечном же итоге, если война окажется неизбежной, нашей целью является обеспечить себе возможно более выгодную обстановку для начала войны. Прошу ответить по телеграфу» [69].

Этой телеграммой Бетман делал правильный шаг. Содержание ее вполне соответствовало новой ситуации, создавшейся вследствие того что Австрия уже начала войну с Сербией, о чем Бетман только что узнал. Телеграмма ставила себе целью скомандовать австрийской армии: «Стоп в Белграде!» Но тон ее был недостаточно энергичен для того, чтобы вынудить у Берхтольда немедленное согласие. Тон этот вместе с тем не вполне соответствовал более определенным инструкциям кайзера, предлагавшего заявить Вене, что «нет более оснований для войны». Бетман чересчур боялся оскорбить Австрию; он был озабочен не столько тем, чтобы предупредить войну, сколько тем, чтобы предупредить возможность возложения ответственности за нее на Германию и Австрию. Однако он тоже немедленно сообщил России, что старается убедить Вену вступить в откровенные переговоры с Петербургом и определить в ясной и удовлетворительной форме цель и размеры австрийских действий в Сербии [70]. Он заявил также британскому послу, что он «прилагает все старания, как в Вене, так и в Петербурге к тому, чтобы поручить обоим правительствам дружественно обсудить предложения путем непосредственных переговоров. Он возлагает большие надежды на то, что такое обсуждение состоится и даст удовлетво-

[69] Бетман — Чиршки, 28 июля, 10 ч. 15 м. вечера; K. D., 323. Ср. ARB., III, 24, и Goos, стр. 243—244. Бетман передал также Чиршки по телеграфу сообщение Пурталеса о более примирительной позиции Сазонова и его согласии на то, что надо изыскать способ, при котором Сербия получила бы «заслуженный урок», а для Австрии был бы переброшен мостик для отступления; K. D, 282, 309.

[70] Бетман — Пурталесу и другим германским послам за границей; 28 июля, 9 ч. вечера; K. D., 315.

рительные результаты. Он снова заявил о своем желании сотрудничать с Австрией и о своем намерении сделать все то, что в его силах, для поддержания всеобщего мира. Последние слова, сказанные ему Гошеном, были: «Нужно избежать войны между великими державами» [71]. Но ни России, ни Англии он не сообщил в точности условий своего «плана залога», потому что желал сначала узнать, окажется ли этот план приемлемым для Австрии. Последняя держала его в течение 60 критических часов в состоянии мучительной неизвестности и наконец дала отрицательный ответ.

ТЕЛЕГРАММЫ НИККИ И ВИЛЛИ

Не ограничиваясь уведомлением Сазонова обычным дипломатическим путем о том, что Германия ведет переговоры в Вене с целью привести Австрию к непосредственному удовлетворительному соглашению с Россией, Бетман тогда же, 28 июля вечером решил прибегнуть к непосредственному обмену телеграммами между кайзером и царем. В прежнее время эта корреспонденция между Никки и Вилли часто в сильной степени способствовала укреплению традиционной дружбы и добрых отношений между Пруссией и Россией. Бетман надеялся, что она поможет и в этот тревожный момент. Поэтому министерство иностранных дел составило проект телеграммы, в которую кайзер внес некоторые изменения, после чего она была отправлена из Берлина 29 июля в 1 час 15 минут дня.

«С глубочайшим сожалением узнал я о впечатлении, произведенном в твоей стране выступлением Австрии против Сербии. Недобросовестная агитация, которая велась в Сербии в продолжение многих лет, завершилась гнусным преступлением, жертвой которого пал эрцгерцог Франц-Фердинанд. Состояние умов, приведшее сербов к убийству их собственного короля и его жены, все еще господствует в стране. Без сомнения ты согласишься со мной, что наши общие интересы, твои и мои, как и интересы всех монархов требуют, чтобы все лица, нравственно ответственные за это жестокое убийство, понесли заслуженное наказание. В этом случае политика не играет никакой роли.

С другой стороны, я вполне понимаю, как трудно тебе и твоему правительству противостоять силе общественного мнения. Поэтому, принимая во внимание сердечную и нежную дружбу, издавна связывающую нас крепкими узами, я употреблю все свое влияние для того, чтобы побудить австрийцев действовать со всей прямотой для достижения удовлетворительного соглашения с тобой. Я твердо надеюсь, что ты придешь мне на помощь в моих усилиях сгладить затруднения, которые все еще могут возникнуть» [72].

Та же мысль почти одновременно пришла царю и небольшой группе окружавших его советников, которые искренне старались не дать австро-сербскому конфликту вылиться в русско-германскую войну. Князь Трубецкой сказал генералу Хелиусу, личному представителю кайзера при царском дворе, что ответ Сербии и готовность передать вопрос на рассмо-

[71] Гошен — Грэю, 28 июля в полночь; B. D., 249; последняя фраза не была напечатана в 1914 г. в британской «Белой книге», 71; ср. также Бетман — Лихновскому, 28 июля, 8 ч. 40 м. вечера; K. D., 314.

[72] K. D., 335; Schilling's Diary, стр. 45. [М. О. т. V, стр. 189.]

трение третейского суда позволили бы избежать европейской войны «Мы вовсе не любим сербов, — сказал он Хелиусу, — но они славяне и наши братья по крови, и мы не можем оставить наших братьев на произвол судьбы, когда они находятся в затруднительном положении. Австрия может уничтожить их, чего мы не можем допустить». Он выразил надежду, что кайзер посоветует Австрии не перетягивать струну, а признать удовлетворительными примирительные обещания Сербии и согласиться на передачу дела Гаагскому трибуналу. «Возвращение вашего императора в Германию вызвало у всех нас чувство облегчения, потому что мы доверяем его величеству и думаем, что он так же не желает войны, как и царь Николай. Было бы хорошо, если бы оба монарха договорились путем обмена телеграммами» [73].

Предложение передать австро-сербский конфликт на рассмотрение Гаагского трибунала, сделанное уже Пашичем в виде дополнения к сербскому ответу (может быть по совету России) [74], встретило сочувствие царя. Гаагский трибунал был его детищем. 27 июля он писал Сазонову:

> «Я приму вас завтра в шесть часов. Мне пришла мысль, которую я, чтобы не терять золотого времени, сообщаю вам: почему бы не предложить Австрии, договорившись предварительно с Францией и Англией, а затем с Германией и Италией о передаче конфликта с Сербией на рассмотрение Гаагского трибунала?
>
> Может быть еще не упущен момент, пока не произойдут непоправимые события. Попытайтесь предпринять этот шаг сегодня, прежде чем вы будете делать доклад [мне завтра] для того, чтобы выиграть время. Я еще не потерял надежды на мир» [75].

Это письмо царя является одним из многих доказательств его искреннего желания использовать все средства для сохранения мира, но Сазонов не обратил на него внимания. Вместо этого он рассчитывал запугать Австрию и принудить ее к дипломатическому отступлению угрозой частичной мобилизации; одновременно он хотел предпринять обширные мероприятия «подготовительного к войне периода», что должно было облегчить ускоренное проведение общей мобилизации. В то время как царь выступил с предложением о передаче дела Гаагскому трибуналу, его министр иностранных дел посылал инструкцию всем заграничным представителям, чтобы они сообщили по телеграфу все сведения о передвижении войск. Вместе с тем он заранее отвергал всякое умеряющее воздействие в Петербурге и заверил Черногорию, что Россия не останется равнодушной к судьбе Сербии и что поэтому Черногория должна согласовать свою политику с политикой Сербии [76]. Однако, если бы даже Сазонов сделал то, чего требовал царь, то вряд ли этот шаг мог увенчаться успехом. Австрия несомненно отвергла бы его, а кайзер сделал на донесении Хелиуса пометку: «Нелепость!» Несколько позднее, видя, что Сазонов не предпринял никаких шагов в этом направлении, Никки непосредственно телеграфи-

[73] Хелиус — берлинскому м-ву ин. дел, 28 июля, получено 29 июля, 3 ч. 42 м. утра (K. D. 337), через несколько часов после того как кайзер отправил царю свою первую телеграмму.

[74] См. выше, гл. VII, прим. 30 и 45.

[75] «Livre Noir», II, 283.

[76] Телеграммы Сазонова, 27 июля, №№ 1504, 1514, 1521, 1522, 1523; «Красный архив», IV стр. 48—50. [Ср. М. О., т. V, стр. 115, 143—144].

ровал Вилли, но, повидимому, без ведома Сазонова: «Было бы правильным передать австро-сербский вопрос Гаагской конференции» (sic!) [77]. Но на это предложение кайзер реагировал только восклицательным знаком, а Бетман-Гольвег телеграфировал по этому поводу Пурталесу: «Мысль о Гаагской конференции в данном случае, разумеется, исключена» [78]. Фактически дело обстояло таким образом, что с самого начала кризиса ни одним из руководящих государственных деятелей Европы предложение Пашича передать на рассмотрение третейского суда политический вопрос такого огромного значения, затрагивавший жизненные интересы и честь Германии, не принималось всерьез.

Царь, как и Трубецкой и Бетман, возлагал надежды на непосредственный обмен телеграммами с кайзером. В час дня 29 июля он послал телеграмму в Потсдам, которая скрестилась в пути с телеграммой, отправленной кайзером. Телеграмма царя была составлена в сердечном тоне, но обнаруживала его слабость, если принять во внимание, что под давлением военной партии он уже отдал распоряжение об общей мобилизации.

> «Рад твоему возвращению. В этот чрезвычайно серьезный момент я прибегаю к твоей помощи. Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, вполне разделяемое мною, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне. Стремясь предотвратить такое бедствие, как европейская война, я прошу тебя во имя нашей старой дружбы сделать все возможное в целях недопущения твоих союзников зайти слишком далеко» [79].

В своем ответе на эту телеграмму Вильгельм II заявил, что он разделяет желание царя сохранить мир. Но так же, как раньше Бетман, он указал, что Австрия не стремится к территориальным приобретениям за счет Сербии, однако должна иметь гарантии, что сербские обещания будут выполнены. К этому он добавил:

> «Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веной возможно и желательно, и как я уже телеграфировал тебе, мое правительство продолжает прилагать усилия, чтобы достигнуть этого. Конечно, военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией как угроза, ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем, и повредили бы моей позиции посредника, которую я, в ответ на твое обращение к моей дружбе и помощи, охотно взял на себя» [80].

Эта попытка кайзера сохранить мир произвела глубокое впечатление на царя. Как мы увидим дальше, она имела успех в том смысле, что побудила его отменить приказ об общей мобилизации, который он отдал под давлением начальника генерального штаба и который уже должен был

---

[77] Царь — кайзеру, 29 июля, 8 ч. 20 м. вечера; K. D., 366; Schilling's Diary, стр. 54; M. O., т. V, стр. 205. Paléologue, I, 36. M. O., т. V, стр. 206.

[78] Бетман — Пурталесу, 30 июля, 2 ч. 40 м. утра; K. D., 391.

[79] K. D., 332; Schilling's Diary, стр. 46. [M. O., т. V, стр. 181].

[80] Кайзер — царю, 29 июля, 6 ч. 30 м. вечера, получено в 9 ч. 40 м. вечера; K. D., 359; «Кр. Арх.», IV, стр. 24; Schilling's Diary, стр. 55. [M. O., т. V, стр. 227].

быть разослан по телеграфу. Царь почувствовал себя снова обнадеженным и телеграфировал Вильгельму:

«Сердечно благодарю тебя за твой скорый ответ. Посылаю сегодня вечером Татищева с инструкциями. Военные мероприятия, вступившие теперь в силу, были решены пять дней тому назад как мера защиты ввиду приготовлений Австрии. От всей души надеюсь, что эти мероприятия ни в какой степени не помешают твоему посредничеству, которое я высоко ценю. Необходимо сильное давление с твоей стороны на Австрию, чтобы она пришла к соглашению с нами»[81].

Но сообщения о широких военных приготовлениях России и о частичной мобилизации против Австрии (царь признался, что эти мероприятия «были решены еще пять дней тому назад из соображений защиты против приготовлений Австрии», т. е. тогда, когда Австрия еще тщетно воздерживалась от приготовлений против России) вызвали негодование у кайзера. Он искренне пытался выступить в роли посредника, чтобы побудить Австрию принять «план залога» и удовлетворить Россию путем непосредственных переговоров, а тем временем Россия на пять дней опередила его в своих военных приготовлениях.

«Я не могу согласиться на дальнейшее посредничество, — писал Вильгельм II в пометке на полях, — потому что царь, который настаивал на нем, в то же время тайком, за моей спиной, проводил мобилизацию. Это только маневр для того, чтобы удержать нас и иметь возможность еще больше опередить нас. Я свое дело сделал!» [82].

Таким образом старания Германии сохранить мир при помощи старого способа непосредственного обмена телеграммами между двумя монархами не дали никаких результатов вследствие того, что Австрия объявила войну Сербии, а Россия вслед за этим объявила частичную мобилизацию и предприняла ряд других военных мероприятий «подготовительного к войне периода», которые были предписаны царем в Красном Селе 25 июля. Вилли и Никки обменялись еще несколькими телеграммами, но они уже не имели никаких шансов на успех, потому что общая мобилизация, объявленная в России 30 июля приблизительно в 6 часов дня, сделала общеевропейскую войну фактически неизбежной.

ДАВЛЕНИЕ, ОКАЗАННОЕ БЕТМАНОМ В ВЕНЕ

Как мы видели выше, Бетман отправил свой «план залога» в Вену вечером 28 июля, присовокупив к нему инструкцию, предназначенную для Чиршки: чтобы тот говорил с Берхтольдом «решительным тоном» и ответил по телеграфу [83]. Одновременно с этим Бетман сообщил Англии и России, что он прилагает все старания к тому, чтобы убедить Вену вступить в дружеские и откровенные переговоры с Петербургом и что он желает поддержания всеобщего мира. «Следует избежать войны между великими державами», — сказал он британскому послу. Но теперь он

[81] Царь — кайзеру, 30 июля, 1 ч. 30 м. утра, получено 1 ч. 45 м. утра; K. D., 359; Schilling's Diary, стр. 56; M. O., т. V, стр. 250. О миссии Татищева и задержании его Сазоновым см. выше, гл. VI, прим. 54.

[82] K. D., 390.

[83] См. выше, прим. 69.

стал серьезно беспокоиться, не получая никакого ответа от Берхтольда на предложенный им «план залога». Он тщетно ждал ответа весь следующий день, хотя даже в то время депеши из Берлина в Вену и обратно, несмотря на перегруженность телеграфа, шли не более 3—4 часов. Молчание Берхтольда смущало Бетмана по нескольким причинам: германские военные власти начали настаивать, чтобы Германия приняла меры военной предосторожности ввиду сообщений, поступивших из России. Другим основанием было то, что он не мог сообщить в Лондон и Петербург об успехе своего посредничества в Вене. Тем временем объявление войны Австрией произвело дурное впечатление, а донесения, полученные из других столиц, указывали на то, что союзная Австрия поступила либо недобросовестно, либо глупо [84]. Поэтому 29 июля вечером он отправил Чиршки три телеграммы, составленные в самом настойчивом тоне, отчасти с целью поставить его в известность о сообщениях, полученных относительно действий Австрии, а отчасти для того, чтобы добиться немедленного ответа на свое предложение. В первой телеграмме он передал депешу Лихновского, содержавшую в себе замечания, сделанные австрийским послом в Лондоне. К этому Бетман от себя добавил суровое осуждение Австрии.

«Эти заявления австрийских дипломатов надо рассматривать как выражение новейших желаний и устремлений. Я с возрастающим удивлением слежу за политикой австрийского правительства и его совершенно не согласованными действиями по отношению к разным правительствам. В Петербурге оно заявляет о своей территориальной незаинтересованности; нас оно оставляет в полной неизвестности относительно своей программы; в Риме оно отделывается пустыми фразами по вопросу о компенсации; в Лондоне граф Менсдорф передает часть Сербии Болгарии и Албании, а это противоречит торжественному заявлению Вены, сделанному в Петербурге. Из всех этих противоречий я должен сделать вывод, что телеграмма, дезавуировавшая Гойоса [который 5 или 6 июля в Берлине неофициально говорил о намерении Австрии произвести раздел Сербии], была предназначена для публики и что австрийское правительство строит планы, которые считает нужным скрывать от нас, чтобы обеспечить себе поддержку Германии при всех случаях и избежать отказа, который мог бы последовать при откровенном сообщении» [85].

Вторая телеграмма, отправленная нешифрованной, гласила: «Немедленно ответьте по телеграфу, получили ли вы вчерашнюю телеграмму за № 174» [относительно «плана залога»].

Третья телеграмма гласила: «Ожидаю немедленного выполнения телеграммы 174» [86].

Чиршки уже утром, 29 июля, тотчас же выполнил данное ему в телеграмме 174 указание относительно «плана залога», но получил уклончивый ответ. Берхтольд готов был повторить свое заявление о территориальной

---

[84] См. выше, прим. 62—68.

[85] Бетман — Чиршки, 29 июля, 8 ч. вечера; K. D., 361. Это предназначалось для личной информации Чиршки, но ему было предложено обратить внимание Берхтольда, что желательно не допускать возникновения каких-либо подозрений относительно его заявления державам о неприкосновенности Сербии и относительно его нежелания предоставить компенсацию Италии.

[86] Бетман — Чиршки, 29 июля, 10 ч. 18 м. и 10 ч. 30 м. вечера, K. D., 377 и прим.

незаинтересованности, но «что касается дальнейшего заявления относительно военных мероприятий, то, по сообщению Чиршки, граф Берхтольд сказал, что он не может ответить мне сразу. Несмотря на мои указания, что дело не терпит отлагательства, я до сегодняшнего вечера не имею ответа» [87].

В тот же день, в среду 29 июля, когда Бетман тщетно продолжал ожидать ответа от Берхтольда, он принял еще два мирных предложения, которые тотчас же были переданы в Вену с настоятельным советом принять их. Одно из них исходило от Сазонова и касалось непосредственных переговоров между Веной и Петербургом [88]. Бетман уже передал это благоприятное предложение в Вену без всяких комментариев, как только получил его 27 июля. Но Берхтольд дал на него сначала уклончивый, а потом отрицательный ответ, потому что Сазонов хотел путем непосредственных объяснений изменить условия австрийского ультиматума. Берхтольд не желал вступать ни в какие переговоры, которые могли бы затронуть вопросы, касающиеся только Австрии и Сербии. В качестве дополнительного довода в пользу своего отказа вести «непосредственные переговоры» по вопросу об австро-сербских отношениях он сослался на то, что момент для мирного урегулирования этих отношений упущен: уже объявлена война и начались военные действия. Вследствие этого «непосредственные переговоры» между Веной и Петербургом приостановились, и это сильно раздражило Сазонова [89]. Он сделал отсюда неправильное заключение, что если Берхтольд решительно отказывается обсуждать австрийские отношения, то он вообще не желает вести переговоры с Россией.

Для того чтобы возобновить «непосредственные переговоры», Бетман отправил (в среду поздно ночью) еще три телеграммы в Вену. Упомянув о многообещающем обмене телеграммами, начавшемся между кайзером и царем, он передал сообщение Сазонова, что Россия решила произвести мобилизацию в четырех южных округах, но успокаивающе добавил, что это «далеко не означает войны»; русской армии потребуется еще много времени, прежде чем она сумеет перейти границу, и Россия всячески желает избежать войны. Сазонову было указано, что Австро-Венгрия по всей вероятности примет контрмеры, и таким образом снежный ком покатится и будет все больше расти. Сазонов жаловался, что непосредственные переговоры не двигаются с места. «Поэтому мы вынуждены настоятельно требовать, в целях предупреждения всеобщей катастрофы, или по крайней мере для того чтобы возложить вину на Россию, чтобы Вена возобновила и продолжала переговоры согласно телеграмме 174», т. е. согласно «плану залога» [90]. Узнав от Сазонова, что Берхтольд «категорически отказался» от непосредственных переговоров, и опасаясь, что здесь кроется какое-нибудь недоразумение, Бетман несколько часов спустя еще раз настойчиво телеграфировал в Вену:

«Отказ от всякого обмена мнениями с Петербургом явился бы

---

[87] Чиршки—Бетману, 29 июля, 11 ч. 50 м., получено 30 июля, 1 ч. 30 м. утра, K. D., 388.

[88] K. D., 238, 282.

[89] О неудаче, постигшей предложения относительно «непосредственных переговоров», см. ARB, II, 73, 95; III, 16, 17, 19, 20 и выше, гл. VIII, прим. 80—88 и ниже, гл. X, прим. 4.

[90] Бетман — Чиршки, 30 июля, 12 ч. 10 м. и 12 ч. 30 м. ночи; K. D., 383 385.

серьезной ошибкой, потому что это как раз и провоцирует Россию на вооруженное вмешательство, которого следует избегать в первую очередь в интересах Австрии. Мы, конечно, готовы выполнить наши союзные обязательства, но мы не допустим, чтобы Вена легкомысленно и не считаясь с нашим советом вовлекла нас в мировой пожар. Прошу передать это графу Берхтольду в самой настойчивой и серьезной форме» [91].

Другим планом, который Бетман тоже благосклонно воспринял в среду поздно ночью, было предложение Грэя о посредничестве четырех держав или одной только Германии между Австрией и Россией на основе ответа Сербии. Из Рима поступило сообщение, что Сербия готова «при условии некоторого толкования проглотить даже статьи 5 и 6 , т. е. весь австрийский ультиматум» [92]. Это предложение Грэя приветствовалось Бетманом как наиболее, пожалуй, удачное решение вопроса. Передавая его в Вену, он опять-таки добросовестно «нажимал кнопку», добавляя от себя:

«Прошу, покажите это немедленно Берхтольду и скажите, что мы считаем такую уступку со стороны Сербии подходящим основанием для переговоров при оккупации части сербской территории в виде залога» [93].

Но Берхтольд не реагировал на это. Он дал только характерный ответ, что полное принятие австрийской ноты могло бы удовлетворить Австрию до начала враждебных действий, в настоящее же время, когда начинается война, условия Австрии, естественно, должны носить иной характер [94].

Предложение Грэя было охотно принято Бетманом, отчасти потому, что Грэй вскоре сделал к нему добавление, включив в него как раз те два пункта, на которых уже сама Германия настаивала в Вене и Петербурге в своем «плане залога», а именно относительно нового заявления со стороны Австрии, касающегося ее намерений в Сербии, которые могли бы удовлетворить Россию, и относительно временной военной оккупации Белграда в виде залога, что могло бы удовлетворить Австрию. Отчасти на поведение Бетмана повлияло встревожившее его первое предостережение Грэя, что в случае всеобщей войны нельзя рассчитывать на нейтралитет Англии. Как сообщил Лихновский, Грэй в беседе с ним сказал следующее:

«Ему [Грэю] лично представляется, что надлежащая почва для посредничества может быть найдена, если Австрия, заняв, скажем, Белград и другие пункты, формулирует свои условия. Но если ваше превосходительство [Бетман] предпримет посредничество, о возможности которого я говорил ему сегодня утром, то это его, конечно, вполне устроит... [В заключение беседы Грэй] сказал, что он желает сделать мне дружественное сообщение в частном порядке:... [Англия] сможет стоять в стороне до тех пор, пока конфликт будет затрагивать только Австрию и Россию. Но если мы и Франция окажемся вовлеченными в него, то положение сразу меняется и британское правительство при

[91] Бетман — Чиршки, 30 июля, 3 ч. утра; K. D., 396.
[92] Лихновский — Бетману, 29 июля, 2 ч. 8 м. дня; K. D., 357; об этом итальянском предложении см. выше, гл. VIII, прим. 10.
[93] Бетман — Чиршки, 30 июля, 12 ч. 30 м. ночи; K. D., 384.
[94] Чиршки — Бетману; 30 июля, 3 ч. 20 м. дня; K. D., 432.

таких обстоятельствах вынуждено будет принять быстрые решения. В таком случае окажется невозможным долгое время оставаться в стороне и выжидать; «если разразится война, то это будет величайшая катастрофа, какую когда-либо видел мир». Он отнюдь не желает прибегать к какой-либо угрозе; он только желает оградить меня от возможности впасть в недоразумение, а себя — от упрека в неискренности, и поэтому избрал такую форму частной беседы» [95].

Узнав об этой тревожной возможности, что Англия, пожалуй, не останется нейтральной, что совершенно противоречило его ожиданиям и надеждам, Бетман немедленно передал весь разговор между Лихновским и Грэем в Вену и весьма настойчиво продолжал свой нажим.

«Если Австрия отвергнет всякие переговоры, то нам придется иметь дело с пожаром, в котором Англия будет против нас. Румыния и Италия по всем признакам не будут на нашей стороне, и мы вдвоем будем иметь против себя четыре державы. Вследствие выступления Англии главный удар обрушится на Германию. Политический престиж Австрии — честь ее армии, равно как и ее справедливые требования по отношению к Сербии, могут получить надлежащее удовлетворение посредством оккупации Белграда или других пунктов. Унизив Сербию, Австрия снова усилит свою позицию на Балканах, а также и свою позицию по отношению к России. При таких обстоятельствах мы должны настоятельным и энергичным образом требовать, чтобы венский кабинет обсудил вопрос о принятии посредничества на вышеуказанных почетных условиях. Ответственность за последствия, которые в противном случае возникнут, окажутся чрезвычайно тяжелыми для Австрии и для нас» [96].

Берхтольд не дал определенного и откровенного ответа на настоятельное требование Германии, чтобы Австрия согласилась на предложение посредничества, которое еще тогда, пожалуй, давало возможность предупредить европейский пожар. Телеграмма Бетмана, заключавшая в себе беседу Лихновского с Грэем, была вручена в зашифрованном виде Чиршки в четверг 30 июля, когда он завтракал с Берхтольдом. Берхтольд, бледный, молча выслушал телеграмму, которая была прочитана два раза. Граф Форгач делал заметки. Наконец Берхтольд сказал, что он немедленно доложит обо всем императору. После того как Берхтольд отправился переодеваться, чтобы предстать перед его величеством, Чиршки потратил значительную часть дня на то, чтобы обстоятельно и серьезно изложить Форгачу и Гойосу все соображения Бетмана. Но это было бесполезно. Оба интимных советника Берхтольда цинично заявили ему, что «ввиду настроения в армии и в народе всякая приостановка начатых воен-

[95] Лихновский — Бетману, 29 июля, 6 ч. 39 м. вечера; получена в 9 ч. 12 м. вечера; K. D., 368. Ср. также сообщение Грэя — Гошену об этой беседе в письме, которое было напечатано в британской «Белой книге» 1914 г. (№ 89), как отправленное; между тем теперь выясняется, что оно осталось в британских архивах с пометкой: «Не отправлено вследствие войны» (B. D., 286).

[96] Бетман — Чиршки, 30 июля, 2 ч. 55 мм. утра; K. D., 395. Ср. также Гошен — Грэю, B. D., 329, Goos s; стр. 233—246.

ных операций исключается. Конрад фон Гетцендорф (начальник австрийского генерального штаба) представит сегодня вечером на подпись императору приказ о всеобщей мобилизации в ответ на уже принятые меры». В заключение Чиршки сказали, что Берхтольд не может дать никакого ответа до следующего утра, потому что нужно посоветоваться с Тиссой, который не сумеет прибыть в Вену раньше этого времени [97].

Тем временем 30 июля вечером Россия отдала приказ о всеобщей мобилизации, хотя официально в Берлине и Вене узнали об этом только на следующий день. Но Германия уже неоднократно давала понять России, что это мероприятие, направленное в одинаковой мере и против Германии и против Австрии и понимавшееся военными властями во всех странах как решение воевать, с необходимостью повлечет за собой объявление мобилизации в Германии, а затем и войну. Таким образом старания Бетмана организовать посредничество потерпели неудачу, — они слишком запоздали и были недостаточно энергичны для того, чтобы своевременно принудить Австрию пойти на соглашение с Россией. К тому же державы Антанты не принимали их всерьез: их вера в то, что Германия искренне желает мира, была уже поколеблена той явной поддержкой, которую Германия до сих пор оказывала австрийской политике, и тем, что запоздалый нажим Германии на Вену не дал никаких осязательных результатов.

---

[97] Чиршки — Бетману, 31 июля, 1 ч. 35 м. ночи; K. D., 465.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

РУССКАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ

В главе «Русская опасность» мы уже видели, что 25 июля днем на заседании совета министров в Красном Селе царские министры приняли ряд подготовительных военных мер. В число их вошли и весьма обширные приготовления «подготовительного к войне периода», которые должны были облегчить общую мобилизацию против Германии и против Австрии. В ночь на 26 июля эти распоряжения были переданы на места и с тех пор энергично выполнялись. Это вызывало все усиливавшуюся тревогу в Берлине, несмотря на успокоительные заверения Сазонова и Сухомлинова, что против Германии никакой мобилизации не предполагается. Решения, принятые 25 июля, допускали также возможность частичной мобилизации против Австрии, которую предполагалось осуществить в случае если Сазонов найдет, что дипломатическая ситуация этого требует. Надеялись, что одного сообщения об этом решении будет достаточно, чтобы успешным дипломатическим блефом запугать Вену и заставить ее отказаться от военных действий против Сербии. В эти дни, с 25 по 28 июля, пока шли военные приготовления, которые должны были дать России возможность преодолеть сравнительную медленность ее мобилизации, в случае если война станет неизбежной, Сазонов видимо был настроен оптимистически. Он склонен был начать «непосредственные переговоры» с Веной, чтобы найти компромисс между требованиями Австрии и ответом Сербии.

Но во вторник 28 июля оптимизму Сазонова было нанесено несколько жестоких ударов. Он был разочарован и возмущен тем, что Берхтольд еще не ответил на его предложение о «непосредственных переговорах», сделанное за два дня до этого. На него также произвело неблагоприятное впечатление то обстоятельство, что Сапари не мог ему представить обещанное австрийское досье. Его оптимизм стал уступать место пессимизму. У него начало складываться убеждение, что Австрия окончательно решила воевать с Сербией и поэтому вряд ли примет предложение о посредничестве, пока не подвергнет каре Сербию. Наконец, когда вечером 28 июля получилось известие, что Австрия только что объявила войну Сербии, он пришел в крайнее возбуждение. Его оптимизм совершенно испарился, им овладело крайне пессимистическое настроение, и он в нервном возбуждении сразу пришел к заключению, что европейский конфликт по всей вероятности неизбежен и что Россия должна объявить мобилизацию; возникал только вопрос: какую — частичную или общую? Эти колебания в его позиции обнаруживаются в целом ряде бесед и совещаний, которых у него было много во вторник в послеобеденные и вечерние часы.

Вскоре после полудня Бьюкенен посетил русское министерство иностранных дел. Он узнал, что Сазонов получил тревожные известия из Вены[1] (но это еще не было сообщение об объявлении Австрией войны Сербии) и уже «пессимистически смотрит на положение». Бьюкенен спросил его, удовлетворится ли он заверениями Австрии относительно независимости и неприкосновенности Сербии. Англия приветствовала бы всякое соглашение, способное предотвратить войну, «но для нас важно знать действительные намерения императорского правительства». Судя по этой фразе, Бьюкенен считал, что Сазонов с ним не вполне откровенен. Сазонов ответил, что «соглашение с Австрией на основе этих двух пунктов [независимости и неприкосновенности Сербии] не удовлетворит Россию и что в тот день, когда Австрия перейдет сербскую границу, будет отдано распоряжение о мобилизации против Австрии». Он добавил, что нет основания опасаться внутренних волнений в России и что «в случае войны вся нация окажется на стороне правительства». Бьюкенен предложил в качестве последнего средства, чтобы царь лично обратился к Францу-Иосифу и убедил его ограничить действия Австрии пределами, приемлемыми для России. Но Сазонов снова настаивал, что войну можно предотвратить только если Англия определенно заявит, что она присоединится к Франции и России. У Бьюкенена получилось впечатление, что «Россия настроена весьма серьезно» и что она будет воевать, если Австрия нападет на Сербию [2].

---

[1] Не вполне ясно, о каких «тревожных сообщениях» идет речь. Здесь имеются три возможности. Это могли быть:

[1]) Сообщения, полученные в Москве 28 июля около 1 ч. дня, о том, что австрийским запасным чинам, проживающим в Москве, срочно предложено явиться в консульство («Investigating Commission», II, 87, прил. 49).

[2]) Телеграмма русского посла в Вене: «Приказ об общей мобилизации подписан». («Оранжевая книга», № 47). Если даже эта телеграмма подлинная, то само сообщение во всяком случае неверно, ибо, как будет указано ниже, приказ об общей мобилизации был подписан в Австрии незадолго до полудня 31 июля, т. е. на 3 дня позже. Но есть основания думать, что эта телеграмма не подлинная. Сазонов ее не приводит и объясняет частичную мобилизацию в России объявлением войны Австрией — Сербии. Не упоминает об этой телеграмме и «Подлинная запись» Шиллинга. Нет на нее ссылок также в сводках генерального штаба или у Добророльского и Данилова в их обзорах положения 28 июля. Montgelas und Stieve, (Russland und d. Weltkonflikt, стр. 150 сл.) считают, что документ, напечатанный в «Оранжевой книге», представляет собою русскую подделку. Но Палеолог утверждает (I, 35), что такие слухи ему передавали 29 июля.

[3]) Сообщение об объявлении Австрией войны Сербии. Но так как оно было получено в Нише только в 12 ч. 30 м. дня, то можно сомневаться, чтобы оно дошло оттуда до Петербурга к 3 ч. дня, т. е. приблизительно к тому времени, когда происходила беседа между Бьюкененом и Сазоновым. Кроме того если бы Сазонов знал о такой телеграмме, то почти несомненно уделил бы ей много места в своей беседе. Видимо, Сазонов не знал о ней и тогда, когда несколько позднее, в тот же день, беседовал с Сапари, потому что в беседе о ней не упоминается, а Сапари, передавая в своем донесении об этой беседе, добавляет, что объявление войны Сербии, «которое последовало», может быть поможет раскрыть истинные намерения России (ARB, III, 16).

[2] Бьюкенен — Грэю, 28 июля, 8 ч. 45 м. дня; B. D., 247. Ср. также Палеолог, I, 30—32. По словам Палеолога, который ожидал в приемной, Бьюкенен писал в своем сообщении, что он «только что просил Сазонова не соглашаться ни на какие военные меры, которые Германия могла бы истолковать как вызов. Надо всецело предоставить германскому правительству инициативу нападения и ответственность за него. Английское общественное мнение не одобрит участия в войне, если не будет бесспорным, что нападающей стороной является Германия».

В телеграмме Бьюкенена ничего этого нет. Либо он не все сообщил Эдуарду Грэю,

После разговора с Бьюкененом Сазонов беседовал с Пурталесом и пытался убедить его, что Сербия дала удовлетворительный ответ и поэтому Германия должна присоединиться к державам и должна настаивать на посредничестве в Вене. Но германский посол не проявил большого сочувствия к этому предложению, — он еще продолжал отстаивать политику «локализации», которую проводило его правительство, и не знал, что Бетман пытается оказать в Вене давление с целью заставить принять свой «план залога». С своей стороны, Пурталес жаловался на враждебный тон русской печати и указывал, что Германии из надежных источников известно, что военные приготовления России выходят далеко за те пределы, о которых говорил Сухомлинов германскому военному атташе 26 июля вечером. Ему сообщили также, что военные власти привели в бездействие радиоаппарат на германском торговом корабле «Эйтель Фридрих», стоявшем в петербургском порту. Это являлось нарушением международного права. Он протестовал против него, и вопрос был улажен по непосредственному распоряжению царя. Но этот инцидент дал Пурталесу дальнейшее основание для того, чтобы дипломатически выразить Сазонову свое опасение, что русская военная партия «идет в своих приготовлениях, которые совершаются под ее руководством, дальше, чем этого хотел бы Сазонов». Поэтому он предупреждал Сазонова о чрезвычайно серьезной опасности, могущей возникнуть при создавшемся критическом положении вследствие весьма широких военных приготовлений России [3].

После этого Сазонов принял австрийского посла и был крайне удивлен и разочарован, узнав, что Сапари еще не получил ответа на сделанное два дня тому назад предложение «о непосредственных переговорах». Сазонов сказал, что это не предвещает ничего хорошего и что положение серьезно. Он снова настоятельно просил дать ему досье, которое Австрия обещала представить державам и которое не было еще доставлено в Петербург. Он сказал, что желает ознакомиться с ним, прежде чем начнется война с Сербией; после этого будет уже слишком поздно рассматривать досье. Оба они, он и Сапари, в беседе, которая велась в спокойном и дружественном тоне, повторили свои доводы относительно австрийского ультиматума и сербского ответа и не пришли ни к какому удовлетворительному результату. После этого Сапари удалился, потому что министру надо было ехать на аудиенцию в Петергоф к царю [4].

либо, что более вероятно, Палеолог приписывает британскому послу взгляды, которые по его признанию (I, 33 сл.) он сам несколько позднее высказал Сазонову. К этому вопросу мы еще вернемся.

[3] Пурталес — Бетману, 28 июля, 8 ч. 12 м. дня; K. D., 338; Сапари — Берхтольду, 28 июля (отправлено 29 июля в 1 ч. 15 м. ночи); ARB, II, 94. В своих позднейших мемуарах Пурталес указывает, что 28 июля днем у него были две беседы с Сазоновым; одна — бурная, до инцидента с «Эйтель Фридрихом», и другая — более мирная после нее. (Pourtalès, Am Scheideweg, 32—37). Paléologue (I, 33) уверяет, что Пурталес был до такой степени взволнован опасностью войны, что едва мог говорить. По поводу инцидента с «Эйтель-Фридрихом» см. Добророльского, стр. 104 (нем. изд., стр. 23) и Pourtalès, Am Scheideweg, стр. 34—37.

[4] Сапари — Берхтольду, 29 июля, 10 ч. утра; ARB, III, 16. Хотя телеграмма № 173 датирована 29 июля, но первая часть ее относится к 28 июля. В этот день в 11 ч. 45 м. вечера Берхтольд окончательно сообщил Сапари, что он не желает обсуждать сербский ответ как основу для «непосредственного собеседования», потому что ответ этот отвергнут как неудовлетворительный и война уже объявлена (ARB, II, 95). Сапари получил это послание только на следующий день, приблизительно между 2 ч. дня и 6 ч. вечера,

Но Сазонов, повидимому, не сразу отправился в Петергоф; он сначала переговорил с Палеологом и начальником генерального штаба относительно объявления мобилизации в России в связи с поступившим в это самое время сообщением об объявлении Австрией войны Сербии.

ЗАЯВЛЕНИЕ ПАЛЕОЛОГА О ПОДДЕРЖКЕ ФРАНЦИИ

Палеолог, который рассказывает, что он нарочно ждал, пока Сазонов закончит беседу с другим послом, уединился после этого с русским министром иностранных дел и имел с ним разговор, который дошел до нас в двух весьма несходных между собой версиях. Барон Шиллинг, который обыкновенно аккуратно каждый вечер записывал содержание важнейших бесед Сазонова, говорит:

> «Французский посол по поручению своего правительства заявил министерству иностранных дел о полной готовности Франции выполнить, если понадобится, свои союзные обязательства» [5].

Это заявление Палеолога имело, при данной обстановке, такое огромное значение для России, что, повидимому, 28 июля оно заслонило собой для барона Шиллинга все остальное, потому что это единственная запись за весь день, если не считать обычного краткого изложения телеграмм [6]. Что Палеолог сделал такое заявление и этим еще более побудил Сазонова твердо стоять на своем и немедленно согласиться на мобилизацию, подтверждается тем обстоятельством, что на следующий день Сазонов, сообщая Извольскому о своем решении «ускорить наши вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны», добавил:

> «Благоволите предупредить об этом французское правительство и вместе с тем высказать ему нашу искреннюю благодарность за сделанное мне от его имени французским послом заявление, что мы можем в полной мере рассчитывать на союзную поддержку Франции. По нынешним обстоятельствам это заявление для нас особенно ценно» [7].

Но Палеолог в своих мемуарах дает совершенно другую версию. Он ни слова не говорит об этом важном заявлении, а вместо этого сначала повествует более красочно, чем точно, о том, как нервничал Пурталес и как был спокоен Сазонов, и затем распространяется о своем собственном значении как представителя страны, которая была временно лишена своего главы вследствие отсутствия Пуанкаре и весьма несовершенного способа сношений с ним. Ввиду лежавшей вследствие этого на нем как на после Франции большой ответственности, он, по его словам, просил Сазонова быть

так как Пурталес 29 июля в 1 ч. 58 м. дня сообщал, что Сазонов все еще не получил ответа от Берхтольда (K. D., 343). Но в 6 ч. 10 м. вечера Пурталес сообщил, что Вена наконец «ответила категорическим отказом» (K. D. 365).

[5] Schilling's Diary, стр. 43. M. O., т. V, стр. 182.

[6] Однако возможно, что краткость «Поденной записи» Шиллинга за 28 июля объясняется тем, что одна или две страницы за этот день затерялись или попали куда-нибудь в другое место.

[7] Сазонов — Извольскому и другим русским послам, телеграмма № 1551, 29 июля. M. O. т. V, стр. 210. «Материалы», стр. 520; L. N., II, 289; POIt. 58; доложено Вивиани в Париже между 2 и 3 ч. утра, 30 июля; B. D., 373; Viviani, Réponse au Kaiser, стр. 149; Poincaré, IV, 383.

весьма осторожным в отношении военных мероприятий, которые могли поставить под сомнение поддержку Англии. Сазонов будто бы сказал ему на это, что ему очень трудно удерживать генеральный штаб, и тогда Палеолог заставил его пообещать принимать все меры, которые Франция и Англия предложат для сохранения мира, причем Сазонов разрешил ему передать это обещание по телеграфу в Париж [8]. Представляется, однако, весьма сомнительным, чтобы Сазонов согласился дать такое бланковое обещание; но если он его дал, то он его не сдержал, потому что вскоре он согласился на частичную мобилизацию, которую вряд ли можно рассматривать как мероприятие, предложенное Францией и Англией для сохранения мира. Барон Шиллинг по всей вероятности правильно передал эту беседу между Палеологом и Сазоновым, а Палеолог, надо полагать, дал волю своему послевоенному воображению.

До тех пор пока французы не опубликуют полностью документов, относящихся к этому периоду, нельзя сказать, действительно ли Палеолог следовал инструкциям своего правительства [9], когда он сделал свое заявление о франко-русской солидарности, как это говорит Шиллинг, или Палеолог сказал неправду, или, наконец, его слова неправильно переданы Шиллингом и Сазоновым. Может быть этим заявлением он по-своему выполнил распоряжение, сделанное ему Вивиани в телеграмме от 27 июля, гласившей: «Благоволите передать Сазонову, что Франция, придавая, как и Россия, большое значение для обеих стран подтверждению своей полной солидарности перед другими державами и не пренебрегая никакими стараниями для разрешения конфликта, готова, в интересах общего мира, всецело поддержать выступление императорского правительства» [10]. Во всяком случае заявление Палеолога совпадало с заверениями, которые президент Пуанкаре сам сделал за неделю до этого, когда был в России; оно совпадало также с телеграммой Извольского, отправленной из Парижа 27 июля: «Я был поражен здесь, насколько министр юстиции и его сотрудники верно понимают положение и проникнуты твердой и спокойной решимостью оказывать нам полную поддержку и избегать малейшей видимости разногласий с нами» [11].

ОБЪЯВЛЕНИЕ АВСТРИЕЙ ВОЙНЫ СЕРБИИ

Днем 28 июля в Россию пришло известие об объявлении Австрией войны Сербии. Оно по всей вероятности было получено в то время, когда Сазонов беседовал с Палеологом и может быть отчасти вызвало заявление

---

[8] Paléologue, I, 33. Короткая телеграмма об этом действительно напечатана в ФЖК, 86, но вопрос — не была ли она отправлена с целью скрыть от Франции и особенно от Англии то обстоятельство, что русская военная партия настаивала на общей мобилизации, о которой телеграмма Палеолога не говорит ни слова.

[9] Аналогичное сомнение в правдивости Палеолога вызывают его заявления от 25 июля, о которых сообщает Бьюкенен (B. D., 125), что «он получил ряд телеграмм» от Бьенвеню-Мартэна и «мог дать формальное заверение, что Франция безоговорочно поддерживает Россию» и что французское правительство желало бы теперь же выяснить, готов ли наш флот выполнить ту роль, которая намечена ему по англо-французскому морскому соглашению. Французская «Желтая книга» в том виде, как она была напечатана, не содержала ничего подтверждающего эти заявления.

[10] Poincaré, IV, 335, 385 слл.

[11] Телегр. № 195; «Материалы», стр. 516; L. N. II, 282, не включена в «Оранжевую книгу» (см. РОК, 35). [М. О., т. V, стр. 153].

французского посла о поддержке со стороны Франции. Это известие рассеяло последние остатки оптимизма Сазонова. Оно заставило его опасаться, что Австрия вскоре вторгнется в Сербию, и еще более укрепило его в убеждении, что за Австрией стоит Германия и будет стоять, пока он ясно не покажет, что Россия твердо решила для защиты Сербии действовать против Австрии силою. Он пришел к заключению, что настало время дать приказ о частичной мобилизации, которая в принципе была одобрена 25 июля. Поэтому он разослал в европейские столицы заявление следующего содержания: «Вследствие объявления Австрией войны Сербии непосредственные объяснения мои с австрийским послом очевидно нецелесообразны» [11а].

Другими словами, он отказывался от «непосредственных переговоров», как средства для мирного разрешения конфликта еще за много часов до того, как узнал о «категорическом отказе» Австрии, сообщенном ему только на следующий день [12]. Он поручил также своим дипломатическим представителям за границей сообщить соответствующим правительствам, что вследствие объявления Австрией войны Россия решила на следующий день отдать приказ о частичной мобилизации, т.е. мобилизации в четырех военных округах: Одесском, Киевском, Московском и Казанском. При этом он прибавил: «У России отсутствуют всякие наступательные намерения против Германии» [13].

Эти телеграммы, повидимому, не оставляют никакого сомнения в том, что Сазонов хотел создать в Европе впечатление, что он только осуществляет меры давления на Австрию, которые уже были решены в Красном Селе 25 июля и о которых несколько раз сообщалось державам, и что причиной этому является объявление Австрией войны Сербии. Пурталес тоже полагает, что Сазонов изменил свою позицию только 28 июля, когда узнал, что угрожающая позиция, занятая Россией, оказалась недостаточной для того, чтобы удержать Австрию от объявления войны Сербии. Несомненно, перемена в настроении Сазонова была в первую очередь вызвана этим шагом венского кабинета [14].

Но вполне возможно, что перемена позиции Сазонова шла гораздо дальше решения о частичной мобилизации. Возможно, что он теперь, хотя и неохотно, стал уже на точку зрения руководителей военного ведом-

---

[11а] Сазонов — Бенкендорфу и другим русским послам, телеграмма № 1538, 28 июля; A., стр. 152; Schilling's Diary, стр. 44. Ср. РОК, 48, где ряд фраз изменен, вышущен или добавлен. [M. O., т. V, стр. 180]. В этой телеграмме он также настаивал на немедленном посредничестве Англии, чтобы не дать Австрии разгромить Сербию; B. D., 258.

[12] См. выше, прим. 4. В своих мемуарах Сазонов (Fateful Years, стр. 185 слл., русск. изд., стр. 226 слл.) утверждает, что об отказе Берхтольда он знал уже 28 июля, еще до того, как дал разрешение на частичную мобилизацию.

[13] Сазонов — Броневскому в Берлине и другим русским послам, телеграммы №№ 1539, 1540; «Красный архив», т. I, стр. 178; L. N., II, 283; Schilling's Diary, стр. 44 («Поденная запись, «Кр. арх.», т. IV, стр. 17. [M. O., т. V, стр. 180]. Броневский сообщил об этом Ягову только после 5 ч. дня 29 июля, когда Ягов к своему ужасу узнал об этом от Пурталеса (Schilling's Diary, стр. 103, 106; «Кр. арх.», т. IV, стр. 57 сл., [M. O., т. V, стр. 227 и 463] K. D., 3434). Извольский сообщил французскому м-ву ин. дел 29 июля в 11 ч. 15 м. утра, непосредственно перед прибытием Пуанкаре в Париж (Poincaré, IV, 373). Бенкендорф сообщил Никольсону 29 июля (B. D., 258). Послам в Петербурге Сазонов сообщил эту важную новость только 29 июля утром (K. D., 343; B. D., 276). Ср. Paléologue, I, 35.

[14] Комментарий Пурталеса к нем. изд. Добророльского.

ства, считавших, что европейская война стала неизбежной и что нужна не частичная, а общая мобилизация. Такова была точка зрения Добророльского, который говорит:

> «28 июля, в день объявления войны Австрией Сербии, оптимизм Сазонова сразу испарился; он проникся убеждением, что всеобщая война неизбежна и сообщил Янушкевичу, что не следует более откладывать мобилизацию нашей армии... он даже был удивлен, что она не началась еще раньше» [15].

Конечно Сазонов понимал, что внезапная общая мобилизация, направленная против Германии и Австрии, может произвести дурное впечатление на общественное мнение Франции и Англии, если бы там об этом узнали. Но с другой стороны, Палеолог только что снова заверил его в поддержке Франции, а от Грэя шли ободряющие вести, что английскому флоту приказано остаться сконцентрированным, а не расходиться на обычные стоянки мирного времени [16]. Сазонову было также известно, что общая мобилизация в России почти неизбежно повлечет за собой общую мобилизацию в Германии и таким образом приведет к европейской войне. Наоборот, частичная мобилизация могла и не вызвать немедленных контрмер со стороны Германии [17]. Но по всей вероятности и она повлекла бы за собой общую мобилизацию в Австрии и таким образом поставила бы европейский мир под серьезную угрозу. Не совсем ясно, одержали ли эти соображения верх над доводами военных специалистов относительно нелепости и невозможности частичной мобилизации. Во всяком случае Сазонов решил, что настала пора для того, чтобы произвести в том или ином виде мобилизацию, и сообщил об этом Янушкевичу. Он сказал, что во всяком случае нужно мобилизовать четыре округа: Одесский, Киевский, Московский и Казанский, о чем он и собирался сообщить державам. При этом он предоставил Янушкевичу убедить на следующий день царя в предпочтительности общей мобилизации [18]. После того как он беседовал с послом

---

[15] Добророльский, стр. 104 (нем. изд., стр. 23). Сазонов в своих «Воспоминаниях» говорит (русск. изд., 227, «Fateful Years», стр. 188) Хелиус тоже телеграфировал кайзеру 29 июля (K. D., 344), что «со времени объявления войны... в entourage (окружении) царя считают всеобщую войну почти неминуемой».

[16] B. D., 177, 247.

[17] Ср. Извольский — Сазонову, телегр. № 197, 27 июля: «Жюль Камбон телеграфирует из Берлина, что в ответ на его вопрос, как относится Германия к частичной мобилизации в России, Ягов заявил, что такая мобилизация не вызовет мобилизации в Германии, но если Россия нападет на Австрию, Германия немедленно ответит на это нападением на Россию («Материалы», стр. 516; L. N., II, 282). Броневский в донесении Сазонову от 27 июля тоже приводит слова Ягова: «Мы проведем мобилизацию тогда, когда Россия проведет мобилизацию на нашей границе, или когда русские войска вступят на австрийскую территорию».

[18] В своих воспоминаниях Сазонов говорит («Fateful Years», стр. 188): «Совет министров под председательством государя решил немедленно мобилизовать четыре военных округа». Но нет никаких указаний на то, что 28 июля состоялось заседание совета министров, и весьма неправдоподобно, чтобы оно имело место. Очевидно Сазонов смешал его с заседанием от 24 и 25 июля. Recouly, правда, говорит (стр. 158), что вопрос о частичной или общей мобилизации обсуждался во вторник 25 июля в 5 часов дня в совещании, на котором присутствовали Янушкевич, Сухомлинов, Сазонов, Нератов. Но утверждение Рекули вызывает три возражения: 1) 28 июля был не среда, а четверг; 2) Сазонов был так занят переговорами, что днем 28 июля, перед тем как отправиться на аудиенцию в Петергоф, вряд ли имел время для продолжительного совещания; 3) Рекули утверждает, что подробно об этой конференции ему сообщил генерал Данилов, но сам Данилов в своих «Воспо-

и принял решение во всяком случае произвести частичную мобилизацию, Сазонов выехал в Петергоф, где сделал доклад царю об объявлении Австрией войны и об общем положении. Не установлено, отстаивал ли он точку зрения Янушкевича, что настала пора для общей мобилизации, или он попрежнему рекомендовал царю только предложенную им раньше частичную мобилизацию. Никаких письменных следов о том, что он говорил царю, не осталось. По всей вероятности он обрисовал положение в мрачных красках. Единственным очевидным последствием его аудиенции была телеграмма, которую царь отправил кайзеру в ту же ночь: «... Слабой стране объявлена гнусная война. Возмущение в России, вполне разделяемое мной, безмерно. Предвижу, что очень скоро, уступая оказываемому на меня давлению, я буду вынужден принять крайние меры, которые приведут к войне...» [19]. Неизвестно, исходило ли это «давление», которого опасался царь, от руководителей армии или со стороны его окружающих или самого Сазонова.

СОГЛАСИЕ ЦАРЯ НА ОБЩУЮ МОБИЛИЗАЦИЮ В РОССИИ

Мнение Добророльского и начальников армий относительно того что частичная мобилизация является безумием, получило новую поддержку в лице возвратившегося в Петербург генерал-квартирмейстера Данилова. Он находился в инспекторской поездке на Кавказе, но 26 июля был спешно вызван в Петербург. Здесь он употребил все свое влияние для того, чтобы добиться приказа об объявлении общей мобилизации вместо частичной. В своих мемуарах он подробно и столь же убедительно, как Добророльский, излагает, какие технические и политические затруднения создавала частичная мобилизация... Последняя могла бы дать только 13 армейских корпусов, тогда как для нанесения успешного удара Австрии считали нужным иметь 16 корпусов. Если бы Варшавский военный округ оставался незатронутым мобилизацией, то было бы невозможно сконцентрировать войска на границе Галиции для наступления на Австрию, как это предусматриалось по плану, и пришлось бы наспех составлять совершенно новый план кампании. Но хуже всего было неизбежное возникновение невыносимой путаницы в том случае, если бы за частичной мобилизацией последовала общая, так как тогда Варшавский округ должен был бы получить часть чинов запаса из четырех округов, которые оказались бы дезорганизованными частичной мобилизацией. Ввиду большей густоты населения в юго-западной части империи Россия не имела такого мобилизационного плана, при котором каждый военный округ берет запасных исключительно в пределах своей территории. Это техническое затруднение должно было привести к тому, что в случае, если бы за частичной мобилизацией последовала общая, Россия не могла бы удовле-

---

минаниях» хотя и приводит те же самые доводы в пользу общей мобилизации, которые повторяет Рекули, но не говорит о том, что Сазонов или Нератов присутствовали на каком-нибудь подобном заседании. Он называет кроме себя только военных специалистов, Янушкевича, Добророльского и Ронжина, начальника отдела военных перевозок. Отметим, что Renouvin (стр. 133 слл.) безоговорочно принимает версию Рекули.

[19] 29 июля, час ночи: «Красный архив», т. IV, стр. 19; Schilling's Diary, стр. 46; [М. О. т. V, стр. 18]. K. D., 332.

творить ожидания союзной Франции и быстро собрать достаточные силы против Германии [20].

Основываясь на этом и на некоторых других соображениях технического характера, Данилов настаивал на созыве военного совета, чтобы снова обсудить доводы, говорящие против плана частичной мобилизации, принятого 24—25 июля. По всей вероятности это совещание состоялось 28 июля после полудня или вечером, и на нем присутствовали Янушкевич, Добророльский, Данилов и Ронжин, начальник отдела военных перевозок. В результате Янушкевич убедил, что необходимо приложить все старания к тому, чтобы добиться у царя согласия на общую мобилизацию. Поэтому, когда Сазонов ему сказал, что мобилизацию нельзя более откладывать, он подготовил два проекта императорского указа— один для частичной, а другой для общей мобилизации. Первый предназначался на тот случай, если бы царь стал настаивать на плане 25 июля. Но он повидимому постарался добиться его согласия на второй план [21].

Утром 29 июля Янушкевич отправился в Петергоф, имея у себя в портфеле оба эти проекта указа. Видимо без большого труда ему удалось убедить царя подписать указ об общей мобилизации, причем, вероятно, также был подписан и указ о частичной мобилизации. Последний — на тот случай, если в дипломатическом положении произойдет поворот к лучшему.

Одной из величайших слабостей Николая II, на которую жаловались все его министры, было то, что он соглашался с тем из министров, который докладывал ему последним. Эта слабость была особенно губительна вследствие того, что в России не существовало системы солидарного кабинета, и министры могли самостоятельно делать доклады царю и представлять их на его высочайшее одобрение. Янушкевич до такой степени полагался на это свойство слабохарактерного монарха и на свое уменье убедить его, что еще перед тем, как отправиться в Петергоф, послал секретное сообщение Жилинскому, командующему Варшавским военным округом, а может быть и командующим всех остальных округов, что общая мобилизация неизбежна.

> «17[30] июля будет объявлено первым днем нашей общей мобилизации. Объявление последует условною телеграммою. Генерал Янушкевич» [22].

За несколько часов до этого Данилов запросил командующего Варшавским военным округом относительно мер, принятых для выгрузки

[20] Данилов, Россия в мировой войне, стр. 16—22, см. также Добророльский, стр. 96—103 (нем. изд., стр. 14—22), а также выше, гл. VI, прим. 40, 73.

[21] Данилов, стр. 16 (нем. изд.); Добророльский, стр. 104 сл., нем. изд., стр. 23 сл.; Сухомлинов, Воспоминания, нем. изд., стр. 361 сл.

[22] Телеграмма № 1785, отправленная Янушкевичем Жилинскому 29 июля, ок. 7 ч. 20 м. утра, впоследствии попала в руки немцев. Ее цитирует Höniger, стр. 100 сл. и Frantz, стр. 265; это подтверждается телеграммой, отправленной Жилинским на следующий день, после того как царь переменил свое решение и приостановил общую мобилизацию, заменив ее частичной: «Начальник генерального штаба телеграфировал вчера (29 июля), что 30 июля будет объявлено первым днем мобилизации. Но так как этого не случилось, то я заключаю отсюда, что в политическом положении произошли перемены. Нельзя ли сообщить, какие именно? Жилинский — Сухомлинову, 30 июля, 2 ч. 25 м. дня; цит. у Höniger, стр. 110, и Frantz, стр. 266. [Телеграмма Янушкевича напечатана в М. О. т. V, стр. 202].

кавалерийских дивизий, которые были направлены к германской границе[23]. Можно себе представить, как после получения этой телеграммы начальники русских военных частей в Варшаве и в других местах вдоль германской границы стали напрягать все свои силы для подготовки к войне в ожидании предстоящего объявления мобилизации. Учитывая это обстоятельство, Данилов понимал, что русские войска, ожидающие в любой момент неизбежного объявления общей мобилизации, могут совершить какие-нибудь враждебные действия на границе, которые дадут Германии повод объявить свою мобилизацию; это скомпрометировало бы Россию и ее союзников, так как Россию могли бы признать тогда нападающей стороной. Поэтому он поспешил отправить телеграмму, в которой разъяснил, что после объявления мобилизации военные действия должны начаться только по получении специальной телеграммы. Пограничные войска предостерегались, «дабы не произошло непоправимых ошибок» [24]. Эти телеграммы показывают, что военное начальство было уверено в том, что царь утвердит общую мобилизацию и 29 июля отдаст сответствующий приказ. Но они хотели по возможности избежать таких действий, которые давали бы основания считать Россию нападающей стороной.

По возвращении из Петергофа, откуда Янушкевич прибыл, имея в кармане подписанный царем указ об общей мобилизации, он вызвал к себе германского военного атташе Эггелинга. Янушкевич сказал ему, что он только что вернулся от царя, но что все обстоит совершенно так же, как говорил ему несколько дней тому назад Сухомлинов [25]. «Он самым торжественным образом дал мне честное слово и предлагал подтвердить письменно, что до настоящего момента, 3 часов дня, никакой мобилизации не производилось, т.е. ни одного человека еще не призвали. Он сказал, что не может дать гарантии насчет будущего, но самым решительным образом уверил меня, что его величество теперь, как и прежде, не желает мобилизации на нашей границе». Так как имелось много сообщений о призыве запасных, в том числе из Варшавского и Виленского округов, к германской границе, то Эггелинг сказал, что его удивляет такое заявление. «Янушкевич ответил, что он дает слово офицера, что все эти донесения ложны. Это только отдельные случаи ложной тревоги в разных местах» [26]. Эггелинг был вынужден сделать отсюда вывод, что Янушкевич пытался ввести его в заблуждение, и историк вряд ли может не присоединиться к этому выводу.

Если Янушкевич и был формально прав, говоря, что царь не желает мобилизации на германском фронте, то все же он знал, что у него в кармане[27] лежит указ царя о мобилизации в любом виде и что осуществление

---

[23] Телеграмма № 1746, 28 июля, 11 ч. 58 м. веч.; Höniger, стр. 105; Frantz, стр. 245.

[24] Телеграмма № 1754, 29 июля, 1 ч. 10 м. утра; Höniger, стр. 105; Frantz, стр. 241.

[25] См. выше, гл. VI, прим. 107, 108.

[26] Пурталес — Бетману, 29 июля, 7 ч. вечера; K. D., 370; Eggeling, стр. 27—41; Höniger, Untersuchungen zum Sukhomlinov-Prozess, «Deutsche Rundschau», April, 1918, стр. 32—33.

[27] На процессе Сухомлинова в 1917 г. Янушкевич, коснувшись в своем показании заявления, сделанного им Эггелингу, заявил: «Я считал себя в праве дать ему такое письменное заявление, потому что действительно в тот момент о мобилизации еще не было объявлено. Указ о мобилизации еще лежал у меня в кармане» («Новое время», № 14852, 13/26 августа 1917.)

этого приказа последует, как только он соберет требующиеся ему подписи трех других министров.

Для того чтобы отдать распоряжение о мобилизации, одной подписи царя было недостаточно. По русскому законодательству требовалось еще контрсигнирование (подписи военного, морского министров и министра внутренних дел) [28]; это было сделано для того, чтобы оказывать сдерживающее влияние на военные власти. Поэтому Янушкевич передал приказ о мобилизации Добророльскому, который должен был собрать три подписи. Последний оставил живое и в общем достаточно точное описание своего участия в событиях этого наиболее важного дня его жизни. Неточность его заключается только в том, что он некоторые события помечает часом или двумя раньше, чем они были в действительности [29]. Добророльский сначала отправился к военному министру Сухомлинову, которого застал в угнетенном состоянии: он, повидимому, раскаивался в своих недавних воинственных статьях в газете под заголовком: «Россия готова, Франция должна тоже быть готова». Тем не менее Сухомлинов подписал приказ о мобилизации, хотя и сделал это с тяжелым сердцем, понимая, хотя правда уже слишком поздно, как говорит Добророльский, что Россия оказалась вовлеченной в войну, к которой она была не вполне подготовлена и которая превышала ее силы. В эти дни наибольшую настойчивость в отстаивании общей мобилизации проявлял не Сухомлинов, а начальник генерального штаба Янушкевич.

Морского министра Григоровича не удалось застать в адмиралтействе, его адъютант сказал, что он вернется домой не раньше 7 часов вечера. В министерстве внутренних дел, по словам Добророльского, были встревожены опасностью внутренней революции. «У нас, — сказал Маклаков,— война не может быть популярной в народных массах, на которые революционные идеи действуют сильнее, чем мысль о победе над Германией. Но от судьбы не уйдешь», — и, перекрестившись, Маклаков подписал приказ о мобилизации. Этот объезд министров занял часа два или три, после чего Добророльский вернулся в генеральный штаб, чтобы дожидаться возвращения морского министра. Вечером он, наконец, добился и его подписи, после чего мог отправиться на главный телеграф и разослать приказ по всей империи. Добророльский очень живо описывает, как это было:

«Главный начальник почтово-телеграфного управления был уже заранее предупрежден, что нужно будет разослать чрезвычайно важное сообщение. Я зашел к нему в кабинет, передал ему телеграмму и стал ожидать, чтобы лично присутствовать при рассылке телеграмм во все концы Российской империи. В моем присутствии телеграмма была отпечатана на нескольких машинках, чтобы отправить ее одновременно по всем телеграфным проводам, соединявшим Петербург с главней-

[28] Добророльский, стр. 105 (нем.изд., стр. 24); Сухомлинов, стр. 361; Frantz, стр. 66.

[29] Добророльский, там же; ср. также его дополнительные пояснения в KSF, II, 78—89, апрель 1924. Он говорит, что получил документ от Янушкевича «утром, т. е. около 12 ч. дня», но по всей вероятности это было не раньше чем в 3 ч. дня — после беседы Янушкевича с Эггелингом. Он говорит также, что было 9 ч. 30 м. вечера, когда он собирался разослать по телеграфу приказ о мобилизации и когда его внезапно вызвали обратно, но по всей вероятности это было несколько позже, потому что телеграмма кайзера, вызвавшая отмену приказа о мобилизации, была получена только в 9 ч. 40 м. вечера.

шими центрами империи, откуда телеграмма должна была быть передана во все губернские и уездные города. Существовала специальная инструкция для рассылки мобилизационных телеграмм. Пока они передавались, нельзя было посылать никаких других телеграмм.

Внушительное помещение Петербургского центрального телеграфа с его несколькими дюжинами телеграфных аппаратов было готово к приемке телеграммы о мобилизации.

Но в этот момент — около 9 час. 30 мин. веч. — генерал Янушкевич вызвал меня к телефону и велел мне задержать телеграмму до прибытия капитана генерального штаба Туган-Барановского. Тот явился и сказал, что рыскал за мной по всему городу, чтобы передать мне специальное распоряжение царя — не посылать телеграммы об общей мобилизации. Она отменялась, а вместо этого, по распоряжению царя, надлежало произвести частичную в соответствии с уже заранее утвержденным планом.

Я немедленно забрал телеграмму об общей мобилизации, которую уже сдал на телеграф, а также все копии, сообщил начальнику телеграфа о происшедшей перемене и ушел» [30].

Прежде чем объяснить это внезапное изменение решения в самый последний момент, мы должны вернуться несколько назад и посмотреть, что делали Сазонов и послы в то время, как Янушкевич находился в Петергофе, а Добророльский собирал подписи, необходимые для объявления общей мобилизации.

29 июля приблизительно в 11 часов утра Пурталес посетил Сазонова, чтобы сделать ему «приятное сообщение», что Австрия повторила свою декларацию об отсутствии у нее намерения захватить сербскую территорию и что Германия старается убедить ее откровенно договориться с Россией и успокоить ее относительно целей и пределов австрийского наступления на Сербию. Но Сазонов ответил, что так как он не получил никакого ответа на свое предложение о непосредственном обмене мнениями и Австрия объявила Сербии войну, то добросовестность Австрии представляется сомнительной. Поэтому Россия должна произвести мобилизацию в военных округах на австрийской границе, и распоряжение об этом будет отдано сегодня же; это не означает войны; «русская армия несомненно в течение нескольких недель будет находиться под ружьем, но не перейдет границы». Пурталес указал на опасность, что генеральные штабы соседних с Россией держав будут настаивать на контрмерах [31].

Нельзя сказать, чтобы Сазонов был определенно неискренен, сообщая Пурталесу, что Россия собирается произвести частичную мобилизацию, направленную только против Австрии, потому что он еще не знал, удалось ли Янушкевичу убедить царя подписать приказ об общей и частичной мобилизации. Но после завтрака, когда он беседовал с английским послом, он вряд ли уже был вполне искренним. Он дал понять Бьюкенену, что «приказ о частичной мобилизации сегодня подписан» и что «решено не производить общей мобилизации, на которой сильно настаивали воен-

[30] Добророльский, стр. 107 (нем. изд., стр. 25 сл.).

[31] Пурталес—Бетману, 29 июля в 1 ч. 58 м. дня; K. D., 343, Schilling's Diary, стр. 47 сл.

ные власти» [32]. Узнал ли за это время Сазонов от Янушкевича о результатах его поездки в Петергоф? Если нет, то как же он мог сказать, что приказ о частичной мобилизации сегодня подписан? Если же, как это вероятно, он уже говорил с Янушкевичем, то знал, что одновременно подписан также приказ и об общей мобилизации, а следовательно он говорил неправду, сообщая, что «решено не производить общей мобилизации». В том и другом случае он своими словами создавал у Бьюкенена впечатление, что Россия еще не приняла определенного решения в военном вопросе, и это не соответствовало действительности. Цель, которую он преследовал, была конечно ясна: он опасался встревожить общественное мнение Англии и оттолкнуть ее от России. Поэтому он присоединил к сообщению о частичной мобилизации заявление, что мобилизация потребует около недели или больше, что Россия не будет форсировать войны немедленным переходом границы, и выразил надежду, что Англия за это время сумеет найти какое-нибудь удовлетворительное решение, способное обеспечить мир.

Среди дня Пурталес второй раз беседовал с Сазоновым, который послал за ним, чтобы передать ему сообщение, повидимому только что полученное от русского посла в Вене [33], что Берхтольд ответил категорическим отказом на предложение непосредственного обмена мнений. Сазонов поэтому хватался за каждую соломинку, желал вернуться к предложению Грэя относительно конференции послов. Но Пурталес сказал, что он не знает, как отнесется к этому его правительство, но что ему кажется, что приказ о русской мобилизации, если она действительно угрожает, будет большой ошибкой... Сазонов не отрицал неминуемости мобилизации, заявив, что Австрия вынудила Россию предпринять этот шаг, но что мобилизация отнюдь не означает войны [34].

Вслед за этим Сазонова посетил австрийский посол, явившийся для того, чтобы выяснить недоразумение. Он только что получил телеграмму от Берхтольда с отказом обсуждать текст австрийского ультиматума. Сапари пришлось признать, что Австрия действительно не желает допустить непосредственного обмена мнений по этому вопросу, но что она вполне согласна на обсуждение австро-русских отношений вообще, и что она не желает нарушать интересы России, не стремится к территориальным приобретениям и не собирается покушаться на суверенитет Сербии.

Сазонов ответил, что хотя Австрия, может быть, и не захочет сербской территории, но тем не менее она посягает на суверенитет Сербии тем, что фактически превращает ее в вассальное государство. Это нарушает равновесие на Балканах и следовательно причиняет ущерб интересам России. После этого между ними завязалась продолжительная и бесплодная дискуссия, вращавшаяся в ложном кругу. «Наконец Сазонов сказал, что сегодня будет подписан указ о мобилизации в довольно большом объеме; но он может заверить меня самым официальным образом, что их войска не собираются нападать на нас. Они будут только стоять под ружьем готовые на случай, если интересы России на Балканах окажутся в опасно-

---

[32] Бьюкенен — Грэю, 29 июля, 8 ч. 40 м.; B. D., 276.

[33] Ср. Берхтольд — Сапари, 28 июля, 11 ч. 40 м. вечера; ARB, II, 95.

[34] Пурталес — Бетману, 29 июля, 6 ч. 10 м. вечера; K. D., 365; «Am Scheideweg», стр. 41 сл.

сти. Это будет подтверждено note explicative (объяснительной нотой)». Но такой ноты в действительности не последовало.

Согласно донесению Сапари, Сазонов пытался возложить ответственность за распоряжение о мобилизации целиком на военные власти. Когда Сапари заметил, что, как он слышал, Россия встревожена тем, что Австрия мобилизовала против Сербии восемь корпусов, Сазонов сказал, что «он об этом ничего не знает, а что тревогу выразил царь Николай, узнавший об этом от начальника генерального штаба». Сапари указал, что даже человек, ничего не смыслящий в военных делах, может понять, что мобилизация, произведенная Австрией на юге, не угрожает России, и настаивал, что для сохранения мира необходимо быстро положить конец всяким махинациям военных властей, так как в противном случае угрожает опасность, что, опираясь на ложные известия, они захватят все в свои руки. «Сазонов сделал весьма характерное замечание, что он может передать это начальнику штаба, так как последний бывает у его величества каждый день. Сам он, даже в такое время, как теперь, имел только обычную аудиенцию во вторник и тогда впервые узнал от его величества, чего добивается от него военная партия».

«В то время как мы таким образом вели конфиденциальную беседу,— продолжает Сапари, — Сазонову передали по телефону, что мы бомбардировали Белград. Тут его словно подменили. Он снова стал повторять свои прежние доводы, совершенно не считаясь с логикой, и сказал, что теперь он видит, что царь был прав. Вы хотите только выиграть время этими переговорами, а сами делаете свое дело и бомбардируете беззащитный город, — сказал он. Он продолжал поносить Австрию в самом возбужденном тоне, и Сапари тогда удалился [35]. Не установлено, в какой именно час происходила эта беседа, но по всей вероятности она имела место в конце дня, после того как Сазонов уже узнал от Янушкевича, что царь подписал приказ об общей мобилизации. Это объясняет, почему он говорил о мобилизации довольно значительного размера, а не о частичной мобилизации, как он это сделал в беседе с Пурталесом и Бьюкененом за несколько часов раньше.

Немного позже, между 5 и 6 часами вечера, когда Сазонов все еще находился в весьма возбужденном состоянии, Пурталес снова явился в министерство иностранных дел, чтобы исполнить поручение, только что полученное из Берлина. Бетман, встревоженный слухами о широких военных приготовлениях России (но не о том, что в России решена частичная мобилизация, так как об этом он узнал только несколько позже) [36], телеграфировал Пурталесу: «Благоволите обратить внимание Сазонова

[35] Сапари — Берхтольду, 29 июля, 11 ч. вечера; ARB., III, 19; Пурталес в телеграмме, отправленной в 8 ч. вечера (K. D., 378), писал: «Сазонов признал в беседе с Сапари, что предстоит мобилизация, и добавил, что будет опубликована «note explicative». Это указывает на то, что беседа Сазонова с Сапари происходила еще до «предостережения» Пурталеса, о котором мы сейчас будем говорить, Schilling's Diary, стр. 49 [«Поденная запись», М. О. т. V, стр. 214] поэтому допускает неточность: по его изложению выходит, что сообщение о бомбардировке Белграда было получено п о с л е предостережения Пурталеса. Как это ни странно, но Шиллинг совершенно не упоминает о беседе Сазонова с Сапари — может быть потому, что русские (и в особенности французы) старались в последние дни по возможности переложить ответственность с Австрии на Германию.

[36] От Свербеева, после 5 ч. дня, Schilling's Diary, стр. 103, 106 («Поденная запись», М. О. т. V, стр. 228), от Пурталеса в телеграмме, полученной в 1 ч. 58 м. дня (K. D., 343).

на то, что продолжение Россией мобилизационных мероприятий заставит и нас произвести мобилизацию, и в таком случае вряд ли удастся предупредить европейскую войну» [37].

Сообщая об этом Сазонову, Пурталес сказал: «Это не угроза, а только дружеское высказывание». Но Сазонов принял это сообщение в состоянии «крайнего возбуждения» и сказал, что доложит об этом царю [38]. Повидимому он истолковал это как угрозу и резко отвечал: «Теперь у меня нет никаких сомнений относительно подлинной причины несговорчивости Австрии». Пурталес, протестуя, вскочил с кресла, и они холодно расстались [39].

После этого Сазонов по телефону довел до сведения царя о сообщении, только что полученном от Пурталеса. Царь приказал ему немедленно обсудить с Янушкевичем и Сухомлиновым вопрос об общей мобилизации, а сам телеграфировал кайзеру:

> «Благодарю примирительную и дружескую телеграмму. Однако официальное сообщение, сделанное сегодня твоим послом моему министру, было составлено в совершенно иных тонах. Прошу тебя объяснить это противоречие. Было бы правильно передать австро-сербский вопрос на разрешение Гаагской конференции. Полагаюсь на твою мудрость и дружбу» [40].

Сообщение о бомбардировке Белграда и последовавшее затем предостережение Пурталеса, что дальнейшие мобилизационные мероприятия России приведут к германской мобилизации и к войне, устранило последние сомнения, какие могли еще оставаться у Сазонова относительно необходимости немедленной общей мобилизации. В беседе с Янушкевичем он признал, что война с Германией неизбежна и что было бы ошибкой откладывать дальше общую мобилизацию или мешать ее успешному осуществлению, отдав предварительно приказ о частичной мобилизации. Об этом было сообщено по телефону царю, который изъявил согласие на дачу соответствующего распоряжения. Согласно сообщению барона Шиллинга, известие это «было встречено с восторгом тесным кругом лиц, которые были посвящены в дело» [41]. Тем временем Добророльский собрал три необходимые подписи и отправился на главный телеграф, чтобы разослать приказ об общей мобилизации. Сазонов отправил телеграмму русским послам в Париже и Лондоне. Вряд ли можно утверждать, что эта телеграмма

---

[37] Бетман — Пурталесу, 29 июля, 12 ч. 50 м. дня; получено в Петербурге в 4 ч. 35 м. дня; K. D., 342; Schilling's Diary, стр. 48. Если учесть время, потребовавшееся для расшифровки и для зашифровки ответа Пурталеса, который был отправлен в 8 ч. вечера (K. D., 378), то станет очевидным, что эта беседа Пурталеса с Сазоновым происходила между 6 и 7 ч. вечера, как правильно указывает Пурталес в своих воспоминаниях («Am Scheideweg», стр. 45 сл.). Шиллинг («Diary» стр. 48) неправильно указывает, что «беседа происходила в 3 ч. дня». Шиллинг должно быть спутал эту беседу со второй беседой Пурталеса, о которой упоминалось выше, в прим. 34 и которая происходила около 3 ч. дня. [В М. О. т. V эта часть поденной записи напечатана на стр. 212—215.]

[38] Пурталес — Бетману, 29 июля, 8 ч. вечера; K. D., 378; ср. Schilling's Diary, стр. 48; «Поденная запись», K. A., IV, 20. [M. O. т. V, стр. 212].

[39] «Поденная запись», там же.

[40] Николай II — Вильгельму II, 8 ч. 30 м. веч.; получено в 8 ч. 42 м. веч., K. D., 366; «Поденная запись», K. A., IV, 24; о предложении царя относительно Гаагской конференции см. предыдущую главу, прим. 74—78. [M. O., т. V, стр. 206.]

[41] Schilling's Diary, стр. 50; «Поденная запись», A., IV, стр. 21; M. O. т. V, стр. 214.

вполне откровенно и полно воспроизводила сообщение Пурталеса и излагала тот ответственный шаг, который Россия собиралась предпринять.

«Германский посол заявил мне сегодня о решении своего правительства мобилизовать свои силы, если Россия не прекратит делаемых ею военных приготовлений. Между тем таковые стали приниматься нами только вследствие состоявшейся мобилизации восьми корпусов в Австрии и очевидного нежелания последней согласиться на какой-либо способ мирного улажения своего спора с Сербией.

Так как мы не можем исполнить желание Германии, нам остается только ускорить начавшиеся вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны» [42].

Если бы мы поверили в полную искренность только что приведенной телеграммы и в точность «Поденной записи» Шиллинга за этот богатый событиями день 29 июля, как это склонны делать некоторые авторы [43], то получилось бы, что решение России произвести общую мобилизацию вместо частичной было вызвано предостережением Пурталеса. Но конечно Сазонов хотел, для того чтобы обеспечить себе помощь Англии, изобразить дело таким образом, будто угроза со стороны Германии, а не нарушение Австрией равновесия на Балканах побудило Россию ускорить ее вооружения, как эвфемистически называл Сазонов неизбежно предстоявшую общую мобилизацию. Что касается «Поденной записи» Шиллинга, то она очевидно страдает неточностями в отношении целого ряда моментов. Предостережение, сделанное Пурталесом, по записи имело место в 3 часа дня, в действительности оно было сделано им между 6 и 7 часами вечера. Сообщение о бомбардировке Белграда по записи было получено после предостережения Пурталеса, тогда как в действительности это сообщение пришло уже во время беседы между Сапари и Сазоновым; между тем в «Поденной записи» об этой беседе не говорится ни слова. К тому же Добророльский, совершенно не упоминает о том, что предостережение Пурталеса оказало какое-нибудь решающее влияние. Он не говорит также о каких-нибудь колебаниях или отсрочке после прибытия Янушкевича из Петергофа с подписанным указом; отсрочка была вызвана только собиранием подписей трех министров. Правда, Добророльский не был министром и скорее был осведомлен о том, что делалось в генеральном штабе, а не в министерстве иностранных дел.

Не вполне совпадающие версии «Поденной записи» Шиллинга и рассказ Добророльского, а также то, что мы изложили выше относительно деятельности русских дипломатов и военных властей позволяют притти

[42] Сазонов — Извольскому и Бенкендорфу, телеграмма № 1551, 30 июля; L. N., II, 289; B. D., 300. М. О. т. V, стр. 212; в РОК этот документ за № 58 помечен «16», т. е. 29 июля, выпущены слова «8 армейских корпусов», и неверно, что Россия начала военные приготовления «только вследствие состоявшейся уже мобилизации Австрии»: Россия начала их в ночь с 25 на 26 июля, прежде чем узнала о частичной мобилизации против Сербии. В дальнейшем Сазонов в своей телеграмме Извольскому выражает Франции благодарность за сделанное Палеологом заявление о поддержке: «При нынешних обстоятельствах это заявление для нас особенно ценно», — говорит Сазонов и настаивает, чтобы Англия немедленно присоединилась к России и Франции (см. выше, прим. 5—11).

[43] Ср. M. T. Florinsky, The Russian Mobilization of 1914 в «Political Science Quarterly», XLVII, 215 сл., июнь 1927; Poincaré IV, 397; Renouvin, стр. 135 сл., занимает более осторожную и критическую позицию.

к заключению, что царь, подписывая указ об общей и частичной мобилизации, еще колебался между этими последними и надеялся, что Янушкевич посоветуется с Сазоновым, прежде чем разошлет распоряжение о какой-либо мобилизации. Но Янушкевич истолковал согласие царя на мобилизацию как дозволение немедленно приступить к ней. По возвращении из Петергофа в Петербург он сообщил Сазонову, что ему удалось убедить царя. Это он сделал незадолго до того, как говорил [приблизительно в 3 часа дня][44] с Эггелингом и до беседы Сазонова с Сапари. Затем Янушкевич послал за Добророльским, чтобы тот собрал подписи под распоряжением об общей мобилизации. Это произошло еще до того, как Пурталес сделал свое предложение и вне всякого влияния последнего. Сазонов, которого царь по этому вопросу не запросил, не пытался вмешиваться в военные вопросы, выходившие за пределы его компетенции, и принял то, что сделал Янушкевич. Затем последовали его беседа с Сапари и третья беседа с Пурталесом между 6 и 7 часами вечера. Он теперь считал, что Берхтольд ответил категорическим отказом относительно непосредственного обмена мнениями, что Белград подвергся бомбардировке и что Германия сделала предостережение о своем намерении произвести мобилизацию, если не прекратятся военные приготовления России. Это нагромождение признаков, свидетельствовавших о враждебных настроениях Австрии и Германии, привело к тому, что у него пропала всякая охота поддерживать свой первоначальный план частичной мобилизации. Около 8 часов вечера, когда он передавал царю по телефону предостережение Пурталеса и царь на этом основании поручил ему тотчас же переговорить с Янушкевичем относительно мобилизации, он согласился с начальником генерального штаба, что мобилизацию нужно произвести немедленно. Это решение было принято с энтузиазмом небольшим кругом лиц, имевших отношение к министерству иностранных дел и убежденных, что война почти неизбежна.

Не предостережение Пурталеса, а давление со стороны русской военной партии явилось главной причиной того, что приказ о мобилизации уже были готовы разослать по телеграфу. Но тут царь изменил свое решение.

ОТМЕНА ЦАРЕМ ПРИКАЗА ОБ ОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ

В 9 час. 45 мин. вечера Николай II получил в Петергофе вторую телеграмму от Вильгельма II. В ней кайзер настаивал, что «бумажные обещания Сербии совершенно ненадежны». Далее он предостерегающе заявлял царю тем властным тоном, который в прошлом так часто обеспечивал ему успех в переговорах с Николаем II.

«Полагаю, что непосредственное соглашение твоего правительства с Веной возможно и желательно и, как я уже телеграфировал тебе, мое правительство продолжает прилагать усилия, чтобы

[44] На процессе Сухомлинова в 1917 г. Янушкевич заявил, что царь приказал ему заверить Пурталеса, что мобилизация не является враждебным актом по отношению к Германии. Он сообщил об этом Сазонову. Но Сазонов опасался, что Пурталес истолкует это по-своему, и посоветовал Янушкевичу сделать это заверение не Пурталесу, а германскому военному атташе Эггелингу, Янушкевич так и поступил (показание Янушкевича напечатано в газете «Новое время»: оно приведено у O m a n, The Outbreak of the War, стр. 67, и у H ö n i g e r, Deutsche Rundschau, апрель 1918, стр. 33.

достигнуть этого. Конечно военные приготовления со стороны России, которые могли бы рассматриваться Австрией как угроза, ускорили бы катастрофу, избежать которой мы оба желаем, и повредили бы моей позиции посредника, которую я, в ответ на твое обращение к моей дружбе и помощи, охотно взял на себя» [45].

Кайзер повидимому правильно рассчитал впечатление, которое этот тон должен был произвести на слабого и неустойчивого Никки, потому что царю, когда он задумался над создавшимся положением, стало казаться, что он допустил ошибку, подписав указ о всеобщей мобилизации. Тогда он решил немедленно и по собственной инициативе [46] отменить это распоряжение, заменив общую мобилизацию внешне менее опасной частичной мобилизацией.

Поэтому царь позвонил Янушкевичу, и тогда последовал «трехсторонний» разговор по телефону между царем, Сухомлиновым и Янушкевичем, в котором оба военачальника пытались убедить царя, что он делает страшную ошибку, что нет никакой гарантии в успешности посредничества кайзера в Вене, что из поведения Германии и Австрии явствует неизбежность всеобщей войны и что отмена общей мобилизации только позволит противнику мобилизовать свои войска быстрее, чем это сделает Россия. Однако царь не поддавался, и Янушкевич в полном отчаянии вынужден был вызвать Добророльского с главного телеграфа, где он собирался уже разослать приказ об общей мобилизации. Вместо этого 29 июля около полуночи был разослан по телеграфу приказ о частичной мобилизации [47].

На известном сухомлиновском процессе в 1917 г. военный министр заявил, что он не послушался царя и в ночь на 29 июля продолжал общую мобилизацию [48]. Но в настоящее время из сообщения Добророльского и других показаний явствует, что он сказал неправду, и в своих собственных мемуарах Сухомлинов уже не настаивал на этой версии о событиях, имевших место в ночь на 29 июля.

Янушкевич немедленно сообщил Сазонову о том, что царь изменил свое мнение и распорядился вместо общей мобилизации произвести частичную. Сазонов уже отправил одного из своих секретарей г. Базили, сообщить Палеологу, что решено в эту ночь отдать приказ о частичной мобилизации, но тайным образом начать общую мобилизацию. Палеолог рассказывает, что это застигло его врасплох и он спросил: «Нельзя ли будет пока что удовольствоваться частичной мобилизацией?» — «Нет, — сказал Базили, — вопрос этот был уже тщательным образом рассмотрен нашим высшим военным командованием» [49].

Затем Базили сказал: «не будет ли лучше, ввиду того что немцы могут расшифровать французскую телеграмму, если Палеолог передаст своему

[45] Вильгельм II — Николаю II, 29 июля, 6 ч. 30 м. веч.; получено 9 ч. 40 м. веч.; K. D., 359; Schilling's Diary, стр. 55; M. O. т. V. стр. 227.

[46] Paléologue, I, 37.

[47] В Москве военное начальство получило его и отдало соответствующие распоряжения до 12 ч. 1 м. ночи 30 июля; Frantz, стр. 262.

[48] См. извлечения, сделанные автором из отчетов о процессе, напечатанных в русских газетах, в American «Historical Review» XXVI, 246—250 (январь 1921); превосходный подбор выдержек дает Renouvin в «Revue d'Histoire de la Guerre Mondiale», II, 49—69 (апрель 1924) и сводки у Höniger в «Deutsche Rundschau», XLIV, 15—80 (апрель 1918).

[49] Paléologue, I, 36.

правительству это чрезвычайно секретное сообщение телеграммой, посланной в русском шифре через посредство русского министерства иностранных дел в адрес Извольского. Палеолог принял это предложение. Но прежде чем телеграмма была зашифрована, он и Базиль узнали, что царь изменил свое решение. Поэтому Палеолог совершенно не сообщил своему правительству о том, что принято важное решение об общей мобилизации и что уже собирались отдать соответствующий приказ. Он только изложил предостережение, сделанное Пурталесом, добавив к этому, что тон, в котором оно было сделано, побудил русское правительство немедленно распорядиться о мобилизации 13 корпусов, предназначенных действовать против Австро-Венгрии [50].

После полуночи Сазонов снова имел продолжительную беседу с Пурталесом, в которой расхождения между русской и германской точкой зрения были выяснены более отчетливо. Сазонов хотел, чтобы Германия произвела давление на Австрию и побудила ее взять обратно требования ультиматума посягавшего на суверенитет Сербии. Он сказал, что жизненные интересы России не допустят, чтобы Сербия принятием требования, посягающего на ее суверенные права, унизилась до положения вассального государства Австрии, — стала какой-то Бухарой. Пурталес же, наоборот, хотел, чтобы Россия удовольствовалась заявлением Австрии о готовности уважать территориальную неприкосновенность Сербии. Никто не хотел уступить друг другу. Пурталес указывал, что Германия сделала уже слишком много в смысле оказания давления на Вену и что положение в настоящее время в значительной мере осложнилось тем обстоятельством, что Россия решила произвести частичную мобилизацию. Но Сазонов решительно отказался удовольствоваться одной только декларацией о территориальной незаинтересованности Австрии по отношению к Сербии [51].

Вопрос о неприкосновенности сербского суверенитета, на чем настаивал Сазонов, снова был поставлен в центре внимания утром 30 июля, когда Пурталес в последний раз обратился к Сазонову с просьбой письменно формулировать заявление, которое могло бы удовлетворить Россию и вместе с тем имело бы какие-нибудь шансы на успех. Тогда Сазонов написал следующую «формулу»:

> «Если Австрия... признав, что австро-сербский конфликт приобрел характер европейского вопроса, заявит о своей готовности исключить из ультиматума пункты, нарушающие суверенные права Сербии, Россия обязуется прекратить свои военные приготовления» [52].

Но эта «формула» едва ли может рассматриваться как уступка со стороны Сазонова, если не считать, что в ней не было требования немед-

---

[50] Палеолог — Вивиани, 30 июля, в 1 ч. ночи; ФЖК., 100, и сообщение Базили у Recouly, стр. 16 сл. И в данном случае Палеолог не полностью и не сразу поставил свое правительство в известность о событиях в Петербурге.

[51] Пурталес — Бетману, 30 июля, 4 ч. 30 м. утра и 9 ч. 30 м. утра; K. D., 401, 402.

[52] Пурталес — Бетману, 30 июля в 1 ч. 01 м. дня; K. D., 421. Ср. также РОК, 60 и Paléologue, I, 37 сл., который говорит, что эта формула была предложена 30 июля в 2 ч. дня. Но Палеолог ошибается: предложение было сделано раньше: либо в 2 ч. ночи, как это сообщил Сазонов Бьюкенену и Палеологу (B. D., 302; ФЖК, 103) или, что вероятнее, поздно утром, как утверждает Пурталес («Am Scheideweg», стр. 51 сл.).

ленной приостановки австрийских операций против Сербии. Трудно было допустить, чтобы такая формулировка оказалась приемлемой для Австрии, даже после того как она, по предложению Грэя, была изменена в том смысле, что допускала оккупацию Белграда Австрией и вмешательство великих держав. Ни в первоначальном, ни в измененном виде эта формулировка не имела никаких серьезных шансов на успех. Она была опрокинута быстрым ходом событий, совершившихся под давлением военной партии, в особенности же сыграло роль то обстоятельство, что всего через несколько часов после того, как Сазонов предложил свою формулировку, он добился от царя новой перемены решения и окончательного согласия на общую мобилизацию.

ПРИКАЗ ОБ ОБЩЕЙ МОБИЛИЗАЦИИ В РОССИИ

Начальник русского генерального штаба и военный министр с крайней неохотой и отчаянием подчинились распоряжению царя об отмене общей мобилизации в ночь на 29 июля. Но они решили не успокаиваться, пока не убедят его снова изменить решение и опять согласиться на общую мобилизацию, которую они считали необходимой. Утром 30 июля они снова совещались с Сазоновым и убедились, что он вполне с ними согласен. Они обратились к царю по телефону и пытались уговорить его вернуться к вчерашнему решению и дозволить приступить к общей мобилизации. Царь сначала решительно отверг эту просьбу и, наконец, коротко объявил, что прекращает разговор.

Янушкевич, державший телефонную трубку в руках, успел лишь доложить, что Сазонов находится тут же (в кабинете) и просит разрешения сказать государю несколько слов. Последовало некоторое молчание, после которого царь изъявил согласие выслушать министра. Сазонов обратился к его величеству с просьбой о приеме в тот же день для неотложного доклада. Помолчав царь спросил: «Вам все равно, если я приму вас одновременно с Татищевым в 3 часа дня, так как иначе у меня сегодня нет ни одной минуты свободного времени?» Сазонов поблагодарил и сказал, что он прибудет в указанный час [53]. Тогда Янушкевич стал заклинать Сазонова,чтобы он обязательно добился от царя нового согласия на общую мобилизацию. Он повторил свои технические соображения о чрезвычайной опасности, угрожавшей России вследствие того, что при дальнейшей отсрочке мобилизации она не будет готова к войне с Германией, которую он считал неизбежной. Проведение общей мобилизации несколько позже встретит серьезную помеху в частичной мобилизации, о которой уже отдано распоряжение. Избежать этого можно только немедленно приступив к общей мобилизации. В качестве другого средства для оказания давления на царя он предложил Сазонову воспользоваться политическим доводом: Франция, союзница России, будет недовольна и будет считать, что Россия не выполняет своих союзных обязательств. Германский император добьется от Франции обещания сохранить нейтралитет, и тогда он нападет на Россию, которая будет находиться в самом разгаре своей частичной мобилизации [54]. В заключение он горячо умолял Сазонова

[53] Schilling's Diary, стр. 63. Ср. также Сазонов, Fateful Years, стр. 199 сл., русск. изд. 239. [М. О. т. V, стр. 256.]

[54] Добророльский, стр. 108 (нем. изд. стр. 28).

непременно убедить царя снова согласиться на общую мобилизацию и просил, в случае если ему удастся убедить царя, немедленно сообщить по телефону из Петергофа, чтобы он тотчас же мог принять необходимые меры и, прежде чем это будет поздно, превратить частичную мобилизацию в общую. «После этого, — сказал он, — я уйду, сломаю телефон и вообще приму все меры, чтобы меня никоим образом нельзя было разыскать для преподания противоположных приказаний в смысле новой отмены общей мобилизации» [55].

После этого Сазонов имел беседу с Бьюкененом и Палеологом и рассказал им о своем разговоре с Пурталесом, во время которого германский посол, видя, что война неизбежна, совсем растерялся и умолял Сазонова протянуть хоть соломинку для спасения и сделать какое-нибудь предложение, которое Пурталес мог бы протелеграфировать своему правительству. Тогда Сазонов набросал упомянутую выше формулировку [56].

Затем Сазонов сказал обоим послам по существу следующее: «Если Австрия отвергнет это предложение, то будет приступлено к общей мобилизации и европейская война станет неизбежной. По стратегическим соображениям Россия вряд ли может отложить превращение частичной мобилизации в общую, когда она знает, что Германия готовится, и когда возбуждение в стране достигло таких размеров, что нет возможности сдержать его, если Австрия откажется пойти на уступки» [57]. Бьюкенен очевидно не прилагал никаких усилий к тому, чтобы заставить Сазонова отказаться от своего намерения превратить частичную мобилизацию в общую. Этим самым он поощрял русского министра.

Палеолог во время этой беседы получил телеграмму от Вивиани, в которой тот повторял, что Франция готова выполнить свои союзные обещания, но вместе с тем поручал послу посоветовать Сазонову избегать военных мероприятий, которые могли бы послужить Германии предлогом для мобилизации. Палеолог ответил по телеграфу, что он выполнил это поручение, но в своих мемуарах он говорит, что весьма возможно, что он тогда гораздо сильнее подчеркнул первую часть послания Вивиани, содержавшую заявление о верности союзу, чем последнюю, в которой рекомендовалась осторожность в отношении мобилизационных мероприятий [58]. К тому же Извольский телеграфировал Сазонову, что Маржери, чиновник французского министерства иностранных дел, сказал, что французское правительство не желает вмешиваться в военные приготовления России, но полагает, что их следовало бы производить менее открыто и не столь вызывающим образом; по его словам, французский военный министр советовал России усилить свои военные приготовления, но по возможности не показывать этого [59].

---

[55] Schilling's Diary, стр. 64. [М. О., т. V, стр. 357].

[56] Добророльский, стр. 108 (нем. изд., стр. 27).

[57] Бьюкенен — Грэю, 30 июля, 1 ч. 15 м. дня; получено в 3 ч. 15 м. дня; B. D., 302; ср. также (ФЖК, 102) и выше, прим. 51 и 52.

[58] Poincaré, IV, 399 сл.; Paléologue, I, 39 сл. Может быть введенный в заблуждение тем обстоятельством, что во французской «Желтой книге» две его депеши (ФЖК, 102) соединены в одну, Палеолог неправильно относит эту беседу к 6 ч. вечера, тогда как она имела место до полудня. См. также ниже, гл. XI, прим. 6.

[59] Извольский — Сазонову, 30 июля; «Материалы» стр. 521; L. N. II, 290. [М. О. т. V, стр. 263.]

После этого Сазонов завтракал вместе с Базили и министром земледелия Кривошеиным, который тоже умолял его добиться от царя согласия на общую мобилизацию. После завтрака Сазонов в 2 часа дня вместе с Татищевым отправился в Петергоф. Он застал царя бледным и нервно возбужденным, но вполне сознающим всю серьезность ответственности, которая на нем лежала. «Подумайте об ответственности, которую вы мне советуете взять на себя, — сказал царь, — подумайте о тысячах людей, которые будут посланы на смерть». В ответ на это Сазонов пытался доказать ему, что в случае возникновения войны ему ни в чем не придется упрекать свою совесть, так как это явно стало неизбежным. Дипломатия исчерпала свои средства. Его величеству нужно теперь подумать о безопасности империи. Отказ от общей мобилизации только внесет разруху в военную организацию России и обескуражит союзников. «Остается лишь делать все нужное для того, чтобы встретить войну во всеоружии и в наиболее выгодной для нас обстановке. Поэтому лучше, не опасаясь вызвать войну нашими приготовлениями, тщательно заняться последними, нежели из страха дать повод к войне быть застигнутыми врасплох» [60].

Почти в течение часа царь, руководимый твердым желанием во что бы то ни стало избежать войны, не решался принять меры, которые, как он ясно понимал, должны были ускорить катастрофу, если даже они и являлись необходимыми с военной точки зрения.

Напряженность тех чувств, которые в эти минуты он переживал, выразилась, между прочим, в той необычной у него раздражительности, с которой он оборвал генерала Татищева. Последний, не принимавший участия в разговоре, сказал во время наступившей минуты молчания: «Да, решать трудно!» Царь с неудовольствием резко возразил: «Решать буду я», — и дал разрешение приступить к общей мобилизации. Тогда Сазонов поспешил к телефону в нижнем этаже дворца и передал полученное им распоряжение Янушкевичу, с нетерпением ожидавшему его сообщения, и добавил: «Теперь вы можете сломать свой телефон. Отдайте ваши распоряжения, генерал, и затем исчезайте на весь день» [61].

Янушкевич немедленно вызвал Добророльского, и тот снова быстро собрал необходимые подписи министров, у которых в это время как раз происходило экстренное совещание. Его приказ о мобилизации был составлен таким образом, что первым днем общей мобилизации назначалось 31 июля. Это совпадало с днем, когда войска четырех южных военных округов должны были быть фактически уже мобилизованы и когда надлежало приступить к их перевозке. Таким образом избегалась путаница, которая могла бы получиться, если бы общая мобилизация была отложена еще на один день. Имея в руках новый указ, подписанный царем, Добророльский опять, как и накануне ночью, поспешил на главный телеграф. «Все телеграфисты сидели у своих аппаратов, ожидая копии телеграммы, для того чтобы разослать во все концы русской империи знаменательное сообщение о призыве на военную службу всего русского народа. Это было в 6 часов .Через несколько минут, в течение которых в зале

---

[60] Schilling's Diary, стр. 65; Paléologue, I, 39.

[61] Schilling's Diary, стр. 65; [М. О., т. V, стр. 258]: Добророльский, стр. 109 (нем. изд., стр. 28); Sazonov, стр. 202 сл.

царила абсолютная тишина, все аппараты одновременно застучали. Начиналась великая эпоха» [62].

Добророльский подождал, пока пришли ответы, подтверждающие получение телеграммы. Они стали приходить приблизительно в 7 часов вечера и удостоверяли, что все пункты, имеющие прямое телеграфное сообщение с Петербургом, — а таковое имели все наиболее значительные города Европейской и Азиатской России, — получили приказ быстро и правильно [63]. В Варшавском военном округе, на границе Германии, командующие разными частями получили телеграмму о мобилизации в 7 час. 55 мин., в 8 час. 02 мин., в 8 час. 15 мин. вечера и немедленно приступили к исполнению [64].

В далекой сибирской деревне английский путешественник проснулся несколько часов спустя, в 4 часа дня, от большого шума у его окна. На вопрос, что случилось, крестьянин в волнении ответил: «Слыхали новость? Война!» [65].

Ночью всюду на углах были расклеены красные мобилизационные афиши, призывавшие запасных под знамена. Царь уже больше не мог изменить своего решения. Россия совершила тот шаг, который, как понимали все военные и как это понимал сибирский крестьянин, означал войну.

Какие причины заставили принять это роковое решение и отдать приказ об общей мобилизации? Державы Антанты, стараясь найти ему оправдание, часто приводили разные причины, которые не соответствуют действительности.

Существует версия, что решение России было вызвано телеграммой, полученной от русского посла в Берлине, Свербеева, в которой сообщалось: «Сейчас отдан приказ о мобилизации германских армий и флота». Телеграмма эта была вызвана сообщением, появившимся около 1 часа дня в экстренном выпуске берлинской газеты «Local-Anzeiger». Утверждают, что это была уловка со стороны немцев, для того чтобы ускорить общую мобилизацию в России и потом утверждать, что Россия была нападающей стороной. Но германское министерство иностранных дел немедленно опровергло это сообщение, и экстренный выпуск газеты был конфискован. Тогда русский посол сейчас же отправил в незашифрованном виде вторую телеграмму, аннулировавшую первую. Затем последовала третья телеграмма, зашифрованная и содержавшая объяснение происшедшего [66]. В настоящее время с точностью установлено, что все эти три телеграммы были получены в Петербурге после того, как царь отдал свое распоряжение. Таким образом они не могли оказать на него никакого влияния. Ни Сазонов, ни кто-либо из других представителей русского правительства не ссылались в то время, в июле 1914 г., на этот эпизод с «Local-Anzeiger» в оправдание русской общей мобилизации. Это — изоб-

---

[62] Добророльский, стр. 109 сл. (нем. изд., стр. 28 сл.).
[63] Добророльский, стр. 110 (нем. изд.).
[64] Frantz, стр. 68, 265; ср. Höniger, стр. 114—118.
[65] Stephen Graham, Russia and the World War (New-York, 1915), стр. 1 сл.
[66] «Красный архив», т. I стр. 179 сл.; в русской «Оранжевой книге» за №№ 61 и 62 напечатаны в фальсифицированом виде первая и третья телеграммы, а вторая совсем опущена [М. О., т. V, стр. 268—269];

ретение позднейшего времени, впервые получившее известность благодаря Грэю в 1916 г. [67].

Другую причину указывает французский посол в Петербурге. В своих довольно ненадежных мемуарах он говорит, что решение царя было вызвано угрожающей телеграммой кайзера. Согласно этой легенде Сазонов, приехав в Петергоф, узнал, что на царя произвела плохое впечатление телеграмма, присланная ночью и составленная в весьма угрожающем тоне:

> «Если Россия мобилизует против Австрии, то моя роль посредника, которую я принял на себя по твоей специальной просьбе, подвергнется опасности, если не станет совершенно невозможной. Вся тяжесть решения ложится теперь исключительно на тебя и ты несешь ответственность за мир и войну».

Прочитав несколько раз эту телеграмму, Сазонов сделал жест отчаяния и продолжал добиваться у царя разрешения на общую мобилизацию, на том основании, что́ война уже неизбежна и Германия только делает вид, что занята примирением, а в сущности старается выиграть время, чтобы тайком закончить свои приготовления к нападению. «После некоторого колебания, — продолжает Пелеолог,— царь, хотя и неохотно, уступил и дал разрешение. Часы показывали ровно 4 часа дня» [68].

Но эта телеграмма кайзера [69] была отправлена не раньше чем в 3 час. 30 мин. дня и получена в Петергофе не раньше чем в 6 час. 30 мин. вечера. Так как она была получена через 2 часа после того, как царь отдал распоряжение о мобилизации, и через полчаса после того, как Добророльский начал отправлять телеграфные приказы, то ее столь же мало, как и экстренный выпуск «Local- Anzeiger», можно считать причиной общей мобилизации в России. Или Сазонов неправильно передал содержание своей аудиенции у царя, или, что более вероятно, французский посол снова стал жертвой своего живого воображения.

Указывается еще и третья причина, а именно, что общая мобилизация в России была вызвана общей мобилизацией в Австрии и мобилизационными мероприятиями, которые тайно, но неуклонно проводила Германия в течение последних шести дней. Эта легенда была увековечена французской «Желтой книгой», опубликовавшей в фальсифицированном виде запоздалую телеграмму, в которой Палеолог сообщал, наконец, своему правительству о роковом шаге, предпринятом Россией. Мы сопоставляем здесь первоначальный и фальсифицированные тексты [70].

---

[67] Подробности см. Montgelas в «Deutsche Revue», май 1922, стр. 113—114; его же, Leitfaden, 215 сл. Мы их здесь не воспроизводим, ибо все осторожные ученые-историки вроде Ренувена (Renouvin, стр. 183 сл.) теперь вместе с Монжела отвергают как легенду объяснение, будто всеобщая мобилизация в России была вызвана сообщением «Local-Anzeiger». Даже Сазонов незадолго до смерти признал, что «это не было причиной нашей мобилизации» (Florinsky, Pol. Sc. Quart., июнь 1927, стр. 222 сл.);

[68] Paléologue, I, 38, Sazonov (стр. 202 сл.), повторяют эту легенду. Возможно, что царь принял свое решение на 2—3 часа раньше (ср. Dobrorolski в KSF, II, 87, апрель 1924 г.), но во всяком случае не позже, чем в 4 ч. дня. Шиллинг («Diary», стр. 63; M. O. t. V, стр. 256), записал, что аудиенция Сазонова началась в 3 ч. дня и продолжалась почти час. Таким образом царь принял решение в 4 ч. дня.

[69] K. D., 420; Шиллинг («Diary», стр. 67), [ср. M. O. t. V, стр. 262, где указано, что телеграмма эта была доставлена в Петергоф в 6 ч. 30 м. дня. — *Прим. ред.*]

[70] Палеолог — Вивиани, через Берген, 31 июля в 10 ч. 43 м. утра, получено в 8 ч. 30 м. веч.; напечатано в первоначальной форме у Renouvin, стр. 181 сл. и в фальсифи-

Первоначальный текст:	Фальсифицированный текст французской «Желтой книги», стр. 118.
Отдан приказ об общей мобилизации русской армии.	В результате всеобщей мобилизации и секретно предпринимаемых и беспрерывно уже в течение шести дней проводимых в Германии мобилизационных мероприятий отдан приказ об общей мобилизации русской армии, так как Россия не может без серьезного риска дать еще больше опередить себя; в действительности она предпринимает лишь такие меры, которые в Германии уже осуществлены. По стратегическим соображениям русское правительство, зная о вооружении Германии, не могло дольше медлить превращением своей частичной мобилизации во всеобщую.

Так как французское правительство признало, что значительная часть этого документа, напечатанная во французской «Желтой книге», является чистым вымыслом, то вряд ли требуется указывать, что приказ об общей мобилизации в Австрии был отдан только через 18 часов после того, как мобилизация была объявлена в России, и что совершенно неверно, будто Германия в течение шести дней секретно проводила мобилизационные мероприятия [71]. То обстоятельство, что чиновники французского министерства иностранных дел, издавшие в 1914 г. «Желтую книгу», считали нужным прибегнуть к такому заведомому искажению истины, заставляет думать, что они сознавали, какое роковое значение имеет выступление России и в какой мере ответственность за него падает на Палеолога и на Францию. Они старались оправдать этот шаг путем подделки документов.

Как повлияла на Сазонова беседа с Бьюкененом и Палеологом имевшая место перед его поездкой в Петергоф? Укрепила ли эта беседа, а также телеграмма, полученная от Извольского, его решимость убедить царя отдать распоряжение об общей мобилизации [72], или, как остроумно предполагает Ренувен [73], эта беседа и телеграмма только побудили его по возвращении из Петергофа, когда он уже добился приказа об общей мобилизации, сообщить Палеологу, что русское правительство «решило тайно приступить к предварительным мерам [premières mesures] по проведению общей мобилизации» [74]. Но такое искажение истины вряд ли было допустимо по отношению к союзнице.

цированной форме в ФЖК, стр. 118. Ср. также Poincaré, IV, 455—458, относительно задержки, вызванной расшифровкой.

[71] О сдерживающем давлении Бетмана на Мольтке и германское военное начальство, а также об австрийской общей мобилизации см. ниже гл. XI.

[72] См. выше прим. 57—59.

[73] Renouvin, стр. 186 сл.

[74] Палеолог — Вивиани, 30 июля 9 ч. 15 м. вечера; получено 11 ч. 30 м. вечера. Часть этой телеграммы напечатана во французской «Желтой книге» (ФЖК, 102), но цитируемое здесь место было там вычеркнуто; повидимому полный текст напечатан у G. A p-

Из этой двусмысленной фразы нельзя было с определенностью вывести, что русское правительство уже отдало приказ о полной мобилизации, а потому Пуанкаре и Ренувен утверждают, что французское министерство узнало об общей мобилизации в России из сообщения Палеолога только через день после того, как об этом последовал приказ, т. е. только 31 июля, в 8 часов 30 мин. вечера, когда была получена телеграмма, отправленная Палеологом через Берген в 10 час. 43 мин., утра того же дня [75].

Если правы Ренувен и Пуанкаре, то Палеолог в своей телеграмме обманул свое правительство. Кто виновник этого обмана? Ввел ли Сазонов Палеолога в заблуждение и тот без всякой вины со своей стороны передал в Париж ложные сведения, или Палеолог знал правду от Сазонова или из других источников и скрыл от Парижа, что приказ об общей мобилизации был разослан по телеграфу за три часа до того, как он отправил свое двусмысленное послание, сообщавшее о решении России «принять в секретном порядке предварительные меры по проведению общей мобилизации»? Определенно ответить на этот вопрос нельзя. Ренувен считает Сазонова виновником обмана. Но одна из телеграмм Бьюкенена заставляет думать, что виновником мог быть Палеолог и что в данном случае французский посол располагал важными сведениями, которые он скрывал от своего правительства. Бьюкенен действительно телеграфировал 30 июля в 6 час. 40 мин. совершенно правильно и ясно: «Решено отдать приказ об общей мобилизации» [76]. Ввиду того что Бьюкенен и Палеолог находились в теснейшем контакте, представляется весьма вероятным, что Палеолог не хуже Бьюкенена знал 30 июля, сейчас же после 6 часов вечера, что решено предпринять общую мобилизацию. А если это так, то он должен был отправить ясное и недвусмысленное сообщение, а не такую телеграмму, которая могла ввести в заблуждение его правительство. Роль Палеолога во время июльского кризиса представляет один из тех вопросов, которые особенно нуждаются в освещении посредством полного и удовлетворительного издания французских документов.

Таким образом ни экстренный выпуск «Local-Anzeiger», ни телеграмма кайзера, ни австрийская мобилизация не являются объяснением или оправданием русской общей мобилизации. Какое влияние оказали Бьюкенен и Палеолог на Сазонова 30 июля — остается неизвестным. Русская общая мобилизация была вызвана тем обстоятельством, что 30 июля Сазонов и военные просто держались того же мнения, что и 29 июля вечером, когда они готовы были разослать приказ об общей мобилизации, если бы царь не изменил своего решения. Положение за это время существенно не изменилось, если не считать того, что частичная мобилизация, приказ о которой был отдан в ночь на 29 июля, побуждала военные власти, по военно-техническим соображениям, еще более настаивать на немедленной общей мобилизации.

---

puhn и P. Renouvin, Introduction aux Tableaux d'Histore de Guillaume II (Paris, 1923), стр. XCV.

[75] Ср. Renouvin, стр. 190, прим. 3: «Французское правительство не поняло сообщение Палеолога как извещение о всеобщей мобилизации»; Poincaré, IV, 403 сл., 408, 452 сл.

[76] B. D., 347, и пояснительное примечание.

«МОБИЛИЗАЦИЯ ОЗНАЧАЕТ ВОЙНУ»

Отдавая 30 июля, около 6 часов вечера, приказ об общей мобилизации, Россия сделала шаг, который, как это прекрасно понимали военные во всех странах, почти наверняка означал войну. Это прекрасно понимали также Сазонов и царь, что видно из записи Шиллинга об их беседе в Петергофе и о колебаниях царя, не желавшего взять на себя ужасную ответственность. Великие державы могли провести у себя частичную мобилизацию, не доводя тем самым до войны. Это в течение предшествующих лет несколько раз имело место в Австрии и России. Но если великая держава предпринимала общую мобилизацию, то все понимали, что на такой шаг, на приведение в движение всей огромной машины, связанной с автоматической переброской войск к границе в спешном порядке, она решалась только тогда, когда пришла уже к окончательному решению, что войны избежать нельзя.

«Мобилизация означает войну». Это было политической истиной, которая уже много лет считалась общепризнанной у военных всего европейского континента. На это определенно указывал Сазонову Пурталес во время июльского кризиса. Это было заявлено французским и русским начальниками генеральных штабов еще в 1892 г. и признано царем. Это явствует из сообщения о переговорах относительно заключения франко-русского союза.

«Генерал Обручев в заключение подчеркнул необходимость немедленной и одновременной мобилизации русской и французской армий при первых же сообщениях, которые получит Франция или Россия о мобилизации сил тройственного союза. Далее он полагает, что эта мобилизация Франции или России повлечет за собой немедленные практические результаты в виде военных действий, — словом, будет неразрывно связана с нападением» [77].

Точно так же генерал Буадефр, беседуя с царем на другой день после того, как была одобрена военная конвенция, заметил:

«Мобилизация означает объявление войны. Мобилизовать войска — это значит обязать своего соседа сделать то же самое. Мобилизация связана с выполнением стратегических перевозок и концентрацией войск. Если оставить миллион человек у себя на границе и не сделать со своей стороны того же самого, то это означает лишить себя всякой возможности дальнейшего движения. Это значит поставить себя в положение человека, который, имея револьвер в кармане, позволил бы своему соседу приставить ему оружие к виску, ничего против этого не предпринимая». На это Александр III ответил: «Я думаю то же самое» [78].

---

[77] Донесение французского военного атташе в Петербурге, 16 июля 1892; «L'Alliance Franco-Russe», стр. 56.

[78] Донесение генерала Буадефра, там же, стр. 95; Renouvin, стр. 309, доказывает, что в этих переговорах принцип «мобилизация означает войну» применялся только к противникам Франции и России, а не к русской мобилизации. Хотя несомненно в цитированном ответе Буадефр имеет в виду мобилизацию врагов Франции, но все же он устанавливал здесь общий принцип, признаваемый всеми военными. Было бы нелогично и односторонне утверждать, что мобилизация в Германии и Австрии означает войну, а в России или Франции этого не означает. К тому же, Обручев совершенно определенно

В тайном русском приказе, одобренном царем 12 марта 1912 г., в тот момент, когда Россия старалась обеспечить подписание сербо-болгарского договора, повлекшего за собой балканские войны, определенно говорилось, что «телеграмма о мобилизации должна иметь такое же значение, как распоряжение царя о начале военных действий против Германии и Австрии»[79]. Хотя это распоряжение, по соображениям технического и политического порядка, впоследствии было отменено и телеграммы относительно мобилизации и открытия военных действий должны были даваться отдельно, все же в умах военных дело представлялось таким образом, что общая мобилизация означает войну. Например Добророльский, когда он говорит о русской мобилизации 1914 г., определенно заявляет: «Весь план мобилизации разработан во всех деталях в таком направлении; в нужный момент требуется только нажать кнопку — и все начнет автоматически функционировать с точностью часового механизма... Выбор момента определяется целым рядом сложных политических причин, но как только этот момент установлен, все остальное уже предрешено и назад пути нет. Это автоматически предопределяет начало военных действий» [80].

говорит о мобилизации в России и во Франции как акте, немедленно вызывающем военные действия: «Il entend du reste que cette mobilisation de la France et de la Russie soit suivie immédiatement d'effets actifs, actes de guerre, en un mot soit inséparable d'une agression». Там же, стр. 56.

[79] Цитировано у Frantz, стр. 46, 234.

[80] Добророльский, стр. 92 (нем. изд., стр. 9 сл.).

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

МОБИЛИЗАЦИЯ И ОБЪЯВЛЕНИЕ ВОЙНЫ В ДРУГИХ СТРАНАХ

Мы проследили развитие дипломатических и военных мероприятий в России до момента объявления общей мобилизации во второй половине дня 30 июля. Тем самым мы забежали вперед в изложении событий, происходивших в других столицах Европы. В Париже, Лондоне и Берлине надежды на мир и страх перед неминуемой войной также вызвали столкновение между дипломатами и военными. Дипломаты все еще старались спасти положение или по крайней мере, если бы это оказалось невозможным, представить дело в таком виде, чтобы они и их союзники не были ответственны за надвигающуюся катастрофу. Военное командование настоятельно требовало принятия военных мер, считая их необходимыми для обеспечения стратегического преимущества в войне, в неизбежности которой оно все более убеждалось.

ФРАНЦИЯ И 10-КИЛОМЕТРОВАЯ ЗОНА

Президент Пуанкаре и Вивиани высадились в Дюнкирхене утром 29 июля и около 12 часов дня прибыли в Париж. Они были быстро поставлены в известность о предупредительных военных мерах, которые в предвидении войны принимались кабинетом министров и военным министром Мессими в их отсутствие, начиная с вечера 25 июля. Меры эти заключались в возвращении войск, находящихся на маневрах, на их постоянные квартиры, в вызове офицеров из отпусков и в подготовке перевозки возможно большего количества войск из Марокко [1]. Все эти меры были одобрены. Им было также сообщено, что Австрия упорствует в своей непримиримой позиции и объявила войну, что Германия, видимо, полностью поддерживает Австрию и что германский посол несколько раз посетил французское министерство иностранных дел, причем посещения эти не внушили доверия к миролюбию Германии; что Грэй не желает связать себя определенными обязательствами относительно дальнейшей политики Англии и что Сазонов сообщил о намерении России объявить частичную мобилизацию [2]. На заседании совета министров во второй половине дня Пуанкаре, по его словам, убедился, что министры «единодушны в решении прило-

[1] Poincaré, IV, 360—369; Recouly (стр. 61 сл.) передает рассказ Мессими относительно подробностей военных мероприятий (см. историю войны, изданную французским генеральным штабом «Les armées françaises dans la Grande Guerre (Paris, 1923), passim и критический разбор ее у Montgelas, KSF, V, 1206—1220, Déc. 1927); Монжеля указывает, что французские мероприятия обычно предшествовали соответствующим германским, иногда на два, на три дня. Ср. также донесение британского военного атташе в Париже 29 июля; B. D. 391.

[2] Poincaré, IV, 371—378; ФЖК, 56—85;

жить самые невероятные усилия, чтобы избежать войны, но вместе с тем считают нужным не пренебрегать никакими приготовлениями к обороне» [3].

Поздно ночью, или, вернее, между 2 и 3 часами утра, 30 июля Извольский передал французскому министру иностранных дел и военному министру содержание только что полученной им из Петербурга чрезвычайно важной депеши, указывавшей на неизбежность войны. Сазонов телеграфировал: «Так как мы не можем исполнить желания Германии (чтобы Россия прекратила свои военные приготовления), то нам остается только ускорить наши вооружения и считаться с вероятной неизбежностью войны». Выразив благодарность по поводу заявления Палеолога о полной поддержке Франции и указав, что «при нынешних обстоятельствах это заявление для нас особенно ценно», Сазонов добавлял: «Было бы крайне желательно, чтобы и Англия, не теряя времени, присоединилась к Франции и к России, так как только таким образом ей удастся предупредить опасное нарушение европейского равновесия» [4]. Вивиани и Мессими немедленно устроили в Елисейском дворце совещание с Пуанкаре, который уже лег было спать. Они утвердили телеграмму Вивиани на имя Палеолога, которая затем была немедленно сообщена Извольскому, зашифрована и в 7 часов утра 30 июля отправлена в Петербург и Лондон. Она начиналась ссылкой на телеграмму Вивиани от 27 июля, отправленную с корабля «Франция» и заявлявшую о желании французского правительства поддержать усилия, направленные на мирное разрешение конфликта; на основании этой телеграммы однако, по свидетельству Пуанкаре, Палеолог сделал заявление о полной поддержке Франции, что Сазонов нашел «особенно ценным» [5]. Далее в телеграмме говорилось:

> «Франция решила исполнить все обязательства, налагаемые союзом. Но думаю, что в интересах общего мира и ввиду переговоров, которые начаты менее заинтересованными державами, положение требует, чтобы Россия, принимая меры защиты и предосторожности, не делала ничего такого, что могло бы послужить поводом для Германии к полной или частичной мобилизации ее сил» [6].

То, что имело при этом в виду французское правительство, изложено более ясно в другой телеграмме, которую Извольский поспешил отправить Сазонову.

---

[3] Poincaré, IV, 371.

[4] Об этой телеграмме Сазонова за № 1551 см. выше, гл. X, прим. 42.

[5] Poincaré, IV, 335, 385; см. также выше, гл. X, прим. 5—11.

[6] Эта редакция представляет собой то, что, по моему предположению, является подлинным оригинальным текстом, так как этот отрывок передан в трех различных редакциях: a) редакции французской «Желтой книги» (см. ФЖК, 101), b) редакции Пуанкаре, b) редакции Извольского. Вторая и третья редакция не упоминают о телеграмме Сазонова Извольскому и о визите Шена, о чем говорится в первой и последней части первой редакции. В свою очередь эта редакция ничего не говорит о телеграмме Вивиани, отправленной с судна «Франция» 27 июля, о чем упоминается во второй и в третьей редакции. В передаче Пуанкаре последняя фраза гласит, что Россия не должна немедленно предпринимать шагов для частичной или общей мобилизации своих сил. Но Пуанкаре неправильно цитировал свой документ, как это видно из его собственного изложения на страницах 399 и 408, а также из ФЖК, 102, где сказано, что Россия не должна предпринимать никаких шагов, которые могли бы дать Германии предлог для мобилизации. Эта телеграмма Извольского Сазонову за № 208, напечатана также в «Материалах по истории франко-русских отношений, стр. 520, и у Romberg, стр. 50 сл., но не была включена в русскую «Оранжевую книгу» [ср. М. О., т. V, стр. 262].

«Маржери, с которым я только что виделся, сказал мне, что французское правительство, отнюдь не желая вмешиваться в наши военные приготовления, считало бы крайне желательным, ввиду продолжающихся переговоров с целью сохранить мир, чтобы приготовления эти носили возможно менее открытый и вызывающий характер. Со своей стороны военный министр, развивая ту же мысль, сказал графу Игнатьеву (русскому военному атташе в Париже), что мы могли бы заявить, что в высших интересах мира мы согласны временно замедлить мобилизационные мероприятия, что не помешало бы нам продолжать и даже усилить военные приготовления, воздерживаясь по возможности от массовых перевозок войск» [7].

Из этих двух телеграмм, отправленных из Парижа в Петербург, видно, что французское правительство, не желая, чтобы Россия ускорила европейскую войну, вместе с тем хотело, что бы она продолжала готовиться к ней, поскольку война казалась неизбежной. Пуанкаре должен был также сознавать, что возобновление им обещания о полной поддержке со стороны Франции должно было еще больше укрепить Россию в ее вызывающей позиции по отношению к Германии и привести таким образом к войне. Не желая вмешиваться в мобилизационные мероприятия, России, он тем не менее, по дипломатическим соображениям, не хотел, чтобы Франция или ее союзники открыто принимали бы какие-либо вызывающие военные меры, которые могли бы показаться агрессивными, или могли бы дать Германии повод для мобилизации, или, что важнее всего, произвести нежелательное впечатление на Англию и на Италию. Убежденный, повидимому, в том, что война неизбежна [8], и памятуя об ошибке Франции, которая в 1870 г. формально была нападающей стороной, он не желал, чтобы подобная ошибка была повторена и в 1914 г. Россия и Франция должны были выжидать, пока Германия не возьмет на себя инициативу и тем самым не навлечет на себя все бремя ответственности [9]. События доказали его проницательность, так как вскоре Бетман, объявив войну, совершил ту же формальную ошибку, которую Оливье сделал в 1870 г. Поэтому на данный отрезок времени, пока дипломатические переговоры все еще велись, Россия должна была по возможности

[7] Извольский — Сазонову, телеграмма № 210. 30 июля, «Материалы», стр. 521, L. N., II, 240; ср. также Poincaré, IV, 386 сл. [М. О., т. V, стр. 264]. Эта мысль об усилении военных приготовлений, но так, чтобы они были незаметны (для чего предполагалось избегать передвижения войск массами или в специальных поездах), была немедленно усвоена самим Мессими в отношении французских корпусов, находившихся у германской границы. С этим мы скоро познакомимся, когда будем говорить об «отводе войск за 10 километров».

[8] Ср. донесение Берти Грэю от 30 июля (B. D., 320): «Испанский посол говорит, что президент этим утром сказал своему приятелю, что он считает войну неизбежной». Это убеждение представлялось бы естественным ввиду телеграммы Сазонова и ввиду донесений, которые весьма подозрительно настроенный французский посол в Берлине отправлял в Париж (ср. ФЖК, 30 35, 41—43, 47, 67, 73, 74, 92 и Poincaré, IV, 319 сл., 349, 414 сл.).

[9] Ср. донесения Жюля Камбона — Пуанкаре, телеграмма № 225, отправлена 30 июля в 4 ч. 52 м. дня, получена в 6 ч. 10 м. дня. Упомянув об эпизоде с «Local-Anzeiger», Камбон говорит: «Важно, чтобы во Франции не сообщали в печать о мобилизационных мероприятиях, раньше чем они будут наверняка решены в Берлине, для того чтобы английское общественное мнение, которое может сыграть такую большую роль в событиях, не приписывало нам инициативы войны» (Poincaré, IV, 420).

скрывать «предупредительные и оборонительные мероприятия, которые она считала необходимым принять». Если бы президент Пуанкаре выразился с обычной силой и ясностью, если бы он сказал России без всяких обиняков: «Не объявляйте всеобщей мобилизации теперь, когда еще ведутся дипломатические переговоры», — если бы даже он заговорил с такой же решительностью, с какой Бетман говорил с Веной, то возможно, что войну еще удалось бы предотвратить. Русская всеобщая мобилизация не была еще объявлена. Телеграмма Вивиани была получена Палеологом около полудня 30 июля, до того как Сазонов отправился в Петергоф, чтобы вновь убедить царя согласиться на всеобщую мобилизацию.

Если бы Пуанкаре сделал энергичное предупреждение и если бы Палеолог повторил его Сазонову, то время не было бы еще упущено и русский министр мог бы добиться дальнейшей отсрочки объявления всеобщей мобилизации. Тем временем предложение «остановки в Белграде» или посредничество, облеченное в какую-либо другую форму, могло удержать державы на краю пропасти. Но Пуанкаре в то время больше думал о том, чтобы обеспечить помощь со стороны Англии и принять во Франции военные предупредительные меры, а не о том, как сдерживать Россию. «Было бы крайне желательно, чтобы Англия, не теряя времени, присоединилась к Франции и России, так как только таким образом ей удастся предупредить опасное нарушение европейского равновесия», — телеграфировал Сазонов. Пуанкаре был того же мнения. Некоторые шаги, предпринятые им 30 июля, а также его мемуары показывают, что с этого времени его основной целью было добиться от Англии твердого заявления, что она окажет Франции вооруженную поддержку.

Рано утром 30 июля Полю Камбону сообщили в Лондон о телеграмме Сазонова, указывающей на неизбежность войны, и об ответе Франции. Камбону поручалось передать об этом Грэю, а также напомнить ему об обмене письмами в 1912 г., в которых Англия и Франция согласились, в случае угрозы миру, немедленно обсудить между собой, будут ли оба правительства действовать совместно и какие общие меры в этом случае они согласятся принять [10]. Камбон должен был также передать Грэю длинный перечень военных приготовлений, в принятии которых обвинялась Германия. Перечень этот «показывал, что военные приготовления Германии продвинулись дальше и носили более агрессивный характер на границе, чем все то, что было предпринято до сих пор Францией». Нужно было показать Грэю, что «хотя Франция настроена решительно, но тем не менее агрессивные меры исходили не от нее» [11]. Но когда Камбон напомнил Грэю об обмене письмами в 1912 г. и заявил, что «европейскому миру никогда не угрожала более серьезная опасность, чем теперь», — ему пришлось испытать разочарование. Хотя Камбон действовал с чрезвычайной осторожностью и тактом и не требовал от Грэя прямого заявле-

---

[10] Poincaré, IV, 386; Grey, I, 94—96; 328—331.

[11] B. D., 319 и приложение. Это был только один из целого ряда подобных документов, отправленных Камбоном Грэю в эти критические дни, когда Пуанкаре пытался добиться от Англии определенного обещания поддержки. Камбон преувеличивал военные приготовления и агрессивные действия на границе со стороны Германии и преуменьшал соответствующие действия Франции; ср. B. D. 338, 364, 473; Poincaré, IV, 435. Относительно сомнения в точности этих сообщений см. рецензию Монжеля на историю войны, составленную французским генеральным штабом, KSF, V, 1206—1220, декабрь 1927.

ния, что Англия вмешается, а только добивался заявления о том, как она поступит при известных обстоятельствах, например в случае нападения Германии на Францию, — однако Грэй ответил только, что он увидится с ним снова на следующий день после заседания кабинета министров [12]. Камбон беседовал также с Артуром Никольсоном, который однако сказал ему мало утешительного. Английское общественное мнение, — заявил Никольсон, — относится равнодушно к русско-австрийскому соперничеству на Балканах; не время еще обсуждать вопрос о вмешательстве Англии; германские финансовые интересы имеют большое влияние и в Сити и на некоторых членов кабинета; Асквит не решается занять определенную позицию; сам же Никольсон «лично является сторонником вмешательства» [13].

Вечером 30 июля сам Пуанкаре более откровенно и настойчиво беседовал с английским послом в Париже Френсисом Берти. Он упорно доказывал, что если Англия немедленно заявит о своем намерении поддержать Францию, то «войны не будет, так как Германия тотчас же изменит свою позицию... что даже, если это не предупредит войну, то помощь Англии, оказанная Францией в начале военных действий, поможет сохранить равновесие сил в Европе. Потом помощь может уже оказаться запоздалой. Если Англия будет соблюдать нейтралитет, а Германия станет всесильной на континенте, то положение Англии как великой державы резко изменится к худшему». Берти заявил, что неопределенное настроение палаты общин затрудняет подобную декларацию и что во всяком случае приказ британскому флоту не рассеиваться должен явиться для Германии ясным указанием на позицию Англии[14]. Но в частном сообщении Грэю Берти замечает: «Франция, вместо того чтобы нажать на русское правительство с целью умерить его пыл, добивается, чтобы мы дали понять Германии, что мы намерены воевать, в случае если разразится война. Если же мы теперь дадим обещание Франции и России оказать им вооруженную помощь, то Россия станет еще более требовательной и Франция пойдет по ее стопам »[15].

Так как Сазонов в своей телеграмме говорил, что он настаивает на ускорении военных приготовлений России, и что он считает войну неизбежной, то Пуанкаре и в особенности французский военный министр желали как можно скорее и в возможно полном объеме принять меры для усиления пограничных войск и вместе с тем скрыть эти военные приготовления, которые могли бы повести к пограничным столкновениям или произвести неблагоприятное впечатление на Англию. Эта борьба между стремлениями удовлетворить стратегические и дипломатические интересы и породила знаменитый «отвод войск на 10 километров».

На заседании французского кабинета министров, состоявшемся утром 30 июля, после получения телеграммы Сазонова, французский военный министр потребовал немедленно приступить к «couverture». Это означало, что пограничные войска должны были занять свои позиции на границе: это влекло за собой мобилизацию пяти армейских корпусов и всей французской кавалерии. Но здесь возникло дипломатическое возражение,

[12] Грэй — Берти 30 июля; B. D., 319.
[13] П. Камбон — Вивиани, 30 июля, 8 ч. 30 м. дня; Poincaré, IV, 434.
[14] Берти — Грэю, 30 июля; B. D., 373; ср. также 318.
[15] B. D. 320.

что вследствие этого Франция могла бы показаться нападающей стороной, а это поставило бы под угрозу поддержку Англии и нейтралитет Италии. Для того чтобы примирить противоречащие друг другу стратегические и дипломатические интересы, в принципе было решено пойти на компромисс. «Couverture» должна была иметь место, но с ограничениями. Пограничные войска, пехота и кавалерия должны были двинуться возможно ближе к границе: при этом мобилизация запасных не производилась; лошади покупались, а не реквизировались; войска располагались на небольшом расстоянии от тогдашней границы. Это должно было уменьшить опасность несчастных случаев, которые в тот период возбуждения и подозрения могли быть преувеличенно истолкованы как «агрессия» и «военные действия». В 1919 г. Вивиани, отвечая своим критикам в палате депутатов, которые обвиняли его в том, что приказ о 10 километрах поставил Германию с самого начала в более благоприятное положение и дал ей возможность захватить французские районы с железной рудой, — заявил: «Мы сознавали, что случайный инцидент мог перевернуть все. Патруль мог пойти по неправильному пути и натолкнуться на вражеский патруль; сержант или капрал мог потерять голову; солдат мог подумать, что ему угрожает опасность и выстрелить из ружья» [16].

Во французской «Желтой книге» дело изображается таким образом, будто Вивиани телеграфировал Полю Камбону в Лондон 30 июля: «Мы отвели наши войска на 10 километров от границы, запрещая им подступать ближе... Оставляя полосу территории незащищенной от неожиданного наступления врага, правительство республики надеется доказать, что Франция, так же как и Россия, не несет ответственности за нападение» [17].

В действительности однако не было установлено точной зоны в 10 километров. Ни в телеграмме, которую Вивиани действительно отправил Полю Камбону 30 июля, ни в приказе, который издал Мессими для командующих пятью корпусами в 4 час. 45 мин. пополудни, нет никакого упоминания о «10 километрах». Телеграмма Вивиани поручала Полю Камбону обратить внимание Грэя на военные приготовления Франции и Германии. «Англия увидит, что хотя Франция настроена решительно, но что тем не менее не она принимает агрессивные меры. Обратите внимание сэра Эдуарда Грэя на решение, принятое кабинетом сегодня утром. Хотя Германия заняла позицию «прикрытия» на расстоянии нескольких сот метров или нескольких километров от границы, вдоль всей границы от Люксембурга до Вогез и разместила свои пограничные войска на боевых позициях, мы поступили иначе, хотя наш план кампании, задуманный в предположении наступления, считает, что боевые позиции наших пограничных войск должны находиться на таком же расстоянии от границы, как и позиции германских войск. Мы оставили таким образом полосу национальной территории не защищенной и открытой для неожиданного нападения. Мы это сделали с единственной целью показать правительству и общественному мнению Англии, что Франция, так же как

[16] Dêbats parlamentaires 31 января 1919 г.

[17] ФЖК, 106. В этом документе редактор соединил две телеграммы (сравни B. D. 319, 338) в одну, причем дата второй, которую я только что цитировал, переделана с 31 июля на 30 июля. Курьезное объяснение этой фальсификации, дано в B. D. 319 прим. P o i n c a r é (IV, 424 сл., 435) — сознательно или нет — повторяет эту фальсификацию.

и Россия, не произведет первого выстрела». За этим следует перечень германских пограничных и прочих военных приготовительных мероприятий [18]. Приказ Мессими командующим корпусам возлагал на них выполнение приказа 1909 г. о мобилизации пограничных войск; те войска, которые могли двигаться пешком, должны были занять свои позиции; те же, которым надлежало ехать по железной дороге, должны были быть готовыми к отправке. «Однако, по дипломатическим соображениям, необходимо, чтобы нами не были вызваны какие-либо пограничные инциденты. Следовательно, войска или патрули ни под каким предлогом не должны приближаться к границе или переходить за линию», которая тут же определялась путем обозначения около пятидесяти городов и деревень, расположенных близ границы [19]. Таким образом не было линии, которая была бы проведена повсюду на расстоянии именно 10 километров от границы. Во многих точках она отстояла только на 4 или 5 километров от границы, как заявил Мессими в 1920 г. в Комитете по делам Бриэ [20]. Генерал Жоффр просил даже о том, чтобы его «не связывали обязательством выполнять приказ с абсолютной точностью», и правительство удовлетворило его просьбу [21]. Тем не менее то, что французское правительство все-же удерживало свои пограничные войска в нескольких километрах от границы, было разумным мероприятием. Оно способствовало предупреждению нежелательных «инцидентов», которые могли ускорить наступление войны. Но было бы ошибкой рассматривать его главным образом как доказательство миролюбия Пуанкаре. Это было скорей мероприятие, рассчитанное прежде всего на то, чтобы добиться одобрения и военной поддержки Англии и по возможности ослабить значение того факта, что Франция провела у себя важную военную меру подготовительного характера.

БРИТАНСКИЙ ФЛОТ И ПРЕДУПРЕЖДЕНИЯ ГЕРМАНИИ

В Англии стратегическая проблема стояла несколько иначе, чем на континенте. Благодаря мерам, принятым за несколько недель перед этим, британский флот к счастью для Англии был уже сконцентрирован в наиболее мощную боевую силу, которую когда-либо видел мир. Поэтому вставал вопрос не о лихорадочной поспешности в подготовке его для встречи с врагом, а только о том, нужно ли отдавать приказ об оставлении его в сконцентрированном виде или же нужно разрешить ему разойтись на обычные позиции мирного времени.

В субботу, 25 июля, Грэй и его советники узнали от Бьюкенена, что, по мнению Сазонова, Россия во всяком случае должна будет объявить мобилизацию и что визит Пуанкаре привел к установлению между Фран-

[18] Вивиани — Полю Камбону 30 июля; сообщено Грэю, B. D., 319.

[19] Мессими командирам 2-го, 6-го, 7-го, 20-го и 21-го армейских корпусов 30 июля в 4 ч. 55 м. дня, «Les Armées Françaises», т. I, ч. 1, прилож. № 15. Даже когда Франция издала 1 августа приказ об общей мобилизации, но Грей еще не обещал военной поддержки, Мессими снова телеграфировал командирам: «Для того чтобы обеспечить нам поддержку наших английских соседей, необходимо, чтобы патрули или отряды не переходили за линию, установленную телеграммой от 30 июля, кроме как в случае явного нападения на нас» (там же, № 25). Это было повторено самим президентом Пуанкаре несколько часов спустя — в 10 ч. 30 м. вечера (там же, № 26).

[20] Renouvin, стр. 215.

[21] Там же.

цией и Россией «полной общности взглядов» и «к торжественному подтверждению возложенных союзом обязательств». По этому поводу Кроу заметил: «Мы должны теперь же принять решение о мобилизации нашего флота, как только какая-либо другая великая держава объявит у себя мобилизацию, и мы должны немедленно объявить об этом решении французскому и русскому правительствам». Даже уже в то время он считал: «момент, когда можно было заручиться поддержкой Франции, для того чтобы сдержать Россию, уже упущен». Мобилизация флота могла кроме того, как он полагал, послужить предупреждением для Германии. Но Грэй, которому Уинстон Черчилль, первый лорд адмиралтейства, только что сообщил, что флот может быть мобилизован в течение 24 часов, считал преждевременным делать какие-либо заявления Франции и России [22]. Он все еще предпочитал сохранять уклончивую позицию, не поощряя русских и французов и не угрожая немцам.

Но на следующий день, после получения более тревожных сведений Уинстон Черчилль и первый морской лорд (руководитель оперативной части морского министерства), за собственной ответственностью решили, что флот останется сконцентрированным. Грэй одобрил эту меру, и утром 27 июля в английских газетах появилось сообщение о том, что флот останется сконцентрированным в одном месте [23]. Грэй надеялся, что это сообщение послужит предостережением и рассеет распространенное в Германии и в Австрии мнение, что Англия сохранит нейтралитет. Сообщение помогло рассеять тревожное настроение русского посла графа Бенкендорфа и было встречено «с большим удовлетворением» его коллегой Полем Камбоном [24]. Но в Австрии и Германии оно не произвело того большого впечатления, на которое, повидимому, рассчитывало британское министерство иностранных дел. Указывая на это сообщение австрийскому послу, сам Грэй скорее преуменьшал его значение: «Я разъяснил, что мы предпочитаем не мобилизовать запас и не предпринимать какие-либо шаги угрожающего характера; но что, поскольку наши морские силы были собраны для маневров, мы не могли рассеять их в тот момент, когда существовала возможность европейской войны» [25]. И в Германии на первых порах ему было придано меньшее значение, чем заверениям, которые были только что сделаны королем Георгом прусскому принцу Генриху о том, что Англия сохранит нейтралитет [26].

28 июля настроение в английском министерстве иностранных дел стало более пессимистическим. Руководители его были поставлены в тупик поступавшими чуть ли не каждый день новыми предложениями Сазонова. Предложение, сделанное самим Грэем о посредничестве, так же как и «непосредственные переговоры» между Веной и Петербургом, на которые он согласился затем, повидимому, не подвигались, так как Австрия и Германия упорно стояли на том, что сербский конфликт должен быть «локализирован». Артур Никольсон в письме к Бьюкенену охарактеризовал положение следующим образом:

---

[22] B. D., 101 и заметки Кроу и Грэя от 25 июля.
[23] Churchill, The World Crisis, стр. 197 сл.
[24] B. D., 177, 238, 239.
[25] Грэй — Берти, 28 июля; B. D., 238; ср. Менсдорф — Берхтольду, 27 июля ARB, II, 72.
[26] См. ниже, прим. 40 и 41.

«Я вполне понимаю, что Россия не может допустить, чтобы Австрия раздавила Сербию. Я считаю, что разговоры о локализации войны просто означают, что все державы должны оставаться простыми зрителями, пока Австрия спокойно задушит Сербию. По моему мнению, это совершенно нелепо, чтобы не сказать — несправедливо. После того как Сербия дала вполне удовлетворительный ответ на требования Австрии, мне непонятно, чем Австрия может оправдывать применение враждебных мер по отношению к Сербии. Если она обдуманно провоцирует войну с Сербией... то она должна очень хорошо сознавать, что подобный поступок с ее стороны по всей вероятности вызовет общеевропейский пожар со всеми его несказанно гибельными последствиями. Германия во всем этом деле, во всяком случае поскольку это касалось нас, не вела вполне открытой игры».

Он однако с удовлетворением отметил издание приказа о том, чтобы британский флот оставался сконцентрированным, а также перемену в тоне английской печати, которая в первые дни после сараевского события относилась сочувственно к Австрии; он полагал, что эти два факта вполне покажут Германии и Австрии, что они не могут рассчитывать с полной уверенностью на то, что Англия сохранит нейтралитет [27]. Наконец 29 июля, когда стало известно об объявлении Австрией войны Сербии, а Сазонов признал «непосредственный обмен мнений» иллюзией и заявил, что в России скоро будет объявлена частичная мобилизация, высшие должностные лица Англии также начали считать европейскую войну почти неизбежной. «Какая польза в обмене мнений при таком положении вещей? — спрашивал Артур Никольсон, — я держусь того мнения, что все дипломатические средства в данный момент исчерпаны» [28]. Четыре телеграммы Грэя, помеченные 29 июля, хотя и опубликованы в британской «Белой книге» 1914 г., обнаружены теперь в архивах с пометкой «Не послано — война» [29]. Асквит заявил в палате общин, что положение «чрезвычайно серьезное».

И действительно накануне, 28 июля, в 5 часов вечера, Уинстон Черчилль отдал распоряжение, чтобы флот в течение ночи проследовал полным ходом и без огней из Портленда через проливы Дувра к своей боевой базе в Скапа Флоу. Черчилль опасался представить этот приказ на утверждение кабинета министров, дабы его не сочли мероприятием вызывающего характера, способным повредить делу мира. Он довел об этом только до сведения Асквита, который немедленно дал свое согласие. 29 июля из адмиралтейства была отправлена официальная «телеграмма с предупреждением». Британский флот, что бы ни случилось, был теперь в полной готовности [30].

Утром 29 июля Грэй решил наконец сделать Германии более ясное предупреждение, как на этом непрерывно настаивали Россия и Франция. Чрезвычайно характерно при этом следующее: сообщив предварительно Камбону содержание своего предполагаемого заявления Лихновскому,

[27] Никольсон — Бьюкенену, 28 июля, B. D., 239.
[28] Заметка в B. D., 252.
[29] Ср. B. D., 282—286.
[30] Churchill, стр. 207 сл.; Julian Corbett, History of the Great War; Naval Operations (London, 1920), I, 25 сл.

Грэй в то же время повторил, что его предупреждение Германии не будет означать, что Англия уже приняла определенное решение по вопросу о том, как она поступит, если Франция и Германия будут вовлечены в войну. Англия «свободна от обязательств» и Англия «примет то решение, которого потребуют британские интересы» [31]. Лихновскому Грэй повторил заявление Сазонова, что после объявления Австрией войны Россия не в состоянии больше вести непосредственные переговоры с Австрией и что она желает вернуться к предложению Англии о посредничестве. В соответствии с этим Грэй высказал предположение, что «приемлемой базой для посредничества может быть объявление Австрией своих условий после занятия например Белграда или других каких-либо мест». После этого Грэй в форме дружеского и частного сообщения предупредил Лихновского, что пока конфликтом будут затронуты только Австрия и Россия, Англия останется в стороне; но если будут вовлечены Германия и Франция, то положение немедленно изменится и британское правительство будет вынуждено принять быстрое решение [32].

Но прежде чем предупреждение Грэя было расшифровано и стало известно в Берлине, Бетман предпринял шаг, который заставил английское министерство иностранных дел поверить в то, что Германия фактически решила воевать, нарушить нейтралитет Бельгии и раздавить Францию.

БЕТМАН И МОЛЬТКЕ

В Берлине, как и в Париже и в Лондоне, во вторник 29 июля положение считали чрезвычайно критическим.

Бетман настаивал, чтобы Австрия приняла план посредничества «с остановкой в Белграде», но не получил из Вены никакого ответа. Такое молчание союзника чрезвычайно раздражало и смущало германского канцлера [33]. Оно не дало ему возможности показать державам Антанты, что давление, оказываемое им на Вену, имеет успех и способно привести к удовлетворительному разрешению кризиса.

Между тем германское военное командование, так же как и генеральные штабы остальных стран, настойчиво требовало, чтобы заблаговременно были приняты военные меры в целях обеспечения безопасности страны и успеха их стратегических планов, в случае если дипломаты не сумеют сохранить мир.

Начальником германского генерального штаба был Гельмут фон Мольтке, унаследовавший от своего знаменитого дяди его имя, но не его гениальность. Он неохотно принял на себя в 1906 г. этот трудный пост, когда потребовалось заменить графа Шлифена. В обстоятельном обзоре создавшегося политического положения, составленном 29 июля, Мольтке указывал на опасные последствия, которые вероятно вызовет мобилизация, если Россия осуществит свое намерение и объявит в южных военных округах частичную мобилизацию в случае вторжения Австрии в Сербию. Он указывал, что Россия производит военные приготовления на границе в одинаковой мере против Германии и Австрии, так что она окажется

[31] Грэй — Берти, 29 июля; B. D., 283.

[32] Лихновский — Бетману, 29 июля, отправлена в 6 ч. 39 м. вечера, получена в 9 ч. 12 м. вечера; K. D., 368; ср. также B. D., 286.

[33] См. выше, гл. IX.

в состоянии двинуть свои армии в наступление через несколько дней после того, как отдаст приказ о мобилизации. Франция по его сведениям тоже видимо предприняла подготовительные меры для общей мобилизации, и положение таким образом с каждым днем становилось все менее благоприятным для Германии и могло привести к роковым последствиям, если Германии, в случае столкновения между Австрией и Россией, пришлось бы мобилизовать свои силы и воевать на два фронта. На этом основании он приходил к выводу, что «чрезвычайно важно как можно скорее удостовериться, намерены ли Россия и Франция довести дело до войны с Германией» [34].

Но Бетман все еще продолжал надеяться, что «план залога» или план «остановки в Белграде» могут привести к удовлетворительному решению. Поэтому он настаивал, чтобы выждали ответ из Вены. Он упорно сопротивлялся принятию каких-либо решительных мер, которые могли бы угрожать его дипломатическим попыткам.

По сведениям или слухам, собранным в тот же день баварским военным атташе в Берлине, Мольтке «пускает в ход все свое влияние для того, чтобы заставить воспользоваться исключительно удобным случаем для нанесения решительного удара, и указывает на военные затруднения, которые как раз в это время испытывала Франция, на чрезмерную самоуверенность России, на благоприятное время года, когда урожай уже большею частью собран и обычный годичный период обучения рекрут закончен. С другой стороны, Бетман «нажимает изо всех сил тормоза и старается избежать всего, что могло бы вызвать аналогичные меры во Франции и Англии и привести снежный ком в движение» [35].

Оба эти противоположных мнения были представлены кайзеру в Потсдаме под вечер 29 июля в отдельных докладах военных и гражданских властей, но при этом не было никакого потсдамского совещания и не было принято решения о мобилизации, как это неправильно сообщил на следующий день охваченный подозрениями французский посол и как это впоследствии обычно утверждалось целым рядом авторов [36]. Бетману удалось «нажать на тормоза». Это видно из общей обрисовки положения, которую он дал в прусском совете министров на следующий день: «Военные власти выразили желание, чтобы было объявлено «состояние непосредственной военной опасности», но ему удалось с успехом отстоять перед его величеством свои возражения». Объявление такого состояния означает мобилизацию, а мобилизация означает войну. В Вене сделаны предложения относительно посредничества, и нужно выждать ответ на них, прежде чем отказываться от всякой надежды на мир и от всяких усилий поддержать его. «Нельзя одновременно проводить мероприятия военного и политического характера». Поэтому «его величество согласился, чтобы, прежде чем будут приняты какие-нибудь дальнейшие решения,

[34] K. D., 349.

[35] Веннингер — баварскому военному министру, 29 июля, D i r r, стр. 221. Относительно спора между Германом Лутцем и Теобальдом фон Шеффером относительно достоверности депеши Веннингера см. KSF, V, 1107—1125, ноябрь 1927.

[36] Ср. ФЖК 105; B o u r g e o i s et P a g è s, стр. 95, 132; V i v i a n i, Réponse au Kaiser, стр. 153; O m a n, стр. 73. Относительно отдельных докладов, представленных императору, см. A. von W e g e r e r, Der angebliche Kronrat vom 29 Juli 1914 в KSF, I, 8—12, July 1923; и T i r p i t z, Politische Dokumente (Hamburg und Berlin, 1926), II, 2—5.

было доведено до конца наше выступление в Вене, о котором уже говорилось» [37]. Единственные предупредительные военные меры, принятые вечером 29 июля, заключались в охране железных дорог и особо важных зданий, а также в вызове офицеров и солдат из отпусков и усилении пограничных крепостей и кроме того еще в ряде других мелких мероприятий такого же характера, но менее значительных, чем те, которые предпринимались в России, начиная с 26 июля, и которые распорядилась предпринять Франция [38].

Таким образом Бетману удалось удержать военные власти от решительного и непоправимого шага. Вместе с тем он предпринял 29 июля ряд важных дипломатических действий частью в целях предупреждения войны, частью для того, чтобы обеспечить себе выгодное положение на случай, если война окажется неизбежной. Вскоре после полуночи он послал Сазонову через Пурталеса предостережение: «Дальнейшее продолжение русских мобилизационных мероприятий вынудит нас произвести мобилизацию». Потом в 6 час. 30 мин. дня, когда было получено сообщение, что предполагавшаяся в России частичная мобилизация уже решена, германский император отправил царю вторую телеграмму, заставившую последнего отменить приказ об общей мобилизации, уже лежавший на телеграфе для рассылки. Обе эти попытки заставить Россию путем угрозы воздержаться от рокового шага — от приказа о мобилизации — уже рассмотрены нами в предыдущей главе.

Вернувшись из Потсдама в Берлин и не найдя ответа из Вены на свой «план залога», Бетман телеграфировал Чиршки, чтобы тот подтвердил получение плана и немедленно ответил [39].

Затем Бетман пригласил к себе британского посла, для того чтобы выяснить вопрос, о котором много говорили в Потсдаме и который представлял огромную важность для Германии в случае европейской войны,— вопрос о британском нейтралитете. Бетман в своем оптимизме надеялся, что Англия будет нейтральной, поэтому он всячески старался избежать всего, что могло бы вызвать раздражение у Англии. 25 и 26 июля он в телеграммах кайзеру советовал оставить германский флот в норвежских водах, так как сообщение из Лондона указывало, что распыление британского флота и увольнение запасных продолжается по намеченному прежде плану. «По крайней мере в настоящий момент сэр Эдуард Грэй не думает, чтобы Англия приняла непосредственное участие в европейской войне, если таковая возникнет» [40]. Но император не последовал его совету и отдал приказ, чтобы германский флот вернулся в свою базу в Киль. Оптимизм Бетмана усиливался еще благодаря сообщению, что 26 июля король Георг лично заверил брата германского императора, принца Генриха прусского, находившегося в Англии: «Мы приложим все старания к тому, чтобы не впутаться в это дело и остаться нейтральными». Но тем временем получилось сообщение от 27 июля, что британский флот не будет распылен, и это заставило усомниться в надежности заявления короля

---

[37] Протокол прусского совета министров от 30 июля, K. D., 456.

[38] «Investigating Commission», II, 8—11; Montgelas в KSF, V, 1206—1214, Dec. 1927; и выше, гл. VI, отдел, посвященный русскому «подготовительному к войне периоду».

[39] Бетман — Чиршки, 29 июля в 10 ч. 18 м. и в 10 ч. 30 м. вечера; K. D. 337 и прим.

[40] K.D.,182, 221.

Георга. Принц Генрих прусский, вернувшись в Потсдам 29 июля, «был убежден, что заявление это сделано вполне серьезно» и что Англия сначала будет нейтральной; но он сомневался, сохранит ли она этот нейтралитет в дальнейшем «ввиду ее отношений с Францией» [41].

Бетман пригласил к себе Гошена приблизительно в 10 час. 30 мин. вечера и сделал следующее серьезное предложение относительно британского нейтралитета на случай войны. Если Великобритания останется нейтральной, то Германия изъявляет готовность дать всяческие заверения, что она не стремится ни к каким территориальным приобретениям за счет Франции в Европе, хотя не может дать таких же заверений относительно французских колоний. Германия будет соблюдать нейтралитет Голландии, но, что касается Бельгии, Бетман «не может сказать, к каким операциям может оказаться вынужденной Германия вследствие действий Франции, но он может заверить, что если Бельгия не выступит против Германии, то ее неприкосновенность будет сохранена по окончании войны». Но он верит, что нейтралитет Англии в случае войны, которая может возникнуть в результате настоящего конфликта, сумеет стать основой для будущего соглашения о нейтралитете между Англией и Германией, что являлось целью его политики с тех пор, как он стал канцлером [42].

Попытка Бетмана заручиться нейтралитетом Англии была как нельзя более неудачной и нелепой. В Лондоне она произвела самое дурное впечатление. Кроу писал в своих заметках: «Об этом удивительном предложении следует только сказать, что оно дискредитирует государственного деятеля, от которого оно исходит». И Кроу пришел к выводу, что «Германия фактически признала свое намерение нарушить бельгийский нейтралитет и фактически решила воевать» [43]. Грэй, заручившись одобрением Асквита, но еще прежде чем представил свой ответ на обсуждение кабинета, ответил Гошену: «О предложениях канцлера не может быть никакого разговора». Материальные интересы Англии совершенно не допускали такого разгрома Франции, в результате которого она утратила бы положение великой державы, даже если бы Германия отказалась от захвата французской территории за исключением ее колоний. «Но независимо от этого такая сделка с Германией за счет Франции была бы бесчестна и причинила бы непоправимый вред репутации нашей страны, которая никогда не могла бы быть восстановлена, и Англия не могла также рассматривать как предмет сделки свои обязательства и интересы в отношении нейтралитета Бельгии. Англия должна сохранить полную свободу действовать так, как того потребуют обстоятельства [44]. В своих воспоминаниях Грэй тоже рассказывает о чувстве отчаяния, с которым он читал бесчестное предложение Бетмана, осветившее, подобно прожектору, положение с такой стороны, на которую до сих пор не обращали вни-

---

[41] Принц Генрих прусский — Вильгельму II из Киля, 28 июля; K. D., 374. Заверение короля Георга было немедленно передано по телеграфу в Берлин германским военным атташе в Лондоне, 26 июля; K. D., 207.

[42] Гошен — Грэю, 30 июля в 1 ч. 20 м. утра, получена в 9 ч. утра; B. D., 293. Бетман говорил по заметкам, написанным на пишущей машинке (ср. K. D., 373), и Гошен для точности, тут же набросал заявление канцлера и прочел его ему, чтобы заручиться его одобрением перед отсылкой этого заявления Грэю (B. D., 677).

[43] Заметка в B. D., 293.

[44] Грэй — Гошену, 30 июля, 3 ч. 30 м. дня; B. D., 303.

мания» [45]. На следующий день он сделал французскому и германскому правительствам запрос относительно их готовности соблюдать нейтралитет Бельгии, пока он не будет нарушен другой державой [46]. Бетман весьма сожалел, что предложил сделку относительно британского нейтралитета. Он бы не говорил того, что сказал, если бы знал о предостережении, сделанном Грэем Лихновскому [47]; оно пришло в Берлин в 9 час. 15 мин [48] вечера, но повидимому было расшифровано или вручено канцлеру уже после его беседы с Гошеном.

Другим шагом, предпринятым 29 июля, по всей вероятности, в результате совещания в Потсдаме, была посылка Яговым в запечатанном конверте инструкции германскому посланнику в Брюсселе. Это было сделано через курьера, а не передано шифром по телеграфу, потому что не было надобности особо спешить, а кроме того представлялось желательным, чтобы даже сам посланник не знал о требовании, предъявляемом Бельгии, так как возможно было, что в этом еще не окажется надобности. Распечатав конверт, посланник нашел там только инструкцию, предписывавшую тщательно хранить другой запечатанный документ, который был вложен в письмо, но который ему надлежало распечатать только при получении соответствующей телеграммы из Берлина. Во внутреннем конверте находился ультиматум Бельгии, составленный на основе проекта, собственноручно написанного Мольтке 26 июля. Там говорилось о намерении Германии провести свои войска через Бельгию, если можно— с дружеского согласия Бельгии; «но если Бельгия окажет противодействие, то Германия, к своему сожалению, будет вынуждена рассматривать королевство как враждебное государство» [49].

Оба эти шага — предложенная сделка относительно британского нейтралитета и отсылка запечатанного ультиматума в Брюссель — показывают, как серьезно считались германские власти вечером 29 июля с вероятностью войны. Это свидетельствует также, что Бетман был вынужден уступить соображениям Мольтке относительно стратегической необходимости нарушения бельгийского нейтралитета, если возникнет война. Но это не указывает, что Бетман уже склонялся к той точке зрения, что война неизбежна, равно как это и не свидетельствует о том, что уже было решено воевать.

Наоборот, канцлер удвоил свои старания сохранить мир путем более усиленного давления на Австрию. После беседы с Гошеном Бетман, хотя он сильно устал после такого долгого и трудного дня, обсудил с Яговым последние телеграммы, которые за это время пришли. Среди них было личное предложение царя, обращенное к кайзеру, о передаче австросербского вопроса на рассмотрение Гаагской конференции, но в Берлине к этому отнеслись так же, как отнесся Сазонов, который не обратил никакого

---

[45] Grey, I, 316 сл.

[46] B. D., 348.

[47] Так, в свое оправдание, объяснял это Гошену Ягов на следующее утро. Гошен говорит, что он уверен, что Бетман и Ягов, или во всяком случае Ягов, были ужасно смущены тем, что предложение о нейтралитете было сделано, и никогда не упоминали об ответе на него Грэя; B. D., 677.

[48] K. D., 368.

[49] K. D., 375, 376; ср. также 648, 735.

внимания, когда два дня назад царь поручил ему предпринять шаги в этом направлении [50].

Телеграмма, полученная от Лихновского, сообщала о том, что Грэй одобряет предложение Италии о посредничестве великих держав на основе готовности Сербии принять даже пункты 5 и 6 австрийского ультиматума, на что, по последним сообщениям, они соглашались [51]. Пурталес сообщал о возмущении Сазонова категорическим отказом Вены приступить к непосредственному обмену мнений и о его желании вернуться к предложению конференции, сделанному Грэем. Но к этому присоединялась важная новость, что «Сазонов не отрицал неизбежность мобилизации, хотя и заявлял, что это далеко не означает войну» [52]. Бетман передал в Вену содержание обеих телеграмм, а также и телеграмм, которыми только что обменялись кайзер и царь. Он снова «настоятельно просил о принятии «плана залога» или плана «остановки в Белграде», а также советовал начать и продолжать непосредственные переговоры между Веной и Петербургом, для того чтобы удовлетворить Сазонова [53].

Тем временем была расшифрована последняя телеграмма Лихновского, в которой сообщалось, что Грэй предлагает посредничество на основе оккупации Австрией Белграда, а также что он частным и дружеским образом предостерегает, что Англия может найти для себя невозможным оставаться в стороне. Ввиду того что предложение Англии было весьма похоже на план Бетмана относительно «остановки в Белграде», а сделанное им предостережение положило конец всяким лазейкам относительно возможности британского нейтралитета, — Бетман приветствовал предложение Грэя, видя в нем поддержку своих собственных усилий, и сообщил о нем в Вену. В своих пояснениях он в решительных выражениях показал, как опасно для Австрии отказываться от всяких переговоров, и добавлял: «При таких обстоятельствах мы должны самым настоятельным и горячим образом рекомендовать венскому кабинету принятие посредничества на указанных выше почетных условиях» [54].

Под самый конец, прежде чем немного соснуть, он отправил телеграммы в Петербург и Лондон, которые, как он надеялся, могли способствовать предупреждению войны и осуществлению посредничества. Пурталесу он телеграфировал: «Пожалуйста, передайте Сазонову, что мы продолжаем наше посредничество, но необходимым условием является прекращение на это время всяких враждебных действий России против Австрии». Лихновскому он телеграфировал: «Весьма признателен сэру Эдуарду Грэю за его откровенное объяснение. Скажите ему, что мы готовы поддержать посредничество в Вене и настоятельно советуем принять его предложение» [55].

Утром 30 июля Бетман наконец получил из Вены ответ на свой план

[50] См. выше, гл. IX прим. 75—78; пометка кайзера на полях и телеграмма Бетмана Пурталесу 30 июля в 2 ч. 40 м. утра; K. D., 366, 391. В своих воспоминаниях Сазонов («Fateful Years», стр. 194. сл., 203) осуждает Германию за пренебрежение к «превосходной мысли» царя относительно гаагского трибунала, но забывает упомянуть, что он сам совершенно пренебрег ею за два дня до этого. Свидетельствует ли это о прямоте и честности?

[51] Лихновский — Бетману, 29 июля, в 2 ч. 8 м. дня, получ. в 5 ч. 7 м. дня; K. D., 357.

[52] Пурталес — Бетману, 29 июля, 6 ч. 10 м., получено в 8 ч. 29 м.; K. D., 365.

[53] Бетман — Чиршки, 30 июля, 12 ч. 10 м. и 12 ч. 30 м. утра; K. D., 383, 385.

[54] Бетман — Чиршки, 30 июля, 2 ч. 55 м. ночи; K. D., 395.

[55] Бетман — Пурталесу и Лихновскому, 30 июля, 2 ч. 55 м. утра; K. D., 392, 393.

посредничества на основе «остановки в Белграде». Но ответ был совершено неудовлетворительный и ни по одному из существенных пунктов ни к чему не обязывал. Берхтольд готов был повторить свою декларацию относительно территориальной незаинтересованности Австрии, но, «поскольку дело касается всякой другой декларации, имеющей отношение к военным мероприятиям, граф Берхтольд говорит, что он не может дать сразу ответ. Несмотря на мои указания, что вопрос не терпит отлагательства, я до настоящего вечера не получил никакого дальнейшего сообщения» [56].

Поэтому в своей характеристике ситуации, сделанной около полудня прусскому министерству, Бетман рассказал о тех стараниях, которые он прилагал, чтобы заставить Вену и Петербург столковаться между собой, и которые поддерживались предложением Грея о посредничестве на основе оккупации Белграда. Но он должен был признать, что результаты его стараний еще неопределенны. Однако император согласился не принимать решительных шагов относительно мобилизации, пока выступление, предпринятое в Вене, не будет завершено. Бетман сказал также, что он сам не теряет надежды и не отказывается от усилий поддержать мир, пока эти шаги не будут окончательно отвергнуты [57].

Довольно поздно днем он узнал, что Берхтольд отверг предложения Италии относительно возможного принятия Сербией пунктов 5 и 6 ультиматума. Он заявил, что было бы достаточно, если бы Сербия выразила свою готовность раньше, но теперь, когда уже создалось состояние войны, условия Австрии будут, разумеется, иными. Однако Берхтольд поручил Сапари начать с Сазоновым переговоры относительно австро-русских (а не австро-сербских) отношений. Сам он разъяснил русскому послу в Вене, что Австрия не собирается делать никаких территориальных приобретений в Сербии и что по заключении мира оккупация сербской территории будет лишь временной и должна будет служить только обеспечением выполнения австрийских требований; по мере того как Сербия будет выполнять требования мирного договора, будет происходить эвакуация. Что касается предложения Грэя о посредничестве конференции держав, с чем связано прекращение военных действий, то ответ на это он может дать только на следующий день, после того как будет иметь аудиенцию у Франца-Иосифа [58].

Для того чтобы выяснить, что́ собирается делать Вена, берлинское министерство иностранных дел прибегло к помощи телефона [59]. Но из ответа Чиршки можно было понять, что Берхтольд не склонен принять предложение о посредничестве, на котором так упорно настаивал Бетман. Во всяком случае Берхтольд не соглашался дать определенный ответ, прежде чем не посоветуется с Тиссой, который должен был вернуться в Вену только на следующий день утром [60].

Тем временем кайзер, который тоже проявлял нетерпение, телеграфировал лично Францу-Иосифу: «Я был бы искренне обязан вам, если бы вы соблаговолили сообщить мне возможно скорее ваши решения» [61].

---

[56] Чиршки — Бетману, 30 июля, 11 ч. 50 м. вечера, получено 30 июля, 1 ч. 30 м. ночи; K. D., 388.

[57] Протокол прусского министерства, 30 июля; K. D., 456.

[58] Чиршки — Бетману, 30 июля, 2 ч. 30 м. дня, получено 5 ч. 25 м. дня; K. D., 433.

[59] Ср. K. D., 441.

[60] K. D., 440.

[61] 30 июля, 7 ч. 15 м. вечера; K. D., 437.

В то время как Бетман тщетно пытался получить ответ из Вены, Мольтке стал проявлять все бо́льшие признаки нерешительности. Утром 30 июля он еще готов был согласиться с Бетманом и кайзером, что частичная мобилизация России не требует обязательно мобилизации со стороны Германии. Он написал капитану Флейшману, которого Конрад отправил в Берлин как офицера связи, следующую телеграмму, предназначенную для австрийского начальника генерального штаба:

«Мобилизация России еще не вызывает необходимости в мобилизации [Мольтке имел в виду мобилизацию Германии, а Конрад, повидимому, понял, что речь идет о мобилизации Австрии], в этом нет надобности, пока между Австрией и Россией не возникнет война. В отличие от обычных мобилизаций и демобилизаций в России, мобилизация в Германии обязательно влечет за собой войну. Не объявляйте войны России, а выжидайте нападания с ее стороны» [62].

Мольтке повидимому был убежден, что Россия толкает Европу на войну. Для того чтобы ясно показать, что Россия является нападающей стороной, он считал нужным, чтобы инициатива объявления войны исходила не от Австрии или Германии, а от России. Аналогичной точки зрения держались Пуанкаре, Палеолог и Жюль Камбон, которые были убеждены, что Германия толкает Европу на войну и что поэтому надо постараться, чтобы инициатором считали ее.

Но днем, узнав, что Сазонов говорил о невозможности приостановить русскую мобилизацию, а царь признал, что приготовительные меры уже принимаются в течение пяти дней, Мольтке пришел в крайнее возбуждение, будучи убежден, что Германии и Австрии угрожает непосредственная опасность. Он переговорил с австрийским военным атташе Бинертом, который затем телеграфировал Конраду:

«Мольтке сказал, что он считает положение критическим, если Австро-Венгрия не проведет немедленно мобилизацию против России. Заявление России относительно мобилизации, которую она распорядилась произвести, вызывает необходимость противодействия со стороны Австрии. На это должно быть указано в объяснении для общего сведения. Таким образом здесь возникает casus foederis (основание, предусмотренное союзным договором) для Германии. С Италией заключите какое-нибудь почетное соглашение, пообещав ей компенсацию, с тем, чтобы Италия оставалась действительным членом Тройственного союза. Фактически не оставляйте ни одного человека на итальянской границе, отклоните новое предложение, сделанное Англией относительно сохранения мира. Выдержать европейскую войну [Durchhalten den europäischen Krieg] является единственным шансом

[62] Флейшман — Конраду 30 июля; Conrad, IV, 151 сл. Относительно письма Франца-Иосифа Конраду, отправленного 30 июля и полученного 31 июля, в котором подробно излагалось сообщение Мольтке, см. Theobald von Schäfer, «Generaloberst von Moltke in den Tagen vor der Mobilmachung und seine Einwirkung auf Oesterreich-Ungarn», KSF, IV, 522 сл., август, 1926. Эта ценная статья Шефера содержит важный неопубликованный раньше материал из венских военных архивов, проливающий новый свет на документы, опубликованные Конрадом. Этот материал был известен Каннеру, когда тот писал свою книгу, см. H. Kanner, Der Schlüssel zur Kriegsschuldfrage (München, 1927).

для спасения Австро-Венгрии, — Германия безусловно будет ее поддерживать» [63].

Говоря таким образом, Мольтке выходил за пределы своей компетенции и давал политический совет, который мог давать только канцлер. Этим Мольтке демонстрировал одно из величайших зол милитаризма: опасность вмешательства военных властей в гражданские дела в период кризиса. Мольтке не имел права истолковывать союзные обязательства или говорить, что мобилизация России создает основание для союзной поддержки со стороны Германии. Право истолковывать союзные обязательства в Германии имел только канцлер. Как раз накануне ночью Бетман сказал Мольтке и прусскому военному министру Фалькенгайну, что частичная мобилизация России не создает еще союзного обязательства и что поэтому у Германии еще нет основания произвести мобилизацию. Мольтке возразил на это: « Мягко, очень мягко» [64].

Заявляя, что Австрия должна предоставить Италии удовлетворяющие ее компенсации, Мольтке конечно повторил только то, на чем берлинское министерство иностранных дел безуспешно настаивало у Берхтольда в течение многих дней. Но его совет отклонить британское предложение мира совершенно противоречил тому, на чем настаивал Бетман. Если можно найти какое-нибудь оправдание для замечания Мольтке, то разве только в том, что он высказывал здесь только свое личное мнение австрийскому военному атташе, а не давал официального совета Австрии, ибо ни о союзном обязательстве, ни об отклонении британского предложения ничего не говорится в донесении австрийского посла, где воспроизводятся замечания Мольтке. Ничего также не сказано об этом в лаконической телеграмме, которую Мольтке, как полагают, сам послал потом Конраду.

«Надо стойко выдержать русскую мобилизацию [Russische Mobilisierung durchhalten], Австро-Венгрию надо защитить. Немедленно мобилизуйте против России. Германия проведет мобилизацию. Побудите Италию при помощи компенсации выполнить союзные обязательства» [65].

Мольтке опасался, что вследствие отсрочки мобилизации Австрии против России Германия должна будет взять на себя главную тяжесть

---

[63] Бинерт — Конраду 30 июля 5 ч. 30 м. дня. Получено и расшифровано в Вене ночью; Conrad, IV, 152; Schäfer, стр. 525 сл. Австрийский посол Сегени в двух телеграммах, отправленных Берхтольду в 5 ч. 30 м. и 7 ч. 40 м. вечера и полученных 7 ч. 20 м. вечера и 10 ч. 20 м. вечера (A. Кр. К. 32—34), упоминает о беседе Бинерта с Мольтке и настойчиво поддерживает важность удовлетворения Италии, но ничего не говорит об отклонении предложения Англии.

[64] H. Z. Zwehl, Erich v. Falkenhayn (Berlin, 1926), стр. 57.

[65] Шефер (стр. 526) говорит, что телеграмма Мольтке может быть найдена в германских архивах, или в венских военных архивах, или среди бумаг Конрада. Она напечатана у Конрада, и получение помечено 31 июля в 7 ч. 45 м. утра. (Conrad, IV, 152.) Время ее отправки нельзя установить. Весьма возможно, что она была отправлена поздно вечером, после того как Мольтке получил два упомянутых выше донесения о русской общей мобилизации. Мольтке опасался, что Конрад, увлеченный своим походом против Сербии, не сумеет быстро мобилизовать силы против России.

По английским данным, обе эти точки зрения на телеграмму Мольтке и ее значение, изложены у R. Greling, «Moltke, The man who made the war», в «Current History», Sept. 1926, стр. 916—925; и Montgelas, Justifying Germany in 1914, там же, апрель 1927, стр. 77—80. Ср. также Kanner, цит. соч., стр. 40 сл. и Renouvin, стр. 194 сл.

русского наступления. В беседах и переписке с Конрадом Мольтке еще с 1909 г. постоянно настаивал, чтобы в случае опасности превращения австросербской войны в общеевропейскую Австрия направляла бы против Сербии самые минимальные силы, а главные держала бы против России, в Галиции, для того чтобы ослабить русский нажим на восточную Пруссию. Тогда Германия могла бы нанести сокрушительный удар Франции на Западе. Но, с другой стороны, Конрад все время убеждал Мольтке, что необходимо направить значительные силы против России, для того чтобы ослабить русский нажим на Австрию в Галиции. Таким образом каждый из начальников штаба вполне естественно отстаивал эгоистические интересы своей страны, и между ними никогда не могло установиться полной гармонии на основе военной конвенции, с точным определением числа войск, которое каждый из них должен выставить против России. В наличии такой согласованности Каннер усматривает ключ к решению вопроса об ответственности за войну [66]. Наоборот, эта телеграмма Мольтке и другие доказательства, которые будут приведены ниже, в связи с общей мобилизацией Австрии указывают хотя и на непродолжительное, но весьма значительное отсутствие доверия и согласованности в действиях между обоими начальниками штабов. Впрочем то же самое имело место между начальником русского и французского генеральных штабов.

Вечером 30 июля, по всей вероятности около 11 часов, Мольтке снова говорил с Бетманом. Несколько позже, вскоре после полуночи, Мольтке сказал майору Гефтену, что он получил два надежных сообщения из различных источников о том, что уже отдано распоряжение о мобилизации всех вооруженных сил России [67]. Это было вполне правдоподобно, так как приказ об общей мобилизации в России был отдан в 6 часов вечера и был быстро передан в Варшавский округ на германской границе [68].

Неизвестно, знал ли уж Мольтке об этих двух надежных сообщениях, когда он говорил с Бетманом. Но это вполне вероятно, потому что под его влиянием Бетман на один момент поколебался в своей надежде избежать войны и в своей решительности тормозить стремления военных.

В 9 часов вечера канцлер отправил срочную телеграмму за № 200 Чиршки в Вену и повторил в ней предложение Грэя, которое, по сообщению Чиршки, Австрия намерена была отвергнуть. Уведомляя посла об обещании Грэя действовать в пользу мира в Париже и Петербурге, Бетман присоединял к этому убедительное предостережение и совет:

«Если усилия Англии увенчаются успехом, тогда как Вена будет отвергать решительно все, то Вена ясно покажет, что она во что бы то ни стало желает войны, в которую мы окажемся вовлеченными, между тем как Россия будет свободна от всякой ответственности. Это поставит нас в глазах нашего народа в невозможное положение. Поэтому мы можем только настоятельно советовать Австрии принять предложение Грэя, во всех отношениях обеспечивающее ее положение. Пред-

[66] Heinrich Kanner, цит. соч.; ср. критический разбор, написанный автором этой книги, и возражение Каннера в Amer. Hist. Rev. XXXII, 317—319, 942—946, январь, июль 1927.

[67] Запись Гефтена, 2 августа 1914; напечатано у Schulthess, Europäischer Geschichtskalender, 1917, II, стр. 996 сл. и цит. у Montgelas, Leitfaden, стр. 137.

[68] См. выше, гл. X, прим. 62—65.

лагаю вашему превосходительству немедленно самым настойчивым образом объясниться по этому вопросу с графом Берхтольдом, а может быть также и с графом Тиссой» [69].

Затем, ознакомившись с тем, что ему мог сказать Мольтке, Бетман снова телеграфировал Чиршки в 11 час. 20 мин. вечера: «Пожалуйста, пока не выполняйте преподанных вам инструкций за № 200» [70]. Мотивы этого решения изложены в проекте телеграммы, которая однако скоро была заменена другой телеграммой и не была отправлена Чиршки. В проекте телеграммы, оставшейся неразосланной, Бетман говорил: «Я отменяю инструкции, изложенные в телеграмме № 200, так как генеральный штаб только что сообщил мне, что военные приготовления наших соседей, в особенности на востоке, принудят нас к быстрому решению, если мы не желаем подвергнуться опасности неожиданного нападения» [71]. Это как бы свидетельствовало о том, что Бетман наконец уступил Мольтке. Но едва только эта телеграмма была составлена, как канцлер узнал о следующей телеграмме английского короля принцу Генриху прусскому:

«Был весьма рад услышать об условиях Вильяма договориться с Никки относительно сохранения мира... Мое правительство прилагает все старания к тому, чтобы убедить Россию и Францию прекратить дальнейшие военные приготовления, если Австрия согласится удовольствоваться оккупацией Белграда и прилегающих сербских областей для обеспечения удовлетворения своих требований, при условии что остальные страны на это время прекратят свои военные приготовления. Уверен, что Вильям употребит свое большое влияние, чтобы убедить Австрию принять это предложение и таким образом показать, что Германия и Англия стараются вместе предупредить то, что могло бы стать международной катастрофой. Прошу заверить Вильяма, что я делаю и буду делать все, что в моих силах, для сохранения мира в Европе» [72].

Эта телеграмма окрылила Бетмана новыми надеждами. Вместо того чтобы послать проект телеграммы, который содержал тревожные сообщения Мольтке и который должен был побудить Австрию предпринять общую мобилизацию, Бетман отправил в Вену дружеское послание короля Георга и объяснил, что получение этого послания вызвало отмену телеграммы за № 200. Он поручил Чиршки безотлагательно сообщить телеграмму короля Георга Берхтольду и к этому добавил: «Настоятельно необходимо, чтобы в течение дня в Вене последовало окончательное решение» [73].

Эти телеграммы повидимому показывают, что был момент, когда Бетман колебался и потерял всякую надежду. Но они не показывают, как это иногда утверждали, что он окончательно и совершенно изменил свою позицию под давлением Мольтке и решил отправить России ультиматум

[69] Бетман — Чиршки, 30 июля, 9 ч. вечера, получено 31 июля в 3 ч. утра; K. D., 441.
[70] K. D., 450.
[71] K. D., 451.
[72] Георг V — принцу Генриху прусскому, 30 июля, 8 ч. 54 м. вечера, получено в 11 ч. 8 м. вечера; K. D., 452.
[73] Бетман — Чиршки, 31 июля, 2 ч. 45 м. ночи, получено в 9 ч. утра; K. D., 464.

еще за несколько часов до того, как узнал об общей мобилизации в России [74]. Наоборот, после короткого перерыва он снова отправил в Вену британское предложение в виде телеграммы короля Георга, хотя и не возобновил своего настойчивого предостережения, изложенного в телеграмме № 200 [75]. Его кратковременное колебание было вызвано сообщением Мольтке относительно военных приготовлений России. Но так как эти сведения не были еще вполне определенными, то он все-таки не соглашался на то, чтобы Германия отправила России ультиматум или объявила у себя «состояние опасности войны», что в Германии являлось переходным шагом в мобилизации. Он твердо решил продолжать выжидать, пока не будет получен ответ из Вены относительно предложения «с остановкой в Белграде», или пока не последует окончательное подтверждение относительно общей мобилизации в России, что и имело место в телеграмме Пурталеса, доставленной на следующий день в 11 час. 40 мин. утра. Он надеялся, что вскоре сумеет выяснить оба эти пункта. Ввиду того что Мольтке и Фалькенгайн настаивали на ускорении решения, Бетман согласился, что оно должно быть принято на следующий день, 31 июля, к 12 часам дня [76]. Таким образом в ночь с 30 на 31 июля никакого решения принято не было. Мольтке вскоре после своего разговора с Бетманом весьма пессимистически сказал Гефтену, что он не знает, чем все это кончится. «Завтра в полдень решается вопрос — мир или война. Канцлер, военный министр и я будем иметь общую аудиенцию у его величества». Хотя он получил два надежных сообщения относительно общей мобилизации в России, все же он добавлял: «прежде чем дать его величеству совет произвести мобилизацию, я хочу выждать третьего подтверждения относительно мобилизации в России» [77].

31 июля, около 7 часов утра, Мольтке получил телефонное сообщение от штабного офицера в Алленштейне в Восточной Пруссии, который доводил до его сведения, что русские совершенно закрыли границу и что уже расклеены красные афиши с приказом о мобилизации. Мольтке ответил: «Необходимо чтобы вы раздобыли один из таких расклеенных приказов. Я должен иметь уверенность, что они действительно мобилизуют против нас; пока у меня не будет такой уверенности, я не могу отдать приказа о мобилизации» [78]. Другими словами, Мольтке сам признает, что Бетман не хотел принять решения, пока Германия не получит вполне достаточных доказательств, что Россия производит общую мобилизацию, как это подозревали и как это фактически было уже сделано за 12 часов до того. Наконец это доказательство прибыло в виде телеграммы Пурталеса, доставленной в 11 час. 40 мин. Если бы Бетман не получил ее и если бы царь не уступил настояниям Сазонова и русской военной партии, то вероятно Бетман оказывал бы еще сопротивление Мольтке и Фалькенгайну и добился бы еще дальнейшей передышки, для того чтобы обсудить предложение относительно «остановки в Белграде» или формулы Сазонова или какого-нибудь другого предложения в переговорах, которые могли бы привести к мирному решению. Этим я не хочу сказать, что в по

[74] Kanner, Der Schlüssel, стр. 41 сл.
[75] Renouvin (англ. пер., стр. 191) подчеркивает этот момент.
[76] Zwehl, E. v. Falkenhayn.
[77] Schultheß. Europäischer Geschichtskalender, 1917, II, стр. 996.
[78] Там же, стр. 1000.

следней стадии кризиса имелась вероятность такого мирного решения, но во всяком случае это дало бы гражданским властям в Петербурге и Берлине лишнюю возможность попытаться найти решение, а доводы относительно военной необходимости имели бы меньший успех в обеих столицах. Однако, если взять действительный ход событий, то решение Германии объявить состояние опасности войны, было вызвано не «военным соглашением» между Мольтке и Конрадом, как это воображает доктор Каннер, а поспешной общей мобилизацией России. За объявлением «состояния опасности войны» со стороны Германии последовало предъявление ультиматума и мобилизация в ожидании европейской войны, которая уже и по мнению Бетмана стала неизбежной вследствие шага, предпринятого Россией.

ОБЩАЯ МОБИЛИЗАЦИЯ В АВСТРИИ 31 ИЮЛЯ

В Вене Берхтольд и Конрад больше думали о своих планах кампании против Сербии, чем об опасности войны с Россией. Отсюда вытекали австрийский ультиматум, частичная мобилизация, направленная исключительно против Сербии, тщательное воздержание от каких-либо вызывающих мероприятий в Галиции и объявление войны Сербии. Обо всем этом мы уже говорили.

Даже двинув войска на Сербию и приступив к бомбардировке Белграда, Конрад все еще полагал, что Россия не прибегнет к вооруженному вмешательству. Поэтому он не отправлял войск на галицийский фронт, но когда Сазонов заявил, что Россия собирается мобилизовать свои южные округа, в случае если Австрия перейдет сербскую границу [79], Конрад стал понимать, что галицийскому фронту угрожает опасность. Он считал смешным заверение Сазонова, что мобилизованные русские войска будут бездеятельно стоять на границе, не пуская в ход своего оружия. Он немедленно решил, что Австрии нужно мобилизовать свою армию в целях обороны, чтобы обезопасить себя против превосходных русских сил, а также для того, чтобы создать контрблеф, которым он несколько нелогично рассчитывал запугать Россию [80]. 30 июля, рано утром германский посол в Вене отметил у себя: «Здесь решили произвести мобилизацию, как только это одобрит Германия: твердо решено не допускать дальнейшей русской мобилизации. Предложено заявить в Петербурге, а пожалуй, и в Париже, что если мобилизация будет продолжаться, то Австрия и Германия приступят к общей мобилизации» [81]. Другими словами Берхтольд и Конрад предлагали, чтобы Германия бряцала саблей и чтобы Бетман пригрозил России и Франции общей мобилизацией центральных держав, если не прекратятся мобилизационные мероприятия в России.

Но когда австрийский посол в Берлине попытался убедить Германию предпринять такой шаг [82], Германия отказалась; она уже сделала в этом направлении все, что ей казалось разумным, когда 29 июля передала через Пурталеса свое «предостережение» Сазонову. Поэтому Ягов сообщил Сегени, что Германия уже дружески указала в Петербурге на

---

[79] Сапари — Берхтольду, 29 июля, 4 ч. 26 м. дня; получено в 10 ч. веч.; ARB III, 18.

[80] Conrad, IV, 145—147.

[81] Краткая пометка Чирпики на телеграмме (K. D., 385), полученной им 30 июля в 6 ч. утра. «Investigating Commission», I, 98.

[82] Меморандум Сегени и Ягова, 30 июля; K. D., 427, 429.

опасные последствия русской мобилизации и поэтому не может снова предпринять такой шаг. Она рекомендует Австрии сделать представление в Петербурге от своего имени [83].

Но Конрад не дождался получения этого обескураживающего ответа. И он, как и Берхтольд, не обратил серьезного внимания на повторный настоятельный совет Бетмана принять мирное предложение Грэя, которое Чиршки, по его словам, в чрезвычайно настойчивой форме изложил 30 июля после завтрака. Берхтольд, который слушал бледный, не произнес ни слова, только ответил, что он немедленно доложит об этом императору, и отправился переодеваться, для того чтобы явиться на аудиенцию в надлежащей форме. От подчиненных Берхтольда, Гойоса и Форгача, Чиршки узнал, что об ограничении военных операций (против Сербии), по их мнению, не может быть и речи ввиду настроения в армии и в народе. Завтра рано утром ожидается в Вену граф Тисса, и необходимо заручиться его мнением в этом чрезвычайно важном решении. Чиршки узнал также, что Конрад собирается представить Францу-Иосифу на подпись приказ об общей мобилизации в ответ на мероприятия, принятые Россией [84].

Несмотря на совет Бетмана, который только что в настойчивой форме был изложен Чиршки, Берхтольд и Конрад, явившись после полудня на аудиенцию к Францу-Иосифу, постарались убедить престарелого императора одобрить следующее решение: война против Сербии должна продолжаться; на предложение Грэя надо ответить в очень вежливой форме, но не принимать его по существу; приказ об общей мобилизации в Австрии издать 1 августа и назначить 4 августа первым днем мобилизации. Но этот вопрос подлежал еще обсуждению на следующий день [85].

Последняя оговорка, предусматривавшая новое обсуждение деталей мобилизации на следующий день, по всей вероятности была вызвана главным образом необходимостью заручиться согласием графа Тиссы. Отчасти это объясняется, может быть, получением от Мольтке телеграммы, составленной им для Флейшмана: «Мобилизация России еще не есть основание для мобилизации» [86]. Сыграли роль также непрекращавшиеся настойчивые требования Бетмана принять предложение, сделанное Грэем. Конрад пишет в своих воспоминаниях: «В то время как император Франц-Иосиф в этот самый тяжелый момент своей жизни принимал с глубокой торжественной и спокойной решимостью тот шаг, тяжелые последствия которого были ему столь же ясны, как и его неизбежность, император Вильгельм повидимому хотел уже бить отбой, и в Берлине настроение как будто стало меняться, ввиду того что Италия вышла из игры» [87].

Однако, несмотря на позицию, занятую Берлином, Конрад повидимому после этой аудиенции считал, что общая мобилизация в Австрии вопрос решенный, как только ее на следующий день утром одобрит Тисса. Он даже готов был отдать приказ на следующий день 31 июля вместо 1 августа, как это было условлено на аудиенции у императора. Поэтому

---

[83] Ягов — Чиршки, 30 июля, 9 ч. дня; K. D., 442; Сегени — Берхтольду, 31 июля, 12 ч. 38 м. утра; ARB, III, 51.

[84] Чиршки — Бетману, 30 июля, 5 ч. 20 м. дня, получено в 5 ч. 56 м. дня и 31 июля, ч. 35 м. утра, получено в 4 ч. 35 м. утра; K. D., 434, 465.

[85] Conrad, IV, 151.

[86] Там же, 152 и см. выше, прим. 62.

[87] Там же, 151.

в 7 час. 30 мин. вечера он написал телеграмму, которая должна была быть отправлена в Берлин в 8 час. утра 31 июля. Телеграмма эта гласила: «Согласно решения его величества постановлено продолжать войну против Сербии, мобилизовать остальную армию и сконцентрировать ее в Галиции; первым днем мобилизации назначено 1 августа, приказ о мобилизации будет издан сегодня 31 июля [88] — телеграмма эта действительно была отослана с пометкой, что она отправлена 31 июля в 8 часов утра.

Между тем ночью пришла телеграмма Бинерта, а в 7 час. 45 мин. утра телеграмма самого Мольтке, требовавшая, чтобы Австрия немедленно приступила к мобилизации [89]. Эти телеграммы не вызвали австрийской мобилизации, если не считать того, что они устранили у Конрада всякие колебания относительно приказа, который он написал накануне вечером, и укрепили Берхтольда в решении, которое было принято на аудиенции у императора, — отвергнуть предложение Грэя по существу, делая вид, что принимают его по форме. Когда Конрад показал телеграмму Мольтке Берхтольду и другим министрам, Берхтольд воскликнул: «Ну, кто проиграл, Мольтке или Бетман?» Прочитав вслух телеграмму императора Вильгельма, обращенную к Францу-Иосифу и настаивавшую на предложении «остановка в Белграде», Берхтольд повернулся к остальным и сказал: «Я созвал вас потому, что у меня создавалось впечатление, что Германия бьет отбой. Теперь я получил самые удовлетворительные заверения от высшего военного командования» [90].

Таким образом было обеспечено окончательное согласие Франца-Иосифа на издание распоряжения об общей мобилизации, с тем чтобы первым днем ее было объявлено 4 августа. Распоряжение это было получено военным министерством 31 июля в 12 ч. 23 м. дня и было немедленно опубликовано. Оно однако не сразу устранило все недоразумения между Мольтке и Конрадом. Отдавая приказ об общей мобилизации, Конрад сначала не ожидал войны с Россией, он еще не слышал об общей мобилизации в России и полагал, что можно продолжать войну против Сербии, как он телеграфировал Мольтке 31 июля в 8 час. утра. Мольтке, получив эту телеграмму, немедленно обратился к Конраду с просьбой не отвлекать действиями, направленными против Сербии, значительных сил от основной задачи, которая, по его мнению, состоит в военных действиях против России. Главные силы надо держать наготове против России, потому что силы, которыми Германия прикрывает свой фронт, недостаточны для отражения серьезного русского наступления [91]. В 6 часов вечера он телеграфировал в Вену: «Неужели Австрия собирается оставить нас под угрозой» [92].

Конрад ответил по телефону в 9 час. 30 мин. вечера и просил определенно сказать, должен ли он считаться с неизбежностью немедленной

---

[88] Schäfer, стр. 536. Конрад дал также Чиршки понять, что он решил произвести мобилизацию, потому что Чиршки в телеграмме, полученной 30 июля в 10 ч. утра (K. D., 396), пометил, что Конрад собирается днем переговорить с императором относительно общей мобилизации и затем сообщить послу, что это «не есть враждебные действия или конфликт, что это мера предосторожности, не угроза, а тем более не мысль о нападении» («Investigating Commission», I, 99).

[89] См. выше, прим. 63, 65.

[90] Conrad, IV, 153; Берхтольд ссылался на Мольтке.

[91] Флейшман — Конраду, 31 июля, 11 ч. 15 м. утра, получено в 6 ч. 5 м. дня; Schäfer, стр. 540.

[92] Schäfer, стр. 541.

войны с Россией. Он не уверен, что со стороны России это не является только блефом и поэтому не хочет отменить операций против Сербии. Только поздно вечером 31 июля Конрад на основе слов Мольтке и новой телеграммы кайзера, обращенной к Францу-Иосифу, убедился, что Германия ожидает, что ультиматум, предъявленный ею России и Франции, будет отвергнут и что поэтому главные усилия Австрии должны быть направлены не против Сербии, а против России [93].

Общая мобилизация в Австрии не является решающим фактором в конечной сумме событий, вызвавших войну. Она была объявлена лишь через 18 часов после издания приказа об общей мобилизации в России и не оказала никакого влияния на шаги, предпринятые Германией в ответ на русскую мобилизацию.

Заручившись окончательным одобрением общей мобилизации у Франца-Иосифа, Берхтольд стал теперь обманывать Европу, делая вид, что он склоняется к более примирительной позиции, что совершенно не соответствовало его действительным намерениям, как это явствует из протокола секретного заседания совета министров, происходившего около полудня. С русским послом в Вене Берхтольд снова завязал самые дружественные переговоры, а все остальные державы он уверял, что Австрия готова ближе «заняться» предложением Грэя [94]. У британского посла, как это видно из позднейшего донесения Бунзена Грэю, сложилось такое впечатление:

«Австрия в конце концов действительно уступила и сама в настоящий момент надеется на мирное решение конфликта, что видно из сообщения, сделанного вам графом Менсдорфом 1 августа относительно того, что Австрия «не закрыла двери» для компромисса и не прервала переговоров. К сожалению эти переговоры и в Петербурге и в Вене были прерваны тем, что спор был перенесен на более опасную почву непосредственного конфликта между Германией и Россией. Германия выступила 31 июля с двойным ультиматумом, предъявленным в Петербурге и Париже. Ультиматумы эти таковы, что на них возможен был только один ответ — Германия 1 августа объявила войну России, а 3 августа войну Франции. Отсрочка на несколько дней по всей вероятности спасла бы Европу от одного из величайших несчастий, какие знала история» [95].

Но в настоящее время на основе протокола заседания совета министров с полной бесспорностью установлено, как далек был Берхтольд от всякого намерения честно согласиться на посредничество и приостановить наступление Австрии в Сербии. Изложив последнее предложение Грэя и настоятельное требование Бетмана, чтобы оно было принято, Берхтольд заявил, что, как показывает опыт, державы, берущие на себя посредничество, всегда стараются притти к компромиссу, вынуждая одну из держав подчиниться его условиям.

«Вероятно, что они попробуют это сделать и теперь, если при существующей конъюнктуре Франция и Англия, а также и Италия будут

[93] Schäfer, стр. 541—544.

[94] ARB, III, 62, 65, 66, 78, 94; «Кр. арх.», т. I, стр. 186; «Schilling's Diary», стр. 72; B. D., 360, 412. Poincaré, IV, 465 сл. [Шебеко — Сазонову 30 июля, М. О., т. V, стр. 272.]

[95] Бунзен — Грэю, 1 сентября 1914; B. D., 676.

отстаивать русскую точку зрения, а мы (Австрия) будем иметь весьма сомнительную поддержку в лице нынешнего германского посла в Лондоне. От князя Лихновского можно ожидать всего, чего угодно, но только не горячей защиты наших интересов. Если наше выступление закончится только некоторым усилением престижа, то, по моему мнению, его совершенно не стоило начинать. Одна только оккупация Белграда нам ровно ничего не даст, даже если Россия и согласится на это. Все это будет только мишура. Россия будет изображать себя спасительницей Сербии, и в особенности сербской армии; последняя останется нетронутой, и через 2—3 года нам снова надо будет думать о нападении на Сербию, но уже при гораздо менее благоприятных условиях».

«Поэтому, — продолжал Берхтольд, — он и испросил аудиенцию у Франца-Иосифа. Его величество немедленно заявил, что нельзя задерживать военные операции, но согласился одобрить план, по которому мы должны тщательно избегать принятия английского предложения по существу, но по форме ответить так, словно мы готовы принять его...» [96].

Коллеги Берхтольда согласились с ним или даже шли еще дальше его. Тисса, который теперь совершенно изменил свою позицию, не возражал. Штюргк заявил, что всякая мысль о конференции посредников представляется ему столь отвратительной, что ему не хотелось бы даже делать вид, что она может быть принята. Билинский тоже высказался против конференции, потому что «Лондонская конференция оставила после себя такое ужасное воспоминание, что общественное мнение всецело отвергает повторение такого спектакля» [97].

Поэтому совершенно неверна широко распространенная версия Антанты, будто Австрия под конец была готова уступить, но тут вмешалась Германия со своим ультиматумом и объявлением войны и этим ускорила начало общеевропейской войны. Вмешательство Германии было вызвано общей мобилизацией в России. Но Австрия не имела честного намерения принять проект Грэя или отказаться от кампании против Сербии и удовольствоваться оккупацией Белграда или даже Белграда вместе с прилегающей к нему территорией. Одной из причин, почему Австрия не желала удовольствоваться оккупацией Белграда, являются соображения военной необходимости; ее план войны делал невозможной немедленную оккупацию Белграда, а намечал главное наступление на Сербию со стороны Боснии с юго-запада, а не непосредственно на Белград с севера через Дунай [98].

«СОСТОЯНИЕ УГРОЖАЮЩЕЙ ОПАСНОСТИ ВОЙНЫ» В ГЕРМАНИИ, 31 ИЮЛЯ

Бетман убедил Мольтке воздержаться от каких-либо непоправимых военных действий, пока не будет принято решение, которое должно было состояться днем 31 июля на совещании их обоих с кайзером [99]. Он на-

[96] ARB, III, повторено в несколько менее обнаженной форме, ibid., III, 80. Ср. Gooss, стр. 234—243, 301—306.

[97] Протокол заседания Совета министров, 31 июля; ARB, III, 79.

[98] Ср. R. Kiszling, Die praktische Undurchführbarkeit eines Handstreiches auf Belgrad», в KSF, V, 231—238, март 1927.

[99] Заявление, сделанное Мольтке — Гефтену после полуночи 30—31 июля; Schulthess, Europäischer Geschichtskalender, 1917, II, 996 сл.

деялся, что тем временем получится ответ из Вены относительно плана «остановки в Белграде» и будут доставлены определенные сведения о военном положении в России. Благоприятный ответ из Вены открыл бы путь к миру. Подтверждение сообщения об общей мобилизации в России должно было вынудить Германию предпринять шаги для защиты от опасности войны на два фронта. В предположении мирного разрешения конфликта кайзер в Потсдаме 31 июля написал собственноручно обширную записку, предназначавшуюся для штаба адмиралтейства, где кратко излагалось содержание телеграмм, которыми он обменялся с царем. К этому он присоединил также телеграмму, полученную принцем Генрихом прусским от Георга V: «Его предложения, — писал он, — сходны с теми, которые я делал венскому кабинету, оставляющему нас уже в течение 6 дней без ответа. За последнее время начались дипломатические совещания между Веной и Петергофом, и Петергоф обратился в Лондон с просьбой о вмешательстве» [100]. В то время как он писал это, он получил телефонное сообщение из Берлина, после которого уже не оставалось никакого сомнения, что в России происходит общая мобилизация. Тогда немедленно, не посоветовавшись с министерством иностранных дел, он отправил королю Георгу следующую телеграмму:

«Очень благодарю вас за вашу телеграмму. Ваше предложение совпадает с моими мыслями и с теми сообщениями, которые я получил этой ночью из Вены и которые я передал в Лондон. Канцлер только что сообщил мне, что он получил официальное уведомление, что сегодня ночью Никки отдал приказ о мобилизации всей армии и флота. Он даже не выждал результатов посредничества, над которым я стараюсь, и ничего мне не сообщил. Я выезжаю из Берлина, для того чтобы принять меры для обеспечения безопасности моих восточных границ, где уже расположены значительные русские войска» [101].

Окончательное сообщение об общей мобилизации в России, приказ о которой был отдан 30 июля в 6 часов дня, дошло до Берлина удивительно поздно. В Петербурге ни Пурталес, ни германский атташе Эггелинг ничего не знали до утра 31 июля, когда сообщение это уже было напечатано в газетах и уже несколькими часами раньше расклеено на улицах. Как только Эггелинг узнал об этом, он поспешил к Пурталесу, который в 10 час. 20 мин. утра отправил телеграмму:

«Отдан приказ об общей мобилизации армии и флота, первым днем мобилизации назначено 31 июля» [102].

Бетман протелефонировал это сообщение в Потсдам. Император Вильгельм немедленно прибыл на автомобиле в Берлин; было устроено совещание, на котором присутствовали Бетман, Мольтке и другие сановники. Приблизительно в час дня было решено объявить состояние, угрожающей опасности войны. Этим самым приводился в движение целый ряд мер предосторожностей, которые должны были служить подготовкой для на-

[100] K. D., 474.
[101] Вильгельм II — Георгу V, 31 июля, 12 ч. 55 м. дня; K. D., 477.
[102] Пурталес — Бетману, 31 июля, 10 ч. 20 м. утра, получено в 11 ч. 10 м. утра; K. D. 473.

стоящей мобилизации; это было нечто вроде русского подготовительного к войне периода. За этим не должна обязательно и неизбежно следовать мобилизация, но это означало, что германское правительство ожидает, что мобилизация может последовать не позже 48 часов, а мобилизация должна была означать войну. Бетман телеграфировал в Вену, чтобы убедить Австрию направить главные силы против России, а не против Сербии.

> «После того как в России объявлена общая мобилизация, мы объявляем у себя «состояние угрожающей опасности войны», за которым по всей вероятности в течение 48 часов последует мобилизация. Она неизбежно означает войну. Мы ожидаем от Австрии немедленного активного участия в войне против России» [103].

Часто утверждали, что германское правительство в сущности желало мира даже после того, как узнало об общей мобилизации в России. Оно готово было удовольствоваться объявлением мобилизации в Германии и затем занять оборонительную позицию. Если бы Сазонов выполнил свое обещание, что русская армия не будет нападать, а будет стоять с ружьем к ноге, то это снова дало бы дипломатам некоторую возможность найти мирное решение конфликта. Один из императоров говорил, что надлежащим ответом на мобилизацию должна была быть тоже мобилизация, но не война. Но эти доводы не учитывают того обстоятельства, что в Петербурге и Париже, равно как и в Берлине, военные, а также высшие политические авторитеты, как царь Александр III [104], давно уже усвоили правило, что мобилизация означает войну. Это ясно дал понять Сазонов Пурталесу, когда беседовал с ним 29 июля днем, еще до того как Россия отдала приказ об общей мобилизации [105]. Это было совершенно ясно царю 30 июля, почему он и колебался согласиться с доводами Сазонова и взять на себя торжественную ответственность за решение, которое, как он понимал, равносильно посылке на смерть многих тысяч людей [106]. Это совершенно недвусмысленно заявил Бетман прусскому совету министров 30 июля: «Объявление состояния угрожающей опасности войны, означает мобилизацию, а это при наших условиях — при мобилизации в обоих направлениях — означает войну [107]. Вышеуказанные доводы не учитывают и того обстоятельства, что в планах генеральных штабов во всех странах на континенте Европы мобилизация была неразрывно связана с планом кампании, который и предусматривал не только движение по направлению к границе, но во многих случаях также и переход границы, для того чтобы обеспечить себе преимущество в наступлении и возможность перенесения войны в страну неприятеля. Мобилизация приводила в движение военную машину, а будучи приведена в движение, она по техническим соображениям не может быть остановлена, так как это угрожало бы нарушением заранее подготовленного и тщательно разработан-

---

[103] Бетман — Чиршки, 31 июля, 1 ч. 45 м. дня, получено в 4 ч. 20 м. дня; K. D., 479. Мольтке сказал то же самое в гораздо более резкой форме, когда говорил днем и вечером с Конрадом по телефону (S c h ä f e r, стр. 538—543); Вильгельм II обратился с таким же призывом к Францу-Иосифу в 4 ч. 40 м. дня (K. D., 503).

[104] См. выше, гл. X, прим. 7—80.

[105] Там же, прим. 37.

[106] Там же, прим. 53, 60, 61.

[107] K. D., 456.

ного плана кампании. Если даже гражданские власти желали остановить машину на границе и дали обещание, что они это сделают, подобно тому как царь обещал это кайзеру, то все же представляется сомнительным, могли ли они это сделать ввиду настойчивых доводов военных, что всякое нарушение заранее тщательно разработанного плана будет иметь гибельные последствия. Даже кайзеру, который несомненно выделялся среди монархов своим авторитетом у гражданских и военных властей, показалось на один момент (1 августа, когда он получил сообщение от Лихновского, что Англия, пожалуй, гарантирует нейтралитет Франции), что он может удержать германскую армию, уже пришедшую в движение от перехода границ Люксембурга. Но даже и ему очень скоро пришлось уступить Мольтке. К тому же получилось сообщение, что Лихновский «ошибся» [108], и Вильгельм II понял, что он хотел невозможного. Действительно в этот момент отряд германских солдат уже перешел должно быть границу и нарушил нейтралитет Люксембурга [109].

Кроме того эта аргументация упускает из виду то обстоятельство, что, как сейчас было указано, с начала мобилизации «военная необходимость» отодвигает на задний план дипломатические соображения штатских лиц. Это особенно применимо к Германии. В Петербурге, в Париже, так же как и в Берлине, прекрасно сознавали, что так как Германии придется воевать на два фронта и ей угрожают превосходные силы, которые Россия и Франция могут двинуть против нее, то она должна сначала нанести главный удар одной стране, а потом другой. Она не могла разделить свои главные силы и одновременно выступить на обоих фронтах. Пользуясь тем обстоятельством, что она могла произвести мобилизацию быстрее чем Россия, она должна была сначала напасть на Францию на западе, пока русские силы будут медленно собираться на востоке. Она должна была возместить у себя недостаточную численность большей скоростью своей военной машины. Для Германии ответить на мобилизацию тоже мобилизацией и занять оборонительную позицию, пока будут продолжаться дипломатические переговоры (по всей вероятности тщетные), означало лишиться всех преимуществ скорости. Русские армии успели бы постепенно мобилизоваться и сконцентрироваться на востоке прусской границы в подавляющем количестве, и это заставило бы Германию либо разделить свои силы и одновременно бороться против превосходного по численности противника на востоке и на западе, либо открыть свою восточную территорию для вторжения русских, направив главные усилия против Франции на западе. Таковы были военные соображения, одинаково убедительные в Германии для гражданских и военных властей [110]. Это признавали также военные власти в России и во Франции, которые поставили Германию в невозможность реагировать на общую мобилизацию России одной только ответной мобилизацией. Не недостаточное желание

---

[108] K. D., 562, 570, 575, 578, 579, 596, 603, 612, 630, 631; B. D., 419, 453, 460; и драматический рассказ Мольтке, Moltke, Erinnerungen, стр. 19—23.

[109] Протест Эйшена, министра великого герцогства Люксембургского, заявленный Ягову 1 августа в 9 ч. 30 м. вечера; K. D., 602.

[110] Betmann, Betrachtungen (Berlin, 1919), I, 164 сл.; H. v. Kuhl, Der deutsche Generalstab in Vorbereitung und Durchführung des Weltkrieges (2 Aufl., Berlin, 1920), стр. 98 сл.; W. Groener, Das Testament des Grafen Schlieffen (Berlin, 1927), стр. 10 сл., 195 сл.; R. Kann, Le Plan de Campagne allemande de 1914 et son Exécution (Paris, 1923), стр. 26 сл.

мира со стороны Германии, а ее «план кампании», вытекавший из ее более слабой численности и из наличия двух границ, которые ей приходилось защищать, заставил ее, после того как было объявлено «состояние, угрожающее опасностью войны», а за ним мобилизация, — немедленно двинуть свои войска через границу.

Германский план кампании предусматривал также переход войск по сравнительно равнинной и менее укрепленной территории Бельгии, что означало нарушение международного права и бельгийского нейтралитета, гарантированного Пруссией. Военные полагали, что только таким образом Германия может быстро сокрушить Францию и тогда повернуться против России. Считали, что при движении на Бельгию решительная победа — Канны — может быть одержана в течение шести недель. Наоборот, попытка войти в соприкосновение с французской армией, двигаясь прямо на запад, не затрагивая нейтральных территорий Люксембурга и Бельгии, потребовала бы несколько месяцев ввиду холмистой местности и сильной линии оборонительных фортов, которые Франция воздвигла после 1870 г. [111].

Следуя совету юрисконсультов министерства иностранных дел, Бетман, который к тому же и сам был юристом, желал выполнить требования Гаагской конвенции 1907 г., согласно которой враждебные действия не должны начинаться без предварительного предостережения либо в форме обоснованной декларации войны, либо ультиматума с условным объявлением войны. Будучи вынужден принять германский план войны, предусматривавший вручение ультиматума Бельгии с требованием пропустить войска через ее территорию, он желал внести в это дело надлежащий порядок посредством предварительного формального объявления состояния войны между Германией и Россией, в случае если Россия под давлением ультиматума не согласится немедленно демобилизовать свою армию. Фалькенгайн и в особенности Тирпиц противились такому объявлению войны России. Они считали это ненужной, нелепой, грубой ошибкой дипломатической техники, которая произведет невыгодное впечатление на общественное мнение и заклеймит Германию перед всем миром как нападающую сторону [112]. Пурталес был того же мнения, и дальнейшие события показали, что он был прав. Но в тот момент Бетман и Ягов, видимо, верили, что нарушение нейтралитета Бельгии, до того как Германия формально находилась в состоянии войны с Россией, произведет худшее впечатление на общественное мнение всего мира, чем если Германия возьмет на себя инициативу объявления войны. Поэтому Бетман решил немедленно отправить ультиматум России, а также и ее союзнице.

Пурталесу сообщили поэтому, что мобилизация Россией всей ее армии и всего флота в то время, когда еще продолжались переговоры и Германия еще не предприняла никаких мобилизационных мер, вынудила Германию объявить «состояние, угрожающее опасностью войны». «За

---

[111] Ср. W. M. D a v i s, Handbook of Northern France (Cambridge. 1918), стр. 27 сл.

[112] Ср. Z w e h l, Erich v. Falkenhayn, стр. 58; T i r p i t z, Politische Dokumente, II, 11—12 и сообщения H. E. B a r n e s и B. E. S c h m i t t в «Amer. Hist. Review», XXXIII, 456—459, январь 1928. Мольтке, повидимому, относился к этому вопросу равнодушно; Бетман правильно указывает, что Фалькенгайн был против объявления войны России, но неверно, когда он утверждает, что его самого переубедил Мольтке (B e t h m a n - H o l l w e g, Betrachtungen, I, 156).

этим должна последовать мобилизация, если Россия в течение 12 часов не прекратит всех военных мероприятий против Австро-Венгрии и нас самих и не сделает на этот счет определенного заявления. Прошу уведомить об этом Сазонова и телеграфировать, в котором часу вы ему сообщили» [113].

Пурталес получил это сообщение в 11 час. вечера, расшифровал его и в полночь вручил Сазонову. Сазонов ему ответил, как это уже сделал царь, что причины технического свойства не позволяют прекратить мобилизационные мероприятия [114].

Так как срок для окончательного ответа России истекал только в полдень 1 августа, то Пурталес предпринял еще попытку в другом направлении. Воспользовавшись личной дружбой с графом Фредериксом, царским министром двора, он отправил ему письмо, умоляя употребить свое влияние на царя, чтобы предупредить военную катастрофу, прежде чем будет слишком поздно. Граф повидал царя, но Николай II мог только заверить его, как он уже уверял кайзера, что русская мобилизация не означает войны и что он надеется , что германская мобилизация тоже не означает ее [115].

В Париже барон Шен получил инструкцию сообщить требования, предъявленные в Петербурге, и указать, что германская мобилизация неизбежно означает войну. Он должен был «спросить французское правительство, намерено ли оно сохранить нейтралитет в войне между Россией и Германией. Ответ должен последовать в течение 18 часов». Если бы против ожидания Франция заявила, что намерена остаться нейтральной, то посол должен был потребовать передачи Тула и Вердена в виде залога в соблюдении нейтралитета, с тем что по окончании войны с Россией крепости эти будут возвращены Франции [116].

Когда в 7 часов вечера барон Шен прибыл на Кэ д'Орсе, чтобы выполнить эти инструкции, французское правительство уже знало от французского посла в Берлине, что Германия, ввиду общей мобилизации в России, объявила у себя, «состояние, угрожающее опасностью войны», и что Шену поручено запросить Францию, какова будет ее позиция [117]. Поэтому Вивиани имел время посоветоваться с Пуанкаре, как ему уклониться от непосредственного ответа. Он ограничился тем, что на вопрос Шена просто сказал: «Буду надеяться, что удастся избежать крайних решений и позвольте мне обдумать». Он обещал дать ответ по истечении 18 часов, т. е. в субботу 1 августа в 1 час дня [118].

На следующий день, когда Шен явился еще до истечения 18 часов

---

[113] Бетман — Пурталесу, 31 июля, 3 ч. 30 м. дня, получено 11 ч. 10 м. вечера, K. D., 490.

[114] Пурталес —Бетману, 1 августа 1 ч., ночи, K. D., 536; P o u r t a l è s, Am Scheideweg, стр. 74—76.

[115] K. D., 539, 546; P o u r t a l è s, Am Scheideweg, стр. 76—81.

[116] Бетман — Шену, 31 июля, 3 ч. 30 м. дня; K. D., 491.

[117] Жюль Камбон — Вивиани, 31 июля, 3 ч. 50 м. дня, получено 4 ч. 25 м. дня; опущено в ФЖК, но напечатано у P o i n c a r é, IV 446 сл.

[118] Шен — Бетману, 30 июля, 8 ч. 17 м. вечера, получено 1 августа, 12 ч. 30 м. ночи; K. D., 528; V i v i a n i, Réponse au Kaiser, стр. 192 сл.; P o i n c a r é, IV, 448—451. По словам Шена Вивиани сказал ему, что у него нет никаких сообщений об общей мобилизации в России, а имеются только сообщения о предупредительных мерах. По словам Вивиани Шен говорил о том, что он потребует свои паспорта. Беседа носила тягостный характер, но велась в вежливой форме.

и повторил свой вопрос, согласится ли Франция остаться нейтральной, Вивиани ответил: «Франция будет действовать в соответствии со своими интересами». Так как он не обещал соблюдать нейтралитет, то Шен, разумеется, ничего не сказал о своих секретных инструкциях относительно Тула и Вердена. Французы узнали об этом намерении Германии только когда во время войны им удалось расшифровать германские телеграммы, отправлявшиеся в июле 1914 г. [119].

Мольтке и Фалькенгайн настаивали на объявлении «состояния, угрожающего военной опасностью» еще с вечера 29 июля. Но Бетман не желал согласиться на это, пока не получил определенного сообщения, что Россия производит общую мобилизацию. И подобно тому как в России приказ о мобилизации был отдан потому, что Сазонов и Янушкевич убедили царя, что война неизбежна, так русская мобилизация в свою очередь оказалась решающим обстоятельством, окончательно убедившим гражданские и военные власти в Германии в неизбежности войны. Сообщения о шаге, предпринятом Россией, привели к тому, что повсюду (за исключением Англии) соображения военного порядка взяли верх над политическими соображениями и сделали тщетными и иллюзорными все последующие попытки дипломатов. Некоторые из этих попыток предпринимались искренне, но без серьезной надежды на успех; некоторые были только дипломатическим жестом, рассчитанным на то, чтобы создать видимость мирных намерений и возложить всю ответственность на противника. Таким образом ни русская «формула» предложенная Пурталесу [120], ни личное обращение Пурталеса, посетившего по собственной инициативе царя в Петергофе [121], ни заключительный обмен телеграммами между Никки [122] и Вилли, ни притворное уверение Берхтольда в готовности под самый конец пойти на некоторые уступки [123] не могли иметь никаких шансов на успех. Так как эти последние дипломатические попытки были тщетны и иллюзорны, то нет надобности излагать их подробно.

МОБИЛИЗАЦИЯ ВО ФРАНЦИИ И В ГЕРМАНИИ 1 АВГУСТА

Вскоре после того как Шен сделал свое первое сообщение относительно русской мобилизации и шагов, которые Германия была вынуждена вследствие этого предпринять, французское правительство получило наконец 31 июля, в 8 час. 30 мин. вечера, запоздалую телеграмму Палеолога с извещением о русской мобилизации [124]. Телеграмма эта рассеяла все сомнения относительно правильности сообщений, которые были получены уже из германских источников через Жюля Камбона, Шена и одно телеграфное агентство. Генерал Жоффр потребовал полной мобилизации восточных армейских корпусов. «Каждые 24 часа отсрочки в призыве запасных и в отсылке телеграммы о «couverture» означают, с самого начала замедление концентрации сил: каждый день промедления означает

[119] Шен — Бетману, 1 августа 1 ч. 5 м. дня, получено 6 ч. 10 м. дня; K. D., 571, ср. также 543, 598; Viviani, стр. 204; Poincaré, IV, 478 сл.

[120] См. выше, гл. X, прим. 52.

[121] 31 июля, вскоре после полудня, K. D., 535; Pourtalès, Am Scheideweg, стр. 64—73.

[122] K. D., 480, 487, 546, 600; Schilling's Diary, стр. 72 сл., 81 сл. M.O., т. V, стр., 272.

[123] См. выше, прим. 94.

[124] См. выше, гл. X, прим. 70.

потерю 15—20 километров территории. Поэтому в 5 час. вечера, еще до того как Шен явился, чтобы поставить Вивиани вопрос о нейтралитете Франции, кабинетом было принято решение отдать приказ о том, чтобы «couverture», распоряжение о которой было отдано уже 30 июля с ограничениями в отношении «10-километровой зоны», была развернута в полном объеме [125].

Несколько позже, в час ночи, русский военный атташе в Париже сообщил в Петербург:

> «Военный министр, объявив мне в приподнятом сердечном тоне о твердом решении правительства на войну, просил меня подтвердить надежду французского генерального штаба, что все наши усилия будут направлены против Германии и что Австрия будет признаваться quantité négligeable» [126].

Вечером произошло трагическое убийство Жана Жореса, заслуженного социалистического лидера, который долго боролся с политикой Пуанкаре, так как опасался, что она доведет его родину до войны [127]. Одновременно были получены секретные заверения из Рима, что вследствие политики Австрии итальянское правительство считает себя свободным от обязательств, возлагаемых на него Тройственным союзом [128]. Но сэр Эдуард Грэй продолжал занимать свою уклончивую позицию, которая чрезвычайно огорчала Поля Камбона в Лондоне и французский кабинет в Париже [129].

На следующий день, в субботу 1 августа, рано утром генерал Жоффр, предполагая, что Германия, прикрываясь «угрожающей опасностью войны», проводит у себя полную мобилизацию, заявил, что он не может нести дольше ответственность за командование, если Франция не объявит всеобщей мобилизации. Тогда кабинет уполномочил военного министра отдать приказ о мобилизации до 4 часов вечера [130]. Сообщение Шена и ответ на него Вивиани, а также телеграмма Палеолога с извещением о германском ультиматуме России с очевидностью показывали, что Германия скоро начнет у себя мобилизацию, если только, как предполагал Жоффр, она уже не проводит ее. Около 3 ч. 45 м. пополудни, после того как военный министр передал офицеру французского генерального штаба приказ о мобилизации, приказ этот был немедленно сообщен по телеграфу во все концы Франции с таким расчетом, чтобы мобилизация могла начаться на следующее утро [131]. Телеграмма Пурталеса, содержащая ответ Сазонова, что по техническим причинам невозможно приостановить русскую мобилизацию, была получена в Берлине в 12 ч. 30 м. дня. Срок, установленный для ответа Франции, истекал в полдень. Телеграмма Шена с окончательным ответом Вивиани, что «Франция будет действовать в соответствии с ее интересами», — была получена в Берлине только в 6 ч.

---

[125] Poincaré, IV, 458.
[126] Извольский — Сазонову, 31 июля (1 августа). L. N. II. 294; M. O., т. V, стр. 299.
[127] Ср. F. Gouttenoire de Toury Jaurès et le Parti de la Guerre, Paris, 1922; Poincaré, IV, 474 слл.
[128] Poincaré, IV, 475—478: 486—494.
[129] Ср. Poincaré, IV, 475—478; 486—494.
[130] Recouly, стр. 81 слл.; Poincaré, IV, 79 сл.
[131] Recouly, стр. 85. Les Armées Françaises, tome I, vol. I, приложение № 21.

10 м. вечера. Но уже из прежних телеграмм Шена было видно, что Франция, как этого и ожидала Германия,—не останется нейтральной и что она конечно не допустит занятия Германией Тула и Вердена. Потому 1 августа в 5 часов вечера, т. е. на четверть часа позже, чем Франция [132], Германия отдала приказ о мобилизации. Германия последней из великих держав предприняла этот решающий и крайний шаг.

Предполагая, что Сазонов не изменит своей точки зрения относительно невозможности для России приостановить мобилизацию и не подчинится ультиматуму, Бетман переслал Пурталесу объявление войны. Посол получил его около 6 часов вечера и немедленно отправился к Сазонову. Выполняя возложенную на него тяжелую обязанность, он три раза, и каждый раз все более волнуясь, спрашивал русского министра иностранных дел, не может ли тот дать ему благоприятный ответ на переданный накануне запрос. Три раза Сазонов отвечал отрицательно. «В таком случае, — заявил Пурталес, — извлекая из своего кармана сложенную бумагу, мне поручено передать вам эту ноту», и он передал ему объявление войны [133]. Потеряв при этом самообладание, посол отошел к окну и со слезами проговорил: «Я никогда не мог подумать, что мне придется покинуть Петербург при таких обстоятельствах». После этого он обнял Сазонова и ушел, прося известить его в посольстве относительно паспортов и приготовлений к отъезду, так как в этот момент он был не в состоянии о чем-либо говорить [134].

Франции Германия объявила войну только 3 августа в 6 часов 15 мин. вечера. В этом объявлении указывалось на некоторые враждебные французские акты: французские войска перешли границу в Вогезах. «Французский авиатор, который повидимому перелетел через бельгийскую территорию, был сбит вчера при попытке разрушить железную дорогу у Везеля... Вчера французские авиаторы сбрасывали бомбы около Карлсруэ и Нюрнберга. Франция вынуждает нас таким образом к войне». Шену было поручено сообщить все это французскому правительству, потребовать свои паспорта и передать охрану посольства американскому послу [135].

Ссылки на враждебные акты были основаны на ложной информации, которую германское правительство в спешке не потрудилось проверить. Кроме того телеграмма дошла к Шену в таком искаженном виде, что многого в ней нельзя было разобрать. И хотя объявление войны и основания для этого были делом чрезвычайной важности, однако Шен не счел себя в праве повременить, пока получит из Берлина полный, точный текст этого искаженного документа. Ему было поручено передать объявление войны в 6 часов вечера. Бетман и здесь хотел соблюсти формальную корректность и объявить войну, прежде чем германские войска перейдут французскую

---

[132] K. D., 554. Французская мобилизация в 3 ч. 45 м. дня по французскому времени и в 4 ч. 45 м. по германскому или среднеевропейскому времени.

[133] Бетман — Пурталесу, 1 августа, 12 ч. 52 м. дня, K. D., 542. Пурталес — Бетману, 1 августа, 8 ч. вечера, K. D., 588; P o u r t a l è s, Am Scheideweg, стр. 81—85. Декларация была составлена в двух вариантах, в соответствии с возможными ответами Сазонова. По ошибке Пурталес оставил министру оба варианта как aide-mémoire, и в своем возбуждении оба они тогда этого не заметили.

[134] S c h i l l i n g s Diary, стр. 76—78. M. O. т. V, стр. 326—327.

[135] Бетман — Шену, 3 августа, 1 ч. 5 м. дня, получено 4 ч. 15 м. дня (по германскому времени в 5 ч. 15 м.), K. D., 734.

границу, как это должно было иметь место по заранее заготовленному, всесторонне разработанному плану кампании.

Шен составил, как мог — на основании искаженной телеграммы, объявление войны и передал его Вивиани. Оно содержало не соответствующие действительности ссылки на сбрасывание французскими авиаторами бомб над Везелем, Карлсруэ и Нюрнбергом [136].

АНГЛИЯ И БЕЛЬГИЯ

Несмотря на обращение Поля Камбона к Грэю 30 июля и напоминание ему об обмене нотами, имевшем место в 1912 г. [137], а также несмотря на личную просьбу, которую президент Пуанкаре отправил с нарочным королю Георгу во второй половине дня 31 июля [138], британское министерство иностранных дел все же не желало давать Франции какие-либо обязательства. Грэй писал английскому послу в Париже:

«Я сказал Камбону, что, хотя мы будем отстаивать нашу политику перед парламентом, мы однако не можем наперед связать парламент в его решениях. Пока еще ни у нас, ни у общественного мнения Англии нет такого ощущения, что затронуты какие-либо договоры или обязательства Англии. Дальнейшее развитие событий может изменить положение и заставить правительство и парламент стать на ту точку зрения, что вмешательство необходимо. Охрана нейтралитета Бельгии могла бы, я не говорю этого окончательно, стать серьезным фактором при определении нашей позиции...

Камбон выразил чрезвычайное разочарование по поводу моего ответа. Он повторил свой вопрос, окажем ли мы помощь Франции, если на нее нападет Германия.

Я заявил, что на это я могу ответить только одно, что в настоящий момент мы не можем взять на себя никаких обязательств. По последним известиям Россия объявила всеобщую мобилизацию флота и армии. Это, как мне кажется, ускорит кризис и создаст впечатление, что германская мобилизация была вызвана Россией» [139].

Однако Артур Никольсон и Эйр Кроу упорно настаивали, что «вся политика Антанты не имеет никакого смысла, если она не означает, что в справедливой ссоре Англия поддержит своих друзей. Это почетное для нас предположение существует, и если мы не оправдаем его, мы нанесем серьезный ущерб своему доброму имени» [140]. Грэй знал, что в кабинете все еще существовали серьезнейшие разногласия по вопросу об участии Англии в европейской войне. Поэтому он старался соблюдать чрезвы-

---

[136] K. D. 734. a, b, Poincaré, IV, 520 слл., Renouvin, стр. 237—248.

[137] См. выше прим. 11—13.

[138] Ср. B. D. 366. и Poincaré IV, 437—440.

[139] Грэй — Берти, 31 июля B. D. 367 и донесение Поля Камбона у Poincaré, IV, 440—442, 475—478. Слова, напечатанные разрядкой, были вычеркнуты из английской «Белой книги» 1914 г., № 119. Они показывают, что Грэй знал правду, но разрешил умолчать о ней, чтобы поддержать старания Франции и России умалить по возможности значение шага, предпринятого Россией.

[140] Меморандум Кроу от 31 июля B. D. 369. Ср. также стр. 368 и 382, 383.

чайную осторожность и избегал давать какие-либо обязательства Франции, пока симпатии кабинета и парламента не склонятся более определенно в ее сторону в результате какого-либо нового обязательства, например, предъявления Германией ультиматума или ее отказа соблюдать нейтралитет Бельгии. Последняя возможность открылась Грэю в связи с «притязаниями» Бетмана добиться нейтралитета Англии, которые «подобно прожектору» осветили положение с новой стороны [141].

В пятницу, 31 июля, на следующий день после того как Бетман предложил свою сделку, Грэй решил выяснить бельгийский вопрос. Для этого он обратился к французскому и германскому правительствам, требуя гарантии от них, что каждое из них будет соблюдать нейтралитет Бельгии до тех пор, пока другая держава не нарушит его [142]. Об этом шаге он поставил в известность и брюссельское правительство, добавив при этом: «Я предполагаю, что Бельгия приложит все свои силы для сохранения нейтралитета и что она желает и ожидает, что и другие державы будут соблюдать и поддерживать его» [143]. Франция немедленно дала полное заверение в положительном смысле [144].

Но в Берлине Ягов заявил английскому послу, что он затрудняется дать ответ, не посоветовавшись с Бетманом и с кайзером. «Он вообще сомневается, смогут ли они ответить на данный вопрос, так как любой ответ, который они могли бы дать, в случае войны неминуемо имел бы то нежелательное последствие, что он раскрывал бы в известной степени план их кампании» [145].

Однако еще в ту же пятницу, прежде чем ему стал известен двусмысленный ответ Германии относительно Бельгии, Грэй, в согласии с Никольсоном и Кроу, пришел к решению, что долг чести по отношению к Франции и собственные материальные интересы Англии настоятельно требуют от нее вмешательства на стороне Франции и России. Утром он заявил германскому послу, что, если Германия выдвинет какое-либо разумное предложение, которое бы ясно показывало, что Германия и Австрия стремятся сохранить мир в Европе, он поддержит это предложение. Если же Франция и Россия не примут его, то он — как это и вполне логично — заявит, что последствия не будут его ни в какой степени интересовать. «В противном же случае, — предупредил он Лихновского, — если Франция будет вовлечена в войну, мы также окажемся втянутыми» [146].

Грэй конфиденциально сообщил Камбону о своем заявлении Лихновскому, но осторожно объяснил при этом, что это не означает взятия на себя какого-либо обязательства по отношению к Франции и что он не может заранее связать парламент каким-нибудь решением [147]. Камбон смог только сообщить в Париж, что Грэй, «который является

---

[141] См. выше прим. 42—45.

[142] Грэй — Берти и Гошену 31 июля в 5 ч. 30 м. дня, B. D. 148. Этот шаг был предпринят по решению кабинета в заседании, происходившем утром, прежде чем он узнал о мобилизации России и последовавшем затем объявлении «состояния, угрожающего опасностью войны» в Германии; ср. донесения Камбона Вивиани 31 июля в 8 ч. 40 м. вечера.

[143] Грэй — Вилье, 31 июля 6 ч. 15 м. дня, B. D., 351.

[144] Берти — Грэю, 1 августа в 1 ч. 12 м. дня, получена 2 ч. 15 мин. утра, B. D., 382.

[145] Гошен — Грэю, 1 августа, 2 ч. утра, получено в 3 ч. 30 м. утра; B. D., 383.

[146] Грэй — Гошену, 31 июля, 2 ч. 45 м. дня, B. D., 340; ср. K. D., 489, 496, 497.

[147] Грэй — Берти, 31 июля, B. D., 367; Poincaré, IV, 440 сл.

сторонником немедленного вмешательства, на следующее утро снова обсудит с кабинетом этот вопрос» [148].

1 августа Камбон, которому стало известно об ультиматуме Германии и о намерении Франции объявить мобилизацию [149], вновь обратился к Грэю. Он энергично настаивал, что Англия обязана помочь Франции, как ввиду сосредоточения французского флота в Средиземном море, вследствие чего без помощи со стороны Англии северный берег останется незащищенным, так и ради британских интересов. «Если мы [англичане] не поможем Франции — заявил Камбон — то и Антанте наступит конец, и одержит ли победу Германия, или Франция и Россия, — наше положение в конце войны будет чрезвычайно неудобным». Но Грэй отвечал, что у Англии нет никаких обязательств. Если Франция втягивается в войну помимо своего желания, то это происходит вследствие ее союза с Россией. Англия намеренно воздерживалась от заключения союзов, для того чтобы не оказаться вовлеченной в войну подобным же образом. «Это не означает, что мы ни при каких обстоятельствах не поможем Франции, но это значит, что в настоящий момент Франция должна решать сама за себя, не рассчитывая на нашу помощь, которую мы теперь не в состоянии обещать». В отчаянии Камбон ответил, что он не может передать этот ответ своему правительству, и просил разрешить ему передать, что английский кабинет не пришел еще к какому-либо определенному решению. Для того чтобы смягчить разочарование Камбона, Грэй заявил, что появление германского флота в Ламанше и нападение на французский берег или нарушение нейтралитета Бельгии может изменить отношение общественного мнения Англии и что он поставит на следующее утро эти вопросы на обсуждение кабинета. Пока что Камбон может довести до сведения своего правительства, что еще не принято никакого решения [150].

2 августа было для Англии «днем великих решений». Кабинет заседал почти весь день. Утром английское общественное мнение было еще слишком не выявленным, и внутри самого кабинета существовали слишком глубокие расхождения, не позволявшие притти к какому-либо решению. До 12 часов опасения, что значительное меньшинство выйдет из кабинета и тем самым в критический момент существенно ослабит правительство, заставляло большинство колебаться, несмотря на полученные известия о вторжении германских войск в Люксембург [151].

Нейтралитет Бельгии, — заявил Грэй Камбону вечером, — «вещь

---

[148] Камбон — Вивиани, 31 июля, 8 ч. 40 м. вечера; Poincaré, IV, 442.

[149] Poincaré, IV, 486.

[150] Грэй — Берти, 1 августа, 8 ч. 20 м. дня, и письмо от 1 августа; B. D., 426, 447; Камбон — Вивиани 1 августа; Poincaré, IV, 487.

[151] Вилье — Грэю 2 августа, 10 ч. 50 м. утра, получено 11 ч. 45 мин. утра, B. D., 465; ср. также 466—468, 472. Поль Камбон, повидимому, получил эти сообщения в 8 ч. утра, но не обсудил их с Грэем до 3 ч. дня (ср. C. F. Roux в «Revue des Deux Mondes» 15 августа 1926). Нарушение нейтралитета Люксембурга рассматривалось Греем как значительно менее важный момент, чем нарушение нейтралитета Бельгии, отчасти потому, что Люксембург не расположен у Ламанша, а отчасти потому, что нейтралитет Люксембурга был обеспечен «коллективной гарантией», тогда как нейтралитет Бельгии обеспечивался «индивидуальной гарантией». В первом случае нарушение гарантии одной из давших ее держав освобождало остальных гарантов от их обязательств. Иначе обстояло дело при индивидуальной гарантии, при которой каждый из гарантов продолжал нести свои обязательства независимо от действий других (Ср. Grey, II, 3—10 и E. C. Stowell, The Diplomacy of the War of 1914 (Boston, 1915, стр. 376 сл., 422 сл., 600 сл.)

гораздо более важная» [152], чем нейтралитет Люксембурга. Нарушение последнего не привело само по себе к решительному изменению позиции кабинета. Решающим фактом было получение около 12 часов письма Бонара Лоу, лидера юнионистской партии, в котором он обещал кабинету поддержку своих сторонников в парламенте. Заверения в такой поддержке неофициально сделал уже за три дня перед этим другой видный член юнионистской партии Ф. Е. Смит в письме, отправленном Уинстону Черчиллю; за ним то же повторил лорд Биркенхед [153]. Но письмо Бонара Лоу можно было считать официальным документом, и оно выражало определенные взгляды наиболее выдающихся юнионистских лидеров, к числу которых принадлежал и лорд Ленсдоун, поспешивший в Лондон, чтобы воздействовать своим влиянием. Содержание письма Бонара Лоу было следующее:

«2 августа 1934 г.

Дорогой м-р Асквит, — лорд Ленсдоун и я считаем своим долгом известить вас, что, по нашему мнению, а также по мнению всех коллег, с которыми нам удалось обсудить этот вопрос, колебания в вопросе о поддержке Франции и России при настоящих обстоятельствах были бы роковыми для чести и безопасности Соединенного королевства; мы без колебания предлагаем свою поддержку правительству во всех действиях, которые оно сочтет необходимым предпринять с этой целью» [154].

По получении этого обещания Грэй и кабинет решили дать Камбону гарантию в отношении северного побережья Франции, которую он требовал накануне. Таким образом около 3 часов пополудни Грэй известил французского посла, что «если германский флот войдет в Ламанш или пройдет через Северное море с целью предпринять враждебные действия против французского побережья или флота, британский флот окажет всю ту поддержку, на которую он способен» [155]. Грэй однако добавил, что гарантия должна быть еще одобрена парламентом и что это не означает, что Англия пошлет войска во Францию.

Это было всего только обещание вести войну против Германии в том случае, если германским флотом будут предприняты определенные действия. Тем не менее это было весьма похоже на войну и побудило лорда Морлея и Джона Бернса выйти в отставку. Вместе с тем это чрезвычайно успокоительно подействовало на французов, хотя они и надеялись на большее. Гарантия была дана до того, как Германия предъявила свой ультиматум Бельгии, о котором в Лондоне стало известно только 3 августа утром. Около 7 часов вечера 2 августа германский посланник в Брюсселе передал бельгийскому министру иностранных дел, Давиньону, германские требования, составленные Мольтке 26 июля, отправленные из Берлина 29 июля в запечатанном конверте, который в свою очередь был вложен в другой запечатанный конверт [156]. В этом ультиматуме указывалось,

[152] Грэй — Берти, 2 августа 4 ч. 45 м. дня, B. D., 487.

[153] Churchill, The World Crisis, I, стр. 215 сл.

[154] Сначала напечатано в лондонском «Times» 15 декабря 1914 г. с некоторыми пояснительными замечаниями Бонар-Лоу; ср. также Lord Loreburn, How the War came, стр. 210 и Maxse в «National Review», август 1918.

[155] Грэй — Берти, 2 августа, 4 ч. 45 м. дня, B. D., 487.

[156] См. выше, прим. 49.

что Германия «располагает достоверной информацией относительно предполагаемого продвижения французских вооруженных сил вдоль Мааса по маршруту Живе-Намюр. Эта информация не оставляет никаких сомнений относительно намерения Франции начать наступление на Германию через бельгийскую территорию». И так как можно опасаться, что Бельгия сама не сумеет оказать сопротивление французскому наступлению и так как «самосохранение требует от Германии, чтобы она предупредила враждебные нападения», то Германия, к сожалению, будет вынуждена вступить на бельгийскую территорию. Она не собирается предпринимать никаких враждебных действий против Бельгии. Если королевство будет соблюдать благожелательный нейтралитет по отношению к Германии, то германское правительство обещает при заключении мира гарантировать суверенные права и независимость Бельгии, эвакуировать ее территорию, покупать на наличные все необходимое для германских войск и возместить весь ущерб, который может быть нанесен. Но в случае, если Бельгия окажет сопротивление германским войскам или если она будет разрушать железные дороги и тоннели, «Германия, к своему сожалению, окажется вынужденной рассматривать Бельгию как своего врага». Определенный ответ должен был быть дан в течение 12 часов [157].

Давиньон немедленно довел об этом до сведения короля Альберта. Было созвано заседание совета министров, которое затянулось до глубокой ночи. Оно единогласно признало, что честь и интересы Бельгии требуют отклонения германского требования. Никакие «германские стратегические интересы» не могли оправдать «нарушение международного права». «Если бы бельгийское правительство приняло сделанные ему предложения, оно тем самым принесло бы в жертву честь нации и нарушило бы свой долг по отношению к Европе». Поэтому было «твердо решено отражать всеми возможными, находящимися в распоряжении Бельгии средствами все посягательства на ее права».

Таков был мужественный ответ, который дало маленькое королевство германскому посланнику 3 августа в 7 часов утра [158].

Давиньон, утром 3 августа, немедленно довел до сведения держав об ультиматуме Германии и об его отклонении, но он не обратился тотчас же за поддержкой к державам-гарантам [159]. На первых порах у него, по мнению британского посланника [160], не было уверенности, что со стороны Германии угрожает подлинная опасность, и кроме того он желал в случае нападения показать, что бельгийцы сами в состоянии защитить себя. В соответствии с этим 3 августа король Альберт обратился к королю Георгу только с просьбой о «дипломатическом вмешательстве» для обеспечения нейтралитета Бельгии [161].

---

[157] Ягов — Белову 29 июля и 2 августа, K. D., 376, 648. Германскому посланнику в Брюсселе было поручено сделать некоторые изменения в первоначальном тексте ультиматума, исключив из него тот пункт, где Германия заявляла о своей готовности всячески поддержать требования, которые королевство могло бы предъявить в смысле территориальной компенсации за счет Франции. Кроме того срок на ответ должен был быть сокращен с 20 часов до 12 часов, и нужно было датировать ультиматум более поздним числом, для того чтобы показать, что он только что получен.

[158] Бельгийская «Серая книга», 22 и K. D., 779.

[159] БСК, 23, 24; B. D., 521, 551, 562.

[160] Вилье — Никольсону, 12 августа; B. D., 670.

[161] БСК, 25.

Германский ультиматум Бельгии и категорическое отклонение его стали известны Грэю в понедельник 3 августа около 12 часов [162], незадолго до того, как он должен был произнести свою речь в парламенте и объявить о решении Англии силой отразить нападение Германии на северное побережье Франции. Это дало ему возможность резко и сильно подчеркнуть вопрос о нейтралитете Бельгии, который по его убеждению как раз мог склонить английское общественное мнение к той политике, которую, как он уже решил про себя, надлежало проводить Англии. Чтение телеграмм, поспешные свидания с послами и т.п. не дали ему возможности подготовить настоящую речь [163]. Но то, что он сказал 3 августа в палате общин, было краснопречиво своей простотой и серьезным трагизмом. Грэй начал свою речь с вопроса об обязательствах Англии по отношению к Франции, обрисовал развитие системы союзов со времени первого марокканского кризиса и, впервые сообщая палате об англо-французских военных и морских переговорах и об обмене нотами в 1912 г., подчеркнул, что все «переговоры между военными и морскими экспертами не возлагают никаких обязательств на правительство». «Мы считаем, что все имевшее место в наших дипломатических отношениях с другими державами по этому поводу не ограничивает свободы правительства или свободы палаты общин при решении вопроса о том, какую позицию занять теперь». После этого он сообщил о переводе французского флота в Средиземное море для замещения британского флота, переведенного в английские воды, и о гарантии, данной накануне Камбону.

Наконец он перешел к вопросу о нейтралитете Бельгии, энергично подчеркнул отказ Германии дать ясное обещание не нарушать его; затем остановился на ультиматуме, предъявленном Германией Бельгии, на отклонении его и на обращении короля Альберта с просьбой о «дипломатическом вмешательстве». Если Бельгия потеряет свою независимость, то перестанут быть независимыми также Голландия и Дания; и если Франция будет поставлена на колени и перестанет быть великой державой, то Англии придется стать перед фактом «неимоверного расширения» Германии. Предвидя возражение, что Англия может оставаться в стороне, накапливать силы и вмешаться в конце войны, чтобы защитить свои интересы, он добавил:

> «Если в подобном кризисе мы уклонимся от выполнения тех обязательств в отношении бельгийского договора, которые возлагают на нас наша честь и наши интересы, то я сомневаюсь, чтобы материальная сила (какова бы она ни была), которой мы будем располагать в конце войны, могла бы иметь какую-либо ценность по сравнению с уважением, которого мы лишимся... Даже если мы будем стоять в стороне от войны и до самого конца сохраним такую позицию, я ни на один миг не поверю, что по окончании войны мы будем располагать материальными ресурсами, достаточными для того, чтобы мы могли аннулировать все, что сделает война. Мы не сможем помешать тому, чтобы вся лежащая против нас Западная Европа, если таковым будет результат войны, не подпала под господство одной державы. Я совер-

[162] Вилье — Грэю, 3 августа, 9 ч. 31 м. утра, получено 10 ч. 55 м. утра; B. D., 521.

[163] Ср. G r e y, II, 10—18; речь перепечатана там же, стр. 308—326. Резкую критику см. H. L u t z, Lord Grey and the World War и Count M o n t g e l a s, British Policy under Sir Edward Grey, N. Y., 1928.

шенно уверен, что в моральном отношении наше положение будет таково, что мы потеряем общее уважение. Я должен сказать, что вопрос о Бельгии я поставил в несколько предположительной форме, так как я не вполне уверен во всех фактах, но если факты окажутся действительно такими, как они представлены нам теперь, то совершенно ясно, что долг Англии сделать все возможное для того, чтобы предупредить те последствия, к которым поведут эти факты, если они не встретят противодействия». [164]

Грэй не просил палату общин окончательно одобрить какие-либо определенные меры. Он только в искусной форме ставил палату в известность о том, что им уже сделано, убеждая ее, что руки его еще не связаны и что последнее слово принадлежит парламенту; но вместе с тем он убедительно развивал свою собственную точку зрения, что Англия не должна стоять в стороне. Аплодисменты, которыми была встречена его речь, не оставляли никаких сомнений в том, что парламент поддержит его. После речи и вечернего заседания кабинета Грэй сообщил Камбону, что кабинет решил отправить на следующее утро через английского посла в Берлине требование о взятии обратно ультиматума Бельгии. «Если они ответят отказом, — добавил Грэй, — будет война» [165].

Решимость кабинета была усилена на следующий день, 4 августа, известием, что немцы уже нарушили нейтралитет Бельгии. В 2 часа дня Грэй отправил ультиматум в Берлин. Он упоминал в нем (об ультиматуме Германии Бельгии) и о сообщении, что «нейтралитет бельгийской территории нарушен в Геммепихе». «Ввиду этих обстоятельств, а также ввиду того факта, что Германия отказалась дать в отношении Бельгии такие же заверения, какие Франция дала на прошлой неделе в ответ на наш запрос», Грэй повторял свой запрос и просил сообщить в Лондон положительный ответ не позже 12 часов ночи. Иначе сэр Эдуард Гошен должен будет потребовать обратно свои паспорта, и британское посольство будет передано на попечение американского посла [166].

Гошен отнес ультиматум в германское министерство иностранных дел около 7 часов вечера. Ягов заявил ему, что требуемое заверение не может быть дано. Он уже раньше разъяснял Гошену, что стратегическая необходимость вынуждает Германию наступать на Францию кратчайшим путем через Бельгию, — что это для нее вопрос жизни и смерти. Гошен заявил тогда, что он желает переговорить с канцлером, так как это является для него последним шансом. О свидании с канцлером Гошен рассказывает:

«Я застал канцлера чрезвычайно взволнованным. Его превосходительство тотчас же начал речь, которая длилась около 20 минут.

Он заявил, что шаг, предпринятый правительством его величества, ужасен до последней степени. Из-за одного только слова «нейтралитет», на которое в военное время так часто никто не обращает внимания, — ради какого-то клочка бумаги Великобритания собирается воевать с дружественной державой, которая имеет одно желание — оставаться с ней в дружбе. Этот последний ужасный шаг сделал бес-

[164] Grey, II, 321—322.
[165] Камбон — Вивиани, 4 августа, 12 ч. 17 м. утра; Poincaré, IV, 519.
[166] Грэй — Гошену, 4 августа, 2 ч. дня и 5 ч. дня; B. D., 594, 615.

полезными все его усилия в этом направлении, и вся его политика, которую, как мне известно, он проводил с первого момента вступления на пост канцлера, рассыпалась, как карточный домик... Я ответил, что подобно тому как он и г. фон-Ягов хотели убедить меня в том, что по стратегическим соображениям продвижение через Бельгию и нарушение ее нейтралитета является для Германии вопросом жизни и смерти, я, со своей стороны, хотел бы убедить его, что для чести Англии, так сказать, вопросом «жизни и смерти» является соблюдение ею торжественного обещания сделать все возможное для защиты нейтралитета Бельгии в случае посягательства на него. Этот торжественный договор должен быть соблюден, в противном случае никто не будет доверять обязательствам, взятым на себя Англией. Канцлер ответил: «Но какой ценой будет соблюден этот договор? Подумало ли об этом британское правительство?». Я заметил его превосходительству со всей возможной простотой, что едва ли страх перед последствиями может оправдывать нарушение торжественных обязательств, но его превосходительство был так взволнован, столь явно потрясен известием о нашем поступке и так мало расположен внимать голосу рассудка, что я, не желая подливать масла в огонь, воздержался от дальнейших возражений. Когда я уходил, он сказал, что присоединение Великобритании к врагам Германии является ударом тем более тяжелым, что почти до самого последнего момента он и его правительство работали совместно с нами и поддерживали все наши усилия, направленные к сохранению мира между Австрией и Россией. Я согласился с тем, что это было так. Я сказал, что в известной мере трагичным является то, что пути двух наций расходятся именно в тот момент, когда отношения их сделались более дружескими и сердечными, чем они были на протяжении ряда лет» [167].

Когда пробило 12 часов ночи и Гошен не получил удовлетворительного ответа, Германия и Англия оказались в состоянии войны.

Искра, брошенная в Сараеве, зажгла пожар, которым теперь была объята вся Европа. Сербия и великие державы вступили в борьбу не на жизнь, а на смерть.

---

[167] Гошен — Грэю, 6 августа; B. D, 671; см. также 666, 667.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Ни одна из держав не желала европейской войны. За весьма немногими исключениями главы государств и министры предвидели, что это будет страшная борьба, в политических результатах которой нельзя быть абсолютно уверенным, но которая по количеству человеческих жертв, по страданиям, которые она причинит, и по своим экономическим последствиям будет ужасна. В большей или меньшей степени это приложимо ко всем — к Пашичу, Берхтольду, Сазонову, Пуанкаре, Сан-Джулиано и Грэю. Но никто из них, даже Грэй, не мог предвидеть, что политические результаты будут столь потрясающими, а прочие последствия столь ужасными, как это оказалось в действительности.

Конечно многим державам европейская война могла сулить достижение разных выгод, к которым эти державы стремились: Сербии она сулила завершение национального объединения всех сербов; Австрии — возрождение ее исчезающего престижа в качестве великой державы и обуздание националистических тенденций, угрожавших ее существованию, России — завершение ее исторической миссии подчинением ей Константинополя и проливов; Германии — новые экономические выгоды и восстановление европейского равновесия, которое было нарушено вследствие ослабления Тройственного союза и упрочения Тройственного согласия; Франции — возвращение Эльзас-Лотарингии и уничтожение германской угрозы; наконец Англии — уничтожение германской военной опасности и прусского милитаризма. Все перечисленные здесь выгоды и кроме того ряд других были предметом лихорадочных домогательств и интриг со стороны всех государств к моменту, когда действительно вспыхнула война. Но это еще не доказывает, что кто-нибудь из перечисленных выше государственных деятелей сознательно стремился вызвать войну, чтобы добиться указанных выгод. О мотивах, руководивших этими людьми до войны, нельзя судить по тому, что́ они делали в том абсолютно новом положении, которое возникло, когда они оказались захваченными пожаром, который старались предупредить. И действительно, поскольку дело касается обеих держав, между которыми возник первоначальный конфликт, то они скорее могли добиться того, к чему стремились в конечном итоге, если бы европейская война была отсрочена или совсем не произошла: Пашич знал, что для национального объединения сербов условия будут более благоприятны, если он предварительно консолидирует сербские приобретения, сделанные в балканских войнах, и если Россия тем временем закончит военные—сухопутные и морские—вооружения, что намечалось к 1917 г.; а Берхтольд знал, что у него больше шансов

справиться с великосербской опасностью и укрепить Австрию, если он сумеет избежать вмешательства России и европейской войны.

Верно также, что когда война была объявлена, часть населения приветствовала ее во всех странах восторженными демонстрациями — они были внушительны в Сербии, Австрии, России и Германии, менее внушительны во Франции и почти никакого значения не имели в Англии. Но это еще не значит, что народы желали войны или что они оказали решающее влияние на ее возникновение. Наблюдается курьезное психологическое явление: как только какая-нибудь страна начинает войну, в массах возникает или им внушается безумное патриотическое возбуждение, которое ни в какой степени нельзя рассматривать как показатель их довоенных желаний. Как раз в тех странах, где проявления энтузиазма были особенно сильны, политическое влияние народа на правительство было слабее, чем где-либо.

Тем не менее европейская война вспыхнула. Спрашивается, почему?

Потому что во всех странах политические и военные вожди предпринимали действия, которые повлекли за собой мобилизацию и объявление войны, или же не делали того, что могло бы предупредить это. В этом смысле все европейские страны являются в большей или меньшей степени ответственными. Необходимо отбросить тезис Версальского договора, что ответственность падает всецело на Германию и ее союзников. Это решение было навязано победителями побежденным, оно было продиктовано слепотой и невежеством, ненавистью и пропагандистским извращением истины, которые породила война. Оно было основано на доказательствах несовершенных и не всегда доброкачественных. Лучшие историки во всех странах одинаково признают, что это утверждение не выдерживает критики. Они согласны с тем, что ответственность за войну падает на всех. Но они еще расходятся в оценке, какая именно часть ответственности падает на отдельные страны и на отдельных политических или военных вождей.

Некоторые писатели склонны с математической точностью устанавливать размеры ответственности за войну. Так поступили авторы статьи 231 Версальского договора. Это в несколько ином порядке делали те, кто желал установить относительную степень ответственности, и например ставили на первом месте Австрию, за нею — Россию, Францию, Германию и Англию. Но автор этой книги относится отрицательно к попыткам установить точную формулу в столь сложном вопросе, где приходится оперировать полутонами, а не резким противопоставлением черного и белого. «Чрезмерное упрощение является врагом точности», — сказал в свое время Наполеон при составлении своего кодекса. Но если даже допустить, что можно выработать общее мнение по вопросу об относительной ответственности какой-либо отдельной страны или отдельного человека за непосредственные причины, связанные с июльским кризисом 1914 г., то это еще отнюдь не значит, что в одинаковой степени распределяется ответственность и за более глубокие причины, которые в течение многих лет постепенно создавали опасное положение.

Попробуем вкратце резюмировать наиболее выдающиеся факты, касающиеся отдельных стран.

У Сербии было естественное и заслуживающее полного оправдания стремление сделать то, что многие страны сделали в течение XIX века,

объединить под общим национальным правительством весь недовольный своей участью сербский народ. Она освободила сербов, находившихся под турецким владычеством; следующий шаг вел к освобождению сербов, находившихся под владычеством Габсбургов. Она ожидала помощи от России, и ее заверяли, что она эту помощь получит. После убийства эрцгерцога Пашич не принял никаких мер, для того чтобы разыскать и предать суду находившихся в Белграде сербов, которые были замешаны в заговоре. Одному из них, Цигановичу, даже помогли скрыться. Пашич хотел выждать и посмотреть, какие доказательства сумеют представить австрийские власти. Когда Австрия потребовала сотрудничества австрийских чиновников в розыске замешанных в деле сербов, но не в суде над ними, сербское правительство дало примирительный по форме, но в сущности отрицательный ответ. Сербы ожидали, что ответ их не будет признан удовлетворительным и, еще до того как вручили его, отдали распоряжение о мобилизации армии. Сербия не желала войны, но считала, что ее принудят воевать. Пашич знал о заговоре еще за три недели до его осуществления; он не предпринял решительных шагов, для того чтобы помешать убийцам перейти сербскую границу; он не сделал Австрии никакого предостережения или сообщения, которое могло бы предупредить роковое преступление. Однако эти обстоятельства не были известны Австрии в июле 1914 г., поэтому нельзя приводить их в оправдание действий Австрии. Но они возлагают на Сербию часть ответственности, притом весьма серьезную часть.

Австрия в большей степени, чем какая-либо другая держава, ответственна за непосредственное возникновение войны. Однако ей самой казалось, что она действует в состоянии самообороны не против непосредственного военного нападения, но против разлагающей великосербской и югославянской агитации, которая, по мнению ее вождей, угрожала ее существованию. Ни от одного государства нельзя требовать, чтобы оно сидело сложа руки и ждало, пока его раздробят на части его соседи. Подозревали, что Россия, вместе с Сербией и Румынией, ведет интриги против двуединой монархии. Убийство наследника престола в результате заговора, подготовленного в Белграде, требовало сурового возмездия; в противном случае Австрию сочли бы неспособной к действию, «прогнившей», как выражалась сербская печать; она утратила бы свой престиж и ускорила бы свой распад. Для того чтобы предупредить это, Берхтольд решил сокрушить Сербию в войне. Он нарочно составил ультиматум с таким расчетом, чтобы он был отвергнут. Он поспешил с объявлением войны Сербии, чтобы опередить всякие попытки посредничества. Он не отвечал даже своей союзнице на настоятельные требования притти к соглашению с Россией на основе военной оккупации Белграда в виде залога того, что Сербия выполнит обещание, данное ею в ответ на ультиматум. Берхтольд делал ставку на локализированную войну с Сербией, считая, что он может бряцать германским мечом, и он предпочитал вовлечь всю остальную Европу в войну, чем отказаться от войны с Сербией.

Представляется чрезвычайно сомнительным, действительно ли упорное стремление Берхтольда умалить Сербию и уничтожить ее значение как фактора балканской политики были в конечном итоге правильным методом, даже если бы ему и удалось локализировать войну и временно усилить двуединую монархию. Если допустить, что Россия в 1914 г. вследствие военной неподготовленности или недостаточной поддержки со стороны

союзников согласилась бы примириться с осуществлением намерений Берхтольда, то совершенно несомненно, что через два-три года Россия захотела бы стереть это второе унижение, которое еще более умаляло ее престиж, чем унижение, причиненное ей в 1908/09 г. Через два-три года Россия завершила бы выполнение своей обширной программы военных реформ и несомненно сумела бы найти предлог снова изменить соотношение сил на Балканах в свою пользу. Дальнейшим последствием политики Берхтольда, даже в случае успеха, было бы еще большее сплочение Тройственного согласия, к которому к тому же могла бы присоединиться Италия. И, наконец, частичное расчленение Сербии явилось бы еще большим источником смуты и создало бы еще большую опасность делу мира в Европе, чем это было до сих пор. Сербский национализм приобрел бы вследствие раздела еще бóльшую силу, так же, как это было с польским национализмом. Могущество и престиж Австрии не выросли бы настолько, чтобы противостоять этим новым опасностям.

План Берхтольда мог дать только временное улучшение, но не обеспечивал окончательного разрешения австро-сербских противоречий. Франц-Фердинанд и многие другие понимали это, и пока он был жив, не предпринималось никаких шагов в этом роковом направлении. Трагическая судьба Австрии заключается в том, что единственный человек, который по своей власти и способностям мог повести Австрию по пути здорового развития, стал невинной жертвой преступления, послужившего поводом для мировой войны и для окончательного распада Австрии.

Германия не затевала европейской войны. Она не хотела ее и честно и добросовестно, хотя и слишком поздно, прилагала старания к тому, чтобы избежать ее. Она была жертвой своего союза с Австрией и своего собственного безумия. Австрия была ее единственным надежным союзником, Италия и Румыния стали союзниками только по имени. Она не могла справиться с Австрией, ибо в таком случае она оказалась бы изолированной, имея с одной стороны Россию, где панславизм и вооружение с каждым годом становились все сильнее, а с другой стороны — Францию, где еще не забыли Эльзас-Лотарингию, падение Делькассе и Агадир. Поэтому Бетман чувствовал себя вынужденным удовлетворить просьбу Берхтольда о поддержке и предоставил ему свободу действий в отношении Сербии. Он также надеялся, что удастся локализировать австро-сербский конфликт. Германия дала Антанте основание заподозрить искренность своих мирных намерений, отрицая свою осведомленность относительно ультиматума, а также тем, что поддерживала и оправдывала его, когда он был опубликован, и отвергла предложение Грэя о созыве конференции. Но Германия отнюдь не держала Австрию в своей власти, как это полагали державы Антанты и многие авторы. Верно то, что Берхтольд по всей вероятности не решился бы на свою рискованную политику, если бы его не заверили в готовности Германии выполнить союзные обязательства, и в этих пределах Германия разделяет большую ответственность, падающую на Австрию. Но когда Бетман понял, что Россия может вмешаться, что Англия, пожалуй, не останется нейтральной и что угрожает мировая война, причем подстрекателями будут считать Германию и Австрию, он попытался остановить Австрию. Но уже было слишком поздно. Он настаивал в Вене на принятии предложения о посредничестве, но Берхтольд уже не реагировал на оказываемое давление, и державы Антанты

не верили в искренность этого давления, в особенности, когда оно не дало никаких результатов.

Географическое положение Германии между Францией и Россией, меньшая численность ее армии, — все это вызвало необходимость предусмотреть в плане в первую очередь быстрый разгром французской армии, чтобы затем обратиться против России. Такой план, по мнению германских стратегов, был осуществим только при проходе через Бельгию, и все военные предполагали, что Германия именно так и поступит в случае европейской войны. 29 июля, после того как Австрия объявила войну Сербии и после того как царь согласился на общую мобилизацию в России (хотя об этом не было известий в Берлине и хотя эта мобилизация была отложена на один день вследствие телеграммы кайзера царю), Бетман из предосторожности отправил своему посланнику в Брюсселе запечатанный конверт. Посланник не должен был вскрывать его до получения дальнейших инструкций. В конверте заключалось требование пропустить германскую армию через Бельгию. Это не значит однако, что Германия решила воевать. В действительности Бетман одним из самых последних среди государственных деятелей оставил всякую надежду на мир и согласился на мобилизацию армии в своей стране. Общая мобилизация на континенте происходила в следующем порядке: сначала Сербия, затем Россия, Австрия, Франция и Германия. Общая мобилизация великих держав обычно понималась военными во всех странах так, что данная страна собирается начать войну, что военная машина пришла в движение и уже не будет остановлена. Возможно, что это не понималось так Грэем, царем и некоторыми штатскими сановниками. Поэтому, когда Германия узнала об общей мобилизации в России, она отправила ультиматумы в Петербург и Париж, предостерегая, что если Россия не отменит у себя мобилизации в течение 18 часов, то Германия мобилизует свою армию. Вместе с тем Германия запросила, какова будет позиция Франции. Ответ получился неудовлетворительный. Тогда Германия произвела мобилизацию и объявила войну. Именно поспешная общая мобилизация в России, решенная уже 29 июля и объявленная 30 июля, когда Германия еще пыталась побудить Австрию принять предложения о посредничестве, сделала под конец европейскую войну неизбежной.

Россия отчасти несет ответственность за австро-сербский конфликт ввиду своих неоднократных заявлений в Белграде, что национальное объединение сербов будет в конечном итоге достигнуто за счет Австрии при поддержке России. Это дало белградскому кабинету основание надеяться на поддержку России в случае войны с Австрией, и надежда эта не обманула его в июле 1914 г. Правда, раньше, во время боснийского кризиса и балканских войн, Россия сдерживала Сербию, потому что, будучи обессилена русско-японской войной, она еще не была готова к борьбе с двумя немецкими державами. Но в 1914 г. ее вооружение, хотя еще и не было закончено, сделало уже такие успехи, что военная партия была уверена в удаче, если Россия будет поддержана Францией и Англией. Весной 1914 г. военный министр Сухомлинов напечатал в одной газете статью, правда без подписи, заявлявшую, что «Россия готова, Франция тоже должна быть готова». Австрия была убеждена, что Россия в конце концов поможет Сербии, если против сербской опасности не будут приняты энергичные меры после смерти эрцгерцога. Она знала, что Рос-

сия становится с каждым годом все сильнее, но она сомневалась, чтобы вооружения царя уже достигли той точки, когда Россия решилась бы вмешаться. Ей казалось, что она менее рискует навлечь на себя вмешательство России и вызвать европейскую войну, если воспользуется убийством эрцгерцога как предлогом для ослабления Сербии, чем если она отложит свое выступление на будущее.

На Россию также падает ответственность за то, что она тайком проводила подготовительные военные меры, в то время как вела дипломатические переговоры. Это встревожило Германию и Австрию, но окончательная катастрофа была ускорена главным образом общей мобилизацией в России, произведенной в то время, когда Германия пыталась побудить Австрию к соглашению. Это вызвало мобилизацию в Германии и объявление войны с ее стороны.

Роль Франции менее ясна, чем роль других европейских держав, потому что она еще не опубликовала полностью своих документов. Правда, Пуанкаре в четырех томах своих мемуаров очень искусно и старательно доказывает тезис о France innocente (невинная Франция), но его доводы мало убедительны. Несомненно, что во время своего визита в Россию он заверил царское правительство, что Франция будет поддерживать его как союзница и не допустит, чтобы Австрия унизила или разгромила Сербию. Палеолог повторил эти заверения, для того чтобы побудить Россию держаться стойкой политики. Он не пытался удержать Россию от военных мероприятий, которые, как он знал, должны будут побудить Германию на ответные мероприятия и вызовут войну. Он не осведомлял также достаточно быстро и исчерпывающе свое правительство о военных шагах, которые предпринимались в Петербурге. Президент Пуанкаре, вернувшись во Францию, прилагал старания к тому, чтобы сохранить мир, но его главной целью было умаление значения французских и русских подготовительных мероприятий и подчеркивание того, что делала Германия, чтобы этим обеспечить себе поддержку Британии в той борьбе, которую он теперь считал неизбежной.

Грэй сделал ряд искренних предложений, направленных к сохранению мира. Они все потерпели неудачу, причем отчасти, но не всецело, вследствие позиции, занятой Германией. По всей вероятности Грэй мог бы предупредить войну, если бы он сделал одно из двух: он мог в начале кризиса уступить настояниям Франции и России и сурово предупредить Германию, что в случае европейской войны Англия станет на сторону франко-русского союза; по всей вероятности это побудило бы Бетмана еще раньше и более энергично оказать давление на Австрию. Этим он, пожалуй, мог бы предупредить объявление Австрией войны Сербии и обеспечил бы успех непосредственных переговоров между Веной и Петербургом. Или же Грэй мог уступить настояниям Германии и предостеречь Францию и Россию в самом начале кризиса, что если они будут вовлечены в войну, то Англия останется нейтральной. Тогда Россия по всей вероятности не решилась бы предпринять свою мобилизацию, а Франция, вероятно, оказала бы сдерживающее влияние на Петербург. Но Грэй не мог заявить, что Англия станет на сторону Франции и России, потому что члены кабинета разделились в своих мнениях почти поровну и он не был уверен в начале кризиса, что общественное мнение Англии поддержит его в войне против Германии. Он мог подать в отставку и в своих мемуарах он

говорит, что поступил бы так, но это не принесло бы пользы Франции, которая была уверена, что может рассчитывать на британскую поддержку. Поэтому он решил не говорить и не делать ничего такого, что могло внушить Франции надежды, которые он не в состоянии был бы потом осуществить. Несмотря на настояния французов, он отказывался давать определенные заверения, пока выявившееся намерение Германии пройти через Бельгию не дало ему уверенности, что кабинет, парламент и английское общественное мнение последуют за ним в решении объявить войну Германии. С другой стороны, он не желал уступить убеждениям Германии и оказать сдерживающее влияние в Париже и Петербурге, потому что не хотел ставить под угрозу англо-русское согласие и солидарность Тройственного согласия, а также потому, что считался с моральными обязательствами по отношению к Франции ввиду англо-французских переговоров, которые велись по военным и морским делам за последние годы. Кроме того он подозревал, что Германия поддерживает Австрию в ее ничем не оправдываемых действиях и что прусские милитаристы овладели властью в Берлине, вырвав ее из рук Бетман-Гольвега.

Италия оказала сравнительно мало влияния на кризис в каком-либо направлении.

Бельгия ничего не сделала, что могло бы оправдать требования, предъявленные ей Германией. При первом же известии о злополучном австрийском ультиматуме Бельгия с благоразумием, заслуживающим всяческой похвалы, поняла опасность, которая ей может угрожать. Поэтому она разослала своим дипломатическим представителям за границей инструкции, в которых указывалось, какие заявления должны они сделать в случае, если Бельгия внезапно решит произвести мобилизацию для защиты своего нейтралитета. 29 июля она перевела свою армию на усиленное военное положение, но распоряжение о полной мобилизации было отдано только два дня спустя, когда Австрия, Россия и Германия уже мобилизовали свои армии и война оказалась неизбежной. Даже после получения ужасного германского ультиматума в 7 часов вечера 2 августа Бельгия не сразу обратилась к Англии и Франции с просьбой, чтобы их войска помогли защитить ее территорию и нейтралитет от неизбежного германского нашествия. Только когда германские войска 4 августа фактически нарушили ее нейтралитет, она обратилась за помощью к державам, гарантировавшим этот нейтралитет. Бельгия была невинной жертвой германской стратегической необходимости. Хотя посягательство Германии на Бельгию оказало огромное влияние на общественное мнение и его оценку ответственности за войну, но это было уже после начала военных действий, и не явилось причиной войны, а только облегчило Грэю задачу добиться вмешательства Англии в войну.

Как мы видели, в течение 40 лет, следовавших за франко-прусской войной, развивалась система союзов, разделявшая Европу на две враждебные группы. Эта вражда еще обострилась вследствие усиления вооружения, экономического соперничества, национальных вожделений и антагонизмов и вследствие натравливания прессы. Но представляется весьма сомнительным, чтобы все эти опасные тенденции действительно привели к войне, если бы не совершилось убийство Франца-Фердинанда. Оно явилось тем фактором, который сплотил элементы, объединенные общей враждой, и определило быструю сложную смену событий, которые завершились

мировой войной. Ответственность за это падает в первую очередь на сербский национализм.

Решение Версальского договора, что Германия и ее союзники несут ответственность за войну, является исторически необоснованным, если принять во внимание документы, которые стали теперь доступными. Поэтому необходимо было бы пересмотреть его. Однако ввиду настроения, господствующего в широких массах некоторых стран Антанты, представляется сомнительным, чтобы уже теперь возможен был формальный и легальный пересмотр договора. Для этого предварительно потребуется дальнейший пересмотр вопроса учеными историками, а через их посредство должен будет совершиться поворот в общественном мнении.

ДОПОЛНИТЕЛЬНЫЕ ПРИМЕЧАНИЯ ФЕЯ КО 2-му АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ

К стр. 2 прим. 4.

За последнее время биографический материал об эрцгерцоге Франце-Фердинанде обогатился несколькими интересными работами:

Theodor von Sosnosky, Franz-Ferdinand (München — Berlin 1929); Leopold von Chlumecky, Erzherzog Franz-Ferdinands Wirken und Wollen (Berlin 1929) и Victor Eisenmenger, Erzherzog Franz-Ferdinand (Wien 1929).

К стр. 30 прим. 59:

Дальнейшие подробности о боснийских маневрах см. у L. Schnagl Die Manöver in Bosnien im Jahre 1914, KSF, VI, 873—881, сентябрь 1928.

К стр. 34 прим. 3:

Недавно Альберт Муссэ напечатал во французском переводе якобы полный стенографический отчет о процессе: A. Mousset, L'Attentat de Sarajevo (Paris 1930). Эта книга содержит некоторые несущественные подробности, которые отсутствуют у Фароса.

Сведения, собранные губернатором Боснии Потиореком в ближайшие дни после убийства и передававшиеся им ежедневно в шифрованных телеграммах в Вену, стали доступны, благодаря последним публикациям австрийских документов. Эти сведения вдвойне интересны: отчасти потому, что они содержат первые признания, полученные от убийц, когда они еще пытались скрыть своих соучастников, отчасти же потому, что из этих телеграмм видно, какими сведениями располагали венские власти в то время, когда поспешно составляли свой ультиматум Сербии и досье, предназначавшееся для держав. См. OeU. A., VIII, №№ 9939, 9940, 9947—9, 9975, 9991—2, 10023, 10066—7. 10109, 10137, 10184—6, 10207, 10224—5, 10249—50, 10272, 10313—4, 10346, 10372, 10374, 10390—1, 10426—9, 10467—9, 10505—9, 10558—62.

К стр. 36.

Если говорить о происхождении организации «Черная рука», то, пожалуй, не совсем правильно называть Димитриевича ее организатором. Первые шаги для создания этой организации, повидимому, были предприняты Богданом Раденковичем и Войей Танкосичем (имена, которые фигурируют за №№ 1 и 7 в списке членов организации). Кроме них принимали участие еще один-два человека. Но Димитриевич вскоре стал главным руководителем организации. Дополнительные сведения о нем можно найти и в публикации австрийских документов; Oe.-U. A., где его имя часто упоминается, passim; M. Bogitchevitch, Le Colonel Dragoutine Dimitrievitch Apis (Paris 1928); A. Szanto Apis, der Führer der «Schwarzen Hand»(Berlin 1928); см. также указания в дальнейших дополнительных примечаниях

К стр. 46.

Мое заключение относительно того, что Пашич знал об убийстве, повидимому, подтверждается заявлением сербского офицера, сделанным в 1915 г. Магрини, который воспроизводит его в своей книге «Сараевская драма» — L. Magrini, Il Dramma di Sarajevo (Milano 1929) стр. 106 сл.

К стр. 48—58.

По темному вопросу относительно «Народной Одбраны» и «Черной руки» за последнее время опубликовано много данных из разных источников. См. ряд указаний в австрийских официальных документах, а также несколько статей Поповича и «Марко» (псевдоним Поповича?), напечатанных в 1927—1928 гг. в загребском журнале «Nova Europa» (журнал этот в течение нескольких месяцев был запрещен ввиду «несоответствия» его

нынешнему режиму в Югославии); Oskar T a r t a g l i a, Veleizdajnik (предатель) (Загреб-Спалато 1928), L. M a g r i n i, Il Dramma di Sarajevo (Milano 1929); J. A. Z h i b e r t, Der Mord von Sarajevo und Tiszas Schuld am Weltkriege (Leibach 1919); A. von W e g e r e r, Die Wiederlegung der Versailler Kreigsschuldthese (Berlin 1928); Friedrich von W i e s n e r, Die Schuld der serbischen Regierung am Mord von Sarajewo», KSF, VI, 307—395, April 1928; большинство этих работ использованы профессором Бернадоттом Шмиттом (Bernadott E. Schmitt) в превосходном изложении деятельности «Народной Одбраны» и «Черной руки», которое он дает в своей книге «The Coming of the War 1914» (New York 1930) I, 179—228.

К стр. 51.

История с телеграммой, гласившей «с обеими лошадьми покончено», напечатанная в газетах и перепечатанная у Конрада, повидимому, ни на чем не основана. Расследование, произведенное австрийскими властями через несколько недель после убийства эрцгерцога, обнаружило, что никакой такой телеграммы из Сараева отослано не было, равно как и не была она вручена Прибычевичу. Oe. - U. A. VIII, №№ 10425, 10468.

К стр. 57, прим. 54:

Главные факты относительно Цигановича приведены в Oe. - U. A., VIII., № 10505; ряд других указаний на них см. также IX, 24 под словом «Цигановичъ»;

К стр. 59, прим. 61.

См. также Stefan Freiherr von S a r k o t i c, Der Hochverats - Prozess von Banjaluka, KSF, VII, 30—47, январь 1929; Josef B r a u n e r, Bosnien und Herzogowina, Politik, Verwaltung und leitende Personen vor Kriegsausbruch, там же, 313—344, апрель 1929 г.

К стр. 64, прим. 84.

О различных сомнительных слухах, которые ходили о Габриновиче см. Schmitt, I, 212—218. Главнейшие факты о нем в австрийских документах см. Oe.-U.A. III, №№ 9940, 9943, 9947, 9991—2, 10056, 10073, 10109, 10117, 10123—4, 10139, 10152.

К стр. 69. прим. 103.

Оскар Тарталия, который утверждает, что он сам был членом «Черной руки», заявляет в ряде статей, помещенных в сараевской «Вечерней почте» за время с 29 сентября по 6 октября 1928 г., что Принцип действовал в первую очередь как агент «Черной руки», и что франкмасоны не имели ничего общего с заговором (резюме его статей см. KSF, VII, 91—94, январь 1929 г.).

К стр. 72, прим. 114.

Иован Иованович рассказывает будто, кроме Принципа, Габриновича и Грабеца еще пять молодых людей отправились из Белграда в Боснию с целью убить эрцгерцога. Если верить его словам и если он на самом деле видел досье о них, то он мог бы сделать интересный вклад в историю, если бы подробно сообщил содержание этого досье. Но вряд ли он этим ослабит основательность австрийских жалоб на то, что Белград являлся опасным центром заговоров, направленных против двуединой монархии.

К стр. 81. прим. 9.

На суде Габринович отрицал правильность показаний Митро: A; M o u s s e t, L'Attentat de Sarajevo (Paris 1930), стр. 484.

К стр. 88—91.

Относительно домашней ссоры между сербскими гражданскими и военными властями, а также по вопросу о «приоритете» в настоящее время можно почерпнуть гораздо более интересные сведения из депеш, напечатанных в Oe. - U. A. VII—VIII, №№ 9216 2960, 9485, 9649, 9673, 9702, 97034, 9809, 9819, 9844, 9864, 9908, 9919, 9922.

Высказанное мною мнение (т. II, гл. II, III, XI), что Пашич и члены его кабинета знали о заговоре еще до того, как убийцы выехали из Белграда, повидимому подтверждается заявлением, приведенным у Шмитта (Schmitt, I, 235), которое будто бы Люба Иованович сделал Муссе в 1925 г.: «О приготовлениях к покушению было сообщено Пашичу, Иовану Ивановичу, сербскому посланнику в Вене, и мне — правда, в довольно неопределенных выражениях («en termes assez imprécis») в конце мая или в начале июня Миланом

Прибычевичем. Это подтверждает мое мнение (стр. 95—103), что Пашич сделал по поводу этого какой-то намек Йовану Йовановичу в Вене, который на этом основании сделал неопределенное предостережение в самых общих выражениях Билинскому.

К стр. 104—113.

Много новых и интересных подробностей относительно развития легенды о потсдамском совещании собрал Kurt J a g o w в статье Der Potsdamer Kronrat, напечатанной в «Süddeutsche Monatshefte», XXV, вып. II, авг. 1928 г., стр. 775—825. Значительная часть этих сведений воспроизведена по-английски проф. Шмиттом (Schmitt, I, ch. V), особенно стр. 321—141.

К стр. 124—140.

Берхтольд первоначально надеялся, что ему удастся заручиться поддержкой Германии для выступления против Сербии, если он лично переговорит с императором Вильгельмом, который собирался прибыть в Вену на похороны эрцгерцога. Когда он узнал, что император Вильгельм изменил свое намерение и уже не собирается приезжать на похороны, он решил отправить меморандум о балканской политике вместе с письмом Франца-Иосифа в Берлин обыкновенным курьером. Но под самый конец он все-таки передумал и решил отправить этот документ с графом Гойосом. Гойос прибыл в Берлин приблизительно в 9 ч. 30 м. утра в воскресенье и немедленно отправился к Сегени, чтобы передать ему меморандум и письмо. Относительно того, что он говорил Сегени, можно делать только предположения. Приблизительно около полудня, когда Сегени, поехал в Потсдам, Гойос отправился в министерство иностранных дел и там имел беседу с Циммерманом. О чем они говорили, в точности неизвестно, так как никто из них не записал этого разговора. На следующий день, в понедельник после полудня. Гойос присутствовал на совещании Бетмана, Циммермана и Сегени. Об этом совещании Бетман и Сегени отправили телеграммы (первый — Чиршки, второй — Берхтольду), которые не совсем одинаково передавали то, что происходило на совещании (о разговорах с Гойосом см. Kurt J a g o w. Der Potsdamer Kronrat, стр. 780 слл.). Нет никакой возможности в точности установить, в какой мере Гойос «получил инструкции от Берхтольда» устно объяснить его намерения и комментировать меморандум и письмо Франца-Иосифа и в какой мере он говорил по собственной инициативе, не имея на это полномочий (S c h m i t t, I, 279, 343 прим.). Несмотря на доводы проф. Шмитта, я продолжаю думать, что нет возможности в точности сказать, какое впечатление осталось у императора Вильгельма, Бетмана и Циммермана относительно намерений Берхтольда после того, что им сказал Гойос. Я склонен думать, что впечатление, произведенное на них австрийскими планами, было несколько более определенным, чем я указал в тексте, но менее определенным, чем это полагает проф. Шмитт в своей книге.

К стр. 130.

Каким резким ударом явилось для императора Вильгельма, при его впечатлительности, сообщение из Сараева, свидетельствует телеграмма с выражением соболезнования, немедленно отправленная Францу-Иосифу, а также телеграммы, которые он отправил Бетману и великой герцогине Луизе несколько часов спустя. Канцлеру он телеграфировал: «Подлое, презренное преступление, жертвой которого пали мой дорогой друг, его императорское высочество наследник престола и его супруга, потрясло меня до глубины души». А великой герцогине он телеграфировал: «Невероятное несчастье потрясло меня до глубины души. Всего две недели тому назад я был у него, видел его в счастливом семейном кругу. Да поможет бог его несчастным детям и бедному престарелому императору» (Kurt J a g o w, Der Potsdamer Kronrat).

К стр. 131.

Император поехал на автомобиле только из дворца до станции Вильдпарк у Потсдама; остальную часть пути в Киль он проехал в специальном поезде.

К стр. 135—137.

Проф. Шмитт (цит. соч. I, 306, прим.) называет высказанное мною мнение, что Сегени был уже стар и не всегда достаточно точен в своих сообщениях (см. т. II, гл. V, прим. 43 и гл. IX, прим. 40) — искусственной гипотезой. Он говорит, что «несколько натянутые рассуждения, которыми Фей старается доказать, что Бетман не мог быть согласен на то, чтобы держать Италию в неведении, опровергается тем простым фактом, что германский посол в Риме получил вместе с сообщением о решении поддержать Австро-Венгрию приказание ничего не говорить об этом итальянскому министерству иностранных дел. См. те-

леграмму Ягова Флотову от 11 июля. Но телеграмма Ягова от 11 июля не может служить доказательством того, что было сказано за 5 или за 6 дней раньше, а также не свидетельствует о том, что Бетман был согласен на оставление Италии в неведении. По всей вероятности эта телеграмма только отражает те замечания, которые Гойос мог сделать Циммерману (о чем я упомянул), Циммерман мог неофициально согласиться с этими замечаниями. Но отсюда еще не следует, что Гойос обязательно это говорил Бетману. Как я указывал в гл. V, нужно проводить различие между Бетманом, Циммерманом и канцлером. Ягов, который не присутствовал при берлинских разговорах 5 и 6 июля, сначала одобрил согласие Циммермана относительно Италии, если только допустить, что Циммерман его дал. Но так как Ягов был раньше послом в Риме и лучше знал тамошнюю обстановку, то он вскоре пришел к убеждению, что совершенно нелепо держать Италию в неведении. Поэтому 15 июля он послал телеграмму, которую я привожу в гл. V, а несколько позднее телеграмму, на которую я ссылаюсь там же, в прим. 41. Сегени телеграфировал 12 июля (ARB I, 16): «Германское правительство [под каковым, по всей вероятности разумеется Циммерман, может быть Ягов, но во всяком случае не Бетман, который находился в Гогенфинове], с которым мы продолжаем находиться в самом полном согласии, полагает также, как и я, что итальянское правительство не нужно посвящать в эту тайну». Это находится в полном противоречии с телеграммами, посланными Яговым 15 июля и в следующие за тем дни.

К стр. 139. прим. 50.

Во второй фразе конец надо переделать следующим образом:

«который, по всей вероятности, происходил в Берлине с Циммерманом в воскресенье днем, после поездки Сегени в Потсдам или, может быть, в понедельник, после полудня, когда канцлер уже уехал в Киль». Ср. Kurt J a g o w, цит. соч., стр. 787, из которой явствует, что вторая беседа Гойоса происходила в понедельник около 3 часов дня.

К стр. 155—157.

Некоторые венские газеты пытались противодействовать стараниям Берхтольда обмануть Европу. «Neue Freie Presse» от 11 июля обнаружила такую проницательность в своих предположениях относительно намерений, которыми он руководствовался на министерском совещании 7 июля, что у Берхтольда явилось подозрение не «проболтался» ли Билинский репортерам. Но один из подчиненных Билинского указал, что приблизительно такое же сообщение было напечатано за два дня до этого в «Frankfurter Zeitung», которая по всей вероятности получила его от своего венского корреспондента Гуго Ганца. Тисса не был склонен думать, что кто-то «проболтался» и полагал, что кто нибудь из репортеров просто догадался, в чем дело; Oe. - U. A., VIII, №№ 10209, 10211, 10251.

Австрийский посол в Италии полагал, что Италия своей явной осведомленностью относительно намерений Австрии обязана, повидимому, сведениям, почерпнутым из германских источников. Берхтольда это чрезвычайно смущало, так как он боялся, что Италия после этого попытается помешать осуществлению его планов; Oe. - U. A., VIII, №№ 10364, 10389.

К стр. 165.

Мое заявление в конце этой страницы, что британское министерство иностранных дел было убеждено в искренности предложений Бетмана о сближении с Англией, нуждается в некотором изменении, ввиду новых данных, свидетельствующих о том, что Грэй, Гардинг, Никольсон и в особенности Кроу относились с большой подозрительностью к намерениям Германии и приемам ее политики. См. напр. заметки в B. D. VI, 298 сл., 316 сл., 557, 566, 574 сл., 614 сл., 620, 622, 702 сл., 738. Мое убеждение было основано на донесениях Меттерниха, но Меттерних не вполне уяснил себе, сколь подозрительно были настроены английские министры по отношению к берлинским верхам.

К стр. 212.

О визите Пуанкаре в Россию в 1914 г. см. также ст. румынского посланника в Петербурге Диаманди: D i a m a n d y, «Ma mission en Russie» в «Revue des deux mondes» от 15 февраля 1929 г., а также критический очерк: A u g u s t B a c h, Poincaré und der Kriegsausbruch, 1914 (Berlin — Leipzig 1929) 23—78.

К стр. 175—180.

Подробный анализ британской прессы различных оттенков во время июльского кризиса 1914 г. дает Walter Z i m m e r m a n n, Die Englische Presse zum Ausbruch des Weltkrieges.

К стр. 218, прим. 41.

Интересное факсимиле первой страницы сербского ответа, на которой подчистки свидетельствуют, с какой поспешностью он перепечатывался, напечатано в Oe$_5$ - U$_5$ A. VIII, № 10648.

К стр 304.

Эпизод с Local-Anzeiger очень подробно и интересно изложен у A. von Wegerer, Das Extrablatt des Local-Anzeiger, KSF, VII, 1035 — 1076, ноябрь 1929 г., а также «Der bekannte und der unbekannte Markow», KSF, VIII, 157, 161, февраль 1930 г.

К стр. 315—318.

О резком расхождении в британском кабинете между теми, кто не хотел вмешиваться в войну, и теми, кто настаивал на присоединении к Франции, а также относительно весьма интересных подробностей, касающихся последних дней июльского кризиса в Англии см. Lord Morley, Memorandum on Resignation (London 1928) и Harold Nicolson, Lord Carnock (London 1930).

К стр. 337.

См. также J. V. Bredt, Die belgische Neutralität und der Schlieffensche Feldzugsplan (Charlottenburg 1929).

К стр. 352—354.

10 тысяч документов, отпечатанных за последнее время австрийским правительством, склоняют меня в некотором отношении к менее суровой оценке австрийской политики по сравнению с русской. Эти документы ясно показывают, до какой степени Австрия должна была опасаться Сербии (которую в большей или меньшей степени поддерживала Россия) в годы перед убийством эрцгерцога и до какой степени австрийские власти были убеждены, что само существование Австро-Венгрии будет находиться под вопросом, пока не будет предпринят какой-нибудь решительный шаг, для того чтобы покончить с великосербской агитацией. Британский посол в Вене Картрайт писал 31 января 1913 г. Артуру Никольсону: «Сербия когда-нибудь поссорит Европу и вызовет на континенте всеобщую войну. Я не могу вам даже сказать, до какой степени возмущаются здесь постоянным беспокойством, которое эта маленькая страна при поддержке России причиняет Австрии. Будет счастьем, если нынешний кризис не повлечет за собой войны в Европе. Если в следующий раз возникнет кризис из-за Сербии, то я убежден, что Австро-Венгрия откажется допустить какое-либо вмешательство со стороны России и пожелает во что бы то ни стало свести счеты со своим маленьким соседом». Несколько позже, 23 мая, он снова писал: «Эта страна не может допустить никакого раздробления своих провинций, не рискуя тем, что рухнет все здание. Имеются все основания ожидать в ближайшем будущем нового сильного кризиса в этой части света» (Nicolson, Lord Carnock, стр. 390).

Выступление против Сербии было с точки зрения Австрии единственным шагом, который мог обеспечить ей дальнейшее существование как государству. Россия, претендовавшая на роль защитницы Сербии и покровительницы балканских славян, не могла сослаться на столь жизненные для себя интересы. Ее существованию как государства ничто не угрожало. Россия стремилась главным образом сохранить и усилить свой престиж. Выступление Австрии имело в виду локализованную войну, выступление России сделало неизбежной европейскую войну.

СОКРАЩЕНИЕ НАЗВАНИЙ ПЕЧАТНЫХ ИСТОЧНИКОВ

Указатель воспроизводит английский текст. Для «цветных» книг, имеющихся в русском переводе, и для русских публикаций сокращения даны по русским названиям.

Для цитат, взятых из собраний документов, относящихся к периоду до июля 1914, (вроде «Affaires Balkaniques», «G. P.», «Seibert — Schreiner» и «Stieve»), указываются том и страница, ибо документы эти представляют часто длинные депеши, занимающие много страниц, и поэтому ссылка на стр. более точна. Но документы, относящиеся к июлю 1914 г. (вроде документов в «A. R. B.», «B. D.» и т. д.), представляют большей частью коротенькие телеграммы и ссылки на них даются числом, указывающим их номер в соответствующей публикации.

Affaires Balkaniques: Ministère des Affaires Etrangères, les Affaires Balkaniques, 1914, 3 vv., Paris 1922.

АКК — Австрийская «Красная книга» 1915 г.

ARB (Austrian Red Book of 1919) — английское издание австрийских документов о происхождении войны. Diplomatische Aktenstücke zur Vorgeschichte des Krieges, 3 B-de, Wien, 1919. (русского перевода нет.— *Прим. пер.*).

ББК — Британская «Белая книга» 1914.

БСК — Бельгийская «Серая книга».

B. D.: British Documents on the Origins of the War, 1898—1914, edited by G. P. Gooch and Harold Temperley, vv. I—VI, XI, London 1926—1930. (XI том, содержащий документы министерства иностранных дел за период от 28 июня до 4 авг. 1914 г., цитируется просто как «B. D.» и под числом, указывающим номер документа в этом собрании).

Boghitchevitch (Богичевич) M. Boghitschewitsch, Kriegsursachen, Zürich, 1919.

Bourgeois et Pagès: Bourgeois et Pagès, Les Origines et Responsabilités de la Grande Guerre, Paris 1921.

Brandenburg: E. Brandenburg, Von Bismarck zum Weltkriege, Berlin 1924.

Conrad: Feldmarschall Conrad von Hötzendorf, Aus meiner Dienstzeit, 5 B-de, Wien 1922—1925.

D. D. F.: Ministère des Affaires Etrangères, Documents Diplomatiques Francais, 1871—1914, Paris, 1929 сл.

Deutschland Schuldig. Das Deutsche Weissbuch über die Verantwortlichkeit der Urheber des Krieges, Berlin 1919.

Dirr: Dr. P. Dirr, Bayerishe Dokumente zum Kriegsausbruch und zum Versailler Schuldspruch. Dritte erweiterte Auflage. München — Berlin 1925.

Добророльский: S. Dobrorolski, Die Mobilmachung der russischen Armee, 1914, Berlin 1921.

Евтич: B. Jevtitch, Sarajevski Atentat. Sarajevo 1922.

Frantz: Günter Frantz, Russlands Eintritt in den Weltkrieg. Berlin 1924.

Gooss: Dr. Roderich Gooss, Das Wiener Kabinett und die Entstehung des Weltkrieges, Wien 1919.

G. P.: Die Grosse Politik der Europäischen Kabinette 1871—1914, Sammlung der Akten des Deutschen Auswärtigen Amts, 40 B-de, Berlin 1922—1927.

Grey: Viscount Grey of Fallodon, Twenty-five Years, 1892—1916, 2 vv., New York 1925.

Investigating Commission: Die Deutsche Nationalversammlung: Beilagen... über die Offentliche Verhandlungen des (ersten) Untersuchungausschusses; Heft I, Zur Vorgeschichte des Weltkrieges; Heft II, Militärische Rüstungen und Mobilmachungen, Berlin 1920—1921.

K. A.: (Красный архив), 34, Москва 1923—1930.

K. D.: (Kautsky Documents). Die Deutschen Dokumente zum Kriegsausbruch, hrsg. von K. Kautsky, Graf M. Montgelas und Prof. W. Schücking, 4 B-de, Berlin 1919, дополненное издание 1927.

K. S. F.: Die Kriegsschuldfrage: Berliner Monatshefte für internationale Aufklärung. hrsg. von der Zentralstelle für Erforschung der Kriegsursachen, 8 B-de, Berlin 1923 сл.

L. N.: Un livre noir: Diplomatie d'avant-Guerre d'après les Documents des Archives Russes, 1910—1914, ed. R. Marschand, 2 vv., Paris 1922—1923.

Montgelas, Leitfaden: Graf Max Montgelas, Leitfaden zur Kriegsschuldfrage, Berlin — Leipzig 1923.

M. F. R. — Материалы по истории франко-русских отношений за 1910—1914 гг. Москва 1922 г.

M. O. — Международные отношения в эпоху империализма. Документы из архивов царского и временного правительства. 1914—1917.

Nicolson: Harold Nicolson, Sir Arthur Nicolson, Bart. First Lord Carnock, London 1930.

Oe - U. A.: Oesterreich - Ungarns Aussenpolitik von der bosnischen Krise 1908 bis zum Kriegsausbruch 1914. Hrsg. von L. Bittner, A. F. Pribram, H. Srbik und H. Uebersberger, 9 B-de, Wein und Leipzig 1930.

Paléologue: M. Paléologue, La Russie des Tsars pendant la Grande Guerre, 3 vv., Paris 1922.

Pharos: Professor Pharos (псевдоним). Der Prozess gegen die Attentäter von Sarajewo, Berlin 1918.

Poincaré: R. Poincaré, Au Service de la France, 5 vv.. Paris 1926—1928.

Pribram: A. F. Pribram, Die Politischen Geheimverträge Oesterreich-Ungarns 1879—1914, Wien 1920.

Renouvin: P. Renouvin, Les Origines immédiates de la Guerre, 2 éd. Paris, 1927.

РОК — Русская «Оранжевая книга».

Romberg G., von Romberg, Falsifications of the Russian Orange Book, New York 1923.

Schwertfeger: Zur europäischen Politik: Unveröffentlichte (Belgische) Dokumente, herausgegeben unter Leitung von Bernhard Schwertfeger, 6 томов, Berlin, 1919; 2-е изд. 6 томов, 1925.

Seton - Watson: R. W. Seton - Watson, Sarajewo: A Study in the Origins of the Great War, London 1925.

Siebert-Schreiner — G. A. Schreiner-Entente Diplomacy and the World. New York, 1921. Англ. пер.. собрания документов. Diplomatische Aktenstücke zur Geschichte der Entente politik der Vorkriegsjahre, hrsg. B. von Siebert. Berlin—Leipzig 1921, в англ. издании документы расположены в другом порядке и снабжены примечаниями. Новое дополненное немецкое. изд. 3 тт. — Berlin und Leipzig 1928.

ССК — Сербская «Синяя книга» 1914.

Stieve: F. Stieve, Der Diplomatische Schriftwechsel Iswolskis 1911—1914, 4 B-de, Berlin 1924.

Taube: Baron M. de Taube, La Politique Russe d'avant-Guerre et la fin de l'Empire des Tsars, 1904—1917. Paris 1928.

ФЖК—Французская «Желтая книга»; издание французского министерства иностранных дел. — La Guerre Européenne 1914. Paris 1914.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

Предисловие III

Глава первая

Эрцгерцог Франц-Фердинанд 1

Франц-Фердинанд и армия 4
Франц-Фердинанд и флот 10
Политические взгляды Франца-Фердинанда 11
Брак Франца-Фердинанда 18
Свидание в Конопиште — легенда и факты 21
Поездка в Сараево 28

Глава вторая

Заговор 33

Новейшие разоблачения 36
«Народна Одбрана» 48
«Черная рука» 54
Революционное движение в Боснии 58
Подготовка заговора в Белграде 70
Переезд убийц из Белграда в Сараево 73
Убийство 28 июня 1914 г. 76

Глава третья

Ответственность за сараевское убийство 79

Побуждения, которыми руководствовались убийцы . . . . . —
«Свора» убийц и австрийская «халатность» 84
Пашич, «Народна Одбрана» и «Черная рука» 87
Сербия допустила небрежность, не арестовав заговорщиков 90
Действительно ли Сербия «предостерегала» Австрию? 95

Глава четвертая

Легенда о Потсдамском совещании 104

О лицах, якобы присутствовавших на совещании 106
Позиция кайзера в вопросе об отсрочке войны 109
Действительные причины отсрочки . . . . . —
О якобы состоявшейся в ожидании войны продаже ценных бумаг 110
Выводы 113

Глава пятая

Подготовка австрийского ультиматума 114

Император Франц-Иосиф 116
Мирная программа Тиссы 117
Обращение Берхтольда к Германии за поддержкой 124
Выводы относительно позиции Германии 5 и 6 июля 137
Старания Берхтольда переубедить Тиссу 140

Стр.

Доклад Визнера от 13 июля 148
Тисса меняет свое мнение 151
Старания Австрии обмануть Европу 153
Составление окончательного текста ультиматума 157
Австрия пренебрегает советом Германии 160
Что знала Германия об ультиматуме 164

Глава шестая

Русская опасность 173

Визит Пуанкаре в Россию 175
План частичной мобилизации, предложенный Сазоновым 24 июля 181
В Красном Селе 25 июля 190
«Подготовительный к войне период» в России 192
Дипломатические переговоры и военные приготовления 204
Выводы относительно русской угрозы 206

Глава седьмая

Ответ Сербии 210

Составление сербского ответа 213
Сущность сербского ответа 218
Разрыв дипломатических сношений между Австрией и Сербией 222

Глава восьмая

Предложения, направленные к сохранению мира 225

Решающая позиция Англии 226
Предложения Грэя относительно «непосредственных переговоров» между Веной и Петербургом 230
Предложение Грэя о посредничестве между Австрией и Россией 234
Предложение Грэя от 26 июля о созыве конференции послов 240
Непосредственные объяснения между Веной и С.-Петербургом с 26 по 28 июля 250
Выводы 255

Глава девятая

Запоздалые усилия Германии к сохранению мира 256

Германские сомнения относительно «локализации» 257
Совет Германии Австрии 260
Объявление Австрией войны Сербии — 28 июля 266
Предложенный кайзером «план залога» 268
Телеграммы Ники и Вилли 272
Давление, оказанное Бетманом в Вене 275

Глава десятая

Русская мобилизация 281

Заявление Палеолога о поддержке Франции 284
Объявление Австрией войны Сербии 285
Согласие царя на общую мобилизацию в России 288
Отмена царем приказа об общей мобилизации 297
Приказ об общей мобилизации в России 300
«Мобилизация означает войну» 307

Стр.

Глава одиннадцатая

Мобилизация и объявление войны в других странах 309

Франция и 10-километровая зона . . . . . —
Британский флот и предупреждения Германии 315
Бетман и Мольтке 318
Общая мобилизация в Австрии 31 июля 330
«Состояние угрожающее опасностью войны» в Германии, 31 июля 334
Мобилизация во Франции и в Германии 1 августа 340
Англия и Бельгия 343

Глава двенадцатая

Заключение 351

Дополнительные примечания Фея ко 2-му американскому изданию . . 359

Сокращение названий печатных источников 363